

СФЕРА ЕВРАЗИИ

С.Л. Кузьмин

**Теократическая
государственность
и буддийская церковь
Монголии
в начале XX века**

Сфера Евразии

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

С.Л. Кузьмин

**Теократическая государственность
и буддийская церковь Монголии
в начале XX века**

Товарищество научных изданий КМК
Москва ❖ 2016

УДК 94(517)"19"+322(517)(091)"19"
ББК 63.3(5Мон)6-37
К89

Серия «СФЕРА ЕВРАЗИИ»

Редактор серии: К.Г. Михайлов

Кузьмин С.Л.

К89 Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. — 496 с., илл. + 24 с. ч/б вкл. + 21 с. цв. вкл.

Книга посвящена истории теократической государственности в Монголии XX в. от ее основания до ликвидации буддийской церкви там в конце 1930-х гг. Обсуждаются предпосылки и формирование теократии, проблема влияния на это мироустроительных моделей империй Юань, Цин и Китая, роль буддизма и монгольской традиции власти великих ханов в легитимации правления империи Цин Монголией, причины успешного распространения буддизма школы Гэлуг в Монголии и формирование теократических структур. Провозглашение независимости Монголии в 1911 г. было вызвано угрозой ее китаизации вследствие "новой политики" руководства империи Цин. Обсуждаются причины того, почему Внешняя Монголия стала центром государственного строительства монголов в начале XX в. Возведение главы буддийской церкви Внешней Монголии — Богдо-гэгэна VIII великим ханом обсуждается в контексте эволюции традиции преемственности великоханской власти. Описываются политика, административно-территориальная структура, сословное деление, власть, законодательство, экономика, вооруженные силы теократической Монголии, изменения статуса и границ страны, приход к власти Монгольской народной партии, ее меры по ликвидации теократии и церкви, роль в этом Коминтерна и большевистского руководства, движения за сохранение теократии и религии в Монголии, судебные процессы против лам.

Книга предназначена для историков, политологов, востоковедов, религиоведов, этнографов, студентов вузов и всех, кто интересуется историей Центральной Азии.

Ответственный редактор: В.В. Грайворонский

Рецензенты: Ю.В. Кузьмин, А.А. Терентьев

Введение

Монголия — страна с уникальной исторической траекторией. Периоды Великой Монгольской империи — самого большого континентального государства в истории — и Монгольской народной республики (МНР) — первого социалистического государства после РСФСР — издавна вызывают интерес. Казалось бы, идея восстановления Монгольской империи ушла в область исторических преданий. Однако в новой истории был короткий период, когда монголы попытались воплотить эту идею в жизнь. Проект удался не полностью, но привел к реинтеграции части земель в теократическую Монголию, преемником которого стало современное государство Монголия.

Почему монголы к национальному государству пошли по пути теократической монархии — отличающейся не только от республики, но также от монархии Чингис-хана и его потомков? Каковы были историческая основа, легитимация, механизмы возникновения, развития и замены монгольской теократической государственности на республиканскую?

История Монголии XX в. в целом хорошо изучена¹. Меньше работ посвящено периоду от провозглашения теократической монархии в 1911 г. до установления власти Монгольской народной партии (МНП) в 1921 г. Основное внимание в этих работах уделено международным отношениям страны², ее внутреннему и военному положению, экономике³, восстаниям против цинской и китайской власти⁴. Ряд работ посвящен буддийской церкви Монголии до середины XX в.⁵

¹ Напр., Чойбалсан, 1952; Чойбалсан и др., 1979; БНМАУ-ын түүх, 1968; История МНР, 1954, 1967, 1983; Златкин, 1957; Ширендыб, 1956, 1960, 1963, 1971; Златкин, 1957, 1983; Майский, 1921, 1959; Очерки по истории МНРП, 1971; Бат-Очир, Дашжамц, 1971; Базаров, 2002; Лузянин, 2003; Монгол улсын түүх, 2003; История Монголии, 2007; Батсайхан, 2011б, Onon, Pritchatt, 1989 и др.

² Нольде, 1915, 1930; Пунцагноров, 1950, 1955; Сандаг, 1958; Монголын феодализмын..., 1987; Чимитдоржиев, 1987; Лхамсүрэн, 1998; Белов, 1999, 2003; Лузянин, 2003; Богд ханант..., 2001; Коростовец, 2004; Бор, 2006; Дэндэв, 2006; Урангуа, 2006, 2008; Батсайхан, 2007а, б, 2009; Батбаяр, 2008, 2012; Батбаяр, Гомбосүрэн, 2009; Баркманн и др., 2008; Монгол, түвдийн..., 2012; Монгол-Оросын..., 2013; Tang, 1959; Centennial..., 2013.

³ Майский, 1921, 1959; Гомбо, 1958; Чимэд, 1958; Цэдэв, 1964; Нацагдорж, 1968, 1978; Насанбалжир, 1969; Попова, 1987; Пүрэв, 2004; Дэндэв, 2006; Лонжид, 2006; Нямдорж, 2006; Нямаа, Ганболд, 2007; Vreeland, 1953; Rupen, 1979.

⁴ Напр., Белов, 1996а–г, 55–73, 1997, с. 67–68.

⁵ Позднеев, 1880, 1896, 1898; Кушелев, 1912; Котвич, 1914; Цэдэв, 1959; Скрынникова, 1988; Монголын сүм хийдийн..., 2009; Пурэвжав, 1983; Алтанзаяа, 2010, 2011а; Из эпистолярного наследия..., 2011; Bawden, 1961; Lessing, 1942.

Особое значение имеют исследования подготовки и провозглашения независимости в 1911 г.¹, а также государственного управления в 1911–1921 гг.² В последнее время особое внимание уделяется биографии и деятельности последнего великого хана Монголии — Богдо-гэгэна Джебцзундамба-хутухты VIII³. Публикуются транскрибированные на кириллицу старомонгольские тексты по этому вопросу. Наиболее точная из его биографий написана хубилганом Агванпринлэйжамцем (1869–1932). В 2001 г. она переиздана на кириллице в Улан-Баторе⁴. Публикуются и биографии других деятелей теократической Монголии⁵, выходят альбомы старых фотодокументов, многие из которых ранее были неизвестны⁶.

Много работ посвящено анализу политических и социально-экономических преобразований, проводившихся в Монголии после 1921 г. и направленных на построение республиканской государственности⁷. Однако механизмы демонтажа теократической государственности описаны лишь в самых общих чертах. Наиболее полная сводка на эту тему опубликована еще в середине XX в. в рамках социалистической идеологии⁸.

Архивные источники (в Монголии, России, КНР, Тайване, США) содержат ряд важных материалов по теократической Монголии. Это официальные документы, донесения, аналитические материалы, мемуары, памятные записки, проекты и т.д. Особое значение имеют фонды Монгольского государственного национального архива (МУУТА), архивов Министерств обороны (БХТА) и Иностранных дел Монголии, Национального исторического музея Монголии (МТМ), Института истории АН Монголии (ТХА⁹), Кинофотодокументов Монголии (УТА: КГДТ), Внешней политики Российской империи (АВПРИ — фонды Китайский

¹ Жамсран, 1996, 1997; Белов, 1999; Батсайхан, 2007б; 1911 оны үндэсний хувьсгал..., 2007; Монголын үндэсний хувьсгал..., 2007; Монголын тусгаар..., 2012.

² Напр., Тачибана, 2011.

³ Жамсранжав, 1998; 1911 оны үндэсний..., 2007; Монголын тусгаар..., 2009; Батсайхан, 2011б. Здесь и ниже все личные титулы: Богдо-гэгэн, Далай-лама, Сэцэн-хан и др. пишутся с большой буквы, в отличие от титулов общих (ван, гун, хан, император и т.д.).

⁴ Агванпринлэйжамц, 2001; Сонинбаяр, 2009, с. 56–59. В.А. Успенский (2015, с. 78) считает эту книгу идеологизированной и указывает на ошибки переложения на кириллицу в издании 2001 г.

⁵ Дашням, 1990; Лувсандап, 1993; Болдбаатар, 1994, 1998, 2003, 2011; Лааган, 1994; Жамсран, 1996; Бат-Очир, 2000; Саруулбуян, 2002; Мягмарсамбуу, 2003, 2014; Дашбадрах, 2004; Цацрал, 2004; Нарантуяа, 2005; Баатар, 2006; Манлай баатар..., 2011; Энхцэцэг, 2011; Одбаяр, 2012; Тэргүүн сайд..., 2012.

⁶ Монголчууд, 2011, 2014.

⁷ Калининков, 1926а, б; 1928, 1929а, б, 1934; Нацов, 1929, 1931; Генкин, 1928; Lattimore, 1934, 1937, 1946, 1956, 1962; Lattimore, 1955; Кунгуров, Сороковиков, 1946; Кислов, 1964; МНРП во главе..., 1976; Дашжамц, 1978; Цэрэнбалжир, 1990; Молоков, 1991; Даревская, 1997; Рошин, 1999; Морозова, 2002; Тачибана, 2006; Хишигт, 2011б; Дудин, 2012; Грайворонский, 2013; Улс төрийн хэлмэгдэгсдийн намтрын товчоон, 2001–2013; Лам нар, сүм хийдийн хэлмэгдэл цагаатгал, 2008; Ruren, 1979; Mогозова, 2009.

⁸ Пүрэвжав, Дашжамц, 1965.

⁹ В частности, фонд Б. Ширендыба (Ширэндэв), в котором находятся в т.ч. материалы лично-го архива бывшего полпреда СССР в МНР В.И. Юдина.

Стол, Миссия в Пекине, в том числе д. 313: Китайская пресса о Монголии, 1910–1914 гг., МИД: Канцелярия, Приамурский генерал-губернатор), Внешней политики Российской Федерации (АВПРФ — прежде всего, фонд Референтура по Монголии и Полпредство СССР в МНР), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ — прежде всего, фонды по Коминтерну, МНРП и ЦК ВКП(б)), Российского военно-исторического архива (РГВИА) и Российского военного архива (РГВА — прежде всего, фонды Белой армии, ЗаБВО, Забайкальская группа войск, Управление Экспедиционного корпуса 5-й армии)¹. Значительная часть этих архивных материалов до сих пор не была введена в научный оборот.

Важным источником являются публикации архивных и других документальных материалов², отчетов и мемуаров очевидцев³.

Статус Монголии в составе империи Цин позволяют понять китайские источники: императорские истории, документы об управлении Китаем и “пограничными народами”, религиозные, внутри- и внешнеполитические документы, в значительной мере нашедшие отражение в ряде важных сводок⁴. Не меньшее значение имеют старые монгольские материалы, в которых содержатся трактовки монголами статуса своей страны относительно Китая и Цинской империи в целом⁵.

¹ Перечни и аббревиатуры 60 архивов из 8 стран, откуда мною была получена информация, приведены в конце настоящей работы.

² Беннигсен, 1912; Некоторые маньчжурские документы..., 1912; Сборник дипломатических документов..., 1914; Бруннарт, Гагельстром, 1910; Московская торговая..., 1912; Вестник МИД, 1911–1914; Донесения миссии..., 1913; Майский, 1921, 1959; С-кий, 1922; Протоколы..., 1925; Гримм, 1927; Монгольское законодательство, 1928; Девятый съезд, 1934; Душенькин, 1957; Насанбалжир, 1954; Документы внешней политики..., 1959; Ардын засгаас..., 1954 (перев.: Революционные мероприятия..., 1960); Зарлигаар..., 1995; XX зууны..., 2003; Монгол улсын дээд..., 2003, 2005а, б; Цэрэнпил..., 2006; Монголын түүхийн..., 2010; Тумэнжаргал, 2010; Монголын хууль..., 2010; Сталин ба Монгол..., 2010; Агваанпринлэйжамц, 2001; Монголия в документах Коминтерна, 2012; Монголын сүм..., 2012; Sarkozi, 1992.

³ Першин, 1921, 1933; Ургинский, 1921; Случайный, 1921; Голубев, 1926; Оссендовский, 1925; Жас жавын..., 1930; Розенфельд, 1931; Семенов, 1938; Князев, 1942; Макеев, 1934; Торновский, 1942; Өвгөн Жамбалын яриа, 1959; Монгол ардын журамт..., 1961, 1985, 1986; Навааннамжил, 1956; Наваан, 1961; Ринчино, 1994, 1998; Серебренников, 2003; Доржсүрэн, 1993; Дорж, 1959; Юдин, 1959; Бурдуков, 1969; С интернациональной..., 1970; Соркин, 1970; Эх орноо..., 1980; Якимов, 1973; Эльбек-Доржи Ринчино..., 1998; ВКП(б), Коминтерн..., 1994; Короствовец, 1995, 1996, 2004, 2009; Козлов, 2004; XX зууны..., 2003; Майский, 1959, 2005; Российско-монгольское..., 2008; Магсаржав, 1994; Монгол лам..., 2010; Монгол улсын нутаг..., 2011; Carruthers, 1914; Consten, 1920; Gizycki, 1929; Larson, 1930; Lattimore, Isono, 1982; Chuluun, Bulag, 2013.

⁴ Липовцов, 1828; Лу, 1828; Дополнения..., 1857; Бернов, 1891; Путята, 1892; Баранов, б.г., 1905; Сунь Ятсен, 1961, 1985; Синхайская революция..., 1968; Ермаченко, 1971; Пиндин лоча фанлюэ..., 1972; Гюк, 1866; Гюк, Габэ, 1866; Chia, 1993; Harding, 1993; Nevia, 1993; Crossley, 1990, 1995, 1999; Perdue, 1998, 2011; Wang, 1999; Elliott, 2001; Rawski, 2001; Atwood, 2002; Leibold, 2003, 2006; Chen, 2005; Elverskog, 2006; Zhang, 2006, 2009; Zhao, 2006; Li, 2008.

⁵ В частности, Магсаржав, 1994; Золотое сказание, 2005; Джамбадоржи, 2005; Эрдэнипэл, 2005; Пучковский, 1963; Успенский, 1996, 2004; Галдан, 2012 и др.

Из приведенного краткого обзора видно, что основы современной историографии по данной проблеме заложили труды монгольских, российских, советских, западных, а также китайских летописцев, дипломатов, путешественников, исследователей. При этом, в силу исторически сложившихся связей, российские и советские источники содержат в целом больше информации о Монголии, чем западные. Однако идеологизированность интерпретаций проявлялась с обеих сторон. Так, М.И. Гольман отмечал, что в американской историографии Монголии есть два течения: «объективистское» — для которого «характерно во многом слабое, поверхностное знакомство с современной монгольской историографией», и «фальсификаторское» — для которого характерен «тенденциозный подход к источникам и литературе»¹. Последнее во многом применимо и к историографии СССР и МНР. Что же касается работ в КНР по истории Центральной Азии и связям Китая с ее народами, то их авторы даже сознательно замалчивали факты и искажали ход исторических событий, руководствуясь политическими соображениями, а не реальностью².

И «буржуазную», и «социалистическую» историографии Монголии всегда объединяло признание «отсталости» теократии и необходимости ее ликвидации. Эта оценка основана на изучении проблемы «снаружи», т.е. в рамках мировоззрений и научных парадигм, сформировавшихся вне Монголии. В этих рамках «отсталость» понимается как более низкий, чем на Западе или в Китае, уровень развития науки и технологии, производительных сил и производственных отношений, а в настоящее время — также институтов демократии.

Данный подход признает не вариативность эволюции цивилизационных систем, а однонаправленность всемирно-исторического процесса, вершиной которого считается либерально-буржуазная или коммунистическая система. Остальные системы постулируются как более или менее «отсталые», и проблема сводится к анализу степени «прогрессивности» тех или иных структур и тенденций развития. В логическом завершении такой подход означает необходимость замены традиционных обществ другими на основе схем, искусственно внесенных из-за границы.

Исследование обсуждаемой системы не только «снаружи» но и «изнутри» — в аспекте воззрений самих монголов того времени — не проводилось. Источниками для такого исследования могут служить сведения о системе ценностей, мировоззрении, идеологии, понимании истории, обычаях и т.д. в монгольских и не-монгольских ресурсах того периода и в специальных работах. Их сравнительно-исторический анализ с привлечением современных научных парадигм может пролить свет на ряд спорных вопросов истории Монголии.

Наиболее достоверные источники для такого исследования — документальные материалы. Но и они имеют определенные ограничения. Так, в фондах МУУТА почти полностью отсутствуют данные о монастырских повинностях, хозяйстве монастырей, частично или полностью отсутствуют данные об экономике

¹ Гольман, 1970, с. 27.

² Дубровская, 1998

монастырей вообще¹. Значительная часть архивов КНР остается засекреченной. В этой стране до сих пор изложение и трактовка истории в основном контролируется компартией и образованными ханьцами, что признают и китайские ученые². В изученных материалах ИМНАС (Тайбэй, Китайская республика) отражены в основном идеологизированные оценки, до сих пор преобладающие в китайской историографии: например, что независимость Монголии не была целью ее народа, но была навязана Россией.

Ряд источников отражает личные оценки авторов вместо беспристрастного описания событий — это касается как белых (например, Б.Н. Волков, Н.М. Рябухин), так и красных (например, Б.З. Шумяцкий, С.А. Нацов)³. Ряд документов содержит ошибки, искажения фактов, неверные трактовки. Это допускали и некоторые очевидцы событий: например, Х. Чойбалсан — глава МНР и И.И. Генкин (В.Г. Дадияни) — заведующий информационным отделом полпредства РСФСР в Урге и составитель «Бюллетеней полпредства СССР в МНР». Генкина полпред Коминтерна Т.Р. Рыскулов обвинял в клевете и неверном изложении фактов Центру.

Идеологические штампы, не соответствующие действительности, широко представлены даже в конфиденциальных советских и монгольских документах о белых и теократах. В качестве примера недостоверных источников американской историографии приводится «частная информация»⁴. Но значительная часть донесений и разведсводок — и советских, и белогвардейских, и монгольских, и китайских — тоже «частная информация». Поэтому важно использовать сравнительный анализ для оценки достоверности документов.

Цель данной работы — изучение предпосылок и механизмов возникновения, развития и ликвидации теократической государственности, но не истории буддийской церкви как таковой или Монголии в целом в XX в. В связи с этим я не рассматриваю события, не имеющие прямого отношения к теократии (например, республиканскую государственность, каноническую и обрядовую стороны буддизма, помощь СССР Монголии, репрессии не в отношении церкви и т.п.). Поэтому разделы, посвященные ликвидации теократии, местами могут показаться содержащими в основном «негатив» или, напротив, замалчивающими репрессии к партийным, государственным и военным деятелям, интеллигенции МНР. Это обусловлено лишь целью и рамками исследования.

Прежде всего, в нем важно определить временные рамки. Буддийская теократия в Монголии начала развиваться незадолго до образования маньчжурского государства Цин (XVI в.) и сложилась как система в цинский период. Монголия объявила независимость как теократическая монархия в 1911 г. Эта монархия

¹ Пурэвжав, 1983, с. 20.

² Напр., Tsai, 2013, p. 64–85.

³ Здесь и ниже я употребляю эти термины как условные: красные — сторонники “народно-демократической”, социалистической и/или коммунистической ориентации при ликвидации “эксплуататорской” общественной системы (феодализма и/или капитализма); белые — противники этого. В таком смысле использовались данные термины в источниках в СССР и МНР в рассматриваемый период.

⁴ Гольман, 1970, с. 65.

просуществовала до кончины Богдо-гэгэна VIII в 1924 г., после чего была провозглашена республика. Но от этого теократические структуры на местах не исчезли, их ликвидация продолжалась до конца 1930-гг. Верхним пределом можно считать 1937–1939 гг. — когда были закрыты последние монастыри. Период от объявления теократической монархии до полной ликвидации церкви в Монголии я анализирую наиболее подробно.

Пространственные рамки обусловлены границами теократической Монголии — на последних этапах существования идентичными границам МНР. Но это лишь часть земель, населенных «народами монгольского корня». В начале XX в. имели место попытки реинтеграции других территорий: Внутренней Монголии, Барги, монгольских земель Маньчжурии, Кукунора, джунгарской части Синьцзяна, а также Тувы и Бурятии. В этих регионах идея монархической государственности не получила развития.

Методология данной работы основана на том, что выводы следует делать только на основе фактов — без априорных утверждений, аксиом, парадигм и идеологии. В связи с этим исторические события, по возможности, рассматриваются не в отношении их «прогрессивности» или «реакционности», «просвещения» или «невежества», а в отношении их восприятия населением в конкретное время, влияния на дальнейшие события, траекторию развития страны, соответствия традициям и социальным потребностям, а действия в сфере буддизма — соответствия его канонам и установлениям.

В связи с этим основное внимание в главах уделяется изложению фактов в хронологическом порядке. Аналитика дается вкратце — лишь настолько, насколько она следует из них. Более подробные выводы из них приводятся в небольших разделах, заключающих каждую главу, общие выводы (без фактологии, т.к. она приведена в соответствующих разделах) — в «Заключении». Умозрительных спекуляций и идеологизирования я старался избегать.

Следует дать используемые в этой работе определения некоторых ключевых понятий, для которых нет общепринятых определений. Эти понятия в основном появились в Европе. Но их общие определения, приводимые ниже, применимы и к другим цивилизационным системам, в том числе Центральной Азии и Дальнего Востока (хотя в деталях имеются и различия).

Государство — политическая организация легитимной власти во главе с правительством, которая создает правовой порядок, управляет обществом и поддерживает его единство на определенной территории. Принятые в наше время главные критерии изложены в Конвенции Монтевидео 1933 г.: государство должно иметь постоянное население, определенную территорию, правительство и способность вести международные отношения¹.

Государственность — состояние пребывания в качестве государства, или части большого государства, имеющей собственное правительство². Национальная

¹ Encyclopaedia Britannica...

² Cambridge dictionaries... Обзор определений государства и государственности см.: Дудин, 2014, с. 44–63.

государственность — свойство государственной (политической) власти национально-территориального образования, выражающее реальную или потенциальную способность воплощать и защищать суверенитет нации или этноса в той или иной форме. Национальная государственность — более широкое понятие, чем национальное государство. Например, автономные территории, не являющиеся государствами, обычно рассматриваются как своеобразные формы национальной государственности, т.к. выражают суверенитет данного этноса и в определенных условиях могут превращаться в национальное государство¹.

Национальное государство — государство, представляющее форму самоопределения данной нации на данной суверенной территории.

Империя — государство с высоко централизованной военно-политической властью, господствующей над этнически, культурно и исторически различающимися группами, населяющими свои исторические территории и отличающимися от той группы, к которой относится правящий слой.

Страна — территория (физико-географическая, историческая, культурная, этническая и/или политическая) в некоторых (не всегда четко определенных) границах. Страна и государство не всегда идентичны. Основное различие касается политической составляющей. Например, понятие страны применялось не к колониальной империи целиком, а лишь к ее метрополии. В других случаях на территории одной страны (например, Туркестана, Бенгалии) располагается по нескольку государств.

Теократия — соединение светской и духовной власти².

Феодал — аристократ, владеющий земельным наделом (в Европе называвшемся феодал или фьеф), реде правом на сборы с определенной территории. Этот надел жаловал вассалу сеньор в наследственное владение на условиях военной, административной или придворной службы вассала в свою пользу. Феодалное землевладение в Европе было связано с *крепостным правом*, при котором крестьяне были в наследственном подчинении феодала, не имели права покидать феодал, отчуждать землю, приобретать недвижимость, находились в судебной и административной власти феодала, облагались барщиной или оброком.

Духовенство — сословие профессиональных религиозных деятелей. В буддизме таковыми обычно являются монахи. Буддийское монашество общепринято называть сангхой. Однако монашество (в количестве не менее четырех человек с полными обетами бхикшу — высшей степени посвящения) лишь символизирует Сангху как объект Прибежища — сообщество тех, кто достиг Пути видения, т.е. непосредственного постижения пустоты (даже один мирянин, достигший этого,

¹ Болдонов и др., 2005.

² Согласно более общему определению, теократия — система религиозно-политических властеотношений, складывающихся в родоплеменных союзах на стадии их перехода к государству, в государствах и в теополитических сообществах в процессе реализации религиозно-правовых предписаний, а в некоторых случаях также и в ходе осуществления верховной политической власти религиозными лидерами (Салыгин, 1999).

есть Сангха). В некоторых странах сангхой иногда называют также обычных мирян, что неправильно¹.

Церковь — организованная структура, ведающая отправление той или иной религии.

Тибетский буддизм — точная тибетоязычная версия позднеиндийского буддизма Махаяны². Для нее необоснованно употребляют термин «ламаизм». Но фактически все отличия тибетского буддизма от индийского буддизма эпохи Павлов существуют только на уровне народной и бытовой религиозности, не затрагивая собственно «большую традицию». В 60-е годы XX в. ...власти КНР осуществили ряд репрессивных актов... утверждая, что тибетский «ламаизм» (кит.: «лама цзяо») не есть буддизм или же это всего лишь деградировавшая форма буддизма, а потому он не заслуживает сохранения в качестве части общекитайского культурного наследия. Именно тогда Далай-лама призвал ученых всего мира отказать от употребления слова «ламаизм». Не будем употреблять его и мы, причем по причинам исключительно научного характера³.

Благодарности

Я благодарен Ж. Оюунчимэг, С. Чулууну, О. Батсайхану, Ж. Алтанцэцэг, Н. Амгалан-ламе, А.Р. Ефименко, Д. Бумаа, З. Лонжиду, А.С. Железнякову, Б. Баяру, Р. Баяру, Дашцэвгу, О. Пурэву, М. Тачибана, Т. Оуюнбазару, Л.В. Салеевой, М.Г. Нечаеву, Л.Ю. Рейту, Т.Л. Шаумян, В.Ф. Петровскому, В. Хатчер, Б. Нямаа, М. Макарову, И.М. Маркелову, В. Хатчер, Ж. Нэргую, Ю.П. Ершову, Д. Кронеру, А.Д. Цендиной, С. Бирн, Ц.П. Ванчиковой, С. Аверьянову, Д. Дамбасурэну, Ю.И. Дробышеву за помощь в работе в поле, с архивными материалами, предоставление данных; Далай-ламе XIV, Богдо-гэгэну IX, Тэло Тулку Ринпоче и А.А. Терентьеву за ценные сведения по религиозным и историко-религиозным вопросам; Ж. Оюунчимэг, Н. Рабгялу, Н. Тугдже, Н. Риг-ламе, А.А. Терентьеву, Е.М. Муравьевой, С.В. Дмитриеву, Ц. Оюу, Т. Довдану, К. Нунами, Р.В. Новицкому, Ю. Рейту за переводы с монгольского, тибетского, китайского, японского и польского языков; Ю. фон Унгерн-Штернбергу за материалы из семейного архива; работникам всех перечисленных в конце книги архивов, а также Deutsche Bundesarchiv, DIIR Archive of Central Tibetan Administration и Library of Tibetan Works and Archives за содействие в работе документами и публикациями; отделу Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, где была выполнена данная работа.

¹ А.А. Терентьев, личное сообщение

² Далай-лама, 2008, с. 56–57, 2014, с. 77.

³ Торчинов Е.А. Буддийская традиция... Современные попытки обосновать приемлемость термина «ламаизм» (напр., Арузманов, 2009, с. 1–44) отражают недостаточную компетентность их авторов в данной тематике.

ЧАСТЬ I

Предпосылки и формирование теократии

Формирование буддийской теократии в Монголии связано с двумя периодами распространения тибетского буддизма в ней. Первый приходится на империю Юань, с распадом которой буддизм утратил свои позиции в Монголии. Второй — с середины XVI в. (перед возникновением маньчжурской империи Цин, в которую затем была включена Монголия) до второй половины 1930-х гг. (время «больших репрессий» в МНР). Возникает вопрос, под влиянием каких мироустроительных концепций формировалась монгольская теократия? В каких государствах это происходило — в Монголии, в цинском Китае или (как считают реже), в империи Цин с Монголией и Китаем как ее частями? Т.к. эти вопросы принципиальны, на них стоит кратко остановиться.

Глава 1. Мироустроительные модели Китая, империй Юань и Цин: религия, проблема легитимации власти и преемственности государств

1.1. Китай

Считается, что Китай — единственное в мире государство, которое уже более тысячелетия сохраняет непрерывность своей истории и государственности, основанную на смене династий; что завоевание иноземцами делало его не частью государства-завоевателя, а, напротив, последнее само становилось частью Китая. Китайцы издавна называют свою страну Срединным государством (кит.: Чжунго), или Поднебесной (*Тянься*). Впервые эти термины упоминаются в текстах династии Восточная Чжоу (770–249 до н.э.). Отсутствие узкоэтнической составляющей заложило основы быстрого расширения этой конфедерации политий, слабость власти чжоуского вана — последующей борьбы, увенчавшейся правле-

нием недолгой династии Цинь¹. Пришедшая ей на смену Хань² (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) заложила основы почти всех базовых концептов единой китайской культуры, в рамках которой довольно важное место занимало представление о том, что Поднебесная — это единая империя, управляемая китайским императором. Люди с разными этническими корнями образовали китайский (ханьский) народ: они были подданными одного императора, разделяли общий набор культурных концептов, реальную и мифологическую историю. Неотъемлемым фактором было самосознание. Термин «китаец» (*чжунго-жэнь*, букв. «человек Срединного государства») означал всю совокупность людей китайской общности. При этом подразумевалось, что соседи-варвары по мере повышения своего культурного уровня под благим влиянием китайской цивилизации и лично императора, будут становиться его вассалами, а затем китайцами³.

Иноязычные названия Китая не указывают ни на концепцию *Чжунго*, ни на китайский этнос. Русское слово «Китай» и монгольское «Хятад» происходят от киданей (кара-китаев) — народа, вероятно, монгольской группы, жившего на территории северной Монголии и Маньчжурии. Индийское, арабское, японское, малайское и латинское названия Китая — «Чин», «Махачина», «Син», «Sina» имеют, вероятно, происходят от названия первой империи Цинь. Современное слово «China» в разных вариантах может происходить как от «Цинь» — через средневековые «Чин и Мачин», так позднее — в какой-то мере, и от названия маньчжурской династии Цинь⁴.

Следует остановиться на том, что такое «китайские династии». Династия в Европе — это фамилия правителей из одной семьи, сменяющих один другого; существование одной династии не исключает одновременное существование других. «Китайские династии» (*чао*) — явление, принципиально иное⁵. «Китайская Империя никогда не имела постоянного народного названия. Каждая царствующая династия принимает себе наименование, которое вместе с тем служит общим народным названиям и всем ее владениям, составляющим Империю»⁶. Правила эти династии по мандату Неба (*тянь-мин*), который можно было не только получить, но и потерять, если правитель поступал неподобающе и терял благоволение Неба⁷.

Было несколько «иноземных династий Китая» — фактически, когда соседи захватывали Китай, и он полностью или частично входил в состав их государств. Только династиям Юань и Цин, основанным монголами и маньчжурами, удалось подчинить весь Китай. Потому китайским историкам оставалось лишь признать их полноправными «иноземными династиями». Еще две «иноземных династии», правившие лишь в Северном Китае — киданьская Ляо и чжурчжэньская

¹ Подробнее см.: Дмитриев, Кузьмин, 2012, с. 5–19.

² Название этой династии дало начало одному из самоназваний китайцев.

³ Дмитриев, Кузьмин, 2012, с. 5–19.

⁴ Кузьмин, 2010а, с. 456.

⁵ Доронин, 1995, с. 153–158; Кузьмин, 2010а, с. 455–473.

⁶ Бичурин, 1842, с. 17.

⁷ Дмитриев, Кузьмин, 2012, с. 5–19.

Цзинь — получили статус династий только потому, что их официальные истории были написаны и включены в корпус династийных историй в юаньский период.

Если в Европе понятие династии (как ряда правителей из одной фамилии) разделено с понятием и обозначением государства, то в Китае — соединено. В результате в традиционной китайской историографии не Китай входит в состав стран, завоевавших его, а просто сменяется династия в самом Китае. В большой мере это происходило потому, что сами завоеватели были удовлетворены такой ситуацией, т.к. китайцы в таких государствах составляли большинство, а титул императора Срединного — главного — государства был наиболее желанным. У монголов и маньчжуров концепции мировой монархии сводились лишь к общим положениям, что все народы должны покориться им и их монархам, правящим по велению Свыше. В виде *Чжунго* и мандата Неба их великие ханы получали готовую разработанную концепцию, не противоречившую их традициям.

Каждое государство должно обладать неким уникальным комплексом признаков. Они могут меняться во времени, но должно оставаться нечто общее, определяющее непрерывность существования данного государства. Для Китая на протяжении его истории остаются специфичными следующие признаки¹:

1) Общие социокультурные концепты, основанные на общем историческом и мифологическом прошлом, общей письменности, понятии о Срединном государстве как центре цивилизованного мира, единственном культурном государстве, окруженном варварскими народами. «На небе не может быть двух солнц, на земле — двух государей». Это изречение из классической книги «Ли цзи» стало штампом для политических документов и исторических текстов, из которого вытекал вывод, что «все, кто под Небом — подчиненные императора»².

2) Составной частью концепции также было представление о том, что все окружающие народы являются вассалами — покорными или непокорными — Сына Неба (правителя *Чжунго*), который, посредством своей благой силы *дэ*, постепенно смягчает их нравы и приводит их к идее покорности Китаю.

3) Логичным выводом из первых двух пунктов в реальной государственной и региональной политике были:

а) практика культурной ассимиляции этнических меньшинств, культура которых рассматривалась как более низкая относительно китайской, а китаизация — как закономерный процесс и благо для ассимилируемых. Эта практика привела к быстрому росту численности и ареала государствообразующего этноса — ханьцев (*хуася*): региональные различия между его представителями (в языке, костюме, привычках) не влияли на ощущение их этнического единства;

б) не очень четкое разграничение в исторической памяти территорий, реально входивших в состав империи с теми, которые находились от нее в зависимости разного рода, часто вполне виртуальной;

в) крайне отрицательное отношение к обособлению народов и территорий, в то или иное время зависевших от Китая: предполагалось, что нормальным на-

¹ Дмитриев, Кузьмин, 2014, с. 5–17.

² Мартынов, 1978, с. 39.

правлением исторического процесса может быть лишь расширение территории, подвластной Сыну Неба или иному правителю Китая.

1.2. Империя Юань

По-видимому, еще до нашей эры предки монголов — хунну впервые познакомились с буддизмом. Эта религия была и среди их преемников¹. Сохранилась стела второй половины VI в. (период первого Тюркского каганата на территории Монголии), свидетельствующая о существовании там буддийской общины². Далее к монголам буддизм проникал от согдийцев и уйгуров. Есть сведения, что еще до Угэдэй-хана (ок. 1186–1241) у монголов проводили службы уйгурские буддийские монахи³. Примерно в этот период монголы познакомились с тибетским буддизмом.

Среди монголов тибетский буддизм стал распространяться с XIII в. Годан (1206–1251) — внук Чингиса и второй сын Угэдэя — послал приглашение в Тибет главе буддийской школы Сакья — Кунга Гьелцену (монголизир. Гунгажалцан), которого за большую ученость называли Сакья-пандита. Есть несколько версий причин этого. Самая правдоподобная — в том, что Годан хотел принять от высокого ламы буддизм, о котором он не мог не знать, воюя со странами, граничившими с Тибетом (прежде всего, с тангутами). Выбор именно этой школы был обусловлен тем, что монгольское общество было сходно с тибетским, монголов привлекали сверхъестественные элементы в тантре, школа Сакья придерживалась старых буддийских традиций, а ее ламы активно налаживали контакты со светскими властями⁴ и были весьма влиятельны в Тибете.

В 1253 г. племянник Кунга Гьелцена — Пагпа-лама обратил в буддизм Хубилая, который установил с Пагпой отношения «наставник – покровитель». В 1254 г. он вручил Пагпе документ о высшей власти над Тибетом⁵. С тех пор высшие ламы Сакья (в том числе с помощью монголов) осуществляли власть над Тибетом, за исключением части его земель, выведенных из-под сакьяской юрисдикции.

В г. Кайпин (Шанду, сейчас Внутренняя Монголия) Хубилай созвал великий хурал, в 1260 г. провозгласивший его великим ханом — хотя в Монгольской империи уже правил законный великий хан Аригбуга. Одновременно Хубилай на китайский манер провозгласил девиз правления Чжун-тун. В последовавшей войне Хубилай победил Аригбугу, в 1264 г. перенес свою ставку рядом с бывшей столицей чжурчжэней Чжунду (территория совр. Пекина) и сменил девиз правления на Чжи-юань. В 1271 г. Хубилай вновь изменил девиз правления, выбрав из китайской «Книги перемен» (И-цзин) иероглифы *цзянь юань* («изначальное небо»)⁶.

¹ Сухбаатар, 1978, с. 61–71.

² Жуковская, 2004, с. 163–164.

³ Эрдэнипэл, 2005, с. 173.

⁴ Vira, 1999, p. 242.

⁵ Текст: Шакабла, 2003, с. 79–80.

⁶ Ганболд и др., 2006, с. 20–21.

С тех пор Великая Монгольская империя стала называться по этому девизу — государство Юань. Юаньское государство не было Китаем, а включало его как одну из частей¹.

Из последующих указов и законов видно, что в империи Юань буддизм ставился в особое положение, права духовенства защищались, поддерживалось распространение буддизма, строительство храмов и т.д.² Теократический Тибет под патронажем монголов не входил в перечень провинций империи Юань.

Идеал отношений великих ханов (императоров) с религией описан в монгольской хронике «Десять достойных похвалы законов», где изложена концепция «двух порядков» очевидно, отражающая взгляды Пагпа-ламы на мирскую власть. Все существа стремятся к спасению. Духовное спасение состоит в полном освобождении от страданий, мирское — в благополучии. Оба зависят от религиозного и мирского порядков. Первым ведаёт Лама, вторым — Правитель; они равны, но у каждого свои функции. Лама соответствует Будде, правитель — Чакравартину³.

Чакравартин — идеальный буддийский монарх. По одной из индийских традиций, есть несколько типов Чакравартинов: владеющий всеми континентами, владеющий одним из континентов, владеющий частью континента. В отношении юаньских императоров подразумевалась всемирная власть.

Конечно, этот порядок в точности не соблюдался, но великие ханы старались ему следовать. Начиная с XIII в. монгольские авторы стали включать в историю монголов упоминания и жизнеописания Будды, буддийские монахи старались включать в ритуал и космологию культ Чингиса⁴. На закате династии Юань ее императоры устанавливали отношения «наставник – покровитель», наряду с Сакья, и с ламами других школ, например, Карма-Кагью.

Отношения «наставник – покровитель» и концепция «двух порядков» не имеют аналогов в современном праве, понятия которого к ним неприменимы⁵. Нельзя согласиться с утверждениями, что концепция «двух порядков» была правовой фикцией, буддизм в Юань не был официальной религией, его иерархи не входили в имперскую систему управления, а «покровительство буддизму» объяснялось исключительно стремлением монгольских ханов сохранять контроль над буддийской частью своих подданных⁶.

В действительности Хубилай и его наследники были искренними приверженцами принципа «наставник – покровитель» и тибетского буддизма, эта религия была наиболее благоприятствуемой в империи Юань (т.е. «официальной»), а «Сюаньчжэньюань» (Бюро тибетских и буддийских дел)⁷ было, фактически, од-

¹ Подробнее см.: Кузьмин, 2010а, с. 459–465.

² Далай, 1983, с. 163–164.

³ Franke, 1981, p. 286–328.

⁴ Золотое сказание, 2005, с. 19; Бакетова, 2009, с. 49; Шубина, 2015, с. 116–117; Hurcha, 1999, p. 45–57.

⁵ Кузьмин, 2010в, с. 174–176.

⁶ Почекаев, 2013, с. 28, 33.

⁷ Возникло в результате слияния в 1329 г. двух разных органов: одного для Тибета, другого — для Южного Китая. Заместитель начальника Бюро всегда был буддийский монах.

ним из четырех центральных ведомств империи — остальное управление было слабо централизовано, и местные органы на отдаленных землях монголы контролировали лишь «по факту»¹.

Следование буддизму предотвращало ассимиляцию монголов китайцами в империи Юань, где последние были самой многочисленной частью населения. Способствовало этому и то, что юаньские императоры, будучи буддистами, проявляли веротерпимость и участвовали в некоторых шаманистических обрядах².

Последним юаньским императором был Тогон-Тэмур. В 1368 г., в результате восстания китайцев против монголов, он был изгнан из Пекина. Империя Юань была разрушена, и освободившийся Китай вновь стал независимым государством — империей Мин. Согласно монгольским историческим сочинениям, с изгнанием Тогон-Тэмура из Пекина прервались традиции буддизма³. Очевидно, причина была в том, что в империи Юань буддизм среди монголов был в основном религией высшего слоя, а большинство продолжало следовать шаманизму⁴. Но с развалом империи буддизм не исчез. Буддийские монахи встречались при ханских дворах, служили послами, сопровождали миссии в Китай⁵.

1.3. Империя Цин

После распада государства Юань, возникновения китайской империи Мин и феодальной раздробленности Монголии, империя Цин присоединила к себе Китай и почти все монгольские территории. Создателями этой империи были маньчжуры — народ тунгусо-маньчжурской группы, потомки чжурчжэней. Нурхаци, глава одного из кланов потомков чжурчжэней, позаимствовал многие черты своего государства у монголов⁶. Созданное им государство вначале числилось зависимым: Нурхаци получал титулы от императора Китая — империи Мин. В 1589 г. среди своих людей он стал титуловаться ваном, в 1596 г. принял титул «государь государства чжурчжэней караула Цзяньчжоу, покоритель иноземцев», в 1603 г. назвал свое государство Цзяньчжоу. В 1606 г. монголы поднесли ему титул *кундэлэн-хан* (почитаемый хан); по-маньчжурски в те годы Нурхаци именовался *сура бэйлэ* или *сура хан* — мудрый хан⁷. В 1616 г. он присвоил себе великоханский (императорский) титул. После разрыва с Мин при общении с Кореей, Нурхаци титуловался «наделенный мандатом Неба хан государства Цзинь»⁸ (маньж.: Айсинь — «золотое»). Претендуя на родство с императорами бывшего чжурчжэньского государства Цзинь, он объявил свой род Золотым родом или кланом (маньж. Айсинь Гиоро).

¹ Подробнее см.: Franke, p. 312–328.

² Далай, 1983, с. 166–168; Гантуяа, с. 52–59.

³ Золотое сказание, 2005, с. 39–40; Эрдэнипэл, 2005, с. 210.

⁴ Банзаров, 1891, с. 44.

⁵ Скрынникова, 1988, с. 21–22.

⁶ Farquhar, 1971, p. 18–19.

⁷ Мартынов, 1978, с. 64; Кычанов, 1997, с. 517.

⁸ Li, 2008, p. 37.

После смерти Нурхацы в 1626 г., его наследник Абахай (Хунтайджи) (1592–1643) все еще числился зависимым от Китая. Поначалу он сам признавал это, но продолжал завоевательную политику. В 1635 г. он своим указом заменил этноним «чжурчжэнь» на «маньчжур»¹. 5 мая 1636 г. для своей династии и государства он принял название Цин (Чистое) — противопоставив его соседней империи Мин (Светлая). После этого империя Цин существовала несколько лет по соседству с Китаем (империей Мин).

В 1643 г. в Китае произошло восстание. Китайские повстанцы захватили Пекин. В тот же год умер Абахай. Новым императором 8 октября 1643 г. маньчжуры возвели Фулиня (девиз правления — Шунь-чжи, 1643–1661). Минские генералы, не имея сил подавить восстание, пригласили маньчжуров. 6 июня 1644 г. они заняли Пекин. В октябре 1644 г. маньчжуры привезли в Пекин цинского императора Фулиня. 30 октября 1644 г. они его повторно провозгласили императором — на сей раз всех захваченных земель и тех, что будут приведены к покорности².

После этого одновременно с империей Цин продолжали существовать китайские государства: до 1662 г. — остатки империи Мин (до окончательной гибели ее династии); в 1673–1678 гг. — государство У Саньгуя со столицей в Ханчжоу; независимой ханьской территорией был Тайвань, где власть маньчжуров установилась лишь в 1683 г. В 1850–1864 гг. существовало государство Тайпин Тяньго (Небесное государство Великого Благоденствия, или Равенства) со столицей в г. Нанкин.

Итак, империя Цин была создана вне Китая, позже захватила его и даже после этого некоторое время существовала одновременно с собственно китайскими государствами.

Еще до завоевания Китая маньчжуры восприняли ряд положений китайской мироустроительной концепции. Прежде всего, это понятия о власти императора по «мандату Неба», которая должна распространяться на весь мир из «центра на периферию», о вечном и главном Срединном государстве. Цинский император Сюань (девиз правления Кан-си, 1662–1723) писал в Россию: «Я, будучи единодержавным владыкой Поднебесной, без различия — в Китае ли то или вне его, о всех людях, живущих во всех странах, забочусь, как о самых маленьких детях»³. Послания Далай-ламе и монгольским князьям Сюань тоже предварял указанием, что он «правит миром»⁴.

Вместе с концепцией империи маньчжуры восприняли ее обозначения на китайский манер⁵. Официально их империя именовалась *Да Цин-го* (Великое Чистое государство), или *Дайцин-гурунь* (Великая чистая империя)⁶. Слово «Чжунго» (маньчж.: Дулимбай гурунь) в XVII–XX вв. использовалось во многих официальных и частных цинских писаниях на китайском и маньчжурском

¹ Мартынов, 1978, с. 64; Elliot, 2001, p. 66, 71.

² Непомнин, 2005, с. 44.

³ Некоторые маньчжурские..., 1912.

⁴ Мартынов, 1978, с. 146.

⁵ Подробнес см.: Дмитриев, Кузьмин, 2012, с. 5–19; Дмитриев, Кузьмин, 2014, с. 5–17.

⁶ Каплонаш, 2011, с. 281; Позднеев, 1898, с. 343 и др.

языках наряду со словами «наша территория», «наша династия», «династия государства»¹. В российско-китайских документах империя Цин обозначается как Богдойское, Дайцинское, Китайское государство (последнее — с XIX в.), в цинских договорах с западными странами — только как Китай².

Следуя китайской традиции, западные географы различали «собственно Китай» (*бэньбу Чжунго*) и «внешний Китай», или «китайские зависимые территории» (*шуди, фаньшу*). «Собственно Китаем» назывались земли под прямым контролем центрального правительства — в цинское время 18 провинций, населенных в основном ханьцами. «Внешним Китаем» или «зависимыми территориями» обозначались остальные земли «под сюзеренитетом» Срединного государства: Маньчжурия, Монголия, Восточный Туркестан и Тибет³.

Монгольская традиция, восходящая к цинскому времени, отличается от описанных. Китаем (*Хятад*) или Срединным государством (*Дундад улс*) называется «собственно Китай», а Цинская империя обозначается как Маньчжурское Цинское государство (*Манж Чин улс*). Использовались и вариации в виде «Дайчин улс», «Манж улс», «Чин улс», «наша Великая Цин», «государство нашего маньчжурского императора», «императорская держава»⁴.

Итак, наряду с официальным названием *Да Цин-го*, маньчжуры и китайцы взаимозаменяемо использовали *Чжунго*, *Тянься* и ряд других слов для обозначения их «самого главного» государства. То же делали и монголы, но их названия обычно указывали на маньчжуров и династию Цин. Использование только официального названия не считалось обязательным.

Наряду с концепцией императорской власти маньчжуры приняли китайскую систему данничества. Есть три основных точки зрения на ее функции: средство международных связей и дипломатии, при котором «варварские» области находили свое место в китайской мироустроительной системе; ритуализованная бюрократическая система ведения международных отношений; фундаментальная черта исторического порядка в Восточной Азии⁵. Основными были две функции: безопасность и легитимность государства. Император несет дань Небу, чиновники — императору, простолюдины — чиновникам и т.д. Императоры трактовали ее как знак своего суверенитета и связи с Небом⁶.

В результате тот, кто хотел вступить в отношения с Цинской империей, в идеале должен был делать это как императорский данник. Вокруг концепции данничества и использования местных вождей для управления некитайским населением

¹ Zhao, 2006, p. 6–8, 10.

² Дмитриев, Кузьмин, 2014, с. 6–8.

³ Historical variations..., 1945, p. 346; Harding, 1993, p. 661–662.

⁴ Напр., Позднеев, 1896, с. 567; Пунцагноров, 1955, с. 34 и др.; Магсаржав, 1994, с. 5–7, 10, 15, 39, 61; Пүрэв, 2004, с. 39; Джамбалдорджи, 2005, с. 62; Эрдэнипэл, 2005, с. 116, 161, 224, 247; Дэндэв, 2006, с. 86; Отгонбаатар, Цендина, 2014, с. 135; Diluv Khutagt — in: Lattimore, Isono, 1982, p. 67, 81, 82 etc.; ряд источников у Elverskog, 2006, Батсайхан, 2007a, 2008, 2010; Batsaikhan, 2009.

⁵ Zhang, 2009, p. 602–605.

⁶ Perdue, 2011, p. 78.

строилась значительная часть «пограничных» (или «внешних») областей. В этих случаях природа цинской власти была неопределенной. Представлял данник отдельное государство или подчиненное? Был местный вождь правителем автономного мини-государства или цинским чиновником?¹

В списке «данников», приведенном в «Да Цин ли-чао ши-лу» (Подлинные последовательные записи великой династии Цин), числятся не только соседи Китая: Тибет, Турфан, Корея, Аннам, Сиам и вассальные монгольские государства. Там есть также Португалия, «Папство», Россия, Ява, Англия и Голландия. В отличие от них, в XVII в. вассальную зависимость от Пекина признала Корея, в XVIII в. — Бирма, Вьетнам и Непал. Позже Пекин объявил своим вассалом Бутан. В списке данников Цин с 1662 по 1875 г. перечислено 18 стран — существенно меньше, чем в период Мин. Императорскими эдиктами «назначались» ваны Кореи, Лаоса, Сиамы, Сулу и Бирмы; фиксировалось, сколько раз какая страна приносила «дань». О «данничестве» этих стран сохранились и другие документы². Император Сюань писал также о подданстве и данничестве Халха-Монголии³. По свидетельству начальника русской православной миссии в Пекине архимандрита Софрония, в XVIII в. там утверждали, что император держит в своей власти весь мир («подсолнечную»), получив одни государства по наследству, а другие завоевав, «в числе коих держав завоевано и Российское великое государство». По его свидетельству, цинский император избегал войны с Россией, но в книгах велел обозначать ее «малым княжеством, платящим дань китайской короне»⁴.

Переняв ряд положений китайской мироустроительной концепции, маньчжурские императоры подвергли ее концептуальному пересмотру, в том числе само понятие Китая⁵. Более того: маньчжуры приняли ряд дискриминационных мер в отношении ханьцев, отмененных лишь перед самым падением династии⁶. Это принято трактовать как «национальный гнет Цинов». В действительности это препятствовало ассимиляции народов, ставших в империи «нацменьшинствами» — маньчжуров, монголов и др.

Китайской традиции чужд тибетский буддизм. Но маньчжурские императоры не только принимали его, но и помогали широко распространять. Уже Нурхаци в 1621 г. назначил ламу Олуг Дархан Нангцо наставником буддийского учения в своем государстве⁷. В маньчжурском тексте на стеле он титулуется как «лама народа Айсинь»⁸. Так были заложены основы отношений «наставник – покровитель» (тиб.: чой – йон) иерархов тибетского буддизма с маньчжурскими ханами. Истоки этих отношений лежат в древней Индии (в форме «гуру – милостынеда-

¹ Horowitz, 2004, p. 479.

² Fairbank, Teng, 1941, p. 135–246; Некоторые маньчжурские..., 1912; Софроний, 1861, с. 25; Пиндин лоча..., 1972; История Китая, 1974, с. 188–189.

³ Цит. по: Позднеев, 1898, с. 293.

⁴ Софроний, 1861, с. 25.

⁵ Подробнее см.: Дмитриев, Кузьмин, 2014, с. 5–17.

⁶ Непомнин, 2005, с. 58–59, 102–104.

⁷ Gruper, 1984, p. 51; Elverskog, 2006, p. 188.

⁸ Кычанов, 1997, с. 231.

тель»). В Тибете середины IX–XIII в. эта формула использовалась в отношениях монастырей с населением. При Юань эти отношения связывали глав школы тибетского буддизма Сакья с императорами, причем титул «наставник государства» получали и представители других школ, приезжавшие к ним: Другпа, Карма-Кагью и др.¹

В 1610-х–1640-х гг. у маньчжуров развивались идеи о теоретическом равенстве императора и его ламы. Принятие модели власти Чакравартина позволяло императору не только управлять монголами, но и претендовать на преемственность от Юань². Цинские императоры спонсировали строительство монастырей тибетского буддизма, делали подношение духовенству, оплачивали издания и переводы книг и т.д.

В XVII–XIX вв. окончательно сложилось представление о том, что Чингисхан стал буддистом и покровителем этой религии. Идея происхождения Золотого рода Чингиса от мифического древнеиндийского царя Махасамата («Многими Возведенный») прочно вошла в традицию монгольских летописей XVII–XIX вв.³ Понятие «Махасамата» содержится уже в «Аганья-сутре» (Сутра о возникновении) в качестве «первого официального титула», который каждый раз дают люди, возводя во власть своего первого правителя на раннем этапе формирования человеческого общества в начале цикла возрождения мира после его очередного разрушения. Этот правитель призван обеспечить порядок и благополучие людей⁴. Распространялись представления о родстве Чингисидов также с тибетскими буддийскими царями. Сформировалось представление, что великий хан должен быть связан с буддизмом⁵.

Среди буддистов Бурятии распространились идеи, что российские императоры и императрицы — эманации Белой Тары, Чингис-хан и его потомки — Ваджрапани, английская королева Виктория — Палден Лхамо⁶. Во многих тибетских трактатах XVIII в. цинские императоры Фулинь, Сюанье и их преемники обозначались как Манджушри (по имени бодхисаттвы мудрости). Для них, как эманаций Манджушри, была составлена своя линия воплощений. Среди их титулов был также «Будда настоящего времени»⁷. Императоры покровительствовали и китайскому буддизму, распространяли изображения императора в образе Манджушри⁸.

Монголы называли цинского императора «Старый Будда»⁹. Есть документы, где Сюанье обозначался как Чакравартин¹⁰. Хунли получил от тибетских иерархов

¹ Подробнее см.: Пурэвжав, 1983, с. 33.

² Gruper, 1984, p. 52.

³ Цендина, 2007, с. 24, 28, 39, 100, 125–132, 139, 140.

⁴ Agganna sutta, 20–21.

⁵ Напр., с тем, что русский царь — не буддист, связывали уход с Волги калмыков с Убаши-ханом в цинские владения в 1771 г. (Джамбалдорджи, 2005, с. 146).

⁶ Berzin, 2000.

⁷ Бруннарт, Гагельстром, 1909, с. 1.

⁸ Farquhar, 1978, p.24; Kuehle, 2008, p. 100.

⁹ Гюк, Габэ, 1866, с. 144.

¹⁰ Ishihama, 1992, p. 424.

Джанджа-хутухты III и Панчен-ламы тантрические посвящения Чакрасамвары и Махакалы, до конца жизни занимался соответствующими практиками¹. Хунли считался аспектом Чакравартина и эманацией Манджушри и в этих образах, а также в линии преемственности божеств Чакрасамвары и Бхайшаджьягуру, он изображался на некоторых тханках², а в мирском аспекте считался инкарнацией Хубилая³. Как эманация Манджушри, Хунли мог общаться на равных с перерожденными ламами⁴. Над погребальной платформой Хунли и его императрицы на потолке было начертано колесо Чакравартина⁵.

Важный документ — «Заявления для лам» Хунли, где он разъясняет отношение государства к тибетскому буддизму⁶. Они начертаны в центре тибетского буддизма в Пекине — монастыре Юнхэгун на маньчжурском, монгольском, тибетском и китайском языках. Текст «Заявлений» несет явные следы конфуцианской обработки — отсюда искажения. Так, титул Далай-лама был впервые пожалован не цинским императором, а монгольским Алтан-ханом. «Подтвердить титулы», якобы данные Далай-ламе и Панчен-ламе еще при династии Юань, тоже было проблематично: в юаньское время еще не было этих титулов. В автобиографии Далай-ламы V говорится, что император Фулинь дал ему титул «Учитель императора», а Хунли отрицает, что такой титул вообще давала его династия. Вместо этого, императоры Сюань, Иньчжэнь и Хунли объявляли перерожденцев одного из высших лам Гэлуг — Джанджа-хутухты «Учителями государства». В «Заявлениях» сказано, что, в отличие от Юань, династия Цин дает ламам титул «наставник государства», а не «наставник императора».

Это странно: как буддист, изучавший религию и имевший посвящения, Хунли не мог не знать, что, согласно канонам, его коренным Учителем становился лама, эти посвящения давший, что как к Учителям следовало относиться и к их предыдущим перерождениям, и к линиям Далай-ламы и Панчен-ламы (которые в иерархии Гелуг стоят выше Джанджа-хутухты). По словам Хунли, «Т.к. монголы поклоняются Будде и имеют явную веру в лам, мы должны защищать ее только во исполнение нашей политики и распространения нашей любви к слабому»⁷. Выходит, императоры принимали буддизм из чисто конъюнктурных соображений...

Однако есть более логичное объяснение всем этим неточностям: императоры предпочитали не афишировать свою буддийскую веру. Дело в том, что в китайских образованных кругах эта вера, подобно даосизму, считалась делом простонародья, а увлечение ею — недостойным «благородного мужа»⁸. Например, хотя

¹ Успенский, 2004, с. 25; Gruper, 1984, p. 58; Wang X., 2000, p. 161. Объяснение религиозных титулов см. в гл. 2.

² Успенский, 2004, с. 29–31; Ishihama, 1995, p. 49–64, 2005, p. 26–27. Тханка — буддийская икона.

³ Хунли, как и Хубилая, монголы называли «Мудрый царь» (Сэцэн хаан).

⁴ Farquhar, 1978, p. 8–9, 24–25.

⁵ Crossley, 1999, p. 242.

⁶ Lessing, 1942.

⁷ Lessing, 1942, p. 58, 59; Hevia, 1993, p. 254–255.

⁸ Дмитриев, Кузьмин, 2014, с. 5–17.

императора Фулиня привлекал буддизм, «на публике» он позиционировал себя прежде всего как конфуцианский император¹. Многие действия цинских императоров в их взаимоотношениях с иерархами в монгольских и тибетских источниках описаны совсем по-другому, чем в китайских², а ряд китайских источников просто игнорировал тибетский буддизм³. В маньчжурской версии «Заявлений» Хунли говорит: «Когда я начал изучать [тибетские] писания, меня критиковали некоторые китайцы за уклон в сторону Желтой церкви» (т.е. Гэлуг). Слова «китайцы» нет в китайской версии⁴. В автобиографии Далай-ламы V его встреча с Фулинем описана как встреча равных, а в китайском описании она выглядит как прием императором подчиненного. Аналогичные противоречия есть и в описании визита Панчен-ламы в Жэхэ и Пекин в 1780 г.⁵

В рамках отношений «наставник – покровитель», связывавших их с высшими ламами Гэлуг⁶, императоры должны были оказывать помощь ламам в мирской жизни. Помощь в религиозной жизни стала включать вмешательство в дела церковного управления, что можно трактовать как недопущение злоупотреблений и падения престижа религии⁷. Атрибутами этого были печати и дипломы, удостоверявшие подлинность перерождений высших лам, использование золотой урны (*бумпа*), из которой амбани (цинские резиденты) или ламы извлекали жребии с именами новых перерождений.

Золотых урн было две: в Лхасе и Пекине (в Юнхэгуне — для монголов). В «Тибетском уложении» 1792 г. говорилось, что Золотая урна символизирует покровительство императора Желтому учению (Гэлуг) и применяется лишь при подтверждении уже выявленного перерождения; использовали ее избирательно⁸. Ее введение не противоречило роли императоров как буддистов, покровительствовавших Гэлуг. Жребий считался не случайным, а направляемым высшими силами, в том числе чойджонами (Защитниками Учения). Роль лам — оракулов чойджонов этот обычай не ограничивал: согласно прокламации Хунли в Юнхэгуне, оракулы участвовали в церемонии жеребьевки⁹. Наместник императора (амбань) не руководил жеребьевкой. «Императорскому наместнику отводилась роль арбитра в процедуре избрания реинкарнации путем вытягивания жребия»¹⁰.

Цинского императора считали главой всех религий и, как таковой, он приносил жертвы Небу, Земле, Конфуцию, Будде и т.д.¹¹ Очевидцы писали, что «им-

¹ Liu, 1989, p. 73.

² Успенский, 1996, с. 43; Will, 2008, p. 125–159.

³ См., напр., Позднеев, 1898, с. 54–56.

⁴ Farquhar, 1978, p. 26.

⁵ Nevia, 1993, p. 262–265.

⁶ Shakabpa, 2010, p. 496, 498–501.

⁷ Подробнее см.: Кузьмин, 2012б, с. 5–19.

⁸ Намсараева, 2003, с. 121.

⁹ Lessing, 1942, p. 60.

¹⁰ Намсараева, 2003, с. 125.

¹¹ Hsieh, 1925, p. 36.

ператор китайский — первосвященник всех религий, исповедуемых в пределах государства»¹.

Если монгольские истории ранне-цинского времени основываются на представлении об их отдельности в общей индо-тибето-монголо-маньчжурской буддийской истории, то к XIX в. произошли изменения. Монгольские истории этого времени фокусируются не исключительно на монголах в Цин, а скорее на трансэтнической, буддийской Цин, в которой монголы составляют часть наряду с маньчжурами, китайцами и тибетцами².

Легитимация власти маньчжурских императоров над Монголией включала не только религиозный компонент. Еще Нурхаци предложил заключить союз против китайской империи Мин чахарскому хану Лигдэну (1592–1634) — старшему из Чингисидов, считавшемуся «всемонгольским ханом» — между монголами и маньчжурами, как народам, близким по обычаям и установлениям³. Но получил отказ. Однако другие монголы стали устанавливать союзные отношения с маньчжурами, которые постепенно перешли в вассальную зависимость.

В 1624 г. южно-монгольское княжество Хорчин заключило с Нурхаци договор о «крепком союзе и дружбе». Столкновение Хорчина и Чахара благодаря маньчжурам решилось в пользу Хорчина. В 1626 г. Нурхаци захватил ряд южно-монгольских княжеств. К нему приехал князь Хорчина — Аоба. Они обменялись клятвой верности. Аоба получил ханский титул. В 1626 г. маньчжуры захватили халха-монгольское княжество Джаруд. В 1627 г. на сторону уже сына Нурхаци — Абахая перешли южно-монгольские княжества Аохан и Найман. Союз был направлен против Лигдэна⁴. Для управления делами монголов маньчжуры создали специальный орган — Мэнгуюань. В 1633 г. он был преобразован в «Лифаньюань» — «Палату внешних сношений», или «Палату по управлению внешними регионами».

В борьбе с Абахаем Лигдэн потерпел поражение. Вскоре он умер от оспы, его две жены и наследник сдались. Эджэ, сын Лигдэна, пытался продолжить борьбу, но был убит.

После поражения чахаров, в 1636 г. съезд князей южных и восточных монголов (княжества Хорчин, Харчин⁵, Джалайт, Горлос, Аохан, Найман, Тумэт, Барин, Оннюд и Джаруд) отправил посольство к Абахая с передачей ему титула всемонгольского хана — Богдо-хана (Богдыхана), т.е. верховного или священного хана, императора. Абахай принял титул и пообещал сохранить за монгольскими князьями наследственное право на их уделы, неприкосновенность территории и жизненного уклада. После церемонии Абахай 27 мая 1636 г. издал указ, где гарантировал возведшим его монголам: «В случае, когда Дай-Цинская династия падет, вы вновь будете существовать по прежним основным законам»⁶.

¹ Тимковский, 1824, с. 39–40.

² Elverskog, 2006, p. 135.

³ Ермаченко, 1971, с. 43–44.

⁴ Ермаченко, 1971, с. 53–67.

⁵ В разных документах обозначаются как “харачины” и как “харчины”. Здесь и ниже я использую последнее написание, используемое сейчас в Монголии.

⁶ Цит. по: Баранов, 1919, с. 30.

Список этого указа найден в Монголии ротмистром А.М. Барановым. Данное установление Абахая означало, что монголы в таком случае станут свободны от обязательств перед маньчжурами и смогут выбрать себе нового великого хана по своему усмотрению.

Сын монгольского (хошутского) Гуши-хана — Даши-Батор в 1673 г. позволил ввести цинские войска на свою землю, превратив тибето-монгольскую область Кукунор (Амдо) в плацдарм для дальнейшей маньчжурской экспансии¹. Из-за поражений в войнах с Джунгарским ханством князья Халхи стали обсуждать, под власть какого царства перейти — Российского или Цинского. Считается, что убедил князей перейти под власть маньчжуров, как более близких монголам по вере и обычаям, глава буддистов Халхи — Богдо-гэгэн I Дзанабадзар². После этого он со своими шабинарами (учениками — подробнее см. гл. 2) и Тушэту-хан со своими данниками, по монгольскому обычаю, поднесли дань из «девяти белых» (1 белого верблюда и 8 серых лошадей) и подчинились цинскому императору³.

Это произошло на сейме в Долон-норе в Барге (Хулунбуире) в 1691 г., где князья Халхи признали власть императора Сюанье. Собравшимся был оглашен его указ о реорганизации Халхи по образцу Внутренней Монголии: «Видя вашу искренность и благодарность, (мы решили) организовать вас по одному образцу с 49 знаменами, и ваши титулы также (сделать) одинаковыми с 49 знаменами, проявив тем самым заботу о вас как об одном целом (с нами)»⁴. Как показала И.С. Ермаченко, высказанное на съезде «добровольное» и «единодушное» желание феодалов Халхи войти в Цинскую империю на тех же положениях, что и Южная Монголия, было инспирировано маньчжурским руководством. Решения сейма не были закреплены письменным актом. Постепенно большинство монгольских земель оказалось под цинской властью. С 1723 г. ханы были лишены прежней власти и приравнены к хошунным дзасакам (см. ниже).

М. Тачибана по китайским источникам показал, что маньчжуры подразделяли всю Монголию на «Внешнюю» (кит.: вайфань) и «Внутреннюю» (*нэйшу*). «Внешняя» делилась на «знамена» (монг.: хошуу, хошун), которые управлялись наследственными владетельными князьями, назначаемыми цинским императором — дзасаками⁵. Хошуны были объединены в «сеймы» (монг.: чуулган), называвшиеся по местам периодических собраний дзасаков, на которых решались общие вопросы. Председатели сеймов не были самостоятельными правителями. «Внешняя» Монголия была разделена на «внутренних дзасаков» и «внешних дзасаков». «Внутренние дзасаки» составляли 6 сеймов: Джерим, Джосоту, Джоуда, Шилингол, Уланцаб, Ихэджу (всего 49 хошунов). «Внешние дзасаки» составляли 4 аймака

¹ Непомнин, 2005, с. 83. Детали постепенного подчинения маньчжурам Кукунора и внутренних монголов изложены, например, в хронике «Эрдэнийн эрхэ» (Галдан, 2012, с. 162–171).

² Некоторые современные исследователи оспаривают это (Успенский, 2015, с. 77).

³ Позднеев, 1880, с. 7–8.

⁴ «Шэнцзу шилу», цз. 151, с. 126; «Пин дин шо мо фан люэ», цз. 10, с. 12а — цит. по: Ермаченко, 1971, с. 236. О «знаменах» (хошунах) см. ниже.

⁵ Хошуны назывались по именам и титулам дзасаков. Поэтому их названия менялись во времени, что создавало некоторую путаницу (Коростовец, 2004, с. 75).

Халхи из 86 хошунов: аймаки Сэцэн-хана (сейм Барс-хото на Керулене), Тушэту-хана (сейм Хан-ула), Сайн-нойон-хана (сейм Цэцэрлэг) и Дзасакту-хана (сейм Дзаг-гол у Биндэръя-нур), Кобдоский край (сейм Сайн-Дзаят, 16 хошунов: Дэрбэтский, Хойтский и Баитский аймаки), 13 хошунов под управлением цзяньцзюня (военного губернатора) Или в Синьцзяне, 29 хошунов Кукунора, Элетский хошун Алашани, торгутский хошун Эдзин. «Внутреннюю Монголию» составляли Чахар, Хух-хото, Тумэт, новая Барга (или новый Хулунбуир), старая Барга, элеты и мянгаты в Кобдоском крае. Она управлялась не наследственными князьями, а назначаемыми маньчжурами чиновниками, под началом военных губернаторов — цзяньцзюней или дутунов¹.

Однако сами монголы никогда не пользовались названием «Внутренняя Монголия», используя традиционный термин «Южная», дословно «Передняя» Монголия (*Өвөр Монгол*), в отличие от «Северной» Монголии (*Ар Монгол*)². В понятие «Южная Монголия» обычно включается то, что в России и на Западе обычно понимали под «Внутренней Монголией»: «Внутренние дзасаки», которые перечислены выше; Алашань (1 хошун), Чахар (1 хошун), Хух-хото (1 хошун)³. Племена Северной Монголии, отделенной с юга полупустыней Гоби, издавна были в меньшей зависимости от Пекина, чем племена Южной⁴. Это способствовало китаизации последней.

Слово *Халха* (монг.: халх — щит, заслон), согласно хронике «Эрдэнийн эрихэ», изначально означало «прежнюю» страну последнего юаньского императора — Тогон-Тэмюра, вернувшегося в Монголию из Пекина. Надпись на камне одного из перерожденцев Джебцзундамба-хутухты гласила, что *сайды* (министры), живущие на севере, смотрели на эту местность как на укрытие (*халхабчи*). «Внутреннюю стену» охраняли монгольские дзасаки (удельные князья) 51 хошуна, а «наружную» — халхаский аймак. Те, кто раньше всех перешел в подданство маньчжуров, изначально назывались «Старая Халха», или «внутренние монголы», или «Внутренняя Халха». А те, кто впоследствии стал называться Внешней Монголией или Халхой — принявшие подданство позже всех (Тушэтуханский, Сэцэнханский, Дзасактуханский и Сайннойонханский аймаки), назывались «Внешней Халхой»⁵.

Итак, понятия Внутренней и Внешней Монголии не являются однозначными, а названием Халха изначально обозначались Внешняя и часть Внутренней Монголии.

Район Дариганга к северу от Внутренней Монголии составлял самое обширное пастбище для императорских табунов. Пять хошунов Урянхая (Тува) считались цинскими вассалами.

В 1756 г. на западе Халхи произошло восстание Чингунжава. Эти повстанцы поддерживали контакты с восставшими монголами-ойратами Амарсаны. Хунли

¹ Тачибана, 2011, с. 3–4.

² Бира, 1980, с. 17.

³ Кушелев, 1912, с. 30–31.

⁴ Lattimore, 1930, p. 318–319, 1936, p. 396.

⁵ Галдан, 2012, с. 172–173.

боялся объединения халхасцев и ойратов. В 1757 г. Чингунжав был разбит и казнен маньчжурами. В том же году они нанесли решающее поражение ойратам и уничтожили Джунгарское ханство, но последние очаги сопротивления были ликвидированы лишь к 1759 г. Это сопровождалось геноцидом ойратов. Из 600 тыс. чел. 85% были перебиты и погибли от эпидемий, 5% бежали в Россию, лишь 10% сохранились на родной земле¹.

Джунгария и Восточный Туркестан были включены в империю Цин как провинция Синьцзян. В результате, по впечатлению путешественника начала XX в., Джунгария представляла уже не племенной, а чисто географической регион². По моим наблюдениям в 1990-е гг., местное (казахское и уйгурское) население хр. Джунгарский Алатау (Казахстан) помнит некоторые монгольские топонимы, но не знает их перевод и не всегда связывает с былым пребыванием ойратов. В Синьцзяне же явно преобладают тюрки и ханьцы, а ойраты сохраняются местами как реликт.

Присоединение монгольских земель требовало легитимации новой власти в глазах монголов. Поэтому цинские императоры старались показать свою преемственность от императоров юаньских.

Маньчжурские императоры и их ближняя родня — т.е. первые шесть степеней аристократов — были только маньчжурами или монголами³. Главным языком был маньчжурский, за ним следовали монгольский и китайский. Маньчжурское письмо было разработано еще до завоевания Китая — в 1599 г. монгольскими переводчиками Эрдэни-багши и Гагай-дзаргучи. Был использован монгольский алфавит, основанный на уйгурском. В империи Цин было три столичных города: Мукден, Пекин и Чэндэ, соответственно в Маньчжурии, Китае и Монголии, что символизировало власть над этими странами⁴.

После поражения Лигдэн-хана, Абахаю досталась его печать. «Т.к. маньчжурский император Сэцэн овладел чингисовой печатью, то он и сделался, таким образом, монгольским ханом»⁵. Эта фраза из монгольской хроники цинского времени отражает понимание монголами легитимации власти маньчжурских императоров как великих ханов Монголии — преемников Юань, которая владела и Китаем. По преданию, эта яшмовая печать передавалась из поколения в поколение: последний юаньский император Тогон-Тэмур (1320–1370), изгнанный из Китая в 1368 г., унес ее с собой, затем она исчезла, а потом вдруг чудесным образом нашлась и попала в руки Лигдэн-хана⁶. Однако современное исследование показало, что стиль шрифта этой печати не соответствует юаньской печати, и Лигдэн-хан использовал подделку, взяв в качестве образца печать династии Мин⁷.

¹ Непомнин, 2005, с. 127.

² Carruthers, 1914, p. 376.

³ Непомнин, 2005, с. 226.

⁴ Успенский, 2004, с. 7.

⁵ Джамбадорджи, 2005, с. 109.

⁶ Дыльков, 1998, с. 107–109.

⁷ Но, 2008, p. 1–54.

У Абахая было две жены-монголки, все его девять дочерей были выданы замуж за монгольских князей. Мать Фулиня была монголкой. Бабушка Сюанье происходила из рода Чингис-хана, а сам он подчеркивал эту преемственность декларациями о владении печатью юаньской династии¹.

От побежденных чахаров к Абахаяю перешла группа лам школы Сакья, составив «связующее звено» с практиками Олуг Дархан Нангцо. Родственники Лигдэна поднесли Абахаяю статую божества Махакалы, которая, по преданию, была дарована Хубилай-хану Пагпа-ламой². В 1635 г. Абахай основал для нее храм в Мукдене. Кроме того, он поместил туда мощи главного ламы Сакья — Шарпа-хутухты (наставника Лигдэн-хана), и свод священных текстов в монгольском переводе — Кангьюр (монголизир. Ганжур)³.

Маньчжуры декларировали сохранение традиционного образа жизни монголов, общую веру (тибетский буддизм) и сходство в образе жизни. Монголы занимали важное место в имперской администрации. Императоры давали им в жены своих дочерей. Звание эфу — императорского зятя было желанным для монгольских нойонов (высшей аристократии). Все императоры имели маньчжурское, монгольское и китайское имена.

В «Юнчжэн хуйдянь» (Свод узаконений Юнчжэна) сказано: «Монгольские племена пришли к нашей династии одно за другим... Наш двор дал им жить в их начальном месте, лишь если они будут предлагать ежегодное паломничество ко двору и обязательную дань»⁴. Символом подчинения Халхи была ежегодная дань в «девять белых» (см. выше). Согласно кн. 15 «Кодекса управления делами Внешней Монголии», эту дань императору должны были посылать Богдо-гэгэн, Тушэту-хан и Сэцэн-хан как старшие из правителей⁵. Это была древнемонгольская традиция вассалитета.

Узаконения для Монголии были кодифицированы в «Лифаньюань цзэли» (Уложение Лифаньюаня) 1789 г., в 1815 г. в него внесли дополнения и в 1818 г. опубликовали в Пекине на маньчжурском, монгольском и китайском языках. Узаконения касаются подчинения монголов маньчжурской династии, ограничения их связей с китайцами. Никаких предписаний о внутренней жизни монголов они не содержат, т.к. династия предоставила им жить по собственным обычаям⁶. Наряду с этим, в Халхе действовали нормы феодального права из монгольского свода XVIII в. — «Халха-Джирум»⁷. Эти узаконения препятствовали китаизации монголов.

Верховным собственником земли Монголии был маньчжурский император, фактическими собственниками — правители хошунов. Императоры раздава-

¹ Пучковский, 1963, с. 340–341; Успенский, 1996, с. 40–50; Духовная культура Китая, 2009, с. 504; Crossley, 1999, p. 212, 224.

² Elverskog, 2006, p. 188.

³ Gruper, 1984, p. 52.

⁴ 151 YND 1732:221/1a — цит. по: Chia, 1993, p. 85.

⁵ Батсайхан, 2011б, с. 263.

⁶ Липовцов, 1828; Позднеев, 1896, с. XXV.

⁷ Бакетова, 2009, с. 45–47.

ли титулы, должности и земли по принципу «разделяй и властвуй», что вело ко все большему дроблению Монголии. Так, в 1725 г. в Халхе из аймака Тушэту-хана был выделен аймак Сайн-нойон-хана, когда чин-ван¹ Дашдэндэв получил от маньчжурского императора этот титул. Если в 1655 г. в Халхе было восемь хошунов, то в 1725 г. — уже 74.² Всего ко времени свержения маньчжурской власти во Внешней Монголии стало 86 хошунов, а также Кобдоский округ, Алтайский округ и Урянхайский край³.

Монгольские феодалы подтверждали свои титулы во время приездов к цинскому императору, поднося дорогие подарки (например, в 1898 г. нойоны Внешней Монголии поднесли ему 200 тыс. лан серебра⁴). Не только нойоны, но и тайджи (дворяне) по достижении 18-летнего возраста должны были ездить к нему за подтверждением титула: без этого они не могли пользоваться правами, связанными с происхождением⁵. Это согласовывалось с легитимацией маньчжурских императоров как великих монгольских ханов (см. выше). Кроме того, это показывает, что главные принципы отношений императоров как сеньоров с монгольскими нойонами и тайджи как вассалами строились на той же общей схеме, что феодальные отношения в Европе. Б.Я. Владимирцов справедливо рассматривал монгольские хошуны как феодалы⁶.

Вместе с тем, сами маньчжуры после завоевания Китая китаизировались, несмотря на все усилия императоров. Исполнялись опасения Абахая в 1636 г.: «Чего я боюсь, так это того, что дети и внуки позднейших поколений оставят Старый Путь, будут пренебрегать стрельбой из лука и верховой ездой, и вступят на китайский путь!»⁷ Уже к концу правления Хунли 80% провинциальных чиновников были ханьцами⁸. В XIX в. многие маньчжуры забывали родной язык, некоторые стали записываться китайцами, чтобы избежать военной службы. Миссионеры Э.-Р. Юк и Ж. Габэ, наблюдая, как маньчжуры перенимают китайский язык и обычаи и видя, как много китайцев в Маньчжурии, считали даже, что «национальность манджурская окончательно изгладилась»⁹. Это явное преувеличение¹⁰.

Переход империи Цин от даннической к договорной системе международных отношений со второй половины XIX в. сопровождался кризисом. Империи при-

¹ Иерархия феодальных титулов дана в гл. 5.

² История МНР, 1954, с. 159.

³ Котвич, 1914, с. 22. Схема административной структуры Халха-Монголии в цинский период дана у Б. Ширендыба, 1971, с. 18, структура в период автономии — там же, с. 30, и у И.М. Майского, 1921, с. 286–295.

⁴ Ширендыб, 1960, с. 72. 1 лан = 37,5 г.

⁵ Позднеев, 1896, с. 16.

⁶ Владимирцов, 2002, с. 488.

⁷ Цит. по: Elliott, 2001, p. 9.

⁸ Rigger, 1994, p. 197.

⁹ Гюк, Габэ, 1866, с. 75.

¹⁰ Ассимиляция резко ускорилась в XX в. К началу XXI в. осталось менее 100 чел., свободно говорящих по-маньчжурски (Lau J. Mustering...).

шло отказываться от восприятия остальных стран как «варварской периферии», недостойной равноправных отношений. Это был отход от китайской традиции. Чтобы противостоять экспансии европейцев, американцев и японцев, была принята «новая политика» — заселения ханьцами территорий за пределами Великой китайской стены.

Первой такой колонизации подверглась Маньчжурия, затем — Монголия и Тибет. Тем не менее, к этому времени маньчжуры имели хорошо документированную и имперски одобренную национальную идентичность, историю, язык и родину — все, что составляет национальное самосознание¹. В Цинской империи четко сохранялись отличия завоевателей и завоеванных — маньчжуров и ханьцев, почти до конца существования империи². Недовольство властью маньчжуров выплескивалось восстаниями и созданием тайных обществ китайцев. «Империя есть империя Китая, а не империя маньчжурских варваров... Они украли империю Китая»³. «Все антидинастические стремления патриотизма, воплотившиеся в идеях тайных обществ, прекрасно могут быть охарактеризованы китайской формулой... *фу-мин фань-цин* — восстановление минской династии и ниспровержение маньчжурской»⁴.

Основным содержанием Синьхайской революции было свержение феодального строя, создание республики и избавление Китая от иностранной зависимости⁵. Документы показывают, что именно ханьский национализм был ее движущей силой⁶. Западный термин «революция» попал в китайский язык благодаря японскому переводу и звучал как *гэмин*. Изначально этот термин означал лишение «мандата Неба» на правление, а после начала борьбы Сунь Ятсена против династии Цин это стали понимать как как насильственное сопротивление феодальному правлению⁷. «Отец республики» Сунь Ятсен отмечал, что «варвары-маньчжуры» «не могут править цивилизованным народом, дикие племена не могут господствовать над Китаем»⁸. В 1905 г. Сунь Ятсен за границей — в Токио возглавил китайскую революционную организацию — Тунмэнхуй (Объединенный союз). В декларации союза в августе 1905 г. были изложены цели революции и управления страной: «С самого основания китайского государства им всегда управляли китайцы. <...> Китай должен быть государством китайцев, и управлять им должны китайцы»⁹. В речи «Три народных принципа» в Токио в 1906 г. он заявил, что ханьцы обретут свое государство, только когда возьмут власть в свои руки — в противном случае государство останется по-прежнему «не нашим, не китайским»¹⁰.

¹ Crossley, 1990, p. 9.

² Horowitz, 2004, p. 477; Zarrow, 2004, p. 67–107.

³ Из воззвания тайпинов — цит. по: Elliott, 2001, p. 23–24.

⁴ Рудаков, 1901, с. 3.

⁵ Белов, 2001, с. 354.

⁶ Напр., Синьхайская революция..., 1968, с. 37–74, 86–176.

⁷ Калужная, 1995, с. 140–141.

⁸ Цит. по: Синьхайская революция..., 1968, с. 38, 53.

⁹ Сунь Ятсен, 1961, с. 113–117.

¹⁰ Сунь Ятсен, 1985, с. 110, 112.

Сунь Ятсен провозгласил Китайскую республику 26 октября 1911 г., вновь находясь за границей — во Франции. Торжественное провозглашение того же самого состоялось 1 января 1912 г. в Нанкине.

Конец империи обозначил императорский указ об отречении династии в пользу республики. Этот указ 12 февраля 1912 г. издала регентша Лунъюй от имени малолетнего императора Пуи. Там было, в частности, сказано, что устанавливается Китайская республика, которую образуют пять народностей: маньчжуры, ханьцы, монголы, мусульмане и тибетцы¹. Три указа, связанные с отречением династии, предписывали основать республику, устранить все национальные границы и предрассудки, сохранять за императором церемониальные права, щедрое материальное обеспечение и т.п.²

Легитимность этих актов сомнительна, т.к. функции регента ограничены временным управлением империей до вступления во власть императора. Верховная власть последнего оставалась неоспоримой, и регент не имел права низлагать императора и ликвидировать монархию. Не основывали на этих указах свою легитимность в документах и китайские республиканцы³.

Встал вопрос о территории Китая — прежде всего, о «его не-ханьских национальностях». Распространенный взгляд на их земли как принадлежащие ханьцам выражал, например, ханьский революционный мыслитель Чжан Бинлинь в 1911 г.: «Ханьцы по характеру миролюбивы и полагаются на человеколюбие <...> На нашей территории живут также монголы, магометане, тибетцы, к которым мы относимся как к равным» и намерены «восстановить наш суверенитет»⁴. Итак, Монголия и Тибет, которые никогда не входили в состав Китая, вдруг оказались территориями ханьцев, которым следовало там «восстановить свой суверенитет».

В начале 1910-х гг. нациестроительство Сунь Ятсена ориентировалось на традиционную модель — сделать китайцев единственной нацией страны; ассимиляция остальных закреплялась в качестве программного требования сначала Тунмэнхуя, затем Гоминьдана. В конце 1910-х гг. была поставлена цель «переплавиться» вместе с остальными, ассимилировавшись внутри ханьской нации⁵. В декларации при вступлении на пост временного президента Китая 1 января 1912 г. Сунь Ятсен заявил о необходимости «национального единства»: слить земли всех национальностей в одно государство, а сами национальности — «в одну семью»⁶. П. 2 ст. 3 Устава Тунмэнхуя, принятого в феврале 1912 г., гласил: «Осуществлять ассимиляцию национальностей»⁷.

10 марта представители 17 китайских провинций приняли временную конституцию Китайской республики, где в ее территорию были включены не только 22 провинции, но также Внутренняя и Внешняя Монголия, Тибет и Цинхай

¹ Zhongguo dier lishi dang'an guan, 1991: 2.72 — цит. по: Zhao, 2006, p. 16.

² Weale, 1918, p. 28-29, указы: p. 295–298.

³ Подробнее см.: Дмитриев, Кузьмин, 2014, с. 11–12.

⁴ Цит. по: Каложная, 1995, с. 160–161.

⁵ Москалев, 2005, с. 86.

⁶ Сунь Ятсен, 1985, с. 121–122.

⁷ Духовная культура Китая, 2009, с. 22.

(Кукунор) (ст. 3). Хотя декларировалось, что «Китайская республика создается народом Китая» (ст. 1) и «Верховная власть Китайской республики принадлежит всем гражданам страны» (ст. 2)¹, монголов и тибетцев включили в нее помимо их воли.

Став временным президентом, Сунь Ятсен сразу объявил, что все договоры, заключенные цинским правительством, признаются Республикой, она принимает на себя обязательства по всем внешним займам, признает все права иностранцев и т.д. 6 октября 1913 г. постоянным президентом республики был избран Юань Шикай. Дипкорпус потребовал подтвердить цинские международные обязательства. Тот заявил, что они будут выполняться². Приняв на себя договорные обязательства Цин перед иностранными державами, республиканцы продемонстрировали правопреемство республики от этой империи в отношении международных договоров. Эти обязательства и стали главным в признании республики. По современному международному праву, юридически преемственность государств происходит, когда одно государство перестает существовать, а другое начинает существовать или получает контроль над территорией, потерянной первым. Главный вопрос в том, принимает ли на себя государство-преемник международные обязательства государства-предшественника³.

Однако историческая преемственность не ограничивается международными договорами. В республиканском Китае оказались отброшенными важные черты, которые отличали империю Цин от Китая, в том числе — разные формы легитимации власти для разных народов. Но одна из черт империи — мультиэтничность — получила аналогию в виде «республики пяти рас». В КНР преобладает и официально одобряется точка зрения, что в истории границы Китая менялись, но никогда не сводились к ареалу ханьцев: маньчжуры, монголы, тибетцы и многие другие национальности задолго до династии Цин являлись составными частями китайской нации, а районы их проживания издавна являются составными частями территории Китая⁴. Где начало этой концепции?

В конце XIX–XX в. в китайский лексикон из Японии попали термины со значением «нация»: *гоминь*, обозначающий нацию политическую, и *миньцзу*, обозначающий нацию этническую⁵. Примерно в первой декаде XX в. был создан новый лингвистический конструкт — «китайская нация» (*чжунхуа миньцзу*), который, очевидно, первым использовал ханьский националист Лян Цичао⁶.

В первые месяцы Китайской республики среди ханьского истеблишмента шли дебаты о «пяти национальностях», или «пяти расах». Разногласия касались принципов «великого Китая» (*да Чжунго чжу-и*) и «собственно Китая» (*бэньбу Чжунго*). В начале 1912 г. появилась статья с их обобщением. Сторонники первого признавали ханьцев единственным народом, способным к нациестроительству,

¹ Текст: Синьхайская революция..., 1968, с. 181.

² Белов, 2001, с. 90–91, 104.

³ West's..., 2008.

⁴ Напр., Заявление..., 1974, с. 10–13; Бира и др., 1980, с. 8; Сладковский, 1980, с. 50.

⁵ Москалев, 2009, с. 18.

⁶ Chen Liankai, 1994, p. 59–69 — in Leibold, 2006, p. 212–213.

второго — были за независимость «пограничных» народов, чтобы благодаря им обезопасить границы республики. Они остались в меньшинстве. Верх взяла точка зрения, что монголов, тибетцев и тюрков надо включить в республику, чтобы они составляли защиту «собственно Китая», но не создали свои страны, которые смогли бы использовать зарубежные силы¹.

Президентский мандат от 28 октября 1912 г. декларировал учреждение «республики пяти рас». Как отмечали японские исследователи, это был новый политический конструкт, который использовался для подавления законных национальных чаяний бывших цинских «пограничных народов», желавших самоопределения от ханьского господства. Кроме того в «пограничных народах» видели потенциальных союзников в борьбе за независимость от иностранного империализма и внутреннего феодализма². Этот национализм, имевший основанием традиционную синоцентристскую идеологию, и все чаще трактуемый в рамках западных концепций³, стал ключом к получению политической легитимности Китайской республики, а затем КНР, в границах империи Цин.

В начале республиканской эры в Китае широко обсуждались также западные антропологические концепции, были попытки «обосновать» ими изначальное родство «пяти рас»⁴. Это отражает проникновение в Китай механистических представлений об эволюции организмов, широко распространенных в Европе в конце XIX – начале XX в. Эти представления, подвергавшиеся уже в то время обоснованной критике в Европе, в Китае были упрощенно восприняты и использованы в геополитических целях.

Термин «национальное меньшинство/малочисленная народность» (*шаошу миньцзу*) появился еще позже — лишь в 1924 г. на конференции Гоминьдана, а в 1926 г. — на конференции КПК. И лишь после смерти Сунь Ятсена Гоминьдан стал вкладывать в понятие «государственная нация» полиэтнический смысл⁵.

* * *

Согласно синоцентристской модели, империя в мире может быть лишь одна — Срединная, потому важно не столько ее название, сколько название ее состояния при конкретной династии. «Китайская династия» — это наименование государства по периоду правления одной фамилии, принявшей китайскую концепцию монархической власти, причем это такое государство, в которое включен Китай целиком или частично, или пограничное государство, правитель которого, провозглашая себя императором, претендует на китайский престол⁶.

Самоназвания государств, их мультиэтничность и декларации о преемственности от той или иной державы сами по себе не создают историческую преем-

¹ Esherick, 2006, p. 244.

² Leibold, 2003, p. 2, 188–191.

³ См. Ishikawa, 2003, p. 8–18.

⁴ Дмитриев, Кузьмин, 2014, с. 14.

⁵ Jin, 1987.

⁶ Кузьмин, 2010а, с. 473.

ственность¹. Декларации «иноземных династий Китая» о том, что их страны — это главное, Срединное государство не могут составлять предмет современного международного права.

Империя Юань, в которую входил завоеванный Китай, была монгольским, а не китайским государством. Тогда был первый период распространения тибетского буддизма в Монголии. В этот период сформировался образец отношений лам с императорами, правившими Монголией и Китаем. Через несколько веков на его основе формировались отношения иерархов тибетского буддизма с маньчжурскими императорами. Империя Цин была создана маньчжурами и получила свое название вне Китая, а затем последний был включен в нее и вновь потерял независимость. Цинская мироустроительная концепция по ряду признаков принципиально отличалась от китайской.

Разные части раздробленной Монголии подчинились не Китаю, а маньчжурским императорам на разных основаниях. Переход монголов в подданство маньчжуров начался еще до создания их империи, а титул великого хана (Богдо-хана, императора), восходящий к юаньскому времени, повелителю маньчжуров поднесли монголы. Хотя великими ханами теперь стали маньчжуры, легитимация их власти над Монголией была основана на монгольской и индо-тибетской, но не китайской мироустроительной концепции.

Приведенные в этой главе факты подтверждают выводы русских очевидцев начала XX в.: «Монголия представляет из себя полусамостоятельное государство, не покоренное Китаем, а связанное с ним единством династии, правящей и в Монголии, и в Китае»²; «Монголия, лишь случайно связанная до последнего времени с Китаем общей царствующей династией, всегда была чужда ему и даже враждебна»³.

Империя Цин не была Китаем, а Китайская республика и КНР не имеют от нее исторической преемственности. Императорские указы об отречении цинской династии и основании республики не стали легитимной основой последней. Тем не менее державы признали Китайскую республику в границах империи Цин. Почему это произошло, довольно точно заметил О. Латтимор: «Европейцы, попадавшие в империю Цин с моря, делали неверные выводы о том, что внутренние регионы, как Монголия — это “владения Китая”. Монголия оказалась “владением Китая” по международным договорам европейцев. Это была новая концепция, наложенная на старые отношения монгольских племен с цинскими императорами. Неудивительно, что эти скрытые различия между структурой Китая и таковой Маньчжурской империи не стали показывать и обсуждать при провозглашении Китайской республики в 1912 г. ...Международные связи Китая работали против честного переформулирования истории. Иностранные державы нервничали по поводу “закона и порядка”, подразумевая преемственность интересов, которыми они себя наделили при Империи. Гораздо проще было принять, что маньчжуры

¹ Дмитриев, Кузьмин, 2014, с. 14.

² Баранов, б.г., с. 5.

³ Томили, 1913, с. 4.

управляли Китайской империей, содержащей Маньчжурию, Монголию, Китайский Туркестан и Тибет, и таким образом следует доверять пришедшей Республике в целом, с международно-правовым титулом на владение Монголией»¹.

Итак, не историческая преемственность государств, а великоханьский шовинизм при поддержке держав, руководствовавшихся политической целесообразностью, сыграл ключевую роль в легитимации Китайской республики (а затем КНР) в границах империи Цин, вассалами императоров которой были монгольские правители.

Глава 2. Формирование монгольской теократии

Как показано выше (см. гл. 1), в юаньский период теократические структуры за пределами Тибета не получили широкого распространения. Положение изменилось незадолго до образования империи Цин, когда в Монголии стало широко распространяться учение школы Гэлуг. Успехи в этом других школ тибетского буддизма были гораздо меньше.

2.1. Буддизм школы Гэлуг и возникновение монгольской теократии

Алтан-хан тумэтский (МТМ).

В 1550-х гг. в районе Кукунора появился правитель монголов-тумэтов Анда (1507–1582) — внук Даян-хана, впервые объединившего монголов после краха империи Юань. Анда принял титул Алтан-хан. В 1566 г. его двоюродный племянник Хутухтай Сэцэн-хунтайджи вторгся в Тибет. По его требованию трое высоких лам проследовали с ним в Ордос, чтобы распространять буддизм. В 1576 г. он посетил Алтан-хана и убеждал его для закрепления успехов в делах с Китаем и для решения проблем престолонаследия опереться на религию, которую исповедовал Хубилай-хан².

¹ Lattimore, 1937, p. 66–67.

² Эрдэнийн товч — цит. по: Златкин, 1983, с. 98.

Алтан-хан последовал совету. Принимая буддизм, он хотел укрепить свою власть и распространить веру. Несомненно, перед ним были образцы Годана и Хубилая. Однако сам он имел титул шитну-хан (малый хан), который по его просьбе дал великий хан монголов Дарайсун¹. Алтан-хан отправил делегацию с приглашением Сонаму Гьяцо (1543–1588), являвшемуся перерождением Гедун Дупа — ученика Цонкапы, основателя школы Гэлуг. В 1578 г. Сонам Гьяцо прибыл в Монголию. Во время путешествия из Тибета в Кукунор и тибетская, и монгольская стороны соблюдали установленный при Юань протокол церемониала². Алтан-хан и его люди приняли буддизм. Между Сонамом Гьяцо и Алтан-ханом установились отношения «наставник – покровитель».

Встреча ознаменовалась обнародованием «Арван буян цааз» (Уложение 10 добродетелей). Его авторство приписывают Хутухтаю Сэцэн-хунтайджи. Там устанавливались согласующиеся с буддизмом правила для монголов, в том числе привилегии для лам, меры по распространению буддизма, ликвидации шаманизма и кровавых жертвоприношений. «Благодаря союзу Алтаря и Трона, наподобие Солнца и Луны, открылся путь великого благодеяния, утвердилось святое учение, превратившее кровавое море в молочное»³.

Алтан-хан пожаловал Сонаму Гьяцо титул Далай-лама — на основе монгольского перевода слова *гьяцо* (по-тибетски «океан»). Двум его предшественникам-перерожденцам титул был дарован посмертно. Поэтому Сонам Гьяцо стал Далай-ламой III. Он получил печать с надписью: «Дорджечанг, Далай-лама» — т.е. «Держатель ваджры, Великий лама». Сонам Гьяцо даровал Алтан-хану титул «Религиозный царь, Брахма — глава богов»⁴.

Далай-лама III Сонам Гьяцо
(www.khurul.ru).

Первой сутрой, переведенной на монгольский язык по приказу Алтан-хана, была «Алтан гэрэл» (Сутра золотистого света), где содержатся буддийские идеи царской власти. В колофоне этой рукописи Алтан-хан назван Дхармараджей (санскр.: «царь учения» — т.е. царь-покровитель буддизма) и Чакравартином. То, что Алтан-хан был приравнен к Чакравартину — идеальному буддийскому мо-

¹ Скрынникова, 1988, с. 12.

² Рерих, 1999, с. 158.

³ Комм. и пер. текста: Дугаров, 1986, с. 118–120.

⁴ Шакабпа, 2003, с. 106–108.

нарху, которым когда-то был объявлен великий хан Хубилай, давало ему титул великого хана. Но этот титул, по праву наследования, уже был у сына Дарайсуна — Тумэн-Дзасагту-хана. Так стало два обладателя великоханского титула¹.

Алтан-хан приглашал не только Сонама Гьяцо, но и других высших лам: Ман-джушри-хутухту, Чамдо-Ирчайчон-хутухту и др. Он провел соотнесение церковных и светских титулов, причем церковные должность и титул цорджи были приравнены к феодальному титулу хунтайджи. Правнук Алтан-хана был распознан как Далай-лама IV Йонтен Гьяцо (1589–1617). То, что Далай-лама переродился монголом, укрепило влияние Гэлуг на монголов. Вместе с тем, Алтан-хан и его тумэты поддерживали давние контакты с Таклунгом — одной из подшкол Карма-Кагью².

Абатай-хан (МТМ).

Начало современным халхасцам дали семь *отоков* (племен), которые своим семи сыновьям выделил Гэрэсэндээ — сын Даян-хана, последнего хана, объединившего всю Монголию. Старшим в Халхе был дом Тушэтуханов. Внук Гэрэсэндээ — Тушэтухан Абатай (1534–1586) ездил в Хуххото для встречи с Далай-ламой III. В 1580 г. он принял буддизм, в 1586 г. основал первый стационарный монастырь в Монголии — Эрдэнэ-Дзу на территории Хархорина — древней столицы Великого Монгольского государства. Монастырь освятил Лодой-Нинбо — лама школы Сакья, который вместе с несколькими другими был прислан Далай-ламой. Предполагалось, что Далай-лама считал одинаково хорошими для монголов веру Гэлуг и Сакья, а Эрдэнэ-Дзу вначале был совершенно сакьяским монастырем³.

Абатай-хан много сделал для распространения буддизма: отправлял монголов в буддийскую школу в Чахар (где были начаты переводы буддийских книг на монгольский), способствовал миссионерской деятельности лам, помогал им в снабжении и т.д. Халхаские феодалы стали следовать примеру Абатая. Началось законодательное оформление защиты культовых объектов. В уложении, принятом на съезде нойонов Халхи в 1603 г., предусматривалось наказание за оскорбление бурхана. В законе 1604 г. упоминаются приглашенные в Халху ламы и банди (по-

смысл неясно).

¹ Скрынникова, 1988, с. 14, 16.

² Золотое сказание, 2005, с. 61; Рерих, 1999, с. 161; Elverskog, 2007, p. 59–80.

³ Джамбадорджи, 2005, с. 208, 222, 226. В наше время следом этого, очевидно, является сохранившаяся там статуя Гомбо-Гур (тиб.: Гонпо Гур, или Дордже Гур) — проявления Махакалы, являющегося главным охранителем школы Сакья.

слушники). Начиная с 1613 г., все законодательные съезды в Халхе собирались перед тем или иным храмом, после 1614 г. все законы предварялись молитвой. В 1617 г. было принято уложение, названное его составителями монашеским. Оно предусматривало, в частности, ответственность за разрушение культовых зданий¹.

В законах, принятых до 1620-х гг., упоминаются духовные лица *багш* (учитель), *лама*, *банди*. Главную роль в распространении буддизма играли «желтошапочники» (школа Гэлуг), но с ними мирно уживались монахи Сакья. Для распространения буддизма феодалы освобождали лам от налогов и повинностей, арадам иногда давали скот².

В 1620 г. прошел большой съезд 20 нойонов Халхи. На нем было принято «Великое уложение семи хошунов» из 92 статей, в которое были включены главные идеи предыдущих уложений и которое послужило основой «Великого уложения» 1640 г. Еще один крупный съезд состоялся в 1639 г. На нем присутствовали высшие ламы Джебцундамба-хутухта и прибывший по приказу Далай-ламы в 1604 г. Очирдара-хутухта³. Присутствовавший на съезде знаменитый ойратский лама Зая-пандита перед возвращением в Джунгарию напутствовал ханов пожеланием, чтобы они распространяли учение Цонкапы, отдавали желающих в банди и убаша, и не препятствовали тем, кто хочет стать тойном (монахом из аристократов)⁴.

Зая-пандита Намхайжамц
(www.museum.kalm.ru).

У западных монголов-ойратов провозглашение тибетского буддизма официальной религией произошло около 1616 г.⁵ Важную роль в его распространении сыграл Зая-пандита Намхайжамц (1599–1662). Он был приемный сын хошутского Байбагас-хана, который вместе с остальными нойонами ойратов обещали посвятить в банди по одному из своих сыновей. Посвящение дал Манджушри-хутухта, который был наместником Далай-ламы в Джунгарии⁶. Благодаря ему установились религиозные связи Джунгарского ханства с поволжскими калмыками и Ти-

¹ Насилов, 1985, с. 321.

² История МНР, 1954, с. 140; Эрдэнипэл, 2005, с. 229; Скрынникова, 1988, с. 26–35.

³ Насилов, 1985, с. 322–323.

⁴ Раднабхадра, 1999, с. 56.

⁵ Златкин, 1983, с. 102.

⁶ Раднабхадра, 1999, с. 53.

бетом. Зая-пандита обнародовал повеление, запрещающее поклонение онгонам и шаманские камлания¹.

В Южной Монголии для развития буддизма много сделал Лигдэн-хан: организовал школу, создание сводного текста монгольского Ганджура, пригласил ламу-наставника. Он опирался в основном на подшколу Карма-Кагью², или в равной мере на «красное учение» (школа Ньингма?), Сакья и Кагью, и начал репрессии против Гэлуг. Его поддержал халхаский Цохор-Цогт-хунтайджи. Последнего изгнали из Халхи, и он направился в Кукунор. Там он был разбит правителем монголов-хошуттов Кукунора — Гуши-ханом (1582–1655) и погиб³. Лигдэн же потерпел поражение от маньчжуров и умер (см. выше).

В 1642 г. Гуши-хан взял власть над всем Тибетом и вручил ее Далай-ламе V Нгавангу Лобсангу Гьяцо (1617–1682)⁴. Так Тибет стал теократической монархией во главе с Далай-ламой. Между хошутами и тибетскими иерархами установились отношения «наставник – покровитель».

Далай-лама V учитывал опыт прошлого: теократию Сакья, буддийских царей Тибета, в особенности самого известного из них — Сонгцэна Гампо (613–649 гг.). Он писал о них в своей книге о религии и власти в Тибете⁵. В 1652–1653 гг. Далай-лама V и Гуши-хан посетили Пекин, где встретились с цинским императором Фулинем. Между Далай-ламой и императором установились отношения «наставник – покровитель».

В 1640 г. съезд халхаских и ойратских нойонов принял «Их цааз» (Великое уложение). Во вступлении оно содержит апелляции к Будде, Цонкапе, Далай-ламе, Панчен-ламе, Нейджи-тойну⁶, Индзан Ринпоче⁷. Ряд статей определял наказания за убийство, ограбление и оскорбление буддийских монахов. Судя по размеру штрафов, за оскорбление ламы-учителя, цорджи и гелонги приравнивались к феодалам. С тойна за самовольное нарушение обета полагалось взять половину имущества и скота. Для шаманов, проводящих ритуалы, и тех, кто их приглашает предусматривались штрафы⁸. Это фиксировало правовое положение буддийской церкви.

Эти и другие установления были включены в кодекс «Халха-Джирум» — сборник постановлений и узаконений, принятых на сеймах феодалов Халхи в 1709–1770 гг. В него вошли в том числе установления, касающиеся прав церкви, в частности, хутухт и гэгэнов. В работе некоторых сеймов, принимавших эти

¹ Раднабхадра, 1999, с. 67. Онгоны — духи предков.

² Скрынникова, 1988, с. 23.

³ Эрдэнипэл, 2005, с. 237–241.

⁴ Подробнее см.: Шакабла, 2003, с. 116–127.

⁵ Далай-лама V, 1988.

⁶ Известный ойратский лама Нейджи-тойн (1557–1653) и его ученики очень много сделали для распространения буддизма во Внутренней Монголии (подробнее см.: Аюшеева, 2008, с. 100–107).

⁷ Представитель Далай-ламы в северной Монголии, приглашенный на съезд.

⁸ Их Цааз, 1981. Объяснение рангов духовенства см. ниже.

установления, участвовали представители духовенства¹. Хутухты и гэгэны имели некоторые преимущества перед феодалами. Предусматривались не только наказание, но и исправление: за ряд преступлений присуждалось определенное число обходов монастыря или поклонов бурханам.

Законодательство охраняло права духовенства. Например, за нападение на монастырь человек ханского достоинства подлежал изгнанию, его подданные отбирались. Простолюдин же подлежал казни, его имущество конфисковалось. Шабинары и монастырские стражники имели право кочевать где угодно, кроме ставок нойонов и запретных мест. В 1746 г. появилось положение о взаимоотношениях духовенства и мирян с детальным разъяснением взаимных обязанностей и прав. Согласно одним установлениям, монахи освобождались от всех повинностей, согласно другим — частично участвовали в них (например, в транспортной). Имущество, отданное монаху во временное пользование на договорных условиях, облагалось налогом и повинностями. В мирских делах монах подчинялся закону хошуна, в котором жил. Если монах нарушал обет и уходил, его должен был разыскать его «исконный» нойон. Предусматривались наказания для духовных лиц за нарушения обетов².

В период подчинения монголов империи Цин — в 1627–1694 гг. параллельно создавался свод маньчжурского законодательства для монголов — «Цааджин бичиг». Он включает регламентацию и цинский контроль над церковью — поступление в ламы, их поведение, одежду духовенства, подарки от императора и т.д. Наказания за нарушения в нем более суровы, чем в приведенных выше монгольских установлениях: за самовольный выезд из монастыря и ночевку в юрте мирянина — лишение сана и суд; за неуставное одеяние — порка или штраф; за ночевку ламы у незамужней женщины — обоих пороть, руководство монастыря штрафовать; если выявлены не зарегистрированные в «Лифаньюане»³ ламы — начать разбирательство; за сокрытие незарегистрированных лам — высших чиновников и феодалов штрафовать, низших — пороть, простолюдинов казнить; незарегистрированных лам и банди — лишать сана и т.д.⁴ На практике, однако, эти правила были малоэффективны. Например, в Монголии, особенно на закате империи Цин, было много лам, не зарегистрированных в «Лифаньюане».

В «Цааджин бичиг» заметны несколько пластов, соответствующих разным периодам подчинения монголов, местами говорится об изменениях прежних установлений.

Особым влиянием среди буддистов пользовались хубилганы. Хубилган (*хувилгаан*, от *хувирах* — изменяться) — монгольский перевод тибетского слова *тулку*, от санскр. *нирманакая* — физическое тело Будды. Хубилган — деятель буддизма, последовательно перерождающийся в человеческом теле для продолжения

¹ Напр., в 1709 г. — Шараб-эрхэ-нирба, донир Балдан-уйдзэн, Дорджиэван-эрхэ-банди, дзурхайч Чоймпэл, донир Джимба.

² Халха-Джирум, 1965.

³ Подробнее см. ниже.

⁴ Дылыков, 1998, с. 95–101.

духовной работы¹. Монголы считают, что хубилган имеет особые мистические, умственные и другие способности, благодаря которым, в отличие от обычного существа, может сам выбирать себе следующее перерождение².

Монголы прибавляли к титулам некоторых нойонов титулы *гэгэн*, *хутухта* и *хубилган* в связи с их заслугами в возвышении религии. Это аллюзии с родом Чингиса и отношениями «наставник – покровитель» юаньского периода. Например, хубилганом называли хана Хубилая, хутухтами — ханов Хошалу (Хосэлэн, правил в 1329 г.), Лигдэна (правил в 1603–1634 гг.), Галдана-Бошогту (правил в 1671–1697 гг.), гэгэнами — Алтан-хана, давшего титул Далай-ламы в 1578 г., Гуши-хана³, давшего власть над Тибетом Далай-ламе V в 1642 г., Сэцэн-хана Шолоя (1630–1655) и т.д.

Примечательно, что полный титул Лигдэна совмещал буддийскую титулатуру с тэнгрианской и китайской (от императоров Мин, первого из которых некоторые монголы считали происходившим от юаньского императора Тогон-Тэмуря): «Лигдан Хутугту, прозванный Суту Чингис Даймин Сэцэн, победитель всех стран, великий Чакравартин, тэнгри из тэнгриев, всей вселенной Хормуста, вращающий золотое колесо»⁴.

После подчинения монголов маньчжурам титул *хутухта* (исполненный святости, святой, от монг. хутаг — счастье, благоденствие, святость) присваивался хубилганам за выдающуюся деятельность на благо веры, титул *гэгэн* (светлейший, святитель, от монг. гэрэл — свет) — за «гражданские доблести». Хубилган, у которого насчитывали только 1–3 перерождения, назывался *шаброн*, т.е. «молодой хубилган»⁵. Среди хубилганов высший ранг — хутухты, ведущие свою преемственность от учеников Будды. До Монголии хутухты перерождались в Индии, затем в Тибете. Их новые перерождения распознавали Далай-лама и Панчен-лама.

Со временем титулы *хутухта* и *гэгэн* стали прибавлять не к личным именам отдельных персон, а к личным титулам линий перерождений или именам прошлых перерождений: например, Джебцундамба (тиб.: Джецун Дампа) переводится как Досточтимый Арья, Эрдэнэ-пандита — Драгоценный ученый, Егүзэр — от Йогачара (название одной из главных систем буддизма Махаяны), Дилова — от Тилопа (имя известного индийского трантрика, жившего в 908–1009 г.), Наробанчин — от Наропа (имя выдающегося монаха и йогина, ученика Тилопы, жившего в 956–1040 гг.) и т.д.

¹ Институт хубилганов распространился в Монголию из Тибета. Первым распознанным в Тибете тулку был Гьялва Кармапа II Чокьи Дзинпа (1204–1283), верховный лама подшколы Карма-Кагью. Его признали перерождением Кармапы I Дюсума Кхьенпы (1110–1193). По приглашению монгольского хана Мункэ он прибыл в Монголию (“Чжирухэну толтайн тайлбури” и “История буддизма в Монголии” — в кн.: Цыбиков, 1981, с. 31). В правление Хубилая-хана Кармапа II посетил его столицу и стал именоваться “Карма-багши”, т.е. “Учитель Карма” (Tulku Thondup, 1982, p. 26). Есть сведения, что при дворе Хубилая состоялся диспут Кармапы с Пагпа-ламой. Последний одержал победу, и Кармапа удалился из столицы (Цыбиков, 1981, с. 31).

² Дашбадрах, 2004, с. 30–31.

³ Лубсан Данзан, 1973, с. 254; Цендина, 2007, с. 22–23; Козлов, 1905, с. 188–190.

⁴ Шара туджи..., 1957, с. 150.

⁵ Позднеев, 1887, с. 248, 249; Баранов, 1905, с. 33.

Некоторые тибетские авторы писали, что в начале распространения Гэлуг в Монголии эти титулы даровали, чтобы через них закреплять веру в народе¹. Например, первое перерождение Егузэр-хутухты распознал в Тибете Панчен-лама IV (1570–1663)². Эрдэнэ-пандита-хутухта (Ламын-гэгэн) I Лувсанданзанжанцан (1639–1703)³ происходил по прямой линии от хана Гэрэсэндээ. Его в качестве подлинного перерождения тибетских Жамбаллуvsандонрова (тиб.: Джемел Лобсанг Дондуб) и Мэргэн-бутэлча Санжай-Эши (Сангье Еше) распознал гачинцорджи Лувсаннаринпил, прибывший в 1647 г. из резиденции Панчен-ламы — монастыря Ташилхунпо в Монголию, чтобы организовать религиозную жизнь в монастыре Барун-хурэ, где позже стал хамбо-ламой (настоятелем). Панчен-лама подтвердил это выявление⁴. Линии преемственности Джебцзундамбы (см. ниже) и других монгольских хутухт тоже были связаны с Тибетом.

Монгольские хутухты и хубилганы в начальный период распространения Гэлуг в Монголии были дети нойонов и тайджи (невладельцев дворян). Прослеживалась определенная схема в отношении многих из них: «рождение в семье феодала, часто по предсказанию тибетских иерархов, поездка в Тибет для обучения и получение титула от Далай-ламы и Панчен-эрдэни, возвращение в Монголию и религиозная деятельность»⁵.

Но так было не всегда. Например, Сэцэн-хан Шолой в 1639 г. сказал ойратскому Зая-пандите Намхайжамцу, что хотел бы пригласить хутухту. В Халху направился цорджи Дашдэндэв (1577–1651), получивший от Далай-ламы и Панчен-ламы титул «Развивающий религию и власть Эрдэнэ-Ялгусан-хэтэрхий-мэргэн-хутухта». Прежние перерождения цорджи Дашдэндэва известны со времен Будды Шакьямуни, а в данном рождении он появился в тибетской местности Гавдун, учился и получал ученые степени в главных монастырях Тибета, а затем был приглашен монгольскими нойонами⁶. Его указанный выше титул, соединявший религию и власть, имеет отношение к теократии.

В кочевьях Дзасакту-хана в 1631–1654 гг. первым появился представитель «красношапочной» школы — его родственник Джалханца-хутухта I Лувсанданзанжамц (тиб.: Лобсанг Тензин Гьяцо). Тушэту-хан в 1635 г. сделал ламой своего сына (будущего Богдо-гэгэна I), а в 1649 г. провел церемонию освящения монастыря Ширэту-Цаган-нур в присутствии князей четырех аймаков Халхи. Тогда Дзасакту-хан пригласил ойратского Зая-пандиту. После этого его пригласили Тушэту-хан и Сэцэн-хан⁷.

Согласно «Асарагчи нэртийн түүх» (История имеющих имена милосердных), к 1677 г. в западном крыле Халхи было 12 хутухт, в восточном — четыре. Покровительство феодалов материально обеспечивало их. Феодалы им передавали

¹ Эрдэнипэл, 2005, с. 244–245.

² Мягмарсамбуу, 2014, с. 10.

³ Краткие биографии этой линии перерождений см.: Цэвээндорж, 2010, с. 69–74.

⁴ Дашбадрах, 2004, с. 90–92.

⁵ Скрынникова, 1980, с. 24–25.

⁶ Дашбадрах, 2004, с. 130–132.

⁷ Скрынникова, 1988, с. 20.

своих подданных, которые становились шабинарами и работали на них. О шабинарах говорилось уже в законе 1620 г.¹

После подчинения Монголии маньчжурам, хутухты и хубилганы подлежали утверждению цинской власти. Хутухты получали императорские декреты, золотые дипломы и печати. Такие «имевшие печать» (*тамгатай*) хутухты известны во Внешней Монголии, по крайней мере, с XVII — начала XVIII в.² На печати была надпись на монгольском, маньчжурском и тибетском: «Печать на управление шабинарами хутухты»³. Однако для народа утверждение в Пекине не было главным. Например, Гобийн-нойон-хутухта III занялся грабежом караванов, его поймали и судили в Пекине, после чего императорским указом ему «запретили перерождаться». Но народ находил и почитал его новые перерождения. Д.А. Клеменц сообщал о посещении почитаемого гэгэна без печати и грамоты из Пекина, который руководил строительством храма⁴.

Штат лам в монастырях тибетского буддизма в Монголии, Маньчжурии и Китае утверждался «Лифаньюанем», что зафиксировано в «Уложении» последнего, а высшие ламы — цинским императором. Монгольские высшие ламы по достижении совершеннолетия должны были являться к императору. В отличие от Монголии, в Тибете Далай-лама и Панчен-лама на своих территориях назначали высших лам главных монастырей по согласованию с цинскими амбанами, эти назначения утверждал император. Но настоятелей небольших монастырей в Тибете утверждали Далай-лама и Панчен-лама самостоятельно. Все верховные иерархи должны были периодически посылать императору «дань»⁵.

Например, Хамбо-ламе в Халхе, после выбора его хутухтой, император давал рескрипт, в котором говорилось, что он, император — «великий владыка духовного и гражданского правления», возводит такого-то в звание хамбо-номун-хана, «имея в виду устроить прочность и спокойствие в вере и правлении Джебцундамба-хутухты»⁶.

«Утверждение» высших лам следовало из функций цинских императоров как покровителей буддизма в сочетании с их претензиями на духовный авторитет. Сюанье уже на первой аудиенции возвел Джебцундамба-хутухту I Дзанабадзара в достоинство великого ламы и поручил управление верой в Халхе. В императорской грамоте одному из перерождений Джебцундамбы были такие слова: «Этим самым ты, лама, делаешься великим ламою, которого будут чествовать все четыре халхаских аймака»⁷.

В Пекине цинские власти создали отдельный центр тибетского буддизма во главе с Джанджа-хутухтой. С 1732 г. его резиденцией стал пекинский монастырь

¹ Скрынникова, 1988, с. 33–35.

² Монголын сүм хийдийн..., 2009, с. 110–145.

³ Скрынникова, 1988, с. 57.

⁴ Позднеев, 1887, с. 271; Радлов, 1892, с. 17–18.

⁵ Липовцов, 1828, т. 2, с. 177–240, 251–252.

⁶ Позднеев, 1887, с. 155.

⁷ Цит. по: Позднеев, 1896, с. 499–500, 561.

Юнхэгун¹. Джанджа был объявлен «Учителем государства» (см. выше), считался высшим ламой внутренних монголов.

Этими действиями императоры укрепляли монгольскую теократическую иерархию. Высшие ламы апеллировали к ним по важным административным и организационным вопросам, но не по делам религии, что укрепляло «автономию» духовенства, в том числе в глазах населения.

Все хубилганы могли получить от императора почетные права и привилегии. Поэтому, несмотря на большие расходы цинским наместникам в Монголии, чиновникам «Лифаньюаня» и на подарки императору они зачастую стремились к таким аудиенциям, хотя это иногда приводило к долгам. Тогда шабинеры должны были платить долги духовенства так же, как долги феодалов должны были платить их данники².

По сведениям, собранным ротмистром А.М. Барановым, в XX в. цинское правительство в своем государстве признавало в общей сложности 61 хутуху³. В Халхе разные авторы указывают 12 или 19 хутухт, имевших печати⁴. Но общее число хубилганов и хутухт, признаваемых народом, было гораздо больше. С. Пурэвжав по цинским документам по Халхе выяснил, что уже в конце XVIII в. их там было более 40⁵. Ко второй половине XIX в. их число возросло до 118, во Внутренней Монголии — еще больше⁶.

Всего с XVII по начало XX в. в Монголии известно 243 линии хубилганов, из них во Внутренней Монголии — 147, в Кукуноре — 35. В этот период во Внешней Монголии установлено следующее число линий хубилганов и выявленных в них реинкарнаций: Тушэтуханский аймак — 21 и 64, Сайннойонханский аймак — 20 и 80, Дзасактуханский аймак — 6 и 35, Сэцэнханский аймак — 13 и 66, Великое шаби (о нем см. ниже) Джебцзундамбы — 7 и 38 (считая имевших и не имевших печати)⁷.

Как помощь религии, цинские императоры в XVIII в. ввели изменения в систему выявления хубилганов. В «Заявлениях для лам» Хунли указывал, что появилась тенденция находить перерожденных лам среди родственников монгольской знати. «Если не прекратить такую практику, обусловленную эгоистическими интересами, Желтая церковь прекратит процветать, монголы и тибетцы станут жертвами сомнений, откуда могут произойти презрение и беды»⁸. В 1793 г. «Лифаньюань» издал указ, ограничивающий число хутухт и хубилганов. Разрешалось искать перерождения высших лам, а менее значительных «аннулировать». Указ запрещал искать новые перерождения среди родственников монгольских феодалов, Далай-ламы и Панчен-ламы. Разрешалось их находить в семьях мел-

¹ Скрынникова, 1988, с. 39, 47–50.

² Позднеев, 1896, с. 413–414.

³ Баранов, 1905, с. 32.

⁴ Скрынникова, 1988, с. 56–57.

⁵ Пурэвжав, 1983, с. 109.

⁶ Списки 188 из них приводит Позднеев, 1887, с. 239–248.

⁷ Дашбадрах, 2004, с. 30–31.

⁸ Цит. по: Lessing, 1942, p. 59–61.

ких тайджи, простых монголов и тибетцев¹. Результатом стало укрепление связей простого народа с теократией.

Указ выполнялся, и большинство новых перерождений хутухт и хубилганов уже не были детьми нойонов. Например, 1-й и 2-й Богдо-гэгэны были сыновьями высших феодалов, 3-й, 4-й, 5-й и 8-й — чиновников, 6-й и 7-й — людей незнатных. Однако к концу XIX в., по данным А.М. Позднеева, хубилганов в Монголии вновь находили чаще в семьях феодалов, чем аратов². Это могло способствовать сближению духовенства и феодалов при формировании теократии, что напоминает ситуацию, существовавшую в Монголии перед установлением цинского владычества.

Особую роль в истории сыграла линия Джебцзундамба-хутухты. Согласно буддийской традиции, эта линия уходит во времена Будды Шакьямуни. Одним из главных учеников Будды был Ананда. Далее он перерождался 15 раз в Индии и Тибете³. Два раза он перерождался в Монголии: как Дзанабадзар (Богдо-гэгэн I), сын Тушэту-хана Гомбодоржа, и его преемник Лувсан Дамба Донми (1724–1757), сын князя Дархан-чин-вана Дондобдоржа⁴.

Будущий Богдо-гэгэн I (1635–1723) получил монашеское имя Джнянаваджра (монголизир.: Дзанабадзар, тиб.: Еше Дордже) в возрасте 4 лет и обеты хуварака от Джамбалын-номун-хана в Монголии, в возрасте 5 лет был интронизован как глава буддистов Халхи у оз. Ширэту-Цаган-нур и получил монашеское имя Лобсанг Тенпе Гьялцен. В том же 1640 г. он получил шабинаров от Тушэту-хана. Это были некоторые тайджи и албату, выделенные князьями «со всех концов Внешней и Внутренней Монголии»⁵. Гэгэн-Сэцэн-хан Шолой предположил, что сын Гомбодоржа мог бы стать хорошим ламой, и «подарил» ему часть своего титула — гэгэн. Было отправлено посольство в Лхасу. Там в 1642 г. (в тот же год, когда Далай-лама V получил власть над всем Тибетом от Гуши-хана) Далай-лама V, Панчен-лама IV и государственный оракул Тибета выявили в сыне Гомбодоржа перерождение тибетского ламы Джецуна Таранатхи Гунга Нингбо (1575–1634). В автобиографии Далай-ламы V он упоминается как Джамьянг Тулку. Сам Дзанабадзар ездил в Тибет дважды: в 1649–1651 и 1655–1656 гг⁶.

Таранатха был настоятелем Тактенпунцоглинга — главного монастыря школы Джонанг, видным буддийским мыслителем, практиком и историком, несколько раз приезжал в Монголию, строил монастыри, у него были ученики-монголы. Один из них попросил его переродиться в Монголии. Одним из предшественников Таранатхи был Долпопа Шераб Гьялцен (1292–1361), который был изначально ламой школы Сакья, а затем стал также высшим ламой Джонанг, внесшим фундаментальный вклад в ее развитие. Таким образом, Таранатха, будучи выс-

¹ Скрынникова, 1988, с. 66.

² Позднеев, 1887, с. 249–250.

³ Агваанпринлэйжамц, 2001, с. 23–35.

⁴ Позднеев, 1880, с. 4–10.

⁵ Uranchimeg, 2015, р. 3–4; Скрынникова, 1988, с. 33–35; Цэдэв, 1959, с. 8.

⁶ Sheehy, 2010, р. 17–18; Uranchimeg, 2015, р. 4.

шим ламой Джонанг, олицетворял и связь со школой Сакья, игравшей особую роль в государстве Юань (см. выше).

После смерти Таранатхи, Тактенпунцоглинг и ряд других монастырей Джонанг при Далай-ламе V перевели в Гэлуг (предлагая ламам «сменить шапки»). Далай-лама V так объяснял обращение перерождения Таранатхи в Гэлуг: «Джебцун-Таранатха был великий святой, помогавший религии и живым существам. Ныне он закончил дело по привлечению народа нашей страны к высшей стезе религии, и наступило время для осуществления им руководства Желтой религией в северной стороне. <...> Кажущиеся раздоры между нашими хутухтами существуют только в водянистых глазах обывателей, в действительности же их нет»¹.

Таким образом, просьба Таранатхе переродиться в Монголии и его последующее перерождение там не были случайностью. Они имели не только религиозный, но и политический подтекст как возрождение буддизма в Монголии с аллюзией на юаньскую традицию, но теперь в виде школы Гэлуг под покровительством Далай-ламы².

Это, однако, не исключало существование в Монголии других школ тибетского буддизма. Дзанабадзар создал отдельные монастырские аймаки для школ Ньингма, Сакья и Карма-Кагью³. Хотя их не преследовали, их влияние слабело. Богдо-гэгэн VIII считал, что между «Желтой» и «Красной» верами нет противоречия. В 1912 г. он пригласил в столицу ламу из монастыря Карма-Кагью в Шилинголе. Дэд-хамбо в Урге принял посвящение от «красношапочника» тибетца Ца-Бурэлгу и, в свою очередь, наделил его другим посвящением. Еще в 1928 г. «красношапочники» имели свой монастырь в хошуне Мэргэн-вана. Были и те, кто признавал оба направления. Их называли «пестрыми» (монг.: алаг)⁴.

В 1649–1651 гг. Дзанабадзар находился в Тибете. Далай-лама V и Панчен-лама IV дали ему для сопровождения в Монголию около 50 тибетских шабинаров⁵. Тогда же Дзанабадзар получил от Далай-ламы V титул Джецун Дампа (монголизир.: Джебцундамба). Затем он еще раз приезжал в Тибет, получал учения, посетил Тактенпунцоглинг. Дзанабадзар стал главой буддистов Монголии, внес большой вклад в развитие буддизма, строительство монастырей, разработал особое письмо (*соёмбо*), был выдающимся скульптором и живописцем. В Монголии он получал учения от тибетских учителей Джамбалын-номун-хана и Бэнса-хутухты Лубсанданзана, данных ему в учителя, соответственно, Далай-ламой и Панчен-ламой.

Князья Халхи объявили Дзанабадзара религиозным главой Монголии на сейме в Ширэту-Цаган-нуре с целью объединения монголов под флагом религии⁶. Монголы надеялись, что Джебцундамба будет и впредь перерождаться среди них. Но третий перерожденец был найден в Тибете. А.М. Позднеев указывал, что

¹ Цит. по: Эрдэнипэл, 2005, с. 243.

² Далай-лама XIV принял меры к возрождению школы Джонанг в XX в. Богдо-гэгэн IX (1932–2012) — не только один из высших лам школы Гэлуг, но глава школы Джонанг.

³ Majer, Teleki, 2011.

⁴ Majer, Teleki, 2011; ЦАФСБ, ф. 65, д. 9920, л. 144–145.

⁵ Болдбаатар и др., 2014, с. 17.

⁶ Хишигжаргал, 2012, с. 235.

письменного распоряжения императора на этот счет нет, несмотря на слухи о наличии такового¹. Однако многие исследователи со времен Позднеева считают, что это был выбор или указ императора, опасавшегося ссор между князьями Халхи, происшедших при поиске второго хубилгана, а также роста его влияния на монголов. Кроме того, старший брат Богдо-гэгэна II — Ринчендорж был начальником конвоя, который вез в Пекин главу антицинского восстания Амарсану, дал ему сбежать, и был казнен.

Вместе с тем, сохранился указ Хунли (1761 г.), где сказано, что, по словам старших шабинаров Богдо-гэгэна II, ему суждено жить в Халхе не более 100 лет, а «после этого он вернется в свой родной край». Далее поручалось высокому ламе в Лхасе — Дэмо-хутухте обнаружить нового хубилгана Джебцундамбы. Хотя здесь нет прямого указания на требование найти хубилгана в Тибете, в документе далее указывается, что Дэмо-хутухта распознал новое перерождение в сыне тибетца из Литанга. В 1843 г. в указе императора Мянньина (Дао-гуан, 1820–1850) указывалось, что поиски хубилгана в Халхе — нарушение указа императора, всех предыдущих хубилганов находили в Тибете, потому Далай-лама и Панчен-лама должны искать новое перерождение Джебцундамбы в Цанге (область Тибета)².

С этих пор, по словам тибетцев, поиски нового хубилгана каждый раз проводились так: по сообщении в Тибет о кончине хубилгана Джебцундамбы, Панчен-лама, Далай-лама и два чойджона назначали имена 12 мальчиков для представления во дворец Далай-ламы — Поталу. Здесь их исследовали ученые ламы, и оставляли трех мальчиков. Окончательно выявление происходило в Потале в присутствии Далай-ламы, Панчен-ламы, «тибетского хана», двух калонов (тибетских министров) и цинского амбана. Имена трех мальчиков писали на бумажках, затем выбирали после ритуалов по жребию из Золотой урны. Бодхисаттва перерождается духом, словом и телом. В Монголию препровождался хубилган духа, а хубилганы слова и тела оставались монахами в Тибете. Хубилган духа получал посвящение в духовное звание и религиозные наставления от Далай-ламы или Панчен-ламы, обучался в монастырях Тактенпунцоглинг или Дрепунг 3–5 лет, откуда направлялся в Монголию через Пекин и Долон-нор, чтобы представиться императору и получить посвящение от Джанджа-хутухты. Со времен Богдо-гэгэна V эти представления прекратились, и посвящения принимались исключительно от Далай-ламы и Панчен-ламы³. Это указывает на ослабление контроля Пекина над деятельностью Джебцундамбы с первой половины XIX в.

После Богдо-гэгэна II, по прибытии из Тибета в столицу Халхи — Их-хурэ (Да-хурэ, в рус. лит. — Урга), Джебцундамба получал от императора, кроме наград и знаков подтверждения (см. выше), титулы «Возвышающий религию» (монг.: *шашныг мандуулагч*) и «Доставляющий счастье живым существам» (*амь-*

¹ Позднеев, 1880, с. 11.

² МУУТА, ф. Ургинского амбана, д. 49, ф. предс. сейма Цэцэцрлэг — в кн.: Цэдэв, 1959, с. 6–8.

³ Позднеев, 1880, с. 20–22.

тныг жаргуулагч)¹. Позже эти титулы стали использовать в Монгольском теократическом государстве. Это также было взято из буддийской традиции. В уже упоминавшейся "Аганья-сутре" титул первого царя – не только "Многими возведенный", но и "Доставляющий счастье другим Дхармой", то есть буддийским Учением².

Хубилганы Джебцундамбы с 3-го до 7-го умирали рано, что видно по годам их жизни: Еще Дамба Нима³ (1758–1773), Лобсанг Тубтен Вангчук Джигме Гьяцо (1775–1813), Лобсанг Цульгим Джигме Данби Гьялцен (1815–1841), Лобсанг Палден Данби Гьялцен (1843–1848), Агван Чойджи Вангчуг Принлей Гьяцо (1850–1868)⁴. Занимались они в основном делами религии: строительством храмов и монастырей, завозом и производством церковной утвари, введением богослужений, книг, религиозных напевов, делами Шабинского ведомства. В частности, уменьшали зависимость шабинаров от светского суда и их повинности.

Их духовный авторитет распространился на все монгольские народы, исповедующие буддизм. Например, в XIX в. на поклонение к Богдо-гэгэну регулярно ездили калмыки и еще чаще — сопредельные буряты. Богдо-гэгэн был духовным главой бурят, их Пандито-хамбо-лама подчинялся ему. Бурятские ламы в церковном отношении зависели от Джебцундамбы, получали из Урги указания по делам каноническим и церковной иерархии, почетные титулы и звания — например, хамбо-лама Д. Гомбоев. В Ургу стекались десятки тысяч богомольцев с монгольского Алтая, Ордоса, Алашани, ближайшие хошуны Халхи и Внутренней Монголии постоянно поддерживали отношения с Ургой «на почве религиозного поклонения»; приезжали и из Тибета. Богдо-гэгэн стал, фактически, третьим по значимости иерархом после Далай-ламы и Панчен-ламы в северном буддизме⁵.

Однако большинство хутухт формально не подчинялись Джебцундамбе или Джанджа-хутухте: администрации обоих иерархов не могли снимать настоятелей с должностей. Но в XIX–XX вв. другие хубилганы приезжали к Джебцундамбе на аудиенции, а после кончины ламы их монастырей отправлялись к Джебцундамбе получить указание о месте нового воплощения⁶. В 1895 г. Богдо-гэгэн ходатайствовал перед императором о награждении Джалханца-хутухты VIII Ц. Дамдинбазара (1874–1923)⁷.

Таким образом, при цинской власти Богдо-гэгэн среди «имевших печати» хутухт Внешней Монголии был «первым среди равных». Вместе с тем, уже с XVII–XVIII вв. среди его шабинаров были хубилганы: Донхор-хутухта, Ялгусан-

¹ Позднеев, 1880, с. 11.

² Agganna sutta, 21.

³ Имена приводятся в тибетском варианте, в котором были даны изначально.

⁴ Монголын сум хийдийн..., 2009, с. 110–115.

⁵ Пржевальский, 1875, с. 54; Позднеев, 1896, с. 564; Кейзерлинг, 2001, с. 189–190; Богдын лүндэн..., 2002, с. 248; Коростовец, 2004, с. 197; Новицкий, 1909, с. 30; Ковалевский, 2005–2006, с. 75, 77; Бернов, 1891, с. 10.

⁶ Позднеев, 1887, с. 250–256; Скрынникова, 1988, с. 76–78.

⁷ Текст: Богдын лүндэн..., 2002, с. 113–114.

хутухта-номун-хан, Эрдэнэ-мэргэн-пандита-хутухта, Мэргэн-пандита-номун-хан-хутухта, Мэргэн-хамба-номун-хан-хутухта, Бамбар-хутухтын-хубилган, Довдон-балын-хубилган. Их называли «семь центральных хутухт»¹ — возможно, потому что Богдо-гэгэн считался «центром» монгольской церкви. Кроме того, выявление «некрупных хубилганов» Внешней Монголии проходило обычно при участии Джебцундамбы, все они стремились хоть раз приехать в Ургу и представиться ему².

В государстве индийского буддийского императора Ашоки было учреждено ведомство по делам религии и его управляющие назначались не только для отдельных областей, но и для отдельных монастырей³. Это согласовалось с буддийскими канонами. Например, знаменитый индийский мыслитель Нагарджуна⁴ в «Драгоценных строфах наставления царю» дал рекомендации по созданию ведомства по делам буддийского закона, присматривающего за монастырями⁵.

Во Внешней Монголии подобием такой структуры стало Шабинское ведомство, называвшееся также Великое шаби (монг. Их шавь). Оно было создано для управления шабинарами Богдо-гэгэна в 1723 г. указом императора Инчжэня⁶. В 1754 г., чтобы вывести их из-под прямого управления Богдо, была учреждена должность Эрдэнэ-шанцзотбы. Последний стал исполнять и должность его казначея.

Были шаби и шанцзотбы также у других хутухт. Они выбирались из опытных лам, не принявших обета гелонга. Шанцзотба утверждался императором через «Лифаньюань» и работал под руководством хутухты, но административно подчинялся главе сейма аймака. Отдельный шанцзотба со своим штатом администраторов (да-ламы, дзайсаны, дэмч, дарга) ведал гражданскими и финансовыми делами шабинаров каждого хутухты. «Лифаньюань» регистрировал и других высших администраторов (да-лам, гэскуев) в крупных монастырях: Барун-хурэ, Амарбаясгалант и др. К XIX в. Эрдэнэ-шанцзотба приравнивался в ранге к председателю сейма князей аймака, шанцзотбы других хутухт — к хошунным князьям⁷.

В связи с кончиной Богдо-гэгэна II в 1757 г., в Их-хурэ для административного управления в 1758 г. был назначен цинский резидент-монгол в должности «монгольский амбань». Не исключено, что это было связано с выявлением Богдо-гэгэна III не в Монголии, а в Тибете. С тех пор амбани представляли там цинскую администрацию, что трактовалось как помощь Богдо-гэгэну. В 1762 г. был назначен уже второй амбань — маньчжурский для контроля торговых и политических дел с Россией в районе Кяхты и Маймачена⁸. В 1786 г. за этими двумя амбаниями

¹ Монг. голын долоон хутагт: Дашбадрах, 2004, с. 157–173.

² Скрынникова, 1981, с. 164–165.

³ Андросов, 2000, с. 227.

⁴ Основатель школы Мадхьямака буддизма Махаяны, которая позже получила развитие в школе Гэлуг.

⁵ В кн.: Андросов, 2008, с. 237–238.

⁶ Горохова, 1980, с. 100; Нинжбадгар, 2011–2012, с. 127–138.

⁷ Скрынникова, 1988, с. 57; Беннигсен, 1912, с. 43; Нинжбадгар, 2011–2012, с. 127–138; Позднеев, 1887, с. 167.

⁸ Намсарасва, 2003, с. 156–158.

закрепили право решения дел по Тушэтуханскому и Сэцэнханскому аймакам, до того управлявшимся цзяньцзюнем (военным губернатором) Улясутая¹.

Это окончательно привело к возвышению столицы Халхи как центра северной Монголии, хотя номинально высшей светской властью там по-прежнему обладал улясутайский цзяньцзюнь. Зависимость ургинских амбаней от него выражалась лишь в необходимости посылать копии своих докладов в Пекин. Вместе с тем, ургинские амбаны в праздники должны были являться на поклон к Богдо-гэгэну². Это означало, что в религиозном отношении он стоит выше амбаней.

Авторитет перерожденцев Джебцзундамбы в Монголии возрастал. Со времен Богдо-гэгэнов IV и V особое значение приобрели монастырская дисциплина и чистота веры. Многие ученые ламы (цорджи Н. Балдан, габджу Шижэ, цорджи Цэрэн и др.) достигли таких успехов, что их слава дошла до самой Лхасы. Ученые ламы стали жить не только в столице Халхи, но и в мелких монастырях в разных частях страны³. Это укрепляло авторитет церкви «на местах».

2.2. Церковная иерархия и монастыри

Тех, кто принял буддийские обеты, в Монголии в конце XIX в. было 5/8 населения⁴. Обеты генена (монг.: убаши — буддист-мирянин) принимал еще малолетний ребенок. Лама, давший ему посвящение, становился его духовным учителем (*багш*), а этот ребенок — учеником (*шавь*, *шаби*). Первая монашеская степень — банди, заключалась в принятии обетов послушника. Далее по возрастающей следовали монашеские степени гецул и гелонг. Для утверждения и постоянного проживания гелонга в монастыре требовалось разрешение из «Лифаньюаня», но процедура была столь бюрократизированной, что монголы довольствовались разрешением правителей хошунов. Последние не отказывали в этом своим аратам, очевидно, почитая отказ грехом⁵.

Значительная часть духовенства проживала в худоне (сельской местности) и работала наряду с аратами, лишь в определенные дни собираясь для совместных служб (хуралов) в храмы. «Худонские ламы» были в целом богаче «монастырских», зато последние были более образованными и знающими, занимали более высокие уровни в иерархии, выше почитались. Русский очевидец называл «худонских лам» заштатными, которые женятся, получают от властей шарики на шапку — знаки чиновных рангов⁶. Некоторые ламы уходили в отшельничество и становились созерцателями (*даянч*)⁷.

¹ Позднеев, 1896, с. 66–68, 95–96.

² Певцов, 1883, с. 93; Намсараева, 2003, с. 160.

³ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 1, х.н. 19а, тал 1–145.

⁴ Подробнее см.: Скрынникова, 1988, с. 65–68.

⁵ Позднеев, 1887, с. 113–149; Баранов, 1905, с. 35–36.

⁶ Позднеев, 1887, с. 170; Монхбаяр, 2009, с. 72–83; Ковалевский, 2005–2006, с. 72.

⁷ Подробнее см.: Позднеев, 1887, 204, 233.

Особое положение занимали оракулы. Когда они впадали в транс, в них входили те или иные Защитники Учения (тиб.: чойджон, монголизир.: чойжин). В Монголии самих этих людей называли чойжинами. Богдо-гэгэн VIII прибыл в Ургу из Тибета вместе с братом Г. Лувсанхайдавом (1872–1918), с которым с малых лет случались впадения в транс. Ламы выявили в нем чойжина. Из Тибета пригласили гутэмбэ-ламу Сэтэва, которого выявили как оракула в 15–16 лет. Лувсанхайдаву стали давать особое учение чойжинов на базе монастыря Дашчойхорлин. Лувсанхайдав женился на Сурэнхорло, дочери дзайсана из Маймачена. У них были приемные дети. Специально для Лувсанхайдава был построен монастырь Чойжин-ламын-сумэ; строительство закончилось в 1908 г.¹ По воспоминаниям Джамбала, в Лувсанхайдава во время транса спускались чойджоны-сахиусы Нэчунг, Зэмэр (Циу Марпо) и Шуг (Дордже Шугдэн)².

Богослужебная иерархия в монастырях следующая (по убыванию): хамбомун-хан («царь учения»), или хамбо-лама (тиб.: кхенпо) — настоятель монастыря; дэд-хамбо (заместитель настоятеля), цорджи (тиб.: чойдже) — помощник настоятеля, ведающий жизнью монастыря (в небольших монастырях — высшее лицо); ширэту (монг.: ширээт) — «кафедральный» лама, председательствующий на богослужениях (настоятель дацана, в небольших степных монастырях бывает главным лицом); лацаб (монг.: лацав) — главный помощник, заместитель ширэту; гэбкуй, или гэскуй (монг.: гэвгуй) — ответственный за поддержание порядка в храме; унзат — уставщик, первым начинающий чтение молитв; гэик — главный помощник гэбкуя. Остальные должности стояли ниже: мэдэч (созывающий на богослужение); заведующий кухней; руководитель игры на музыкальных инструментах; ответственный за чистоту; созывающий на хуралы; сторож и др.³ Через определенное время обычно бывало повышение в ранге. Такая организация основана на буддийском дисциплинарном уставе «Виная». Устав монастырей дополнялся указами Богдо-гэгэна, становился все более строгим. «Низшие ламы» должны были подчиняться высшим, почитать их.

Настоятелей монастырей утверждал маньчжурский амбань в Урге на основе мнения Богдо-гэгэна и Эрдэнэ-шанцзотбы, гэбкуев назначали настоятели с согласия Богдо-гэгэна. Монахи в монастырях распределялись по аймакам — землячествам. К 1902 г. таких аймаков было 29. Каждым аймаком Их-хурэ управляли ловоны, 2–4 гэбкуя, 2–4 унзата, 1 дзайсан (завхоз) и няравы. Главы аймаков решали религиозные и организационные вопросы, следили за соблюдением режима и обетов, наказывали нарушителей⁴.

Были землячества и в других крупных монастырях, причем в них могло быть несколько хубилганов, подчинявшихся настоятелю. Например, в 1917 г. в монастыре Уну-Углугт Егузэр-хутухты было пять аймаков. Во главе четырех из них стояли четыре хубилгана: Дамбийжамц, Галсэнгэ, Лувсанжамцойш, Дамбажан-

¹ Дашдулам, Наранчимэг, 2011, с. 26–29, 62–66.

² Эвгөн Жамбалын яриа, 1959, с. 9.

³ Позднеев, 1887, с. 154–160; Баранов, 1905, с. 36–37; Пурэвжав, 1983, с. 118.

⁴ Пурэвжав, 1983, с. 117–119.

цан¹. Таким образом, одни хубилганы могли быть шабинарами других, причем не только Богдо-гэгэна.

Хозяйственные обязанности несут нярав (тиб.: нирба) — казначей и его помощник дзасак-лама; канцелярией ведаёт донир. Отдельный слой — ученые: номун — знаток Учения; эмч — врач тибетской медицины; дзурхайч — астролог; дзурагч — иконописец; тойн — ксилографщик. Монахи при желании всецело посвящали себя изучению буддийской философии, богословия, логики, риторики, поэзии, этики, медицины, астрологии, алхимии и т.д. Для этого при некоторых монастырях имелись цанидские аймаки — высшие духовные школы. Туда шли добровольно, но учиться там были способны немногие. Например, из 13 тыс. ургинских лам к цанидскому аймаку принадлежало лишь около 150. Учебными дацанами руководили шунлайвы². Окончив курс, монах получал степень геше (монг.: гэвш, тиб.: гэбши), а после изучения полного курса цанида, выдержав диспут, он получал степень габджу (монг.: гавж). Можно было получить и другие степени, для чего иногда ездили в Тибет. Там можно было получить степень рабжамба (соответствует геше), лхарамба (в Лхасе, соответствует габджу) или до-рамба (в Лавране).

В некоторых хошунах (например, Сайннойонханского аймака) араты платили особые налоги в пользу соискателей степени габджу и аграмба (или гарамба)³, при этом уменьшались общехошунные налоги. Получить степень мог выходец не только из феодалов, но и из аратов. Последние могли стать высшими ламами, если выдерживали экзамены: высокое положение в иерархии не определялось происхождением⁴. Например, один из главных учителей Богдо-гэгэна VIII — ёнзон-хамбо Лувсанхаймчиг происходил из простых тибетцев.

Несмотря на сложную систему иерархии и обилие рангов, «между ламами обыкновенных монастырей халхаских царствует почти братское равенство. Настоятели монастырей и весь старший клир держат себя в отношении к младшим чрезвычайно просто: гордость и заносчивость, по-видимому, совершенно чужды монастырским ламам и каждый из начальников доступен для подчиненного почти также, как товарищ». К хубилганам простой народ допускался в любое время без доклада — лишь бы хубилган был свободен⁵.

Бедные ламы, которых не могли полностью содержать их семьи, имели возможность брать даяние у других лам или выполнять различные работы для духовенства и мирян за еду и топливо. Неимущие ламы могли также рассчитывать на помощь хубилганов⁶. Часто монахи вынуждены были торговать: «Мы не ламы и не сборщики подаяний для Будды, а скорее купцы и торговцы. По нынешним временам даровой благостыни не найдешь, и без того, чтобы не дать чего-либо

¹ УТНС, гар бичмэл, 3763/96 — в кн.: Мягмарсамбуу, 2014, с. 94–96.

² Позднеев, 1887, с. 161–166; Пурэвжав, 1983, с. 119.

³ Ученая степень цанида (богословия) по тантре.

⁴ Пурэвжав, 1983, с. 165–169.

⁵ Позднеев, 1887, с. 168, 261.

⁶ Vreeland, 1953, p. 105.

от себя, не соберешь больших подаяний. Это всем известно, а потому монастыри, отправляя своих сборщиков подаяний, непременно дают им разные товары»¹.

С советских времен лам делят на «высших» и «низших» (к которым добавляют «средних»). «Высшие» — хутухты и большинство хубилганов, верхняя группа иерархии — хамбо, цорджи, унзат, гэбукуй, аграмба, габджу, да-лама. «Средние» — жившие в худоне: геше, эмч, гурэмч (те, кто проводил ритуалы очищения), чойжин, дзурхайч. «Низшие» — банди, гецул, гелонг. Они много времени трагали на хозяйственные работы, нередко жили бедно, уходили на заработки². Разделение на «высших и низших» лам определяли формально — по доходам, на основе деления В.И. Лениным русского крестьянства. Эта классификация некорректна, т.к. построена на идеологеме «эксплуатации», игнорирует религиозные достижения и авторитет лам: независимо от доходов, высшими ламами становились те из них, кто достигал большего в учении и практике.

С советских же времен монгольских феодалов делят на «желтых» (церковных) и «черных» (светских)³. По мнению «позднего» И.М. Майского, представители высшего духовенства были феодалами «по происхождению и классовым интересам», духовенство «делилось фактически на князей и рядовых аратов, как и светская часть монгольского общества»⁴. Другие авторы даже называли земли хутухт фьефами⁵, в экономическом отношении не отличали «желтых феодалов» от «черных»⁶. Соответственно, шабинаров до сих пор называют крепостными⁷. Насколько это верно?

Определение понятий «феодал» и «крепостное право» дано во «Введении». В Монголии земельная собственность монастырей и лам не определялась их службой сеньорам: у духовенства не было отношений «сеньор – вассал». Ламы, в том числе хубилганы, не могли передавать по наследству свои титулы, звания, землю и накопления. «Каждый гэгэн, собственно говоря, не имеет права собственности: он живет, пользуясь всем, чем хочет, увеличивает свои имущества, получая подарки и выписывая различные вещи; но все это принадлежит ему только нарицательно и по смерти его переходит для такого же пользования его преемнику»⁸. У лам не было и наследственного владения аратами, т.к. их должности и положение в монастыре тоже не передавались по наследству. Следовательно, духовенство нельзя относить к феодалам.

Шабинары (монг.: шавь нар — ученики) — по статусу и обязанностям ученики лам. Уже в монгольском законе 1620 г. шабинары приравнивались к свободному населению⁹. Богдо-гэгэну I в качестве шабинаров выделялись также тайджи

¹ Позднеев, 1898, с. 401–402.

² Напр., Пурэвжав, 1983, с. 165–182.

³ Напр., Дорж, 1987, с. 41–55.

⁴ Майский, 1959, с. 39–40.

⁵ Напр., Moses, 1977, p. 129.

⁶ Напр., РГАСПИ, ф. 495, он. 152, д. 143, л. 27.

⁷ Напр., История МНР, 1983, с. 224; Крайнова, 2012, с. 105.

⁸ Позднеев, 1896, с. 571.

⁹ Скрынникова, 1988, с. 33–35.

и свободные араты; шабинарами Богдо-гэгэна и Егузэр-хутухты были и некоторые хубилганы. Их обязанности основывались на принципе «ученик – учитель», который следует из религиозного канона, а не феодального права. Обязанность ученика — помогать духовному учителю, снабжать его, обслуживать. Согласно буддийским правилам, *благие друзья* (в данном случае, Учителя) показывают достоинства буддизма, пробуждают от заблуждений, направляют на путь избавления от сансары (т.е. миров, где происходит цикл рождения и смерти, обусловленный кармой). Учителя надо радовать: «Радость доставляется через три “двери”»: (а) подношение вещей, (б) почитание телом и речью, (в) выполнение указаний»¹. Поэтому работа на Учителя — нормальная практика буддизма².

Так и понимали шабинары свою работу на монастыри и теократов. Естественно, она различалась для людей разных социальных групп. В частности, араты занимались выпасом скота (сохранность которого гарантировалась за счет их стада), обработкой пашен, сбором топлива, работой в караванах, строительством и т.д., платили натуральную ренту. В некоторых случаях шабинары обслуживали мемориальные объекты, например, субурганы³. Шабинары не несли повинностей в пользу светских властей и не платили им налогов. Им не запрещалось приобретать недвижимость.

Итак, лишь по части признаков положение аратов-шабинаров соответствует положению крепостных. Такое частичное соответствие не говорит о том, что они были крепостными: в таком случае крепостными надо будет считать, например, колхозников при И.В. Сталине (обязанность отработки трудодней, сдачи части продукции по заниженным ценам государству, до 1960-х гг. невозможность переезжать в города из колхозов), тибетцев в КНР (привлечение к длительным бесплатным работам, например, на строительстве дорог), школьников и студентов в МНР и СССР (привлечение к периодическим земляным, сельскохозяйственным и т.п. работам, в том числе бесплатным). О крепостном праве может свидетельствовать лишь весь комплекс признаков (см. Введение), а не часть их.

Примечательно, что обвинения в «эксплуатации народа» монастырям предъявляли даже в 1930-х гг., когда все подношения церкви делались добровольно. При этом, однако, не считалось эксплуатацией взимание налогов, из которых оплачивались содержание партаппарата (и лично Х. Чойбалсана), имущество и мероприятия партии.

Положение аратов-шабинаров было лучше, чем других аратов. Еще по ходатайству Богдо-гэгэна III император Хунли в 1764 г. освободил шабинаров от податей, урточной и караульной повинностей, а Богдо-гэгэн V окончательно утвердил их независимость от гражданских властей аймаков в отношении суда, наказаний и ряда повинностей⁴. С тех пор данный порядок соблюдался до установления

¹ Чже Цонкапа, 2010, т. 1, с. 75–76, 78.

² Позже красные стали называть это “эксплуатацией ламской бедноты”, что и внушали молодым монахам, которые стали уходить из монастырей, претендуя на часть монастырского имущества (напр., РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 117).

³ Пурэвжав, 1983, с. 256–284; Алтанзая, 2010, с. 58–59.

⁴ Позднеев, 1880, с. 14, 16.

власти красных. Бездоказателен вывод о том, что положение шабианаров было незавидным, тяжелым, а «духовные феодалы» накапливали богатство за счет их эксплуатации¹. Напротив, есть доказательства, что подати, которые платили шабианары, были относительно легкими². Потому-то аратам было выгоднее становиться шабианарами, переходя от феодалов к монастырям.

Соответственно, число шабианаров росло, что было одним из факторов усиления теократии. Так, число шабианаров Богдо-гэгэна с 1710 по 1810 г. возросло на 17100 чел. (3786 хозяйств). В 1764 г. шабианаров было 69698 чел, в 1773 г. — 83871, 1792 — 91754, 1794 — 84423, 1800 — 90969, 1825 — 111466, 1830 — 105798, 1849 — 100470, 1852 — 97364, 1858 — 100032, 1861 — 96801, 1864 — 96774 чел. Позже число их снизилось до 70–80 тыс. чел. Причина в том, что в 1837 г. цинское правительство запретило монгольским дзасакам зачислять в Шабинское ведомство лиц мужского пола, входивших в состав сомонов — т.е. военнообязанных³.

Династия Айсинь Гиоро проводила политику разделения монголов, но патронируемый ею институт шабианаров способствовал их консолидации: шабианарами одного хутухты становились жители разных частей Монголии. Например, в середине XIX в. у Егузэр-хутухты VI Лувсанданзаннамжила были шабианары не только из Сэцэнханского аймака Халхи, где находился его монастырь. В 1867 г. из 1077 его шабианаров (292 семьи) 224 (70 семей) было из Шилингола (Внутренняя Монголия). Его монастырь Уну-Углугт имел тесные связи и с другими сеймами, а также с Баргой⁴.

Монастыри в Халхе можно разделить на несколько типов: хурэ («курень» — монастыри из нескольких зданий, при которых постоянно живут монахи); сумэ (при которых живут не постоянно, а собираются во время крупных хуралов); хийд (скит, построенный для уединенной жизни монахов). К концу XIX в. эти названия утратили начальное значение, т.к. при своем развитии монастыри разрастались, а число монахов увеличивалось⁵.

Монастырю при основании выделялась земля из хошуна, где он располагался, а из аратов — шабианары. Затем монастырская земля и число шабианаров нередко увеличивались. Обычно эта земля располагалась у границы хошуна с перспективой расширения в соседний хошун, что иногда и происходило. Перевод земли и людей из юрисдикции хошунного управления в монастырское требовал утверждения в Пекине, чтобы вывести шабианаров из подчинения хошуну и прекратить их светские обязательства ему⁶.

Крупные монастырские хозяйства Монголии состояли из двух частей: сан — фонд, или личное хозяйство хутухты, и джассы — накопления, или резервы иму-

¹ Крайнова, 2012, с. 107.

² Напр., Huricha, 2007, с. 10–15.

³ Цэдэв, 1959, с. 8–9.

⁴ Мягмарсамбуу, 2014, с. 13, 40–46.

⁵ Позднеев, 1887, с. 2–3.

⁶ Vreeland, 1953, p. 17–18.

щества всей общины¹. Самыми богатыми были монастыри перерожденных лам, которым феодалы выделяли шабинаров из своих аратов. Каждый шабинар выделял монастырю ежегодно одну из каждых 20 овец. Если имел меньше — давал хлеб, чай, деньги; выделялись также просо, чай или серебро как налоги с прочего скота. Шабинары также занимались извозом (что и им приносило бóльшую выгоду, чем извоз вне монастырских караванов), приносили доход от подрядов на содержание почтовых станций. К монастырям стекались паломники, для продажи им товарам собирались торговцы. За право такой торговли монастыри также взимали плату. Избыток доходов одного монастыря служил поддержкой другому монастырю того же хутухты².

Монастыри, построенные иждивением императоров, были беднее: их монахи получали от императора небольшое жалованье, но не всегда и не долго. Не имея средств, они уходили в худон к родственникам, а монастыри приходили в запустение. Монастыри, построенные за счет хошунов, содержались в основном за счет пожертвований на богослужения. Сомонные монастыри — почти всегда одинокие храмы в степи, построенные за счет сомонов в годы, когда было много скота. Ламы собирались в них только на большие хуралы. Наконец, монастыри, построенные на частные пожертвования, становились обычно безлюдными после смерти благотворителя, и в них лишь изредка собиралось немного лам на большие хуралы. Монастыри двух последних типов были самыми бедными³.

Некоторые современники (в основном, европейцы, но чаще красные после революции 1921 г.) обвиняли лам в тунеядстве, пьянстве и разврате. По наблюдениям А.М. Позднеева, это несправедливо: для обвинения всего сословия использовались единичные случаи⁴. Сходный вывод делали и другие очевидцы — отнюдь не сторонники буддизма в Монголии⁵.

«В какой иной, как не монашеской среде Халха находит наибольшее число ремесленников, художников, лекарей и лиц других профессий, без которых даже такие малокультурные страны, как автономная Монголия, обходиться не могут? А если так, то чем же, как не недоразумением, можно объяснить мнения тех исследователей Монголии, которые видят в ламайском духовенстве язву на теле этой страны? Монашеское сословие в Халхе составляет, несомненно, ее интеллигенцию, обладающую наиболее крупным, по монгольскому, конечно, масштабу, запасом теоретических и практических сведений. Но для того, чтобы их приобрести <...> много и много следует им положить труда и притом труда упорного, настойчивого на то, чтобы получить даже ту сумму знаний, которая считается обязательной в Халхе для рядового монаха, и не ламам пристало носить там прозвище тунеядцев. <...> В какой, однако, стране клир, как и органы административной власти, не содержатся на народные средства?»⁶ Другие очевидцы писали

¹ Горохова, 1980, с. 75.

² Позднеев, 1887, с. 4–8.

³ Позднеев, 1887, с. 8–17.

⁴ Позднеев, 1887, с. XI–XII, 175–179.

⁵ Московская торговая..., 1912, с. 175–176.

⁶ Грумм-Гржимайло, 1926, т. 3, с. 400–403.

о ламах, что «большинство из них являются весьма нравственными и скромными людьми»¹. Ламы выступали за укрепление нравственности. Они были зачинателями «антиалкоголического движения» среди монголов, монастыри были источником распространения соответствующей литературы².

Однако нарушения были (хотя статистики нет). Поэтому в течение всего периода теократии выходили акты, предусматривавшие наказания за них — некоторые акты приведены в этой книге. Женильба и предпринимательство — нарушения монашеских обетов. В таких случаях их надо снимать. Неизвестно, сколько было в Монголии женатых лам. Кроме того, ламами там называют и тех, кто не брал монашеских обетов (гецула и гелонга), требующих безбрачия, а брал только обеты буддиста-мирянина (генен) и послушника (банди). Известно, что некоторые хутухты и хубилганы были женаты — например, Богдо-гэгэн I и Богдо-гэгэн VIII, которые сложили монашеские обеты перед женильбой.

* * *

Тибетский буддизм начал распространяться параллельно в Монголии и в Маньчжурии. Его укреплению способствовала поддержка феодалами. Он хорошо согласовался с положением Монголии того времени, политические решения на его основе имели большую легитимность, чем таковые на базе шаманизма, он стал неотъемлемым компонентом ментальности монголов, благодаря которому произошел расцвет их духовной и материальной культуры, а природа сохранялась лучше, чем в соседних странах³.

Включение норм о статусе духовенства, преступлениях против него и наказаниях за них в своды не канонического, а государственного права монголов с XVII в. обеспечило проникновение буддизма в их правосознание⁴. Это было одним из факторов формирования теократической системы. Вместе с тем, причину победы буддизма нельзя сводить к его насильственному внедрению: важными факторами были также «превосходство буддизма в нравственном и других отношениях», познания лам, которые выступали как врачи, астрономы и астрологи, их снисходительность к местным обычаям⁵, церковная практика и атрибутика, а также проповедь отказа от кровопролития среди монголов, уставших от бедствий долгих феодальных войн. Важно и то, что преемственность высших иерархов определяется перерождением, а не кровным родством или назначением⁶.

Все это обеспечило легитимацию формирующейся теократической системы в сознании монголов и экономическое положение церкви. В XVII–XVIII вв. монголы в большинстве стали последователями тибетского буддизма, в основном школы Гэлуг. В Тибете ее доминирование опиралось, прежде всего, на теокра-

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 44, л. 20–21.

² Владимирцов, 2002, с. 65–66.

³ Скрынникова, 1988, с. 38–54; Porter, 2013, p. 199–214; Янжинсүрэн, 2013, с. 110–119; Kuzmin, 2013a, p. 120–124.

⁴ Почекаев, 2013, с. 32.

⁵ Банзаров, 1891, с. 46.

⁶ Далай, 1983, с. 168; Позднеев, 1880, с. 37–38.

тическую власть Далай-ламы, установленную монголами. Эти связи обеспечили распространение в Монголии буддизма школы Гэлуг и ее структур. Монголы все чаще получали тибетские имена, из тибетского языка были взяты названия дней недели, некоторые числительные, традиционный календарь, некоторые обычаи и т.д. Так формировалась общая тибето-монгольская цивилизация¹.

Истоки монгольской теократии относятся к монголо-тибетским, а не монголо-цинским отношениям. Буддийские иерархи пришли в Монголию из Тибета еще до того, как Монголия вошла в империю Цин, а Тибет попал в зависимость от последней. Богдо-гэгэну I духовную власть над Халхой изначально вручил Далай-лама V — теократический монарх Тибета. Эту власть признали нойоны Халхи, затем — маньчжурский император. Централизации способствовало то, что монастыри хутухт и других хубилганов (хотя они были «автономны» от Богдо-гэгэна) наиболее почитались населением. Это увеличивало также их экономический потенциал.

В Джунгарском и Калмыцком ханствах не сложилась централизованная церковная организация, подобная восточно-монгольской. Вероятно, это было следствием меньшего числа монастырей и лам, более слабых связей с Тибетом, а также сосредоточения светской власти в руках монарха Джунгарского ханства² и сильных отличий ситуации в Калмыцком ханстве от таковой в Монголии и Джунгарии. Тем не менее теократия и там участвовала в легитимации светской власти. Например, калмыцкий хан Аюка в 1690 г. принял ханский титул и печать от имени Далай-ламы³, не поставив в известность своего сюзерена — русского царя⁴.

Маньчжурские императоры после подчинения Монголии использовали отношения «наставник – покровитель» с Гэлуг как наиболее влиятельной школой, а также элементы сакрализации императора. Эти отношения предполагали помощь в распространении веры и церковном администрировании. Так церковная иерархия, начавшая складываться в Монголии еще до подчинения маньчжурам, получила теперь «надстройку» в виде имперских структур и установлений. Опасаясь консолидации Монголии, маньчжурские императоры укрепляли духовный авторитет перерожденцев Джебцундамбы, но при этом старались ограничивать их власть. Император, в силу присвоенной ему сакральности, претендовал на власть над церковью и «утверждал» высшие духовные звания. Но при этом выявление новых перерожденцев Джебцундамбы оставалось прерогативой Далай-ламы и Панчен-ламы, а не цинской администрации. Остальные монгольские иерархи тоже выявлялись ламами и лишь «утверждались» цинской властью.

Во второй половине XVIII в. светские власти уже были не в состоянии контролировать хозяйства монастырей, церковь заняла ведущее положение не только в

¹ Кузьмин, 2010г, с. 151–158.

² Златкин, 1983, с. 102–103.

³ Далай-лама V скончался в 1682 г., но его смерть долго скрывал глава правительства Тибета — Сангье Гьяцо. Вероятно, он и организовал присылку титула и печати от имени Далай-ламы.

⁴ История калмыцких ханов..., 2003, с. 117.

обществе, но и в экономике Внешней Монголии¹. К этому времени институционализация теократии там в основном завершилась.

Буддийское духовенство Монголии не было жестко отграничено от мирян. Большинство монголов принимали духовные обеты, многие уходили в монастыри и, при наличии способностей, могли достичь высоких уровней в иерархии. Высшие ламы происходили не только из феодалов, но и из простого народа. К XX в. почти в каждой семье был монах. Высшие ламы не были «желтыми феодалами», а зависимых от них «низших лам» и шабинаров некорректно относить к крепостным.

С усилением теократии влияние феодалов падало. «Звание рядового монгольского дзасака идет неуклонно и неудержимо к упадку... Хошунные князья существуют, в сущности говоря, еще только потому, что это очень удобно для китайской администрации в смысле управления кочевым населением». Дзасаков объединяли сеймы (съезды), где решались общие для всех вопросы, но проходили они редко, некоторые князья не приезжали, и в целом были мало знакомы друг с другом². Ханы превратились в обычных владетельных князей, хотя сохраняли титул и продолжали избираться главами сеймов³. Большинство же молодых феодалов не интересовалось политикой и международными делами, а предпочитало вести спокойную жизнь⁴.

Это было следствием политики маньчжурской династии, которая стремилась ослаблять монгольских феодалов путем их разделения, опасаясь консолидации вокруг них народа и борьбы за независимость. Императоры укрепляли позиции буддийской церкви и вмешивались в ее дела как по долгу покровителей, так и для контроля над монголами. Они не опасались консолидации монголов вокруг буддийской иерархии, т.к. она была тибето-монгольской, а не национальной монгольской. Здесь они просчитались: эта иерархия легитимировалась как высший авторитет и стала силой, консолидировавшей народ. Важнейшую роль в этом играли теократы.

Из всех монгольских земель преданность буддизму была наибольшей в Халхе, где церковь была наиболее централизованной. К началу XX в., по-видимому, главными элементами монгольской идентичности стали славное прошлое эпохи Чингис-хана, вставленное в религиозный контекст буддийской легитимации и самоопределения⁵.

Таким образом, ко времени развала империи Цин во Внешней Монголии созрели предпосылки формирования теократического государства. Главными из них были приверженность буддизму почти всего населения, тесные связи духовенства с народом, легитимность и централизация теократии, экономический потенциал церкви, превосходивший таковой остальных сословий страны.

¹ Скрынникова, 1988, с. 73, 83.

² Новицкий, 1909, с. 85.

³ Баранов, 1905, с. 14–16.

⁴ Larson, 1930, p. 34.

⁵ Грумм-Гржимайло, 1926, т. 3, с. 397; Birtalan, 2012, p. 38, 44.

Глава 3. «Новая политика» империи Цин и национально-освободительное движение монголов

Установление господства маньчжуров над монголами сопровождалось рядом крупных восстаний, которые были подавлены. Но народ помнил о них. Например, феодалы и араты хошуна Хотогойт, откуда происходил шадар-ван Чингунжав (1710–1756)¹, каждые три года проводили мемориальный и религиозный ритуал Сулд Дзэнгэ, чествуя военные знаки этого князя². За вторую половину XIX в. в Монголии произошло около 20 антицинских восстаний³.

Однако лишь с конца XIX – начала XX в. они приобрели характер масштабного движения за независимость. В Китае преобладает взгляд, что эти движения были инспирированы иностранцами (прежде всего, русскими), разрушавшими «единство Китая». Так это трактовал, например, Сунь Ятсен⁴. И на Западе некоторые исследователи подчеркивают особую роль царской России в развитии «сепаратистского движения» монголов в «китайских пограничных областях»⁵. Насколько это верно?

Политика империи Цин отличалась традиционализмом, консерватизмом и закрытостью. Социально-экономические предпосылки революции были минимальными, но ее мощным ускорителем стала экспансия европейцев и американцев, ставившая империю во все большую зависимость от Запада и провоцировавшая у китайцев антиманьчжурские настроения⁶.

«Политика самоусиления», проводившаяся Пекином в 1861–1895 гг., не изменила ситуацию. Это показало восстание ихэтуаней (1898–1901), подавленное альянсом России, США, Германии, Великобритании, Франции, Японии, Австро-Венгрии и Италии. Эти державы заключали с империей Цин «неравные договоры»⁷ 1842–1910 гг. Предметом беспокойства цинского правительства были передачи России и Японии территорий в Маньчжурии и рост их влияния в Монголии. Некоторые исследователи в КНР считают, что Россия в конце цинской эпо-

¹ Известный вождь антиманьчжурского восстания на севере Халхи, казненный маньчжурами.

² Dashpurev, Prasad, 1993, p. 7..

³ Бакетова, 2009, с. 52–53.

⁴ Богословский, Москалев, 1984, с. 21–22.

⁵ Напр., Urbansky, 2014, p. 64–94.

⁶ Белов, 2001, с. 6.

⁷ Этот термин, введенный китайскими националистами в 1920-х гг., весьма неточен. Во-первых, договоры между странами, имеющими разную силу, редко бывают равноправными. Во-вторых, он еще более применим к отношениям, навязанным империей Цин слабым соседям, напр., Монголии и Тибету. В-третьих, он применим к соглашениям, заключавшимся Китаем (напр., КНР с Тибетом для его аннексии).

хи стала крупнейшим захватчиком Китая, виновным в ряде внешнеполитических провалов цинского правительства¹.

По мнению этого правительства, сложившаяся ситуация создавала угрозу отторжения северных и южных «пограничных народов». Решением проблемы сочли их инкорпорацию в ханьское большинство. Были и другие причины: голод в некоторых областях и демографическое давление населения Китая, проявлением роста которого была массовая миграция в Ордос из провинций Шаньси и Шэньси². В современной китайской науке «новую политику» Цин в Монголии оправдывают отсталой экономикой последней, пограничными проблемами, рассматривают как часть движения за модернизацию китайского общества³.

«Согласно проекту, выработанному к 21 декабря 1906 г. и высочайше утвержденному, со временем решено учредить два департамента: Колонизационный департамент, который будет весть делами по колонизации Монголии, постройкой железных дорог, добычей природных богатств, рыбных промыслов и т.д., и Департамент охраны границ, который будет весть обучением войска из монголов и тибетцев, распространением просвещения, развитием торговли и проч.»⁴ В 1906 г. «Лифаньюань» (в котором создавались эти департаменты) был преобразован в «Лифаньбу» — отдел «Цзунли-ямыня» (внешнеполитического бюро). Началась подготовительная работа по колонизации и использованию природных богатств цинских «окраин». В 1907 г. вышло многотомное руководство «Бянь цзян фан чжи» (Краеведческий [трактат] окраинной границы). Его том 23 посвящен Монголии⁵.

3.1. Внутренняя Монголия и Барга

Китайцы издавна использовали земли Маньчжурии и Внутренней Монголии. Еще в XVII в. Сюанье издал указ, поощрявший китайское хлебопашество в Джодуаском сейме, в XVIII в. в его южных хошунах уже понадобилось увеличение штата китайских чиновников. В правление Сюанье появились китайские колонии в Джеримском сейме. Позже издавались постановления, разрешающие колонизацию отдельных территорий. Первоначально она касалась лишь земель, прилегающих к Великой стене и не была политикой династии. Т.к. в Джодуаском сейме образовалась большая китайская колония (около 3 тыс. чел.), в «Уложении Лифаньюаня» были обозначены ее границы, положения для переселенцев. Новые переселения и распашки земли китайцами запрещались, сами земли считались монгольскими, монголы при желании могли их вернуть⁶.

¹ Zhao, 2004, p. 41–46.

² May, 1997; Wang W., 2000, p. 72–86.

³ Напр., Fan, 2005, p. 35–43.

⁴ Бруннарт, Гагельстром, 1910, с. 134–138.

⁵ Хишигт, 2011а, с. 20.

⁶ Баранов, б.г., с. 41–43; Единархова, Николаева, 2009, с. 11–13.

Другой вариант был связан с китаизацией монгольских феодалов, которые по обязанности приезжали к цинскому двору. Многие из них стали считать свою жизнь в Пекине комфортной и, возвратившись, приглашали китайцев для строительства дворцов. Чтобы покрыть расходы, они сдавали в аренду или продавали часть земли китайцам¹.

Постепенно китайцы стали преобладать в южной Маньчжурии и на прилегающих территориях. Такие местности выделялись из монгольских сеймов, в них вводилась китайская административно-территориальная система².

Процесс китаизации Внутренней Монголии шел с юго-востока на север и северо-запад. Наибольшей китаизации подверглись монголы юго-восточной Монголии и Алашани³. Численность китайцев во Внутренней Монголии в начале XIX в. оценивается примерно в 1 млн. чел. — несколько меньше, чем там было монголов⁴. В XIX в. южные монголы уже заметно отличались от северных внешне и по образу жизни, многое переняв от китайцев. Чахары, которые одни из первых подчинились маньчжурам, получили от них привилегии. Еще XIX в. они гордились перед прочими монголами своими преимуществами, силой и почетом. Они изучали маньчжурский и китайский языки, женщины переняли китайские головной убор, прическу и т.п. По наблюдению очевидца, ни одно монгольское племя в то время не было столь корыстолюбивым, как чахары⁵. А ведь в свое время именно чахарский Лигдэн-хан пытался объединить монголов и противостоять маньчжурской экспансии.

К 1870-м гг. китайцы уже сплошь заселяли княжества Чахар и Барин юго-восточной Монголии, в 1878–1882 гг. цинское правительство разрешило им заселять княжества Северный и Южный Горлос⁶. Монголы Западного Тумэта совершенно утратили первоначальный монгольский характер, многие не умели даже говорить по-монгольски⁷. Харчины тоже быстро окитаивались. Влияние китайцев на монголов было «скорее развращающим, нежели цивилизующим»⁸.

Если в начале XIX в. очевидцы отмечали антагонизм монголов к китайцам, связанный с несправедливостями при торговле и с исторической памятью⁹, то к концу XIX в. главные претензии были уже к произволу цинских властей¹⁰. Теперь в некоторых хошунах монголы были вынуждены покупать у китайцев землю по ценам, более чем в 30 раз превышавшим те, за которые они когда-то ее им продали¹¹.

¹ Lattimore, 1955, p. 16.

² РГАСПИ, ф. 532, оп. 4, д. 335, л. 63.

³ Бернов, 1891, с. 9; Пржевальский, 1875, с. 32–160; Потанин, 1950, с. 71; Цыбиков, 1981, с. 39.

⁴ Bulag, 2004, p. 87–88.

⁵ Ковалевский, 2005–2006, с. 29–30.

⁶ Патрушева, 1981, с. 102–103. Эти княжества составляли восток Джеримского сейма.

⁷ Гюк, 1866, с. 62, 163.

⁸ Пржевальский, 1875, с. 159–160.

⁹ Тимковский, 1824, с. 333–334.

¹⁰ Напр., Пржевальский, 1888, с. 513.

¹¹ Позднеев, 1898, с. 131, 354.

По наблюдениям полковника Д.В. Путяты в 1891 г., «мало-помалу пространства, созданные природой для скотоводства, покрываются цветущими поселками, а номады перекочевывают далее в пески. Современная граница сплошной китайской культуры приблизилась уже к Долон-нору и далее тянется по течению р. Шара-мурэн. В разных местах этой границы воздвигнуты опорные пункты, обеспечивающие дальнейшее мирное наступление китайцев. <...> Если оценить успехи, достигнутые эмиграцией за последние сто лет, то можно сказать с уверенностью, что через два–три века от Восточной Монголии сохранится лишь имя и что китайские выходцы проберутся до русской границы»¹.

Значительная часть иммигрантов состояла из членов антиправительственных организаций, сект и т.п. В том же 1891 г. даоская секта Цзинь-Дань-дао подняла мятеж. В китайской литературе он всегда трактуется как крестьянское восстание против империализма и феодализма, причем были даже случаи фальсификации лозунгов мятежников². В действительности это был китайско-монгольский этнический конфликт.

Вначале подверглись грабежу и истреблению богатые китайцы и христиане. Затем были разгромлены монгольские хошуны: Аохан, два хошуна тумэтов и два хошуна харчинов. Был убит князь Дагчин — председатель Джоудаского сейма.

Мятежники использовали лозунги: «Победим Цин и уничтожим монголов», «Уничтожим монголов в виде мести», «Встретив монгола, убей без разьяснения» и т.п.³ По-видимому, ненависть к монголам, мешавшим колонизации, смешивалась с ненавистью к маньчжурам: ведь именно здешние монголы одними из первых вступили с ними в союз (см. выше).

Хотя в хошунах Тумэт и Аохан почти все пригодные для распахки земли уже принадлежали китайцам, последние решили захватить и менее пригодные земли, еще остававшиеся у монголов. Получив отказ, претенденты объединились с сектой. В результате почти все монгольское население этих хошунов было истреблено или разбежалось, имущество разграблено или уничтожено. Китайцы четвертовали сопротивлявшихся, убивали детей на глазах их матерей, вспарывали животы беременным женщинам, сжигали их и т.п. Мятежники были окончательно разгромлены к декабрю 1891 г. Их главарь Ян Юэчунь показывал на допросе, что пришел в юго-восточную Монголию, создал секту, присвоил себе титул главы «школы по основанию государства», действовал из вражды к монголам под предлогом уничтожения христианства, и в результате погибло около 10 тыс. чел.⁴ По новым данным, лишь в хошуне Левого крыла тумэтов за 10 дней повстанцы истребили как минимум 10 тыс. монголов, разрушили тысячу деревень, около 100 тыс. монголов потеряли жилье⁵.

¹ Путята, 1892, с. 175–176.

² Borjigin, 2004, p. 43, 52–53.

³ Borjigin, 2004, p. 50–53.

⁴ Позднеев, 1898, с. 244–255, 350–351.

⁵ Tolum-a, 1990 — in: Borjigin, 2004, p. 53.

Присланный подавлять мятежников военный губернатор провинции Гирич Е Чжичао поддерживал их. Он послал фальсифицированный доклад цинскому двору, обвиняя отряды монгольских хошунов в убийствах невинных китайцев. Князь Правого крыла харчинов Чилагу в ответ направил большой доклад с опровержением. Хотя мятеж был подавлен, он привел к хаосу в монгольском обществе, переходу значительной части монголов юго-восточных предгорий Хингана к оседлому сельскому хозяйству, установлению китайского доминирования¹.

Итак, китайские колонисты уже в XIX в. считали монгольские земли своими, а монголов — врагами, мешающими колонизации. В результате после китайского мятежа Удай-ван из хошуна Джасакту аймака Южный Горлос Джеримского сейма в 1892 г. согласился на иммиграцию в свой хошун харчинов феодала Хайсана, который имел 13 удачных боев с мятежниками. Люди Удай были кочевниками, харчины — земледельцами. Иммиграция началась в 1893 г., и к 1907 г. переселенцев — харчинов и тумэтов было уже до 6 тыс. из всех хошунов Джосотуского сейма. С 1900 г. туда стали переселяться и китайцы при поддержке своих властей. Среди харчинов пошли слухи о необходимости выборов хана. Харчин-вану Гунсэньнорову — японофилу, не имевшему отношения к роду Чингис-хана, население в этом отказывало, но считало кандидатами трех князей, в том числе молодого Ару-Хорчин-вана Гарди-Басара, сторонника автономии Монголии, ведшего происхождение от брата Чингиса — Хасара².

Во Внешней Монголии ситуация была спокойнее. По данным на 1889 г., на востоке ее китайцев не было, а в прилежащих районах Внутренней Монголии их процент был незначителен³. В этот период во Внутренней Монголии некоторые китайцы (в основном, чиновники) возбуждали перед местной администрацией ходатайства об отчуждении «пустопорожных» земель кочевий за определенную сумму. Дело по инстанциям обычно доходило до Пекина и, в случае необходимых выплат и успеха, земля отдавалась в аренду. Затем арендатор сдавал ее по частям в субаренду китайским крестьянам. Так возникло много китайских деревень. Тумэтские и китайские чиновники в Хух-хото считали, что его земли уже перестали быть монгольскими. Один китайский чиновник пояснял, что и сам город можно считать частью «внутреннего Китая»⁴.

В 1901 г., после восстания ихэтуаней, цзяньцзюнь провинции Хэйлуцзян — Энь Цзе представил доклад императору о необходимости заселения земель, примыкающих к строящейся русскими КВЖД. В 1902 г. доклад был утвержден⁵. Будущее в нем рисовалось так: «Когда Монголия будет, наконец, сплошь вся заселена китайцами, то она представит собою вторую Великую стену для нашего государства»⁶.

¹ Воржигин, 2004, р. 50–53.

² Баранов, 1907, с. 1–32.

³ Бернов, 1891, с. 9–10.

⁴ Позднеев, 1898, с. 43–47, 58–71, 114.

⁵ РГАСПИ, ф. 532, он. 4, л. 335, л. 64.

⁶ Цит. по: Патрушева, 1981, с. 104–105.

Первоначальный проект касался лишь «придорожных» (вдоль КВЖД) земель хошунов Дурбэт, Джалайт, Северный Горлос. Многие князья там были бедны, имели долги, боялись потерять власть. Например, князь Джалайта ходатайствовал о включении своих земель в состав колонизируемых, чтобы поправить свое финансовое положение. В княжестве Джасакту, напротив, наметились «сепаратистские устремления», и его тоже решили колонизовать в числе первых¹.

В 1902 г. в Суйюани было создано правительственное Особое бюро по колонизации с главным управлением в Хух-хото и несколькими отделениями. Целью была колонизация кочевий хух-хотских тумэтов. В 1904 г. для колонизации Чахара создали такое же управление в Калгане. В 1908 г. в Нинся открылось управление для колонизации земель в провинции Ганьсу².

К государственной присоединилась частная колонизация: в 1911 г. в Долонноре была создана частная переселенческая компания Хуа-Син для колонизации Чахара. Земли монголов разделили на две категории: на продажу и в аренду. Монгол-землевладелец сдавал землю Управлению, оно ее оценивало по категориям в зависимости от толщины слоя чернозема. В случае продажи, покупатель первые три года не платил, а затем начинал платить в рассрочку. Арендная плата и налоги первоначально делились пополам между госказной и монголом. Но большие площади плодородных земель (например, в сейме Джосоту) за 50 лет перешли в полную собственность китайцев. Колонизация проводилась без землеустройства монголов. Их участки сокращались. Это заставляло их переходить к земледелию на невыгодных условиях, кочевать на север или на юг в Гоби. Такие земледельцы вынуждены были просить ссуды у китайцев, что вело к их более сильному закабалению, чем скотоводов³. В Джеримском сейме уже к 1903 г. феодалы были поставлены в тяжелое положение ссудами под 30–40% годовых, правительство добивалось их согласия на колонизацию⁴.

В системе межевания проявлялось стремление цинских властей вытеснить монголов: земли для одного участка нарезались в разных местах; размер отчуждаемого участка произвольно увеличивался без оплаты; земли под поселения, дороги и кладбища в расчет не входили. В результате хошуны стали расчленяться китайскими землями, появились чисто китайские города и сеймы под китайской юрисдикцией⁵.

К 1906 г. сильно китаизировались южные хошуны Джоудаского сейма — Хишигтэн и Барин, но в хошунах Бо-ван, Дархан, Тушэту и Южный Горлос Джеримского сейма знание китайского языка было еще так мало распространено, что даже князья, воспитывавшиеся в Пекине, не говорили на нем и держали китайских переводчиков для общения с чиновниками⁶. В Хух-хото землю отбирали у

¹ РГАСПИ, ф. 532, оп. 4, д. 335, л. 64–65.

² Бруннарт, Гагельстром, 1910, с. 307.

³ РГАСПИ, ф. 532, оп. 4, д. 335, л. 55–57, 92–93.

⁴ Баранов, б.г., с. 69.

⁵ РГАСПИ, ф. 532, оп. 4, д. 335, л. 66–68.

⁶ Новицкий, 1907, с. 15, 1909, с. 72.

монголов по поддельным указам императора, продавали за бесценок китайцам, присваивали деньги. Недовольство проявляли уже все монголы, даже чахары, считавшиеся самыми преданными правительству¹.

Доклады китайских чиновников, направленных в хошуны Джеримского сейма в последующие годы, показывают усиление колонизации и китаизации. Хошун Дурбэт: под колонизацию не было отведено 3 тыс. из 2250 тыс. шан земли, т.е. 0,13%. Ожидается 300 тыс. поселенцев. Джалайт: под колонизацию отведена южная часть; монголов во всем хошуне до 20 тыс., колонистов 30 тыс., из них 2/3 китайцы. Северный Горлос: под колонизацию не отведено 238 тыс. из 2340 тыс. шан, т.е. 10,2%; все лучшие земли скупили монголы, что вызвало жалобы китайцев; монголов 5865 чел., китайцев из Гирина — 1700 семей. Тушэ-гун: под колонизацию занята южная часть, князь со своими подданными (около 7 тыс.) откочевал в северную часть; колонистов около 15 тыс. китайцев и 4 тыс. оседлых монголов-харчинов; чиновник сказал местным монголам, что правительство хочет сделать из них хлебопашцев. Южный Горлос: не колонизовано около 20% земли; колонистов-китайцев 6 тыс., харчинов 4500, местных монголов до 20 тыс.; последние меняют свои обычаи, одеваются по-китайски и живут в китайских домах. Джасакту: первоначально не входил в план колонизации, но действия его князя Удая (см. ниже) привели к ускоренной колонизации (отведено в 1,5 раза больше земли, чем полагается по указу). Тушэту-ван: большая колонизация планируется в будущем; пока на 200 колонистов приходится 5077 монголов. Дархан-ван: южная часть отторгнута к Мукденской провинции; колонизация издавна идет на северо-запад; где земля лучше, монголы переходят к земледелию. Бо-ван: в южной части образованы два китайских уезда; в трех других монголы живут вперемешку с китайцами; 70% земли колонизировано, остальное — солончаки и песчаная степь; монголы утрачивают самобытность. Бинту-ван: южная часть китаизирована, северная пока занята монголами и открыта для колонизации, но они и здесь занимаются земледелием².

Согласно отчету командующего войсками Приамурского ВО за 1902 г., энергичная деятельность по заселению монгольских земель близ КВЖД китайцами из густо заселенных районов Южной Маньчжурии и провинций Китая ставила целью противовес влиянию русских и оттеснение монголов вглубь страны от КВЖД. В результате в некоторых хошунах китайский элемент стал преобладать над монгольским. Харчины стали быстро окитаиваться и утрачивать свой язык, многих из них уже было столь же трудно отличить от китайцев, как и маньчжуров. Командующий рекомендовал содействовать монгольским князьям в борьбе с маньчжурским правительством³.

Из Монголии была выделена и присоединена к Мукденской провинции компактная масса земель Джеримского сейма. На его территории образовалась цепь

¹ Маннергейм, 1909, с. 166–167.

² РГАСПИ, ф. 532, оп. 4, д. 335, л. 69–78.

³ АВПРИ, ф. Приамурск. генерал-губернатор, оп. 579, д. 38.

китаизированных районов от Синьминтина на север до Хингана. Эта цепь отделила восточную Монголию от КВЖД и Маньчжурии¹.

«Новая политика» стала ограничивать широкую внутреннюю автономию, которой пользовалась Барга до 1905–1906 гг. Пекинское правительство стало назначать туда китайских чиновников и отводить земли для колонизации. Баргутские пограничные караулы заменили китайскими. Вместо амбана был назначен китайский чиновник, вначале в звании фудутун, затем — даотай. В связи с планами колонизации, Баргу разделили на 3 части, ввели китайские войска, стали создавать китайские школы².

17 февраля 1909 г. генерал-губернатор Маньчжурии Си Лян подал в Пекин план китаизации монголов. Предполагались искоренение их старинных обычаев и законов, передача разработки природных богатств одним китайцам³. В докладе губернатора говорилось: «Введение провинциального строя управления в Джеримском сейме послужит к укреплению границ внутреннего Китая, покорности монголов <...> В колонизационных местах Монголии уже введено областное, уездное, окружное и пристанское управление с подчинением провинциям <...> Заселение Монголии поселенцами даст источник к получению на расходы к проведению других реформ <...> Просвещение монголов стоит главной задачей. Оно даст толчок умственному развитию, и они не будут так фанатичны и не будут слепо верить тем предрассудкам, которые укоренены в монголах <...> Вместо пустырей, являющихся для государства большим местом, мы увидим обработанные, плодородные нивы и обогащенный народ»⁴.

План был одобрен. Началось «просвещение» — прежде всего, насаждение китайского языка. Для подавления протестов были посланы войска, применялись пытки и казни. К трем восточным провинциям Маньчжурии были насильственно присоединены монгольские земли хошунов Джалайт, Северный Горлос, Дурбэт, Южный Горлос, Тушэ-гун, Джасакту, Тушэту-гун, основаны китайские города Кайтунсянь, Чжэнцзятунь, Таонаньфу и др.⁵ Недовольство монголов переходило в сопротивление, принимавшее разные формы: от откочевки до разбоев и партизанских действий.

Россия внимательно следила за развитием ситуации. В Монголию направлялись военные эмиссары, доставлявшие важные сведения (часть их приведена выше). Как отдельная область военного востоковедения, формировалось военное монголоведение⁶. Кяхтинский пограничный комиссар подполковник Генштаба А.Д. Хитрово исследовал положение монголов в пограничных регионах для выяснения возможностей отделения их от империи. По результатам российский посланник в Пекине И.Я. Коростовец (1862–1933) пришел к выводу, что нацио-

¹ Белов, 1999, с. 20.

² Котвич, 1914, с. 37–38; Баранов, 1925, с. 25. Фудутун — наместник с правами губернатора провинции. Об административной организации Барги см.: Миягашева, 2012, с. 208–214.

³ Патрушева, 1981, с. 120.

⁴ РГАСПИ, ф. 532, оп. 4, л. 335, л. 69–78.

⁵ Патрушева, 1981, с. 120.

⁶ Подробнее см.: Бойкова, 2014, с. 35–146.

нальное движение будет успешнее в Халхе, чем в Барге и восточной Монголии, сильнее заселенных китайцами¹.

Граф А.П. Беннигсен указывал, что безопасность России может быть обеспечена удачной войной против китайцев, после которой надо «из Монголии и Синьцзяна образовать два отдельных государства, доступ в которые китайцам был бы затруднен»².

В записке, представленной Николаю II графом Н.П. Игнатьевым 29 января 1905 г., предлагался компромиссный вариант: «Исход этого вопроса не может быть иным, чем автономия Монголии, дабы таким образом явилась между Россией и Китаем нейтральная полоса и создался оплот против Китая, на случай в грядущем случайностей с этой стороны. Протекторат и сфера русского влияния явятся сами собой. В нейтральную полосу должна войти Монголия, т.е. граница с Китаем и, по крайней мере, за южным Кукунором. Раздел Монголии между Китаем и Россией не достигал бы цели и лишь послужил к новым мерам на границе с нашей стороны к ограждению от Китая <...> Россия не имеет цели захватывать Монголию»³. Монголия в этом проекте рассматривалась как единое целое — без разделения на Внешнюю и Внутреннюю.

Внутренние монголы все чаще обращались к России за помощью. Например, в 1905 г. монголы Северного Горлоса предложили управлению КВЖД арендовать у них степные, годные для колонизации земли в 20 верстах от ст. Маньгоу на 30 лет, с правом продлить аренду еще на 30 лет⁴. Ару-Хорчин-ван Гарди-Басар, князь Дзун-Джарода и Цаган-хутухта просили оружие у России. Цаган-хутухта объяснял приехавшему ротмистру А.М. Баранову, что это надо не только для защиты, но и для предстоящего восстания всех монголов против китайцев. С Барановым харчины отправили письмо в Россию, где перечислили китайские притеснения⁵.

Ширилось повстанческое движение. Семья баргутского тайджи Э. Тогтохо (1863–1922) лишилась своих пашенных земель. В 1901 г. он создал партизанский отряд из 100 чел. Главную опасность монголам составляли шесть банд хунхузов более чем в 1500 чел., оставшиеся со времен Японо-китайской войны. Хунхузов Тогтохо рассеял и продолжил нападать на китайцев, в первую очередь, купцов (у них он уничтожал долговые книги), некоторых колонистов, солдат, японских разведчиков, а также монгольских феодалов, поддерживавших китайскую политику. Тогтохо и цинские отряды из монголов старались избегать стычек друг с другом. Монголы информировали его о перемещениях китайских солдат. Давление китайцев усиливалось, Тогтохо в 1907 г. ушел из Южного Горлоса в горы к племени солонов и продолжил борьбу. В 1906–1910 гг. он имел 107 стычек с китайскими войсками. Двое из четырех его сыновей погибли. В 1910 г. Тогтохо с 50 людьми ушел в Сэцэнханский аймак Халхи, нападая на маньчжуро-китайских чиновни-

¹ ХХ зууны..., 2003, с. 22.

² Беннигсен, 1912, с. 40.

³ АВПРИ, ф. 143 КС, оп. 491, д. 78, л. 3–3об.

⁴ АВПРИ, ф. 143 КС, оп. 491, д. 78, л. 21.

⁵ Баранов, 1907, с. 1–32.

ков, солдат и ростовщиков. Посланные против него отряды ургинского амбана Саньдо, потеряв 60 чел. убитыми, рассеялись¹. Однако поднять восстание в Халхе Тогтохо не смог.

Он получил убежище в России и ушел в Акшинский уезд. Пекин потребовал его выдачи. Сохранилась переписка об этом МИД России с российскими генеральными консульствами в Мукдене, Харбине, Урге и др., командованием Заамурского округа Пограничной стражи, цинским МИД². В России Тогтохо получил более 2 тыс. десятин земли у Нерчинска. Саньдо потребовал с чиновников «проштрафившегося» хошуна 5 тыс. лан серебра, а со всего хошуна — 100 тыс. лан в возмещение ущерба китайским фирмам³.

Другой партизанский лидер — Баир из Горлоса в ответ на колонизацию решил изгнать китайцев назад за Великую стену, конфисковать их имущество и провозгласить автономию Монголии. Когда это не получилось, он стал грабить китайские лавки и деревни. В 1907 г. он на время присоединился к Тогтохо, в 1908 г. погиб в бою.

Известным главой партизан был харчинский гун Бавужав. С 1902 г. его отряд вел успешные действия против китайцев. Однако его популярность среди монголов не была постоянной. Например, она упала, когда он без разбору грабил население Удзэмчина. Бавужав получал поддержку и от русских, и от японцев. Японцы одно время надеялись использовать его для восстановления цинской династии. В 1916 г. он был одним из тех, кто подал Юань Шикаю петицию 24 князей о восстановлении династии⁴.

Джасакту-ван Удай в 1911 г. прислал в Харбин в штаб военного округа делегацию, которая уведомила российскую сторону о готовности, планах и сроках восстания, просила помощи оружием и деньгами. Штаб округа выдал монголам несколько ящиков винтовок с патронами⁵.

Между тем, цинская «новая политика» все шире распространялась по землям «пограничных народов». В июле 1910 г. была опубликована телеграмма о Высочайшем указе, чтобы Госсовет и министерство приняли меры подготовки законопроекта о планах реформ и преобразований, необходимых для Монголии и Тибета для внесения в Конституционную палату. Телеграмма была разослана 20 высшим резидентам, генерал-губернаторам и другим чиновникам в Монголию, Тибет и Синьцзян⁶.

В сентябре вышел доклад министерства колоний о проектируемой конституционной реформе: прежде всего, необходимо отменить запрет обрабатывать земли на окраинах китайскими колонистами; надо, по образцу иностранных государств, поощрять колонизацию окраин; очень важно отменить запрет китайцам

¹ Сандаг, 1958, с. 53; Майский, 1959, с. 205; Мау, 1997.

² АВПРИ, ф. 188 МП, оп. 761, д. 310, 1159.

³ Сандаг, 1958, с. 53, 56–57.

⁴ Мау, 1997.

⁵ Базаров, 2002, с. 9.

⁶ “Шуньтянь шибао”, 20.07.1910: АВПРИ, ф. 761 МП, оп. 761, д. 313, л. 5.

жениться на монголках (т.к. уже разрешены браки китайцев и маньчжуров); надо отменить положение, запрещающее монголам пользоваться китайскими языком и письменностью. В ноябре сообщалось о внесении в Конституционную палату проектов о железнодорожном и учебном деле в Монголии: строительства железных дорог Калган-Кяхта, Калган-Цзиньжоу, Урга-Или; дополнительным языком в школах должен был стать китайский (в низшей школе 1-го разряда обучение должно идти параллельно на монгольском и китайском¹; в Пекине надо учредить монгольский учительский институт). Указывалось, что монголы не принимают мер предосторожности при проведении реформы и даже закладывают природные богатства иностранцам, правительство приняло общеимперский порядок администрации во Внутренней Монголии, однако монгольские князья сочли это противоречащим их интересам, явно и тайно противодействуют².

Важнейшим методом проведения реформ был поиск китаизированных монгольских феодалов, которые за деньги и привилегии были готовы проводить «новую политику». Для борьбы с «иностранными поползновениями» в Монголии монгольские князья Наянту, Су и Бодису составили следующую программу:

1) объединение монгольских князей в Пекине на почве изучения способов охраны Монголии;

2) циркулярное оповещение всех монголов через министерство колоний с предложением доставлять сведения с мест;

3) ходатайство перед правительством о скорейшем преобразовании Монголии в провинции Китая;

4) изыскание средств для преобразования монгольских княжеств в провинциальные управления;

5) изыскание средств для комплектования дивизии войск и размещения ее по главным пунктам Монголии;

6) ходатайство перед правительством о командировании опытных лиц для сношений с иностранцами;

7) организация поездок лучших воспитанников учебных заведений монгольского и тибетского языков при министерстве колоний и Маньчжуро-монгольского института по княжествам Монголии;

Наянту-ван.

¹ Вскоре во введенных во Внутренней Монголии элементарных школах китайский язык стал обязательным, а монгольский — вспомогательным (Баранов, б.г., с. 47).

² “Правительственный вестник”, 09.09.1910, “Гоминь гунбао”, 09.11.1910, “Цзинь-цзинь шибао”, 04.08.1911: АВПРИ, ф. 761 МП, оп. 761, д. 313, л. 6–9, 14.

8) объезд княжеств чиновниками министерства колоний¹.

В августе 1910 г. чин-ван Су Высочайшим указом был назначен министром колоний. В тот же день он ходатайствовал перед цинским князем-регентом о поручении ургинскому и кобдоскому амбаням принять участие в составлении проекта введения общеимперского административного порядка также в Тибете. На совещании между чиновниками: князем Су, Цзай Тао, Юй Ланом и Инь Чэном было признано необходимым ввести воинскую повинность в Монголии и Тибете, что поручили канцелярии главного управления Генерального штаба. Тогда же был принят проект, который разрешал служилым маньчжурам переселяться в Монголию².

По инициативе нескольких сановников и монгольских князей, живших в Пекине, было создано «Общество защиты Монголии». Осенью 1911 г. Су на его заседании предложил приступить в Монголии к следующему:

- 1) оказание содействия всеобщей воинской повинности;
- 2) оказание содействия мероприятиям против заключения монголами внешних займов без разрешения китайского правительства;
- 3) нравственное воздействие против иностранного влияния;
- 4) содействие введению новой административной системы³.

По свидетельствам очевидцев, результатами цинской «новой политики» во Внутренней Монголии были масштабная колонизация земель, их изъятие у монголов и китаизация последних. Например, подполковник А.Д. Хитрово писал, что деятельность китайцев там сводится к колонизации, учреждению китайской администрации и изъятию этих земель из управления монголов⁴. Другой очевидец, А.М. Баранов писал: «Во всей колонизации видна система совершенного уничтожения, поглощения Монголии <...> уничтожается вассальная Монголия, а на ее месте вырастают китайские провинции с китайским населением, китайскими властями и войсками»⁵.

3.2. Пребывание Далай-ламы XIII в Халхе

В то самое время, когда цинское правительство стало проводить свою «новую политику», правительство Великобритании решило «открыть» Тибет, чтобы создать там буферную зону, защищающую с севера ее колонию — Индию. 6 ноября 1903 г. оно отдало приказ о вторжении военного отряда из Индии в Тибет. Вторжение привело к тому, что 30 июля 1904 г. Далай-лама XIII покинул Лхасу и направился в Монголию. По его словам, целью этого было «восстановление прежнего порядка, сохранение веры в Тибете при поддержке Государя»⁶ — т.е.

¹ “Чжунго бао”, 10.06.1910: АВПРИ, ф. 761 МП, оп. 761, д. 313, л. 4.

² “Цзиньцзинь шибао”, 03.08.1911, “Чжэн бао”, 06.08.1911, “Чжэн бао”, 23.08.1911: АВПРИ, ф. 761 МП, оп. 761, д. 313, л. 11, 17, 21–22.

³ “Шуньтянь шибао”, 14.09.1911: АВПРИ, ф. 761 МП, оп. 761, д. 313, л. 33–34.

⁴ АВПРИ, ф. 188 МП, оп. 761, д. 367, л. 13.

⁵ Баранов, б.г., с. 47.

⁶ АВПРИ, ф. 143 КС, оп. 491, д. 1454, л. 51.

Николая II, а позже — что он рассчитывал на убежище в России, но, убедившись в невыполнимости этого, был «намерен просить о помощи, считая Россию единственной покровительницей Тибета»¹. Очевидно, важную роль в этом решении сыграл бурят А. Доржиев — хамбо и цэншап² Далай-ламы XIII, пользовавшийся его особым доверием. Далай-лама сделал его своим представителем в России и Монголии. Этот статус Доржиев сохранял и при советской власти³.

По воспоминаниям монгольского донира Джамбала, перед отъездом из Лхасы Далай-лама общался с Доржиевым. Тибетцы хотели их разделить, и отъезд им пришлось обговаривать путем тайной переписки. В результате Далай-лама с Доржиевым и несколькими тибетцами ночью тайно покинули Лхасу. По дороге к ним присоединялись люди, караван вскоре стал большим. Они прибыли в Верхнюю Монголию (северная часть Кукунора) — во владения князя Хурлэг-бэйсэ. Оттуда они направились в столицу Внешней Монголии — Их-хурэ⁴.

14 октября донир Далай-ламы привез его письмо Богдо-гэгэну. Жившие в Монголии тибетцы отнеслись к отъезду Далай-ламы из Лхасы нерадостно, т.к. сочли, что он лишается своего высокого положения, покинув Тибет. Богдо-гэгэн и ламы Шабинского ведомства стали готовиться к его прибытию. Прошло совещание, на котором решили встретить высокого гостя с почетом и поселить в старом дворце Джебцундамбы. Богдо-гэгэн выслал навстречу Далай-ламе почетные желтые носилки с паланкином и богатые юрты. 16 октября он выслал навстречу своего донира и лиц свиты, 19-го — еще 150 духовных лиц⁵. На остановках Далай-ламы по Монголии до Их-хурэ к нему приезжали поклониться старшие ламы Эрдэнэ-Дзу, Барун-хурэ и других монастырей, феодалы. Его встретили князя Цэ-гун и Элдэн-бэйлэ. За чертой города его ждали монгольский амбань и солдаты охраны⁶. Богдо-гэгэн отправил для встречи Далай-ламы тибетского сойбона⁷ Ханчина и привратника (монг.: хаалгач) Шухэрча. В окрестностях столичного монастыря Гандантэгченлин для людей Далай-ламы поставили 50–60 юрт, рядом с каждой — еще по юрте, где им готовили пищу. Этим занимались четыре монастырских аймака Халхи и пять шаби. Они же доставляли туда все необходимое⁸.

Прибыв в Их-хурэ 27 ноября 1904 г., Далай-лама заявил, что прибытие его вызвано главным образом «желанием заручиться высоким покровительством русского государя»⁹. Далай-ламу сопровождали Доржиев, Хурлэг-бэйсэ с братом, около 30 тибетцев и монголов и несколько бурят¹⁰. В записке Далай-ламы для рос-

¹ АВПРИ, ф. 143 КС, оп. 491, д. 1454, л. 66.

² Партнер по философским диспутам, которые являются важной частью буддийского образования.

³ Напр., ГАРФ, ф. 1318, оп. 9, д. 42, л. 2.

⁴ Овгон Жамбалын яриа, 1959, с. 39.

⁵ АВПРИ, ф. 143 КС, оп. 491, д. 1454, л. 12–48.

⁶ Сонинбаяр, 1996, с. 15–17.

⁷ Прислужник, или заведующий штатом высшего ламы.

⁸ Овгон Жамбалын яриа, 1959, с. 40–41.

⁹ АВПРИ, ф. 143 КС, оп. 491, д. 79, л. 91–95об.

¹⁰ АВПРИ, ф. 143 КС, оп. 491, д. 1454, л. 41–42.

сийских властей было указано: «Главное намерение тибетского правительства — стремиться к тому, чтобы европейские державы признали независимость Тибета, на правах и началах самостоятельного государства, чему, как думает Далай-лама, в России не откажут в содействии»¹.

Официальный Пекин был недоволен отъездом Далай-ламы в Монголию². От имени императора был издан указ, которым он «лишался титула». Из Пекина ургинский Хутухта получил предписание «не особенно усердствовать по приему Далай-ламы»³. Затем режим Цыси незаконно «низложил» Далай-ламу. По воспоминаниям Джамбала, Хурлэг-бэйсэ сообщил маньчжурскому императору, что Далай-лама хочет уехать к русскому царю⁴.

Богдо-гэгэну VIII было трудно противиться давлению Пекина. Чуть раньше по его настоянию из Их-хурэ был отозван маньчжурский амбань Дэлин, обиравший население. Взамен послали сининского амбаня маньчжура Янчжи с приказом к Далай-ламе выехать через Синин в Лхасу⁵. Далай-лама отказался, тогда Янчжи назначили амбанем в Их-хурэ.

«Ввиду желания ургинского маньчжурского амбаня принять совместно с монгольскими князьями участие в главной встрече Далай-ламы, ургинский Хутухта, находясь в крайне враждебных отношениях с маньчжурским амбанем Дэлином, намерен изменить первоначальное решение и приветствовать Далай-ламу отдельно, уже по приезде последнего в Ургу, причем таковое решение свое ургинский хутухта держит в строгом секрете как от монголов, так и от маньчжурского амбаня Дэлина, который предполагает играть главную роль при встрече Далай-ламы в Урге, т.к. командированный из Пекина для приветствия и поднесения богдоханских подарков, вновь назначенный сининский амбань Янчжи едва ли успеет прибыть в Ургу ранее Далай-ламы. <...> Монгольский амбань Пум-бэйсэ также находится в неприязненных отношениях с маньчжурским амбанем Дэлином, который, имея полную поддержку в Пекине, по слухам, очень хлопочет о назначении на пост монгольского амбаня совсем окитаившегося, женатого на китайке и находящегося ныне в Пекине монгольского князя Тушэтуханского аймака хошунного правителя Цэвана (Ван Цэрэн-Бабай), нелюбимого монголами вследствие того, что он приверженец китайской стороны и в достаточной степени пристрастный человек. Циркулирует в Урге также слух, что амбань Дэлин, несмотря на богдоханский указ о замещении Дэлина Пушаном, обратился в Пекин с просьбой об оставлении его, Дэлина, на некоторое время в Урге ввиду предстоящего прибытия в Ургу Далай-ламы и о задержании в Пекине ургинского Шанцзотбы, командированного в Пекин для передачи юбилейного приветствия вдовствующей китайской императрице, т.к. Шанцзотба совместно с Хутухтою хлопотали об удалении Дэлина из Урги»⁶.

¹ Козлов, 2004, с. 120–121.

² Kuzmin, 2013d, p. 191–197.

³ Козлов, 2004, с. 106.

⁴ Kuzmin, 2012b, p. 68; Эвгон Жамбалын яриа, с. 42–43.

⁵ Детали см.: АВПРИ, ф. 188 МП, оп. 761, д. 869, л. 1–8, ф. 143 КС, оп. 491, д. 79, л. 144; д. 1454, л. 29.

⁶ АВПРИ, ф. 143 КС, оп. 491, д. 1454, л. 41–42.

Богдо-гэгэн VIII не выехал из Их-хурэ, чтобы встретить гостя. Официальная встреча состоялась лишь на четвертый день (30 ноября 1904 г.) и была короткой. По слухам, которые приводил Джамбал, это объясняли тем, что Далай-лама не прислал Богдо-гэгэну с дороги хадак (церемониальный шарф) — хотя ехал в его владения без приглашения и как беженец, а Далай-лама на это сказал, что он глава религии, потому именно ему должны были послать хадак. Присланный к Далай-ламе сойбон Ханчин сеял раздор, говоря ему, что Богдо-гэгэн не очень-то обращает на него внимание¹.

17 декабря 1904 г. В.Ф. Люба² сообщал, что Хутухта «не очень давно пригласил Далай-ламу к себе и прислал за ним и его свитой лошадей. Они провели несколько часов в спокойной беседе и условились видеться; после того свидания не повторялись, и до сих пор официального чествования Далай-ламы здешним духовенством не было». Прибывший из Пекина Янчжи принял печать, и его обязанно-сти маньчжурского амбана Урги соединились «с опекой над Далай-ламой»³.

Далай-лама присутствовал на религиозных диспутах между тибетскими и монгольскими геше, проводил ритуалы в столичных дацанах⁴. В начале марта 1905 г. вспыхнул спор между приближенными обоих иерархов, когда трон Далай-ламы поставили в храме впереди трона Хутухты; в итоге трон Далай-ламы был удален, и это приписали Богдо-гэгэну⁵. Ф.И. Щербатской приводил рассказ некоего китайца, будто по предложению Хутухты совершили специальный ритуал (гурум) для того, чтобы Далай-лама XIII поскорее уехал из Их-хурэ⁶. Далай-лама через российского консула просил довести до китайских чиновников и Хутухты слово о заступничестве, говорил о том, что Хутухта интригует, «находясь в руках китайцев»⁷. Эта ситуация вызвала устойчивые слухи о негостеприимстве в Их-хурэ и разногласиях между обоими иерархами.

Соответственно, российские представители сообщали, что «между ургинским Хутухтою и Далай-ламой уже начинается антагонизм. Если последний останется в Урге дальше, Хутухта намерен переселиться в монастырь Эрдэни-Дзу на р. Орхоне... Халхаские ханы и князья в политических и других важных делах группируются около Хутухты. Его мнение и слово — святы»⁸.

Разногласия проясняет документ 1905 г. к маньчжурскому и монгольскому амбанам Их-хурэ от начальников сеймов Тушэтуханского и Сэцэнханского аймаков, помощников джанджинов (командующих) аймаков, Эрдэнэ-шанцзотбы Хурэ, даламы, хамбо-номун-хана Хурэ, Ачиту-номун-хана, Дуйнхор-хутухты⁹. Суть этой

¹ Овгөн Жамбалын яриа, 1959, с. 42–43.

² В то время — чиновник 6-го класса МИД России, специально присланный в Монголию (АВПРИ, ф. КС, 143, оп. 491, д. 1894, л. 1–86).

³ АВПРИ, ф. 143 КС, оп. 491, д. 79, л. 15–16.

⁴ Бямбаа, 1996, с. 10–11; Сонинбаяр, 1996, с. 15–17.

⁵ АВПРИ, ф. 143 КС, оп. 491, д. 79, л. 11–14, 36–37; Ломакина, 2001, с. 64.

⁶ Архив СПбФРАН, ф. 725, оп. 1, д. 129, л. 16 — в кн.: Ломакина, 2006, с. 64–65.

⁷ АВПРИ, ф. 143 КС, оп. 491, д. 79, л. 200; Козлов, 2004, с. 106.

⁸ АВПРИ, ф. 143 КС, оп. 491, д. 78, л. 5об.

⁹ МУУТА, ф. 179, д. 1, х.н. 1219, 1230 — в кн.: Олзийбаатар, Дашням, 2012, с. 51–58.

бумаги в том, что между Далай-ламой и Джебцундамба-хутухтой были разногласия, от Далай-ламы было сообщение амбаням Хурэ об этом, и несколько халхаских лам и нойонов на это сообщение дали ответное опровержение. После этого Далай-лама отозвал свое сообщение от амбаней.

В своем послании нойоны и ламы ответили на каждый пункт обвинений из сообщения Далай-ламы следующим образом (ниже обвинения и ответы разделены тире).

1) Далай-лама с дороги высылал людей спрашивать о здоровье Хутухты, но тот с ними не встречался. — Не было смысла не встречаться. Когда услышали, что приезжает Далай-лама, приготовили желтый зонтик, карету, юрту, спрашивали о здоровье, отправляли людей.

2) Когда Далай-лама приехал в Хурэ, Хутухта его не встретил. — В то время у Джебцундамбы было препятствие, и он не смог встретиться, но отправил человека, который поднес мандалу.

3) и 4) Хутухта был пьян, пришел в сопровождении женщины. — «Шабинары никогда не видели нашего Учителя, Джебцундамбу, чтобы он ходил пьяным». При встрече Далай-ламы около Хурэ люди поклонялись и получали благословения. Среди многих людей была знаменитая девушка, которую считали эманацией Белой Тары, она пришла поклониться.

5) Надо было встретиться с Далай-ламой, но к нему несколько раз отправляли пьяного человека. — Он никогда не давал такого поручения. Тибетский шабинар Агванчойдог, не отпросившись у Джебцундамбы, ходил по своему желанию. Чтобы его вернуть, Джебцундамба несколько раз отправлял человека.

6) и 7) Из ведомства Далай-ламы послали сообщить, чтобы Джебцундамба назначил учителем и сойбоном лхарамбу Лувсанжамьяна и ламу Снина, а он им эти должности не дал. — Учителем, после смерти Хайдавданзана, уже назначили Балданчоймбола из Лхасы. Когда выявили хубилгана Джебцундамбы и прислали его из Лхасы, ему был назначен учитель администрациями Панчен-ламы и Далай-ламы и назначен сойбон. За много лет стало традицией, что, в случае смерти в Хурэ учителя и сойбона, Хутухта сам должен выбрать новых, и они уже были выбраны. В Хурэ нет вакантных мест с таким жалованьем.

8) Выбросили трон, приготовленный для Далай-ламы в хурэ Гандантэгченлин. — Ламы этого монастыря хотели получить учения от Далай-ламы, поэтому все приготовили. Трон для Джебцундамбы был приготовлен справа от трона Далай-ламы. Но сопровождающие Далай-ламы, осмотрев, отодвинули его трон так, что проход перед тронами оказался перекрыт. Когда затем Джебцундамба пришел и стали зажигать благовония, трон Далай-ламы пришлось отодвинуть. Это сделали донир и тахилч. Это обсуждалось на собрании лам храма, этих людей наказали¹.

В конце документа сказано, что нойоны и ламы из разных аймаков сделали церемонию подношения даншиг (Бат-оршил) Далай-ламе и Джебцундамбе, поднесли серебро. Они дали объяснение Далай-ламе по восьми пунктам, изложили

¹ Өлзийбаатар, Дашням, 2012, с. 54–56. Тахилч — монах, ведающий подношениями.

свои обиды в отношении его окружения по двум пунктам. Также говорится, что четыре аймака Халхи и пять шаби для того, чтобы конфликт был исчерпан, поднесли каждому даншиг. После этого Далай-лама забрал бумагу, которую направлял амбаням Хурэ. Дело было окончено и не стало предметом борьбы — об этом сообщили амбаням. Позже, когда Далай-лама находился в Ван-хурэ, Джебцзундамба со своими приближенными отправлял ему подарки, желал здоровья, и оба они молились за благополучие друг друга¹.

Хотя недоразумения между иерархами разрешились, положение Далай-ламы оставалось сложным. По секретному донесению коллежского секретаря В.В. Долбежева из Урги от 26 мая 1905 г., «халхасцы с тревогой следят, как китайцы окружают Далай-ламу сетью своих агентов»². Новые амбани постоянно следили за ним, спрашивали, встречаются ли Далай-лама и Богдо-гэгэн, общаются ли они и т.д. Специальные люди, приставленные для слежки за Далай-ламой, получали 10 лан в день³.

Под предлогом приветствия от Цыси и Цзайтяня к Далай-ламе в Халху были командированы монгольский князь Бодису и китайский амбань Дашоу. Вскоре выяснилось, что их поездка по Халхе имела тот же ревизионный характер, что и поездка князя Су по Внутренней Монголии. Они вызвали к себе в ставку Сайнойон-хана, исполнявшего дела цзяньцзюня Улясуая, собирались поехать туда и в Дзасактуханский аймак, а в дальнейшем, возможно, и в Алашань⁴.

Так что их целью было не только удаление Далай-ламы из Халхи, но и сбор сведений для проведения цинской «новой политики». Далай-лама заметил амбанию в ответ на его бесцеремонное отношение: «Моего одного слова к монголам будет достаточно, чтобы пошатнуть ваши административные устои»⁵.

Далай-лама и Богдо-гэгэн встречались тайно⁶, однако содержание этих встреч неизвестно. Донир Джамбал вспоминал о двух таких встречах. Как-то раз он был на карауле у ворот Далай-ламы. В церемониальной одежде приехал халгач Цэвэн из монастырского аймака Джадор — приближенный Джебцзундамбы. Он говорил 3–4 часа с шанцзотбой Далай-ламы. Когда наступили сумерки, все сойбоны и дониры разошлись по домам. Проходя мимо дворца Далай-ламы, Джамбал у ворот заметил человека, держащего приготовленную лошадь, рядом еще двух лошадей. Когда он вернулся в свою юрту, ночью к нему пришли два тибетца, знавших монгольский язык, вместе пили чай. Они сказали, что Далай-лама выехал верхом. Потом говорили, что он ездил к Богдо-гэгэну. О другой встрече Джамбал сообщал со слов Джамьяна — начальника сторожей дуганов (храмов), которого он называл

¹ Олзийбаатар, Дашням, 2012, с. 57–58.

² АВПРИ, ф. 143 КС, оп. 491, д. 78, л. 22–23об.; Кузьмин, 2010б, с. 225–232; Kuzmin, 2012b, p. 66–69.

³ Джамбал слышал, что одного из этих людей звали Сандаг по прозвищу “коротышка” (*оготор*: Эвгон Жамбалын яриа, 1959, с. 43–44).

⁴ АВПРИ, ф. 143 КС, оп. 491, д. 1457, л. 6; ф. 188 МП, оп. 761, д. 408, л. 1–36.

⁵ Цит. по: Козлов, 2004, с. 107.

⁶ АВПРИ, ф. 143 КС, оп. 491, д. 79, л. 15–16; Бадарчи, Дугарсурэн, 2000, с. 208; Батсайхан, 2011б, с. 8–9.

очень знающим человеком. Джамбал указывал, что эти встречи прошли тайно от амбаней, а на людях Богдо-гэгэн и Далай-лама были как бы недружны¹.

Драгоман консульства России в Улясутае М.Н. Кузминский 26 июня 1906 г. сообщил, что «Джебцзундамба-хутухта склонен под влиянием проникающей во все слои монгольского общества идеи объединения на примирение с первосвященником, и Далай-лама на днях отправляет к нему посольство», отсюда понятна усиливающаяся с каждым днем подозрительность китайцев².

Далай-лама XIII встречался с влиятельными хутухтами, гэгэнами и князьями³. По-видимому, первыми к нему обратились в 1905 г. «некоторые князья Восточной Монголии... за советом по поводу замышляемого объединения, с конечной целью образования независимого от Китая ханства под покровительством России. Первосвященник, в интересах религиозной и национальной самостоятельности, сочувствует этому движению, считает идею осуществимой», причем предварительно он запросил мнение правительства России⁴. Из Джеримского сейма, подвергшегося колонизации одним из первых, к Далай-ламе направилась на поклонение депутация монголов в сопровождении Хитрово⁵. В целом, наиболее активны в этих контактах были восточные хошуны Внутренней Монголии, соприкасавшиеся с цинской армией⁶.

По свидетельству Хитрово, монголы и Далай-лама «бесповоротно решили отделиться от Китая в самостоятельное союзное государство, совершив эту операцию под покровительством и поддержкою России, избежав при этом кровопролития»⁷. «Далай-лама, добивающийся освобождения своей страны, отнесся вполне сочувственно к проекту независимого монгольского ханства и даже обещал открытую поддержку в случае одобрения этого плана Россией»⁸.

По донесению в МИД из Пекина 31 июля/13 августа 1905 г., «монгольские князья, обратившиеся к Далай-ламе, очевидно, князья Джеримского сейма, прилегающего к Маньчжурии», не отличавшегося единодушием и, если это идея князя Удая, к ней надо относиться осторожно⁹. Это было вызвано тем, что Удай в 1904 г. получил ссуду в 200 тыс. р. от Русско-Азиатского банка для выкупа своей земли, но потратил эти деньги на личные нужды¹⁰. Но Высочайше одобренный ответ директору восточного департамента МИД Г.А. Козакову гласил, что возможности объединения князей одобряются¹¹.

¹ Овгөн Жамбалын яриа, 1959, с. 42–461.

² АВПРИ, ф. 143 КС, оп. 491, д. 1457, л. 52–62об.

³ Факсимиле части документов из архивов Монголии в кн.: Chuluun, Bulag, 2013.

⁴ АВПРИ, ф. 143 КС, оп. 491, д. 78, л. 25–25об.

⁵ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, л. 1463.

⁶ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, л. 1463; Козлов, 2004, с. 107–108.

⁷ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 409, л. 310–315а — опубл. Беловым, 1996в, с. 138.

⁸ АВПРИ, ф. 143 КС, оп. 491, д. 79, л. 197об.

⁹ АВПРИ, ф. 143 КС, оп. 491, д. 78, л. 29–30.

¹⁰ Белов, 1999 с. 19.

¹¹ АВПРИ, ф. 143 КС, оп. 491, д. 78, л. 31.

По донесению Любы 7 января 1906 г., «Далай-ламу не оставляет мысль о политическом объединении Монголии и Тибета на религиозной почве под его личным руководством, а потому придает особое значение нынешнему съезду князей и хутухт в Пекине и давно замысливает поездку в прилегающие к Маньчжурии хошуны Восточной Монголии, где это движение имеет наиболее горячих приверженцев и откуда он получил ряд приглашений»¹. Российский посол в Пекине Д.Д. Покотиллов 24 января/6 февраля также сообщал в МИД о том, что «Далай-лама питает самые определенные планы в смысле политического объединения Монголии с Тибетом, причем обе эти страны, соединившись, должны добиться освобождения от китайского владычества»².

Осенью 1905 г. Далай-лама выехал в монастырь Ван-хурэ («Ханда-цинванский курень») и зазимовал там. Иногда считают, что причиной был его конфликт с Богдо-гэгэном. Признаком этого российские дипломаты считали тот факт, что Далай-лама отказался от предоставленных Шабинским ведомством по распоряжению Богдо-гэгэна походного дворца, особой депутации, желтых палаток для свиты, питания и ночлега на каждой станции, а также китайского конвоя от Янчжи — а вместо этого разрешил сопровождать себя 10 китайским солдатам и секретарю от монгольского ямыня³.

Но в своем письме вдовствующей императрице и императору в Пекин Далай-лама так объяснил причину своего отъезда: «Янчжи неоднократно незаконно понуждал меня покинуть Ургу, ссылаясь на Высочайший указ, будто бы полученный по телеграфу. Ввиду этих притеснений я вынужден был переехать в ставку Цинвана Ханда Доржи, откуда в настоящее время переехал в монастырь Цзаинбандидо-хутухты»⁴. Кроме ставки чин-вана М. Ханддоржа, Далай-лама посетил монастыри халхаского Зая-пандита-хутухты и Эрдэни-Дзу. Китайцы стали прилагать усилия для удаления его оттуда, в том числе угрозой силы⁵.

Из Пекина приходили повторные требования о выезде Далай-ламы в Тибет, но он под разными предлогами оттягивал отъезд, продолжая контакты с царскими представителями и надеясь получить поддержку России. Сочувствие Николая II, военных и российской общественности оказалось недостаточным не только для приезда Далай-ламы в Россию или вооруженной помощи Тибету, но даже для посылки казачьего эскорта. Все это блокировал российский МИД, который боялся испортить отношения с Пекином и Англией⁶. Пекин добился своего: летом 1906 г. Далай-лама направился из Халхи в Тибет через Китай.

¹ АВПРИ, ф. 143 КС, оп. 491, д. 85.

² АВПРИ, ф. 143 КС, оп. 491, д. 85, л. 13–13об.

³ АВПРИ, ф. 143 КС, оп. 491, д. 79, л. 190, 199.

⁴ АВПРИ, ф. 143 КС, оп. 491, д. 1457, л. 63–66об.

⁵ АВПРИ, ф. 143 КС, оп. 491, д. 79, л. 204–209.

⁶ АВПРИ, ф. 143 КС, оп. 491, д. 79, л. 1, 3, 8, 19–26, 30–51, 56, 59, 64, 70, 74, 80–89, 109–113об., 123–124, 128–128об., 133, 144, 152, 190, 193, 218, 226; д. 1454, л. 73, 82; д. 1454, л. 71–72; д. 1457, л. 41–52; д. 1464.

3.3. Внешняя Монголия

Китайское влияние во Внешней Монголии было слабее, чем во Внутренней, колонизация имела намного меньшие масштабы. К 1906 г. там были в основном китайские торговцы и рабочие. Земледельцы-колонисты возделывали обширные участки в долинах рек Ёро-гол, Баян-гол и Хара-гол, но эти участки они получили в основном еще до издания «Уложения» 1845 г., защищавшего неприкосновенность кочевников. Затем права колонистов сохранились, но было запрещено отводить им новые участки. Попытки администрации расширить земледелие в горах Хэнтэя были безуспешны¹. В Сан-бэйсэ на правом берегу р. Керулен появился китайский поселок, но его разгромили монголы и забайкальцы в 1900 г. Поселок был восстановлен и стал развиваться при поддержке из Пекина, игнорируя местную монгольскую власть. В 1921 г. этот поселок разгромили белые.

Большинство китайцев в Халхе были купцы в торговых центрах — Маймачене Их-хурэ, кяхтинском Маймачене, в Улясутае и Кобдо. Согласно цинской переписи 1911 г., в Улясутае было 67 225 китайцев, в Кобдо — 87 540, в Урге — 200 525².

В конце XIX в. халхасцы проявляли недовольство поборами правительства, амбана, гнетом китайцев, поведением своих князей, которые «заражаются китайским духом». Росло недовольство китайским ростовщическим капиталом. Многие китайские заимодавцы получали суммы, во много раз превышавшие долг и продолжали получать проценты с неоплатных должников. Например, в 1889 г. Зая-пандита-хутухта взял в долг 20 тыс. лан серебра и не смог полностью выплачивать проценты. Они росли и достигли 20 тыс. лан — по цинским законам, больше проценты начисляться не могли. Китайцы потребовали немедленной выплаты этой суммы, а поскольку ее не оказалось — заставили казначейство гэгэна оформить долговую расписку на 40 тыс. лан, на которые ежегодные проценты составили 13 200 лан³.

Китайская торговля во Внешней Монголии была полностью построена на кредите для закабаления монголов долгами. Кредитование шло под 138, 217 и даже 275% годовых. Другими неотъемлемыми чертами китайской торговли были сбыт некачественных товаров и обман покупателя⁴. При неуплате проценты накапливались, и монголы становились должниками до конца жизни.

Жители Халхи видели нарастающий кризис в империи Цин, ухудшение состояния Внутренней Монголии, рост напряженности там. Наблюдатели уже в 1889 г. отмечали стремление Богдо-гэгэна VIII «выйти из-под опеки китайского правительства»⁵. Это имело свою предысторию.

Богдо-гэгэн VIII (1869–1924) родился в семье тибетца Гончигцэрэна — распорядителя по хозяйственной части во дворце Далай-ламы XII. Мать звали Ойдов-

¹ Новицкий, 1909, с. 14–15.

² Баранов, 1905, с. 58; Кушелев, 1912, с. 50.

³ Позднеев, 1896, с. 42, 46, 418–419; Певцов, 1883, с. 93.

⁴ Майский, 1921, с. 195–199.

⁵ Бернов, 1891, с. 10.

дулам. Будучи распознан как перерождение Джебцундамбы, мальчик получил монашеское имя Джецун Нгаванг Лобсанг Чойджон Нима Тензин Вангчуг Бал Сангбо (монголизир.: Джавзан-Агван-Лувсан-Чойжинням-Данзан-Ванчигбал-Самбу). Его стали звать Агван-Лувсан. В 1874 г. он прибыл в Их-хурэ и с тех пор безвыездно жил во Внешней Монголии.

С молодых лет он интересовался техническими достижениями России и Запада, отказывался слепо выполнять предписания цинских властей и проявлял самостоятельность. Он ни разу не ездил в Пекин на поклон к маньчжурскому императору. Более того: судя по рукописям в Национальной библиотеке в г. Улан-Батор, он всегда относился к маньчжурскому императору критически, главное внимание уделяя перспективам независимости Монголии¹. Он говорил царскому чиновнику по особым поручениям А. фон Кайзерлингу, что не хочет ездить в Пекин — терпеть не может Цыси: она злая женщина, а вот Забайкалье посетить хотел бы². Но до 18 лет он не мог выехать дальше окрестностей Их-хурэ без разрешения императора.

В литературе, основанной на отзывах побывавших в Урге европейских путешественников и дипломатов³, распространилось превратное представление о поведении Богдо-гэгэна VIII в молодые годы: пьянство, охота, жестокие развлечения со стрельбой, ночные пиры, слепота из-за потребления плохого спирта. Однако свидетельств очевидцев этого нет, а исследования монгольских источников все это не подтвердили. Очевидно, не верили ему и современники-монголы, иначе Богдо-гэгэн VIII не пользовался бы у них таким авторитетом⁴. Есть основания полагать, что такие «утечки информации» организовывали те, кто стремился ослабить его влияние в Монголии. Ведь все сведения о домашней жизни гэгэна можно было почерпнуть лишь от его окружения — но крайне трудно проверить, насколько справедливы такие данные⁵.

Подобно Богдо-гэгэну I Дзанабадзару, Богдо-гэгэн VIII женился. Расставшись с первой женой, он взял вторую и усыновил ее сына. Это приводят как свидетельство нарушения правил буддизма. Это неверно: чтобы жениться, он снял с себя монашеские обеты⁶. Они с супругой усыновили нескольких детей. Собственных детей у него не было.

Он был высокообразованным человеком в области буддизма, первым в своей линии перерождений получил высшую ученую степень габджу, знал наизусть религиозные книги общим объемом 3500 страниц, имел богатую библиотеку на разных языках. Возможно, его перу принадлежит тибетская и монгольская азбука, изданная ксилографическим способом в Их-хурэ в XIX–XX вв.⁷

¹ Лонжид, 2005, с. 53.

² Кайзерлинг, 2001, с. 213.

³ Я.П. Шишмарев, В.В. Долбежев, В.Ф. Люба, Ф.И. Щербатской, П.К. Козлов, Д.Д. Покотилов, А.Д. Хитрово, А.М. Позднеев, 1896, с. 548–549; Козлов, 2004, с. 106–107; АВПРИ, ф. 143 КС, оп. 491, д. 78, л. 7–8; д. 79, л. 11–14, 200, 215об.; д. 1454, л. 47, 65–68.

⁴ Кузьмин, Оюунчимэг, 2009, с. 59–64; Батсайхан, 2013, с. 160.

⁵ Позднеев, 1880, с. 25–26.

⁶ Что видно, например, по его фотографиям и иконописным изображениям.

⁷ Батсайхан, 2013, с. 159; Отгонбаатар, Цендина, 2014, с. 102–105.

Приемные дети Богдо-гэгэна VIII (ТХА).

Ялгусан-хутухта — приемный сын Богдо-гэгэна VIII.

Богдо-гэгэн VIII делал, что мог, для облегчения страданий каждого бедняка, который приходил к нему со своими трудностями, и его благотворительность была известна всей стране¹.

Стремясь консолидировать Монголию и избежать потрясений, Богдо-гэгэн VIII в своих лундэнах² подчеркивал необходимость прекращения ссор и взаимной вражды монголов, угнетения высоких и низких людей, важность укрепления семьи и т.п. Основу этого он видел в следовании буддизму и нравственном совершенствовании.

Лундэны касались самых разных тем: церковных вопросов (правила проведения хуралов, совершения подношений в храмах, система изучения философских книг, организация производства религиозной одежды и т.д.), государственного управления, связей с другими странами, финансов, таможенных правил, улучшения торговли, награждений, охраны природы, возмещения людям, пострадавшим от потерь скота, мерам против голода и др. Обращаясь к духовенству, Богдо-гэгэн писал: ламы и хуараки ходят по юртам, пьют водку, играют в азартные игры, сходятся с женщинами и девицами, допускают правонарушения — пусть они знают, что таким образом они разрушают святыни, в которые веруют, подрывают традиции и Учение. Он указывал, что духовные лица должны избегать пустой

¹ Larson, 1930, p. 130.

² Лундэн — наставление, пророческое писание, булла теократического правителя.

траты времени и занятий торговлей вместо изучения книг. Во время засухи и последующего зимнего падежа скота, вызвавшего голод в 1884 г., Богдо-гэгэн предписал раздавать населению пшено¹.

В Монголии распространялись пророчества, важными компонентами которых были признаки конца света, грядущих бедствий, отхода людей от церкви. В одном из пророческих посланий к халхасцам и другим монголам рассказывалось о сне, который видел Богдо-гэгэн 15-го числа Белого месяца года Дракона (1892). Ему явился посланец божества Хормусты и сказал, что грядет неизбежная смена времен, у китайцев будут беспорядки, в Пекине начнется борьба. Письма о знамениях приходили из разных сеймов Монголии. Богдо-гэгэн, узнавая об этом, приказывал совершать ритуалы и молиться, следовать монгольским обычаям и не следовать китайским (не смешиваться с китайцами, не ходить с ними в ямыни, не заговаривать с ними, не пить китайский алкоголь, не носить их одежду, не есть мясо коз и кур, яйца кур, не покупать китайский табак и т.д.)².

В пророчествах Богдо-гэгэна VIII говорилось, что монголы будут страдать от вражеских армий, китайцы не найдут мира под небом, а халхасцы должны следовать религии и морали. Те, кто будет следовать указам Джебцундамбы, обретут благоприятное рождение, а кто нарушит — у тех мораль будет падать, и они погибнут вместе с китайцами³. Позже — после отмены автономии Монголии Сюй Шучжэном, Богдо-гэгэн в своих лундэнах предсказывал скорое падение власти китайцев⁴.

Лундэны были краткими, понятными для простого народа, вызывали религиозное почтение, люди старались им следовать.

В 1895 и 1900 гг. Джебцундамба-хутухта послал в Петербург да-ламу Бадамдоржа и ламу Цэрэн-Осора с секретной миссией. Главной целью было получение помощи от России. Вопрос там отложили, но Богдо-гэгэн установил тесные отношения с российским консулом Я.П. Шишмаревым. Последний писал, что русские видят Джебцундамба-хутухту как духовного лидера Монголии, способного стать центральной фигурой в борьбе за независимость⁵.

Тем не менее, к началу XX в. Халха оставалась в целом верной маньчжурскому императору, т.к. права монголов там пока «видимо не нарушались»⁶. Однако с 1900 г. Пекин перестал выплачивать жалованье монгольским феодалам, а местные чиновники поставили их в такие условия, что те вынуждены были платить им «в трудных денежных положениях... известные суммы». Эти поборы князя перекладывали на аратов⁷. Вероятно, это касалось лишь части нойонов: по сведениям Шишмарева за 1907 г., князя тогда все еще получали жалованье из Пекина: чин-ваны по 2500 лан и 40 кусков парчи в год, джун-ваны — по 2000 лан и

¹ Тексты: Богдын лундэн..., 2002, с. 42, 54, 81, 182, 242 и др.

² Sarkozi, 1992, p. 14–18, 127–132.

³ Sarkozi, 1992, p. 127–132.

⁴ Сведения от Э.-Д. Ринчино: РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, л. 44, л. 122.

⁵ Дэндэв, 2006, с. 65–66; Батсайхан, 2011б, с. 206.

⁶ Беннигсен, 1912, с. 14.

⁷ Осокин, 1906, с. 234–236.

30 кусков¹. Маньчжурский амбань в Халхе в поощрение за службу стал освобождать от налоговой повинности много писарей и других чиновников, перекладывая эти расходы опять же на аратов².

Кроме того, продолжались регулярные (раз в три года) поездки улясутайского цзяньцзюня по линии караулов, которые сопровождались полной оплатой расходов и взносами серебром от местных хошунов, произволом китайцев. Каждая поездка давала цзяньцзюню доход до 60 тыс. лан серебра³. В 1905 г. возникла новая проблема: цинское правительство наложило на Халху обязанность собрать 6 тыс. лошадей по принудительной низкой цене для армии. По условиям подчинения Монголии маньчжурским императорам, она была обязана выставлять свою конницу, но не снабжать лошадьми цинское войско. Новая повинность ложилась тяжкой обузой на население⁴. Сохранились письма от высших феодалов и лам: Егузэр-хутухты, Сансрайдорж-бэйсэ, Ялгусан-хутухты и др., что они не могут выделять лошадей маньчжурам, не согласны с «новой политикой», не хотят выделять землю под земледелие⁵.

В июне 1905 г. в столице Внешней Монголии прошло собрание влиятельных лам, которые решили послать делегацию в Россию с просьбой о помощи⁶. По-видимому, это было связано с контактами с Далай-ламой, в то время находившемся в Их-хурэ. Поддерживались контакты и с внутренними монголами. Например, в 1907 г. мэрэн Алмас-Очир от Гунсэннорова писал нойонам Халхи, что китайцы и маньчжуры угнетают монголов, и надо определиться, что делать⁷.

Богдо-гэгэн стал просить у цинского руководства права «влиять на управление халхаских аймаков»⁸. Это означало бы официальное узаконение его светской власти. В 1906 г. «Лифаньюань» и военное ведомство предложили императору изучить ресурсы и положение Внутренней и Внешней Монголии, на что получили согласие. Результатом стал вышедший в 1907 г. «Краеведческий трактат окраинной границы» с томом по Монголии (см. выше). В том же году всем ванам и гунам внешнемонгольских и хотонских аймаков было предложено подготовить сведения по 14 пунктам о состоянии экономики, природных ресурсов и перспективах реформ. Началась работа по измерению и подготовке к распашке смежных с Россией земель⁹.

Это встревожило монголов. Князья четырех аймаков провели совещание с Богдо-гэгэном. По его итогам в Пекин направили делегацию во главе с Эрдэнэ-шанцзотбой Бадамдоржем. Она была принята в военном ведомстве и «Лифаньюа-

¹ АВПРИ, ф. МП, д. 364, л. 249 — в кн.: Белов, 1999, с. 29.

² МУУТА — В кн.: Ширендыб, 1960, с. 72–73.

³ Бурдуков, 1969, с. 33–34.

⁴ Баранов, б.г., с. 7–8.

⁵ МУУТА, ф. 31, х.н. 5506, тал 8, 18, х.н. 5589, тал 78, х.н. 5504, тал 1, х.н. 5560 тал 1 — в кн.: Монголын ард түмний..., 1982, с. 90–198.

⁶ Петухов, 1939 — в кн.: Батсайхан, 2011б, с. 18.

⁷ ХХ зууны..., 2003, с. 27.

⁸ АВПРИ, ф. МП, д. 364, л. 244–245, 248 — в кн.: Белов, 1999, с. 29.

⁹ Хишигт, 2011а, с. 21.

не» и получила уклончивый ответ, что волноваться не надо, а о реформах в Халхе говорить преждевременно¹.

Но в 1909 г. колонизационный департамент провел перепись населения, скота и земель во Внешней Монголии, наметил план колонизации и соглашения с князьями. От Внешней Монголии его подписали Дзоригту-хан, Наянту-ван и др. По соглашению, все земли, пригодные для земледелия, отчуждались в фонд пекинского правительства с уплатой 50% стоимости дзасакам². За скупкой земель китайцами должно было последовать строительство китайских городов и земледельческих поселков по всей стране, их рост за счет миграции китайцев. Этой же цели послужило открытие отделения Дайцинского банка в Их-хурэ. За короткое время значительная часть хошунов Внешней Монголии стала его должниками.

В 1909 г. Джебцзундамба-хутухта издал лундэн, где говорилось, что монголам пришло время укрепить веру, защитить родину, установить политику, обеспечивающую мир и счастье. Там содержалось предложение к ламам, феодалам и чиновникам все обдумать и высказать свое мнение. Они ответили, что будут слушаться Богдо-гэгэна. На это он ответил, что выскажет им свои соображения на следующий год на церемонии даншиг³.

В ноябре 1909 г. амбанем в Их-хурэ был назначен маньчжур Саньдо, или Саньдова, приступивший к своим обязанностям в марте 1910 г. Он происходил из хошуна Шулуи-Цаган в районе Хух-Хото. Среди его предков были монголы, но с детства он получал китайское образование, позже занимал высокие посты в империи Цин⁴.

Саньдо стал проводить цинскую «новую политику». Для увеличения военного контингента около Их-хурэ были построены казармы, рассчитанные на дивизию. В 1910 г. был отменен закон, запрещавший засевание монгольских земель. В 1911 г. в Их-хурэ открылось колонизационное бюро. Кроме него было создано около 20 ведомств: по земледелию, аренде лесных богатств, торговле, хозяйственное и военное, по взысканию налогов на верблюдов и телеги, безопасности и др. Расходы на все это были возложены на хошуны. Китайские фирмы стали захватывать земли за долги, распахать их, использовать под огороды и пастбища, превращать в предмет спекуляции⁵. В городах и поселках создавались отряды китайской карательной полиции. Ее отдел в Урге был создан еще в 1905 г. с последующим увеличением вдвое. На перевозку товаров между городами внутри Монголии ввели таможенные пошлины, которые должны были пойти на проведение «новой политики»⁶. Саньдо представил проект школы для княжеских детей, где они получали бы европейское образование на китайский манер⁷.

¹ АВПРИ, ф. МП, д. 364, л. 244–245, 248 — в кн.: Белов, 1999, с. 28–29.

² История МНР, 1954, с. 179.

³ Diluv Khutagt — in: Lattimore, Isono, 1982, p. 69.

⁴ Ewing, 1980, p. 153; Батсайхан, 2011б, с. 56.

⁵ Хишигт, 2011а, с. 21; Ewing, 1980, p. 153–156; Пунцагноров, 1950, с. 38; История МНР, 1954, с. 179; Сандаг, 1958, с. 57.

⁶ Хишигт, 2011а, с. 21–22.

⁷ Московская торговая..., 1912, с. 185.

Отношения между монголами и китайцами в Их-хурэ становились все более напряженными. В марте 1910 г. там произошли столкновения, вызванные попыткой китайских солдат арестовать трех выпивших монахов, у которых возник конфликт с китайскими торговцами. Сообщалось о разорении китайской фирмы «Дэ Юй-юнь»¹.

Саньдо послал доклад императору. Из Пекина пришло предписание Богдо-гэгэну сместить с постов шанцзотбу Бадамдоржа и да-ламу Цэрэнчимэда за участие в бунте. Джебцзундамба-хутухта отказался и послал в Пекин доклад, где защищал Бадамдоржа и обвинял Саньдо в участии в беспорядках. Отношения амбана и Богдо-гэгэна настолько испортились, что иерарх отказался принять амбана по случаю Нового года (1911) по лунному календарю². Так ссора переросла в политический кризис.

В соответствии с указанием Богдо-гэгэна, в среднем месяце лета 1910 г. нойоны Халхи собрались на церемонию даншиг. Они подняли вопрос о создании независимого монгольского государства. Саньдо прекратил эту деятельность³.

Но в июле 1911 г. нойоны и высшие ламы Халхи вновь собрались в Их-хурэ на церемонию подношения Богдо-гэгэну. Кроме того, они обсуждали предложения пекинского правительства о колонизации, строительстве железной дороги и т.д. Это была, так сказать, официальная часть. С санкции Джебцзундамбы прошло тайное собрание 18 лам и феодалов. Они решили искать помощи у России⁴. В письме к царю сообщалось о новой цинской политике и о будущих выгодах России, если она поддержит Монголию. Послание заверили Богдо-гэгэн и ханы четырех аймаков Халхи: Тушэту-хан Дашням, Дзасакту-хан Сономравдан, Сэцэнхан Наваннэрэн, Сайн-нойон-хан Намнансурэн. Чин-ван Ханддорж (глава делегации), да-лама Цэрэнчимэд, Хайсан-гун и пять сопровождающих тайно отправились из Их-хурэ и через Иркутск прибыли в Петербург 1 августа⁵. Письмо было известно очень немногим людям, в том числе приближенным Богдо-гэгэна: его учителю (ёнзон-хамбо) и да-ламе Бадамдоржу⁶.

Но сам факт совещания и отправки письма не стал секретом: А.В. Бурдуков вспоминал, что осенью 1911 г. распространялись слухи о том, что такое совещание прошло, а Ханда-цин-ван (Ханддорж) с Да-ламой тайно уехали в Петербург к царю⁷. Газета «Гоминь гунбао» еще 08.09.1911 писала, что желание китайского правительства ввести в Монголии общеимперский порядок администрации встретило противодействие населения Монголии, которое решило обратиться к покровительству России. При этом монголы не только послали ходатайство в Петербург, но на всех совещаниях по ночам русско-подданные, выдающие себя за изучающих монгольский язык студентов, вели пропаганду — предположительно,

¹ Подробнее см.: Наками, 2012, с. 14–15.

² Батсайхан, 2011б, с. 20–22.

³ Батсайхан, 2011б, с. 36–38.

⁴ Магсаржав, 1994, с. 8–9.

⁵ Батсайхан, 2011б, с. 38–40.

⁶ Dashpurev, Prasad, 1993, p. 9.

⁷ Бурдуков, 1969, с. 29.

это были офицеры. Та же газета 07.10.1911 писала, что многие князья Внешней Монголии и все представители сеймов решили перейти под покровительство России «под влиянием русской агитации», для чего отправили делегацию в Петербург, а русское правительство отправило в Монголию более 10 тыс. чел. войска¹.

Несмотря на преувеличения, газета верно передавала настроения монголов в то время.

Саньдо приказал арестовать членов делегации, выставил караулы на дорогах, китайскую стражу вокруг дворца Богдо-гэгэна, запретил князьям контактировать с консульством России. Члены делегации, вернувшись в Монголию осенью 1911 г., избегали открыто появляться в столице. Они возвращались туда тайно и поодиночке. По возвращении Ханддорж и Цэрэнчимэд встретились с нойонами и ламами, сообщили результаты, изложили, как должна дальше развиваться страна и поднесли об этом бумагу Богдо-гэгэну².

В китайский совет министров был представлен телеграфный доклад Саньдо: «Ввиду обилия свободных земель около Урги, бывший ургинский амбань Янчжи ходатайствовал о разрешении принять меры к отводу этих земель для колонизации. Однако мероприятия это в свое время не могло быть осуществлено, т.к. среди монголов нашлось мало охотников заняться земледелием на отведенных под колонизацию участках. Несмотря на это, в настоящее время я имел совещание с монгольскими князьями по вопросу о колонизации свободных монгольских земель с тем условием, чтобы выгода от осуществления этого мероприятия равномерно распределялась между всеми сеймами. Монгольскими князьями этот проект был одобрен. В настоящее время уже организованы колонизационные бюро трех разрядов. Кроме того, решено в будущем году обложить пошлинами занятые в нынешнем году переселенцами земли. По сведениям, собранным специально командированными лицами, в распоряжении Бюро имеется более 7700 му³ подлежащих распашке земель. Доклад по Высочайшей резолюции передан в Министерство финансов». Кроме того, к сентябрю в Их-хурэ был выработан порядок формирования и обучения местных войск, к которым стали прибывать орудия и ружья⁴.

В результате деятельности Саньдо с 1909 по 1911 г. площадь отчуждаемых земель на севере Внешней Монголии достигла 4905000 десятин⁵ (5358713 га).

Сохранился доклад «Обзор китайского земледелия во Внешней Монголии». В нем сказано: «Система китайского земледелия в Монголии совершенно отличается от той, которую они применяют у себя на родине. В то время как в Китае они являются самыми рачительными в мире земледельцами, применяя в большом количестве удобрения и практикуя грядковые культуры, здесь же хлебопашцы являются расточительными эксплуататорами сил земли... В Монголии большие пространства занимают китайцами и позволяют им вести хозяйства экстенсив-

¹ АВПРИ, ф. 761 МП, оп. 761, д. 313, л. 29, 37.

² Дэндэв, 2006, с. 81–84.

³ 1 му ≈ 667 м².

⁴ “Синь бао”, 02.09.1911: АВПРИ, ф. 761 МП, оп. 761, д. 313, л. 19, 27.

⁵ История МНР, 1954, с. 179.

но, все беря от земли и ничего не давая ей взамен <...> Такая система чревата большими неблагоприятными последствиями для Монголии»¹.

Россия не одобряла действия Пекина во Внешней Монголии. 29 августа 1911 г. И.Я. Коростовец ознакомил цинских министров с решением особого совещания в Царском Селе. Так начались долгие российско-цинские переговоры по монгольскому вопросу. В результате в начале октября цинское правительство согласилось приостановить проведение реформ².

Вместе с тем, сторонники независимости Монголии оставались на свободе и продолжали действовать. В ноябре Саньдо послал в Пекин телеграмму, что Ханддорж скрывается в помещении Хутухты и отказывается выйти. В случае неудачи своей деятельности амбань выражал готовность к тому, что будет отречен от должности³.

* * *

Руководство империи Цин было обеспокоено экспансией иностранных держав, в том числе возрастающим контролем России и Японии над частью Маньчжурии и Монголии. Для противодействия этому оно стало проводить «новую политику».

В Монголии она преследовала следующие цели: ослабить влияние России и Японии; ассимилировать монголов китайцами; заменить монгольский кочевой уклад на китайский крестьянский; сделать Монголию военным плацдармом; подавить сопротивление монголов⁴. Интересы самих «пограничных народов» в расчет не брались: цинское руководство решало за их счет свои проблемы, причем в интересах ханьцев.

Это означало концептуальный пересмотр цинской политики. Теперь власть не только перестала охранять традиционализм «пограничных народов» и неприкосновенность территорий, но взяла курс на включение их в китайскую этнокультурную общность, а их самих — на превращение в китайцев. Так Пекин односторонне прекращал легитимацию своих отношений с этими народами. Однако сделали это не законные цинские императоры (которые не правили), а режимы Цыси и Луньюй (см. гл. 1). Именно «новая политика» Пекина стала причиной национально-освободительных движений монголов и тибетцев.

Вместе с тем, приезды феодалов в Пекин для подношений, подтверждения титулов, прав на хошуны, долгое проживание в Китае способствовали китаизации многих из них. Нарастало проникновение в Монголию китайского торговоростовщического капитала, все больше монголов становились должниками. Современные китайские исследователи также отмечают важную роль маньчжурской экономической политики в том, что монголы стали тяготеть к России⁵.

Колонизация Внутренней Монголии и монгольских земель, включенных в состав Маньчжурии, проводилась, «не обращая внимания на протесты монголов,

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 28, л. 22об.–23.

² Сандаг, 1958, с. 63.

³ “Дигго жибао”, 21.11.1911: АВПРИ, ф. 761 МП, оп. 761, д. 313, л. 40–44.

⁴ Батсайхан, 2007а, с. 4.

⁵ Например, Лань, 2001, с. 140–142.

не прекращающих твердить, что земли вплоть до Великой стены принадлежат им одним»¹. Китайские колонисты считали эти земли своими, монголы подвергались вытеснению, уничтожению или ассимиляции. Земли «пограничных народов» должны были стать типичными колониями, причем колонизаторами стали не маньчжуры, а покоренные ими в свое время ханьцы.

Ответом внутренних монголов были восстания, партизанские движения, рост разбоев. Однако их нойоны были разобщены, у многих были тесные связи с Китаем, ряд территорий сильно китаизирован, не было консолидирующего центра — в отличие от Тибета и Внешней Монголии, где центрами консолидации были духовные лидеры — Далай-лама и Джебцзундамба-хутухта. На прочих монгольских землях также не было подобных центров.

Пребывание Далай-ламы в Халхе в 1904–1906 гг. послужило стимулом к консолидации национально-освободительного движения монголов. Нойоны и ламы Внутренней и Внешней Монголии общались с ним, обсуждали совместные действия, ставили общие задачи. С помощью России они решили добиваться независимости и образовать союзное государство Монголии и Тибета. Возможно, Далай-лама надеялся занять в нем руководящее положение. Инициаторами этих действий были князья востока Внутренней Монголии, где колонизация шла наиболее интенсивно. Кроме них, Далай-лама общался со многими феодалами и ламами Внешней Монголии. Предполагается, что под влиянием этого некоторые из них — например, Ханддорж, Хайсан, Алмас-Очир, Цэрэнчимэд стали инициаторами антикитайского освободительного движения².

Режим Цыси понимал опасность альянса монголов с Далай-ламой. Имеющиеся сведения складываются в картину интриг в окружении Богдо-гэгэна, режиссированных из Пекина и направленных на раскол буддистов, удаление Далай-ламы из Монголии в Китай. Кроме того, приближенные обоих иерархов «подставили» своим поведением Богдо-гэгэна VIII, и он попал в сложное положение. Он вынужден был скрывать нормальные отношения с Далай-ламой. А. Доржиев, сопровождавший Далай-ламу и знавший Богдо-гэгэна, вспоминал: «Джебцзундамба был рад нам и встречал роскошными приветственными церемониями и прочими изъявлениями гостеприимства. Некоторые же из лиц, имевших ошибочные и неверные мысли о взаимоотношениях между Тибетом и Монголией, создавали напряженность. Поэтому между прибывшими и хозяевами не сразу было достигнуто полное взаимопонимание»³.

Вероятно, на тайных встречах Далай-ламы с Джебцзундамба-хутухтой и было решено отделиться от империи Цин: ламы и князья Монголии не могли принять такое решение вопреки воле Богдо-гэгэна. По-видимому, первые планы установления в Монголии теократической монархии относятся к периоду пребывания там Далай-ламы XIII⁴.

¹ Маннергейм, 1909, с. 165.

² Белов, 1999, с. 27.

³ Цит. по: Дамдинов, Чимитдоржиев, 2010, с. 53.

⁴ Кузьмин, 2014г, с. 33–39.

ЧАСТЬ II

Реализация концепции теократической государственности

В предыдущей главе показано, что цинская «новая политика» явилась главной причиной стремления монголов к независимости. К этому времени духовенство стало более влиятельной силой на монгольских землях, чем феодалы. Соединение этих факторов создало предпосылки монгольской теократической государственности. Данная концепция начала реализовываться в период распада империи Цин.

Глава 4. Провозглашение независимости Монголии

В Китае преобладает мнение, что Россия организовала заговор ради независимости Внешней Монголии, стремилась сделать ее своей колонией, а причина объявления независимости Монголии — военное и политическое вмешательство Российской империи и СССР в дела Китая, хотя некоторые признают роль сокращения привилегий монгольских феодалов и несправедливости при распашке земель¹. В последнее время в КНР отмечается новый подход: после Опиумных войн центральное правительство стало подавлять тибетский буддизм, что вызвало недовольство монгольских феодалов и лам. Когда монархия сменилась республикой, они стали опасаться замены буддизма конфуцианством и не захотели присоединяться к Китайской республике: ведь буддизм стал неотъемлемой частью культуры монгольского народа, и его защита стала важной причиной провозглашения независимости².

Посмотрим, о чем говорят факты.

¹ Liu, 2005, p. 74–78; Zhu, 2009, p. 88–92; Ying, 2007, p. 35–37; Fan, 2010, p. 137–141; Hai, 2009, p. 35–38.

² Wang, 2013, p. 55–58.

В сентябре–октябре 1911 г. произошло Учанское восстание, положившее начало Синьхайской революции. Пекинским властям стало не до реформ во Внешней Монголии. Они объявили о прощении участников тайных собраний в Их-хурэ, а зимой 1911 г. послали к торгутам и в Шара-сумэ (центр Алтайского округа) Палта-вана, в северо-западную Монголию — Дамбиджанцана, в восточную — Егузэр-хутухту VII Галсандаша (монашеское имя — Агванлуvsанданзан). Это были люди, влиятельные в данных регионах. Им поручалось уговорить монголов не отделяться от Китая. Палта-ван встал на сторону Китая, а Дамбиджанцан и Егузэр-хутухта поддержали борьбу за независимость¹.

В ноябре 1911 г. ламы и феодалы направили Богдо-гэгэну письмо с просьбой дать указание о дальнейшей судьбе монголов в связи с бедствиями, отложением части провинций от империи, упадком власти маньчжурского императора. В ответ Джебцзундамба издал лундэн, где говорилось: «Теперь для наших монгольских племен настало время объединения, образования самостоятельного государства и распространения Желтой веры»².

После этого было образовано «Общее временное административное бюро по делам Хурэ Халхи» — фактически, тайное временное правительство. Это было нечто вроде ассамблеи многих ванов, бэйсэ, гунов, дзасаков, хамбо, шанцзотб и да-лам, которые участвовали в летнем собрании в Их-хурэ (см. гл. 3). Главой Бюро Богдо-гэгэн назначил тушэ-гуна Чагдаржава. Членами стали джун-ван Гомбосурэн (заместитель Чагдаржава), хэбэй-бэйсэ Гомбосурэн, ван Цэдэнсоном, гун Намсрай и да-лама Цэрэнчимэд. Активно участвовали также чин-ван Ханддорж и гун Хайсан³.

В ноябре 1911 г. за подписью шести членов этого временного правительства: Чагдаржава, Гомбосурэн-вана, Гомбосурэн-бэйсэ, Цэдэнсонома, Намсрая и Цэрэнчимэда было издано заявление о том, что, поскольку решено сделать Монголию независимым государством, они берут на себя ответственность амбана Сандо⁴. 30 ноября был направлен ультиматум с требованием к Сандо и Тань Цзайли (недавно прибывшему цинскому военному уполномоченному), чтобы они с остальными цинскими чиновниками покинули Монголию. В этом «Официальном документе ванов, гунов, дзасаков, хамбо, Эрдэнэ-шанцзотбы и да-лам, пребывающих в Хурэ» говорилось:

«После подчинения государству Дай-Чин мы, внешние монголы, получали расположение и благодеяния от великих и милостивых императоров и жили мирно несколько сот лет, возвышая Желтую веру. Теперь не только разрушены наши старые традиции и эксплуатируется все наше достояние, но также наша религия, Желтая вера, грубо разрушается, что наиболее бесчеловечно и ненавистно, согласно Второму Богдо Цзонхавэ⁵. Мы, монголы, почитаем Желтую веру как на-

¹ Бурдуков, 1969, с. 72.

² МУУТА, ф. 1, д. 1, х.н. 1 — цит. по: Пунцагноров, 1950, с. 45–46.

³ АВПРИ, ф. 143 КС, оп. 491, д. 644, л. 282; Болдбаатар, 1998, с. 3–61; Багсайхан, 2011, с. 49–50.

⁴ Багсайхан, 2011б, с. 74.

⁵ Имеется в виду эпитет Цонкапы как «Второго Будды».

циональную религию и, если кто-то направит нас на ее разрушение, нам будет незачем жить — ни в настоящем, ни в будущем. Маньчжуро-китайские чиновники не только стали несправедливыми ко всем — не важно, сколь малым и незначительным — но также возбудили беспокойства и бесконечную эксплуатацию. Сейчас, вследствие несправедливости и страданий, которые создали чиновники, провинции маньчжурского императора вооружились, устроили беспорядки и создают отдельные государства. Это как если сосуд разобьется и вода выльется. Мы, монголы, не можем более переносить невзгоды и страдания от такого правительства... Мы верим в религию для нашего будущего, но мы должны также восстановить наше достояние для нашего настоящего. Поэтому мы, халхасцы, решили основать независимое государство и возвести на трон хана ламу Джебцзундамбу, которому поклоняются все халхасцы и которого мы, нойоны, возводим как потомка высокородного Тушэту-хана¹, и который властвует над обоими законами². По этим причинам, нет больше надобности в нахождении здесь и власти над нами маньчжурских и китайских чиновников, и ты, Сандо, с твоими маньчжурскими и китайскими чиновниками и солдатами должен быстро удалиться, как только ты, министр Сандо, ознакомишься с этим ультиматумом³.

Китайский гарнизон в Их-хурэ составлял 300 пехотинцев и конников, 40 чел. личной охраны амбана, имел несколько орудий, а монголы были практически безоружны⁴. Но Сандо не был решителен, а солдаты не поддержали его. Г.М. Семенов, будущий атаман, в то время нес службу в 6-й сотне 1-го Верхнеудинского полка, охранявшей российское консульство в Их-хурэ. Он взял на себя охрану Сандо, разоружил китайских солдат и предотвратил грабеж монголами Дайцинского банка⁵.

Временное правительство издало распоряжение о необходимости защиты границ. В связи с этим призвали 1500 солдат из Сэцэнханского и Тушэтуханского аймаков. Это было сделано без санкции Сандо. Последний пытался договориться с феодалами, но безуспешно⁶.

1 декабря 1911 г. монгольское временное правительство издало «Послание ханов четырех халхаских аймаков, ванов, бэйлэ, бэйсэ, гунов, дзасаков, хамбо, шанцзотб и да-лам»:

«Прокламация к монголам, русским, тибетцам, китайцам и всем духовным и мирским простым людям. В настоящее время мы часто слышим, что в южной земле маньчжурское и китайское племена подняли возмущение и низвергают маньчжурскую власть. Т.к. наша Монголия изначально была независимым государством, мы решили, после консультаций, основать новое независимое государство на основе нашей старой традиции, без вмешательства других в наши права.

¹ «Потомком Чингис-хана» Богдо-гэгэна сочли потому, что он был перерождением Дзанабадзара — Чингисиды (сына Тушэту-хана Гомбодоржа), который имел кровные права на монгольский трон (Sneath, 2012, p. 60).

² Религии и государства.

³ Цит. по: Багсайхан, 2011б, с. 65–66.

⁴ Белов, 1999, с. 46–48.

⁵ Семенов, 2002, с. 19.

⁶ Дэндэв, 2006, с. 86; Пунцагноров, 1950, с. 47; 1955, с. 36–37.

Наша Монголия не должна управляться маньчжуро-китайскими чиновниками. После отобрания их прав и власти путем ультиматума и высылки их, мы не намерены причинять страдания честным китайским торговцам. Но, с другой стороны, нельзя распускать слухи для беспокойства среди людей. Торговцы должны спокойно и мирно продолжать свои дела, как и раньше. Монгольские солдаты были мобилизованы в двух наших восточных аймаках для обучения в окрестностях Хурэ. Их цель — прежде всего, защита Богдо-ламы и Желтой веры, во-вторых, они будут защищать людей и нашу власть. Никто из вас не должен бояться, но мы будем немедленно наказывать посягателей и правонарушителей. Если есть коварные люди, которые наносят вред основанию новой власти и совершают несправедливость, грабеж, воровство и разрушение, они будут сурово наказаны. Все должны следовать этой прокламации без каких-либо сомнений и недоразумений. Мы повторяем, что все должны жить в мире и гармонии без страха. Сим объявляется 11-го дня 1-го зимнего месяца года Беловатой Свиньи»¹.

2 декабря было послано воззвание к русским чиновникам и маньчжурскому дзанги о том, что надо удалить маньчжурских чиновников из кяхтинского Маймачена. Затем монголы установили контакты с российскими военными и просили их прислать из Кяхты оружие².

4 декабря Саньдо и его окружение покинули Их-хурэ и под конвоем казаков удалились в Кяхту. Оттуда Саньдо направился в Пекин через Верхнеудинск и Харбин³. По его словам, все нойоны Сайннойонханского аймака и большинство — Дзасактуханского не были вовлечены в составление декларации независимости. Это частично согласуется со свидетельствами нескольких европейцев о безразличии или даже отрицательном отношении к декларации независимости в этих двух аймаках. Следовательно, не все нойоны сразу поддержали декларацию независимости⁴.

Ликвидация цинской власти вызвала противодействие ханьских националистов. Уже 24.11.1911 «Бэйцзин жибао» писала что, как только монголы объявили независимость, китайское правительство назначило князя 4-й степени Пунцук-Цэрэна посредником-умиротворителем Внешней Монголии. «Шуньтянь шибао» 16.12.1911 приводила рассказ прибывшего из Монголии офицера, что независимость Монголии была провозглашена Хутухтой по наущению русского правительства, т.к. все князья двух аймаков Внешней Монголии были против независимости, а князья Сэцэнханского аймака заявили протест, т.к. провозглашение независимости отдаст Монголию во власть России, ее правительство лишит монголов всех привилегий, а население Монголии малочисленное и умственно неразвитое⁵. В декабре премьер-министр цинского правительства Юань

¹ Сандаг, 1971, с. 319 — цит. по: Батсайхан, 2011б, с. 49.

² МУУТА, ф. А4, х.н. 548, тал 1, ф.А2, х.н. 64, тал 3 — в кн.: Монголын ард тумний..., 1982, с. 112.

³ Батбаяр, 2008, с. 11.

⁴ Tachibana, 2014, p. 73–76.

⁵ АВПРИ, ф. 761 МП, оп. 761, л. 313, л. 51, 58.

Шикай назначил во Внешнюю Монголию нового амбана — Гуй Бина, уже занимавшего этот пост в 1895 г. Но монгольское правительство не впустило его в страну¹.

12 декабря оно издало воззвание о мобилизации солдат в двух западных аймаках и необходимости освобождения Улясутая. 25 декабря вышло объявление о мобилизации солдат, чтобы изгнать из Улясутая маньчжурского цзяньцзюня и сайда. Сообщалось, что председатель сейма Биндэръя-нур, следуя лундэну Богдо, мобилизовал 400 солдат, в центре было еще 200, следовало агитировать о мобилизации².

Было опубликовано сообщение о дне интронизации Богдо-гэгэна VIII как великого хана Монголии. Временное правительство, сочетая традиции религии и возведения великих ханов, разработало ее церемонию. В Их-хурэ съехались князья и начальники из всех аймаков Халхи, джанджины, многие дзасаки, хутухты, хубилганы, шанцзотбы, да-ламы, нойоны, чиновники и тайджи³.

29 декабря 1911 г. в Их-хурэ прошла торжественная церемония возведения Джебцундамба-хутухты на престол Богдо-хана Монголии. С 1912 по 1922 г. в Монголии 29 декабря отмечали как день независимости, а затем МНП изменила дату. 16 декабря 2007 г. Великий хурал Монголии внес изменения в «Закон о национальных праздниках», и с этих пор 29 декабря вновь отмечается в Монголии — как Национальный день свободы⁴.

Перед интронизацией Богдо-хана спросили чойджона об организации монгольского ханства. Он ответил, что Джебцундамба имеет преемственность от Чингис-хана, Алтан-хана, Абатай-хана. Надо верить в Три Драгоценности⁵. Время сейчас плохое, у него не будет друга в борьбе, но он будет стремиться давать счастье людям⁶.

Полный титул Богдо-хана после интронизации следует из его первого указа: «Возвышающий религию, Доставляющий счастье живым существам, Многими Возведенный повелитель Монгольского государства, держащий вместе религию и государство, Солнечносветлый Богдо-хан»⁷.

Впоследствии этот титул использовался иногда с небольшими отличиями, например, в 1921 г.: «Возвышающий религию, Дарующий счастье живым существам, Всеведущий покровитель, Высший Чандамани⁸, Очирдара⁹ Джебцундамба-лама, держащий вместе религию и государство, Солнечносветлый, Деся-

¹ «Харбинский вестник», 29.12.1911.

² Монголын ард түмний..., 1982, с. 115–116, 119–121; Богдын лундэн..., 2002, с. 195–196; ХХ зууны..., 2003, с. 126–127; Монгол улсын нутаг..., 2011, с. 18–21.

³ Батсайхан, 2011б, с. 49–62, 74–751, 132–135; Мягмарсамбуу, 2012, с. 148–160.

⁴ Батсайхан, 2011б, с. 158–159.

⁵ Три Драгоценности буддизма: Будда, Дхарма и Сангха.

⁶ Эта бумага сохранилась в монастыре Гандантэгченлин: Ням-Очир, 2012, с. 287–288.

⁷ Монг.: Шашныг мандуулах амьтныг жаргуулагч Олноо оргогдсон Монгол улсын эзэн шашин торийг хослон баригч наран гэрэлт Богд хаан — цит. по: Батсайхан, 2011б, с. 141.

⁸ В буддизме — драгоценность, исполняющая все желания.

⁹ От санскр. Ваджрадхара — Держащий ваджру, имя изначального Будды в Тантраяне.

титысячелетний Богдо-хан»¹. Использовались и сокращенные варианты титула: «Император Монгольского государства»², «Держащий вместе религию и государство, Солнечносветлый, Десятитысячелетний Богдо-хан»³, «Повелитель Богдо-гэгэн»⁴.

Новый титул Джебцундамбы означал совмещение власти над религией и государством. Слово *төр* в части *шашин төрийг хослон баригч* имеет также значения «власть, управление (государственное), строй, порядок». Во времена империи Юань слово *төр* понималось, прежде всего, как государство⁵.

В согласии с этим, созданные позже в столице независимой Монголии Верхняя и Нижняя палаты единогласно одобрили инициативу Цэдэнсодна перевести «Историю Великого Юаньского государства» на монгольский язык.

Другим образцом, очевидно, служил Тибет. В XVII в. с помощью монголов Тибет стал теократическим государством во главе с Далай-ламой V. С тех пор до 1951 г. Тибет оставался независимым теократическим государством. Власть в нем обозначалась как «владеющий религиозным и мирским» (тиб.: чой сид ньи дан *Chos srid gnyis ldan*) — высшая власть перерождений Далай-ламы, под началом которого действовала светская власть⁶.

Кроме того, Богдо-гэгэн VIII призывал монголов читать сочинение Далай-ламы V о доктрине религии и власти⁷. Этот трактат посвящен в основном истории Тибета и распространению в нем буддизма. Он также содержит краткие сведения о том, как главы школы Сакья установили отношения «наставник – покровитель» с монголами, как позже монгольские правители приняли учение Цонкапы, благодаря чему наступил мир, в Тибете установился принцип «чой – сид», закончилась раздробленность Тибета по религиозным школам (Ньингма, Сакья и др.), монгольские правители трактовали светские дела как религиозные, а Тибет и Монголия установили дружбу⁸.

Были и индийские коннотации. Титул «Многими Возведенный» (*Олно өргөгдсөн*) — перевод титула «Махасамата» — легендарного древнеиндийского царя, от которого в буддийской историографии Монголии к тому времени обычно выводили генеалогию рода Чингиса. Одна из титулатур Богдо-хана — Солнечносветлый (*Наран гэрэлт*) также восходила к титулатуре индийских царей (корень

¹ Монг.: Шашныг мандуулах амьтныг жаргуулагч аврал итгэл хамгийг айлдагч оройн чандмань Очирдара Жэвзүндамба лам шашин торийг хослон баригч наран гэрэлт түмэн наст Богд хаан (МУТА, ф. АЗ, д. 1, х.н. 257, тал 64–67).

² Монг.: Монгол улсын эзэн хаан (Богдын лүндэн..., 2002, с. 206, 207, 223, 269).

³ Богдын лүндэн..., 2002, с. 249, 264, 272, 273, 274, 285, 287–289.

⁴ Монг.: Богд эзэн гэгээн (Богдын лүндэн..., 2002, с. 267, 268, 280, 281, 297).

⁵ Дугарова, 2009, с. 151–153, 2011, с. 63–66.

⁶ Светская власть — до 1751 г. регент (дэси), затем правительство (Кашаг). Власть в Тибете иногда называют диархией (напр., Sinha, 1968, p. 13–27) — системой, при которой государством управляют два высших должностных лица с равным статусом. Это неточно, т.к. статус не был равным: высшая власть принадлежала Далай-ламе (хотя были длительные периоды, когда по факту правил регент).

⁷ Жамсранжав, 1998, с. 30–65, 110–112.

⁸ Далай-лама V, 1988, с. 192–195.

слова «раджа» — санскр. *gāj-* имеет как одно из значений «сверкать»). Важно и то, что свет, сияние — основное внутреннее свойство «харизмы» хана во времена Чингиса, причем указывалась «солнечная природа харизмы»¹. Следовательно, и здесь объединялись индо-тибетские и монгольские компоненты легитимации высшей власти.

В источниках начала XX в. отмечалось, что Богдо-гэгэн возведен как хан Джамбудвипы², он пришел в Монголию и на берега р. Тола как на берега священной р. Ганг (Индия), построил подобие Шамбал-лаврана для блага монголов³.

Цинское летосчисление было заменено на монгольское. Нумерация лет теперь шла по годам Многими Возведенного (1-й г. — 1911 г.). Это было сделано по представлению временного правительства Монголии, на которое было получено согласие Богдо-гэгэна⁴. Данное летосчисление применялось в Монголии до конца 1930-х гг. (после установления республики слова «Многими Возведенного» были заменены на «Монгольского Государства»). Наименования лет теперь давались по лунному календарю, а не по годам правления цинских императоров⁵.

Богдо-гэгэн VIII и его супруга Ц. Дондогдулам были интронизованы как великий хан и Дакини Мать государства (монг.: Улсын Эх Дагина)⁶. Было создано постоянное правительство. Богдо-гэгэн объявил о милостях. Вместе с супругой в сопровождении министров, князей и лам он проследовал в храм Цогчин в Хурэ на церемонию даншиг и поднесение мандалы⁷. В лундэне Богдо-гэгэна VIII говорилось, что он «снизошел из земли Сукхавати⁸, по указу Далай-ламы Западной земли, сунтагу⁹ Панчен-Богдо», что он действует «по указу Далай-ламы и при поддержке Панчен-Богдо», что взошел на трон халхасцев с указом великого хана (монг.: Богда эзэн хаан)¹⁰.

При интронизации Богдо-хана, согласно традиции, были исполнены песнопения и благопожелания. В отношении теократии в их текстах важно следующее: Джебцундамба стал светом во тьме для Халхи; он почитается и ему будут поклоняться; он предотвратит дурные деяния живых существ; его подданные ученики

¹ Скрынникова, 1997, с. 163.

² В буддийской космологии — «главный» из семи континентов. В широком смысле — вся Земля, в узком — Индостан.

³ Агваанпринлэйжамц, 2001, с. 56–58.

⁴ МУУТА, ф. 2, д. 16, х.н. 221 — в кн.: Сандаг, 1958, с. 74.

⁵ 1911 г. — 2-й год правления под девизом Сюань-тун (монг.: Хэвт ёс) был официально переименован в год Беловатой Свиньи (монг.: Цагаагчин гахай), что было установлено указом Богдо-гэгэна (текст указа: Монх-Очир, 2011, с. 189–199).

⁶ Биографию Ц. Дондогдулам см.: Энхцэцэг, 2011. Дакини — женщина или женское существо иного плана бытия, реализовавшие буддийский принцип просветления.

⁷ Детальное описание интронизации: Навааннамжил, 1956, с. 182–195; Батсайхан, 2011б, с. 134–144.

⁸ Западный рай, Чистая земля Будды Амитабхи (эманацией которого является Панчен-Богдо — т.е. Панчен-лама, как его называют европейцы).

⁹ Пятицветная нить с благословением.

¹⁰ Sarkozi, 1992, p. 119–120.

читают *ёрол* (благопожелания), чтобы он долго правил¹. В ёроле, который читали при интронизации Богдо-хана, его соотносили с божеством Аюуш. Супругу его называли при интронизации Дара Эх². Упоминался учитель Панчен-лама. Богдо-гэгэна VIII называли Цогт Дэмчог бурхан, образ Очирдары.

Монголовед Ц. Жамцарано писал коллеге В.Л. Котвичу, что был свидетелем «своего рода присяги» народа, который находился вне столицы: все верующие, согласно циркуляру из Урги, в день интронизации Богдо-гэгэна VIII помолились, обратясь лицом к Урге³.

В своем первом указе Богдо-хан обещал развивать буддийскую религию, укреплять ханскую власть, стараться ради благосостояния, мира и спокойствия всех монголов и указал всем ханам руководствоваться распоряжениями министерств. В указе были объявлены награды тем, кто отличился в деле обретения независимости Монголии. Всем старикам 70 лет и старше выделялись денежные подарки серебром: 70–80 лет — по 3 лана, 80–90 — по 6 лан, 90–100 — по 9 лан. Достоинство да-ламы получили донир Далай-ламы и донир Панчен-ламы. Кроме лам, феодалов и чиновников, в указе были отмечены простые люди: писцы, резчики по дереву, кузнецы и др. Их наградили по-разному, в том числе шариками на шапку (знаки чиновных степеней), хадаками и т.д. В последнем параграфе указа была объявлена амнистия тем, кто совершил нетяжкие преступления. Те из них, кто был пригоден по возрасту, призывались на военную службу, кто старше — освобождались⁴.

По монгольской традиции, Богдо-хан при интронизации получил подарки. Прежде всего, это были «семь драгоценностей монарха», имевших важное символическое значение, коренящееся в религиозных традициях древней Индии (в связи с царем Махасамата). Эти драгоценности — колесо (Учения буддизма), Чандамани (исполняющая желание драгоценность), царица, министр, слон, конь и генерал. Кроме того, Богдо-хан имел теперь три печати: нефритовую императорскую (традиция, общая с юаньскими императорами), серебряную и золотую (печать высшего ламы)⁵.

Богдо-хану поднесли 300 белых верблюдов и 2000 белых лошадей — дань монгольским великим ханам, означавшая подчинение, и ряд других подарков. Впоследствии подданные князья продолжали выделять «дань из девяти белых». Например, в 1917 г. ханы четырех аймаков Халхи дали в казну Богдо по 18 белых лошадей.

Применение маньчжурских печатей в монгольских документах отменялось⁶. Т.к. печать была символом власти, это означало конец власти маньчжуров. Ста-

¹ Публикация монг. и тиб. текстов: Ням-Очир, 2012, с. 287–288; монг. тексты: Богдын лүндэн..., 2002, с. 123–128; Ням-Очир, 2012, с. 286–288.

² Аюуш — форма Амитабхи — Будды беспредельной жизни. Дара Эх — Мать Тара, от имени бодхисаттвы Тары.

³ Из эпистолярного наследия..., 2011, с. 90.

⁴ Копия и рус. перев.: ТХА, ф. акад. Ширэндэв, х.н. 22, тал 252–255; публикации: Богдын лүндэн..., 2002, с. 128–146; Батсайхан, 2011б, с. 141–142.

⁵ Подробнее в кн.: Батсайхан, 2011б, с. 182–211.

⁶ МУУТА, ф. А179, х.н. 2, тал 1 — в кн.: Монголын ард тумний..., 1982, с. 130–131; Сандаг, 1958, с. 74, 243.

рые печати теперь заменялись новыми, выдаваемыми указом Богдо-гэгэна VIII. Например, Егузэр-хутухта получил новую печать в феврале 1912 г.¹, Ялгусан-хутухта — в апреле 1913 г.² Указом Богдо-гэгэна от 29 января 1912 г. отменялась традиция осведомляться о здоровье маньчжурского императора, подносить ему подарки на новый год и получать ответные³.

Богдо-гэгэн VIII в одном из лундэнов особо отмечал, что Богдо-гэгэн I происходил из Золотого рода Чингиса, т.к. был сыном Тушэту-хана⁴. В последующем эта преемственность поддерживалась перерождениями Богдо-гэгэна I. «Облики его хубилганов глубоко связаны с Золотым родом. Так считают монголы»⁵. Согласно О. Батсайхану, после интронизации Богдо-гэгэн VIII и Ц. Дондогулам в первый день нового года по лунному календарю развели огонь в юрте-дворце Абатай-хана — деда Тушэту-хана Гомбодоржа, сыном которого был Богдо-гэгэн I. Эта юрта находилась на территории Желтого дворца Джебцундамбы. Данный ритуал затем повторялся каждый год и символизировал преемственность традиции монгольской великоханской власти⁶. По-видимому, некоторые атрибуты власти имели цинское происхождение: например, на некоторых халатах Богдо-гэгэна VIII изображены императорские драконы.

Гербом Монголии стал знак соёмбо⁷, изображенный на желтом шелке⁸. Этот символ имеет древнее буддийское происхождение. В Монголии он стал распространяться со времен Дзанабадзара. Со времени провозглашения независимости до наших дней в разных вариантах он остается гербом Монголии. Страна получила также флаг и гимн⁹. Эти атрибуты также имели религиозное содержание.

В январе 1912 г. по представлению МВД Их-хурэ был объявлен столицей и переименован: «Да-хурэ является местом, где восседает Эзэн-Богдо-гэгэн, священным местом, куда будут стекаться паломники... именовать его отныне в служебной переписке Нийслэл-хурэ»¹⁰ — т.е. Столица-монастырь.

В состав монгольского правительства вошли следующие лица. Министр внутренних дел — да-лама Хурэ Цэрэнчимэд; министр иностранных дел — дзасак Тушэтуханского аймака хошой-чин-ван Ханддорж, министр финансов — председатель сейма Тушэтуханского аймака, улсын-тушэ-гун Чагдаржав, военный министр — хошунный дзасак Сэцэнханского аймака бэйсэ Гомбосурэн; министр

¹ Одбаяр, 2012, с. 21–22.

² Алтанзая, 2010, с. 58–59.

³ МУУТА, ф. А6, х.н. 521, тал 1 — в кн.: Монголын ард түмний..., 1982, с. 121.

⁴ МУУТА, А 60-1-102, А 3-1-571 — в кн.: Лонжид, 2009, с. 45.

⁵ Чойжамц, 2008, с. 13.

⁶ Чойжамц, 2008, с. 13–14.

⁷ Слово происходит от санскр. сваямбху — самосущий.

⁸ МУУТА, ф. А4, т. 1, х.н. 26, х. 3 — в кн.: Батсайхан, 2007б, с. 17–18.

⁹ Монгол торийн..., 2011, с. 195–196. Примечательно, что последний куплет песни, написанной по просьбе Богдо-гэгэна VIII и ставшей гимном Монголии, апеллирует к теократии: «По указу Далай-ламы /пусть потерпит поражение ядовитый враг /и пусть все живут счастливо /по благословению богини Тары? (Далай ламын зарлигтай /дайсан хортон дарагдах болтугай /Дар эх бурханаа адистай /даяр хамт жаргах болтугай — в кн.: Батсайхан, 2011б, с. 197).

¹⁰ МУУТА, ф. 2, д. 16, х.н. 218 — цит. по: Сандаг, 1958, с. 74.

юстиции — помощник дзасака Тушэтуханского аймака гун Намсрай. Все они получили щедрые награды и повышения в титулах¹.

Пришедшие к власти в Китае республиканцы не признали независимость Монголии. В феврале 1912 г. китайское правительство прислало запрос в Нийслэл-хурэ: действительно ли Монголия отказалась от Китая? Богдо-гэгэн созвал совещание нойонов, и каждый из них письменно изложил свое мнение по этому вопросу. Все высказались за сохранение независимости².

Из китайского департамента по делам Монголии и Тибета телеграфировали, что при маньчжурах монголы и тибетцы были мирно включены во «внутренние земли»; в последние годы чиновники были несправедливы, что вызвало недовольство; теперь создана «республика пяти рас», которые стали равными; сейчас в столице дзасаки и ламы предложили создать комитет по улучшению политических дел в Монголии и Тибете; это одобрено; несправедливости будут устраняться; Богдо, ваны и гуны Хурэ должны прислать свое мнение, президент Юань Шикай с вниманием отнесется к их вопросам. Другая телеграмма пришла из указанного выше комитета. В ней говорилось, что «Объединенное монгольское общество», некоторые монголы Внутренней и Внешней Монголии и 34 столичных монастыря с ламами издали официальный документ в поддержку «республики пяти рас», содержался призыв к Хурэ сделать то же. Наконец, в телеграмме из китайского МВД говорилось, что по воле народа маньчжурская династия отреклась, уступив все властные права массам; создана республика, где «пять рас» равны; монголы «не должны вести себя несправедливо, ища независимость», от этого будут лишь страдания³.

В ответной телеграмме 12 марта 1912 г. Цэрэнчимэд написал, что монголы с радостью узнали об отречении династии, образовании республики и объединении китайцев; но традиции, культура и язык монголов и китайцев совершенно разные; если они составят «одну семью», будут конфликты — так что им лучше жить в гармонии как соседям. В ответ Юань Шикай 16 марта послал телеграмму Богдо-гэгэну. В ней он утверждал, что китайцы и монголы составляли одну семью уже несколько веков; любая независимая страна должна иметь достаточно населения, финансов, армию и т.д. (иначе ее захватят другие страны) — в Монголии всего этого нет; рядом нет ни одной территории, которая стала бы независимой от Китая; Монголия и Китай — «как одно целое»; для блага всей нации Монголия должна стать богатой, сильной и безопасной; несправедливости маньчжуров будут устранены. Богдо-гэгэн ответил 25 марта, что целью провозглашения независимости было «усиление нашего народа, защита нашей религии и сохранение нашей территориальной целостности», предлагал установить нормальные международные отношения. В телеграмме президента к Богдо от 6 апреля вновь содержался призыв отменить независимость, присоединиться к Китаю, где после введения демократии будет «неограниченное счастье»⁴.

¹ Урангуа, 2013, с. 35.

² РГВИА, ф. 200, оп. 1, д. 901, л. 73.

³ Onon, Pritchatt, 1989, p. 60–65.

⁴ Все тексты в кн.: Onon, Pritchatt, 1989, p. 60–65.

Тогда же было опубликовано послание китайского совета министров с теми же доводами и приводилась в пример Корея, которая отделилась от Китая, провозгласила независимость, и вскоре утратила ее¹.

В марте 1912 г. Джебцзундамба в телеграмме объяснял Юань Шикаю, что Монголия «никогда не была подчинена Китаю, а признавала лишь власть Цинской династии, которая ныне пала, и, значит, связь монголов с Китаем прервалась»². В 1913 г. он писал президенту: в результате отречения маньчжурской династии образовалось два отдельных государства — Монголия и Китай, и «у нас не может быть притязаний друг к другу. То, что Вы стали во главе китайского народа, а я — монгольского, и есть самое правильное разрешение вопроса, и это, кажется, не дает оснований для разжигания взаимной вражды»³.

В других телеграммах Богдо-гэгэн приводил Юань Шикаю пример Америки, отделившейся от Британской империи; указывал на то, что монголы и китайцы ничего общего не имеют в вере, языке, обычаях и образе жизни; опровергал его заявления, будто Цинская династия «уступила свои верховные права китайскому народу» — ведь регентша Лунъюй и ее малолетний сын император Пу И сделали жертвой обмана со стороны Юань Шикая⁴.

Подход Сунь Ятсена к Монголии был примерно таким же, как у Юань Шикая. Сунь послал монгольским ханам и князьям телеграмму, где утверждал, что «китайцы и монголы одного происхождения, а потому они должны объединиться ради общего блага. Китайцы... хотят объединить людей всех пяти рас и дать им возможность пользоваться свободой. <...> Русские очень тщеславны, каждой минутой они готовы воспользоваться, чтобы повредить Китаю». Он призывал отправить делегатов к нему в Нанкин. Монголы ответили, что не возражают против республики, «но правила, нравы, письменный и разговорный язык резко отличаются у монголов от вашего <...> Нет надобности нам посылать делегацию в Нанкин»⁵.

8 апреля 1912 г. Юань Шикай издал декрет об отмене статуса Монголии, Тибета и Восточного Туркестана как вассалов: «В настоящее время, когда пять народностей составляют единую республику, Монголия, Тибет и Туркестан должны составлять на общих основаниях территорию Китайской республики, а населяющие их народности: монголы, тибетцы и мусульмане — считаться гражданами Китайской республики, вследствие чего не должны более быть применяемы к ним такие наименования, употреблявшиеся при монархическом строе, как колониальные, вассальные и т.п. владения. Отныне впредь в отношении управления Монголией, Тибетом и Туркестаном должен быть выработан такой порядок, который содействовал бы объединению как внутреннего управления государством, так и всех населяющих его народностей. Республиканское правительство, не соз-

¹ Коростовец, 2004, с. 280.

² АВПРИ, ф. МП, д. 319, л. 133 — цит. по: Белов, 1999, с. 60.

³ «Вестник Азии», 1913, № 14, с. 41–42 — в кн.: Белов, 1999, с. 103.

⁴ «Вестник Азии», 1913, № 14, с. 41–42 — в кн.: Белов, 1999, с. 103; Коростовец, 2004, с. 280–282.

⁵ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 901, л. 22, копия: ТХА, ф. акад. Ширэндэв, х.н. 10, тал 188.

давая особого министерства для заведования делами, касающимися управления колониями, имело этим в виду рассматривать Монголию, Тибет и Туркестан наравне с провинциями Собственно Китая, а потому в будущем управление всеми названными местностями имеет входить в область внутреннего управления. <...> Пока же общего положения касательно внутреннего управления еще не выработано, дела, касающиеся Монголии, Тибета и Туркестана, должны быть разрешаемы на основании прежних законоположений»¹.

Россия выразила протест. Юань Шикай заверил, что хочет решать проблемы мирным путем, но стал проводить в жизнь свой указ. Он начал секретные переговоры с Богдо-гэгэном об отказе Монголии от независимости. Одним из китайских эмиссаров был миссионер Ф.А. Ларсон, которому было поручено склонить отдельных членов ее правительства на сторону Пекина².

В апреле 1912 г. в Нийслэл-хурэ из Пекина прибыли монгольские князья и стали убеждать Джебцзундambu примкнуть к Китайской республике. По приказу Ханддоржа и Цэрэнчимэда они были арестованы. 27 апреля из княжества Аохан в Ургу был прислан Сан-лама с той же целью. Ему предложили немедленно удалиться³. В мае—июне Юань Шикай отправил во Внутреннюю Монголию 60 лам для агитации в пользу Республики⁴.

В апреле 1912 г. была создана китайская правительственная Комиссия по делам Монголии и Тибета. В июле ее преобразовали в Бюро, в мае 1914 г. — в Комитет по делам Монголии и Тибета при канцелярии президента⁵. В состав Комиссии вошли некоторые тибетцы и монгольские нойоны, проживавшие на занятых Китаем территориях.

8 сентября 1912 г. пекинское правительство издало указ, по которому Монголия, Тибет и Маньчжурия — неотъемлемые части Китая и любые их договоры с другими государствами Китай не признает; Китайская республика над ними имеет полный суверенитет, и любое иностранное вторжение на них — нарушение ее прав; на этих территориях происходят «небольшие внутренние беспорядки, спровоцированные преступниками»⁶.

Российское руководство относилось сочувственно к национально-освободительному движению монголов. Но международные обязательства заставляли его действовать осторожно. Россия была связана тайными соглашениями с Японией о разделе сфер влияния, касавшимися Монголии. Согласно ст. 1 секретного договора в рамках Русско-японской общеполитической конвенции от 17/30 июля 1907 г., Россия обязалась «не искать за свой счет или в пользу российских или иных подданных никакой жел.-дор. или телеграфной концессии к югу от выше-названной линии и не затруднять ни прямо, ни косвенно всякого рода действия,

¹ АВПРИ, ф. МП, оп. 491, д. 341, л. 280–281 — цит. по: Россия и Тибет, с. 178–179.

² АВПРИ, ф. МИД, Канцелярия, оп. 470, д. 196, л. 169.

³ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 4125, л. 101, 268, копии: ТХА, ф. акад. Ширэндэв, х.н. 9, тал 243, 249.

⁴ “Русское слово”, 14.01.1912.

⁵ Дудин, 2014, с. 114–115.

⁶ Цит. по: Onon, Pritchatt, 1989, p. 66.

поддержанные японским правительством, имеющие в виду такого рода концессии в указанном районе».

Эта линия, согласно дополнительной статье, проходила «через Хунчун и крайний северный пункт озера Пиртанг на Сюшуйган; отсюда она следует по Сунгари до устья Наньцзяня и подымается отсюда вверх по течению этой реки до устья реки Толахо. Начиная от этого пункта линия следует по течению этой реки до пересечения ее с 122 меридианом к вост. от Гринвича». При этом японское правительство, «признавая во Внешней Монголии специальные интересы России, обязывалось воздержаться от всякого вмешательства, способного нанести ущерб этим интересам» (ст. 3). На этой основе 4 июля 1910 г. было заключено секретное соглашение, по которой каждая из сторон обязалась «не противодействовать никоим образом дальнейшим укреплению и развитию специальных интересов другой стороны в пределах вышеуказанных сфер» (ст. 3), «воздерживаться от всякой политической активности в сфере специальных интересов другой стороны в Маньчжурии» (ст. 4).

Согласно секретной конвенции от 25 июня 1912 г., «в целях уточнения и дополнения постановлений секретных договоров от 30/17 июля 1907 г. и от 4 июля/21 июня 1910 г. и во избежание всякого недоразумения относительно их специальных интересов в Маньчжурии и Монголии, имп. русск. и имп. яп. прав, решили продлить демаркационную линию, установленную в дополнит. ст. к конвенции от 30/17 июля 1907 г. и разграничить сферы их специальных интересов во Внутр. Монголии. Посему постановлено следующее: ст. 1. Начиная от пункта пересечения р. Толахо и 122-го мерид. к вост. от Гринвича, демаркационная линия следует течению рек Улунчурх и Мушиша и реки Халдайтай; отсюда она идет по границе Хэйлундзянской провинции и Внутр. Монголии, доходя до крайнего пункта границы между Внутр. и Внешней Монголией. Ст. 2. Внутр. Монг. разделяется на 2 части: одна на восток, другая на запад от пекинского меридиана (116°27' вост. долг. от Гринвича). Имп. русск. прав-о обязуется признавать и не нарушать специальных яп. интересов в части Внутр. Монголии, находящейся к востоку от вышеозначенного меридиана; и имп. яп. прав. обязуется признавать и не нарушать специальных русск. интересов в части Внутр. Монголии, находящейся к западу от означенного меридиана»¹.

Россия вступила в переговоры с Китаем о Монголии. Их целью было решение проблем тех монгольских земель, которые попадали в сферу влияния России на основе цитированных российско-японских соглашений. Переговоры начались в конце 1911 г., но к лету 1912 г. зашли в тупик: китайцы готовили интервенцию и старались склонить на свою сторону монгольских феодалов.

В августе 1912 г. специальным представителем России в Нийслэл-хурэ был назначен И.Я. Коростовец. Россия вступила в секретные переговоры с богдоханским правительством о решении монгольского вопроса. В Национальной библиотеке Монголии есть книга «Түмэн улсын өрдийн цааз» (Должное уложение

¹ Другие секретные протоколы... Японские материалы об этом обсуждает Тачибана, 2011, с. 84.

Российский консул отъезжает от дворца Богдо-гэгэна VIII (Искры, № 1, 01.01.1912).

десяти тысяч государств). М. Тачибана показал, что это монгольский перевод китайской книги «Ванго гунфа», в свою очередь, являющейся переводом книги Н. Wheaton “Elements of International Law”, и что в переговорах с Россией монголы использовали ряд терминов из этого монгольского перевода. Следовательно, переговоры с Россией они вели на основе международного права¹.

Переговоры завершились подписанием 21 октября/3 ноября 1912 г. Российско-монгольского соглашения или договора. Монгольские переговорщики колебались, окончательное решение о подписании было принято по настоянию Джеб-цундамба-хутухты².

В ст. 3 Китай обозначался как иностранное государство относительно Монголии: «Если бы Монгольское Правительство сочло нужным вступить в отдельный договор с Китаем или другим иностранным государством, то новым договором ни в каком случае не могут быть нарушены или изменены статьи настоящего Соглашения и Протокола...».

Русский и монгольский тексты имели некоторые отличия, позволявшие трактовать их по-разному. Вместо «Внешняя Монголия» использовался более широкий термин «Монголия» в русском варианте и *Мөнгөл улс* («государство Монголия») — в монгольском. Монарх Монголии в монгольском тексте титуловался «великий хан Монгольского государства» (*Мөнгөл улсын хаан эзэн*), в русском — «повелитель монгольского народа» (русская сторона не соглашалась уравнивать его в титуле с царем, используя термин «государь»). Общественный строй Монголии в русском варианте обозначался как «автономный», а в монгольском ему соответствовали термины, которые переводятся также как «самоопределение» и «самостоятельность» (*өөртөө төгтнөж өөрөө эзэрхэх*) (ст. 1). Эти же монгольские термины были использованы для обозначения именно независи-

¹ Тачибана, 2011, с. 139–155.

² Коростовец, 2004, с. 234.

мости в монгольском тексте Монголо-тибетского договора 1913 г. (*өөртөө эзэрхэн* — ст. 1, *өөртөө тогтнон* — ст. 2)¹.

В то время в монгольском языке не было современного оборота *тусгаар тогтнол* для обозначения понятия «независимость», и для него использовались указанные выше термины². В монгольском варианте данный документ обозначался как договор (*гэрээ*), в русском — как соглашение.

Оба варианта были зачитаны, сличены, и лишь затем подписаны³. Они имели равную юридическую силу, т.к. не был оговорен приоритет какого-либо из них. В России данное соглашение трактовалось так, что «Монголия была признана в нем в качестве политической единицы, но степень ее независимости определена была формулой весьма гибкой»⁴. В то же время, согласно международному праву того времени, в международном договоре «сомнительное постановление должно быть интерпретируемо в смысле наименее отяготительном для обязанной стороны»⁵. Следовательно, монгольская сторона имела основания утверждать, что Россия признала Монголию как независимое государство⁶. Даже некоторые исследователи в КНР отмечают, что Российско-монгольский договор 1912 г. сделал Монголию независимой⁷.

Недавно провозглашенную Китайскую республику Россия тогда еще не признала⁸. Получилось, что Монголию как государство Россия на договорной основе признала раньше, чем Китайскую республику. Важным было и то, что в договоре не обозначались границы Монгольского государства. В результате, например, Барга могла трактоваться как его часть под защитой России⁹.

В своем дневнике И.Я. Коростовец отметил, что во время переговоров министр иностранных дел С.Д. Сазонов в телеграмме указал, «чтобы в русском тексте не было упомянуто о независимости Монголии от Китая». Это позволяло российскому МИД ссылаться на русский вариант, где речь шла об автономии. В официальной переписке так трактовал соглашение и Коростовец. Однако в беседе с А. Доржиевым перед подписанием Монголо-тибетского договора он заявил: «Халха уже провозгласила свою независимость, признанную Россией»¹⁰.

МИД Монголии направил ноту с извещением о договоре с Россией правительствам Великобритании, Франции, Германии, США, Японии, Дании, Нидерландов, Бельгии и Австрии через их консульства в Харбине¹¹. Через правителя Барги вернулись письма, направленные в Голландию, Данию и Австрию, т.к. они не

¹ Все тексты и факсимиле см.: Батсайхан, 2011б, с. 404–406, 610–611, 619–676; публикации в России: Известия МИД, 1913, кн. 1, с. 46–48, кн. 2, с. 16–23.

² Тачибана, 2013, с. 94–102.

³ Коростовец, 2004, с. 233.

⁴ Нольде, 1915, с. 2159.

⁵ Мартенс, 1882, с. 413.

⁶ Кузьмин, 2015г, с. 80–87.

⁷ Zhu, 2003, p. 22–26.

⁸ Признание последовало позже, 23 сентября 1913 г.: АВПРИ, ф. КС, оп. 761, л. 234, л. 265.

⁹ Штейнфельд, 1913, с. 24–25.

¹⁰ Коростовец, 2009, с. 178, 198.

¹¹ Батбаяр, 2008, с. 18; Батсайхан, 2011б, с. 333.

имели консульств в Харбине. По решению монгольского правительства письма в первые две страны были переданы через посланников в Петербурге, а письмо в Австрию не послали, т.к. она была во враждебных отношениях с Россией. Монгольская делегация, находившаяся в России в 1913–1914 гг.¹, попыталась встретиться с посланниками Англии, Франции, Бельгии, Голландии, Японии и Германии. Посланники первых четырех стран отказались от встречи, японского не было в Петербурге, а с германским их убедил не встречаться Г.А. Козаков².

МИД Китая известил о непризнании Российско-монгольского соглашения и потребовал его денонсации, на что получил отказ. 8 ноября 1912 г. министр иностранных дел Китая заявил, что «Китайская республика унаследовала права бывшего маньчжурского правительства»³.

Ханьские националисты инспирировали в Китае движение против «агрессии» России. Сунь Ятсен выступил с фантастическим проектом посылки нескольких армий для разгрома России. Юань Шикай не одобрил этот план, признав его преждевременным: на его запрос губернаторам провинций семь из них высказались за мирное решение, 10 — за войну, четыре предложили сначала попытаться уговорить монголов. Даже в Северном Китае были митинги, прокламации против русских, бойкот Русско-азиатского банка, русских товаров, сбор денег на войну с Россией, призывы к оружию⁴. Согласно сведениям генконсульства России в Харбине, в январе 1913 г. в Харбин из Пекина прибыло пять бомбистов, из которых два собирались в Ургу, чтобы убить Хутухту, Коростовца и сочувствовавших им монголов⁵.

Российские революционеры во главе с В.И. Лениным поддержали китайских. В 1912 г. фракция социал-демократов в госдуме заклемила «захват Монголии, нарушающий добрые отношения к великой, братской республике китайской». Ленин заявил, будто «царизм» хочет захватить Монголию⁶. Это стало основой позднейших идеологических штампов: после изгнания китайцев «Монголия фактически оставалась колонией иностранных держав»⁷, происходили ее беспощадная эксплуатация и грабеж московским капиталом «под прикрытием кабального договора 1912 г.»⁸, «превращение Монголии в колонию было конечной целью царизма»⁹ и т.п. В Китае такой взгляд существует и в наше время¹⁰.

В действительности царская Россия никогда не собиралась присоединять Монголию и не старалась включить ее в свою империю¹¹. Цель России откровен-

¹ Монгольскую делегацию возглавлял Сайн-нойон-хан Намнансурэн. Сохранился фильм о визите делегации в Ливадию для встречи с Николаем II (РГАКФД, кинофонд).

² Сандаг, 1958, с. 127–130.

³ Цит. по: Onon, Pritchatt, 1989, p. 67.

⁴ Баранов, 1913, с. 80–85; Коростовец, 2004, с. 305–307, 2009, с. 208.

⁵ Коростовец, 2009, с. 265.

⁶ Ленин, 1961, с. 203, 1969, с. 162.

⁷ Чойбалсан, 1961, с. 327.

⁸ Эльбек-Доржи Ринчино..., 1998, с. 168.

⁹ Злагкин, 1957, с. 142, 144.

¹⁰ Напр., Liu, 2005, p. 74–78.

¹¹ Коростовец, 2004, с. 44; Батсайхан, 2007, с. 212.

но высказал И.Я. Коростовец на аудиенции у Богдо-гэгэна VIII 27 апреля 1913 г.: «России нужен не протекторат, а дружественная и независимая Монголия как оплот против распространения Китая к северу»¹.

В монгольском журнале «Шинэ толи хэмээх бичиг» (1913, № 1, с. 33–34) с публикацией полного текста соглашения 1912 г. были даны также комментарии. Указывалось, что образование нового государства при наличии территории, единого языка, происхождения, исторической традиции и религии — общее явление, как и распад империй на самостоятельные государства. Причина провозглашения монголами суверенного государства — стремление не потерять свои исконные земли, уберечь народ, язык, традиции, культуру, не дать погаснуть буддизму, не быть под гнетом других народов, самим решать свою судьбу, возродить государственность².

При участии представителя Далай-ламы XIII — А. Доржиева 11 января 1913 г. в Нийслэл-хурэ был подписан Монголо-тибетский договор. Перед подписанием Доржиев встречался с Далай-ламой — очевидно, обсуждал план действий³. По донесению Коростовца из Нийслэл-хурэ, «Доржиев объяснил, что инициатива соглашения исходит от Далай-ламы, который всегда стремился к духовному и политическому объединению двух единоверных и единоплеменных стран, одинаково тяготившихся китайским владычеством. Отпадение Монголии от Китая и провозглашение Хутухты Ханом еще более укрепило это стремление в тибетском Первосвященнике и внушило ему мысль придать проектируемому сближению форму письменного соглашения, положив в основу взаимное признание независимости. Предложение Далай-ламы встретило сочувственный прием в Урге, где и был составлен текст соглашения соответственно полученным Доржиевым указаниям и пожеланиями монголов, взявшим за образец договор 21 октября»⁴.

Монголия и Тибет признали друг друга независимыми монархическими государствами во главе, соответственно, с Богдо-гэгэном и Далай-ламой⁵. Доржиев обсуждал этот договор с Коростовцом. 2 января Коростовец телеграфировал в МИД России, что высылает почтой «перевод соглашения, заключенного на монгольском и тибетском языках», а 6 января известил о высылке также монгольского текста⁶. Он не возражал против его подписания, но возражал против аналогичного договора Тибета с Россией⁷. Однако в официальном донесении в МИД, позже цитированном в его мемуарах, Коростовец сообщал, что это «соглашение, ввиду неспособности сторон, не представляет политического значения и не

¹ Коростовец, 2009, с. 374.

² Зяятуев, 1986, с. 33–40.

³ Kuzmin, 2013b, p. 251–252, 2013c, p. 53–59.

⁴ РГАСПИ, ф. 514, оп. 1, д. 32, л. 95.

⁵ Подробнее см.: Кузьмин, 2011а, с. 122–128, 2012а, с. 65–84, 2015е, с. 148–157; Kuzmin, 2013с, p. 53–59.

⁶ РГАСПИ, ф. 514, оп. 1, д. 32, л. 95–97; русский перевод: л. 98–99; первые публикации: Донесения миссии..., 1913, с. 52–53; Известия МИД, кн. 2, 1913, с. 50–53.

⁷ Коростовец, 2009, с. 198.

заслуживает названия международного акта»¹. Под этим предлогом Россия и Британия не признали данный договор.

В Китае этот договор никогда не признавали, и одно время даже считали фиктивным. Там считают, что тибетское правительство то время было «местным» по отношению к правительству Китая, а Монголия никем не была признана как независимое государство, оставаясь «неотъемлемой частью Китая»².

Джанджа-хутухта, в прошлом «наставник государства» Цин, в начале 1913 г. прислал письмо Богдо-гэгэну. В этом послании, «несомненно, продиктованном китайцами», содержался призыв высказать «мнение в интересах настоящего и будущего». Джанджа указывал, что китайский президент поставил его «во главе всех гэгэнов внутренних и внешних монастырей и духовенства, вручив мне печать государственного учителя». Вместе с тем, объявляя себя главой буддийской церкви Монголии, Джанджа-хутухта титуловал и Богдо-гэгэна VIII, и бывших цинских императоров одинаково — Богдо-хан³. Вероятно, Джанджа использовал этот титул лишь из вежливости, но формально это означало признание перехода к Богдо-гэгэну императорского статуса.

Очевидцы отмечали, что «если бы какие-либо случайности заставили Монголию искать единоплемя, то Халха, бесспорно, будет во главе»⁴, отделение Монголии от Китая произошло на почве национального самосознания, «основанного исключительно на религиозном вероучении»⁵. В более поздней военно-экономической справке о МНР верно отмечалось, что халхасцы в силу исторических, экономических и географических причин сумели сохранить «свою национальность», быт, язык и культуру⁶. Антиманьчжурское движение там инициировала и возглавила элита⁷.

Хубилган Агванпринлэйжамц указывал, что именно Богдо-гэгэн, который был лидером монгольского народа, вдохновлял его на национальное освобождение⁸. Согласно отзыву российского консула в Урге В.Ф. Любы, Богдо-гэгэн был «главным деятелем и душой переворота, возведенным ныне избранием князей на ханский престол», без которого «Китай давно поглотил бы Монголию и превратил ее в китайскую провинцию»⁹. Из воспоминаний И.Я. Коростовца также видно, что именно благодаря Богдо-гэгэну удалось установить и отстоять независимость Монголии¹⁰. По воспоминаниям стариков-монголов, в те дни, когда монголы уз-

¹ РГАСПИ, ф. 514, оп. 1, д. 32, л. 96–97.

² Напр., Cai, 2006, p. 119–122.

³ Коростовец, 2009, с. 278.

⁴ Шишмарев, 2001.

⁵ Кушелев, 1912, с. 119.

⁶ РГВА, ф. 34725, оп. 1, д. 157, л. 6.

⁷ Лузянин, 2003, с. 19.

⁸ Сонинбаяр, 2009, с. 56–59.

⁹ АВПРИ, ф. 892, оп. 3, д. 127, л. 1; Батсайхан, 2011б, с. 606.

¹⁰ Коростовец, 2004, 2009.

нали о возведении Джебцзундамбы великим ханом, они чувствовали такой оптимизм, радость и веру в будущее, как никогда раньше¹.

Объявление о независимости монголов от империи Цин было правомерно: ее «новая политика» разрушила те основания, на которых они подчинялись маньчжурскому императору (Богдо-хану, Богдыхану)². Но отделение от империи не было самоцелью: главным было избежать включения Монголии в Китай и ее китаизации.

Монголия провозгласила независимость почти одновременно с провозглашением Китайской республики. Так же, как китайцы «изгоняли варваров для восстановления Китая», монголы изгоняли маньчжуров и китайцев для воссоздания своего государства³. В понимании монголов, их страна и Китай были покорены в XVII в. маньчжурами, обе страны были под властью последних, поэтому притязания Китайской республики на суверенитет над Монголией не обоснованы⁴. Монголы считали себя вассалами маньчжурских императоров, а не Китая⁵.

Позиция Богдо-гэгэна и его правительства в переписке с Юань Шикаем основывалась на том, что с крахом империи образовались разные государства — Монголия и Китай. Подразумевалось также условие 1636 г., по которому в случае падения династии у монголов снова должны вступить в силу все законы, бывшие ранее (см. гл. 1). Этот «особый договор» с маньчжурами был упомянут и в ноте французскому послу от монгольского посольства в Петербурге 29 декабря 1913 г.⁶

Китайцы же строили свои доводы, фактически, на древнекитайском историческом мифе: республика — это тот же Китай, что и бывшая империя, просто в нем сменилась династия. К этому добавили псевдонаучные выкладки про «пять рас» и «одно происхождение» китайцев и монголов (см. гл. 1).

Провозглашение независимости Монголии в 1911 г. означало восстановление национальной государственности в полном соответствии с традиционными политическими воззрениями монголов⁷. Более того, их страна теперь имела все главные атрибуты национального государства: постоянное население, определенную территорию, правительство и способность вести международные отношения. Воссоздавались властные структуры, армия, имелись герб, флаг, гимн, собственный календарь, столица.

Со времени падения империи Юань идея политического единства монголов сохранялась в титуле великого хана⁸. И вот монголы вновь провели интронизацию своего великого хана согласно своей традиции. Но учитывались и буддийские представления о монархической власти. В связи с этим принималась во внимание традиция выведения власти монгольских великих ханов от легендарного

¹ Batsaikhan, 2011a, p. 22.

² Kuzmin, 2012a, p. 113–143.

³ Bulag, 2012, p. 45.

⁴ Напр., Пунцагноров, 1950, с. 63; 1955, с. 21–22; Lattimore, 1934, p. 77, 1936, p. 396.

⁵ Напр., Беннигсен, 1912, с. 13, 59; Каррутерс, 1914, с. 337.

⁶ Onon, Pritchatt, 1989, p. 75.

⁷ Бира, 1974, с. 71.

⁸ Скрынникова, 1988, с. 10–14.

древнеиндийского царя с титулом Махасамата («Многими Возведенный»). Кроме того, титул «Многими Возведенный» означал также возведение и признание великого хана всеми слоями монгольского общества¹.

Пророчеством, ритуалами, официальными документами, церемониями, характером подношений и т.д. подчеркивалась преемственность теократической власти нового великого хана не только от Махасамата, но и Чингис-хана, юаньских императоров, Алтан-хана, Абатай-хана. Преемственность от Чингиса и юаньских ханов подразумевала власть всемирного буддийского монарха Чакравартина, каковыми они считались. Однако, как сказано выше, традиция предполагала, что бывают разные Чакравартины: от всемирного монарха до монарха части континента. В согласии с этим, Богдо-гэгэн VIII не претендовал на власть над территориями и народами вне Монголии, что видно из его переписки с Юань Шикаем. Кроме того, преемственность власти от монгольских ханов теперь соединялась с преемственностью линии перерождений Джебцзундамбы и признанием религиозного главенства Далай-ламы и Панчен-ламы.

Факт присвоения титула «Богдо-хан» означал, что высшая власть над монголами теперь принадлежит Джебцзундамбе, а не маньчжурскому Богдо-хану из династии Айсинь Гиоро. Это означало перенос данного титула обратно к монголам. Соответственно, прекращались все признаки подчинения и зависимости монголов от цинской династии и, соответственно, ее империи. Китайская мироустроительная концепция (см. гл. 1) не использовалась.

События 1911 г. во Внешней Монголии часто называют «национальной революцией» — вероятно, считая, что слово «революция» несет априорно положительный смысл. Некоторые исследователи справедливо отмечают неточность этого термина в данном случае². В смысле смены одной общественной формации на другую здесь имела место не революция, а успешное национально-освободительное движение.

Россия оказала помощь Монголии. Эта помощь была направлена на создание буферной структуры, которая находилась бы под формальным «сюзеренитетом Китая», но не входила в него как неотъемлемая часть. Соглашение (или договор) 1912 г. между Россией и Монголией по содержанию, способу выработки и заключения (минуя Пекин) является документом о признании независимого государства, каковым его считали многие эксперты и пекинские власти. В его русском и монгольском текстах есть важные расхождения. Главное из них в том, что в русском тексте речь идет об автономии, а в монгольском — о независимости. Т.к. оба варианта имели равную юридическую силу, монголы правомерно утверждали, что Россия признала их страну как независимое государство.

Приравнивая Монголию и Тибет к китайским провинциям, Юань Шикай развивал ту самую «новую политику», из-за которой началось национально-освободительное движение монголов и тибетцев. В этих условиях Монголо-тибетский договор 1913 г. означал взаимное признание независимости Монголии и Тибета и

¹ Кузьмин, 2014в, с. 48–67.

² Напр., Белов, 1999, с. 5–6; Тачибана, 2012б, с. 168–178.

их монархов — Джебцзундамба-хутухты и Далай-ламы. К тому времени Монголия уже была формально признана как независимое государство (см. выше) и стала правомочным субъектом для подписания международных договоров. Заключением договора с Тибетом Монголия сделала и его государством, независимым *de jure*. В связи с этим данный акт не требовал признания другими странами. Это был первый международный договор Монголии, заключенный после признания ее независимости иностранным государством.

Глава 5. Абсолютная теократическая монархия (1911–1921 гг.)

Возведение Богдо-гэгэна VIII великим ханом подразумевало переход в его подданство всех земель, населенных монголами. В связи с этим следует проанализировать, как развивалась ситуация на них, как менялись конфигурация границ и статус нового государства, каковы были его структура и функционирование.

5.1. Внешняя Монголия как центр общемонгольской государственности

Узнав о провозглашении независимости Монголии, жители запада страны стали грабить китайские торговые фирмы и уничтожать долговые книги. По Кобдоскому и северо-западу Улясутайского округа прошла волна погромов — больше, чем в других частях Монголии. Но не было случаев убийства, насилия или избиения¹.

В январе 1912 г. мирно прошло освобождение Улясутая. Гарнизон капитулировал, 45 чиновников и солдат, получив 329 верблюдов, выехали на юг². Перед капитуляцией цзяньцзюнь с семьей бежал под защиту 15 казаков российского консульства, затем под охраной двух казаков уехал в Россию — в Кош-Агач³. 6 февраля 1912 г. в Улясутай из Нийслэл-Хурэ был назначен чиновник⁴. Вскоре маньчжурские чиновники были изгнаны из Сайр-ус⁵. Цинские чиновники покинули также кяхтинский Маймачен. В Улангоме около 300 китайцев скопилось в крепости. Они были вооружены старинными ружьями, сделали деревянную пушку. При выстреле она взорвалась, убив пушкаря и помощника, китайцы бежали —

¹ Бурдуков, 1969, с. 53–55.

² Пунцагноров, 1950, с. 51; Сандаг, 1958, с. 77. План города: Пүрэв, 2004, с. 189.

³ Бурдуков, 1969, с. 56.

⁴ МУУТА, ф. А4, х.н. 99, тал 2 — в кн.: Монголын ард тумний..., 1982, с. 133–134.

⁵ МУУТА, А-3, х.н. 311, тал 13 — в кн.: Монгол улсын нутаг..., 2011, с. 25–26.

в основном в Кобдо. Китайское построики были уничтожены¹. Монголы разбивали отряды китайцев, направленные в Дзамын-Удэ и другие южные районы Халхи².

В Кобдоском крае события развивались более драматично. Амбань Кобдо связался с Пекином и Палта-ваном. Пекин предписал не сдавать Кобдо. Палта и дутун Урумчи обещали поддержку³. Палта просил Далай-хана дэрбэтов Б. Галсаннамжила (1850–1913) приложить все усилия, чтобы «не отдать Кобдо в руки Халхи. Мы же входим в состав республики пяти народностей. Город Кобдо, если останется в наших руках, может явиться крепостью для нашего дальнейшего наступления». Целью Палты было удержание личной власти в Алтайском округе. Сайн-нойон-хан писал в 1913 г., что Палта-ван «смотрит на обе стороны»⁴.

Палта-ван.

Далай-хан Галсаннамжил держался осторожной политики и не был твердым сторонником присоединения к независимой Монголии.

Но его старший сын – Тумэндэлгэржав (1874–1937)⁵ и торгутский Унэн-Дзоригтухан Содномжамцой (1880–1925) с их людьми были сторонниками присоединения⁶. Их популярность так возросла, что Галсаннамжил был вынужден согласиться на мобилизацию и передал печать сейма своему помощнику Тугэмэл-вану. В Улангоме состоялся краевой съезд, где было закреплено решение двух аймаков дэрбэтов присоединиться к Урге и занять Кобдо⁷.

29 марта 1912 г. Гончигдамба-бэйсэ, назначенный сайдом в Кобдо, ссылаясь на распоряжение Богдо-хана, отправил письмо председателю сейма и джанджинам дэрбэтов о подготовке изгнания маньчжурского сайда, чиновников и солдат отсюда⁸. В июне 1912 г. Богдо-хан издал указ о наборе отряда монгольских солдат для удаления из Кобдо амбана и его чиновников. Феодалы Кобдоского края занялись мобилизацией. Восставшим помощь деньгами и скотом оказывали главы хошунов: мянгатский Дайчин-дзасак Ядамжав-гун, дэрбэтский Биширельту-дзасак Тумэнжаргал-ван, элетский Уйзэн-дзасак Ламжав-гун, урянхайский ёст-дзасак

¹ Бурдуков, 1969, с. 57.

² АВПРИ, ф. МК, оп. 470, д. 78.

³ Бурдуков, 1969, с. 57.

⁴ Монгол сонин, № 55, 1912 — цит. по: Сандаг, 1958, с. 78; Алтанзаяа, 2011б, с. 181.

⁵ В 1915 г. Богдо-ханское правительство назначило его правителем Кобдоского края (Бурдуков, 1969, с. 142–143).

⁶ Сүхбаатар, 2012, с. 221.

⁷ Бурдуков, 1969, с. 76.

⁸ МУУТА, ф. А3, х.н. 363, тал 12 — в кн.: Монголын ард тумний..., 1982, с. 137–138.

Очиржав-гун, урянхайский Дзутгэлт-дзасак Цаганбилэг-гун, урянхайский Этэй-дзасак Турбат-гун, дзахчинский Сэцэн-Дзутгэлт-дзасак Самбу-гун. Оказывали помощь и другие чиновники: дзанги Халзанбатор, мэрэн Баярмагнай и др.¹

Монгольские войска и отряд в тысячу урянхов подошли к Кобдо². Они осадили город и предложили китайцам мирно уйти. Но посланец монгольского правительства Тумурджан-гун был убит китайцами³. Амбань Пу Жунь отверг предложение о передаче власти монголам. Китайцы смогли ввести в Кобдо подкрепления. Затем подошел второй китайский отряд, но его по дороге уничтожили монголы под командой Дамбиджанцана, в то время как С. Максаржав-гун отбивал вылазки гарнизона из китайской крепости. Китайцы обстреляли российский консульский флаг в Кобдо, по другим данным — самого консула, направлявшегося под белым флагом к ним на переговоры⁴.

В ночь на 20 августа 1912 г. Кобдо был взят монголами численностью около 2500 чел. Взятием руководили Дамбиджанцан, С. Максаржав-гун, командир баргутов и сомонный дзанги из баргинского хошуна Шулун-Цаган — Дж. Дамдинсурэн-гун, а также Хайсан-гун. Командой к началу штурма послужило пламя буддийского обряда Сор на вершине горы к северу от города, который провел Джалханца-хутухта Дамдинбазар со многими ламами⁵. По донесению М.Н. Кузминского, первым в город вошел отряд хайларцев во главе с «Генданбатором, Насун-токтохо и Найтын-чжаб-тайчжи»⁶, затем, под сильным китайским обстрелом из крепости, ворвались остальные монголы, «не особенно храбро двигавшиеся на город и несколько раз порывавшиеся броситься в бегство»⁷. Китайская часть города была немедленно разграблена и разрушена. 21 августа капитулировала китайская крепость⁸.

Гончигдамба-бэйсэ писал, что монголы убили 2–3 сотни китайцев, сами потеряли 5 чел. Он сообщал, что было перехвачено послание Юань Шикая, содержащее призыв не сдавать монголам Бурал-Тохой и Кобдо, что маньчжурского министра из Кобдо надо поставить в Улясутай, а затем занять Хурэ. По донесению Кузминского, потери монголов убитыми составили 6, ранеными — 12, китайцев — около 200 чел. Монголам достались 12 пушек, 280 винтовок, около 500 старинных ружей, склады пороха и провианта⁹.

¹ ТХА, ф. акад. Ширэндэв, х.н. 10, тал 199; Сүхбаатар, 2012, с. 220.

² АВПРИ, ф. МИД, Канцелярия, оп. 470, л. 196, л. 24. План г. Кобдо с расположением кварталов (в т.ч. русского) и китайской крепости в кн.: Пүрэв, 2004, с. 188.

³ АВПРИ, ф. МК, оп. 470, л. 78, л. 60. По разведдонесению штаба Иркутского ВО, его выдал Далай-хан дэрбэтов. Китайцы пытали Тумурджана перед смертью, подвесив за большие пальцы (ТХА, ф. акад. Ширэндэв, х.н. 10, тал 246).

⁴ ТХА, ф. акад. Ширэндэв, х.н. 10, тал 105; Бурдуков, 1969, с. 78–80.

⁵ Бурдуков, 1969, с. 81–86; Успенский, 1989, с. 81.

⁶ Очевидно, Дамдинсурэн, Насан-Тогтохо (сын Тогтохо-гуна) и Найданжав.

⁷ РГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, л. 699, л. 1–1об., копия: ТХА, ф. акад. Ширэндэв, х.н. 9, тал 105–106.

⁸ Consten, 1920, S. 208–226.

⁹ МУУТА, ф. М170, л. 1, х.н. 610, тал 12 — в кн.: Монгол лам..., 2010, с. 135–136; РГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, л. 699, л. 1–1об., копия: ТХА, ф. акад. Ширэндэв, х.н. 9, тал 106.

Дамбиджанцан получил высокие титулы от Богдо-гэгэна (см. ниже), Дж. Дамдинсурэн — звание Манлай-Батор, титулы тушэ-гун и дзасак-турийн-бэйлэ, С. Максаржав — звание Хатан-Батор, титулы тушэ-гун и хошун-бэйсэ¹. Дамдинсурэн, как джанджин, по велению Богдо-хана командующий монгольскими войсками в Кобдоском округе, 2 сентября 1912 г. подписал с российским консулом в Кобдо и Шара-сумэ Кузминским протокол, по которому оставшимся в живых бывшему амбаню Пу Жуню, китайским чиновникам, солдатам и купцам сохранялась жизнь и, под их честное слово больше не воевать против Монголии, гарантированное русским консулом, их следовало безопасно отправить на родину через Россию².

После взятия Кобдо правительство Богдо-гэгэна провело несколько важных мероприятий. Было отложено взимание долгов с монголов китайским фирмам, ликвидированы уртонные станции, соединявшие Внешнюю Монголию с Китаем, распущены 57 караулов по границе с Россией. Дамдинсурэн-гун был назначен вице-министром иностранных дел в правительство. Вместе с халхаским Максаржав-гуном он был назначен командовать войсками на север Монголии. Повышение в титулах получили и некоторые другие феодалы из Барги и Внутренней Монголии³.

Летом 1912 г. представители правого и левого сеймов дэрбэтов прислали в Нийслэл-хурэ письмо с печатями с просьбой принять их в подданство. Аналогичные просьбы пришли от правителей торгутов и алтай-кемчикских урянхов⁴. Представителей с заявлениями прислали и другие хошуны дэрбэтов, баитов и мянгатов Кобдоского округа.

Как сказано выше, Китай не признал Российско-монгольское соглашение от 3 ноября 1912 г. Уже 14 ноября 1912 г. на секретном заседании китайского правительства под председательством Юань Шикая было принято решение не только не признавать соглашение, но и открыть военные действия против Монголии. 15 ноября Китай выдвинул из Синьцзяна 20-тысячный корпус, который в декабре подошел к Кобдоскому округу⁵.

В это время в Петербурге находилась монгольская делегация. Министр иностранных дел Ханддорж вручил МИД России письмо, что китайские отряды стягиваются в районы Алтая, Шара-сумэ, Цаган-Тункэ, Гучена, Хух-хото, Калгана и Долон-нора, планируя наступление на Внутреннюю и Внешнюю Монголию⁶. Диппредставитель в Монголии И.Я. Коростовец предложил МИД России ввести на запад страны казачий отряд. Отряд из 324 нижних чинов и восьми офицеров прибыл в Улясуйтай в декабре 1912 г.⁷ Зимой 1912–1913 г. из Улясуята казаки прибыли в Кобдоский округ. Монгольское правительство также прислало войска.

¹ Чойбалсан, 1965, с. 22–23; Богдын лүндэн..., 2002, с. 196.

² Факсимиле: Манлай баатар..., 2011, с. 81–82.

³ Пунцагноров, 1950, с. 52–54; Монгол улсын нутаг..., 2011, с. 28–32; Магсаржав, 1994, с. 38.

⁴ МУУТА, ф. 1, д. 2, х.н. 82; МГЯ архив, ф. 2, д. 2, х.н. 2Б-1 — в кн.: Сандаг, 1958, с. 81.

⁵ АВПРИ, ф. КС, д. 569, л. 31 — в кн.: Лузянин, 2003, с. 61–62.

⁶ Сандаг, 1958, с. 131.

⁷ АВПРИ, ф. КС, 143, оп. 491, д. 570, л. 24–25.

В местности Цаган-Тункэ находился китайский военный лагерь. В январе 1913 г. к нему направились два казачьих разъезда под командой подъесаула В.З. Харанова и сотника Б.П. Резухина (в будущем — соратника барона Р.Ф. Унгерна по монгольской эпопее). Задачей была разведка, а также убедить монгольских начальников в районе Кобдо начать поход для вытеснения китайских войск из Цаган-Тункэ в Гучен. Разведка позволила сделать вывод, что китайцы (вопреки заверениям их президента) не только не собираются уходить, но, видимо, усиленно готовятся к походу на Кобдо и Халху, а монголы их отразить не смогут. К весне монголы в противостоянии потерпели неудачу и стали склоняться к мирному решению вопроса¹.

12 февраля 1913 г. совещание министров под председательством Николая II решило защищать Монголию в пределах Халхи и Кобдоского округа. В июне–июле 1913 г. из Улясутая в Кобдо несколькими эшелонами прибыли казаки 1-го Верхнеудинского полка, туда же были направлены отряды из Новониколаевска².

Между тем, при содействии китайцев, казахи из Алтайского округа стали делать масштабные набеги на Кобдоский край и грабить кочевья элетов. В составе одной из банд было до сотни дунган (китайских мусульман). С отрядом в 600 чел. командующий китайскими войсками на Алтае дунганин Ма Теньюнь пришел из Булун-Тохоя в Шара-сумэ и выставил заставы на Бурчуме и перевале Урмогайт. Чтобы не потерять власть в Алтайском округе, Палта-ван вывел против него из Балбогая в Шара-сумэ отряд в 250 чел. синьцзянских войск. 22 августа туда же прибыл русский отряд в 1 батальон, 2 сотни казаков, 4 пулемета и 4 орудия. Находившийся на Кеверчике отряд в 800 дунган ушел в Илийский край. Но Ма Теньюнь стал угрожать Манасу и Урумчи в Синьцзяне. Палта-ван в противостоянии с Ма выражал недовольство уменьшением своей власти в пользу синьцзянского генерал-губернатора, сообщал русским о перемещении китайских войск и, в то же время, вооружал казахов против монголов. В итоге дунгане сорвали китайские военные приготовления, т.к. Ма Теньюнь начал борьбу с Палтаваном³.

Россия вступила в долгие переговоры с Китаем⁴. Одновременно Китай пытался склонить монголов отказаться от независимости или автономии. Так, 22 июня 1913 г. В.Н. Крупенский телеграфировал, что «миссионер Ларсон снова послан князем Наянту в Ургу, дабы войти в сношения с некоторыми членами монгольского правительства и постараться склонить их в сторону Китая»⁵. В переговорах с Россией китайской дипломатии почти удалось протащить выгодный ей вариант соглашения, пользуясь безразличием к азиатской политике англофила С.Д. Сазо-

¹ АВПРИ, ф. КС, 143, оп. 491, д. 570, л. 40, 45–47об., 49–49об., 82, 113, 187, д. 635, л. 1.

² АВПРИ, ф. КС, 143, оп. 491, д. 1826, л. 27, 33, 39, 51–53, 69; 143, оп. 491, д. 635, л. 18; Коростовец, 2009, с. 332.

³ РГВА, ф. 25895, оп. 1, д. 832, л. 399–417; АВПРИ, ф. КС, 143, оп. 491, д. 570.

⁴ Подробнее см.: Сборник дипломатических..., 1914, с. 1–91; Багсайхан, 2007б, с. 85–103.

⁵ АВПРИ, ф. МИД, Канцелярия, оп. 470, д. 196, л. 169. Подробнее об отношениях Халхи с Наянту см.: Оюунжаргал, 2011, с. 199–206.

нова¹. Лишь энергичное вмешательство И.Я. Коростовца и личная поддержка Николая II спасли положение.

23 октября/5 ноября 1913 г. состоялось подписание Российско-китайской декларации по Внешней Монголии. По ней Китай обязывался не вмешиваться в ее внутреннее управление и экономику, не содержать там чиновников, не присылать войска кроме конвоев. Внешняя Монголия признавалась автономной частью Китая, а правительство последнего — ее сюзереном².

Монгольское правительство не признало эту декларацию. Об этом во время визита в Россию (ноябрь 1913 — январь 1914 гг.) заявила монгольская делегация во главе с премьер-министром Сайн-нойон-ханом Намнансурэном: «Т.к. наше государство Монголия полностью отошло от связей с Китаем, никакие связи, установленные без признания Монголией, не могут быть признаны ею. Связи между Монголией и Китаем должны адресоваться лишь ей»³.

5 декабря 1913 г. правительство Богдо-хана направило протест российскому представителю в Нийслэл-хурэ, указав на незаконность этой декларации. Но она имела далеко идущие последствия. Как отмечал Э.-Д. Ринчино, «Русско-китайская декларация 1913 г. о разделе фактически уже объединенной Монголии убила новое государство и отдала Внешнюю Монголию под протекторат царской России, а другие части этнографической Монголии — на поток и разграбление солдат Юань Шикая»⁴. Это согласуется со статьями, которые публиковал Ринчино в 1915 г. в поддержку национально-освободительного движения монголов за независимость от Китая⁵.

Вместе с тем, эта декларация сыграла положительную роль в ликвидации китайской угрозы Кобдоскому округу. 8 декабря 1913 г. М.Н. Кузминский и Палтаван, как главный управитель китайского Северо-Западного края и правитель Алтайского округа, подписали соглашение, по которому китайские войска должны были уйти из Цаган-Тункэ в течение 3 мес. В соглашении предлагалась демаркационная линия между китайскими и монгольскими войсками Алтайского и Кобдоского округов. 24 февраля 1914 г. президент Китая утвердил прелиминарный договор об отозвании войск из района Цаган-тункэ, но они ушли лишь к 1 апреля⁶. Фактически, это означало установление западной границы Монголии с Китаем.

В Урянхае ситуация развивалась сложно и на этом надо остановиться подробнее. В декабре 1911 г. поддержал выступления против китайцев амбын-ноян Комбу-Доржу, который представлял цинскую администрацию в Урянхае и формально подчинялся цзяньцзюню Улясутая. К середине весны 1912 г. от китайцев были освобождены все кожуны, кроме двух кемчикских. 15 февраля Комбу-Доржу и

¹ Коростовец, 1996, с. 222–292.

² Русско-китайская...

³ МУУТА, ф. А-2, д. 1, х.н. 14, тал 11–14 — цит. по: Батсайхан, 2011б, с. 384; Коростовец, 2004, с. 391.

⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 35, л. 21.

⁵ Базаров, Жабаева, 2008а, с.62–63.

⁶ АВПРИ, ф. КС, 143, оп. 491, д. 635, л. 79–80, 106, 119.

чиновники трех кожунов Урянхая прислали усинскому пограничному начальнику А.Х. Чакирову бумагу об объявлении Тувы отдельной страной и просили покровительства русского царя — по образцу Внешней Монголии. Вместе с тем, урянхи почитали Богдо-гэгэна так же высоко, как монголы, буддийские монастыри и храмы Тувы были связаны с монгольскими. В феврале 1912 г. часть кожунов Урянхая изъявила желание принять его подданство. Урянхи кожунов Танну-Салчак и Тоджи стали шабинарами Джалханца-хутухты в Дзабханском аймаке¹.

Политика России в Урянхае основывалась на решениях особого совещания правительства в 1911 г., когда было решено считать русские поселения здесь основой для склонения края к статусу протектората с дальнейшим возможным присоединением к России. Еще в начале 1900-х гг. была учреждена должность пограничного комиссара в Урянхайском крае. Постепенно росло число русских торговцев. Последовало распоряжение улясуйтайского цзяньцзюня об их выселении. Российское правительство приняло меры к его отмене².

На переговорах с монгольской делегацией в Петербурге в 1912 г. С.Д. Сазонов сказал, что российское правительство не допустит ввода китайских войск в Баргу, но урянхи не монгольского происхождения, потому Монголия должна отказать от Урянхая³. Весной 1912 г. российские представители предупредили улясуйтайские власти, что Россия «имеет на Урянхайский край неоспоримые права» и что посылка туда монгольских чиновников может иметь нежелательные для монголов последствия. Однако монгольская власть стала туда распространяться, и Сазонов заявил осенью 1912 г., что «мы не считаем Урянхайский край к северу от расположенных вдоль Танну-Ола караулов в составе владений Хутухты»⁴. В 1913–1914 г. правители нескольких кожунов Урянхая попросили принять их в подданство России⁵.

В июле 1914 г. амбын-нояну Комбу-Доржу было объявлено соизволение царя о принятии его «с подведомственными урянхами трех хошунов» под царское покровительство, затем последовали соответствующие ручательства амбын-нояна и глав кожунов⁶. Но после этого в край были направлены монгольские чиновники для переписи русских поселенцев и их имущества. Перепись удалось сделать лишь в двух кожунах, признававших подданство Монголии. В 1915 г. от имени нескольких монгольских кожунов Танну-Урянхая монгольское правительство получило письмо, что они хотят находиться не в подданстве Хутухты, в подданстве России⁷.

Позже ст. 11 Кяхтинского соглашения 1915 г. о территории автономной Монголии, апеллируя к российско-китайским нотам от 23 октября/5 ноября 1913 г.,

¹ ЦГАРТ, ф. 112, оп. 1, д. 10, л. 1–2 — в кн.: Самдан, 2011, с. 55–58; Установление..., 1994, с. 8–10; Монгуш, 2001; Магсаржав, 1994, с. 38.

² АВПРИ, ф. 143 КС, оп. 491, д. 3108, д. 3110.

³ МУУТА, ф. 1, д. 35, х.н. 105 — в кн.: Сандаг, 1958, с. 126.

⁴ Сведения о государствах..., 1912.

⁵ Установление..., 1994, с. 16–20; Дацышен, 2012, с. 266–267.

⁶ Тексты: Установление..., 1994, с. 23–28.

⁷ Вестник Азии, кн. 1, 1916, с. 125; Единархова, Николаева, 2009, с. 100–102.

определила ее как «области, находившиеся в ведении китайского амбана в Урге, цзянцзюня в Улясутае и китайского амбана в Кобдо». Но в ноте 1913 г. говорилось, что «точные границы Внешней Монголии... составят предмет позднейших переговоров»¹, а в Кяхтинском соглашении — лишь о разграничении с Китаем. Земли урянхов в цинское время были под управлением улясутайского цзянцзюня, а в 1914 г. Урянхай был объявлен протекторатом России. Это создавало неопределенность.

В результате после Кяхтинского соглашения 1915 г. китайский резидент в Кобдо Ян Шичао и С. Максаржав с двумя отрядами в 150 и 300 чел. подошли к р. Джаган и Белоцарску — центру Урянхайского края. Они потребовали удаления российского комиссара и отряда казаков. Те подчинились, русское население частично ушло. Но затем позиции России в крае стали восстанавливаться. В конце 1916 г. Джалханца-хутухта вновь поднял вопрос о его присоединении к Внешней Монголии. По результатам его переговоров с российским представителем в Урге, в июле 1917 г. должен был состояться референдум среди урянхов. Однако он не состоялся в связи с нараставшей в России смутой. Вскоре после Октябрьской революции в России — 17 декабря 1917 г. представители Внешней Монголии и Китая подписали соглашение, по которому Урянхайский край составлял нераздельную часть автономной Монголии. В марте 1919 г. Ян Шичао с отрядом из китайцев, монголов и урянхов предпринял новую попытку присоединить Урянхай. В 1921 г. красные выбили оттуда китайцев и белых².

Последующие события развивались уже после объявления ограниченной монархии в Монголии. 13 августа 1921 г. в Урянхае Всетувинский учредительный хурал провозгласил Народную республику Танну-Тува. Вместе с тем, в течение нескольких лет к руководству Монголии поступали обращения части урянхов о присоединении, этот вопрос обсуждался, часть монгольских руководителей сочувствовала им. В 1927 г. ЦК МНРП и II Великий хурал МНР высказались за признание танну-тувинского правительства, что соответствовало планам советского руководства³. Это означало признание независимости Танну-Тувы от Монголии. Следовательно, лишь тогда в целом установилась северная граница Монголии, остававшаяся предметом споров с 1912 г.

Выше сообщалось о попытках Китая вести секретные переговоры с внешними монголами и о непризнании ими Российско-китайской декларации 1913 г. В связи с этим Россия была вынуждена приступить к тройственным российско-монголо-китайским переговорам. Тройственная конференция открылась 8 сентября 1914 г. в Кяхте. От России в ней участвовали дипломатические агенты А.Я. Миллер (глава делегации) и А.П. Болобан, пограничный комиссар А.Д. Хитрово; от Китая — чрезвычайный посланник генерал Ли Гунфан, министр Чэнь Лу, советник Монголо-тибетского бюро Чэнь И; от Монголии — министр внутренних дел да-лама

¹ Сборник..., 1914, с. 85–90; Батсайхан, 2011б, с. 662.

² Майский, 1921, с. 260; Лузянин, 2003, с. 81; Белов, 1999, с. 163–167.

³ АВПРФ, ф. РМ, оп. 6, пор. № 30, папка 113, л. 3, 31–46, 49–60, 115–124, 307–311, 312–315, пор. № 22, папка 112, л. 8–10, 22–23; РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 29, л. 345–351.

Дашжав, министр финансов Тушэту-ван Г. Чагдаржав, товарищ министра юстиции ван Удай, 1-й советник военного министерства Манлай-Батор Дж. Дамдинсүрэн, товарищи министра иностранных дел гуны Цэрэндорж и Джигжиджав¹.

Переговоры были длительными и сложными. По китайским данным, прошло 48 формальных и 40 неформальных встреч. Монголы отстаивали независимость. Китайцы не желали считать монголов полноправной стороной, пытались даже устранить сам термин «конференция». Их не устраивало название «Монголия», т.к. они отрицали права Богдо-гэгэна VIII на территории, ранее не управлявшиеся из Урги, ее независимый или автономный статус. Монголы настаивали на титуле «монгольский великий хан» (*монголын эзэн хаан*) и новом календаре по годам Многими Возведенного².

Стремясь закрепить единство Монголии до подписания соглашения, канцелярия премьер-министра направила ванам, гунам и тайджи Внутренней Монголии послание, призывая их всех признать подданство новой монгольской династии и подготовить официальные документы об этом, чтобы «известить иностранные государства о нашем желании объединиться»³. В правящих кругах Монголии усиливались антироссийские настроения в связи с нежеланием России признать независимость Монголии и объединить Внешнюю и Внутреннюю Монголию⁴.

Наконец, 25 мая/7 июня 1915 г. было подписано трехстороннее Кяхтинское соглашение. Оно признавало Российско-китайскую декларацию 1913 г. и ноты между Россией и Китаем от 23 октября 1913 г. (ст. 1). Внешняя Монголия признавалась автономией в составе Китая на основе его сюзеренитета (ст. 2), отказывалась от права заключения международных договоров, касающихся политических и территориальных вопросов (ст. 3), предусматривалось пожалование титула «Богдо Джебцзундамба-хутухта хан Внешней Монголии» президентом Китайской республики и использование китайского календаря наравне с монгольским (ст. 4), за Монголией признавалось исключительное право ведать своими внутренними делами и заключать международные договоры по торговле и промышленности (ст. 5), Россия и Китай обязывались не вмешиваться во внутреннее управление и строй Внешней Монголии (ст. 6), численность конвоев в Урге при китайском сановнике устанавливалась в 200 чел., при российском представителе — 150, китайских и русских конвоев при чиновниках в других местностях — по 50 чел. (ст. 7 и 8), китайский и российский представители имели равные права на частные аудиенции у Богдо-хана (ст. 19), определялись надзор китайских представителей за выполнением китайских сюзеренных прав во Внешней Монголии (ст. 10), территориальное устройство Внешней Монголии и ее разграничение с Китаем (ст. 11), таможенные установления (ст. 12), судебные установления (ст. 13–16), устройство телеграфа (ст. 17), сохранение почты на прежних основаниях (ст. 18),

¹ Ширендуб, 1960, с. 148.

² Бурдуков, 1969, с. 129; Коростовец, 2004, с. 329–405; Батсайхан, 2007а, с. 147–159, 2011б, с. 448.

³ Цит. по: Onon, Pritchatt, 1989, p. 68–71.

⁴ Сандаг, 1958, с. 204–206.

отвод помещений и земли для китайских представителей (ст. 19), пользование их почтовыми станциями (ст. 20), аутентичность текстов на русском, монгольском и французском языках, из которых следовало руководствоваться французским (ст. 22)¹.

Соглашение подписали: с российской стороны — дипломатический агент А.Я. Миллер, с монгольской — министры Ц. Ширэндамдин и Г. Чагдаржав, с китайской — генерал Ли Гунфан и сановник Чэнь Лу.

На этот раз постарались избежать разночтений в текстах на разных языках, в частности, использовали именно термин «автономия». Вместо названия «государство Монголия» в документе закреплялось название «автономная Внешняя Монголия» (монг. автономит Гадаад Монгол), которая определялась как территории, подчинявшиеся Урге, Улясуатаю и Кобдо, фиксировались границы с Китаем. По требованию китайцев были устранены термины государственности. Китайцы требовали убрать монгольский термин *хаан*, но русские поддержали монголов, ссылаясь на прецеденты Кореи, Египта, Марокко, Бухары и Хивы, где старые титулы сохранялись под иностранным сюзеренитетом: соответственно, *король, хедив, султан, эмир и хан*². Однако последние титулы не означали однозначно императора...

Так что разночтения все же остались. Во вступительной фразе в русском и французском вариантах стоит титулатура *Его Святейшество Богдо Джебцзундамба-хутухта хан Внешней Монголии*. В части, где перечисляются полномочные представители глав трех государств, в русском, французском и монгольском вариантах написано, соответственно, *Его Святейшество Богдо Джебцзундамба-хутухта повелитель Внешней Монголии, Sa Saintete Bogdo Djimbzoun Damba Khoutoukhtou Khan de la Mongolie Exterieur, Гадаад Монголын маш арилсан Богд Жавзандамба хутагт повелитель*. Эта формулировка в русском варианте отражала несогласие российской стороны (еще с 1912 г.) титуловать Богдо-гэгэна титулом *государь*, равным титулу царя. Поэтому использовано неопределенное с точки зрения феодальной иерерхии слово *повелитель* — но лишь в этом месте, причем слова *император* и *повелитель* использованы даже в монгольском варианте (хотя в этом языке данных слов не было). Однако во французском варианте вместо *повелитель* (*seigneur* или *maitre*) использовано слово *khan*. В монгольском же варианте в остальных местах написано не *хан*, а *хаан*.

На первый взгляд, эти различия несущественны. Это не так по следующим причинам. Во французском и русском языках «хан» используется для обозначения двух неравнозначных понятий монгольского языка: *хан* (крупный удельный владыка, также князь крови), и *хаан* (*хаган*) (верховный владыка, т.е. великий или святой хан или император — напомним, что цинские императоры носили титул *Богдо-хан*). Как видим, слов, трактуемых как великоханский титул, избежать не удалось. Если во французском и русском вариантах возникает двусмысленность,

¹ Факсимиле текстов на четырех языках: Батсайхан, 2011б, с. 631–676; транскрипция монг. варианта со старомонгольского на монг. кириллицу: Монголын түүхийн..., 2010, с. 252–257.

² Батсайхан, 2007б, с. 90.

то в монгольском сочетании *Богд* и *хаан* позволяет однозначно понимать титул Богдо-гэгэна VIII как «великий хан», т.е. император, выше которого быть не может¹. Так и трактовали это монголы. Согласуется это и с интерпретацией «сомнительного постановления» в «наименее отяготительном для обязанной стороны» смысле, принятой в международном праве того времени (см. выше о соглашении 1912 г.). Так что жалование этого титула президентом могло восприниматься как нонсенс.

В Нийслэл-хурэ это соглашение было встречено неоднозначно, т.к. закрепляло раскол Монголии. В то же время, в «Тетради комментариев о смысле и содержании Китайско-российско-монгольского договора», направленной МИД Монголии Богдо-хану, отмечалась важность признания сюзеренитета Китая при его невмешательстве во внутренние дела Монголии. Там говорилось: «Не было ошибкой для Внешней Монголии признать китайский сюзеренитет. Заключив этот договор, Внешняя Монголия приобрела важное право вести переговоры с Китаем и Россией и продемонстрировала многим государствам, что стала самоуправляемым государством, которое определяет все свои внутренние вопросы»².

Международно-правовой статус Монголии в 1915 г. разъяснил в своих статьях один из ведущих российских специалистов по международному праву в то время — барон Б.Э. Нольде.

«Договоры, подписанные 25 мая этого года представителями России, Китая и Монголии, завершают ряд актов рождения монгольского государства. Теперь можно дать себе отчет в том, какое положение займет новое государство в системе старых международных правоотношений»³. Формула сюзеренитета была классической в договорном праве XIX в. «Это формула, при помощи которой осуществлялся процесс последовательного расчленения Турции и рождения новых государств Ближнего Востока <...> Таким образом, когда договоры говорят теперь о «сюзеренитете» одной страны в отношении другой, мы имеем дело со своеобразною пересадкою старинной феодальной терминологии для характеристики возникавших лишь к началу XIX в. явлений взаимной зависимости государств <...> Если можно найти в договорах, которые я приводил, какую-либо одну общую черту, то это стремление выразить формулою сюзеренитета, что между политическими единицами устанавливается более поверхностная связь, чем та, которую выражают подлинным понятием власти — суверенитетом <...> Сюзеренитет с точки зрения современного договорного права есть как бы презумпция полноты прав подчиненного государства: за исключением немногого, что предоставлено сюзерену, все принадлежит вассалу. Пекинский и кяхтинский договоры, провозглашая сюзеренитет Китая над Монголией, имели в виду прежде всего это основное понимание предшествующих договоров, а отнюдь не те или иные подробности характеристики ранее возникавших в XIX в. вассальных отношений»⁴.

¹ Кузьмин, 2015д, с. 60–63.

² Цит. по: Батсайхан, 2011б, с. 464, 467.

³ Нольде, 1915, с. 2153.

⁴ Нольде, 1915, с. 2217–2218, 2220, 2223.

Как разъяснял Нольде, итогом прав, вытекающих из Кяхтинского соглашения, стала полная независимость Внешней Монголии¹ «во внутренних государственных делах и свобода внешних сношений в вопросах торговли и промышленности. Этого достаточно, чтобы налицо было государство, достаточно, какой бы из двух одинаково законных критериев государства мы ни брали — государственно-правовой или международно-правовой. С первой точки зрения Внешняя Монголия стала государством потому, что ее высшая государственная власть совершенно самостоятельна и независима в пределах очерченного ей ее международной учредительной хартией ведомства. Не менее существенна международно-правовая точка зрения. Внешняя Монголия — несомненное государство и в смысле международного лица. Ее правоспособность не полна, но нельзя отрицать эту правоспособность. Она [может] договариваться с другими государствами и может поддерживать с ними дипломатические отношения в широко истолкованных практикой пределах “торговли и промышленности”, включая сюда все правовые и административные вопросы. Но и за пределами их, там, где, по выражению договоров, начинаются вопросы “политические и территориальные”, она, хотя и подчиняясь контролю, в то же время не может оказаться связанной никакими обязательствами помимо своей собственной воли...

Признанию Внешней Монголии государством не препятствовало то, что ее территория называлась в договорах частью территории Китая... Очерченные в договорах области суть одновременно, во-первых, территория Монголии и во-вторых, территория Китая. Совершенно ясно первое: монгольская земля есть публично-правовая собственность монгольского государства. ...Монгольская территория признается территорией китайской потому, что Китай обладает в отношении Монголии сюзеренными правами. Этот вывод, который часто делался из сюзеренитета и в предшествующей практике, и едва ли мы ошибемся, если скажем, что к нему в особенности применимо то, что говорилось в дипломатической переписке о сюзеренитете: речь шла о “чисто юридическом” положении, иначе говоря, о формальном и лишенном самостоятельного содержания, дополнительном, выражении установленной договором связи между Китаем и Внешней Монголией <...> Пекинский и кяхтинский договоры... не говорят, что подданные Монголии суть в то же время, посредственно, подданные Китая. Отсутствие подобного положения имеет существенное практическое значение. <...> Внешняя Монголия представляет собою государство под сюзеренитетом Китая и под протекторатом России»².

Эти разъяснения показывают статус Монголии в рамках международного права того времени. Важно отметить и то, что в 1914–1916 гг. Нольде был директором юридической секции МИД России и не мог противоречить официальной точке зрения.

Власти России до самой Гражданской войны продолжали придавать большое значение монгольским делам. Это проявлялось не только в дипломатии, развитии

¹ В оригинале, очевидно, ошибка: “Восточная Монголия”.

² Нольде, 1915, с. 2228–2229, 2231.

торговли, военного содействия и денежных ссудах, но и в том, что ветеринары, служащие фирм, банка, казаки-охотники, инженер и телеграфист в Монголии получали отсрочки от призыва на фронт в тяжелые 1915–1917 гг.¹

В Китае соглашение 1915 г. до сих пор трактуют как «унизительный договор», на который Юань Шикай вынужден был пойти из-за шантажа со стороны России и международной изоляции Китая².

После заключения этого соглашения, осенью 1915 г., российское правительство вывело отряды из Нийслэл-хурэ и Улясутая. Оставлены были только конвои. В оба города были назначены китайские резиденты. Должность китайского резидента в Нийслэл-хурэ занимали участвовавшие в переговорах Чэнь И (с конца 1915 г. по начало 1921 г. с перерывами) и Чэнь Лу (с октября 1915 г. по май 1917 г.). Важнейшие вопросы, которыми занимался во Внешней Монголии Чэнь Лу — переговоры с монгольским правительством относительно Бавужава, проблема жалования президентом титула Джебцзундамбе, помощь монгольскому посланнику в Пекин и договоренность с монгольским руководством об учреждении китайским правительством поста заместителя его представителя во Внешней Монголии по Урянхаю³.

В 1915 г. было решено заменить старые цинские атрибуты власти Джебцзундамбы на монгольские. Возможно, это было связано с переговорами в Кяхте и необходимостью замены золотых диплома и печати, в 1874 г. присланных во Внешнюю Монголию маньчжурским императором Цзайтянем в связи с прибытием туда из Тибета Богдо-гэгэна VIII. Теперь в новом золотом дипломе, в частности, был начертан эдикт Солнечносветлого Богдо-хана, держащего религиозную и светскую власть. Дело в том, что после заключения Кяхтинского соглашения Юань Шикай приготовил новые золотые печать и диплом с указом президента, но Богдо-гэгэн отказался их принять, сославшись на то, что это не предусмотрено Кяхтинским соглашением: ведь их уже когда-то пожаловал цинский император. Позже, когда в 1919 г. генерал Сюй Шучжэн оккупировал Монголию, Богдо-гэгэну пришлось принять эти атрибуты⁴.

5.2. Попытки присоединения Барги, Внутренней Монголии, Кукунора

Проживавшие в Пекине монгольские князья, которые продвигали цинскую «новую политику», в декабре 1911 г. создали союз для противодействия введению в Китае республики. Его целями провозглашались содействие развитию монгольского народа через взаимодействие, охрана национальных прав, помощь в государственных реформах. Членами союза могли быть только князья. Председателем

¹ АВПРИ, ф. КС, 143, оп. 491, д. 2886, 2889, 2893, 2902, 2903, 2939, 2942, 2949, 3085, 3086, 3087, 3218.

² Напр., Zhu, 2009, p. 88–92; Liu, 2005, p. 74–78.

³ Баабар, 2010, с. 177; Fan, 2006, p. 21–28, 2007, p. 35–41.

⁴ Батсайхан, 2011б, с. 201–204.

избрали Наянту. На собрании не менее 60 князей приняли резолюцию Юань Шикаю: если будет республика — все монгольские князья будут содействовать провозглашению Монголией независимости¹.

В январе–феврале 1912 г. ряд южно-монгольских княжеств оставался верен Пекину, не поддерживая китайских революционеров. Во Внутренней Монголии монгольские войска сыграли решающую роль в победе над армией революционного генерала Ян Сишаня. Часть маньчжурских и монгольских аристократов в Китае образовали «Цзуншэдан» (Партия верности престолу), которая была против отречения императора. 26 января ее руководитель Лян Би был убит в Пекине, и в тот же день Юань Шикай организовал отправку от имени командования Бэйянской армии телеграммы к императору с требованием об отречении².

По разведсводке штаба Приамурского ВО за март 1912 г., кроме тех монголов, кто поддерживал власть Джебцзундамбы, выявились еще два лагеря: восточные монголы заявили, что откажутся подчиняться Китаю, если маньчжурская династия будет лишена престола, а западные — что хотели бы иметь своего хана³. Часть восточно-монгольских и маньчжурских князей хотели создать независимое от Китая государство «Маньчжурия-Монголия» под протекторатом России и Японии. Князь Су предлагал маньчжурскому императору выехать за Великую китайскую стену на север и, в худшем для него случае, консолидировать маньчжурские доминионы после отделения от Китая⁴.

Развитие событий показало, что эффективным оказался вариант теократической монархии Джебцзундамбы, а остальные два потерпели фиаско. Более того: ряд влиятельных нойонов в Китае с провозглашением республики встали на позиции коллаборационизма.

Эти князья после провозглашения Китайской республики создали в Пекине «Китайско-монгольский союз» с целью «уничтожить преграды, разъединяющие эти две народности». Как бы от Халхи в него вступил все тот же Наянту, от торгутов — Палта, 25 чел. — от внутренних монголов. Воззвание этого союза озвучивало утверждения ханьских националистов: «С введением республиканского строя всем населяющим Китай национальностям предоставлена полная возможность слиться в одну семью, китайцы и монголы должны безмерно радоваться этому благоприятному для их взаимного единения случаю <...> Монголия... является единственным буфером для Китая против вторжений извне <...> союз необходим для эксплуатации огромных естественных богатств Монголии»⁵.

Этот союз быстро таял: к апрелю 1912 г. в нем осталось лишь около 10 феодалов. В числе покинувших его был Харчин-ван Гунсэнноров. Он вернулся в свой хошун, обнаружил возмущение народа и направил Богдо-гэгэну петицию с просьбой принять его хошун в подданство. На запросе сохранилась резолюция

¹ “Дицзинь синьвэнь”, 16.12. 1911: АВПРИ, ф. 761 МП, оп. 761, д. 313, л. 58–59.

² Дацьшен, 2014, с. 41.

³ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 4125, л. 26, копия: ТХА, ф. акад. Ширэндэв, х.н. 10, тал 241.

⁴ Boyd, 2008, p. 114–115.

⁵ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 901, л. 23, 54, копия: ТХА, ф. акад. Ширэндэв, х.н. 10, тал 100–101.

Харчин-ван Гунсэнноров.

с одобрением Богдо и назначением Гунсэннорова сайдом «четырех внутренних сеймов»¹.

Об интронизации Богдо-гэгэна VIII Богдо-ханом Монголии было послано извещение председателям сеймов Внутренней Монголии, ванам Алашани и Дариганги, главным начальникам Барги, цинскому правительству².

Главы баргутских племен еще в сентябре 1911 г. постановили изгнать китайцев и установить собственную власть. В конце 1911 г. будущие лидеры Барги во главе с князем Гуй Фу прибыли в Харбин, сообщили о намерении отделиться от Китая и попросили помощи у русских. Им дали оружие³. 2 января 1912 г. в Хайларе восстали монгольские солдаты. Восстание разрасталось, китайцев арестовывали, имущество конфисковали. Город перешел под контроль повстанцев, объявивших о присоединении к государству Богдо-хана. Затем они заняли еще два города. Китайские войска и чиновники покинули Баргу. В январе делегация из Хайлара с изъявлением подданства проследовала в Нийслэл-хурэ через Кяхту⁴.

1 февраля 1912 г. российское консульство в Харбине получило донесение чиновника МИД, что объявленную месяц тому назад независимость Барги от Китая можно считать установившейся⁵. В мае 1912 г. Барга была принята в состав Монголии, прибывший в Нийслэл-хурэ баргинский ухэрида (правитель, имевший права дзасака) Шэньфу был назначен главным сайдом Барги⁶. По-видимому, переходу баргутов под власть Богдо-гэгэна способствовало и то, что в ряде их монастырей были ламы из Халхи, которых поддерживали халхаские хошуны⁷.

¹ Сандаг, 1958, с. 100–101.

² Пунцагноров, 1955, с. 37; Дэндэв, 2006, с. 86; Монгол торийн..., 2011, с. 184.

³ Базаров, 2002, с. 10–11.

⁴ “Харбинский вестник”, 19.01.1912; Баранов, 1925, с. 25; Климов, 1945, с. 48–51; Пунцагноров, 1950, с. 56.

⁵ АВПРИ, ф. 761 МП, оп. 761, д. 386, л. 1–4.

⁶ Сандаг, 1958, с. 83; Единархова, Николаева, 2009, с. 45.

⁷ См., напр., Позднеев, 1898, с. 296–297.

Согласно донесению от 12 декабря 1912 г., «Баргинские власти по-прежнему признают свою зависимость от Ургинского правительства и за последнее время усилили свои сношения с Ургой. <...> Существенное сопротивление китайцам оказать не смогут: у них всего 750 солдат, налицо лишь 500, еще 250 в дороге»¹.

Для жителей Внутренней Монголии Джебцзундамба-хутухта издал лундэн со словами: «Наша Монголия должна создать объединенное государство, защитить нашу Желтую веру, избежать страданий и подавления со стороны других держав... Нет другого пути существования, чем независимость». Перечислялись восемь привилегий нойонам, если они войдут в его подданство: титулы и звания ванов и гунов будут сохраняться, а жалование им будет выплачиваться из Нийслэл-хурэ в большем объеме; нойоны, имеющие титулы ниже вана, будут повышены в титуле на одну ступень и жалование им будет выплачиваться из Хурэ; если хошун не покрывает полностью свои расходы, их покроет правительство Хурэ; те хошуны, которые проводят реформы, будут по возможности поддержаны в этом правительством; внутренние монголы могут работать в правительстве и пользоваться теми же правами, что внешние; налоги и арендная плата будут те же, что во Внешней Монголии; правительство будет охранять мир и покой во Внутренней Монголии, а в случае нападения Китая пришлет войска; эти статьи будут действовать со дня, когда будет принята власть правительства Хурэ².

Часть этих обязательств не учитывала финансовых возможностей правительства Богдо-гэгэна. Часть князей Внутренней Монголии могли надеяться получить больше выгод, примкнув к более сильной стороне — Китаю, чем к независимой Монголии.

Но все больше князей проявляло готовность признать монгольского Богдо-хана на разных основаниях. Например, Бинту-ван Гончигсурэн, имевший хошун на востоке Внутренней Монголии, в начале 1912 г. говорил управляющему КВЖД генералу Д.Л. Хорвату, что князья Внутренней Монголии, «признавая ханом Монголии Джебцзундамбу, пока думают действовать самостоятельно. По словам Бинту-вана, они хотят выделить Внутреннюю Монголию в самостоятельную единицу и объясняют это тем, что местные монголы по своему образу жизни и обычаям не похожи на халхаских монголов»³.

Тем не менее, к концу 1912 г. о переходе в подданство Джебцзундамбы заявили 35 из 49 хошунов Внутренней Монголии, 8 чахарских, 16 дэрбэтских, 3 дзахчинских, 7 алтай-уряхайских, 3 торгутских хошуна и монголы Кукунора⁴. В 1913 г. в Шилингольском сейме все 10 хошунов приняли его подданство, в Джеримском — 7 из 10, в Джоудаском — 6 из 11, в Ихэджуском — 5 из 7, в Уланцабском — все 6, в Джосотуском — 2 из 5⁵. Петиции с желанием войти в его

¹ АВПРИ, ф. 761 МП, оп. 761, д. 386, л. 23–24.

² Батсайхан, 2011б, с. 372–375.

³ РГВИА, ф. 200, оп. 1, д. 901, л. 19, копия: ТХА, ф. акад. Ширэндэв, х.н. 9, тал 187.

⁴ Пунцагноров, 1950, с. 56; 1955, с. 42, 63; Сандаг, 1958, с. 92; Жугдэр, 1974, с. 277–278; Магсаржав, 1994, с. 34–39; Батсайхан, 2007б, с. 19.

⁵ МУУТА, ф. А3, д. 1, х.н. 438, 440 — в кн.: Тачибана, 2012а, с. 271.

подданство поступали и с других монгольских земель: из Гирина, Жэхэ, Мукдена, Хара-Мурэна¹.

В архивах сохранились десятки петиций об этом от феодалов Внутренней Монголии². Судя по ним, главным для монголов было избавиться от колонизации и власти Китая. Некоторые подчеркивали необходимость возрождения старой монгольской государственности, Монгольской империи.

М. Тачибана обнаружил, что изъявление покорности внутренними монголами шло не всегда гладко. Так, все хошуны Шилингола заявили о переходе в подданство Богдо-хана после того, как председатель этого сейма Янсан был арестован в Нийслэл-хурэ и приказал им написать письма о переходе в подданство. В сейме Джюда было больше китайских колонистов. Соответственно, среди правителей его хошунов не обнаружилось единодушия, когда правительство Богдо-хана призывало их подчиниться через Базаргарьда — председателя сейма и дзасака хошуна Ар-Харчин. Сложным было и положение в сейме Ихэджу. Здесь Чагдарсэрэн — глава хошуна Ушин предложил план переноса в Нийслэл-хурэ реликвария Чингис-хана, хранившегося в Ордосе. Для этого он приглашал монгольскую армию. Его целью было сохранение своей власти в хошуне³.

Хурлэг-бэйсэ из Кукунора привез петицию 24 дзасаков этой области с просьбой к Богдо-гэгэну «о наставлениях... в связи с трудной ситуацией в их области». С аналогичной просьбой в Нийслэл-хурэ приезжал из Кукунора и джун-ван Намданчойнхор с сыном Лаванрашигом. Последний получил от Джебцундамбы титул бэйлэ и печать дзасака⁴. Формально это означало принятие в подданство. Сумья — князь левого крыла Или-Тарбагатайских чахаров приковывал в Халху из Синьцзяна с 300 семьями. Их поселили в Тушэтуханский аймак⁵.

Всех изъявивших желание войти в подданство приняли, наградили, всем начальникам хошунов оставили прежние титулы и права. Были назначены начальники для пяти хошунов Дариганги, восьми — Чахара; в Хулунбуире — для восьми хошунов солонов и баргутов, восьми хошунов Новой Барги, одного — элетов, восточного и западного крыла солонов. В западный аймак дэрбэтов, где жили дзахчины, элеты, мянгаты, алтайские урянхи, для каждого племени назначили по джанджину и для всех — общего председателя сейма. Для новых торгутов и хошутув утвердили прежнюю администрацию. Главам казахских хошунов дали отдельные административные права и подчинили их сайду Кобдо. 24 дзасака восточного сейма Кукунора поднесли бумагу о подчинении — их приняли, наградили, повысили, дали оружие. Алаша-ван и хошун старых торгутов признали независимость Монголии, но не изъявили желание присоединиться⁶.

¹ Батсайхан, 2011б, с. 163, 372–381.

² Сандаг, 1958, с. 87–91; Батсайхан, 2011б, с. 378.

³ Тачибана, 2011, с. 159–245.

⁴ Магсаржав, 1994, с. 38.

⁵ Сандаг, 1958, с. 82; Батсайхан, 2011б, с. 163, 372–381.

⁶ Дэндэв, 2006, с. 109–113.

В столицу Внешней Монголии вновь перешел Тогтохо-гун. Он получил от Богдо-гэгэна титул тушэ-гун, звание Дзоригту-Батор и 150 лан серебра. Его отряд стал выполнять функции столичного гарнизона и личной охраны Богдо-хана¹. В 1912 г. против китайцев вновь выступил Джасаку-ван Удай. В феврале 1912 г. он получил секретное письмо Богдо-гэгэна с просьбой собрать князей Джеримского сейма для объявления независимости². Аймак Корцин (=Харчин) также объявил об отделении от Китая. К лету 1912 г. туда прибыли люди Тогтохо-гуна для набора солдат, раньше служивших в его отряде³. Одним из наиболее успешных и маневренных стал отряд во главе с Бавужав-гуном.

Наиболее сильное сопротивление китайцам в этот период оказывал Удай. В августе 1912 г. китайский чиновник г. Аньгунсянь в хошуне Тушэ-гуна пригласил крупного монгольского чиновника якобы для переговоров. Чиновник приехал с охраной. Китайцы напоили монголов, чтобы их вырезать. Десять монголов было убито, остальные бежали, подняли аратов и взяли Аньгунсянь. 13 августа Удай заявил, что не является китайским подданным, и потребовал, чтобы китайские чиновники покинули хошун Джасаку, а колонисты могли остаться и подчиниться Удаю. Он издал «Декларацию о независимости Восточной Монголии», в которой говорилось о разрыве восточных монголов с Китаем.

По японским сведениям, корцинские монголы (= харчины) заняли города Таонаньфу, Чжэнтунсянь к востоку и Аньгунсянь к северу от него. Из Чжэнцзятуна против них выступил китайский отряд из 11 батальонов⁴. Восстание охватило и Северный Горлос. Монгольские отряды появились в районе Куаньченцзы (между Харбином и Мукденом), направились к Великой стене, изгоняя китайских колонистов и администрацию. На подавление китайцы бросили 27-ю дивизию, готовилась переброска 40-й бригады 20-й дивизии. По сообщениям китайской прессы, Пекин пытался подкупить восставших, но это дало обратный эффект⁵.

14 августа князь хошуна Тодо-Биликту объявил себя подданным Халхи. 20 августа то же сделал князь хошуна Тушэ-гун Олосон Раван. По приказу Удая его брат Ширэту-лама сформировал отряд около 1 тыс. чел. Они взяли города Лицюаньсянь, Цзинаньсянь, Чжэньдун и ряд других населенных пунктов. Удай поддержал хошун Дархан-вана отрядом около 1 тыс. чел. Китайские войска превосходили повстанцев численностью и вооружением. К началу сентября 1912 г. в хошуну Джасаку и Тушэ-гун двинулось 15 тыс. солдат и офицеров при 54 орудиях и «некотором числе» пулеметов⁶.

После ряда боев, в сентябре 1912 г. Удай был разбит⁷. Китайцы разгромили и разграбили его ставку, перебили всех, кого смогли захватить, включая 11-лет-

¹ АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 29; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 56.

² ТХА, ф. акад. Ширэндэв, х.н. 10, тал 191.

³ Климов, 1945, с. 54–55.

⁴ «Новое время», 13(26).08.1912.

⁵ Климов, 1945, с. 55–57.

⁶ Белов, 1996г, с. 41–43.

⁷ АВПРИ, ф. МК, оп. 470, д. 78, л. 60.

нюю дочь князя и всю семью его брата, разгромили хошуны Джасакту, Сэгун и Джалайт Джеримского сейма, которые принимали участие в восстании¹, не щадя женщин и детей, разграбили монастыри Джержен (где, после издевательств, расстреляли монахов во главе с гэгэном), Хошо-сумэ, Гэгэнву и Оройн-сумэ².

Харбинские газеты «Восток», «Новая жизнь» и другие в 1912 г. сообщали о зверских расправах китайцев с монгольским населением. По приказанию китайских властей в хошуне Джасакту была устроена настоящая охота на мирных монголов: китайцы устраивали засады на дорогах, убивали монголов, едущих по своим делам в населенные пункты, а их телеги, грузы и лошадей захватывали. В Хоросе солдаты облили монгола ханшином (спиртом), подожгли, а когда он побежал — открыли по нему огонь. В Джасакту солдаты на морозе поливали монголов водой, пока они не покрывались льдом, а потом оттаивали на кострах и поджаривали; женщин насиловали и заживо сжигали в юртах³.

Тысячи монголов бежали от китайских репрессий в Баргу и Хинганские горы. Неудача восстания Удая была связана с большим перевесом китайцев, недостаточной помощью России, сильной китаизацией внутренних монголов и с тем, что восстание не поддержало большинство хошунов Джеримского и остальные сеймы Внутренней Монголии⁴.

Остатки повстанцев численностью 300–400 чел. во главе с Бавужавом отступили на юго-запад, громя китайских колонистов и администрацию. С их появлением в уездах Суйдун и Кайлу началось восстание в провинции Жэхэ, но к зиме оно пошло на убыль, и восставшие сосредоточились в хошуне Джалайт⁵.

Между тем, китайские власти успешно привлекали монгольских коллаборационистов к сотрудничеству.

В апреле 1912 г. в состав временного парламента Китая вошли 11 делегатов от Монголии. Это были наиболее влиятельные князья и высшие ламы Внутренней Монголии из постоянно проживавших в Пекине. В разгар восстания Юань Шикай повысил лояльных Китаю князей на один ранг. В октябре 1912 г. Бюро по делам Монголии и Тибета созвало съезд монгольских князей. Кроме китайских офицеров, на нем присутствовали всего девять князей из двух хошунов Горлоса. Никаких решений съезд не принял. Монгольские участники, получив подарки, премии, титулы и повышения, высказались за агитацию во Внутренней Монголии в пользу китайской политики. Об этих князьях один из членов монгольского посольства в Петербурге говорил, что они идут против своего народа, против Джебцзундамба-хутухты, всенародно избранного великим ханом⁶.

В 1912–1913 гг. некоторые феодалы Внутренней Монголии из сеймов Джерим, Ихэджу и Уланцаб на конференциях в Китае заявляли о признании «республики

¹ Базаров, 2002, с. 9.

² Климов, 1945, с. 60–62.

³ Хохлов, 2008, с. 4–5.

⁴ Белов, 1996г, с. 43.

⁵ Климов, 1945, с. 60–62.

⁶ Дацышен, 2014, с. 44; Климов, 1945, с. 63–68.

пяти рас» и непризнании Российско-монгольского соглашения 1912 г. Некоторые из них позже писали, что их заставили это сделать силой¹.

Власти России были в курсе как военных приготовлений Китая, так и переговоров правительства Богдо-хана с представителями Внутренней Монголии о ее присоединении². Но Россия была связана тайными соглашениями с Японией (подробнее см. выше), и не оказала серьезной поддержки внутренним монголам. Им помогали халхасцы, обученные в военной школе в Нийслэл-хурэ и (неофициально) российские военные советники. Делалось это по просьбе секретного посольства тумэтов в сентябре 1912 г. о присоединении к Халхе. Для помощи тумэтам из Урги выступил отряд Сао-гуна около 300 чел. (из них 100 чахаров) и остановился у границы. План военных действий против китайцев, разработанный на заседании в присутствии Коростовца в декабре 1912 г., имел целью посылку войск в приграничные части Халхи³.

Но руководство теократической Монголии не хотело ограничиваться этим. Учитывая действия китайцев, оно решило вооруженным путем решить вопрос о воссоединении Внешней Монголии с Внутренней Монголией и Баргой. Это был единственный в новой истории случай, когда независимое государство послало свои войска для воссоединения Монголии.

В конце 1912 г. монгольское правительство решило направить восемь отрядов по 150–500 чел. на границы Халхи и дальше на другие монгольские земли: Гучен, Булун-Тохой, Шара-сумэ, Кукунор, Хух-хото, Чахар, Баргу и Шилингол⁴. Кроме того, в январе 1913 г. монгольские отряды стали собираться в Жэхэ.

24 января 1913 г. Богдо-хан утвердил указ о наступлении монгольских войск по нескольким направлениям во Внутреннюю Монголию и Баргу⁵. Общая численность монгольских войск составила 9170 чел. (по Чэнь Чунцзу) или 10 тыс. чел (по Наваннамжилу)⁶. Часть из них должны были защищать территорию самой Внешней Монголии и не могли быть направлены за ее границы.

На совещании 1 февраля 1913 г. Удай предложил направить крупный отряд на Хух-хото, другой — на Цицикар, третий в Жэхэ, поднять восстание во Внутренней Монголии. Манлай-Батор Дамдинсурэн советовал направить главный удар на Даригангу, Далай-ван и Дархан-ван высказались за создание нескольких отрядов и снабжение их русским оружием. Штабс-капитан В.Г. Габрик⁷ возражал: Мукденская провинция могла выставить против Монголии две дивизии, Гиринская — одну, Хэйлунцзянская — бригаду, формировалась монгольская кавалерия для караульной службы, поэтому мелкие монгольские отряды должны были потерпеть

¹ Tachibana, 2014, p. 80–81.

² Телеграммы об этом есть в АВПРИ, ф. КС, оп. 761, д. 234.

³ АВПРИ, ф. КС, 143, оп. 491, д. 675, л. 202–204. Вероятно, Сао-гун — это Сумья-гун.

⁴ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 7904, л. 29–29об. — в кн.: Российско-монгольское..., 2008, с. 30; Батсүрэн, 2007, с. 137–148.

⁵ Подробнее см.: МУУТА, ф. А2, д. 1, х.н. 129 — в кн.: Батсайхан, 2011б, с. 387; Богдын лүндэн..., 2002, с. 240–241; Мягмарсамбуу, 2014, с. 75.

⁶ Пунцагноров, 1950, с. 81; 1955, с. 60–61.

⁷ С 1913 г. служил по линии МИД, с 1914 г. — в консульствах в Урге и Кобдо.

поражение, равно как и при объединении всех сил в большой отряд. Габрик советовал монголам воспользоваться знанием местности и маневренностью для партизанской войны¹.

Вскоре начались военные действия. В феврале в местности Хайластайн-Булак в Дариганге отряд тайджи Сэрэтэра и мэрэна Оюта разбил китайский отряд, потерявший 20 чел. убитыми и 8 ружей. В марте произошли стычки с китайцами отрядов Навангомбо-гуна в местности Ур-Чулу Шилингольского сейма и Дзутгулта в районе Гурван-гун Уланцабского сейма. Китайцы потеряли 20 убитыми, четверых пленными и пять знамен².

Китайские купцы и колонисты стали уходить из опасных районов, некоторые монголы направились в Халху. Хошун Дзун-Сунуд Шилингольского сейма стал главной базой повстанцев. В конце мая монгольские отряды появились в районе Долон-нора, Горлоса и Джалайта³. 27–28 мая монгольские отряды вели бои с китайцами в районе Хух-хото. В них были российские военные советники: офицеры запаса М.В. Цыклауров, Л.А. Владимирский, Е.Н. Юдин, В. Куренной, переводчики Гомбоев, Гармаев и Чайванов. В монгольских отрядах в Шилингольском сейме находились А.А. Кобылин, А. Латышенко и переводчик Цыбиков. В походе во Внутреннюю Монголию участвовал отряд Хатан-Батора Максаржава. В мае монголы взяли деревни Шинды и Тхай. Авангард китайского отряда в районе д. Буты сжег храм с 16 монгольскими монахами⁴. В хошуне Барун-Урат Уланцабского сейма китайцы сожгли крупный монастырь Мэргэн-сумэ⁵.

В июне 1913 г. в Джеримском сейме борьбу с китайскими войсками вели отряды монголов под командой Бавужав-гуна, Муржав-гуна, Чимэдцэрэна, Арахуабэйсэ и Найданжав-гуна. Один сомон чахаров, перешедший с р. Боротала в Илийском крае в Халху, принял участие в походе во Внутреннюю Монголию⁶.

Российский генеральный консул в Нийслэл-хурэ А.Я. Миллер телеграфировал 2/15 июня 1913 г., что его настояния перед монгольским правительством прекратить военные действия были безрезультатны, хотя он предупреждал о возможности уничтожения китайцами окруженного монгольского отряда⁷.

30 июня/13 июля 1913 г. временный президент Китая издал декрет, где говорилось, что монгольские разбойники занимали ряд пунктов, тревожили границы, они разгромлены, удалось очистить княжескую ставку в хошуне Барун-Сунуд и другие места, более 200 человек захвачены и казнены, все это похвально. «Вместе с тем, предлагается воспользоваться одержанной победой, чтобы преследовать мятежников до окончательного их истребления»⁸.

¹ Коростовец, 2009, с. 280.

² Материалы МУУТА — в кн.: Пунцагноров, 1955, с. 62.

³ Климов, 1945, с. 87.

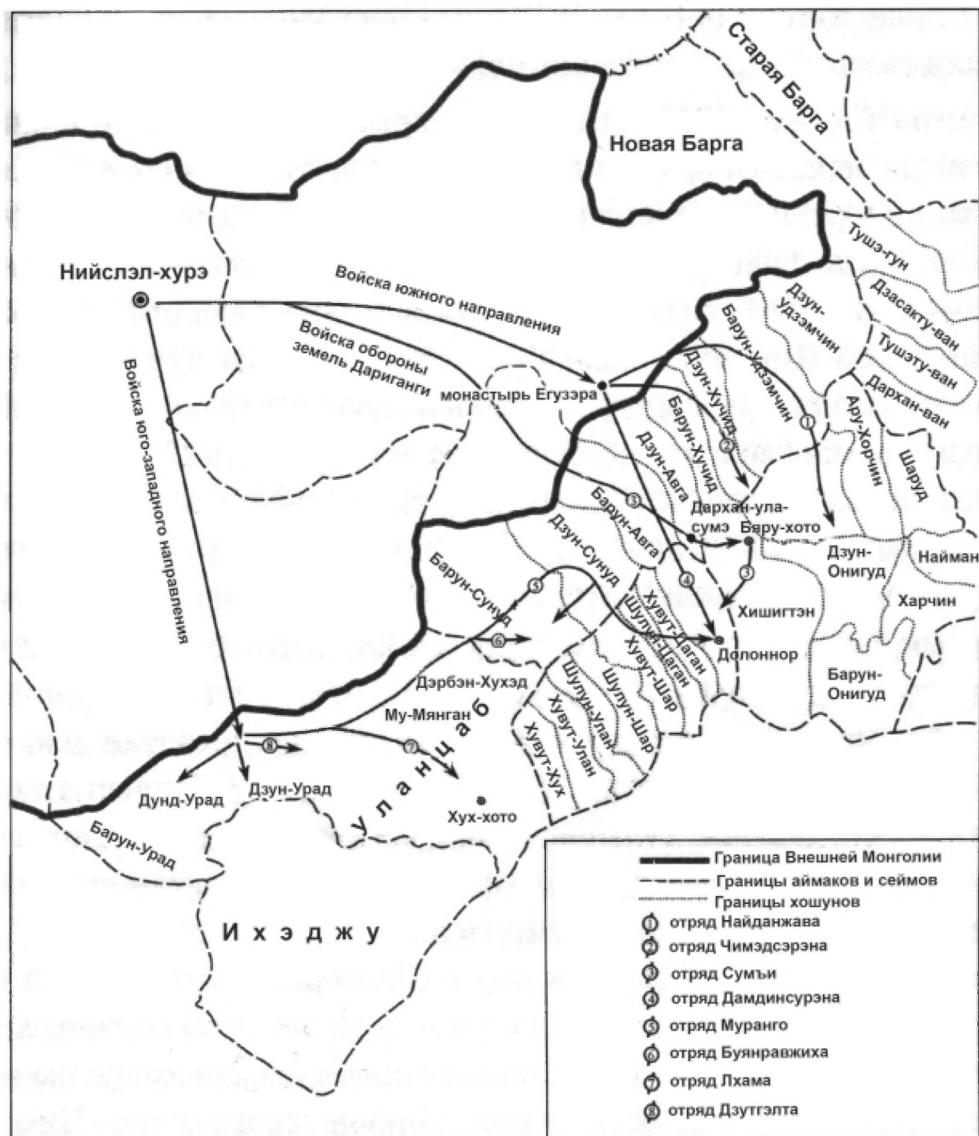
⁴ АВПРИ, ф. КС, 143, оп. 491, д. 675, л. 202–205; Чойбалсан, 1965, с. 24–25.

⁵ РГАСПИ, ф. 532, оп. 4, д. 335, л. 97.

⁶ Котвич, 1914, с. 41.

⁷ АВПРИ, ф. КС, 143, оп. 491, д. 675, л. 183.

⁸ АВПРИ, ф. 761 МП, оп. 761, д. 313, л. 84–86.

Направления действий монгольских войск по освобождению Внутренней Монголии в 1913 г. (Мягмарсамбуу, 2014, с. 75, с изменениями).

В июле 1913 г. отряд по охране Дариганги сайда Сумъя вел бои в районе Дархан-ула Шилингольского сейма. Он захватил 1 орудие, 304 снаряда, 1 пулемет, 5 тыс. патронов к нему, 101 орудие *си сан ли* и 150 тыс. патронов к нему, 421 кавалерийский меч, 203 палатки, 1074 шинели, много одежды и продуктов. Тогда же отряд Чимэдцэрэна вел бои в местности Дзун-Хучид Шилингольского сейма. На

помощь ему из Нийслэл-хурэ направили 300 солдат, из Хайлара — 500. Войска Найданжав-гуна, Сумъя и Чимэдцэрэна изгнали китайские войска из Табин-сумэ, Униет, Дзолчин-сумэ в хошуне Дзун-Барин Джоудаского сейма. Однако население направило послание сайду Егузэр-хутухте, что хошун неспособен содержать эти войска (что полагалось по новому уставу) и просит избавить его от этой повинности. Аналогичная просьба Егузэр-хутухте содержится и в письме хучидского Дзун-дзасака¹.

В районе Долон-нора монгольское наступление продолжалось и в августе, причем 31 августа 1913 г. 1300 монголов разбили китайские войска под Долон-нором. Тогда же халхасцы грабили хошуны Шилингольского сейма, а чахары уезжали вперед и грабили мирных китайцев. Прибыл Сумъя-гун и взял отряд в руки. Егузэр-хутухта не пускал в бой монголов, ожидая приказа из военного министерства².

В октябре 1913 г. в районе Хувот-Шар Шилингольского сейма произошел бой монгольского отряда Мурэна с китайским отрядом более 1 тыс. чел. Китайцы были разбиты, монголы захватили 300 винтовок, 50 тыс. патронов, 10 знамен, палатки, 50 солдат, потеряв 10 убитыми и 27 ранеными³. В ноябре монголы нанесли сильное поражение китайцам в Уланцабском сейме севернее Калгана⁴.

Несмотря на эти победы, монголы так и не смогли взять города Долон-нор и Хух-хото. Причины в том, что Внутренняя Монголия к тому времени была сильно китаизирована, китайцы там намного превосходили численностью монголов. Сказались также нехватка боеприпасов, военная отсталость, недостаточная поддержка местного населения, разброд в отрядах. Так, по словам Миллера, чахаров трудно отличить от китайцев, они кажутся более развитыми и культурными, чем их соратники-халхасцы. С последними чахары не ладят, даже ненавидят их, сражаться предпочитают отдельно. Служат чахары добровольно, могут бросить службу, когда вздумается. Халхаские солдаты крайне беспечны, но в бою бесстрашны⁵.

В связи с Российско-китайской декларацией 1913 г., как бы не зная о секретных соглашениях России и Японии о сферах влияния, Богдо-хан послал да-ламу Цэрэнчимэда с письмом к японскому императору. Об этом стало известно российской дипломатии, и да-лама не был пропущен далее Внутренней Монголии. Тогда Богдо послал второе письмо с просьбой помочь присоединить Внутреннюю Монголию, и предложил прислать в Нийслэл-хурэ диппредставителя. Взамен японцам предлагалась концессия на строительство железной дороги во Внутренней Монголии. Министр иностранных дел Ханддорж передал монгольское письмо переводчику Ц.Г. Бадмажапову, последний отдал его первому министру Сайнойон-хану, а последний, будучи в Петербурге, отдал в МИД России с просьбой

¹ Пунцагноров, 1950, с. 83–84, 1955, с. 62.

² АВПРИ, ф. МК, оп. 470, д. 78, л. 192, ф. КС, 143, оп. 491, д. 675, л. 206–207.

³ Пунцагноров, 1950, с. 85–86.

⁴ Белов, 1999, с. 97.

⁵ АВПРИ, ф. КС, 143, оп. 491, д. 675, л. 200–200об., 206–207.

передать в Японию. Министр иностранных дел России Сазонов выполнил просьбу. Отправляя монгольское письмо в Японию, он написал записку, в которой объяснял японцам, что «Российское правительство никогда не подавало надежд монголам в возможности видеть племена Внутренней Монголии подчиненными власти Хутухты»; автономия Монголии ограничивается Халхой и Кобдоским краем, в связи с соглашением 1912 г. между Россией и Японией; Россия хотела бы ознакомиться с японским ответом на письмо монголов¹.

Согласно российским, монгольскому и японским архивам, 14 января 1914 г. российский посол в Японии Н.А. Малевский-Малевич передал письмо японскому министру иностранных дел, а тот ответил: «Внешняя Монголия не имеет международных отношений с правительством (Японской) империи и, в частности, этот Кодама (упоминавшийся в письме Богдо-хана) не имеет отношения к нашему правительству»². Японцы, следуя секретному соглашению с Россией, вернули письмо монголов³.

Другое безрезультатное послание, связанное с декларацией 1913 г., написал и переслал в Россию князь Удай от имени руководителей монголов, боровшихся против китайской власти. В нем говорилось о желании Внутренней Монголии объединиться с Внешней Монголией, о разочаровании Русско-китайской декларацией 1913 г., о том что китайцы хотят привести монголов к гибели, но повстанцы решили бороться за объединение и независимость Монголии и готовы погибнуть за это⁴.

Видя отсутствие внешней поддержки и невозможность без нее воссоединить Внешнюю и Внутреннюю Монголию, Богдо-гэгэн в ноябре 1913 г. вынужден был отдать приказ об отзывании войск и прекращении военных действий, но просил китайцев не причинять «внутренним монголам никаких беспокойств и мучений»⁵. В конце 1913 – начале 1914 г. его войска ушли из Внутренней Монголии.

Результатом конфликта стала гибель там множества монголов и китайцев. Лишь за август–сентябрь 1912 г. там погибло несколько тысяч мирных жителей. Российская дипломатическая переписка содержит сведения о масштабном истреблении китайскими войсками мирного монгольского населения во Внутренней Монголии⁶.

В январе 1914 г. сайду восточной Монголии — Егузэр-хутухте из Нийслэл-хурэ пришло извещение, что в его край назначен специальный чиновник, который будет собирать рассеявшихся там солдат из Внутренней Монголии, которые не могут вернуться на родину из-за жестокостей китайцев⁷.

¹ “Нихон гайкоо буншоо”, Тайшоо (1914), тетрадь 1, № 493, с. 729–732 — в кн.: Батбаяр, 2008, с. 38–39.

² Batsaikhan, 2011b, p. 8.

³ АВПРИ, ф. КС, 143, оп. 491, д. 570, л. 2–6а.

⁴ Климов, 1945, с. 92–94.

⁵ АВПРИ, ф. МК, оп. 470, д. 78, л. 210.

⁶ АВПРИ, ф. МК, оп. 470, д. 196.

⁷ МУУТА, ф. А2, х.н. 112, тал 21 — в кн.: Монголын ард тумний..., 1982, с. 234–235.

Тем не менее, движение во Внутренней Монголии и Барге не закончилось. Весной 1914 г. двухтысячный отряд монголов уничтожил 7-й кавалерийский эскадрон китайских войск и очистил от китайской администрации хошуны Тушэту и Джасакту. В конце того же года движение распространилось на хошун Тумэт Джосотуского сейма, возникали восстания и в других районах. Китайские войска подавляли их до 1916 г.¹

После заключения Кяхтинского соглашения 1915 г. внутренние монголы, находившиеся в Халхе, попросили монгольское правительство создать для них отдельный сейм. Однако вместо этого им отвели земли у границы. Бавужав с 3 тыс. воинов остановился в местности Эрэнцав на границе Внешней Монголии с российской Даурией (у современного Соловьевска) и стал угрожать Внешней Монголии и Китаю².

Монгольское правительство предложило отрядам внутренних монголов и баргутов оставить Халху. Часть их, уходя, занялась там грабежом населения. В результате против солдат Бавужава были мобилизованы из Тушэтуханского аймака 800 солдат, из Сэцэнханского — 700, Сайннойонханского — 350, Дзасактуханского — 150. Всего в Сэцэнханский аймак прибыли 3 тыс. мобилизованных, которых должны были содержать местные жители. Это вызвало их недовольство. Председатель сейма написал в МВД, что у аймака нет на это средств³.

Бавужав решил создать собственное княжество из Шилингольского сейма. В октябре 1915 г., после поражения от китайских войск под командой Ми Чэнбао, с отрядом в 300 чел. он бежал в Халху и скрылся в монастыре Егузэр-хутухты. Правительство Богдо-хана заявило сановнику Чэнь Лу, что это внутреннее дело Монголии, но тот потребовал рейда китайских солдат. Последние вошли во Внешнюю Монголию и стали обстреливать монастырь. Бавужав бежал, Егузэр-хутухта вынужден был сдать. Китайцы арестовали его, расстреляли несколько лам из его окружения, разгромили ставку и ушли на юг, грабя мирное население⁴. Монгольское правительство направило Китаю протест, поддержанный Россией. Егузэр-хутухта был освобожден и вернулся в Халху вместе с миссией Сэцэн-хана Наваннэрэна в Пекин⁵.

В июне 1916 г. Бавужав поднял восстание в пользу реставрации маньчжурской династии, под эгидой которой хотел объединить Внутреннюю Монголию и Маньчжурию. В октябре того же года он погиб. Однако его заместитель Сэбжингэ, двигаясь на север, в 1917 г. занял Хайлар⁶.

Это было последнее крупное восстание внутренних монголов за монархию. Новый шанс на возвращение маньчжурской династии появился летом 1917 г., когда генерал Чжан Сюнь поддержал стремление последнего маньчжурского

¹ Дылыков, 1953, с. 28–29.

² Тачибана, 2011, с. 345–373; Наками, 2000, с. 125.

³ Пунцагноров, 1955, с. 129–130.

⁴ “Вестник Азии”, кн. 1, 1916, с. 128–129; Сандаг, 1958, с. 223.

⁵ Одбаяр, 2012, с. 32–36.

⁶ Батсайхан, 2011б, с. 461–462; Atwood, 2002, p. 124.

императора Пу И вернуться на трон. Реставрацию поддержали все монгольские аристократы в Пекине, кроме Гунсэnnорова¹. Через несколько недель другие китайские генералы, заботясь о своей власти, предотвратили реставрацию.

В 1918 г. харчины Бавужава и Шадарбала бежали из Мукдена и направились к месту своей прежней стоянки в Халхе². Найданжав-гун в 1921 г. примкнул к барону Унгерну. После поражения барона он ушел во Внутреннюю Монголию.

Что касается Удая, то после Кяхтинского соглашения он получил амнистию, вернулся на родину, по протекции Гунсэnnорова был принят Юань Шикаем, успешно ходатайствовал об оплате своих долгов иностранцам, стал депутатом Народного собрания Китая от Джеримского сейма, обязался сдавать и продавать землю своего хошуна китайцам, не общаться с иностранцами³. Он умер в 1920 г. в возрасте 61 года⁴.

Как говорилось выше, Барга вошла в подданство Богдо-гэгэна VIII в 1912 г. После подписания Российско-китайской декларации 1913 г., в начале января 1914 г. съезд руководства Барги обсудил сложившееся положение. В феврале баргинская делегация посетила Нийслэл-хурэ. По сведениям российского консула в Цицикаре Афанасьева, Богдо-гэгэн посоветовал баргутам самим отстаивать свою независимость или присоединиться к Китаю. Баргуты обратились к России. В результате 6 ноября 1915 г. — через полгода после Кяхтинского — было заключено Российско-китайское соглашение о Барге⁵. Последняя обозначалась как особая область, прямо подчиненная правительству Китая. Но в случае необходимости баргинские власти могли сноситься с властями провинции Хэйлуцзян, в ведение которой переходили. Президент Китая назначал фудутуна Барги с правами губернатора из пяти высших баргинских ухэрид. В мирное время военные надобности Барги обеспечивала только местная милиция. Китайцы могли брать землю только во временную аренду и без ущерба местным скотоводам. Так Барга стала отделенной от Халхи автономией Китая, которая подверглась китаизации⁶.

Продолжающаяся китайская колонизация, карательные экспедиции против повстанцев, рост числа хунхузов во Внутренней Монголии вели к росту насилия китайцев и монголов друг против друга. Это создало «традицию» бандитизма вдоль всей границы Внутренней Монголии — всплески радикализма, направленного против феодалов, богачей, провинциального правительства, создание личных армий князьями⁷.

Кроме того, это способствовало упадку веры, разобщению монголов в данном районе, дальнейшей китаизации. Все это ухудшало возможности воссоединения Внутренней и Внешней Монголии.

¹ Jagchid, 1999, p. 16.

² АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1565, л. 292.

³ Климов, 1945, с. 97.

⁴ Подробнее о жизни и деятельности Удая см.: Белов, 1996г, с. 39–44.

⁵ Единархова, Николаева, 2001, с. 46–51.

⁶ Баранов, 1925, с. 26.

⁷ Lattimore, 1955, p. 26.

Например, в 1920-х гг. в большинстве монастырей Хух-хото ламы занимались в основном предпринимательством, китайцы занимали монастырские дома и улицы для торговли, паломников почти не было, в худоне половина монастырей была покинута, разрушалась или была занята китайскими торговцами. Буддийская церковь еще сохраняла силу в Алашани, Шилинголе, на севере Уланцаба, но в Джоуда, Ордосе, Чахаре, на востоке Барги она потеряла прежнее влияние, экономическая мощь монастырей была подорвана¹.

5.3. Оккупация Внешней Монголии Сюй Шучжэном

Неудачи на фронтах Первой мировой войны, Февральская и Октябрьская революции 1917 г. и Гражданская война ослабили Россию. Монголы понимали это. «К началу Февральской революции русское влияние в Монголии оказалось очень незначительным. Китайцы же полностью восстановили свои прежние позиции»². Высшие ламы и министры негативно встретили Февральскую революцию: они выражали недоумение по поводу свержения монархии и говорили «о небесной каре, которая неминуемо обрушится на Россию»³.

Китайских республиканцев никогда не покидала идея «возвращения утраченных территорий Китая». И вот 20 июня 1917 г. премьер-министр Дуань Цижуй направил предписание в Комитет по делам Монголии и Тибета, что следует упразднить монгольскую автономию в связи с ослаблением России⁴. Правительство включило в состав избирательных районов в китайский парламент Халху, дав ей 10 мест⁵.

В пекинском правительстве к 1918 г. преобладали члены аньхойской «клики», которую возглавлял Дуань Цижуй. 7 марта 1918 г. они создали свой клуб на улице Аньфу в Пекине, давший основу одноименной партии. Эта партия инициировала выборы и получила 3/4 голосов в национальное собрание Китая. Получив контроль над парламентом, Дуань 4 сентября 1918 г. выдвинул президентом Китая аньфуиста Сюй Шичана. Последний занял этот пост 10 октября. Большие полномочия получил его брат — генерал Сюй Шучжэн, один из создателей клуба Аньфу⁶.

В марте 1918 г. вышел декрет президента, которым Внешняя Монголия и Урянхай объявлялись китайскими провинциями. Чэнь И стал добиваться ввода туда китайских войск. В апреле 1918 г. на протест А.А. Орлова, диппредставителя еще с царского времени, сановник дал ответ, сохраняющий актуальность и в наше время: «Соблюдение договоров обязательно в мирное время, в смутное же можно и ограничить объем их действия». Он также отметил, что Тройственное соглашение касается внутренних порядков в Монголии, а ввод китайских войск туда тре-

¹ РГАСПИ, ф. 532, оп. 4, д. 335, л. 98об.

² Бурдуков, 1969, с. 148.

³ АВПРИ, ф. КС, д. 569, л. 31 — цит. по: Белов, 1999, с. 148.

⁴ Лузянин, 2003, с. 75.

⁵ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 4185, л. 166.

⁶ Его биографию см.: Who is who in China...

буется для защиты китайской территории от внешней опасности¹.

Вопрос о «защите китайской территории» встал потому, что в Монголию проникали отряды из Сибири, охваченной Гражданской войной. В ответ, по настоянию китайских сановников в Монголии, ее правительство распорядилось мобилизовать солдат на западе, усилить охрану границы с Россией².

26 мая 1918 г. монгольское правительство согласилось на ввод в Нийслэл-хурэ одного батальона китайских войск. Поводом было проникновение белых отрядов и их временное пребывание в столичном районе. В августе 1918 г. Чэнь И прислал в МИД Монголии чиновника — харчина Самбу, который сообщил, что, согласно майским договоренностям, китайские войска в 600–700 чел. прибыли в Дзамын-Удэ. МИД ответил, что во вводе войск уже нет необходимости, т.к. больше нет опасности от русской «партии смуты». Чэнь И ответил, что «китайское правительство ввиду своих обязательств к союзникам о помощи чехословацким войскам считает необходимым направить войска во Внешнюю Монголию для гарантии ее от непредвиденных событий»³. Имелись в виду иностранные союзники белых и чехословацкий корпус в Сибири, выступивший против советской власти.

Батальон продолжил движение и в августе вошел в Нийслэл-хурэ. Это нарушало Кяхтинское соглашение. Орлов выразил протест и направил ноту монгольскому правительству. Оно ответило, что это временная мера, китайские войска скоро покинут Халху⁴.

А.А. Орлов сообщал, что князя и некоторые министры стали стремиться к отмене автономии, т.к. искали у китайцев личной и имущественной безопасности⁵. Начальник главного управления МВД Б. Цэрэндорж⁶ вступил в переговоры с Чэнь И втайне от Богдо-хана и лам — членов правительства⁷.

Премьер-министр Бадамдорж тоже вступил в переговоры. В результате Чэнь И составил документ из 50 пунктов «Об уважении Внешней Монголии правительством Китая и улучшении ее положения в будущем после самоликвидации

Чэнь И.

¹ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1565, л. 319.

² Пунцагноров, 1950, с. 227–228.

³ МУУТА, ф. 1, д. 36, х.н. 80 — цит. по: Пунцагноров, 1950, с. 235.

⁴ МУУТА, ф. 5, д. 30, х.н. 131 — в кн.: Сандаг, 1958, с. 268.

⁵ АВПРИ, ф. МП, д. 324, л. 169 — в кн.: Белов, 1999, с. 180.

⁶ Б. Цэрэндорж был наполювину китаец. Он был втайне предан Китаю (Diluv Khutagt — in: Lattimore, Isono, 1982, p. 89).

⁷ Ургинский, 1921, с. 174–175.

автономии». Этот документ вскоре был заменен на аналогичный из 64 пунктов и переведен с китайского на монгольский. Предлагались замена монгольского правительства китайскими наместниками, размещение китайских гарнизонов, сохранение чинов и титулов феодалов, титула Богдо-хана и т.д. Богдо-гэгэн, узнав о переговорах и документе, потребовал разъяснений и проведения консультаций. Верхняя и Нижняя палаты обсудили этот документ, но не смогли принять решения. Джебцзундамба обвинил Чэнь И и некоторых членов правительства в заговоре против автономии. Он отправил Гомбо-гуна к президенту Китая с письмом о сохранении автономии, но президент его не принял¹. По мемуарам Дилова-хутухты Джамсранжава, Богдо-гэгэн в переписке с палатами указывал, что не хочет быть великим ханом только по названию, что не следует присоединяться к Китаю и писать об этом китайскому президенту².

Пекинское правительство было хорошо информировано о переговорах в Нийслэл-хурэ, о планах, численности и дислокации панмонголистов (о них см. гл. 6), имело списки их руководителей. В архиве МИД бэйянского правительства Китая содержится объемная переписка китайских чиновников по этим вопросам. В ней говорится, что панмонгольское движение — угроза Китаю, его поддерживает атаман Г.М. Семенов — это нарушение Кяхтинского соглашения, войска Семенова направлены на Кяхту, в контакте с бюро пограничных дел надо посылать подкрепления, выделять на это средства, думать о вводе китайских войск во Внешнюю Монголию³.

Пекинская газета «Чэнь бао» 12.06.1919 опубликовала статью «Опасность положения Внешней Монголии». В ней был текст телеграммы Чэнь И китайскому президенту: окружение Семенова обсуждает вопрос о походе на Внешнюю Монголию, монгольские войска на границе с Россией вошли в тайные сношения с бурятами. Уже 13 и 24 июня 1919 г. последовали президентские декреты, которыми Сюй Шучжэн назначался комиссаром-умиротворителем и главнокомандующим обороной Северо-западного края⁴. Это назначение стало результатом заключенного в 1918 г. Сюем в Японии 30-миллионного займа на формирование так называемой «дивизии национальной обороны»⁵. При его управлении были образованы департаменты военный, финансов и общих дел. Во главе первого был поставлен полковник Ван, второго — Чжоу, третьим ведал Ван Иньтай под руководством самого Сюя⁶.

Теперь комиссару-умиротворителю на правах помощника подчинялся Чэнь И в Нийслэл-хурэ и его помощники в кяхтинском Маймачене, Улясутае и Кобдо.

¹ Батсайхан, 2011б, с. 488–489.

² Diluv Khutagt — in: Lattimore, Isono, 1982, p. 87–88.

³ ИМНАС, folders 03-32-194-01, 03-32-196-01.

⁴ РГВА, ф. 39515, оп. 1, д. 134, л. 19. В переписке между правительством Богдо-хана и Сюй Шучжэном за ноябрь – декабрь 1919 г. монголы называли последнего “начальник, ответственный за дела Северо-западного края Срединного государства в Хурэ” — по оттиску его печати (Монхбаяр, 2012, с. 103).

⁵ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1548, л. 225–227.

⁶ Голубев, 1926, p. 33.

Сюй предложил начать усиленное освоение природных ресурсов китайской армией, проложить железную дорогу из Калгана в Кяхту, наладить светское образование в Монголии, развивать банковское дело и т.п.¹

В такой обстановке в Нийслэл-хурэ собрался съезд лам и нойонов, который заключил, что преждевременно присоединяться к бурятам, баргутам и чахарам (т.е. панмонголистам) для создания Великого Монгольского государства, нет необходимости ввода китайских войск во Внешнюю Монголию, при надобности будет проведена мобилизация в аймаках Халхи².

Государственный хурал Монголии в июле 1919 г. обсуждал вопрос о монгольской автономии и заключил, что Монголия — независимая страна. Позже все документы на эту тему были утрачены. Но сохранилось много заявлений членов Верхней палаты с просьбой об освобождении от участия в заседаниях по болезни, старости и т.п. в 1919 г., особенно за август³. Вероятно, они не хотели участвовать в обсуждении отмены автономии.

18 июля 1919 г. на улицах Нийслэл-хурэ была расклеена прокламация, где говорилось, что прибыло много китайских солдат, придут еще, китайцы чувствуют себя хозяевами, их войска решили уничтожить религию и государство, пусть Япония победит китайцев, в Халхе нет солдат наготове, нужно улучшить состояние армии, честно служить Богдо-гэгэну, если все объединятся то «не должен нас победить иноверный Гамин»⁴.

Прокламации против «китайского засилья и китайского желания подчинить себе Монголию», с призывами «оберегать монгольскую независимость и свою национальность» появлялись на стенах в Урге несколько раз летом и осенью 1919 г. Китайцы их срывали. Представитель российской левой управы И.А. Сороковиков предполагал, что их расклеивали ламы. Планы отмены автономии были известны лишь 16 правящим князьям и проводились скрытно от монголов и китайцев в Урге. Народ узнал об этом гораздо позже — уже когда китайские солдаты заняли монгольские министерства и стали преследовать монголов⁵.

25 июля 1919 г. Совнарком РСФСР в обращении к китайскому народу и его правительству объявил об отказе от всех тайных договоров с Японией, Китаем и бывшими союзниками, «которыми царское правительство вместе с его Союзниками насилием и подкупом закабалило народы Востока и, главным образом китайский народ», а также от «завоеваний, которые сделало царское правительство, отобрав от Китая Маньчжурию и другие области. Пусть народы, обитающие в этих областях, сами решат, в границах какого государства они желают быть и какой образ правления они желают установить у себя дома». Было заявлено, что царский посланник в Пекине и царские консулы в Китае не представляют Россию: эти «царские рабы давно уже лишены своих полномочий, но продолжают

¹ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1548, л. 225–227.

² Майский, 1921, с. 265.

³ Монгол улсын дээд..., 2005б, с. 24–132, 47–284.

⁴ Полный перевод: Майский, 1921, с. 263–265.

⁵ АВПРФ, ф. РМ, оп. 2, пор. № 12, папка 101а, л. 171.

оставаться на своих местах и обманывать китайский народ при поддержке Японии и Союзников»¹.

На следующий день Народный комиссариат иностранных дел (НКВД) РСФСР заявил в обращении к монгольскому народу: «Рабоче-крестьянское правительство уничтожило все тайные договоры с Японией и Китаем, которыми царское правительство в свое время, под видом автономии Монголии, отняло Монголию у Китая только для того, чтобы разделить ее между собою и Японией <...> Русский народ отказался от всех договоров с японским и китайским правительством относительно Монголии. Монголия есть свободная страна. Русские советники, царские консулы... должны быть выгнаны из Монголии. Вся власть и суд в стране должны принадлежать монгольскому народу. <...> В отмену соглашения 1915 г. Монголия, как независимая страна, имеет право сноситься со всеми другими народами без всякой опеки со стороны Пекина или Петрограда»².

Формально это означало признание права монголов на самоопределение. Но оно сопровождалось дезавуированием всех действий дореволюционных российских представителей, не утвержденных советским правительством, и отказом от Кяхтинского соглашения 1915 г., которым запрещались китайское военное вмешательство и колонизация Внешней Монголии.

В начале сентября в Нийслэл-хурэ через Гоби стали пребывать войска Сюй Шучжэна эшелонами по 300–500 чел., с артиллерией³. Это были части 3-й пехотной дивизии. Уже сентябре в Урге было 2800 китайских солдат, которых разместили в Худжир-Буланских казармах⁴.

В сентябре 1919 г. Богдо-гэгэн отправил в Пекин тайную миссию во главе с Джалханцза-хутухтой. Президент пообещал не отменять автономию⁵. Тогда же генерал-губернатор трех провинций Северо-востока Чжан Цзолинь получил телеграмму Чэнь И, что два отдельных отряда Семенова продвигаются к Восточной Монголии, поэтому он просит принять военные меры⁶. 27 сентября 1919 г. Чэнь И отправил китайскому правительству две телеграммы, где требовал прислать две бригады для занятия стратегических пунктов во Внешней Монголии, а также увеличить конвой китайским сановникам в Кобдо, Урге и кяхтинском Маймачене вдвое — до 100 солдат каждому⁷.

30 сентября 1919 г. Чэнь И отправил с курьером в Пекин свои «64 пункта». По информации Орлова, к октябрю 1919 г. уже большая часть князей выступала за отмену автономии. А китайские войска продолжали прибывать. К концу октября в Нийслэл-хурэ уже была китайская смешанная бригада войск охраны Северо-западного края численностью свыше 4 тыс. чел. Прибыл и сам Сюй Шучжэн с отрядом и штатом чиновников. Он посетил монгольских министров, раздал им по-

¹ Документы внешней..., 1958.

² АВПРФ, ф. 111, оп. 2, п. 102, д. 25, л. 6 — цит. по: Российско-монгольское..., 2008, с. 22.

³ Ургинский, 1921, с. 175.

⁴ РГВА, ф. 39515, оп. 1, д. 134., л. 8–8об.

⁵ Батсайхан, 2011б, с. 488–489.

⁶ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1579, л. 36об.

⁷ Монхбаяр, 2012, с. 100.

дарки, устроил парад своих войск. Позже их численность во Внешней Монголии достигла 15 тыс.¹

Сюй счел слишком дорогостоящим документ, выработанный при Чэнь И. Взамен он предложил Богдо-хану собственный план реформ из восьми пунктов, означавший вхождение Монголии в Китай. Джебцундамба долго отказывался принимать генерала. Но затем принял, выслушал соображения о необходимости отмены автономии и выразил изумление. По его мнению, истек слишком малый срок, чтобы судить, пригодна ли для страны система, установленная Кяхтинским соглашением².

После настояний Сюя, Джебцундамба все-таки согласился поставить вопрос на обсуждение Государственного хурала. Верхняя палата решила подчиниться Китаю, Нижняя отказалась. По воспоминаниям одного из основателей МНП Д. Догсома, большинство членов Нижней палаты считало, что подданство Китаю не даст ничего положительного, принесет страдания, погубит национальное дело; пока есть войска и оружие, надо отстаивать автономию. Верхняя палата вторично прислала делегацию, которая заявила, что сопротивляться Китаю бесполезно, а при выполнении его требований наступит благоденствие. Ответ вновь был отрицательным. Верхняя палата отказалась принять его³.

За отмену автономии высказались представители Сэцэнханского аймака и части Тушэтуханского (где была столица), Дзасактуханский аймак ответил уклончиво, Сайннойонханский и духовенство — отрицательно. Выждав несколько дней, Сюй окружил солдатами дворец Богдо-гэгэна и предъявил ультиматум: если до вечера следующего дня он не получит петиции с просьбой о принятии Внешней Монголии в подданство на общих с другими китайскими гражданами основаниях, то Богдо-гэгэн и премьер министр будут немедленно вывезены на автомобилях в Китай⁴.

Испугавшись такой перспективы, члены правительства 17 ноября 1919 г. подписали заранее подготовленную китайцами «Коллективную петицию правительства, князей и лам Внешней Монголии». В ней говорилось, что маньчжурская династия допускала злоупотребления в Монголии, чем воспользовались ино-

Сюй Шучжэн

¹ Белов, 1999, с. 182; Монхбаяр, 2012, с. 100.

² Ургинский, 1921, с. 176–177.

³ Калинин, 1928, с. 68–69.

⁴ Ургинский, 1921, с. 177–178.

странцы, подстрекавшие монголов к независимости, по соглашениям сюзеренные права Китая стали чисто номинальными, теперь Россия утратила возможность сохранять соглашения, буряты, решив создать общемонгольское государство, создали угрозу Внешней Монголии, а белые насильственно завладели Урянхаем; в связи с этой опасностью монгольское правительство созывало князей и лам, которые все выразили желание отменить автономию и вернуться к старым законоположениям маньчжурской династии. Отмечалось затруднительное финансовое положение и отсутствие благотворительных результатов от автономного строя. Объявлялось об отказе от Кяхтинского соглашения¹.

Петицию подписали и заверили печатями: премьер-министр и министр внутренних дел да-лама Бадамдорж, заместители премьер-министра Дархан-ван Пунцагцэрэн и Бэлэгт-да-лама Пунцагдорж, министр иностранных дел гун Б. Цэрэндорж, военный министр Илдэн-ван Джамьяндорж, министр финансов да-лама Лувсанбалдан, министр юстиции Сэцэн-хан Наваннэрэн².

Эту подписанную петицию направили Богдо-хану, но он отказался ее заверить и приложить печать³. Вечером 17 ноября 1919 г. петицию, так и не утвержденную главой государства, передали Сюй Шучжэну, и 22 ноября доставили в Пекин. В тот же день президент Китая издал указ с полным текстом этой петиции, и утверждением всех ее положений⁴. Вскоре последовали декреты президента об аннулировании Кяхтинского соглашения и предшествовавших ему русско-китайских нот об автономии Монголии, а также поручение Сюй Шучжэну ввести временный порядок управления Внешней Монголией⁵. 2 декабря 1919 г. Сюй уехал в Пекин⁶.

Манлай-Батор Дамдинсурэн направил Богдо-хану записку, в которой писал: «Нельзя присоединяться к Китаю. Я ожидаю санкцию на оборону для недопущения ни китайцев, ни красных русских». Чиновники скрыли эту записку от монарха⁷.

Так сторонники отмены автономии старались изолировать монарха от тех, кто готов был бороться за независимость Монголии. По слухам, князья получили за отказ от автономии 900 тыс. долл.⁸ Члены правительства — нойоны и ламы, получив награду от китайцев, сдали дела пяти министерств. 4 января 1920 г. китайское министерство по делам Северо-западного края приняло эти дела⁹.

Как недостаточно энергичный сановник, Чэнь И был отозван в Пекин и назначен цзяньцзюнем с эпитетом «Юйвэй»¹⁰, а Сюя встречали как национального

¹ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1548, л. 282–283; ТХА, ф. 22, Түүхэн баримтууд, тал 256–258.

² ТХА, ф. 22, Түүхэн баримтууд, тал 258; Сандаг, 1958, прилож. 6.

³ Лонжид, 2005, с. 56; Батсайхан, 2011б, с. 490.

⁴ Белов, 1999, с. 187.

⁵ Ургинский, 1921, с. 178–179.

⁶ Монхбаяр, 2012, с. 102.

⁷ Хишигт, 2011б, с. 113.

⁸ АВПРФ, ф. РМ, оп. 2, пор. № 12, папка 101а, л. 171.

⁹ Монхбаяр, 2012, с. 102.

¹⁰ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1548, л. 292.

героя. Президентским декретом от 14 января 1920 г. он был назначен главным директором планируемой Калган — Кяхтинской железной дороги и разработал штатное расписание работ по ее созданию¹.

Вслед за Внешней Монголией, в январе 1920 г. китайцы упразднили автономию Барги — теми же методами по «ходатайству» самой Барги. Президентским декретом от 28 января 1920 г. было признано необходимым немедленно удовлетворить это «ходатайство»².

Сюй Шучжэн вернулся в Нийслэл-хурэ в начале февраля 1920 г. Здесь он старался вникать «во всякую мелочь монгольской администрации». Его главным советником стал бывший министр иностранных дел Монголии Б. Цэрэндорж³. Сюй забрал печати пяти министерств, опечатал их ворота, документацию и т.д., выставлял китайский караул, а монгольских солдат распустил, кроме 60 чел., которые охраняли дворец Богдо-гэгэна⁴.

При принятии Сюем дел министерства финансов ему были переданы наличными всего 5 лан серебра и 90 тыс. р. российскими кредитными билетами. Выяснилось, что задолженность монгольского правительства на момент его ликвидации составляла: бывшему Дайцинскому банку — 300 тыс. лан серебра, Китайскому банку — 54 тыс. долл., Русскому банку — 3 млн. 800 тыс. руб. Это при общей сумме годового дохода 700–900 тыс. лан⁵.

Эти данные свидетельствуют о печальном состоянии финансов Монголии ко времени потери автономии. Зато Сюю достался неплохой арсенал, полученный монголами от царской России: винтовки — 5776 и к ним 874363 патрона, берданы — 2456 и 714749 патронов, другие ружья — 750 и 715486 патронов, тяжелая полевая пушка — 1 и 525 снарядов, легкие пушки — 7 и 4886 снарядов, пулеметы — 10 и 10 ящиков лент, маузеры — 9 и 35323 патрона, шашки — 2608, сабли — 400⁶.

19 февраля 1920 г. Сюй Шучжэн организовал унижительную церемонию, заставив Богдо-хана и монгольских сановников трижды поклониться портрету своего брата — президента Сюй Шичана. Богдо-гэгэн был лишен титула «хан Внешней Монголии», вместо которого получил титул «Покровитель добра». 30 марта 1920 г. в Монголии были объявлены восемь пунктов Сюй Шучжэна, принятые вместо 64 пунктов Чэнь И⁷.

Представители белых в Китае пытались препятствовать аннексии Монголии. Управляющий колчаковским МИД И.И. Сукин писал, что Россия никогда не примирится с нарушением Китаем его договорных обязательств. Глава российской миссии в Пекине князь Н.А. Кудашев 24 ноября 1919 г. направил протест в МИД

¹ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1548, л. 310–312.

² АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1548, л. 301–302.

³ Першин, 1999, с. 91.

⁴ Монхбаяр, 2012, с. 102.

⁵ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1548, л. 310–312.

⁶ Пунцагноров, 1955, с. 203–204.

⁷ Пунцагноров, 1955, с. 201; Бадарчи, Дугарсүрэн, 2000, с. 151; Коростовец, 2004, с. 424; Монхбаяр, 2012, с. 103.

Китая, но он был отклонен под тем предлогом, что автономия отменена по просьбе самих монголов¹. Переговоры Кудашева с английским и французским посланниками в Пекине, и затем Сазонова (представлявшего правительства А.И. Деникина и А.В. Колчака) с представителями США, Англии и Франции на Парижской мирной конференции были безрезультатны. После заключения Версальского мирного договора 28 июня 1919 г. в среде китайского руководства одержало верх мнение в пользу вступления в переговоры с РСФСР (по примеру Англии) для отмены старых российско-китайских договоров². Сыграло роль и упомянутое выше обращение Совнаркома РСФСР от 25 июля 1919 г.

Теперь китайское правительство стало больше прислушиваться к советским посланцам и западным советникам, сочувствовавшим сближению с РСФСР: французу Паду, американцу Фергюсону, англичанину Л. Симпсону (П. Вилу)³. В итоге управляющий МИД Китая дал понять Кудашеву, что их отношения носят скорее неофициальный характер. Посланец Дальневосточной республики (ДВР) И.Л. Дзевалтовский (Юрин) начал переговоры о «возобновлении отношений», прежде всего, торговых⁴. В результате 23 сентября 1920 г. был опубликован декрет президента Китая о прекращении признания российского посланника в Пекине Кудашева и подведомственных ему консулов как официальных представителей в Китае. 1 января 1921 г. российская миссия в Пекине во главе с Кудашевым была закрыта⁵.

Так исчезла последняя международная поддержка монгольской автономии. Страна осталась один на один с Китайской республикой.

Тем временем в крупных городах Внешней Монголии расставлялись китайские гарнизоны, рассылались чиновники. Китайцы выбивали из населения не только аннулированные старые долги, но и огромные проценты, набежавшие за годы автономии. Например, задолженность одного хошуна в 3–4 тыс. чел. составила 100–150 тыс. золотых рублей, под 30–40% годовых⁶. Население обязали снабжать китайские войска продовольствием, скотом и т.д. В Монголии их называли гаминами (от китайского «гэмин» — «революция»). По донесению капитана В. Юнтера, китайцы не использовали пропаганду и не старались завоевать доверие монголов — они применяли силу оружия к населению, а высших сановников старались задарить или подкупить, русских дискредитировать, курс рубля искусственно снизить⁷.

Для борьбы с оккупантами возникли подпольные монгольские кружки (см. ниже). Неудивительно, что монголы более других не любили и не уважали китайцев. И.М. Майский в деталях описал свои впечатления, что «гнилое, внутренне разлагающееся чувствуется в физическом и духовном облике десятков

¹ Белов, 1999, с. 183–188.

² АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 243, л. 251–273.

³ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 243, л. л. 251–273.

⁴ Напр., Боец и пахарь, № 39, 27.01.1921.

⁵ АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 243, л. 228, 246–249.

⁶ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 35, л. 18.

⁷ РГВА, ф. 39515, оп. 1, д. 134, л. 9об.

тысяч здешних выходцев из Срединного Царства»¹. Сходное мнение еще раньше высказывали П.К. Козлов и Н.М. Пржевальский: «Китайцы очень скверные люди, в особенности они гадки, когда чувствуют свое превосходство в грубой силе»².

В конце января 1920 г. Сюй Шучжэн уехал из Нийслэл-хурэ и оставил своим заместителем бывшего помощника резидента в кяхтинском Маймачене Ли Юаня, за которым, однако, наблюдал полковник Ван³. Ли Юань не мог взять на себя ответственность, и все крупные дела откладывал до возвращения Сюя.

14 февраля 1920 г. Сюй Шучжэн явился в Пекин и представил президенту доклад о проделанной работе. Он получил от правительства концессию на разработку горных богатств Внешней Монголии на 30 лет⁴. В мае 1920 г. он вновь прибыл в Нийслэл-хурэ и приступил к составлению постоянного положения об управлении страной и плана разработки ее природных богатств. По этому плану, бывшие пять министерств должны были быть заменены новыми управлениями: по общим делам, экономическое, торговое, ургонское, скотоводства и земледелия, лесов и рудников, церемоний и школ, военное. Но на первых порах были организованы лишь три: по общим делам (куда передавались функции прежних МВД, МИД и Минюста), военное и экономики. Они составили «Главное управление по упорядочению Северо-западного края Китая» во главе с Сюй Шучжэном. Вместо Китайского банка, открытого годом ранее в Нийслэл-хурэ, Сюй Шучжэн открыл там отделение Пограничного банка с правом эмиссии⁵.

Чтобы утвердить свой план, Сюй собрал князей. Но собрание план не одобрило. Сюй назначил второе, но князья не приехали. Вскоре Сюй опять уехал в Пекин. Власть в Монголии перешла к правителю его канцелярии Ван Иньтаю. Но, поскольку тот был слишком близок к Сюю и был штатским, военные избрали правителем бригадного генерала Чу Лицзяна. Тот заявил, что он в гражданских делах ничего не понимает. Гражданской частью стал ведать Ван Иньтай.

Власть командиров над китайскими частями в Нийслэл-хурэ слабела: содержать многотысячное войско в малонаселенной бедной стране трудно, а командование задерживало жалование месяцами. Среди солдат ургинского и маймаченского гарнизонов отмечались попытки восстаний, которые гасили благодаря займу из Японии⁶.

Монголы пытались тайно получить помощь от держав. Богдо-хан отправил в Японию Гуррагча-гуна просить помощи, но японцы не пропустили его дальше р. Хар. В апреле 1920 г. американский консул Эберхард из Тяньцзина прибыл в Нийслэл-хурэ с Ларсоном. Он встретился с несколькими нойонами, которые собирались в Пекин. Джалханцза-хутухта принес ему в гостиницу документ с печат-

¹ Майский, 1921, с. 82–84.

² Козлов, 2003, с. 139.

³ Ургинский, 1921, с. 186.

⁴ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1548, л. 310–312; Ургинский, 1921, с. 187.

⁵ Пунцагноров, 1950, с. 284–285.

⁶ Дайнес, Краснов, 1987, с. 140.

тью Богдо-гэгэна VIII: монгольские аристократы просили помощи у США в борьбе против китайской оккупации¹.

В середине 1920 г. из Халхи направилась делегация к президенту Китая, которая уже давно планировалась для поздравлений ему. В ней были два высших ламы: Джалханца-хутухта и Дилова-хутухта, а также феодалы и ламы Пунцаг-цэрэн, да-лама Пунцагдорж, Сэцэн-хан Наваннэрэн, чин-ван Джамьяндорж, Джонон-ван Ширнэндамдин². В послании сообщалось о деморализации китайских солдат в Хурэ и содержалось требование об их выводе из Халхи. Среди делегатов возник спор: передавать письмо президенту или в Комиссию по делам Монголии и Тибета. В результате его передали председателю этой комиссии Гунсэньрову. Комиссия послала в Хурэ с исключительными полномочиями харчина Самбу (китайское имя — Бао Вэйхань), бывшего переводчика при Чэнь И³. Кроме того, ламы и нойоны пытались наладить в Пекине связи с английскими, японскими и американскими представителями в надежде получить помощь⁴. Осенью делегация вернулась в Халху, не достигнув главной цели.

Между тем, в Китае происходили знаменательные события. В июне 1920 г. произошел конфликт между группировкой Аньфу (генералы Сюй Шучжэн, Дуань Цижуй) и Чжилийской фракцией бэйянских милитаристов (генералы Цао Кунь и У Пэйфу), затем в него вмешался Чжан Цзолин. Борьба завершилась полным разгромом Сюй Шучжэна, его отстранением от всех должностей, а после окончательного поражения Аньфу президентским декретом 28 июля 1920 г. было упразднено управление северо-западных войск, на военное министерство Китая была возложена обязанность как можно скорее собрать их и расформировать.⁵ В Нийслэл-хурэ прибыл новый начальник китайского гарнизона — генерал Го Сунлин, а Ван Иньтай скоро уехал.

15 августа временно исполняющим обязанности комиссара-умиротворителя правительство назначило Чэнь И. В тот же день был издан декрет, предписывавший китайским чиновникам в Монголии воздерживаться от злоупотреблений, подавления религии и т.д. Чэнь И стал высшим китайским сановником во Внешней Монголии⁶. В сентябре–октябре 1920 г. в его ведение были поставлены Ургинский, Улясутайский, Кобдоский и Урянхайский округа, в главный город каждого из которых планировалось назначить по два китайских и монгольских сановника при смешанном китайско-монгольском штате⁷. Этим китайское руководство стремилось погасить недовольство монголов. Однако за реальную власть соперничали между собой генералы Чу Лицзянь и Го Сунлин, которые не хотели уступать ее Чэнь И.

Как сообщал в донесении по итогам своей поездки в Ургу 28 августа 1920 г. британский дипломат Э. Тейхман, «Трудно найти в записях китайской истории

¹ Батсайхан, 2011б, с. 491; Лонжид, 2011б, с. 272–273.

² Баабар, 2010, с. 201.

³ Diluv Khutagt — in: Lattimore, Isono, 1982, p. 99–104.

⁴ Мягмарсамбуу, 2003, с. 87.

⁵ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1548, л. 347–348, 350, 356–369.

⁶ Fan, 2006, с. 21–28.

⁷ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 2, л. 14–17.

что-либо равное по обману, лицемерию и притворству тому подложному документу, под которым подразумевалась петиция об отмене автономии, который вытребовали у монгольских властей посредством китайской военной силы. Все стороны, участвовавшие в этой операции, знали, что он жульнический от начала до конца, и потому китайское правительство не замедлило выпустить длинное объяснение для зарубежной публики как извинение их действий по разрыву договоров по данному предмету, основанное на посылке, что отказ от автономии был полностью спонтанным и добровольным актом части монголов¹.

Но в КНР «возвращение из-под контроля России» Внешней Монголии Сюй Шучжэном и его деятельность там оценивают чаще положительно. Пишут, что он использовал возможность вывести монгольский вопрос из тупика, куда его завел Чэнь И, достиг цели «территориального единства Китая» и его «суверенитета над Монголией», потерянного в 1912 г., начал движение к ее стабильности, развитию экономики и культуры. Но иногда указывают, что он «принес черную тучу» на отношения Китая с Монголией².

Однако, по свидетельствам очевидцев, действия Сюй Шучжэна вызвали враждебность всего монгольского населения. 20 июля 1920 г. в Нийслэл-хурэ у Эрдэнэ-шанцзотбы прошло тайное собрание, где было решено воспользоваться ослаблением аньфуистов и пекинского правительства для восстановления Монгольского государства. Решили агитировать среди китайских солдат и купцов, запастись оружием, привлечь к движению Тогтохо-гуна, Баяр-тайджи, Найдан-гуна, Джамца, Хатан-Батора Максаржава, Манлай-Батора Дамдинсурэна, гуна Гомбо-Идшина, которые тайно собирали оружие и людей. Часть из них состояла в подпольном кружке в Нийслэл-хурэ³.

5.4. Восстановление теократической монархии бароном Р.Ф. Унгерном

Барон Р.Ф. фон Унгерн-Штернберг (1886⁴–1921) был одним из немногих монархистов в Белом движении. По его словам, «как Земля не может быть без Неба, так и государства не могут быть без царей»⁵. Более того: «Самое наивысшее воплощение идеи царизма — это соединение божества с человеческой властью, как были Богдыхан в Китае, Богдо-хан в Халхе и, в старые времена, Русские Цари»⁶. Борьбе с революционерами барон придавал эсхатологический смысл.

¹ TNA, IOR/L/PS/11/159/1919/096/p. 2.

² Liu, 2001, p. 57–63; Ying, 2007, p. 35–37; Лю, 2001, с. 147–148.

³ Калининков, 1928, с. 73; Мягмарсамбуу, 2003, с. 85.

⁴ Согласно записи в церковно-приходской книге г. Грац (Австрия), Роман Унгерн родился 10 января 1886 г. по григорианскому календарю (Sunderland, 2014, p. 12). Датировка 1885 г. ошибочна.

⁵ АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 30–31об.

⁶ РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 84–85об.

Р.Ф. фон Унгерн-Штернберг
(ЦМВС, фотофонд, 3/ЗБ981).

Унгерн имел собственный геополитический проект, направленный на восстановление монархий в Азии, затем в России и Европе. По его словам, он борется за объединение всех народов монгольского корня в одно Срединное (Среднеазиатское) государство от Амура до Каспийского моря, под главенством маньчжурского хана¹. Иногда он употреблял термин «Китай» как синоним Цин, понимая под этим империю маньчжуров во главе с их династией, а не национальное государство китайцев.

Внутри этой империи Унгерн собирался создать крепкий федеративный союз Тибета, монгольских и тюркских стран, признававших зависимость от маньчжурской династии. Позже он решил подключить к нему Маньчжурию и Китай, начав с провинции Шаньдун, где жил монархист генерал Шэн Юнь. «Если бы и являлись опасения, что восстановленные императоры будут держать сторону Китая, как это было иногда в древнее время, то этому всегда есть противо-

вес — союз Тибета, Синьцзяна, Халхи, Внутренней Монголии, Барги, Маньчжурии, Шаньдуна»².

Идея такого союза появилась у барона не случайно. В 1920-х гг. в бывшей империи Цин была распространена идея «федерации самоуправляющихся провинций». Он мог знать и о том, что в 1906 г. были идеи создания союзного государства Монголии и Тибета (см. гл. 3). Восстановление монгольской монархии было для Унгерна лишь первым шагом в реализации его плана.

Формально подчиняясь атаману Г.М. Семенову, контролировавшему Забайкалье, Р.Ф. Унгерн предпочитал действовать по своему усмотрению. Когда белые уходили из Забайкалья под ударами красных, он отделился от войск атамана.

1 октября 1920 г. Азиатская конная дивизия Унгерна у п. Усть-Букукун перешла границу Внешней Монголии и направилась на юго-запад. Первоначально он собирался двигаться на Троицкосавск — по плану, ранее согласованному с Семеновым, но убедился в невозможности пройти через территорию ДВР. Теперь у барона были развязаны руки: он больше не зависел от атамана и приступил к реализации своего монархического плана.

¹ ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392. л. 35–46; РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 123–124об.

² АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 45–46об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 104–107.

Унгерн двинулся к монгольской столице. Находясь в Сэцэнханском аймаке, он отправил к Богдо-гэгэну цорджи Дэндэвдоржа с письмом о том, что его цель — освободить Монголию от власти китайцев, и что он просит разрешения Богдо-гэгэна на такие действия. Богдо-гэгэн одобрил это и отправил ответное письмо через того же цорджи, чтобы Унгерн быстрее пришел. Китайское командование узнало об этом и вызвало приближенных Богдо-гэгэна. Их допросили: почему пригласили иностранного врага? Сам Богдо-гэгэн проигнорировал китайцев и отправил к Унгерну дзайсана-ламу Лувсаншарава и дзайсана-мирянину Джаргала с секретным письмом, чтобы барон быстрее пришел в Хурэ. Одновременно Богдо предупреждал, что если позже к Унгерну придут другие два человека — то их не принимать. Действительно, затем пришли да-лама Гомбоцэрэн и гун Балданцэрэн. Они сказали, что в Хурэ большие силы китайцев, в случае боев может начаться смута: лучше уходите. Барон понял, что эти люди посланы китайцами и не послушал их¹.

Вернувшийся в 1921 г. из Урги майор С.Т. Докрэй, служивший в телеграфной компании Маркони, сообщал, что монгольское правительство обратилось к Унгерну осенью 1920 г. с просьбой о помощи в изгнании из Урги китайских военных властей².

Унгерн остановился на р. Барун-Тэрэлдж в 30 верстах восточнее столицы³. Он вступил в переговоры с китайским командованием о разоружении китайцев, затем о пропуске его дивизии через столицу. По-видимому, он выдвигал эти заведомо неприемлемые требования как предлог к войне. В это время численность китайского гарнизона была от 7 до 16 тыс. чел., в то время как у барона было около тысячи человек, включая присоединившихся монголов⁴.

В ночь с 26 на 27 октября Унгерн атаковал город, но был отбит. В ночь на 2 ноября он предпринял новую атаку. После трехдневных боев, понеся значительные потери, белые стали отступать: не хватило боеприпасов и резервов. В последний день к Унгерну присоединились чахары из бывшего панмонгольского отряда Нэйсэ-гэгэна и Нэрэмпил-гуна, в свое время арестованные китайцами (см. гл. 6), а теперь получившие от них оружие для обороны от белых.

Китайцы арестовали Богдо-гэгэна, ряд крупных чиновников, феодалов и лам: Эрдэнэ-шанцзотбу Дашцэвэга, да-ламу Пунцагдоржа, Сэцэн-вана Гурсоронзон-Гомбосурэна, Манлай-Батора Дамдинсурэна, Хатан-Батора Максаржава, Эрдэнэ-вана Намсрая, бэйсэ Иш-Очира, «членов народной и чиновничьей партии»: Джигмэд-гуна, С. Джамьян-гуна, Гомбо-Идшина и Лувсан-Джанцана⁵. 29 октября (т.е. вскоре после первой атаки белых) начались грабежи и убийства. Этим занялись в столице и окрестных монастырях китайские солдаты, не получавшие

¹ Лонжид, 2005, с. 57–58.

² TNA, IOR/L/PS/11/159/1919/048/p. 7.

³ Князев, 1942, с. 48–53; Торновский, 1942 (изд. 2004), с. 202–206.

⁴ Кузьмин, 2011б, с. 160.

⁵ Монголия в документах Коминтерна, 2012, ч. 1, с. 53. Манлай-Батор погиб в тюрьме от китайских пыток, а Хатан-Батора освободили унгерновцы.

жалованья. Шли массовые аресты и расправы. Китайцы расстреляли группу безоружных русских, шедшую в Ургу¹.

9 ноября в Нийслэл-хурэ прибыл Чэнь И. Китайский гарнизон пополнился 400 солдатами, присланными из Пекина². Чэнь И переговорил с китайским чиновником харчином Самбу, и Богдо-гэгэна перевели под домашний арест. Чэнь И снова вернулся к соглашению из 64 пунктов, отвергнутому Сую Шучжэном. Чтобы улучшить отношения с монголами, Чэнь И назначил на высокие посты несколько монгольских лам и феодалов: Дархан-чин-вана Пунцагцэрэна, Джонон-чин-вана Цогбадраха, Джалханца-хутухту Дамдинбазара, да-ламу Дашдэндэва и др.³

Китайское командование серьезно готовилось к обороне⁴. Пекинское правительство стало просить помощи у РСФСР. 11 ноября 1920 г. Г.В. Чичерин ответил в МИД Китая, что «советские воинские части появятся на территории Китая как дружеские войска, которые будут считать свою задачу выполненной после окончательного уничтожения белогвардейских банд в Монголии и восстановления суверенитета Китая, и тогда немедленно покинут территорию Китая»⁵. Однако после отступления Унгерна пекинское руководство выразило удовлетворение успехами Чу Лицзяна⁶. Китайцы дали понять Москве, что смогут справиться сами, и ввод советских войск не состоялся.

Отступив от столицы, Азиатская дивизия некоторое время стояла на Тэрэлдже, затем ушла восточнее — на Керулен. Она готовилась к новому штурму Нийслэл-хурэ. Дисциплина была палочной, применялись пытки и жестокие казни. Один из командиров белых — полковник М.Г. Торновский указывал как стоянку там местность Гун-Галутай⁷, но мои исследования там в 2012 г. не подтвердили это.

Унгерн налаживал отношения с монголами. Это облегчалось тем, что он был буддистом⁸, принял монгольское подданство⁹. Первым к барону присоединился Г. Лувсанцэвэн (1869–1922) — тэргун-тайджи хошуна Дархан-чин-вана Тушэтуханского аймака, деятель Монголии 1911 г. и периода автономии. К Лувсанцэвэну стали собираться монголы, в том числе отряд Дугаржав-мэрэна¹⁰. Присоединился баргутский джанджин Лувсан. Есть сведения, что Унгерн послал письма к Далай-ламе, «в которых призывал его к священной войне и советовал ему поднять знамя борьбы за Желтую веру через подчиненных ему лам», в результате Далай-лама

¹ Случайный, 1921, с. 12; Серебренников, 2003, с. 103.

² Кунгуров, Сорокинов, 1946, с. 62.

³ Diluv Khutagt — in: Latimore, Isono, 1982, p. 107; Ширендыб, 1960, с. 346.

⁴ Подробнее см.: Торновский, 1942 (изд. 2004), с. 44–55.

⁵ Цит. по: Белов, 2003, с. 89.

⁶ “Свет”, № 465, 19.11.1920.

⁷ Торновский, 1942 (изд. 2004), с. 206.

⁸ Подробнее см.: Кузьмин, 2010а, с. 373–384.

⁹ “Боец и пахарь”, № 25, 11.01.1921, с. 1–2.

¹⁰ По сведениям его родственника — переводчика и писателя Ж. Нэргюя, белые офицеры приехали к дзанги пограничной стражи Дугар-мэрэну, увезли с собой как проводника, потом заставили набирать солдат. Дугар-мэрэн постарался воспользоваться этим и набирал солдат в свой отряд. Он набрал очень много монгольских солдат Унгерну. Он был почему-то сильно связан с Чойбалсаном и избежал репрессий. Умер в 1953 г.

Саджа-лама (справа) и Хухэн-хутухта (слева)
(МБШТ).

Лувсанцэвэн-ван (ТХА).

прислал ему 60–70 отборных воинов¹. Но более вероятно, что один из приближенных Богдо-гэгэна — тибетец Саджа-лама (монг.: Саж лам) Джамьянданзан и бурят Ц. Тубанов отправились вербовать тибетских солдат². В результате к Унгерну в конце января прибыли 80 тибетцев. По-видимому, они были из тибетской колонии в Нийслэл-хурэ. Поддержал Унгерна и Сэцэн-хан Наваннэрэн³.

С тайным посланцем Унгерн отправил письмо Богдо-гэгэну на русском и монгольском языках, в котором просил разрешения ввести войска в столицу для освобождения Монголии от китайского ига и восстановления прежней власти. Вскоре к барону приехал глава Шабинского ведомства Хушиктэн-лама и сообщил, что Богдо-гэгэн дал согласие⁴.

¹ Голубев, 1926, л. 63.

² Банзрагч, 2009. “Саджа” (монг. Саж, Саж) означает Сакья — буддийскую школу “красношапочников”. Вероятно, Саджа-лама относился к ней, а не к школе Гэлуг, преобладавшей в Монголии.

³ В 1918 г. у Наваннэрэна покупали оружие агенты красных. Затем он участвовал в разработке документа из 64 пунктов с Чэнь И, подписал петицию о присоединении к Китаю, в 1920 г. поддержал Унгерна. Позже поддерживал МНП, хотел туда вступить, в 1924 г. был министром внутренних дел народного правительства и отказался от ханского титула (“Ургинская газета”, № 47, 29.02.1924, с. 1; Калининков, 1926б, с. 60; биографию см.: Саруулбуян, 2002). Впрочем, это не спасло его от расстрела в 1937 г.

⁴ Ширендыб, 1971, с. 149; Магсаржав, 1994, с. 175; Торновский, 1942 (изд. 2004), с. 202.

Буддийское духовенство развернуло сильную агитацию за независимость Монголии¹. Харбинская печать сообщала об объявлении Хутухтой «священной войны» китайцам². Богдо-гэгэн благословил нойонов на формирование отрядов в помощь Унгерну, стал тайно рассылать по хошунам приказы об оказании полного содействия ему во всем, что потребуется для войны с китайцами. Сэцэн-хан провел мобилизацию среди молодых аратов, из которых был создан отряд, поступивший под команду Лувсанцэвэна³. Включались в Азиатскую конную дивизию и русские — как местные, так и те, кто уходил в Монголию из Сибири.

Заявления, что унгерновцы в 1920 г. грабили монголов⁴, бездоказательны. Монголы сами снабжали их деньгами и провизией⁵. В декабре 1920 г. Унгерн послал на тракт Нийслэл-хурэ – Калган отряд русских и чахаров с приказом захватывать китайские караваны. Снабжение улучшилось.

27 января 1921 г. монгольские феодалы и ламы послали к Унгерну из столицы делегацию в составе Эрдэнэ-шанцзотбы Дашжава, Джалханцза-хутухты Дамдин-базара, Дархан-чин-вана Пунцагцэрэна, Эрдэнэ-джонон-вана Ц. Ширнэндамдина, Джонон-чин-вана Цогбадараха и Сужэгт-вана Доржпалама для обсуждения будущего государственного устройства Монголии⁶. 29 января барон получил благословение Богдо-гэгэна на изгнание китайцев из страны⁷. Тогда же был утвержден план освобождения монарха из-под ареста. По данным очевидцев, силы Унгерна насчитывали 1460 чел., 4 орудия и 12 пулеметов, силы китайцев в Нийслэл-хурэ — около 7 тыс. чел., 18 орудий, 72 пулемета.

В ночь на 1 февраля две сотни тибетцев, монголов и бурят во главе с Тубановым, баргутом Лувсаном и Саджа-ламой направились из У-Булана (район Налайха) на юго-западный склон Богдо-улы (гора рядом со столицей). 2 февраля, во время боев остальных белых с китайцами у Нийслэл-хурэ, этот отряд спустился с горы и с боем похитил арестованных Богдо-гэгэна и его супругу и перевез их в монастырь Манджушри-хийд на южной стороне Богдо-улы⁸. Столица была в основном освобождена от китайских оккупантов к 4 февраля, но отдельные их группы сопротивлялись и 5 февраля⁹. Согласно отчету американского торгового

¹ “Русское обозрение” (Пекин), № 1–2, 1921.

² “Вперед”, 17.02.1921; “Новости жизни”, 19.02.1921. Первоначально данное сообщение было опубликовано в газете “North China Standard” от 8 февраля. Эта война обосновывалась арестом Богдо-гэгэна и необходимостью восстановить маньчжурскую династию, при которой всем жилось спокойно (“Русский голос”, № 190, 26.02.1921, с. 2).

³ Торновский, 1942 (изд. 2004), с. 51–53; Белов, 2003, с. 45.

⁴ Напр., Кунгуров, Сороковиков, 1946, с. 61.

⁵ Напр., “Боец и пахарь”, № 17, 29.12.1920, с. 1. Позже — с весны 1921 г., в связи с походом в Сибирь, унгерновцы проводили и реквизиции у монголов на основе указа Богдо-гэгэна. Но “на местах” некоторые группы белых, пользуясь бесконтрольностью, занимались грабежами, сылаясь на Унгерна.

⁶ Ширендыб, 1960, с. 350.

⁷ Торновский, 1942 (изд. 2004), с. 176.

⁸ Магсаржав, 1994, с. 184–187.

⁹ Реконструкцию см.: Кузьмин, 2011, с. 182.

представителя в Урге, потери китайцев в боях за город составили около 2500 чел., причем гражданских лиц среди них не было¹.

Китайская администрация и командование бросили своих солдат перед самым вступлением Унгерна в столицу. Часть солдат с генералом Го Сунлином направилась на запад и юг, другая с Чу Лицзыном и генералом (полковником?) Ма — на север, в кяхтинский Маймачен. На север бежал и Чэнь И с чиновниками, а за ними — основная масса гаминов. С китайцами ушло около 100 русских и евреев², включая ряд руководителей красного самоуправления российской колонии (А. Балыков, С.И. Попов, Шейнеман, Муниц, Чайванов и др.). Уходившие китайцы поголовно истребили монгольское население притрактовой полосы. На преследование отступавших Унгерн отправил отряд, к которому присоединились и некоторые монголы, например, Тогтохо-гун³.

В феврале и марте 1921 г. деморализованные китайские войска находились на севере между реками Ёро и Орхон и в районе Ивцэга (Ибицька), грабя население. Их преследовали отряды белых, направленные Унгерном, и монгольских партизан. В приграничной с ДВР полосе скопилось 35 тыс. беженцев, через границу проникло 18 тыс.⁴

1 марта 1921 г. барон двинул часть своих войск на китайские базы в Чойрыне (около 240 км юго-восточнее столицы) и Дзамын-Удэ (еще в 200 км юго-восточнее). Гарнизон Чойрына составлял около 2500 чел., силы Унгерна — около 900 чел. при 2 орудиях и 8 пулеметах⁵. 11–12 марта белые атаковали китайский лагерь в котловине горы Чойрын-Богдо-ула. Китайцы стали уходить на юг, белые пошли на преследование. По китайским источникам, лишь половина отступавших достигла Дзамын-Удэ: остальные рассеялись или были убиты⁶. Дзамын-Удэ китайцы оставили без боя⁷.

Остатки китайских войск, находившиеся на севере, так и не получили разрешения ДВР на проход через ее территорию в Китай. К этому времени (13 марта 1921 г.) была создана Народная армия Монгольской народной партии (МНП). 15 марта 1921 г. ее главком Д. Сухэ-Батор предъявил ультиматум о сдаче китайскому гарнизону кяхтинского Маймачена. Ответа не последовало. 17 марта монгольская Народная армия атаковала Маймачен. Ее численность составляла 400 чел., численность китайцев — 1500 чел.⁸ Китайцы покинули Маймачен, и ночью 18 марта туда вошли Народная армия и подразделение Народно-революционной армии (НРА) ДВР. Утром туда же с территории ДВР переехало временное народное правительство и ЦК МНП.

¹ UNLV.

² “Шанхайская жизнь”, 06.03.1921; Даревская, 1997, с. 104–154.

³ РГВА, ф. 185, оп. 1, д. 172, л. 64–64об.; Першин, 1999, с. 128.

⁴ “Советская Сибирь”, № 46 (415), 02.03.1921, с. 2.

⁵ Князев, 1942, с. 85–88; Торновский, 2004, с. 214–217.

⁶ “Дальневосточная трибуна”, 24.03.1921.

⁷ Торновский, 1942 (изд. 2004), с. 216–217.

⁸ Чойбалсан, 1952, с. 47–48; Белов, 2003, с. 62.

Основная часть китайских войск, ушедших из Маймачена вместе с купцами и чиновниками, двинулась на юг и юго-запад с целью обойти Нийслэл-хурэ с запада и уйти на родину. К ним присоединялись «кочевывшие» на севере группы солдат. 24 марта белые в Нийслэл-хурэ получили сведения, что китайцы оставили Маймачен и идут на столицу. Силы белых были незначительны: основная часть еще не вернулась из похода на Чойрын – Дзамын-Удэ. Тем не менее, белые под командой генерал-майора Б.П. Резухина выступили на китайцев. Лишь через несколько дней поисков, 31 марта они встретили колонну последних между 3-м и 4-м уртонами тракта Нийслэл-хурэ — Улясутай, в местности Талын-Улан-хад¹.

Белых (русских, бурят и монголов) под командой Резухина было всего 355 плюс дивизион тибетцев, при 4 орудиях и 8 пулеметах; в колонне китайцев было 5 или 6 тыс. солдат при 12 орудиях и до 30 пулеметов, а также до 2 тыс. китайских купцов и чиновников². Начались тяжелые бои. Ко 2 апреля к Резухину стали прибывать подкрепления: с севера подошел полк Хоботова (4 сотни, 2 орудия и 4 пулемета), с юго-запада — мобилизованные монголы Балжинням-гуна, из Нийслэл-хурэ — чахары (возможно, под командой Джамц-гуна), артиллерия, на автомобиле прибыл сам Унгерн³. Китайцы согласились на сдачу, но в ночь на 3 апреля большинство их конницы и часть пехоты бежали на юго-восток⁴.

Согласно агентурному донесению в штаб 5-й советской армии 16 апреля 1921 г., в тех боях погибло более тысячи китайцев, около 100 монголов и около 30 русских и бурят. Белые русские и монголы некоторое время преследовали бежавших и перебили часть их⁵. Араты уничтожали мелкие группы китайцев; несколько столкновений с гаминами имел Хатан-Батор, мобилизовавший солдат вместе с Дугаржав-мэрэном в районе Чойрына⁶. Около тысячи китайцев сдались Баяргуну, отряд которого двигался с юго-востока⁷.

Всего в плен попало 4 тыс. китайцев во главе с полковником Чжоу, были взяты пулеметы и обоз⁸. Из тех, кто пожелал служить в Монголии, отобрали 600 человек и отправили в Нийслэл-хурэ. Из них был сформирован конный китайский полк в три сотни под командованием майора Ли⁹.

¹ Навааннамжил, 1956, с. 240–242; БХТА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 7, л. 1–9; Доржсүрэн, 1993, с. 89; Монгол ардын журамт..., 1961, с. 142–143, 1985, с. 509, 658, 1986, с. 274. Бои происходили при Талын-Улан-хаде: указания на Харухын-гол, основанные на кроках Торновского, ошибочны (Кузьмин, 2013а, с. 283–284).

² Князев, 1942, с. 92; Торновский, 1942 (изд. 2004), с. 217–222.

³ БХТА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 7, л. 1–9; Торновский, 1942 (изд. 2004); Ширендыб, 1960, 1971.

⁴ Реконструкцию боев при Талын-Улан-хаде см.: Кузьмин и др., 2011–2012, с. 182–217; 2015, с. 103–114.

⁵ АВПРФ, ф. РМ, оп. 2, п. 104, д. 31, л. 12 — в кн.: Белов, 2003, с. 64; БХТА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 7, л. 1–9.

⁶ Ширендыб, 1971, с. 217; Мягмарсамбуу, 2003, с. 97–98. В китайских источниках такие отряды монголов именовали “разбойниками” (напр., <http://ef.cdpa.nsysu.edu.tw/ccw/02/1920.htm> 02_1921).

⁷ АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 72–72а.

⁸ РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 27–28.

⁹ Торновский, 1942 (изд. 2004), с. 298.

На западе Монголии, где оставались китайские гарнизоны, в тот период происходило следующее. Китайцы, вооружив пленных панмонголистов-чахаров в Нийслэл-хурэ, отправили часть из них на запад. Ван Сяоцун, комиссар Улясутая, видя склонность чахаров к грабежу, поспешил выдворить их в Кобдо и далее в Урянхай¹. 20 февраля 1921 г. китайцы разграбили склады Центросоюза в Кобдо и убили восемь служащих. Много русских ушло в белый отряд есаула А.П. Кайгородова. Он занял Кобдо, позже номинально вошел в подчинение к Унгерну.

В Улясутае русские признали главенство войскового старшины М.М. Михайлова. Бывший монгольский сайд Западного края, а теперь вице-министр военна ёст-бэйлэ Б. Чултэм вступил в переговоры с Ван Сяоцуном, которые длились до 9–10 марта. Наконец, китайцы и монголы заключили соглашение, гарантировавшее разоружение большинства китайцев и их беспрепятственный проход до границы во главе с Ван Сяоцуном; власть в Улясутае передавалась монголам до распоряжений монгольского правительства².

200 китайцев ушли из города. Михайлов создал вооруженный отряд в 120 русских. В районе Наробанчин-хурэ в 160–190 км от Улясутая находился с небольшим отрядом полковник Оренбургского казачьего войска В.Н. Доможиров, имевший приказ от Унгерна установить связь с генералом А.С. Бакичем. К Доможирову из группы Михайлова примкнули поручик Стригин и другие, образовав отряд под командой последнего; 60 всадников Стригина напали на китайцев. Белых поддержали монголы³. Китайцы были ограблены, частью перебиты, частью возвращены в Улясутай. Фактическая власть над городом в течение нескольких месяцев принадлежала белым, ссылавшимся на приказы Унгерна и Богдо-хана.

Затем белые убили Чултэма. «Чиновник Вандан и гун Тувшинбаяр доложили уполномоченному в Улясутае Дзасакту-хану Эрдэнэ-Бишерельту о том, что русский чиновник при штабе капитан Безроденко (Безродный. — С.К.), следуя приказу джанджина барона Унгерна, расстрелял ёст-бэйлэ Чултгуна, который был в тайных связях с гаминями»⁴. В действительности, убийство сайда было самоуправством, вызванным его отказом обеспечивать белых уртонами и предметами снабжения. Убийство вызвало глухое негодование чиновников против барона⁵.

Унгерн написал Найданжав-гуну о разгроме китайцев между Ургой и Улясутаем и сдаче оружия китайцами в Улясутае и Дзаин-Шаби. Это означало, что китайская власть во Внешней Монголии полностью ликвидирована. «Таким образом, на западе все теперь благополучно, на востоке также все идет хорошо»⁶.

Еще западнее — в Синьцзяне 19 июня/2 июля 1921 г. генерал А.С. Бакич захватил центр Алтайского округа — Шара-сумэ и перешел в подчинение Унгерну. В планы Бакича входило присоединение этого округа к Внешней Монголии.

¹ Оссендовский, 1925.

² Текст: РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 157; публикация дневника Оссендовского из *Muzeum Literatury* — Кузьмин, Рейт, 2008, с. 97–110.

³ Бурдуков, 1969, с. 187–189.

⁴ МУУТА, ф. А3, д. 1, х.н. 1154, тал 2.

⁵ Hoover, Collection title Boris Volkov Box no 1 Folder id “Ob Ungerne”, 15.18–42, p. 23.

⁶ АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 26–26об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 27–28.

Однако при содействии войск РСФСР там установилась власть Китая. Начальник китайских войск в Тарбагатае в сентябре 1921 г. прислал в Москву благодарность урумчинского правительства за избавление от белых «банд» А.И. Дутова, Б.В. Анненкова, А.С. Бакича и др.¹

Вернемся в февраль 1921 г., когда монгольская столица была освобождена от гаминов и встал вопрос об управлении страной. Вскоре после захвата Нийслэлхурэ Унгерн созвал в Маймачене группу нойонов и высших лам и заявил: «Моя цель — восстановление монархий — русской, монгольской и маньчжурской. Сейчас я выгнал китайцев, незаконно захвативших Хурэ, теперь по Тройственному соглашению между Китаем, Монголией и Россией хочу восстановить законную автономную власть и выбрать хороший день, чтобы поставить на трон Богдо-хана вместе с его женой и создать пять министерств»². По его словам, монголы должны сами заняться своим политическим устройством, а он не будет участвовать в этом³.

21 февраля 1921 г. барон, ламы и феодалы привезли Богдо-гэгэна VIII в столицу из Манджушри-хийда. 22 февраля 1921 г. (в 15-й день Белого месяца) была проведена повторная церемония его возведения во власть Богдо-хана Монголии⁴. В тот же день Богдо-хан издал указ о награждении высокими монгольскими титулами Унгерна, Резухина, Жамболона, Лувсанцэвэна, Найданжава и Джамца⁵. Унгерн произнес речь, в которой напомнил о былой славе монголов — потомков Чингис-хана и заявил, что эта слава воскреснет с восшествием на престол Богдо-хана⁶.

25 февраля вышел указ Богдо-хана, где говорилось, что шабинцы, халхасцы, дэрбэты, урянхи, весь монгольский народ — его подданные, которые должны объединиться под теократической властью⁷.

Восстановление Унгерном монгольской государственности вызвало большой резонанс. Газеты обсуждали возможность создания Монгольской империи. В Тибете и Восточном Туркестане усилилось антикитайское движение. В Нийслэлхурэ состоялось совещание князей, избравшее посланцев в эти страны⁸. «Вестник Монта» 26.04.1921 сообщал со слов унгерновцев, что Богдо-гэгэн «призывает

¹ «Шанхайская жизнь», 11.09.1921.

² Чойбалсан и др., 1979, с. 223.

³ Мягмарсамбуу, 2003.

⁴ Подробности церемонии: Князев, 1942, с. 74–77; Торновский, 1942 (изд. 2004), с. 231–232; тексты молитвенных благопожеланий: Ням-Очир, 2012, с. 291–292.

⁵ МУУТА, ф. АЗ, д. 1, х.н. 257, тал. 64–67 — рус. пер.: Кузьмин, 2012б, с. 434–436. Выявление заслуг других лиц в восстановлении независимости Монголии заняло долгое время. 24 июня 1921 г. МВД Монголии подготовило указ о награждении 14 нойонов, чиновников и лам (в т.ч. Ц.Г. Бадмажапова, военного чиновника М. Немчинова, бэйсэ Максаржава), которые были арестованы и пострадали от гаминов. 1 июля указ был обсужден и опубликован с санкции Богдо-гэгэна. Это был последний указ, изданный Богдо-ханом независимо от МНП (Богдын лүндэн..., 2002, с. 297–298; Гомбосүрэн, 2004, с. 147–149).

⁶ Хитун, 1970.

⁷ Текст: ХХ зууны., 2003, с. 410–413.

⁸ «Прибайкалье», № 96, 12.04.1921.

всех приверженцев Желтой религии Монголии и Тибета подняться с оружием в руках против Китая, а Далай-лама созывает конференцию в Лхасе для обсуждения создавшегося положения в Монголии»¹.

В марте 1921 г. брожение охватило около 50 тыс. чел. в провинции Хэйлунцзян. В апреле начались стычки монголов с гарнизоном Хулунбуира, в районе Калгана началась паника среди китайцев. В Калгане появились летучки от имени Богдо-хана, призывавшие к восстановлению маньчжурской династии. Богдо-гэгэн издал указ о том, чтобы князья Внутренней Монголии относились к нему как к своему сюзерену. Особую тревогу в Пекине вызвала перспектива военного союза Монголии и Тибета².

Бывший «наставник государства» Цин — Джанджа-хутухта прислал из Пекина к Богдо-гэгэну делегацию с увещеванием присоединиться к Китаю³. Джанджа был против независимости Монголии, т.к. ему пришлось бы подчиняться Джеб-цзундамбе, и он уже не мог бы претендовать на статус духовного главы монголов Внутренней Монголии и Утай-Шаня. Его последователей подозревали в смерти в 1913 г. симпатизировавшего независимости Монголии Ганжирва-хутухты IV, настоятеля монастыря Юнхэгун в Пекине⁴.

Встал вопрос о сохранении теократической монархии Монголии. Главной угрозой этому было возможное вторжение китайских или советских войск. В Китае Унгерн и его агенты сообщали, что барон разбил бунтующие китайские войска. По его инициативе монархическое правительство направило на имя наркома иностранных дел РСФСР ноту о том, что белые восстановили автономию, освободили Монголию от китайской оккупации; предлагалось установить дружеские отношения⁵.

Ответ, посланный Богдо-гэгэну 29 марта из РСФСР неофициальным путем, гласил: «Мы не считаем возможным вступать в какие бы то ни было сношения с монгольскими организациями в Урге до тех пор, пока в этих организациях будут присутствовать белогвардейцы, которые стремятся использовать монгольскую борьбу за освобождение для своих монархических целей, для борьбы против Советроссии. <...> Советская Россия не может примириться с тем, что белогвардейские банды находятся на пограничной территории и поэтому, если монголы сами не удалят белогвардейцев, мы предпримем военные меры к полному уничтожению этих банд. Это нами будет сделано независимо от того, в какой части западной или восточной Монголии эти банды находятся. Предупреждаем об этом монгольское население, слагаем с себя ответственность, если вместе с белыми грабителями от действий наших войск пострадают и монголы, которые находились в сношениях с русскими контрреволюционерами»⁶.

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, д. 106, л. 16.

² “Боец и пахарь”, № 59, 02.03.1921, с. 1; “Дальневосточная трибуна”, 26.04.1921; “Прибайкалье”, № 96, 12.04.1921; “Заря” (Харбин), 02.03.1921, 29.03.1921.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 20, л. 13.

⁴ Bulag, 2007a, p. 24–25.

⁵ РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 41–42.

⁶ АВПРФ, ф. 0110, оп. 2, п. 103, д. 28, л. 169.

Это был не только отказ в признании монархического правительства Монголии, но и угроза всем, кто поддерживал белых. Советское руководство ориентировалось на созданную незадолго до этого МНП (подробнее см. в гл. 7), которая претендовала на власть в Монголии.

В этих условиях легитимация власти МНП была неотделима от борьбы с белыми и отрицания легитимности монархического правительства. Соответственно, МНП называла Унгерна «плохим вором» (монг.: муу хулгай), ставила его на одну доску с китайскими оккупантами и призывала изгнать из страны¹.

Монархическое правительство предпринимало шаги для привлечения МНП на свою сторону. 10 апреля 1921 г. Лувсанцэвэн-ван обратился к делегации, едущей в РСФСР, чтобы она признала это правительство, вернулась в Нийслэл-хурэ, а белых не считала врагами. Согласно уточненному переводу копии из личного архива В.И. Юдина, сделанному Б. Ширендыбом, в письме указывалось, что печать Богдо-гэгэна была приложена согласно прежней договоренности об обращении к дружественному народу России о восстановлении автономии на прежних основах, возведении монархии согласно Тройственному соглашению «главным образом для процветания нашей Желтой веры и сохранения старых традиций и обычаев». Подобное же письмо из столицы было направлено в ЦК МНП 16 апреля. В нем революционеры обвинялись в нарушении договоренностей и приглашались в столицу². Они отвергли эти предложения.

Сразу после восстановления монгольской монархической государственности Унгерн, следуя своему геополитическому плану (см. выше), стал готовиться к наступлению на РСФСР. Он ошибочно считал, что советская власть там слаба. Были и другие причины похода: трудности содержания дивизии в бедной стране, недовольство населения в связи с реквизициями скота и мобилизацией (хотя это делалось с санкции Богдо-хана), деморализация войска в связи с долгим стоянием на месте, усиление МНП на севере. Наконец, превентивный удар по Сибири, в случае успеха, позволил бы Унгерну получить ресурсы и предотвратить революцию в Монголии.

Унгерн располагал следующими силами: 14 орудий, 35 пулеметов, 5280 стрелковых, 440 нестроевых, а всего на территории Монголии — 5720 чел. На стороне барона были отряды монголов, во главе которых стояли Г. Лувсанцэвэн-ван — 300 чел., Балжинням-гун — 500, Баяр-гун — 500, Дарь-эхэ-лама Чойжинджанцан, Дугаржав-мэрэн — 200, Гомбо-Идшин — 300, Гэлэг-Ендон-тушмэл, Равдан-тайджи и др. Сотня русских казаков в Нийслэл-хурэ осталась охранять Богдо-хана. В Азиатской дивизии служили представители более 16 национальностей. Из монголов были буряты, халхасцы, чахары, харчины, баргуты, ойраты и др.³

¹ МУУТА, ф. 4, д. 1, х.н. 27, тал 47. В ряде советских материалов об Унгерне подчеркивалось, что он действует по указке Японии. Японские архивные материалы противоречат этому (Кузьмин и др., 2009, с. 115–133).

² АВПРФ, ф. 111, оп. 2, п. 102, д. 25, л. 31–31об.; п. 103, д. 28, л. 196 — в кн.: Российско-монгольское..., 2008, с. 144–145; Ширендыб, 1960, с. 484, 485.

³ Подробнее см.: Ширендыб, 1971, с. 227; Кузьмин, 2011, с. 241.

21 мая 1921 г. Р.Ф. Унгерн издал известный приказ № 15 о наступлении на Сибирь¹. Часть войска под командованием генерала Б.П. Резухина перешла границу со стороны Ван-хурэ. Сам барон с большинством войска выступил из Нийслэл-хурэ на Троицкосавск. Из столицы в западную Монголию отбыли Хатан-Батор С. Максаржав и Джалханцза-хутухта Ц. Дамдинбазар, которым барон доверял. Джалханцза-хутухта перед отъездом сдал свою печать премьер-министра Манджушри-хутухте С. Цэрэндоржу. Теперь к нему перешли обязанности премьера².

Одной из целей Джалханцза-хутухты были контакты с революционерами. Он собирался наладить их еще до назначения премьером³. Б.З. Шумяцкий преувеличивал в послании к Г.В. Чичерину 12 августа 1921 г., что «принятие мандата народно-революционного правительства на наместничество в Западной Монголии и с открытием им там военных действий против белых, власть нарревправительства стала национальной, общемонгольской»⁴.

В письме от 30 июня 1921 г. уполномоченному советского правительства Джалханцза-хутухта отмечал взаимопомощь Советской России и Монголии в борьбе с белыми и надеялся на российскую помощь в подобных случаях в будущем. Хотя печать премьера он сдал Манджушри-хутухте, письмо он подписал как премьер-министр, министр внутренних дел и уполномоченный по Западному краю Монголии⁵. В то же время феодалы там в основном занимали выжидательную позицию. Они перешли на сторону революции уже после присоединения к ней Хатан-Батора Максаржава и взятия красными столицы⁶.

В мае 1921 г. состоялся съезд князей, лам и чиновников, постановивший объявить Монголию независимой и от белых, и от красных. С другой стороны, поддержавшие ликвидацию автономии в 1919 г. Сэцэн-ван, Намсрай-ван, Дархан-ван, Б. Цэрэндорж и др. тайно собирались близ Урги и решили ориентироваться на Китай⁷.

Таким образом, хотя в этот период в Монголии действовало Богдо-ханское правительство, на власть претендовали новые силы, представлявшие часть феодалов, лам и чиновников: МНП, прокитайская группа и те, кто хотел избавиться от власти и белых, и красных.

Советское командование начало накапливать силы в Забайкалье весной 1921 г. еще до наступления Унгерна. К началу боевых действий три бригады совместно с одним кавполком и партизанским отрядом П.Е. Щетинкина (400 чел.) расположились в ДВР рядом с Монголией. В бригады входили 7760 бойцов при 182 пулеметах и 26 орудиях. Границу с РСФСР от п. Модонкуль (ныне Закаменск) до

¹ Факсимиле: Легендарный барон..., 2004, фототабл.

² Навааннамжил, 1956, с. 252–253; Цацрал, 2004, с. 89–90; РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 98, л. 326. Калинин (1929б, с. 88) писал, что в это время во главе правительства находился заместитель председателя совета министров Манджушри-хутухта.

³ АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 103, д. 28, л. 102.

⁴ Юдин, 1959, с. 122.

⁵ АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 101а, д. 9, л. 4.

⁶ Ширендыб, 1971, с. 248–249.

⁷ РГВА, ф. 185, оп. 8, д. 694, л. 32–37. Место съезда в донесении не указано.

Селенги (200 км) охраняли части 5-й армии, границу с ДВР к востоку от Селенги (400 км) — части НРА ДВР в 700 чел.¹

Перевес красных был очевиден. Это вынудило Богдо-хана налаживать контакты с руководством МНП. «Мои убеждения расходятся с убеждениями членов партии не потому, что мои взгляды верны и их — лживы или наоборот, а потому что всякий век имеет свое убеждение и взгляды. Пусть же люди нового века творят свое новое дело, а людям старого века пора думать о своих загробных делах» — сказал Богдо-гэгэн². С Унгерном он договорился, что официально не направляет монгольские войска в Сибирь, а барон ведет войну на свой страх и риск³.

Под напором красных Резухин 8 июня начал отступление в Монголию. 11–13 июня Унгерн потерпел поражение под Троицкосавском. Уполномоченный представитель народного правительства Монголии в речи на параде в Троицкосавске подчеркнул, что монгольский народ приветствует Красную армию и видит в ней свою освободительницу⁴.

Когда обо всем этом узнал Хатан-Батор Максаржав (освобожденный белыми из китайской тюрьмы, затем получавший от Унгерна вооружение, обмундирование и занимавшийся мобилизацией в западной Монголии), он открыто перешел на сторону красных. Сохранились его письма в РСФСР с просьбой о военной помощи против белых. Позже (6 марта 1924 г.) он писал, что Унгерн командировал его на запад, подозревая в связях с красными, а он, прочитав изданный красными монголами манифест, уничтожил белых в Улясутае и арестовал Бакича. Взяв Улясутай, его люди сразу заявили о признании правительства МНП⁵.

Советское руководство сформировало экспедиционный корпус 5-й отдельной армии: 7600 штыков, 2500 сабель, до 200 пулеметов, 20 орудий, 2 броневедомо-мобиля и 4 самолета. Корпус перешел границу Монголии по согласованию с временным народным правительством. В приказе корпусу от 26 июня 1921 г. о вступлении в Монголию первой задачей было поставлено «взять Ургу, базу и опору Унгерна». Там же указывалось, что красные войска освобождают монгольский народ совместно с народно-революционным правительством и МНП, «Великое Собрание всего Монгольского народа само установит формы государственного устройства»⁶.

Перегруппировка экспедиционного корпуса была завершена 26 июня, на следующий день он пересек границу, к нему присоединилась Монгольская народно-революционная армия (МНРА). На Нийслэл-хурэ наступало около 2 тыс. всадников при 6 орудиях и 12 пулеметах. Дорогу им закрыли Тибетский дивизион Нечаева и отряд Немчинова из монгольских курсантов. Их общая численность

¹ Подробнее см.: Кузьмин, 2011, с. 242.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, д. 106, л. 34.

³ “Боец”, 01.06.1921.

⁴ “Красное Прибайкалье”, 17.07.1921.

⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 14, л. 19, оп. 154, д. 105, л. 62; АВПРФ, ф. РМ, оп. 2, папка 103, пор. № 30, л. 10–12; МУУТА ф. 1, д. 1, х.н. 354, тал 189–190.

⁶ РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 817, л. 1–1об.

составляла до 1 тыс. при 4 легких орудиях и нескольких пулеметах. 30 июня белые отступили на р. Хара-гол, где встретили полковника Циркулинского, начальника обороны Нийслэл-хурэ, с небольшим отрядом. 2 июля произошел бой в местности Манхотай. Вскоре у белых кончились боеприпасы и они отступили. Это был последний бой белых за Нийслэл-хурэ.

2 июля Богдо-хан издал указ, адресованный МНП. Там говорилось, что гамины ушли на родину, Богдо-хан стремится возвысить религию, защитить государство, и призывает отряды МНП сложить оружие, вернуться и помогать ему в достижении этих целей¹. Премьер-министр Манджуши-хутухта собрал министров и чиновников. Посовещавшись, они решили, что, во-первых, нет сил сопротивляться, во-вторых, надо стараться сотрудничать с МНРА. Посланец МВД привез в монгольский лагерь в местности Судзуктэ в 128 км от Урги обращение, заверенное Манджуши-хутухтой. В нем говорилось, что белые ушли, в Урге спокойно, и нет необходимости ввода туда красных войск. Говорили, что автором текста был Б. Цэрэндорж². Красные не подчинились и 6 июля вступили в столицу, оставленную белыми.

В письме 19 июля 1921 г. Унгерн посоветовал Богдо-хану перенести свою ставку в Улясутай, чтобы создать там новый политический центр после занятия Нийслэл-хурэ красными. Джебцундамба не получил это письмо: оно было перехвачено красными у курьера — ротмистра Павельцева³. Копия этого документа сохранилась в архивах и была опубликована в сокращенном виде⁴. В мемуарах Блохина и Князева⁵ вместо этого в разных вариантах цитируется другой текст, который следует признать вымыслом.

Лишь 15 июля на север против Унгерна двинулись главные силы красных. Однако 18 июля Унгерн с 3250 бойцов вновь атаковал советскую территорию и, после ряда боев, 14–15 августа отступил в Монголию под ударами превосходящих сил противника. По данным М.Г. Торновского, потери белых за время этого похода не превышали 200 человек убитыми и 50 тяжело ранеными, красных — 2000–2500 чел.⁶ Последнее, очевидно, преувеличено.

После отступления в Азиатской дивизии возник заговор: барон собирался воевать дальше, а его бойцы хотели уйти в Маньчжурию. В результате Резухин был убит, Унгерн попал в плен к красным. Предполагалось, что барона арестовали монголы Бишерельту-гуна Сундуя для передачи красным. Исследование показало, что они собирались передать Унгерна отступающим белым, но напоролись на разъезд М.Е. Щетинкина и попали в плен⁷.

¹ МУУТА, ф. 4, оп. 1, д. 28, л. 22–24.

² Магсаржав, 1994, с. 163–216; Калининков, 1929б, № 4, с. 88–89.

³ АВПРФ, ф. РМ, оп. 2, пор. № 29, папка 103, л. 87; РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, д. 106, л. 71.

⁴ АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 34, л. 6–7; РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, д. 106, л. 72–72об.; “Советская Сибирь”, № 165 (525), 06.08.1921, с. 2.

⁵ Князев, 1942, с. 131; Кузьмин, 2011б, с. 526.

⁶ Кислов, 1964, с. 68; Торновский, 1942 (изд. 2004), с. 285.

⁷ Душенькин, 1957, с. 71–81; Доржсүрэн, 1993; Кузьмин, 2011.

5.5. Государственность Монголии в период абсолютной монархии

5.5.1. Население и сословная структура

Перепись населения Внешней Монголии, позволившая получить наиболее полные результаты на период абсолютной монархии, была проведена в 1918 г. Статистические данные из этой переписи, найденные Б. Ширендыбом в МУУТА, отличаются от таковых, полученных экспедицией И.М. Майского в 1919 г. Главные расхождения следующие (первая цифра — по данным Майского, вторая — Ширендыба): число хошунов — 104 и 87, число хозяйств податного населения — 93 353 и 85 822, численность населения — 406 тыс. и 374 тыс., количество скота — 7565 тыс. и 5295 тыс. Аппарат переписи был несовершенным, население не желало давать точные сведения, в результате перепись шла в два приема: в 1918 и 1919 гг. По-видимому, Ширендыб нашел первый вариант, а Майский — более точный второй¹.

По уточненным данным Майского, численность монголов составляла 542 504, китайцев — 100 000, россиян — 5 000. Население Сэцэнханского аймака составляло 101 792 чел., Тушэтуханского — 100 224, Сайннойонханского — 133 860, Дзасактуханского — 70 241, Шабинского ведомства в 4 аймаках — 70 387, земель Богдо-гэгэна в Прихубсугулье — 16 000, Кобдоского округа — 50 000². Он привел следующие данные о сословном составе монголов: феодалы («дворяне и князья» — 5,7%), «свободные обыватели» (включая таковых духовного ведомства) — 26,2%, «крепостные» (хамджилга) — 16,6%, монахи — 44,6%, «вне сословий» — 7%³.

Высшими классами были духовенство (о его структуре см. в гл. 2) и феодалы. До подчинения маньчжурам у монголов были следующие феодальные титулы и чиновные должности: хан, джинон, чинсан, дайчин, бошогту, дайбун, тайсу, уйд-зэн, дзайсан, тайджи, туслагч, дзахирагч, мэрэн, дзалан, дзанги и хунду-бошохо⁴.

При маньчжурской династии были введены новые титулы (в нисходящем порядке, даны монгольские титулы, в скобках — маньчжурские): 1) чин-ван (цин-ван, хошой-цин-ван); 2) джун-ван (цзюн-ван, дорой-цзюн-ван); 3) бэйлэ (дорой-бэйлэ); 4) бэйсэ (гусай-бэйсэ); 5) тушэ-гун; 6) туслагч-гун. Церемониальная одежда их различалась⁵. Шесть владетелей уделов носили титул хана: халхаские Тушэту-хан, Дзасакту-хан, Сэцэн-хан, Сайн-нойон-хан, дэрбэтский Далай-хан и торгутский Дзоригту-хан.

Некоторые нойоны не имели титулов и назывались просто «владелец хошуна» (дзасак). Не владетельные феодалы (т.е. не имевшие уделов) именовались тайджи (дворянин), с разделением на четыре степени. Старший сын хана

¹ Майский, 1959, с. 29–31.

² Майский, 1921, с. 15–17, 30. По оценкам Майского, общая численность монголов составляла около 2 млн. чел.

³ Майский, 1921, с. 27–29.

⁴ Джамбадоржи, 2005, с. 113.

⁵ См., например, таблицу знаков отличия (по головным уборам, шарикам на них, одежде) хошой-чин-вана, джун-вана, бэйлэ, бэйсэ и гуна (Монголчууд, 2014, с. 148).

или чин-вана имел титул гуна, после смерти отца наследовал его титул, остальные дети становились тайджи 1-го класса (тэргун-тайджи). Старший сын джун-вана — тайджи 1-го класса, прочие — 2-го; старший сын бэйлэ и бэйсэ — тайджи 2-го класса, прочие — 3-го; старший сын гуна — тайджи 3-го класса, прочие — 4-го; дети тайджи — все тайджи 4-го класса. При этом старший сын по смерти отца наследовал его ранг. К титулам добавлялись наградные почетные звания (в том числе из старомонгольской традиции): эрдэнэ, дархан, тушэту, дайчин, сужигт, далай, ачиту¹, батор, бишерельту, дзоригту и др.

После провозглашения независимости в основном сохранились не только должности, титулы и звания, но и знаки сословных различий. Но теперь прерогативы их пожалования перешли от маньчжурского великого хана и «Лифаньюаня» к монгольскому великому хану и его правительству. К монгольскому Богдо-хану также перешло пожалование титулов и званий духовенству. Это способствовало централизации и консолидации новой монгольской власти.

Остановлюсь на этом подробнее.

В случае смерти хана аймака председатель сейма назначал наследника и представлял его теперь на утверждение Джебцундамбы². Монарх жаловал и новые титулы. Например, первый министр финансов Монголии Чагдаржав, а также Лувсанцэвэн, Найданжав и Джамц получили от Джебцундамбы титул чин-вана³, Унгерн (подданный Монголии) — дархан-хошой чин-вана в степени хана. С. Максаржав получил почетное звание Хатан-Батор, Дамдинсүрэн — Манлай-Батор, Бавужав-гун — Шударга-Батор и т.д. В знак уважения к Чингис-хану в 1913 г. был издан указ, по которому все потомки Чингиса и его брата Белгудэя становились тайджи. Этим же было обусловлено и то, что в законодательстве Монголии, разрабатывавшемся в 1911–1919 гг., Чингис-хан рассматривался как воплощение бодхисаттвы Очирвани⁴.

Богдо-гэгэн VIII даровал титулы не только феодалам, но также простолюдинам и иностранцам⁵. Например, он дал титул гуна шведскому коммерсанту и миссионеру Ф.А. Ларсону⁶, чин-вана — российским подданным Коростовцу, Резухину, Жамболону, тумбаир-гуна — Малиновскому и т.д.

После провозглашения независимости Монголии брат Богдо-гэгэна — чойжин-лама Г. Лувсанхайдав стал государственным оракулом⁷. Это было сделано

¹ Баранов, 1905, с. 18–19; Котвич, 1914, с. 18–19, 43.

² Майский, 1959, с. 15–17, 220.

³ Монгол улсын..., 2006, с. 9; МУУТА, ф. АЗ, д. 1, х.н. 257, тал. 64–67.

⁴ Лонжид, 2009, с. 46. Очирвани (санскр. Ваджрапани) — один из охранителей Учения, проявление могущества Будд.

⁵ Котвич, 1914, с. 21.

⁶ Lattimore, 1962, p. 116. Сам Ларсон (Larson, 1930, название книги) неверно трактовал этот титул как “герцог” — один из высших в Европе. В Монголии титул “гун” был как раз одним из низших (см. выше) — с большой натяжкой его можно соотнести с титулом барона или графа.

⁷ Возможно, Лувсанхайдав следовал не только школе Гэлуг (“желтошапочники”), но также Сакья или Ньингма (“красношапочники”): сходявший на него чойджон Зэмэр — покровитель Самье, первого монастыря школы Ньингма, который позже находился также под влиянием Сакья и Гэлуг.

по аналогии с Тибетом, где государственные оракулы были давно. Кроме того, чойджон Нэчунг — государственный оракул Тибета — всегда почитался и в Монголии. Подобно тибетским оракулам, у Лувсанхайдава был специальный лама, который объяснял его фразы, сказанные в трансе. Чойджоны ходили на Лувсанхайдава не реже шести раз в месяц. Богдо-гэгэн VIII издал лундэн, что эти чойджоны сахиусы сходят для защиты всех монголов. Схождение и остальной ритуал проходили аналогично тому, как в Тибете¹.

После провозглашения независимости монастырям предписали особо тщательно проводить торжественные богослужения, почти в каждой юрте стали устанавливаться и почитаться изображения бурханов, молитвенные цилиндры и флажки². Это усиливало влияние религии на население.

В условиях теократической монархии у талантливых выходцев из низших сословий появлялись возможности повышения статуса. Например, да-лама Цэрэнчимэд происходил из простых шабинаров Богдо-гэгэна³, а с провозглашения независимости стал министром и получил от него почетный титул чин-сужигтчин-ван-ламы⁴. Этот титул сочетает духовную и светскую титулатуры («неколебимо религиозно-ревностный князь-лама первой степени»).

Ламы Бадамдорж и Дашжав получили титул вана, Дашдэндэв — титул чинвана, Гомбоцэрэн, Пунцагдорж, Цэрэндэндэв, Тогтохо, Баяр — титул гуна. Настоятель Их-хурэ Пунцаг и его заместитель Содномраджа получили титул хутухты, пять ургинских цорджи — должность хамбо. Были повышены в должностях и некоторые другие ламы. За период монархии только из среды высших лам столицы около 40 были объявлены хутухтами и хубилганами. Богдо-гэгэн давал такие титулы ламам из монастырей и вне столицы⁵. Например, он дал почетные церковные титулы четверем хубилганам монастыря Егузэр-хутухты. Сам Егузэр одним из первых указов был награжден почетным правом на использование зеленой повозки и желтых поводьев⁶.

Чиновники разного ранга имели шарики тех же цветов на шапках, что при маньчжурах. В целом, прежними остались и покрои церемониальной одежды. Однако в ее орнаментах получили отражение символы религии и независимой Монголии (например, соёмбо)⁷. Все это теперь регулировалось монгольской властью.

В Монголии впервые были введены наградные ордена. Их получали не только монголы, но и иностранцы. Высшим был орден Драгоценной Ваджры (монг.: Эрдэнийн Очир), который имел 12 степеней, из которых первая называлась орденом Чингис-хана. Он предназначался для награждения высших иностранных государственных деятелей. Этот орден по указу Богдо-гэгэна VIII вручил Николаю II

¹ Дашдулам, Наранчимэг, 2011, с. 46, 65–66.

² Пурэвжав, 1983, с. 148–154, 196.

³ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 4126, л. 434; “Сибирь”, 28.06.1914.

⁴ Котвич, 1914, с. 20.

⁵ Пурэвжав, 1983, с. 150–152.

⁶ Мягмарсамбуу, 2014, с. 94–96; Олбаяр, 2012, с. 22.

⁷ Реконструкции см.: Ядамсүрэн, 2010, с. 35–138.

министр иностранных дел Монголии Ханддорж, возглавлявший монгольское посольство в Россию в 1912–1913 гг.¹

Некоторые шабинары Богдо-гэгэна, министры и их заместители, стремясь к личной выгоде, не столько следовали лундэнам Богдо, сколько исполняли их в личных целях, принимали незаконные решения, не спросив монарха².

Однако нет доказательств того, что «двор Богдо-гэгэна открыл доходную торговлю княжескими званиями и титулами»³. Более того: у феодалов, злоупотреблявших своим положением, Богдо-хан отбирал титулы. Например, гобийский Мэргэн Ананд-Очир из Тушэтуханского аймака лишился статуса хошунного князя за поборы и плохое обращение с подданными. Его место было передано родственнику — тайджи Дзайсанжаву. Джун-ван Цэрэнбавай того же аймака родился, вырос и жил в Пекине, не проявлял интереса к своему хошуну, но хотел числиться его правителем. Его отстранили и взамен поставили тайджи Джамьяншарава⁴. Был отстранен от должности туслагч Юмжав хошуна Дзоригту-вана Тушэтуханского аймака за то, что попытался переложить налоги аратов на монастырские хозяйства. С постов замминистра и председателя сейма Сэцэнханского аймака был смещен князь Гомбосурэн за оскорбление настоятеля Хурэ. Управляющий шаби восточной части Монголии Цэрэн-Очир был смещен за обложение джассы налогами⁵.

Простой народ Монголии (араты) по-прежнему делился на албату — податных, которые несли повинности на нужды государства и администраций хошунов; хамджилга — подданных феодалов, в том числе невладетельных; и шабинаров, работавших на церковь. Феодалы не были замкнутой кастой. Нередко они женились на простолюдинках, а дочери дзасаков обыкновенно выходили замуж за состоятельных тайджи или простолюдинов⁶. И.Я. Коростовец отмечал, что это делалось во избежание близкородственных браков.

Араты имели свои хозяйства в собственности. Феодалы и государство взыскивали с них отработочную, продуктовую и денежную ренты⁷. Работа на феодала лично состояла также в доставке ему топлива, уплате подати (в размере, установленном феодалом), но эта подать ограничивалась обычно нормой примерно в одного барана из 20, за что хамджилга были освобождены от несения хошунных повинностей и податей, которые были не легче. Для феодалов разных степеней был установлен определенный предел числа семей хамджилга, которыми они могли управлять: тайджи 1-го класса — 15 и т.д. до 4-го класса — 4. Прирост числа хамджилга перечислялся хошунным управлением в войска (возраст — 18–61 год)⁸.

¹ Подробнее см.: Лонжид, 2009, с. 45; Цолмон, 2009, с. 60–70; Монгол торийн..., 2011, с. 218–219.

² МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 1, х.н. 19а, тал 1–145.

³ Кунгуров, Сороковиков, 1946, с. 14.

⁴ Diluv Khutagt — in: Lattimore, Isono, 1982, p. 77–78.

⁵ Пурэвжав, 1983, с. 155–156, 193.

⁶ Коростовец, 2004, с. 116–117.

⁷ Ширендыб, 1960, с. 64–67.

⁸ Баранов, б.г., с. 31; 1905, с. 20, 22–23.

Феодалы несли ответственность за своих подчиненных. Например, за смерть слуги или подданного от порки для любого феодала от хана до тайджи предусматривалось лишение жалованья на год, если от этого умирал свободный — лишение жалованья на два года, если караульный — на три¹.

По свидетельству очевидца А.М. Баранова, к началу XX в. отношения хамджилга со своими феодалами были очень близкими и даже приятельскими, и у них «нет ничего общего, что связывается у нас с представлениями о крепостном праве»; тайджи не имели права продавать своих аратов².

Сходные выводы сделал И.М. Майский по наблюдениям 1919 г.: крепостное право в общепотребительном смысле этого слова в Монголии было уже в далеком прошлом. Рассказы стариков об этом напоминали ему смутные предания и легенды, а не недавние события. По его словам, в те времена положение «крепостного» очень мало отличалось от «свободного обывателя». Зависимость от феодала выражалась в личной службе (обычно дежурство в ставке). За это «крепостной» пользовался податными льготами и не нес воинской повинности³.

Это согласуется и с отзывами монголов-очевидцев: хамджилга иногда были гораздо богаче своих господ и принимали последних в качестве зависимых работников, а повинности шабинаров были не очень обременительными⁴. Шабинаров вообще нельзя считать крепостными (см. гл. 2).

Тем не менее, хамджилга и шабинаров, а нередко и албату в теократической Монголии до сих пор нередко называют крепостными. По-видимому, эта концепция окончательно сложилась в СССР и, соответственно, в МНР к 1950-м гг. Во 2-м издании своей книги Майский о крепостных говорит уже без кавычек, хотя и указывает, что «узы крепостного права в среде албату и шабинаров сказывались гораздо менее явственно и определенно»⁵. Б. Ширендыб привел детальные данные о сборах с населения на нужды феодалов и духовенства и сделал вывод, что эти факты о «тяжелом положении крепостных аратов полностью опровергают мнение Х.Х. Вриланда»⁶.

С этим трудно согласиться. Из фактов, приведенных Ширендыбом, остается неясным, как обогащение конкретного феодала или ламы привело к тяжелому положению конкретных аратов, как соотносились повинности и сборы в пользу государства с таковыми в пользу «эксплуататоров», какую пользу или вред приносили последние государству.

Имеющиеся сведения говорят о том, что обеднение части аратов в XIX – начале XX в. было вызвано в основном внешними факторами — климатическим (падежи скота от бескормицы) и экономическим (долги китайским фирмам), причем беднели не только араты, но и феодалы. Количественно оценить масштабы это-

¹ Зарлигаар..., 1995, с. 189–203.

² Баранов, б.г., с. 31; 1905, с. 20, 22–23.

³ Майский, 1921, с. 26–27.

⁴ Vreeland, 1952, p. 12.

⁵ Майский, 1959, с. 41–43.

⁶ Ширендыб, 1960, с. 62–87.

го обеднения и влияния на него «феодальной эксплуатации» невозможно в связи с отсутствием сравнимых статистических данных по разным периодам. Однако эпизоды ухудшения жизни и массового недовольства населения в МНР (подробнее см. гл. 8), СССР и КНР говорят о том, что власть красных бывает вряд ли менее обременительна для народа, чем власть феодалов и лам.

5.5.2. Административно-территориальное деление и управление

5.5.2.1. От провозглашения независимости до китайской оккупации

Если в состав Монгольского государства включать все владения, признавшие власть Богдо-гэгэна VIII в 1911–1913 гг., то его территорию составляли Внешняя, почти вся Внутренняя Монголия, Барга и часть Урянхайского края. Богдо-хан и его правительство назначали туда наместников, жаловали печати и титулы. Но военные поражения от китайцев и признание автономии в 1915 г. вывели эти земли из ведения Богдо-хана. Кяхтинским соглашением 1915 г. территория автономной Монголии была ограничена Халхой, Кобдоским округом и Даригангой¹.

Автономная Внешняя Монголия включала следующие аймаки: Сэцэнханский, Тушэтуханский, Сайннойонханский, Дзасактуханский, Дзориктуханский и Далайханский. Высшими административными единицами стали наместничества: Ургинское (к нему относились Сэцэнханский и Тушэтуханский аймаки), Улясутайское (Сайннойонханский и Дзасактуханский аймаки) и Кобдоское (Дзориктуханский и Далайханский аймаки). Наместники назначались из Нийслэл-хурэ, имели по 1–2 помощника и небольшой штат чиновников².

Чтобы действия по воссоединению Внешней и Внутренней Монголии были результативнее, Богдо-гэгэн VIII указом от 30 июня 1913 г. назначил Егузэр-хутухту Галсандаша сайдом Юго-восточного края³. Это означало выделение нового наместничества. Егузэр-хутухта отправлял должность сайда несколько лет. Его монастырь Уну-Углугт-хийд занимал стратегическое положение у границ Халхи, Дариганги, Барги и Внутренней Монголии. Хутухта имел большие связи духовного и личного характера во Внутренней Монголии, участвовал в организации наступления туда войск Богдо-хана⁴.

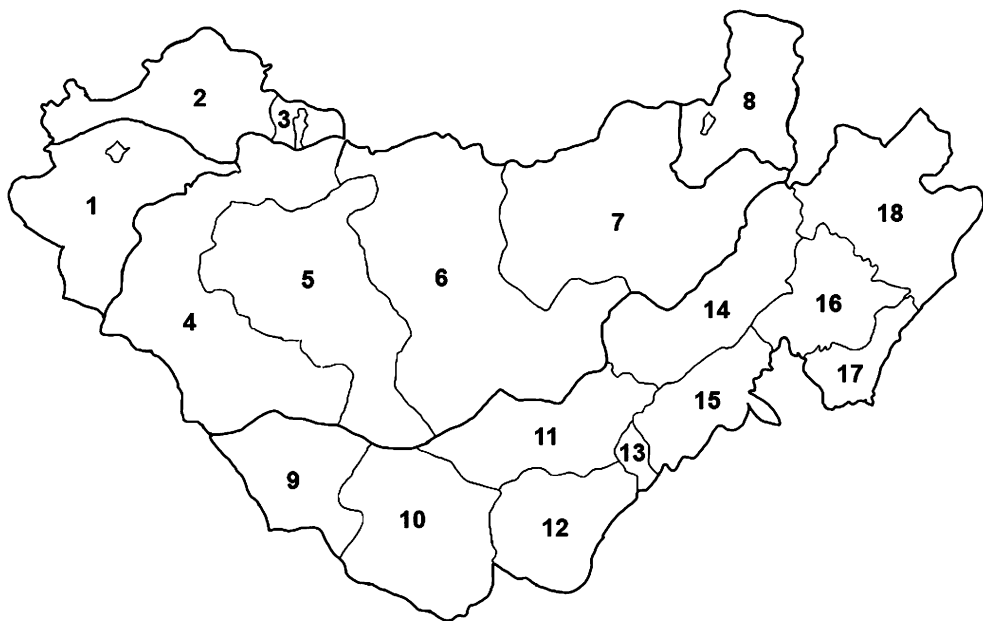
Председатели сеймов (монг.: чуулган дарга) по-прежнему выбирались из владетельных хошунных князей (дзасаков). Они и их помощники раньше утверждались цинским императором, а теперь — Богдо-гэгэном. Между заседания-

¹ Район Дариганга был императорским пастбищем с отдельным управлением. На переговорах перед Кяхтинским соглашением монголы на основе старых карт показали, что Дариганга традиционно относится к Монголии (Батсайхан, 2007б, с. 91). В КНР же утверждают, что включение Дариганги во Внешнюю Монголию было легализацией фактической оккупации в 1912 г. (Zhou, 2000, p. 103–112).

² Майский, 1921, с. 273–274.

³ МУУТА, ф. А3, л. 1, х.н. 49, х. 3–4 — в кн.: Мягмарсамбуу, 2014, с. 69–70.

⁴ Эльбек-Доржи Ринчино..., 1998, с. 133; Мягмарсамбуу, 2014, с. 67–69.

Территория государства Монголия согласно декларациям в первые годы Многими Возведенного.

1 — Кобдоский край, 2 — Урянхай, 3 — Дархаг, 4 — Дзасактуханский аймак, 5 — Сайннйонханский аймак, 6 — Тушэтуханский аймак, 7 — Сэцэнханский аймак, 8 — Барга, 9 — Эдзингол, 10 — Алашань, 11 — Уланцабский сейм, 12 — Ихэджуский сейм, 13 — район Хух-хото, 14 — Силингольский сейм, 15 — Чахар, 16 — Джоудаский сейм, 17 — Джосотуский сейм, 18 — Джеримский сейм.

ми сейма руководство аймаком осуществляло управление при ставке князя. Его функции были те же, что у хошунных управлений, за вычетом военных дел¹.

В период теократической монархии на уровне аймаков произошли незначительные изменения в названиях и юрисдикции сеймов. Сейм Хан-ула стал сеймом Богдо-хан-хайрхан-ула, сейм Биндэрья-нур — Хан-Тайшир-ула, Керулен-Барс-хот — Хан-Хэнтэй-ула. Сеймам аймаков Далай-Дэрбэт-хана и Дзоригту-хана разрешили поменять места и расположение². Общий сейм всех аймаков должен был собираться каждые три года для обсуждения аймачных дел и выборов своего главы. Главы сеймов могли выбираться из владетельных князей, ванов и гунов, не имевших хошунов. Они выдвигались Богдо-ханом для утверждения. В их власти были внутренняя политика, координация уртонной службы и все вопросы, неподведомственные хошунной администрации. Военным делом аймака ведал джанджин, утверждавшийся ханским указом³.

¹ Майский, 1959, с. 220–221.

² Урангуа, 2013, с. 37.

³ Sneath, 2012, p. 63–64.

При правителе хошуна — дзасаке был властный орган: управление (*тамга*, что означает также «печать»). Число дзасаков в разных аймаках было разным, после объявления независимости число хошунов изменилось. В некоторых из них в отдельные годы не было дзасаков¹. Глава хошунного управления — туслагч (помощник князя), имел своего помощника (дзахирагч), одного или нескольких мэрэнов (заведующий княжеской печатью, правым или левым крылом хошуна) и советника (дзалан)². В прошлом туслагч и дзахирагч утверждались маньчжурским императором, теперь — Богдо-гэгэном.

Дзасак имел право суда, проводил рекрутские наборы, разрешал переход в духовное сословие, заботился о храмах. Он имел право назначать, увольнять и наказывать всех хошунных чиновников, кроме туслагча. Управление должно было получать санкцию князя на свои решения. Исключением был хошун мянгатов в Кобдоском округе: во главе него стоял выборный, а не наследственный князь³.

В административном и судебном отношениях хошун подчинялся председателю сейма, но универсальным органом власти в хошуне было управление. Оно вело списки населения, решало административные дела, отправляло суд, собирало подати, содержало уртоны, управляло госимуществом, представляло население на аймачных сеймах. В хошунном управлении было 10 книг, содержавших сведения об административных и судебных решениях, численности населения, сборах и т.д. В период теократической монархии военные дела были изъяты у хошунных управлений и переданы в руки аймачных джанджинов. В 1913 г. были утверждены флаги для армии и войск аймаков, в 1914 г. — войсковые знаки отличия⁴.

После провозглашения независимости Монголии в местных органах власти главную роль стали играть тайджи: они занимали большинство чиновных должностей, тогда как на должности высших хошунных чиновников (туслагч, дзахирагч, мэрэн) ставили родственников владетельных князей. Свою власть князья передавали тем из сыновей, кто проявлял наибольшие таланты по части госслужбы. Они должны были осваивать книги по монгольскому праву и обычаям. Эта традиция просуществовала до 1923 г.⁵

Документы показывают, что местные феодалы и высшие чиновники аймаков и хошунов, подчиняясь правительству Богдо-хана, на местах были, фактически, единоличными правителями: имели свои суды, войска, самостоятельно собирали налоги⁶.

Хошуны в военном отношении делились на сомоны. Сомон должен был при мобилизации выставлять 150 всадников. Мобилизацией ведал дзанги сомона (су-

¹ Пүрэв, 2004, с. 21–24.

² Баранов, б.г., с. 26; Беннигсен, 1912, с. 47; Ширендыб, 1960, с. 23.

³ Майский, 1959, с. 213–219.

⁴ Майский, 1959, с. 216; Ширендыб, 1960, с. 156.

⁵ Лонжид, 2011а, с. 35–36.

⁶ Монхбаяр, 2012, с. 109.

мын занги). В гражданском отношении хошуны делились на баги — группы по 50–60 юрт, кочевавших по определенным урочищам. В некоторых хошунах *баг* назывался *оток* (род). Во главе *бага* стоял начальник (*дарга*), подчинявшийся хошунному управлению. *Баги* делились на *аравты* (десятки) по 10, иногда 15–25 юрт, во главе с выборным десятником¹.

Первичные административные единицы у хубилганов и хутухт назывались *оток* и *дацан* (аналогичные багам и сомонам). Зая-пандита-хутухта, Эрдэнэ-пандита-хутухта, Хамбо-номун-хутухта в Сайннойонханском аймаке распределили своих шабинаров не по отокам, а по дацанам².

Итак, в монархической Монголии административные единицы по возрастающей были следующие: аравт, баг и сомон (для шабинаров — оток или дацан), хошун, аймак, наместничество.

Согласно «Сборнику законодательства государства Монголия, установленного указами», всего во Внешней Монголии в период автономии было 6 аймаков, 118 хошунов и 56 шаби, но владения высших теократов — хутухт не составляли отдельных аймаков. Эти хошуны и шаби были классифицированы следующим образом: 30 отоков Джебцзундамба-хутухты; 21 хошун Тушэтуханского аймака; 20 хошунов и 3 отока (Джалханца-хутухты, Ялгусан-хутухты, Номун-хан-хутухты) Дзасактуханского аймака; 25 хошунов, 2 отока (Ялгусан-хутухты, Егузэр-хутухты) Сэцэнханского аймака; 25 хошунов, 8 отоков (Зая-пандита-хутухты, Эрдэнэ-пандита-хутухты, Номун-хана Эрдэнэ-хамбо-нойон-хутухты, Эрдэнэ-Мэргэн-нойон-хутухты, Наробанчин-хутухты, Наран-хутухты, Хамбо-номун-хан-хутухты, Шива-Ширэту-хутухты) Сайннойонханского аймака; 15 хошунов правого крыла дэрбэтов Дзоригтуханского аймака; 12 хошунов левого крыла дэрбэтов Далайханского аймака. В этот период было 13 хутухт, имевших печати³. Позже, к 1921 г. число хошунов и шаби увеличилось⁴. Каждый оток имел свое название, в основном — по личным титулам хутухт, также как хошуны — по титулам дзасаков, аймаки — по титулам ханов.

Становясь шабинарами, араты оставались на своих землях. В случае бескормицы они могли кочевать по всей Халхе, но затем возвращались обратно. У шабинаров Богдо-гэгэна не было фиксированной территории, за исключением отока Хар-Дархат площадью 27966 км². До провозглашения независимости было 12 отоков. В период независимости и автономии их стало 17, потом их число увеличилось до 30, 75 и 200⁵. В отличие от шабинаров, остальные араты обязаны были пасти скот в пределах хошуна, к которому они были приписаны, переходить в другой хошун можно было лишь с разрешения правителя данного хошуна⁶.

¹ Майский, 1959, с. 217.

² Пурэвжав, 1983, с. 259–260.

³ Зарлигаар..., 1995, с. 6–11; Алтанзаяа, 2005, с. 89–90; Урангуа, 2013, с. 37.

⁴ Пүрэв, 2004, с. 43, 180–185 дал детальную роспись населения по хошунам и шаби по каждому аймаку и краю (см. также табл. 1).

⁵ Цэдэв, 1964, с. 29–30.

⁶ Майский, 1921, с. 271, 1959, с. 119.

Таблица 1. Число хошунов и шаби Монголии в 1921 г. (Пүрэв, 2004, с. 43)

Административно-территориальные единицы	Число хошунов	Число отоков хутухт с печатями	Баги отоков Великого шаби	Всего
Тушэтуханский аймак	21	–	127	148
Сэцэнханский аймак	26	2	58	83
Сайнойонханский аймак	26	8	8	42
Дзасактуханский аймак	20	3	1	24
Далайханский аймак	12	–	–	12
Дзориктуханский аймак	8	–	–	8
Алтайские урянхайцы, казахи	9	–	–	9
Тарячины, торгуты, хошуты	4	–	–	4
Хубсугульский край	1	–	8	9
Дариганга	1	–	–	1
Всего	128	13	202	343

В период теократической монархии возросло влияние Шабинского ведомства во главе с Эрдэнэ-шанцзотбой. Ему подчинялись два да-ламы, 16 дзайсанов, восемь чиновных писарей (*тушмэл бичээч*), 20 лам-адъютантов (*хиа-лам*), несколько мирских дзайсанов, феодалов и помощников¹.

В 1914 г. по указу Богдо-гэгэна министру юстиции М. Намсраю во всех монастырях Нийслэл-хурэ все дела гецулов, гелонгов и других сначала должны были докладываться Эрдэнэ-шанцзотбе, после того, как он заслушал — Хамбо-номун-хану². Богдо-гэгэн расширил полномочия Эрдэнэ-шанцзотбы, Хамбо-номун-хана и дэд-хамбо столичного монастыря. Они получили право смещать с должностей да-лам и дэмчи — правителей монастырей, имевших удостоверения. Хозяйства Шабинского ведомства, монастыри и их хозяйства были полностью освобождены от государственных налогов и арендной платы за пахотные земли, 11 крупных монастырей Шабинского ведомства стали получать ежегодную государственную дотацию в 160 тыс. лан серебра³.

Хотя в теократической Монголии происходила централизация и консолидация власти, она не была жестко централизована. С одной стороны, хошуны и шабинары хутухт, имевших печати, подчинялись МВД, а с другой — отоки шаби через их председателей подчинялись ведомству Эрдэнэ-шанцзотбы. Последний подчинялся непосредственно Богдо-хану. Феодалы, занимавшие высшие должности, происходили, как правило, из старой аристократии, некоторые — из рода Чингисхана. Это относится и к части высших лам⁴. Министры (сайды) выбирались из мирян, имевших титулы не ниже гуна или из духовных лиц не ниже да-лам⁵.

Первое постоянное правительство Монголии после провозглашения независимости назначил Богдо-гэгэн VIII, принимая на себя светскую власть. Оно

¹ Teleki, 2011, p. 61–63.

² Жамбал, 2012, с. 48–49.

³ Пурэвжав, 1983, с. 148–154, 196.

⁴ Алтанзая, 2005, с. 91; Урангуа, 2013, с. 36.

⁵ Алтанзая, 2005, с. 91.

состояло из пяти министерств: внутренних дел, иностранных дел, юстиции, военного и финансов¹. Министром внутренних дел («первым министром МВД» — *Дотоод яамны тэргүүн сайд*) стал да-лама Цэрэнчимэд, вице-министрами (*дэд сайд*) — Далай-Чойнхор-ван Цэдэнсодном и Сэцэн-ван Гомбосурэн, вторыми чиновниками (*дэс тушмэл*) — гун Хайсан, Батор-гун Лхам, Магсаржав. Министром иностранных дел стал чин-ван Ханддорж, вице-министрами — да-лама Великого шаби Равдан, баргутский дзанги Дамдинсурэн-гун, вторыми чиновниками — дзайсан Цэрэндорж, тойн-лама Лувсанжамба. Министром военного министерства стал Эрдэнэ-Далай-ван Гомбосурэн, вице-министрами — Дзоригту-бэйсэ Агвандорж, Батор-бэйсэ Базарвань, вторыми чиновниками — гун Сономдорж и дзахирагч Гунгадоной. Министром финансов стал Тушэту-ван Чагдаржав, вице-министрами — Бишерельту-ван Доржцэрэн и Сартул-сэцэн-бэйсэ Джалцан-Гомбоцэдэн, вторым чиновником — дзайсан-лама Лувсанбалдан, чиновником — Нэрэнванчиг. Министром юстиции стал Эрдэнэ-ван Намсрай, вице-министрами — чин-ачиту-бэйсэ Сансрайдорж, хошуч-мэргэн-бэйсэ Дугаржав, вторыми чиновниками — Туванжав и баргинский чиновник Гайхаш².

Летом 1912 г. было учреждено министерство всех дел (которому теперь подчинялось МВД) и министерство содействия религии и государству, главой правительства назначен Сайн-нойон-хан Т. Намнансурэн, ставший высшим должностным лицом после Богдо-хана. Министерство содействия религии и государству было независимым от премьер-министра. Более того: возглавлявший его да-лама Дашинжав имел право контролировать деятельность главы правительства³. В 1912 г. также было создано министерство таможен, которое подчинили министерству финансов⁴.

В правительство входили не только внешние монголы, но и видные деятели национально-освободительного движения Внутренней Монголии и Барги: князь Левого крыла хошуна Хорчин Джеримского сейма Гончигсурэн (заместитель премьера), Удай-ван, Хайсан-гун, Манлай-Батор Дамдинсурэн-гун, Цэндэ-гун, Насан-Арвижих-бэйсэ, Тогтохо-гун (заместители министров иностранных, внутренних и военных дел)⁵.

В правительстве нарастали разногласия: правящие князья Халхи выражали недовольство концентрацией власти в руках да-ламы Цэрэнчимэда и нойонов из Внутренней Монголии. Россия предпочитала видеть власть в руках князей Халхи, а не лам и внутренних монголов⁶. Цэрэнчимэд старался сглаживать эти разногласия. Среди тех, кто был задействован в этом, были Хайсан-гун и Бинту-ван, которого Богдо-хан назначил заместителем министра⁷.

¹ Магсаржав, 1994, с. 12, 88.

² Дэндэв, 2006, с. 89–91.

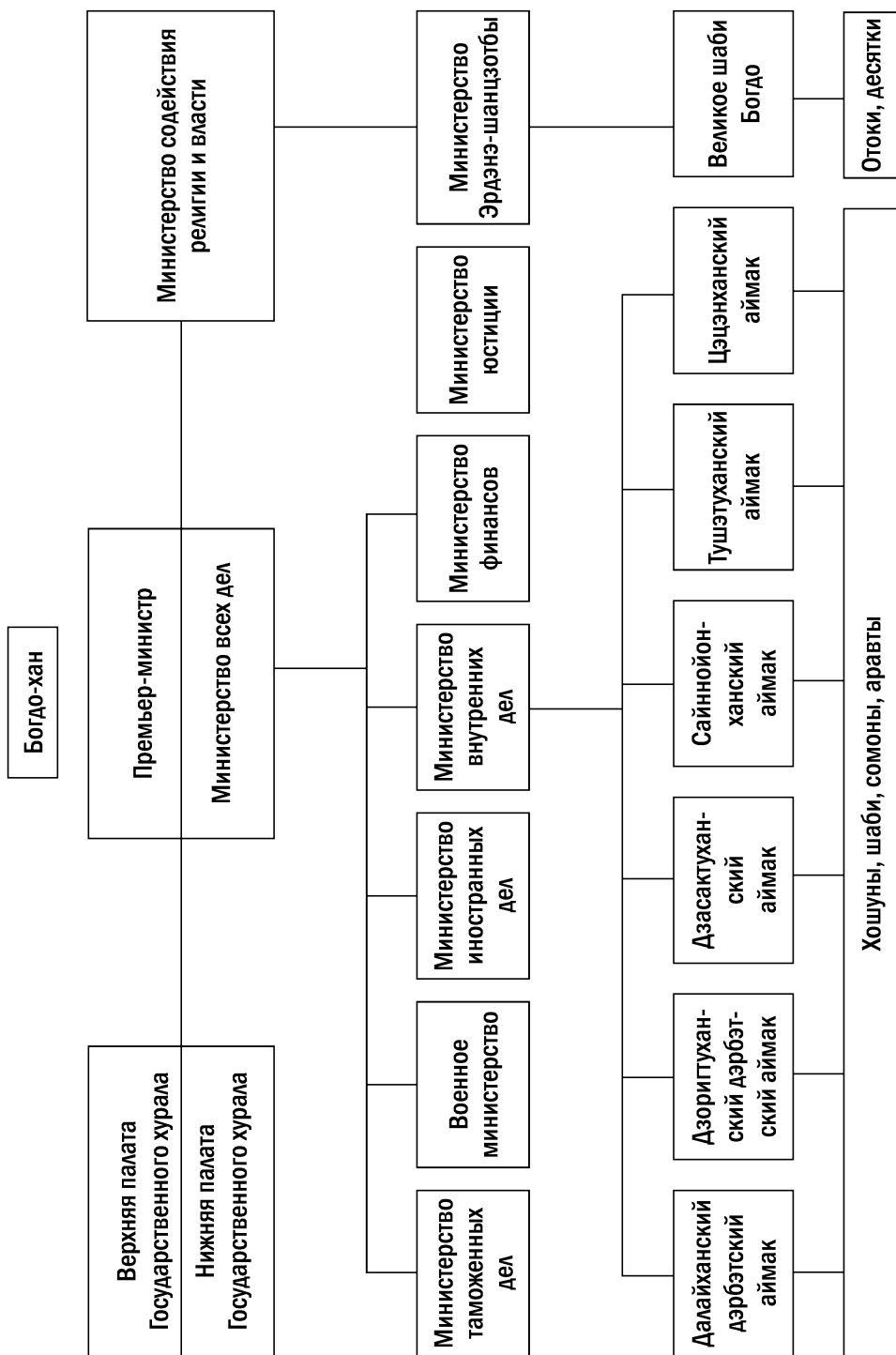
³ Урангуа, 2013, с. 36; Пунцагноров, 1950, с. 146–147.

⁴ Детальное описание его структуры и штата: Монгол улсын..., 2006, с. 9–12.

⁵ Хишигт, 2011а, с. 25.

⁶ Тачибана, 2011, с. 55–88.

⁷ После того как в 1914 г. умер Цэрэнчимэд, харчин Хайсан вернулся во Внутреннюю Монголию (Чулуун, 2012а, с. 155–164, 2012б, с. 25–29).

Структура автономного правительства Монголии (МТМ, с изменениями).

Летом 1914 г. Богдо-хан отправил на запад страны министра внутренних дел да-ламу Цэрэнчимэда для расследования деятельности Дамбиджанцана и водворения порядка среди мятежных казахов. В июне Цэрэнчимэд скончался (видимо, от болезни) около Дэджилин-хурэ между Улясутаем и Кобдо¹.

В 1915 г. три новых министерства (см. выше) были упразднены, и стало снова пять министерств. Правительство возглавил премьер-министр Т. Намнансурэн, пост которого был установлен указом Богдо-хана от 12 октября 1915 г.²

Согласно монгольским архивам, с 1911 по 1919 г. правительство издало около 200 законов, правил и других актов, одобренных Богдо-ханом. Наиболее важными из них были: правила заготовки сена и выделения земель под пастбища и пашни; о реорганизации войск 4 аймаков; о мобилизации для защиты южных районов; договоры с Россией, Тибетом и Китаем; правила для Шабинского ведомства, казначейства и министерств; указание военного министерства о мобилизации войск и размещении их по «пяти дорогам» для защиты и поселения перешедших в подданство внутренних монголов; нота правительству России о том, чтобы при переговорах с Китаем о Монголии вначале ставилось в известность монгольское правительство; соглашение, подписанное МИД с российскими ветеринарами; правила информирования ведомства шанцзотбы в случае допросов духовных лиц мирскими судами; декреты о создании Верхней и Нижней палат Государственного хурала; правила из восьми пунктов для этих палат; правила, изменяющие приговоры за кражу скота; о распоряжении госсобственностью; правила, ограничивающие изменения и аннулирование ранее принятых государственных актов органами власти; аннулирования долгов неплатежеспособных лиц иностранным и местным заимодавцам; запрещающие перепродажу мяса и мясных продуктов; запрет продажи и покупки по дороге товаров, которые перевозятся на продажу в Нийслэл-хурэ; правила из 32 пунктов о наказаниях для духовных лиц, которые находятся в местах концентрации мирян и участвуют в греховных действиях; правила расследования мелких нарушений типа пьянства и азартных игр; постановления по уртонным станциям в 4 аймаках Халхи в связи с имеющимся в них количеством скота; правила, приравнивающие Эрдэнэ-шанцзотбу в Нийслэл-хурэ к председателю сейма; правила налогообложения скота дзасак-тайджи и дзанги³.

В 1915 г. министром внутренних дел был назначен да-лама Бадамдорж, пост Эрдэнэ-шанцзотбы занял да-лама Дашжав. В 1915 г. умер министр финансов Тушэту-ван Чагдаржав. На его место Богдо-хан назначил да-ламу Лувсанбалдана⁴. В результате важнейшие министерства перешли под контроль духовенства. Это укрепило церковь и ослабило феодалов.

Российский консул А.Я. Миллер посоветовал Богдо-хану уволить духовных лиц из правительства, но совет принят не был⁵. В начале 1916 г. Миллер предложил

¹ “Сибирь”, 28.06.1914; “Сибирская жизнь”, 14.11.1914.

² Алтанзаяа, 2005, с. 91; Урангуа, 2013, с. 36.

³ Батсайхан, 2011б, с. 352–354.

⁴ Лонжид, 2008, с. 13.

⁵ Сандаг, 1958, с. 225–226.

правительству России совершить в столице Монголии переворот с помощью бурятских казаков и части монгольской бригады, чтобы отстранить от власти духовенство, провозгласить отделение церкви от государства и расчистить дорогу во власть князьям. МИД России категорически отверг этот план и указал, что в будущем консульство должно жестко «дозировать» в жизни страны роль и влияние бурят¹.

Неудивительно, что в период автономии численность податных аратов (албату и хамджилга) сокращалась, а аратов-шабинаров — росла за счет перехода в них податных. Например, в 1915 г. у Богдо-гэгэна было 55 599 шабинаров, а в 1918 г. — уже 71 058². К 1918 г. экономическая мощь монастырей намного превосходила таковую феодалов: нойоны владели лишь 3,9% поголовья скота, а монастыри — 17%, большая часть богатства была сосредоточена в монастырях самых влиятельных иерархов³.

В начале 1919 г. премьер-министр Т. Намнансурэн почувствовал себя плохо, уехал в отпуск, был вызван в столицу, явился во дворец, и вскоре умер⁴. На его место был назначен Эрдэнэ-шанцотба Бадамдорж, сразу назначивший товарищем министра юстиции своего племянника — тоже ламу. Поскольку министром финансов уже был лама, то при слабости армии и параличе отношений с другими государствами почти вся власть сосредоточилась в руках духовенства⁵.

По сообщению советника при монгольском правительстве П.А. Витте, борьба ряда представителей светской и духовной власти к 1919 г. так усилилась, что целые хошуны стали переходить в Шабинское ведомство, свободное от государственных налогов. Тяжесть налогового бремени на светские хошуны росла. Кроме того, по донесению российского дипломатического агента в Нийслэл-хурэ, перепись населения Внешней Монголии в 1918 г. дала результаты, по светскому населению примерно на 25% заниженные из-за недоверия монголов и злоупотреблений. Витте писал, что специфика Монголии позволяет обращать значительную часть доходов министерств не в казну, а в пользу самих министерств. Потому духовенство постаралось монополизировать самые доходные из них — финансов и внутренних дел, тогда как министерства иностранных дел, военное и юстиции достались князьям⁶.

Росло недовольство феодалов, связанное со снижением их доходов. Например, в 1912 и 1914 гг. председатель сейма Дзасактуханского аймака под предлогом обнищания аратов отказался платить налоги и большие пожертвования Богдо-гэгэну. В 1913 г. дзасаки девяти хошунов Сайннойонханского аймака отказались платить Наробанчин-хутухте VI Жугдэрнамжилу. В 1919 г. вышло распоряжение по

¹ Лузянин, 2003, с. 74.

² МУУТА — в кн.: Ширендыб, 160, с. 202.

³ Майский, 1921, с. 127.

⁴ Были слухи, что он был отравлен окружением Богдо-гэгэна VIII — как и несколько других нойонов. Рассказывали даже о ритуале, направленном на смерть 12 нойонов Халхи — которые однако, выжили (Пурэвжав, 1983, с. 161–163). Эти слухи, не подтвержденные фактами, распространялись в основном противниками теократии.

⁵ Ургинский, 1921, с. 172.

⁶ С-кий, 1922, с. 596–597.

хошуну хошуч-мэргэн-бэйсэ Сайннойонханского аймака. В нем, со ссылкой на распоряжение военного министерства, предписывалось вернуться в мир и поступить на гражданскую или военную службу тем, кто стал ламами «не с малых лет» и еще не достиг 50 лет. Детям, не преуспевшим в учении, также предписывалось вернуться в мир¹.

Несмотря на противоречия между феодалами и ламами в сфере исполнительной власти, менее чем через три года после провозглашения независимости впервые в истории Монголии стали создаваться структуры, явившиеся прообразом центральной законодательной власти.

23 марта 1914 г. Богдо-хану было направлено послание с просьбой санкционировать создание Верхней (*Дээд хурал*) и Нижней (*Доод хурал*) палат Государственного собрания (*Улсын хурал*) с предложением о составе этих органов. Тем же числом датирован документ о статусе и регламенте их работы. Это закладывало основы будущего разделения законодательной и исполнительной ветвей власти.

12 апреля 1914 г. вышел указ Богдо-хана, санкционировавший работу двух палат. В них вошли представители феодалов и духовенства. Верхняя палата состояла из пяти министров и 11 вице-министров, а также четырех ханов Халхи, дзасаков хошунов, Эрдэнэ-шанцзотбы и да-лам. На заседаниях Верхней палаты председательствовал премьер-министр, Нижней — кого он назначит. В Нижнюю палату входили чиновники министерств и Шабинского ведомства, чиновники 2-й степени, временно и постоянно проживающие в столице чиновники от 1-й до 5-й степеней. Заседания Верхней палаты должны были проходить по пятницам, Нижней — по воскресеньям. Верхняя палата должна была выносить решения по представленным докладом, спускать в Нижнюю палату вопросы, которые там надо рассмотреть. Верхняя палата вырабатывала и принимала важные политические решения, Нижняя — вела обсуждения и подчинялась Верхней².

Важной функцией Нижней палаты было доведение мнений народа до сведения правительства и монарха. Этим создавался важный канал взаимодействия центральной власти и народа.

В МУУТА (ф. А1) сохранилось почти 1500 документов о работе обеих палат³. Судя по ним, предметы обсуждения были самые разные: организация обороны, торговли, банка, курс рубля, использование российского займа, в 1917 г. — проблема девальвации рубля, регламентация продажи и перепродажи мяса и скота, таможенные сборы, промышленность, строительство, ремесленное производство в хошунах, уртоны, разработка полезных ископаемых, лесозаготовки, вакансии МВД и МИД, разработка новых законов, регламент официальных бумаг, жало-

¹ Пурэвжав, 1983, с. 156–157, 183.

² Богдын лүндэн..., 2002, с. 245–246; МУУТА, ф. А2, д. 1, х.н. 13, тал 42–47, ф. А173, д. 1, х.н. 233 — в кн.: Монгол улсын дээд..., 2003, с. 24–28; Пунцагноров, 1950, с. 143–144; Урангуа, 2013, с. 36. В Китае считалось, что две палаты в Монголии были организованы под контролем России, но не так давно эта точка зрения была там опровергнута (Zhou, 2001a, p. 23–27, 2001b, p. 50–54).

³ Монгол улсын дээд..., 2003, с. 19.

ванье, земледелие, обработка чайных листьев, организация школ, повышение благосостояния народа, форма одежды князей и чиновников на празднике Круговращение Майдари, правила церемонии даншиг Богдо-гэгэну, изменения в расписании заседаний в связи с богослужениями Богдо-гэгэна с супругой и празднованием Цама, регистрация входящих документов, телеграфные правила¹.

Согласно документам, палаты обсуждали также важные вопросы государственного строительства и внешней политики: о желании гунов, бэйсэ, хутухт, чиновников Чахара, Дариганги, Тумэта, Хишигтэна и других хошунов присоединиться к государству Монголия; о просьбах из Внутренней Монголии о военной помощи в связи со вторжением китайских войск и страданиями населения. Сохранилось много документов о деятельности Бавужава².

Документы с рассмотрением телеграмм, писем и т.д. о Кяхтинских переговорах³ говорят об участии палат в выработке политической линии монгольской стороны. Позже палаты обсуждали вопрос о российских советниках — в частности, Вите и Козине, о просьбе о помощи от Японии⁴.

Чтобы упорядочить посещение заседаний, в регламенте палат говорилось, что чиновники, которые не могут присутствовать, должны представить объяснительную записку. За опоздание предусматривался штраф маслом и жиром — на возжигание в храмах лампад (зул). За опоздание на 15 мин надлежало ставить в течение 3 сут. лампы перед главными изображениями Будды, Ваджрадхары и Тары в храмах Хурэ, за опоздание на полчаса — ставить в течение 6 сут., на 45 мин — 1,5 часа — каждые день и ночь в течение месяца. Сохранилось много объяснительных записок о пропуске заседаний — в основном по состоянию здоровья⁵, а также постановлений о штрафах за опоздания, в том числе таким известным лицам, как Тунгалаг-ван, Тогтохо-гун, Джамц-гун, Хайсан-гун, Доржцэрэн-бэйлэ, хубилган Лувсанджамба⁶. Система санкций за опоздания и пропуски заседаний отражала теократический характер государства. Конечно, она была несовершенной, но могла бы составить пример некоторым современным парламентам, где даже регулярные прогулы не влекут санкций.

Сохранилось много документов, в том числе по незначительным вопросам, которые по несколько раз передавали друг другу Верхняя и Нижняя палаты. Процесс принятия решений был медленным, это тормозило работу и преобразования.

Что касается законодательства, то сразу после провозглашения независимости монгольское правительство руководствовалось установлениями Цинской династии для монголов, которые, как сказано выше, включали более ранние нормы

¹ Монгол улсын дээд..., 2003, с. 80–264; 2005а, с. 24–132.

² Монгол улсын дээд..., 2003, с. 86–178.

³ МУУТА, ф. А1, д. 1, х. 1, тал 9, 20, 21, х. 3, тал 3 — в кн.: Монгол улсын дээд..., 2003, с. 137–169.

⁴ Монгол улсын дээд..., 2005а, с. 24–110; Монгол улсын дээд..., 2003, с. 159.

⁵ МУУТА, ф. А1, д. 1 — в кн.: Монгол улсын дээд..., 2003, с. 37–38, 118–134, 184, 2005б, с. 22–47.

⁶ МУУТА, ф. А1, д. 1 — в кн.: Монгол улсын дээд..., 2003, с. 91, 179–180, 185–186, 228–229.

монгольского права¹. Богдо-хан назначил специальную комиссию для выработки свода новых монгольских законов. Ее члены взяли за основу маньчжурское законодательство 1811 г. (как наиболее разработанное) и настолько затянули дело, что эти законы так и не были введены в действие до ликвидации монгольской автономии Сяю Шучжэном. Были составлены 64 тома («тетради») свода законов, до китайской оккупации успели напечатать восемь².

Вот краткое содержание этого свода³. Начинается он детальной росписью отоков и хошунов, причем включены и отоки Джебцзундамбы, находившиеся в Барге и Урянхае (тетрадь 1, с. 6–11). Затем следует штатное расписание министерств, ведомств улясутайского, кобдоского и кяхтинского сайдов, других чинов по нисходящей (т. 2–3, с. 11–15). Подробно описаны порядок наследования титулов и рангов по достижении детьми 18-летнего возраста (т. 4–5, с. 15–25), порядок назначения чиновников (вплоть до проведения экзаменов на должность писаря), их полномочия, порядок делопроизводства, наказания (т. 6–10, с. 25–53). Регламентированы снятие свидетельских показаний (т. 11, с. 54–60), государственные и церковные финансы (т. 12, с. 61–63), таможенные дела (т. 13, с. 64–66), жалование и довольствие чиновникам (т. 14–15, с. 66–74), казначейство (с. 74–82), протокол: организация религиозных праздников, церемониальная одежда, кто за кем должен стоять и т.п. (т. 17–31, с. 83–108), дань из «девяти белых» Богдо-гэгэну от четырех ханов четырех аймаков Халхи (т. 22, с. 109–110), прием официальных гостей из монгольских, русских и китайских учреждений (т. 23, с. 110–112), поездки и командировки (т. 24, с. 112–114), официальные собрания — в том числе организация музыкального сопровождения, угощения участникам, сколько и какие знамена выносить и т.п. (т. 25, с. 114–115), церемонии награждения и свадьбы (т. 26–27, с. 115–123), помилование (т. 28, с. 123–124), летосчисление (т. 29, с. 124–126), использование печатей (т. 30, с. 126–130), вручение верительных грамот и наград (т. 31, с. 130–131), почитание священных объектов (т. 32, с. 131–133), административная ответственность за нарушения правил (т. 33, с. 133–136), деятельность монастырей, монахов, отношения мирян с духовенством, порядок выявления хубилганов для утверждения Джебцзундамбой, передача печатей хутухт, распределение их шабинаров и т.д. (т. 34–36, с. 136–147), дела обороны (т. 37–39, с. 148–163), созыв сеймов, уртонная служба, выпас стад скота (т. 40–45, с. 163–179), местное делопроизводство, судопроизводство (т. 46–48, с. 179–184), траур (с. 186–189), наказания за убийство, воровство, грабеж, осквернение мест похорон, прелюбодеяние, продажу человека (т. 49, с. 189–203, т. 50–55, с. 204–219), как давать свидетельские показания, наказания за нарушение уложений и т.д. (т. 56–64, с. 220–233).

В целом, данный свод представляет детальную кодификацию монгольского права, сложившегося к началу XX в. В него были инкорпорированы как традиционные нормы, так и нормы, сложившиеся при маньчжурах, в период теокра-

¹ См. также: Рязановский, 1931, с. 113–129.

² Пунцагноров, 1950, с. 142–143; Майский, 1921, с. 286; Алтанзая, 2005, с. 89 etc.; Жамбал, 2012, с. 62–71.

³ Номера страниц в скобках по его публикации: Зарлигаар..., 1995.

тии, а также заимствованные из Европы. Чрезвычайно детально регламентированы права и обязанности, форма, церемониалы, субординация, награждения и т.д.¹ Большое внимание уделено жизни церкви, теократии и роли Богдо-гэгэна как монарха. Представители духовенства — ламы, хубилганы, хутухты в ряде статей перечислены наряду с феодалами — ванами, гунами и др., что отражало теократический характер государства. Тома, касающиеся регламентации феодальной, чиновной и церковной иерархий, располагаются по ранжиру («верхняя», «средняя» и «нижняя») тетради).

В теократический период законодательство постепенно гуманизировалось. В 1913 г. под влиянием России были заменены расстрелом наиболее жестокие цинские наказания — вытягивание жил и четвертование². Девять главных видов пыток, применявшихся при судопроизводстве в цинское время, стали применяться все реже. Из разных видов казни стали все чаще применять наименее жестокий — расстрел. Следствия, предполагающие «суд Божий», стали применять чаще³.

Выходили и установления, касающиеся духовенства. Майский отмечал, что большая часть духовенства живет в миру и появляется в монастырях лишь во время праздников. По его подсчетам⁴, в 1919 г. не больше трети монахов постоянно жили в монастырях. Богдо-гэгэн неоднократно издавал лундэны по улучшению религиозной дисциплины. 7 июня 1918 г. МВД Монголии опубликовало правила, содержащие 32 запрета в отношениях духовенства с мирянами. Женщинам запрещалось жить в Хурэ, монахам — смешиваться с мирянами и даже спать в их юртах, уходить из монастырей без разрешения, жить с женщинами и приглашать их в свое жилище, играть в карты, драться, ходить по русским и китайским торговым фирмам, работать по найму. Женщинам запрещалось соблазнять монахов, приходиться в монастыри в неположенное время, изображать из себя монашек и т.д. За нарушения предусматривались наказания. Например, за самовольный уход домой из монастыря в 1-й раз полагалось 60 ударов ташуром, во 2-й — 80, в 3-й — 100⁵.

Главная цель всех этих действий — соблюдение «Винаи». Некоторые из них почти дублировали старые монгольские и цинские установления. Нарушения не были изжиты, но теократия боролась с ними.

Судебная ветвь власти не была представлена во Внешней Монголии специальными органами. Низшей судебной инстанцией было хошунное управление, но его суду были неподсудны князья и их ближайшие родственники, церковные иерархи и шабинеры. Нойоны и тайджи пользовались привилегиями: к ним нельзя было применять телесные наказания, а приговоры приводились в исполнение лишь после утверждения центральной властью. Следующей инстанцией был суд председателя сейма, следующей — наместника нескольких аймаков, послед-

¹ Например, за плохое сохранение одежды хана предусматривалось 600 ударов ташуром — Зарлигаар..., 1995, т. 33, с. 133–136.

² Пунцагноров, 1950, с. 142–143.

³ Подробнее см.: Майский, 1959, с. 236–237.

⁴ Майский, 1921, с. 100.

⁵ Зарлигаар..., 1995, с. 161–163; Жамбал, 2012, с. 49–57.

ней — министерства юстиции в столице. Этому министерству были подсудны князья, оно санкционировало смертные приговоры, утверждало приговоры дворянам. Выше него стоял Богдо-хан, которому принадлежала prerogative помилования по всем делам¹.

Б. Чултэм
(Монхбаяр 2012, с. 142).

Чимэддорж-бэйсэ (Монголчууд..., 2011, с. 144).

5.5.2.2. От китайской оккупации до прихода к власти МНП

Китайская оккупация в 1919–1921 гг. привела к демонтажу высших структур монгольской власти — правительства и обеих палат, но не разрушила институты власти на местах и влияние церкви: сказалось отсутствие жесткой централизации. Например, ёстбэйлэ Б. Чултэм — сайд Улясутайского наместничества сохранял старую печать, продолжал использовать в документах календарь по годам Многими Возведенного, несмотря на китайские запреты. Он имел свои уртоны, суды, военные отряды, торговые центры. Для проведения суда он должен был получать разрешение правительства, в остальном был самостоятелен. Внутренними делами хошунов он не ведал. Лишь с конца 1920 г. он вынужден был уступить возраставшему давлению китайцев, и 21 января 1921 г. передал свою должность Джамьяндоржу, который подписал и скрепил печатью документ об отмене автономии².

После того, как Унгерн восстановил теократическую монархию, были восстановлены прежние структуры власти. В день повторной интронизации Богдо-хана — 22 февраля 1921 г. в Нийслэл-хурэ был объявлен его указ о формировании правительства³. Из пяти министерств наиболее эффективно работали МВД, финансов и военное⁴. Состав правительства стал следующим: премьер-министр, он же министр внутренних дел (МВД) — Джалханца-хутухта Дамдинбазар, вице-министры — Цэрэндорж-гун, Цогбадрах-ван; МИД: министр — Эрдэнэ-шанцзотба Дашжав, вице-министры — гун

¹ Процедура судопроизводства и наказания, семейное, наследственное и договорное право описаны Майским, 1959, с. 235–244. Здесь они не рассматриваются, т.к. лишь косвенно относятся к теократической государственности.

² Монхбаяр, 2012, с. 114–141.

³ МУУТА, ф. А-1, д-6, хн. 12, тал 6–7.

⁴ Монгол улсын..., 2006, с. 102–116.

Джамьян-Очир, ачиту-гун Довчинжамц; военное министерство: министр — Бишерельту-ван Доржцэрэн, вице-министры — ёст-бэйлэ Чултэм, бэйлэ Бавудорж; министерство финансов: министр Лувсанцэвэн-ван, вице-министры — гун Джамьян, ван Джалцан-Гомбодорж; министерство юстиции: министр — бэйсэ Чимэддорж, гун Гурсоронзон-Гомбосурэн, бэйлэ Джамьян. Командующим монгольских войск стал Хатан-Батор Максаржав, российских войск — барон Унгерн¹.

Сообщалось, что в 1921 г. на съезде монгольских нойонов в Нийслэл-хурэ Богдо-хан пообещал отменить налоги, если нойоны возьмут на себя расходы на администрацию и снабжение армии, предложил русским вступать в монгольскую армию. Делегаты и Богдо-хан, с одной стороны, и Унгерн, с другой, договорились, что барон не будет вмешиваться в монгольские дела. Кроме того, соглашение предполагало материальную поддержку Унгерна автономным правительством на условиях возмещения средств².

На эти события укоренился взгляд, что Унгерн стал диктатором и оккупантом Монголии, а монархическое правительство было марионеточным³. Насколько это верно?

13 марта 1921 г. красные монголы на совещании в Кяхте объявили о создании временного народного правительства. В протоколе совещания было зафиксировано, что Богдо-хан и его правительство «находятся исключительно в руках одного барона Унгерна, единолично распоряжающегося своей силой... Указанное правительство, будучи лишено своей инициативы, в лице ряда влиятельных лиц, находится в полной зависимости от силы»⁴. Очевидно, таким путем МНП пыталась обосновать создание собственного правительства под патронажем иностранцев (большевиков) на территории иностранного государства (ДВР).

Шанцотба Дашжав.

Доржцэрэн-ван.

¹ Дэндэв, 2006, с. 204.

² “Боец и пахарь”, № 101, 07.05.1921, с.1; “Русский голос”, № 261, 29.05.1921; “Боец”, 01.06.1921.

³ Чойбалсан, 1961, с. 329; Молоков, 1991, с. 52; Жабасева, 2013, с. 93, и др.

⁴ Цит. по: Ширендыб, 1960, с. 427–428.

В процессе формирования монархического правительства Унгерн участия не принимал: в это время он был в походе на Чойрын. Назначение его соратника — Лувсанцэвэна — министром финансов не было связано с желанием барона контролировать через него монгольские финансы, как это утверждали красные. Лувсанцэвэн еще в феврале 1920 г. был министром финансов монгольского правительства¹. Унгерн не тратил монгольскую казну на свое войско. Более того, есть сведения, что он иногда отпуская для нее займы некоторые суммы².

Вместе с тем, в правительство вошли также лица, примыкавшие к МНП и ориентировавшиеся на РСФСР³. Предполагается, что назначение Хатан-Батора Максаржава в правительство было сделано, чтобы ослабить влияние барона⁴. В телеграмме 17 марта 1921 г. Г.В. Чичерину о формировании монгольского правительства Б.З. Шумяцкий причислил Джалханца-хутухту к «лицам, примыкающим к народно-революционной партии и определенно ориентирующимся на Сов. Россию»⁵. В декабре 1921 г. А.В. Бурдуков писал И.М. Майскому, что Хатан-Батор и Джалханца-хутухта «искренно держатся русской красной ориентации»⁶.

Когда Унгерн потребовал казнить Б. Цэрэндоржа как одного из главных виновников гибели монгольской автономии, ему было отказано. Более того, Богдо-хан назначил Цэрэндоржа вице-министром внутренних дел. То, что Унгерн не принимает участия в деятельности правительства, быстро выяснилось⁷. По воспоминаниям донира Джамбала, главное влияние на Богдо оказывали Саджа-лама и Лувсанцэвэн⁸, а не Унгерн.

Богдо-хан обладал высшей властью в Монголии. С его санкции действовали и монгольское правительство, и Унгерн, принявший буддизм и монгольское подданство. Богдо приказал монголам неукоснительно исполнять приказы барона, касающиеся окончательного изгнания гаминов, обратился с призывом собирать деньги для продолжения борьбы. МВД 14 февраля 1921 г. издало указ о мобилизации солдат для пополнения войск Унгерна. Выходили и другие распоряжения правительства о выполнении приказов барона. Эти распоряжения монголы исполняли, но не всегда. Чиновники регистрировали сообщения из штаба барона. Они не противоречили решениям монгольского правительства⁹.

Унгерн говорил, что не вмешивался в дела управления Монголией, объясняя это «неохотой». Политического влияния в чисто монгольских делах он не имел, внутренней жизни страны не касался. Он давал советы монгольскому правитель-

¹ Монгол улсын..., 2006, с. 13.

² Материалы П.А. Витте из архива В. Хатчер.

³ АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 103, д. 28, л. 102.

⁴ Мягмарсамбуу, 2003.

⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, д. 105, л. 15.

⁶ Майский, 2005, с. 199–200.

⁷ “Новости жизни”, № 69, 01.04.1921, с. 2.

⁸ Эвгон Жамбалын яриа, 1959, с. 79–80.

⁹ “Боец и пахарь”, 26.03.1921, с. 2; МУУТА, ф. А6, д. 1, х.н. 1303, ф. А5, д. 1, х.н. 280, 283, ф. А4, д. 1, х.н. 96, тал. 2–3, ф. А3, д. 1, х.н. 1149; Ширендыб, 1963, с. 224; РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 1.

ству (так же, как это делали российские советники). Конечно, обладая войском, барон имел в глазах Богдо известное значение. Но встречались они всего три раза: первый раз по случаю взятия Нийслэл-хурэ, второй — перед походом на Чойрын-хурэ, третий — «без определенной цели»¹.

Таким образом, теократическая власть в Монголии 1921 г. не было марионеточной, а Унгерн не был диктатором. Его войска не подчинялись иностранному государству, а действовали с санкции законной власти. Потому их нахождение в Монголии нельзя считать оккупацией.

Изгнание гаминов поставило Монголию перед угрозой новой китайской агрессии. Поэтому одним из первых действий монгольского правительства была отправка нот с просьбой о признании правительствами РСФСР и Китая. Эти ноты были в примирительном тоне составлены Унгерном. Это не было вмешательством в деятельность правительства, т.к. было сделано в соответствии со стремлением последнего наладить мирные отношения с соседними странами.

Начались контакты с китайской стороной. Правительство Монголии заявляло о подчинении «великому Китаю» обоих народов (т.е. ханьцев и монголов) Срединного Царства или Срединной монархии². Судьбу Монголии Унгерн мыслил только в подчинении маньчжурскому хану, о ее независимости говорил в том смысле, «что это просто только лозунг»³. Речь шла о подчинении не Китайской республике, а свергнутому императору, которого еще предстояло восстановить.

Правительство Китая не признало новое правительство Богдо-хана. Его делегации, прибывшей в Пекин, было предложено вернуться и сообщить, что начало переговоров возможно лишь после изгнания русских reactionеров из Монголии, если Хутухта выразит «полную искренность намерений». Были и другие бесплодные попытки контактов с Китаем. В письме из Урги китайскому правительству говорилось, что монголы вынуждены были присоединиться к Унгерну против солдат Го Сунлина, пленившего Богдо; Унгерн обещал уйти на север⁴. М.Г. Торновский составил письмо Чэнь И с предложением вернуться в Монголию и осуществлять китайский сюзеренитет в качестве советника Богдо-гэгэна, причем внутренний порядок будут охранять монголы и Унгерн, внешней политикой будет ведать Китай, а китайские войска должны быть выведены. Это письмо (или письма?) было переведено на китайский язык и, по воспоминаниям Торновского⁵, отправлено Чэнь И с двумя ламами, одним из которых был Д. Бодо. Последний передал письмо Сухэ-Батору. Как затем написал «Вестник МОНТА» 21 апреля 1921 г., «белобандиты... изменнически и подобострастно зовут вернуться теперь изгнанных из Монголии китайских сановников»⁶.

¹ ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 35–60; РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 123–124об.

² АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 34, л. 7–9; ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 58–61; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 34–36, 41–42.

³ РГАСПИ, ф. 71, оп. 33, д. 2213, л. 10–15.

⁴ МУУТА, ф. А4, д. 1, х.н. 89.

⁵ Торновский, 1942 (изд. 2004), с. 226–227.

⁶ РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, д. 106, л. 6–7об.

Не признали правительство Богдо-хана и большевики, которым монголы отравили ноту. В проекте ответа на ноту от 30 марта 1921 г. предлагалось сделать подарки Богдо-гэгэну и устно передать желание оказать Монголии всемерное содействие, которое задерживается наличием Унгерна и сотрудничеством с ним части монголов¹.

Не удалось получить помощи от китайских милитаристов, казахских и монгольских феодалов за границами Халхи, которым писал Унгерн.

Богдо-хан понимал опасность революции в условиях внешних угроз и изоляции. Видимо, поэтому в мае 1921 г. он освободил Хатан-Батора Максаржава от должности командующего всеми монгольскими войсками и назначил на эту должность бурята Жамболон-вана — сподвижника Унгерна. Жамболон принял печать командующего монгольскими войсками от Хатан-Батора Максаржава². Сам Хатан-Батор объяснял это подозрениями Унгерна в том, что он связан с красными³. Тем не менее, до 8 июля 1921 г. Максаржав работал совместно с Унгерном, а с 20 июля уехал на запад Монголии, где примкнул к красным в борьбе против белых⁴. Джалханца-хутухта, искавший контактов с революционерами, тоже отбыл из столицы — как министр-инспектор по восстановлению Западного края Монголии⁵. Вскоре он санкционировал там вооруженную борьбу против местных белых. Тогда же — летом 1921 г. в Восточной Монголии сайдом стал Гомбо-Идшин, который мобилизовал там солдат и принял участие в борьбе с белыми⁶. Таким образом, руководящие посты на западе и востоке Монголии перешли к деятелям, примкнувшим к МНП.

5.5.3. Экономика, оборона, образование, культура

Земля в теократической Монголии считалась общественной собственностью, но ее фактическими распорядителями были Богдо-гэгэн, высшие ламы и князья⁷. Хозяйства нойонов: ханов, ванов, бэйлэ, бэйсэ, гунов, а также не владетельных феодалов, если они имели менее 100 голов лошадей и крупного рогатого скота, были освобождены от государственных налогов и повинностей. Если феодал имел более 100 голов — он нес хошунную службу. Хозяйства хошунных чиновников всех рангов освобождались от налогообложения при наличии до 25 лошадей и крупного рогатого скота. Обложение шабинаров на 2/3 шло на нужды церкви, 1/3 — на аймачную службу (кроме военной и уртонной повинностей). Араты-миряне несли все повинности: военную, уртонную и др., личную службу своему феодалу, задолженности китайским купцам и ростовщикам, взносы на нужды церкви. Сборы могли произвольно меняться (но в определенных преде-

¹ “Новости жизни”, 24.04.1921; АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 103, д. 28, л. 156.

² Эвгон Жамбалын яриа, 2001, с. 91–102.

³ МУУТА, ф. А4, д. 1, х.н. 736, тал 2.

⁴ Дүтэрсүрэн, 1969, с. 199–211.

⁵ МУУТА, ф. 1, д. 6, х.н. 13.

⁶ Хишигт, 2011, с. 236–237.

⁷ Майский, 1959, с. 119.

лах) по усмотрению феодала. С 1916 г. указом Богдо-хана из государственных пошлин определенная сумма должна была отчисляться на нужды религии; позже она составила 1/10¹. После провозглашения независимости сумма сборов с шабинаров выросла, и положение части их ухудшилось².

Почти единственным источником доходов хошунов и аймаков была алба — подать или повинность. Было не менее 17 видов албы: уртонная, подводная, содержание лошадей и подвод в столице, содержание их при аймачных и хошунных управлениях, воинская, караульная, чиновная, содержание князя, довольствие чиновникам и писцам в хошунах и аймаках, сборы на строительство и ремонт монастырей и отправление богослужений, содержание аймачных управлений, содержание аймачных учреждений в столице, подношения Богдо-хану, экстренные расходы на военные отряды, уплата старых хошунных и аймачных долгов китайцам, пособие государственной казне на содержание милиции. Не было законов, регулирующих албу на нужды аймаков и хошунов. Она использовалась бесконтрольно и нерегулярно. Однако при назначении албы на нужды центральных государственных органов (включая подношения Богдо-хану) учитывались состояние и достаток хошунов, что позволяло избегать произвола князей³.

Феодалы не были заинтересованы в разорении своих аратов, т.к. это уменьшало их доходы. Поэтому они выступали за справедливость расчетов по долгам и уменьшение долгов хошунов. Правительство Богдо-гэгэна отменило круговую поруку хошунов по уплате частных долгов, и торговля в кредит с 1912 по 1919 г. сократилась примерно на 3/4⁴.

Экономически наиболее сильным сословием в теократической Монголии было духовенство⁵. Монастыри были духовными, образовательными, культурными, медицинскими и экономическими центрами. Все крупные города Внешней Монголии, кроме Кобдо и Улясутая, возникли вокруг монастырей. Отсутствие социально-экономических стимулов тормозило капиталистический рост производительных сил Монголии и развитие промышленных городов, «впитывающих» обедневшее сельское население. Вместо этого оно концентрировалось в монастырях. Около монастырей находились ставки хошунных князей, торговые лавки, для которых обычно отводился отдельный участок земли. Росло население городов, возникших у монастырей. Например, с 1910 по 1919 г. численность жителей Нийслэл-хурэ возросла примерно с 60 тыс. до 100 тыс. Тем не менее, монголы предпочитали кочевой образ жизни: к 1919 г. лишь 9% их были горожанами. Из около 100 тыс. жителей столицы было около 30 тыс. монахов и 65–70 тыс. китайцев⁶.

Некоторые крупные монастырские хозяйства, например, Егузэр-хутухты, формировали элементы капиталистической экономики, прекращая отдавать скот на выпас, переходя к новым формам хозяйствования: сенокосы, земледелие, ого-

¹ Пунцагноров, 1950, с. 148–149.

² Подробнее см.: Пурэвжав, 1983, с. 256–284.

³ Майский, 1921, с. 284–285, 1959, с. 231–233.

⁴ Майский, 1921, с. 186; Ширендыб, 1960, с. 94.

⁵ Статистику см.: Пурэвжав, 1983; табл. 1, 4, 10.

⁶ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 143, л. 1–57; Майский, 1921, с. 101–104, 106–107.

родничество. При монастыре Егузэр-хутухты проводились работы по камню, скульптуре, занимались живописью, ковроткачеством, плотническим делом, изготовлением бумаги, кузнечным делом и т.д.¹ Еще с цинского времени при монастырях печатались ксилографические книги — причем не только религиозные, но также медицинские и повествовательные. Крупные монастыри самостоятельно устанавливали связи с иностранными фирмами. Хозяйственные структуры при монастырях получали доход от сдачи в аренду пахотных земель, скотоводства, сенокосения, извоза, некоторые занимались торговлей и ростовщичеством². В 1914 г. буддийская церковь владела 74,2% посевов, 43,5% сенокосов и 11,8% скота в стране³. По данным переписи 1918 г., монастырям и храмам принадлежало 1820295 голов скота, или 18,9% общего поголовья — примерно в шесть раз больше, чем феодалам⁴.

Важными источниками средств монастырей были подношения верующих и джассы, которые увеличивались. Джассы формировались в основном за счет добровольных пожертвований, были самостоятельными хозяйственными единицами, но были ответственны перед общемонастырской администрацией и подчинялись ей. Число джасс зависело от числа и богатства храмов. В небольших монастырях было до 1–2 джасс, а в крупных — иногда больше 100 (в Их-хурэ — 244), их составляли иногда тысячи голов скота. В первой четверти XX в. во всех монастырях Внешней Монголии было около 7 тыс. джасс. Есть сведения, что в некоторых монастырях сдача джассского скота на выпас аратам была принудительной, но не могла охватывать значительную часть монастырских хозяйств. Бедняки брали скот на выпас для получения продуктов животноводства, середняки — для извлечения дохода путем сдачи в субаренду, замены павших или слабых животных⁵.

В начале XX в. к Великому шаби Богдо-гэгэна относилось около 10 тыс. семейств, или почти 100 тыс. чел., включая 20 тыс. монахов, более 100 монастырей. Еще около 100 тыс. монахов и около 1000 храмов были под его косвенным влиянием. К XX в. в Их-хурэ сформировалось 30 монастырских аймаков Джеб-цзундамбы, последним стал аймак его супруги Ц. Дондогулам. Аймаки несли обязанности по проведению религиозных мероприятий. Фонды Богдо-гэгэна делились на внешние и внутренние. Внешние использовались для производственной и финансовой деятельности: пища, внешние подношения, ремонт храмов и других зданий, скотоводство, заготовка сена, сбор налогов, выплата долгов и т.д. Внутренние фонды использовались для религиозных церемоний и подношений, включали драгоценные металлы и камни, изделия из них. С 1912 по 1920 г. ежегодно в фонды Богдо-гэгэна поступало 213 тыс. лан серебра⁶.

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 143, л. 1–57; Одбаяр, 2012, с. 70–75.

² Подробнее см.: Чимэд, 1958, с. 1–8; Пурэвжав, 1983, с. 186–249.

³ АВПРФ, ф. 0111, оп. 8, п. 123, д. 68, л. 21 — в кн.: Синицын, 2013, с. 267.

⁴ Майский, 1959, с. 125, 303.

⁵ Подробнее см.: Пурэвжав, 1983, с. 186–213, 253.

⁶ Батсайхан, 2011б, с. 532–534.

По другим данным, в год Богдо-хану и его супруге полагалось 36 тыс. лан серебра. От четырех аймаков Халхи для расходов на церемонию даншиг полагалось 10 тыс. лан. В связи с этим четыре аймака и Великое шаби ежедневно по очереди подносили мандалу в 100 лан¹.

Данные по западной Монголии 1920-х гг. говорят о том, что неравномерность распределения монастырей по хошунам была связана с их экономическим и политическим положением. Одни монастыри приобретали роль центров, другие слабели и присоединялись к экономически более сильным. Например, в хошуне Тугсбуянт, где была велика роль церкви, было всего два монастыря: Дашиджонимун и Бадмасамбава, из которых первый вырос в экономический центр хошуна, а второй поставил вопрос о слиянии с первым. Сильным центром хошуна Баян-Чандмань был монастырь Улангом, а остальные пять были на положении его филиалов².

Китайцы и русские в Монголии занимались в основном торговлей и земледелием. С 1911 г. китайские торговцы и колонисты стали покидать Внешнюю Монголию. Если до того площадь земель, обрабатываемых китайцами, составляла 60 тыс. десятин, то к 1919 г. едва превышала 50 тыс. Из некоторых хошунов (например, Ахай-гуна и Ханда-вана) китайских земледельцев изгнали³. Но многие китайцы уходили в Нийслэл-хурэ и к северу от него. В 1916 г. отмечался наплыв туда китайских безработных и голодающих, которые занимались грабежами и кражами у монголов. Правительство предложило выселить их всех из Монголии⁴.

11 июля 1913 г. было утверждено положение о сборе пошлин с внутренней торговли. Внутренние таможенные сборы стали главным источником государственных доходов. В 1913 г. были изданы таможенные правила, по которым стали взиматься налоги с китайцев за аренду пашен, сенокосов и скота, в 1914 г. были установлены налоги на продажу монголами сырья и перевозку товаров⁵. В 1914–1916 г. финансовым советником монгольского правительства был С.А. Козин⁶, затем — его сотрудник П.А. Витте. Были и другие советники со штатом российских подданных. Их оклады были более высокими, чем у монголов, и составляли от 720 р. (переводчик Цырепилов) до 9000 руб. в год⁷ — большая сумма даже по российским меркам того времени. Вместе с тем, необходимо отметить положительную роль российских советников в развитии экономики Монголии.

После 1915 г. в страну усилился приток иностранного капитала — прежде всего, китайского и русского⁸. Экономическая экспансия Китайской республики контрастировала с традиционалистской политикой империи Цин. К 1919 г. око-

¹ Чойбалсан и др., 1979, с. 25–26.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 118, л. 39–39а.

³ Майский, 1921, с. 226–227.

⁴ “Вестник Азии”, кн. 2–3, 1916, с. 200.

⁵ Ургангуа, 2013, с. 38; Сандаг, 1958, с. 241–242.

⁶ Подробнее см.: Даревская, 1997, с. 6–72.

⁷ Лонжид, 2008, с. 20–43.

⁸ Подробнее см.: Ширендыб, 1960, с. 169–180.

ло 70–75% китайцев в Монголии жили в Урге, кяхтинском Маймачене, Улясутае, Кобдо, а остальные — в основном поблизости от пунктов торговли¹.

Финансы новой Монголии требовали реформы². В прошлом более тысячи феодалов и высших лам получали денежные пособия от цинского правительства. Эта система была сохранена — только теперь их платило правительство Богдо-гэгэна, гораздо более бедное. Например, Тушэту-хан и Сайн-нойон-хан Намнансурэн получали по 2500 лан в год, да-лама Цэрэнчимэд, чин-ваны Ханддорж и Пунцагцэрэн — по 2000 лан и т.д. На такие пособия государство расходовало 50 тыс. лан в год, а всего на госаппарат — 265 тыс.³

В 1915 г. военные расходы составляли 42,5%, госаппарат — 21,3%, жалованье хошунным дзасакам, командировки и т.п. — 3,1%⁴. Такая структура бюджета тормозила развитие экономики.

В 1917 г. доход госбюджета составлял 174975 руб., расход — 26375 руб., в результате 2–3 года денег с трудом хватало на жалованье госслужащим. Поэтому для служащих местных администраций, нойонов, чиновников делали сборы с местного населения, как при маньчжурах. Но для нойонов размеры податей были зафиксированы законом. Жалованье им платили деньгами, но в 1911–1919 гг. — никогда вовремя. Поэтому-то им и разрешили получать на жизнь скот со своих хамджилга. Дзасаки могли собирать с них: из 20 баранов — одного, с семьи имеющей 2 коровы — 1 казан крупы, если 3 коровы — молоко в объеме желудка коровы⁵.

Из-за имущественного неравенства распределение налогов было неравномерным. В связи с этим летом 1913 г. правительство объявило всеобщий сейм нойонов по вопросу об установлении новых правил обложения. На каждый год общие расходы теперь устанавливались в 40 тыс. *хувь* (монг.: 4 тумэн хувь). 1 хувь определили как 100 лошадей или коров; 50 составляли *их хагас хувь*, 25 — *бага хагас хувь*. Один верблюд приравнен был к 2 лошадям или коровам, 5 баранов — к 1 лошади или корове. Из этого налога в «40 тыс.» на Тушэтуханский аймак приходилось 12 тыс., Сэцэнханский — 11 тыс., Сайннойонханский — 10 тыс., Дзасактуханский — 7 тыс. (полные данные по аймакам в архивах отсутствуют). Некоторые хошуны заявили, что не могут полностью выплатить причитающееся с них⁶.

Национальное богатство Монголии в 1916–1919 гг., по подсчетам И.М. Майского, составляло 250 млн. руб., из них 35 приходилось на монастыри и храмы (строения, изображения бурханов, утварь и т.д.)⁷. Внутренний доход Монголии был меньше займов не только у китайцев, но и у России. На период 17 февраля

¹ Майский, 1921, с. 73.

² Экономика Монголии в период автономии детально описана в ряде работ, начиная с монографии И.М. Майского (1921, 1959). Я обсуждаю здесь лишь те ее аспекты, которые имеют прямое отношение к развитию теократической государственности.

³ Видимо, это относится к 1-му году Многими Возведенного.

⁴ Ширендыб, 1960, с. 159–160.

⁵ Лонжид, 2008, с. 29.

⁶ Лонжид, 2008, с. 30–32.

⁷ Майский, 1959, с. 198–199.

1917 — 30 января 1918 г., при расчете 1/2 лана = 2 руб., за 13 мес. предполагался доход 2 068 055 р., а поступило 1 642 940 р.¹ По другим данным, величина свободной наличности в 1918 г. составила около 1 млн. руб. Сумма ежегодного валового дохода страны достигала в 1918 г. 74,5 млн. руб., т.е. почти 30% национального богатства. Около 90% этого дохода давало скотоводство. Потребление валового дохода составляло 73,5 млн. руб. Оно распределялось следующим образом (в порядке убывания): пища — 51, одежда — 8,5, жилище и утварь — 5,5, государственные нужды — 5, рабочий инвентарь — 2, религиозные потребности — 1,5².

Богдо-хан облегчил налоговое бремя, уртонную повинность³. К 1919 г. подати и налоги занимали 4-е место в расходах средней монгольской семьи, составляя 6,6% суммы всех расходов. По подсчетам И.М. Майского, около 70% годовых расходов семьи шло на питание⁴.

По мнению Майского, все это говорило о бедности и отсталости монгольского народа в те годы⁵. Но возможна и другая трактовка: такой тип хозяйства согласовался с буддийским принципом умеренности, отказа от чрезмерного потребления и эксплуатации ресурсов. Особенность скотоводства в условиях низкопродуктивных степей — его экстенсивный характер, снижающий воздействие на природу. Благодаря этому в Монголии (как и в Тибете) экосистемы сохранились в мало нарушенном состоянии⁶, а также не было резкой дифференциации общества по доходам. С этим согласуется тот факт, что в Монголии число кочевников и скота в течение многих веков мало менялось, составляя в среднем 1–1,5 млн. чел. и около 20 млн. голов скота в пересчете на овец⁷.

По данным за 1913–1918 гг., общий бюджет центрального правительства Монголии был бездефицитным (кроме 1913/14 гг.). Но если вычесть чрезвычайные доходы и расходы, получится, что он был дефицитным, но размер дефицита год от года снижался. Цифры расходов по разным статьям за 1913–1918 гг. показывают, что быстрее всего росли расходы на статью «фонд реформ» (наибольшие расходы с 1915 г.), на втором месте — содержание армии. Фактические расходы не всегда соответствовали указанным статьям. Например, в 1914 г. 61% суммы по статье «канцелярские расходы» израсходовали на религиозные цели: жертвоприношения, молебны, покупку изображений бурханов, подношения Богдо-гэгэну. Статья «фонд реформ» включала содержание управления российского советника при монгольском правительстве, народное образование, телефон, опытные хозяйства и другие госимущества. В 1915–1919 гг. на подношения Богдо-гэгэну, ремонт его дворцов, содержание его двора и т.д. тратилась примерно четверть расходов бюджета⁸.

¹ АВПРФ, ф. РМ, оп. 3, пор. № 14, папка 105, л. 152–153.

² Майский, 1959, с. 200.

³ Путем реорганизации системы уртонов на запад от Нийслэл-хурэ, детали см.: Diluv Khu-tag — in: Lattimore, Isono, 1982, p. 81–82.

⁴ Майский, 1921, с. 153, 1959, с. 141.

⁵ Майский, 1959, с. 200.

⁶ Kuzmin, 2013a, p. 120–124.

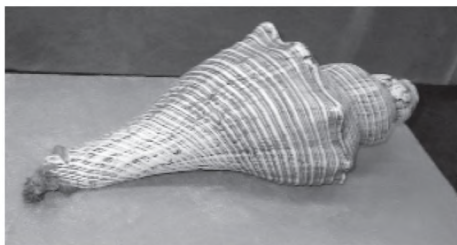
⁷ Тортика и др., 1994 — в кн.: Дробышев, 2014, с. 114.

⁸ Цифры и анализ: Майский, 1921, с. 282–284, 1959, с. 228–229; Пурэвжав, 1983, с. 306–308.

В 1914 г. был создан Монгольский национальный банк. Его финансировал российский Сибирский торговый банк с правлением в Петрограде. По уставу банка, он имел право выпуска монгольских банковских билетов на 1 млн. руб. В 1916 г. был подготовлен выпуск монгольских банкнот с русскими и монгольскими надписями, в том числе с выпиской из указа монгольского правительства о наказаниях за их подделку; предполагался также выпуск серебряных и медных монет на Петроградском монетном дворе. Февральская революция 1917 г. сорвала эти планы. Но измененные формы и матрицы монгольских банкнот были использованы для печатания банкнот Временного правительства в 1917 г., а затем банкнот, печатавшихся в период Гражданской войны в г. Пенза в 1918 г.¹

Солдаты Богдо-гэгэна VIII.

Монгольский военный горн из раковины, 1912 г. (УЦМ).

Большое внимание Богдо-хан уделял военному строительству. Важную роль в этом сыграла Россия, поставлявшая оружие и обучавшая монгольские войска. В конце 1911 – начале 1912 г. из Заамурского и Приамурского военных округов России монголам было передано 15 тыс. бердан. К осени 1913 г. перечень вооружения был значительно расширен за счет пушек, трехлинейных винтовок, патронов, снарядов, шашек, телефонного оборудования и т.д.²

Проводилась мобилизация, которой подлежали молодые люди в возрасте от 16 до 30 лет, которые не учились и не являлись монахами. Создаваемые отряды содержались за счет хошунов, в которых располагались. В некоторых случаях снабжение оказывалось недостаточным, в других содержание отряда ложилось тяжелой повинностью на население. В связи с этим мобилизация проводилась только в самых сложных ситуациях.³

В 1913 г. указом Богдо-хана было утверждено положение о погранвойсках, в 1914 г. — о местных войсках⁴.

¹ Баранов, Зверев, 2014, с. 103–111.

² Хишигт, 2013, с. 83–93; РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 4257, л.194–194об. — в кн.: Российско-монгольское..., 2008, с. 22, 47–52.

³ Пунцагноров, 1950, с. 172, 1955, с. 129–130.

⁴ Ширендыб, 1960, с. 159.

Солдаты Богдо-гэгэна VIII.

В Худжир-Булане на окраине столицы была организована военная школа с русскими инструкторами. С санкции Николая II в январе 1912 г. планировалась посылка 10 унтер-офицеров и обер-офицера (из забайкальских казаков), а 18 апреля/1 мая с монголами было заключено соглашение о ссуде в 100 тыс. руб. на содержание войска и инструкторов. К концу года под руководством есаула А.Ф. Васильева обучение проходили уже пять сотен монголов, а к марту 1913 г. предусматривалось обучить тысячу человек и начать назначения из них начальствующего состава. Одновременно монгольское правительство решило формировать отряды по 100–500 чел. и направить их против китайских войск¹.

Однако монгольские власти уделяли недостаточно внимания обучению курсантов. Васильев жаловался Коростовцу, что у половины из них нет сапог, у большинства — одежды, деньги на питание не отпускаются². По воспоминаниям красного партизана Дашзэвгэ, в свободное от обучения время курсанты работали, чтобы заработать денег: казенного пропитания не полагалось³.

В январе 1913 г. товарищ министра иностранных дел Манлай-Батор Дамдинсүрэн представил Богдо-гэгэну доклад о реформах в Монголии. Он предложил ввести всеобщую воинскую повинность для представителей всех слоев мирян, установить всеобщее налогообложение населения, регламентировать положение монастырей, пригласить из России специалистов для организации горного дела,

¹ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 4257, л. 107–107об., д. 7904, л. 25–25об., 29–29об., АВПРИ, ф. КС, оп. 491 д. 683, л. 10 — в кн.: Российско-монгольское..., 2008, с. 21–23, 30.

² Коростовец, 2009, с. 130.

³ Дорж, 1959, с. 17.

земледелия и т.д., уравнивать в правах князей Внешней и Внутренней Монголии, заняв Баргу¹.

Манлай-Батор писал, что при маньчжурах каждый хошун приносил им дань, а теперь надо создавать общегосударственную экономику, выпустить собственную валюту, создать госорганы юстиции, упорядочить законодательство. Он предлагал расквартировать в Нийслэл-хурэ около 1 тыс. солдат на постоянной основе, выделять лошадей от хошунов, на опасных участках границы поставить караулы, для которых получить оружие в России, установить возраст военнообязанных с 20 до 50 лет, призывная служба должна была длиться 5 лет, затем следовало зачисление в резерв². По данным Ц. Жамцарано, доклад произвел неблагоприятное впечатление среди правительства и духовенства, и его решили оставить без последствий³.

Совет министров России на заседании 11/24 января 1913 г. удовлетворил просьбу Монголии о выделении ссуды в 2 млн. руб. Соглашение о предоставлении беспроцентной ссуды в 2 млн. руб., из которых удерживаются за отпущенное оружие 311 110 руб., было подписано между Россией и Монголией 15/28 января 1913 г. С.Д. Сазонов в письме военному министру В.Д. Сухомлинову 12/25 января 1913 г. сообщил о просьбе монгольского правительства помочь организовать вооруженные силы. Важным препятствием было отсутствие казны у последнего, но это препятствие устранялось указанным решением о ссуде. 23 марта/5 апреля 1913 г. полковник Генштаба Д.Н. Надежный направил генерал-квартирмейстеру Генштаба Н.А. Данилову подробный доклад о плане организации монгольских войск, которым предусматривалось разделение их на постоянную армию и хошунную милицию⁴.

К маю 1914 г. ссуда в 2 млн. руб. была истрачена монголами главным образом на организацию монгольской бригады, предметы вооружения и походы к южным границам Халхи. 29 мая 1914 г. Совет министров согласился выделить Монголии еще 3 млн. руб., что 18 июня было санкционировано Николаем II. 17/30 сентября 1914 г. между Россией и Монголией были подписаны соглашения о предоставлении этой беспроцентной ссуды и об отпуске оружия (6 орудий с 3 тыс. снарядов, 4 пулемета с 400 тыс. патронов, 20 тыс. винтовок с 20 млн. патронов), а в 1915 г. — об обучении и содержании монгольской бригады, которое продлевалось в 1916 и 1917 гг.⁵

Однако к времени китайского вторжения в 1919 г. в Нийслэл-хурэ была лишь тысяча мобилизованных по хошунам монгольских солдат (из которых 200 обучались российскими инструкторами), военное министерство имело до 20 тыс. винтовок, несколько пулеметов и ни одного орудия⁶.

¹ ХХ зууны..., 2003, с. 196–202.

² Монгол улсын нутаг..., 2011, с. 33–38.

³ Коростовец, 2009, с. 260.

⁴ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 4049, л. 28–30, 180–182, оп. 1, д. 7773, л. 29–32, АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 677, л. 27–27об. — в кн.: Российско-монгольское..., 2008, с. 35–38, 45–46.

⁵ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3085, л. 102–103об.; д. 3084, л. 72–74; д. 687, л. 458–458об.; ЦНА, ф. А5, оп. 1, д. 47, л. 1–10 — в кн.: Российско-монгольское..., 2008, с. 86–105.

⁶ Майский, 1921, с. 276. Эти данные явно занижены — см. выше цифры по арсеналу, взятому Сюй Шучжэном.

Значительная часть денег тратилась на религиозные нужды, а не экономику и оборону. Например, в 1912 г. ради здоровья Богдо-гэгэна VIII было изготовлено 10 тыс. металлических скульптур Амитаяса (монг.: Аюуш) в Долон-норе и 9 тыс. — в Варшаве¹. Постройка храма Мэгжид-Жанрайсэг со знаменитой статуей Авалокитешвары высотой более 25 м и внутренним убранством обошлась более чем в 1 млн. руб., из которых 50 тыс. субсидировало правительство России².

Вместе с тем, Богдо-хан поощрял модернизацию. В период его правления в Нийслэл-хурэ построили несколько мастерских и заводов, типографию, пекарню, больницу, ветлечебницу, мельницы, радиостанцию, телеграф, телефон, автомастерские, электростанцию, банк, военное училище и т.д.³ Была налажена телефонная и телеграфная связь. В 1915–1916 гг. состоялись переговоры о передаче монгольскому правительству телеграфной линии Кяхта – Нийслэл-хурэ – Дзамын-удэ – Чойрын, в 1917 г. Маймачен и Кяхта были присоединены к троицкосавской телефонной сети. Налаживалось пароходство по Селенге из Верхнеудинска⁴. На оз. Хубсугул стал ходить пароход «Монгол». Примерно с 1913 г. у монголов стали появляться автомобили (вначале из России, затем из Китая). В 1918 г. особой компанией было налажено регулярное автомобильное сообщение по тракту Калган – Нийслэл-хурэ, стали появляться монголы, использовавшие автомобили как средство дохода⁵.

17 сентября 1914 г. монгольское правительство подписало с Россией соглашение о строительстве железных дорог в Монголии. Россия обязалась оказать содействие в этом (ст. 3) и не вмешиваться, если Монголия будет строить железные дороги на свои средства (ст. 5)⁶. Соглашение было подписано с уполномоченным ургинского правительства, минуя Китай.

Голова статуи Авалокитешвары в личном храме Мэгжид-Жанрайсэг (предположительно). 1930-е гг. (РГАКФД).

¹ Цэдэв, 1964, с. 31.

² Барадийн, 1924 — в кн.: Ломакина, 2006, с. 69–70.

³ МУУГА, ф. А-3, д. 1, х.н. 1149; Майский, 1921, с. 170–211, 220–226; Оссендовский, 1925; Князев, 1942, с. 71; Ширендыб, 1960, с. 179–180; Монгол улсын..., 2006, с. 104–116; Larson, 1930, p. 133.

⁴ АВПРФ, ф. РМ, оп. 4, пор. № 4, папка 105, л. 7; АВПРИ, ф. 143 КС, оп. 491, дд. 3095–3099.

⁵ Майский, 1921, с. 170–171.

⁶ АВПРФ, ф. РМ, оп. 4, пор. № 4, папка 105, л. 5; “Сибирская жизнь”, 05.11.1914.

В 1917 г. при содействии России во Внешней Монголии был учрежден ветеринарный отдел¹. Российско-монгольские экономические отношения включали также торговлю, организацию экономического обследования страны, торговых экспедиций, закупок мяса, российских предприятий в Монголии по обработке животноводческого сырья, лесопилок, шерстомоек, предпринимательских объединений, товариществ и акционерных обществ по разработке природных ресурсов и т.д.²

Некоторые нововведения встречали сопротивление. Например, в 1917 г. Богдохан издал указ, обязывающий население сеять хлеб. Хошуны восприняли это как тяжелую повинность, для ее выполнения стали выделять «крепостных» или старались уклониться. Шаби Зая-пандита-хутухты VI Джамбацэрэна (1905–1930) отказалось выполнять указ и ответило Богдохану, что хлебопашество несовместимо с религией, они не станут портить красоту своих мест распашкой. На шаби наложили штраф, оно предпочло выплачивать его, но не заводить земледелие³.

Некоторые другие места (например, гора Богдо-ула около столицы), фактически, были объявлены заповедниками. Духовенство очень часто по причине святости той или иной горы или реки запрещало рубить лес, добывать полезные ископаемые, сеять сельхозкультуры, прокладывать телеграфные линии, ловить рыбу и пр.⁴

Богдо-гэгэн понимал важность образования, в том числе светского. В 1909 г. на развитие светских школ он выделил 10 тыс. лан, затем — еще 10 тыс. Во исполнение его указаний Ж. Цэвэн (Ц. Жамцарано) разработал программу обучения для начальных и средних школ. Хотя это встречало противодействие некоторых религиозных деятелей, Богдо-гэгэн через три года утвердил ее. В 1914 г. министерство финансов Монголии выделило на это деньги⁵. В 1915 г. правительство разработало и утвердило положение о начальной школе. В Нийслэл-хурэ и Кяхте создавались по одной школе за счет государства, в хошунных центрах — за их счет. Срок обучения — пять лет, предметы — родной язык и литература, арифметика, география, история Монголии, физкультура. В 1916 г. появилось положение о средней школе, которые создавались в центрах хошунов и куда поступали из начальной школы. В конце 1916 г. в хошунах работало более 30 начальных школ⁶. По Майскому, в школах не хватало учителей, и многие из них закрылись ко времени вторжения Сүй Шучжэна.

Богдо-гэгэн поддерживал многих талантливых людей, таких как музыкант Лувсан-хурч, художник Б. Шарав, ремесленник Цэрэвсодном. Он призывал учителей, монахов распространять книги о традиционной медицине, призывал чтить историю своего народа⁷.

¹ АВПРИ, ф. КС, 143, оп. 491, д. 3219.

² Грайворонский, 2013, с. 51–52; Кузьмин Ю.В., 2013, с. 67–82.

³ Майский, 1921, с. 229.

⁴ Ширендыб, 1960, с. 168.

⁵ МУУТА, ф. А4, х.н. 6, тал 31 — в кн.: Монголын ард тумний..., 1982, с. 256–257; Жамсранжав, 1998, с. 110–112.

⁶ “Нийслэл хурээний сонин бичиг” — в кн.: Ширендыб, 1970, с. 51, 162–164.

⁷ Жамсранжав, 1998, с. 30–65, 110–112.

Богатейшая библиотека Джебцзундамбы насчитывала более тысячи книг. Согласно диссертации Б. Тунгалаг, их можно разделить на следующие категории: народная мудрость, наставления и эпос; художественная литература (поэмы, рассказы и т.д.); история («Хрустальное зеркало», «Драгоценная история» и др.); религиозные книги; законодательство («Цааджин бичиг» и др.); фольклор («Небесные ритуалы», «Подношения Чингис-хану» и др.); словари; медицинские книги — тибетская и западная медицина; астрология¹.

После провозглашения независимости появились новые газеты «Нийслэл хурээний сонин бичиг» и «Шинэ толь хэмээх бичиг» (издавались в 1913–1916 гг.). В них публиковались естественнонаучные и критические политические статьи (например, почему шабинары не платят налоги, не служат в армии; чем хороши прогрессивные взгляды монголов, учившихся в России). Они критиковали правительство и феодалов за неспособность обеспечить независимость. В Нийслэл-хурэ в автономный период можно было приобрести газеты на монгольском языке, различавшиеся по своим интересам и политической ориентации. Но теократическая власть не вводила цензуру и не запрещала распространение изданий, содержащих критику².

Вторжение Сюй Шучжэна нарушило ход развития Внешней Монголии. Свои планы реформы, направленные на ее китаизацию, он не успел реализовать (см. выше).

После освобождения страны от китайских войск и чиновников, в условиях фактической изоляции, монгольское правительство налаживало экономику, опираясь в основном на внутренние ресурсы³. Оставшиеся китайские купцы возобновили торговлю, китайские рабочие и крестьяне, русские крестьяне — сев и другие работы⁴. Засевались также поля, брошенные китайцами. В конце февраля 1921 г. Богдо-хан опубликовал программу, по которой планировалось упорядочить таможенные сборы и пошлины, изыскать кредиты на армию, приобрести оружие в Японии и создать гарнизонные войска для внутренней службы⁵.

Налаживались радиосвязь, телеграф, телефон, работа типографий. Последнее так и не было доведено до конца: в столице больше не издавалось ни газет, ни плакатов⁶. Лишь в русско-монгольской типографии в небольшом количестве печатали материалы для Азиатской конной дивизии⁷. Это говорит о недооценке важности пропаганды монгольским правительством и Унгерном.

Проводилась заготовка леса. Восстановили телеграфную линию от Нийслэл-хурэ до Чойрына и Дзамын-Удэ, установили зарплату работникам телеграфных станций, для охраны линии создали полицейские участки. На главных трактах заработали газолиновые станции. Для ряда работ широко привлекались монголы

¹ Батсайхан, 2011б, с. 572–573.

² Жугдэр, 1974, с. 261–318, 351–353; Зулькафиль, Чойсамба, 2013, с. 266–292.

³ Лаврентьев, 1925; Князев, 1942; Оссендовский, 1925; Першин, 1933; Alioshin, 1941; и др.

⁴ “Боец и пахарь”, 04.06.1921; “Бюлл. МОНТА”, № 79080, 22.03.1923.

⁵ “Свет”, № 547, 03.03.1921.

⁶ “Прибайкалье”, № 117, 05.06.1921; “Амурская правда”, 08.06.1921.

⁷ Тексты: Кузьмин, 2011, с. 225–226, 450–452.

из простого народа. Проводилась массовая вакцинация крупного рогатого скота. Полковник Евтин предложил Унгерну проект организации силами русских беженцев охоты, заготовки рыбы на оз. Буир-нур, леса, сена¹.

Монгольское правительство использовало выходцев из России в качестве советников. Кроме упоминавшегося Козина, это были экономист И.А. Лавров, бароны П.А. Витте и Д.О. Тизенгаузен, инженер В.И. Лисовский. Жамболон по совету Унгерна издал распоряжение, по которому «все проживающие в Урге гражданские лица русской национальности обязаны подчиняться законам и распоряжениям Монгольского государства и нести в его пользу какую-либо службу»².

Правительство и командование Азиатской дивизии старались навести порядок. Издавались приказы против грабежей и захватов, преступники подвергались жестоким наказаниям³. Налаживался учет и прием имущества и продовольствия, брошенного ушедшими китайцами⁴. Для охраны крестьян-земледельцев, торговцев и промышленников были выделены русские и монгольские солдаты.

Финансовое положение Монголии после изгнания китайцев в 1921 г. стало еще более тяжелым, чем до их вторжения. Хозяйничанье китайских солдат, ростовщиков и купцов наложило на те проблемы, которые были до этого. Финансы страны теперь состояли из денег китайских банков, которые захватили белые; кое-что удавалось собирать с людей⁵. Зарубежные займы были невозможны. Как только было создано правительство, Унгерн предложил отменить внутренние таможенные сборы с монголов, которые действовали с 1911 по 1919 г. Но это не дало ожидаемого результата, поэтому сборы восстановили. П.А. Витте разработал проект реформы, предусматривавший привлечение всех граждан Монголии к податному налогообложению. Это была необходимая реформа, т.к. основные налоги до сих пор приходились на простой народ, а не на высшие классы. Отстаивавший эту реформу законопроект был внесен в МВД, но инертность чиновничества и оппозиция лам тормозили дело⁶.

Чтобы упорядочить налогообложение, по всей Монголии переписывали торговцев и промышленников. Кроме того, с подачи Витте, организовали перепись населения и скота⁷. Обложили сборами шабинаров Далай-ламы, живших в Монголии; стали устанавливать импортные пошлины. Был принят ряд мер к защите торговли. Иностранцы, торговавшие в столице, должны были зарегистрироваться в МИД, им выдавались охранные грамоты⁸.

¹ МУУТА, ф. А-4, д. 1, х.н. 96; АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 37об.–38 об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 31–33; Монгол улсын..., 2006.

² Цит. по: Ширендыб, 1971, с. 154.

³ Напр., МУУТА, ф. А-4, д. 1, х.н. 736.

⁴ РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 28.

⁵ Монгол улсын..., 2006, с. 104–116.

⁶ Протокол допроса П.А. Витте красными из личного архива В. Хатчер; Волков Б.Н., Hoover, микрофильм, box 15, folder 9, p.59–64.

⁷ Архив В. Хатчер. Данные этой переписи обсуждаются выше.

⁸ Монгол улсын..., 2006, с. 104–116.

Но денег все равно не хватало. И.А. Лавров — советник монгольского правительства по налогово-финансовым вопросам¹ предложил решить эту проблему. После обсуждения с Унгерном, Лавров 23 мая направил Богдо-хану бумагу о необходимости выпуска облигаций². Это был первый в истории Монголии заем: до этого ходили российские и китайские деньги. Выпуск осуществило министерство финансов, он был санкционирован указом Богдо-хана от 27 мая 1921 г. Эти банкноты можно было обменять на любую валюту, серебро и т.д. Эмиссия обеспечивалась возобновлением разработок золотых приисков международного акционерного общества «Монголор». Фактически, это была первая национальная валюта новой Монголии. Первое время она ходила и при народном правительстве³. В октябре 1921 г. эти банкноты ходили за 70% номинала. Качество их было столь низким, что надписи становились нечитаемыми через несколько дней ношения в кармане. В связи с этим, появилось много фальшивок⁴. Позже первые монгольские банкноты были почти все выкуплены, после выкупа сжигались⁵.

Монгольские солдаты были распущены Сюй Шучжэном в 1920 г., оружие конфисковано. Теперь войско следовало формировать заново. Самым боеспособным соединением вооруженных сил Монголии была Азиатская конная дивизия Унгерна⁶. Она испытывала недостаток в боеприпасах, грамотном персонале. Унгерн безуспешно пытался получать это из Маньчжурии⁷. Б.Н. Волков писал, что содержание Азиатской дивизии обходилось монголам в 1800–2100 быков в месяц⁸. Специально выделенные правительством чиновники под руководством Витте весной 1921 г. подсчитали, что сумма в 3 млн. лан, которая требовалась для покрытия расходов дивизии, нереальна для бюджета Монголии⁹. В связи с этим предложение М.Г. Торновского о формировании монгольской армии в 100 тыс. чел. для обороны¹⁰, разумное с военной точки зрения, не могло быть реализовано. Собственных ресурсов страны не могло хватить для ее обороны от Китая.

Но монгольские части создавались. В Нийслэл-хурэ вновь открыли военное училище. Его начальником стал полковник П.И. Лихачев. Дисциплина в училище была палочной¹¹. В формирующихся монгольских частях обязательно были опыт-

¹ Лаврентьев, 1925, л. 20.

² Монгол улсын..., 2006, с. 104–116.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 15, л. 9.

⁴ Донесение Хардинга в британский МИД по итогам поездки в Ургу: TNA, IOR/L/PS/11/159/1919/008/p. 8.

⁵ Подробнее см.: Нямаа, Ганболд, 2007.

⁶ Она была остатком российской Белой армии, имевшей преемственность от Русской Императорской армии. Т.к. вооруженные силы современной РФ имеют преемственность и от армии дореволюционной России, действия Азиатской конной дивизии в Монголии согласуются с российско-монгольским военным сотрудничеством (Кузьмин, 2013б, с. 213–221).

⁷ АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 5–5а, 19, 21, 64; ф. 04, оп. 29, д. 235, п. 192, л. 77; ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 23; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 12, 79–80, 88.

⁸ Волков, 1921. Сведения получал он, очевидно, от своей жены — дочери П.А. Витте.

⁹ Ширендыб, 1960, с. 369.

¹⁰ Торновский, 1942 (изд. 2004), с. 226.

¹¹ Голубев, 1926.

ные русские советники — офицеры¹. По указу Богдо-хана, из разных аймаков в Нийслэл-хурэ присылали мобилизованных и добровольцев — мужчин до 50 лет. Многие старались уклониться². Феодалы старались посылать больных, слабых и т.д., оставляя себе самых трудоспособных. Среди мобилизованных шло брожение.

В столице Унгерн организовал «бюро политического сыска» — комендантское управление во главе с подполковником Л.В. Сипайло для борьбы с агентами красных, на запад страны отправлял эмиссаров. Эти люди годились для экзекуций, но не контрразведывательной работы. Они не могли противостоять агентурной деятельности и пропаганде красных³.

5.6. Антифеодальные движения

Распространен взгляд, что в монгольском обществе к первой половине XX в. созрели классовые противоречия, подготовившие революцию 1921 г. Действительно, противоречия были, но явились ли они предпосылкой для революции? Стремилась ли «эксплуатируемые народные массы» свергнуть «эксплуататоров» — феодалов и высших лам — и установить новый, «прогрессивный» строй?

Антифеодальные настроения были более характерны для Внутренней Монголии, чем для Внешней. Во Внутренней Монголии араты иногда убивали своих феодалов. Например, в 1901 г. был убит Цэвэн-Норбусамбу — дзасак хошуна Тушэту Джеримского сейма, в 1904 г. — Ленжал-Норцан — дзасак хошуна Авхан Джоудаского сейма⁴. Причинами были несправедливость и поборы.

Во Внутренней Монголии протестные настроения отражало преимущественно дугуйланское движение. Дугуйланы (кружки, состоявшие в основном из аратов) сопротивлялись китайской колонизации, коррупции и притеснениям со стороны монгольских феодалов. Все члены дугуйлана были равны⁵.

Первый дугуйлан в составе около 300 чел. возник в 1858 г. в одном из Ушинских хошунов (Ордос). Движение длилось около 3 мес. Причиной были тяжелые налоги и подати князя. В 1892 г. возник дугуйлан в связи с поборами торговцев. В 1895 г. дугуйлан собрался снова и существовал более года. В 1902 г. он возник опять в связи с продажей князем земель китайцам. Руководили им араты Баянсай, Нато и лама Пунцаг-шаброн. Примерно тогда же было создано еще несколько дугуйланов. В 1905 г. все 12 дугуйланов Ушинского хошуна объединились и образовали единый центральный орган. Аратам раздали кремневые ружья, обучали стрельбе. Движение распространилось по Ордосу, достигло пика, в некоторых хошунах дугуйланы держали власть в течение нескольких лет (1905–1908). К 1910 г. совет дугуйланов распался. В связи с Синьхайской революцией, в 1911 г. движение усилилось. В 1914 г. была арестована жена князя за заклинания про-

¹ “Русский голос”, № 202, 16.03.1921.

² “Боец и пахарь”, № 80, 20.03.1921.

³ Подробнее см.: Кузьмин, 2011б, с. 221–224.

⁴ Jagchid, 1999, p. 9.

⁵ Lattimore, 1955, p. 22–24.

тив дугуйланов, в 1916 г. дугуйланы свергли князя Ушина и отобрали его печать. Началась борьба за престол хошунного князя. Затем князю удалось вернуть свою власть и осудить членов дугуйлана. Большинство их было оштрафовано¹.

В 1924 г. дугуйлан двух Ушинских хошунов декларировал следующие цели: уничтожить реакционный строй; дать народу свободу; «укрепить основу религии и государственность Богдо-Чингиса»; охранять свою территорию. Основанием были жестокости китайцев-разбойников (*хуа-сы*). Они похищали монголов, невзирая на пол и возраст, через китайских земледельцев (*зай-хой*) в качестве посредников требовали огромный выкуп, разорявший монголов. Невыплата вела к убийству заложников с использованием пыток — вешанию, сжиганию и т.д.²

Ушинский дугуйлан продолжал с переменным успехом бороться с князем. Последний в 1926 г. сделал налет на собрание дугуйлана и провел аресты, а затем дугуйлан сделал налет на ставку князя и провел аресты. Движение в Ушине разрасталось, князь бежал в Китай и вернулся с отрядом для разгрома дугуйлана — теперь уже руководимого Народно-революционной партией Внутренней Монголии (НРПВМ). Произошли бои между отрядами дугуйлана и китайскими войсками, начались интриги, в 1929 г. вновь разгорелась борьба между князем и дугуйланом. Отряд князя был разгромлен, он сам попал в плен и отправлен в заключение в Ушин. В марте 1930 г. народный совет дугуйланов Ушина был переизбран³.

Эта история показывает нестабильность власти как отдельных князей, так и дугуйланов, изменения требований аратов за 72 года от борьбы за справедливость и безопасность до изменений общественного строя.

Общество Внешней Монголии было менее китаизированным и более традиционным. Соответственно, случаи аратских выступлений против феодалов были здесь очень редки, число участников обычно составляло 50–80 чел.⁴ Они были направлены против несправедливостей отдельных феодалов.

Самым масштабным было движение во главе с аратом А. Аюушем (1858–1939). Оно шло в западной Монголии в 1903–1918 гг. с большими перерывами. В нем нашли отражение все формы аратского движения: откочевка, тяжба, дугуйлан, вооружен-

Арат А. Аюуш.

¹ РГАСПИ, ф. 514, оп. 2, д. 20, л. 15–19.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 24, л. 254–255.

³ РГАСПИ, ф. 514, оп. 2, д. 20, л. 15–19.

⁴ Нацагдорж, 1954, с. 170.

ная борьба¹. Началось оно с претензий к князю Манибазару из Дзасактуханского аймака. После провозглашения независимости Монголии Аюуш и его соратники в феврале 1912 г. образовали в местности Хундийн-ам Дзасактуханского аймака Цэцэгнорский дугуйлан. Он стал своеобразным органом власти аратов, существовавшим наряду с княжеской властью. Окончательное судебное решение в 1918 г. (уже после смерти князя) принял сайд Чултэм-бэйлэ. Оно было в пользу Аюуша. На выигрыш в судебном процессе сильно повлияло обвинение князя в оскорблении Богдо-гэгэна².

В 1900 г. антифеодальное движение против князя Сан-бэйсэ превратилось в движение против ростовщиков. В нем участвовало 337 аратов, 359 бедных лам, 24 тайджи и др. После подавления 5 чел. было казнено, остальные получили другие наказания. В разных частях Монголии в 1913–1916 гг. неоднократно происходили солдатские волнения. Их причиной было неудовлетворительное снабжение и условия службы солдат. В 1917 г. происходили восстания в хошуне Тудэн-вана Тушэтуханского аймака против произвола местных князей. Между аратами разных феодалов, реже — феодалов и Шабинского ведомства иногда были локальные стычки, связанные с конфликтами за пастбища. Были отдельные случаи выступления «низших лам» против несправедливости князей³.

И.М. Майский указывал, что в теократической Внешней Монголии не было известно случаев бунта против существующего строя⁴. Б. Ширендыб считал, что «между верхушкой ламства и эксплуатируемыми низами» шла борьба, хотя и затухавшая отношениями «ученик – учитель». Однако в его фундаментальной работе нет примеров такой борьбы — очевидно, он не смог их найти, и заключил, что «вопрос о борьбе внутри ламства требует своего специального исследования»⁵. Такое исследование провел С. Пурэвжав. На основе обширного анализа документов он установил, что недовольство выражалось пассивно: в отдельных случаях непослушания старшим ламам, неоказания почтения, оскорблений, критики, жалоб на произвол, в развитии «обновленческого движения» в среде духовенства (монг.: шинэчлэгчид; о нем подробнее см. ниже). Пурэвжав показал, что даже «обновленческие» идеи не были направлены против существующего строя, а «классовая борьба» аратов с духовенством сводилась к утаиванию скота от учета, жалобам на рост сборов, отсутствию возможностей их платить вследствие обеднения населения. В целом же, по его сведениям, трудящиеся Монголии «весьма охотно вносили большие пожертвования... считая это благотворительностью в пользу религии»⁶.

¹ Пунцагноров, 1950, с. 179–192; 1955, с. 133–147; Нацагдорж, 1954. Вряд ли движение Аюуша развернулось под влиянием русской революции 1905 г., как полагали некоторые исследователи (Златкин, 1957, с. 139; История МНР, 1983, с. 237).

² Нацагдорж, 1954, с. 167, 217; Сандаг, 1958, с. 72; детали см.: Ширендыб, 1960, с. 210–221; Монхбаяр, 2013, 329–334.

³ Ширендыб, 1960 с. 95–100, 222–228, 1971, с. 73–89; Пунцагноров, 1950, с. 217–222; Калинин, 1934, с. 137–156.

⁴ Майский, 1921, с. 292.

⁵ Ширендыб, 1960, с. 101.

⁶ Пурэвжав, 1983, с. 310–337.

С тех пор не найдено ни документов, ни других доказательств восстаний против теократии в Монголии.

В донесениях в НКВД в 1921 и 1925 гг. говорилось, что классовые противоречия в Монголии были слабее, чем чувство национальной независимости. Более того, как отмечалось в другом донесении, «в массах, правда, существовало острое недовольство князьями, и светскими и духовными, которых обвиняли в предательстве страны и поборках. Но это недовольство не было политически оформлено и не имело классово-сословного характера — оно скорее было направлено персонально против определенных реакционных деятелей, чем против касты или сословия»¹. Об «антикняжеском и антиклерикальном факторе» в Монголии можно говорить лишь в этом смысле².

* * *

«Центром притяжения» новой монгольской государственности была Внешняя Монголия во главе с Джебцзундамба-хутухтой. Основой этого были высокая религиозность и традиционализм населения. Даже в 1925 г., когда в МНР уже уменьшалось влияние теократии, количество лам (точнее, тех кто принял те или иные обеты. — С.К.) было там больше, чем во Внутренней Монголии: примерно 40% против 20% мужского населения³. Кроме того, во Внутренней Монголии, Барге и на монгольских землях Синьцзяна раздробленность была сильнее, это касалось и теократии. Наконец, эти территории подверглись сильной китаизации.

Можно согласиться, что консолидации Внешней Монголии способствовали также цинское управление ею как отдельной единицей и более гомогенное население (преобладание халхасцев), в отличие от этнически более гетерогенной Внутренней Монголии, которая никогда не была «объединенной» административной единицей даже в цинское время и в этот период не имела отдельного главы церкви, подобного Богдо-гэгэну. Его прерогативы там принадлежали Джанджа-хутухте — императорскому наставнику в Пекине. Кроме того, к 1912 г. во Внутренней Монголии численность китайцев возросла до 1,5 млн., а численность монголов снизилась до 877 946 чел.⁴

Монголы возвели Джебцзундамба-хутухту великим ханом по своему обычаю. Соответственно, теперь великоханская власть вернулась от маньчжурского императора к монгольскому. Правда, Пекин оспаривал это, но эти возражения окончательно потеряли смысл после отречения цинской династии и восстановления независимости Китая — теперь как республики.

Как теократический монарх Монголии, Джебцзундамба-хутухта принял властные прерогативы маньчжурского императора: управление территорий, назначение правительства, взимание дани с подданных, законодательные и судебные функции, назначение и утверждение в должностях, дарование титулов, званий, на-

¹ АВВРФ, ф. РМ, оп. 2, папка 101а, пор. № 12, л. 218, оп. 5, пор. № 4, папка 107а, л. 310.

² Lattimore, 1956, p. 40.

³ РГАСПИ, ф. 514, оп. 2, д. 1, л. 9.

⁴ Bulag, 2004, p. 85–87.

град и т.д. В религиозной сфере он перестал быть «первым среди равных» хутухт Внешней Монголии и стал полновластным главой церкви. Теперь он жаловал печати, титулы и т.д. высшему духовенству, в том числе хутухтам и хубилганам. Здесь его власть регулировалась не только светскими установлениями, но и правилами буддизма.

Легитимность власти Богдо-гэгэна опиралась на две традиции: великоханскую (происходящую из Монголии) и теократическую (из Индии и Тибета). После возведения Богдо-гэгэна VIII великим ханом монголы считали его таковым до самой смерти. Источник его власти находился в самой Монголии, и весь период до лета 1921 г. был периодом абсолютной монархии.

Однако статус самого государства и его границы подвергались переменам. После провозглашения независимости государство Монголия претендовало на другие исторические земли монголов. Можно согласиться, что к концу 1912 г. Внешняя и Внутренняя Монголия были объединены, составляя прообраз единого монгольского государства¹. «Ядром» его была Халха. Но воссоединение монголов оказалось невозможным из-за империалистической политики Китая и его поддержки великими державами.

Российско-монгольское соглашение от 3 ноября 1912 г. монголы правомерно трактовали как признание государственной независимости Монголии: о ней говорилось в монгольском варианте, русские — как автономии Монголии: о ней говорилось в русском варианте. Российско-китайская декларация от 5 ноября 1913 г., признававшая сюзеренитет Китая над Монголией, соответствовала русскому, но не монгольскому варианту. Монголы не признали ее. Тем не менее, она стала шагом к договорной фиксации автономии.

Недвусмысленное признание автономии монголами произошло при подписании ими трехстороннего Кяхтинского соглашения от 7 июня 1915 г., признававшего Внешнюю Монголию автономией под сюзеренитетом Китайской республики. Это соглашение было одним из крупных дипломатических успехов императорской России². Внешняя Монголия сохранила свою государственность: автономия означала не вхождение в состав Китая, а его сюзеренные права в отдельных сферах. Она имела национальное правительство, территорию, население, независимость в решении внутренних дел и ограниченную правоспособность во внешних делах, вооруженные силы и т.д. Подписание означало и формальное признание границ государства в пределах, исключавших Внутреннюю Монголию и Баргу.

В то же время, юридическая фиксация автономного статуса Внешней Монголии в 1915 г. не привела к существенному изменению ее внутреннего положения и функционирования власти. Россия была заинтересована в номинальном, но не фактическом сюзеренитете Китая над Монголией, что и было зафиксировано Кяхтинским соглашением. В монгольском варианте соглашения глава Внешней

¹ Сандаг, 1958, с. 92.

² Нольде, 1930, с. 71.

Монголии обозначался как великий хан (император), а французский (имевший приоритет) и русский варианты допускали и другие трактовки его титула¹.

Период независимости и автономии Монголии ознаменовался рядом крупных реформ. Однако процесс реформирования шел медленно и непоследовательно, часто встречая противодействие во всех слоях общества. За несколько лет до вторжения Суй Шучжэна газета «Нийслэл хурээний сонин бичиг» (№ 30, 1916) писала, что князья не в состоянии управлять государственными делами, обновление законов идет очень медленно, правительство обращает мало внимания на боеготовность войск, шабинцы отстранились от выделения средств на войска, жизненным условиям народа не уделяется должного внимания².

Но народных движений против феодалов или лам как социальных групп не было, были только случаи недовольства действиями конкретных лиц. Это говорит об отсутствии социального запроса на смену общественной формации.

Государственная власть не была жестко централизована. Феодалы и теократы на местах имели высокую степень самостоятельности, но теократы имели больше прав и возможностей, чем феодалы. Зачастую в ущерб последним они расширяли свою власть и влияние. Хотя доходы феодалов снижались от увеличения числа шабинаров, существенных выступлений против этого не было вследствие харизматической легитимности власти теократии. Рост доходов монастырей делал их также центрами экономики, но это в целом замедляло экономическое развитие страны.

Однако, независимо от эффективности реформ, Монголия без поддержки других государств не могла противостоять агрессивным устремлениям Китая. Так что неправ был Э.-Д. Ринчино, что причина отмены автономии Внешней Монголии и ее оккупации войсками аньфуистов состояла в неспособности правительства Богдо-гэгэна справиться с задачами государственного строительства³.

Отмена автономии Внешней Монголии Китаем в 1919 г. была незаконной по следующим причинам. В России тогда было двоевластие (белые и красные). Представители белых были против отмены, а советское правительство, хотя и отказалось от Кяхтинского соглашения, но в «одном пакете» с признанием права монголов на самоопределение. Важно отметить, что еще в 1915 г. уже цитировавшийся Б.Э. Нольде указывал: «Если бы... почему-либо отпала сила пекинского [1913 г. — С.К.] и кяхтинского [1915 г. — С.К.] актов, то положение Монголии стало бы вновь определяться с формальной точки зрения ургинским политическим договором» [1912 г. — С.К.]⁴. Этот договор был подписан без участия Китая и исключал превращение Монголии в его провинцию.

Монгольское правительство подписало петицию об отказе от автономии под угрозой силы, а Богдо-хан отказался ее заверить, и документ не получил юридической силы. Следовательно, все дальнейшие действия китайцев по оформлению «отказа» монголов от автономии были незаконными.

¹ Кузьмин, 2015д, с. 60–63.

² Жугдэр, 1974, с. 318–325.

³ См. РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 44, л. 118.

⁴ Нольде, 1915, с. 2168.

Решающими событиями в освобождении Внешней Монголии от китайской оккупации в 1921 г. были освобождение Богдо-гэгэна VIII из-под ареста, взятие Нийслэл-хурэ, кяхтинского Маймачена, Чойрына и Дзамын-Удэ, бои при Талын-Улан-хаде. Из этих событий только взятие Маймачена было проведено красными¹, все остальное — белыми. Следовательно, освободил Внешнюю Монголию от китайской оккупации в 1921 г. Р.Ф. Унгерн.

Барон восстановил абсолютную власть Богдо-гэгэна VIII и, как он подчеркивал, именно автономию Внешней Монголии, которая должна была находиться под сюзеренитетом маньчжурского хана. Однако власть этого хана Унгерн только собирался восстановить, а Внешнюю Монголию под власть Пекина не передал. Следовательно, он восстановил независимость, а не автономию Монголии. Правительство Богдо-хана также заявляло о подчинении «Срединной монархии» или «Срединному царству». Возник парадокс: заявляя о своем подчинении в такой форме, правительство Богдо-хана подразумевало независимость своего государства.

Всю полноту власти в Монголии в тот период осуществляли Богдо-хан и его правительство. Поэтому нельзя считать пребывание там Унгерна оккупацией, а самого барона — диктатором, как это раньше писали в советских и монгольских работах².

Кочевая экономика Монголии не была полностью самодостаточной. Как и в прошлые эпохи, она сильно зависела от поступления ряда видов продукции извне: чая, металлических изделий, шелка, позже — механизмов и пр. Эту функцию в разное время выполняли войны и торговля с Китаем, поступления товаров и выплат (прежде всего, феодалам) из империи Цин, а затем советская индустриализация МНР. Периоды политической нестабильности Монголии связывают с конкуренцией претендовавших на власть сил с разными политическими и экономическими принципами и с разными возможностями притока внешней продукции. А периоды политической стабильности — с периодами, когда поддерживался институционализированный механизм поступления продукции извне³.

Однако от внешних поступлений зависели в основном высшие классы: к концу периода автономии (1918 г.) около 2/3 продуктов, потреблявшихся монгольской семьей в течение года, поставлялась собственным хозяйством, и лишь немного менее трети покупалось на стороне⁴. Следовательно, в отличие от цинского и советского периодов, в Богдо-ханской Монголии политика строилась на основе продукции самой монгольской экономики при сравнительно низком поступлении извне⁵.

¹ Большинство остальных боев красные монголы вели с небольшими деморазлизованными отрядами гаминов и белых. По разным данным, общее число революционных боев в 1921 г. — от 168 до 201 (Хишигт, 211б, с. 246).

² В китайских работах такие эпитеты адресуются и советским войскам в МНР (напр., Гап, 2010, р. 137–141). Но на первых порах даже красные командиры рассматривали занятие Нийслэл-хурэ бароном как освобождение от китайцев, а не оккупацию (ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 35–46).

³ Porter, 2013, p. 203–204.

⁴ Майский, 1959, с. 144.

⁵ Porter, 2013, p. 200–218.

Можно согласиться с Н. Хишигт, что в период абсолютной теократической монархии страна находилась в сложном экономическом положении вследствие высоких расходов на армию, недостаточных налоговых поступлений, больших долгов государства и населения, слабой модернизации экономики¹.

Но нельзя согласиться с О. Лагтимором, что «от китайской революции 1911 г. до русской революции 1917 г. Внешняя Монголия буквально не имела истории»². Не правы были и бурятские национальные демократы, проводившие красные реформы в Монголии и считавшие, что «государство феодалов и теократов совершенно не считало нужным иметь какие-либо заботы о народном благе — поднятии хозяйства, народном образовании, народном здравии и т.п., при деспотии князей и монахов не было ни одной народной школы, ни одного врачебного пункта или больницы», что преподавание буддийской логики, гносеологии, тибетской медицины, астрономии и т.д. ничего не давало в смысле обогащения и развития монгольской культуры³, что теократическое правительство почти ничего не сделало для развития культуры и экономики страны, а оставило пустое место, разорение и растрепанность нравов⁴, что «духовенство не выдвинуло ни одного талантливого государственного деятеля, способного поднять его выше обычного уровня буддийского равнодушия к окружающему и пренебрежения интересами личного обогащения»⁵, что «дореволюционная Монголия вопроса о народном образовании не знала. Она не имела светской школы»⁶.

Экономические трудности, дифференциация общества по доходам (но, очевидно, не столь сильная, как в Европе и Китае) и стремление части элиты к личному обогащению были следствием цинского наследия, стремления монгольского руководства избежать конфликтов в период консолидации страны, недостаточной централизации власти. Однако, несмотря на неопытность в экономике, государственном строительстве и военном деле, нехватку ресурсов и формальное непризнание независимости соседними странами, теократическая Монголия за короткий период достигла прогресса, превосходившего таковой за цинский период. Достигла вершины развития ее основанная на религии и традиции культура, религиозность населения обеспечивала безопасность жизни, сохранение природного и культурного наследия. Развитие экономики, военного дела, здравоохранения и образования шло, но медленно и противоречиво.

Богдо-гэгэн VIII и ряд других теократов и феодалов показали себя талантливыми политиками, сумевшими в сложнейших условиях заложить основы новой монгольской государственности.

¹ Хишигт, 2011б, с. 87–88.

² Lattimore, 1936, p. 397.

³ Эльбек-Доржи Ринчино..., 1998, с. 166–167.

⁴ Э.Д. Ринчино — в кн.: Протоколы..., 1925, с. 42.

⁵ Э.Д. Ринчино: РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 1, л. 10–24 — цит. по: Базаров, Жабаева, 2008а, с. 286; Монголия в документах Коминтерна, ч. 1, 2012, с. 19–20.

⁶ Ц.-И. Гочитский — цит. по: АВГРФ, ф. РМ, оп. 5, пор. № 4, папка 107а, л. 316.

Глава 6. Теократия на других территориях, населенных монголами

Теократия существовала не только в Богдо-ханской Монголии, но и на других монгольских землях. Местами там создавались теократические структуры и движения, которые, однако, не привели к государственностроительству.

Еще в цинское время в отдельных случаях ламы с санкции императоров объединяли церковную и светскую власть. Например, в XVIII в. Цаган-номун-хан был признан императором как «дзасак-лама» с собственным «кочевым ламским хошуном» — уникальный случай среди всех 24 хошунов Кукунора¹. Примерно тогда же в Халхе (Тушэтуханский аймак) Нойон-хутухта IV Джамьянойдовжамц управлял одновременно хошуном и шаби, имея в подчинении администраторов светского (дзахирагч) и церковного (да-лама)².

В Синьцзяне ойратами в 1920-е гг. правили удельные князья, находившиеся в подчинении китайской администрации. Китайцы, чтобы избежать объединения ойратов, практиковали политическое шпионство, взаимные доносы, рознь между хошунами, убийство князей. Хотя ойраты-торгуты Синьцзяна не представляли реальной военной силы, идея национальной независимости жила, у них отмечалась «врожденная ненависть к китайцам». Князья пытались направить их умы к национальному обособлению и независимости, но не к изменению формы управления³.

Как и в других частях исторической Монголии, здесь в каждой семье один член был монах. В советских донесениях отмечалось, что высшие духовные лица очень часто — справедливые и честные, поэтому пользуются громадным влиянием. Монголы Синьцзяна в религиозном отношении подчиняются Далай-ламе в Лхасе. Из высших духовных властей в Синьцзяне в 1920-х гг. было два гэгэна: один в Юлдузе (дядя юлдузского торгутского вана — в то время регент), второй — на Кабук-Сауре (родной брат кабук-саурского торгутского князя). В 1920-х гг. ждали прибытия третьего — из Тибета для Тарбагатайского округа и района Шихо-Манас. Гэгэны были люди высокообразованные, талантливые и знатные. Благодаря религиозной организации приказы и пожелания из Тибета быстро и точно проводились в жизнь. В большинстве случаев с важнейшими делами монголы обращались не к администрации, а к духовенству, которое решало вопросы самостоятельно и безапелляционно. «Таким образом, видно, что власть гражданская есть скорее придаток религиозного управления монгол»⁴.

В 1920-х гг. китайская администрация Синьцзяна передала власть над ойратами малолетнему князю Цаван-Доржи, которые вел свой род от правителя Джун-

¹ Oidtmann, 2012, p. 2.

² Алланзаяа, 2011–2012, с. 139–152.

³ ЦАФСБ, ф. 2, оп. 10, д. 531, л. 81–84; РГВА, ф. 25895, оп. 1, д. 842, л. 289–395, 391, д. 832, л. 136–832, д. 845 л. 259–267.

⁴ РГВА, ф. 25895, оп. 1, д. 845, л. 89, 259–267.

гарию Галдан-Цэрэна (ок. 1693–1745). До Цаван-Доржи правил регент — гэгэн-нойон. Последний направлял деятельность на сплочение калмыков (ойратов), их вооружение и тренировку (в том числе с помощью русских белогвардейцев), повышение их благосостояния, был справедлив в решении тяжб, не всегда исполнял китайские приказы, стал популярным. Потому-то китайцы его и отстранили. Гэгэн-нойон некоторое время возглавлял военный отряд, поддерживавший дудзюна (китайского губернатора), дал ему расписку в послушании¹.

Теократические структуры монголов Синьцзяна вряд ли могли бы стать основой государственностроительства, т.к. в результате цинского геноцида ойратов в XVIII в. их влияние оставалось гораздо слабее влияния китайцев, завладевших их землями.

Во Внутренней Монголии политическое влияние теократии, по-видимому, было еще меньше, чем в Синьцзяне. Но ламы здесь участвовали в работе органов управления, в том числе дугуйланов.

Например, Ванданнима-гэгэн из Ордоса в 1920-х гг. в первые годы китайской революции сложил обеты, возглавил монгольский отряд, женился, три года боролся за независимость. Генерал-мусульманин Ма Фусян предложил ему переговоры, вместо которых арестовал его. Ванданнима год просидел в тюрьме г. Баотоу. Это время отряд возглавляла его жена-монголка. Ванданниму отпустили при условии роспуска отряда. Он был вызван в Пекин к Юань Шикаю, получил почетную должность советника при военном министерстве, фактически жил под домашним арестом 13 лет. В 1923 г. стал членом ЦК НРПВМ. В 1924–1925 гг. он принимал активное участие в организации этой партии. Монгольские феодалы, с которыми он боролся, прилагали много усилий, чтобы его не выпускали из Пекина. По настоянию НРПВМ Ванданнима на 10 дней разрешили выехать в Калган. Он оттуда не вернулся, а уехал в Ордос, где содействовал сближению дугуйлана с НРПВМ. Почитавшие его народные массы видели в нем вождя, он сформировал монгольский отряд. Вскоре он скончался².

В 1926 г. Арлан-гэгэн Джамьяншарав из хошуна Отог возглавил дугуйлан, сопротивлявшийся уплате налогов феодалам, включился в работу НРПВМ, в 1927 г. участвовал в партконференции в Улан-Баторе и вошел в состав ЦК. Позже, работая в Ушинском дугуйлане, он выступал против решительных действий аратов против феодалов, к чему стремились «низшие ламы» — члены дугуйлана. В 1920-х в хошуне Алша Внутренней Монголии главный лама крупного монастыря Барун-хийд — Ламия-гэгэн владел печатью местного князя и участвовал в политическом управлении³.

Более широкий размах имели другие движения на основе теократии: Дамбиджанцана в западной Монголии, панмонгольское в Бурятии и Внутренней Монголии, балагатское в Бурят-Монголии. Остановлюсь на них подробнее.

¹ РГВА, ф. 25895, оп. 1, д. 832, л. 136–136об., д. 842, л. 178–180, 416–421; подробнее см.: Кузьмин, 2014а, с. 8–11.

² РГВА, ф. 25895, оп. 1, д. 845, л. 79–83; ЦАФСБ, ф. 2, оп. 3, д. 237, л. 95.

³ РГАСПИ, ф. 532, оп. 4, д. 335, л. 96, 99об.

6.1. Деятельность Дамбиджанцана

Сведения о биографии и деятельности Дамбиджанцана содержатся в ряде работ¹. Для рассматриваемой темы особый интерес представляет его попытка создать собственное владение, которое условно можно назвать теократическим: Дамбиджанцан утверждал, что он — перерожденный лама, получивший образование в Тибете, использовал религиозную фразеологию. Монголы ему верили, называли Джа-ламой.

Сведения о его ранней биографии исходили только от него самого, так что достоверность их неизвестна. Ю.Н. Рерих сообщал, что Дамбиджанцан учился в Гоман-дацане монастыря Дрепунг у Лхасы, был вынужден покинуть Тибет, затем работал да-ламой у Джанджа-хутухты, объявил себя потомком и перевоплощением Амарсаны (1722–1757) — руководителя антицинского восстания джунгаров². В конце XIX в. Дамбиджанцан был арестован российским консульством как калмык Малодербетовского улуса, выдававший себя за внука Амарсаны³. Получив титул нойон-хутухты (см. ниже), Дамбиджанцан больше не говорил о своей связи с Амарсаной⁴.

Дамбиджанцан.

Дилова-хутухта Б. Джамсранжав (1884–1965) вспоминал, что Дамбиджанцан «называл себя ламой, но никто не знал, был ли он таковым в действительности. Никто не знал его настоящий возраст. Никто не знал истинной правды о нем»⁵. Гончигдамба-бэйсэ, назначенный весной 1912 г. сайдом в Кобдо, в письмах к Дамбиджанцану называл его «высоким ламой», чтобы тот помог изгнать из Кобдо китайцев⁶.

После взятия монголами Кобдо Дамбиджанцан по представлению Джалханца-хутухты Дамдинбазара получил от Богдо-гэгэна титул «Драгоценный, поистине достойный уважения, полный сил

¹ Напр., Оссендовский, 1925; Рерих, 1982; Ломакина, 1993; Lattimore, Isono, 1982.

² Рерих, 1982.

³ Позднеев, 1896, с. 45–46.

⁴ Diluv Khutagt — in: Lattimore, Isono, 1982, p. 165.

⁵ Diluv Khutagt — in: Lattimore, Isono, p. 163.

⁶ Монголын лам..., 2010, с. 50.

владыка веры, господин хутухта»¹. Однако Бурдуков сообщал о другом титуле — Догшин-нойон-хутухта, связанном с эманацией гневного божества. По его словам, в подтверждение этого титула Дамбиджанцан получил из Урги серебряную печать и грамоту на куске желтого шелка для отметок о дальнейших перерождениях Догшин-нойон-хутухты. «Родоначальником и первым таким перерожденцем являлся сам Дамба-Джанцан... В начале грамоты содержался указ об этом монгольского Богдо-гэгэн-хана с приложением ханской печати»². Т.к. он называл себя ламой, у него появились шабинары. С этих пор и до ареста они обращались к нему: «Вы, высокий лама Ваджрадхара, министр, учитель, господин хутухта»³.

Таким образом, он стал шаблоном («молодым хубилганом») — т.е. предполагалось, что с него может начаться новый ряд перерождений, в зависимости от его дальнейшего поведения.

Дамбиджанцан получил звание сайда западного края Монголии. В его планы входило присоединение к Монголии Алтайского округа. Он стал обирать хошуны Кобдоского и Улясутайского округов, держал себя как независимый государь, стал строить собственный город-монастырь, для чего согнал местное население, в том числе почти всех монахов. Это пагубно отразилось на экономике края, прямо нарушало волю Богдо. По словам князя Тугэмэла, в своих приказах Дамбиджанцан никогда не ссылался на волю Богдо-гэгэна или монгольского правительства⁴. В местности Мунджик в 60 верстах от Кобдо Дамбиджанцан планировал построить новый город, будущий центр края. Он рассуждал так: «Кобдо монголам не нужен — поблизости нет дров, окрестности пусты и бескормны, безлюдны. Если русские начали ремонтировать и восстанавливать город, так надо им и отдать его»⁵.

Возможно, в Нийслэл-хурэ Дамбиджанцана стали подозревать в намерении создать отдельное Кобдоское государство⁶. В январе 1914 г. он уведомил консула В.Ф. Любу, что болезнь не позволяет ему выехать в Нийслэл-хурэ, несмотря на уже вторичный вызов Богдо-хана⁷.

Дамбиджанцан преследовал Баяра-тайджи — соратника Тогтохо-гуна, одного из борцов за независимость Монголии. Баяр говорил консулу Любе, что предлагал Джа-ламе решить все открытой борьбой, но тот отказался⁸. Сохранились сведения и о его разногласиях и с другими феодалами⁹.

Дамбиджанцан проявлял редкую энергию и настойчивость в проведении своих планов, подкреплявшуюся крайней жестокостью. Для своих целей он использовал солдат-халхасцев Хатан-Батора Максаржава — якобы тот применяет их

¹ Монг.: Эрдэнэ бишрэлт үнэн хүчин тоголдор номун хан ноён хутагт — Намнансүрэн, 2012.

² Бурдуков, 1969, с. 100.

³ Монг.: Очир дар ачит сайд багш ноён хутагт лам танаа — Монгол лам..., 2010, с. 52, 54.

⁴ АВПРИ, ф. КС, 143, оп. 491, д. 637, л. 24–24об.

⁵ Бурдуков, 1969, с. 118.

⁶ Баабар, 2011, с. 180.

⁷ АВПРИ, ф. КС, 143, оп. 491, д. 637, л. 29.

⁸ АВПРИ, ф. КС, 143, оп. 491, д. 637, л. 27; детали есть там же, ф. МК, оп. 470, д. 78, л. 400–421.

⁹ Напр., письмо Гэнчигдамбы-бэйсэ: Алтанзаяа, 2011б, с. 182.

против тех, кто не признает власть Богдо-гэгэна¹. Эти солдаты занимались грабежами, что восстановило против них население. Дэрбэты стали готовить восстание против Дамбиджанцана и его сподвижников из халхасцев. Князья дэрбэтов стали склоняться к переходу под власть Китая. Казахи перекочевывали в Россию, не желали возвращаться в Монголию, хотя Богдо-хан давал им полную амнистию и обещал места кочевок около Убсу-нура².

В Кобдоском округе начались анархия, волнения, разорение. Богдо-хан лишил Дамбиджанцана должности сайда, титула, печати, хошуна, распустил его людей по родным местам³. Монгольское правительство, бессильное принять меры, просило о его аресте и высылке в Россию, т.к. он когда-то заявлял себя русско-подданным — астраханским калмыком. Дэрбэтские князья и семь родов монголов просили МИД России о защите от него. В результате из Сибири прислали отряд. Его командир — капитан 41-го Сибирского стрелкового полка Булатов арестовал Дамбиджанцана 8 февраля 1914 г. и препроводил в Россию⁴.

В письме МВД Монголии к Богдо-хану летом 1914 г. говорилось, что «называющий себя Дамбиджанцаном» хитрил, всех угнетал, проявлял жестокость, а теперь, т.к. с разрешения Богдо-хана его арестовали как русского подданного, край почувствовал себя свободно, поэтому «след его надо полностью стереть»⁵.

Летом 1915 г. в разных местах Улясутайского округа объявилось несколько самозванцев Дамбиджанцана. Их устранили местными силами. Одного из них устранил казачий отряд во главе с есаулом Мейером, который получил от монголов за это титул гуна⁶.

В 1917 г., в связи с хаосом после Февральской революции, Дамбиджанцан скрылся из Астрахани и пробирался в Монголию⁷. В 1918 г. он встретился с Джалханза-хутухтой, прибыл в хошун Дайчин к председателю сейма Дзасактуханского аймака Джалчин-Гомбодорж-бэйсэ. По указанию Богдо-хана, монгольское правительство совещалось по вопросу о возвращении Дамбиджанцана. Решили, что он имел заслуги, но выяснилось, что он обманщик, хитрый, плохой человек, не подчиняется властям, а теперь пришел обратно — потому с ним не следует общаться⁸.

Дамбиджанцан откочевал примерно за 300 верст от Кобдо за границу Монголии, создал хошун около 500 юрт и отряд около 300 чел.⁹ Там, на северных склонах хребта Ма-Цзун-Шань, он построил укрепление Тенпей-Джалцен-байшин («дом Дамбиджанцана»), собирал людей и делал разбойничьи набеги. В начале 1919 г. «бывший правитель Кобдоского округа, именующий себя Дамбий-Джан-

¹ АВПРИ, ф. КС, 143, оп. 491, д. 637, л. 32–39.

² АВПРИ, ф. МП, д. 377, л. 64 — в кн.: Белов, 1995, с. 88.

³ Намнансүрэн, 2012.

⁴ АВПРИ, ф. КС, 143, оп. 491, д. 637.

⁵ МУУТА, ф. АЗ, д. 1, х.н. 591, тал 16 — в кн.: Монгол лам..., 2010, с. 15–16.

⁶ Бурдуков, 1969, с. 140–141.

⁷ АВПРИ, ф. КС, 143, оп. 491, д. 637, л. 69.

⁸ МУУТА, ф. АЗ, д. 1, х.н. 973, тал 6.

⁹ Майский, 1921, с. 258.

цан-Хубилган», захватил и увел «да-бэйлэ Дзахирагч-хошуна Дзаскатуханского аймака, Тумун-Ольдзу с десятком богатых людей, с их юртами и имуществом, и учиняет смуту в названном аймаке»¹.

В 1920-х гг. большевики пытались использовать Дамбиджанцана как партизанского вождя для установления власти красных в западной Монголии. Ему предложили звание командующего революционными силами там и послали символические подарки: русскую военную фуражку и две ручные гранаты. Но план не сработал. Тогда коминтерновцы С.С. Борисов, Э.-Д. Ринчино и их монгольские соратники привлекли молодого ламу Ц. Хас-Батора, которого стали продвигать в качестве более подходящего хубилгана Амарсаны, чем Дамбиджанцан. Некоторые бывшие подданные Дамбиджанцана перешли к Хас-Батору².

Военный совет МНРА поручил начальнику Государственной внутренней охраны (ГВО) Д. Балдандоржу собрать сотрудников и уничтожить Джа-ламу. Балдандорж взял с собой Дугар-бэйсэ и Нанзад-Батора с 50 солдатами и прибыл в Улясутай. В августе 1922 г. Дугар-бэйсэ и Нанзад-Батор с четырьмя солдатами выехали навстречу Дамбиджанцану с повторным приглашением приехать и усмирить урянхов, которые отделились от Халхи. Следом за ними с 24 солдатами выехал Балдандорж. Затем два сотрудника ГВО сумели попасть к Дамбиджанцану, попросили благословить их, и один из них застрелил его³.

Дамбиджанцан был известен массовыми пытками и убийствами. Он снял и сохранил кожу с казаха (по Бурдукову — с недавно убитого, по Рериху — с живого). Он и некоторые другие монголы вынимали сердца из врагов⁴, приносили пленных китайцев в жертву своим знаменам. Дамбиджанцан пытал и убивал недовольных его поведением буддийских монахов (в том числе одного отшельника), сожительствовал с чужой женой, вырезал глаза двум пойманым беглецам, не подчинялся Богдо-гэгэну, позже угнал людей в неволю и ограбил караван, вывозивший из Нийслэл-хурэ в Лхасу имущество Далай-ламы⁵.

Все это грубые нарушения основных заповедей буддизма. Несколько случаев человеческих жертвоприношений, совершенных Дамбиджанцаном и еще несколькими монголами, считавшими себя буддистами, детально описаны А.В. Бурдуковым в статье, опубликованной в период воинствующего атеизма в СССР⁶. Эта статья была надолго забыта, а затем «реанимирована» одним журналистом. Это широко растиражировал дьякон А.В. Кураев в том контексте, что жестокость — якобы неотъемлемая черта тибетского буддизма.

Между тем, сам Бурдуков отмечал, что действия Дамбиджанцана противоречат буддизму и являются пережитками шаманизма. Это, кстати, согласуется с

¹ “Русский Восток”, № 54, 16.03.1919.

² Znamenski, 2014, p. 18.

³ Подробнее см.: РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 20, л. 1–1об.; Бюлл. МОНТА, № 65–66, 19.02.1923; Революционные мероприятия..., 1960, с. 130–133; Diluv Khutagt — in: Lattimore, Isono, 1982, p. 173–174.

⁴ Некий “чойжин” даже съел такое сердце.

⁵ Бурдуков, 1927, с. 186, 1969, с. 106; Рерих, 1982.

⁶ Бурдуков, 1927, с. 184–189, 1969, с. 113.

обычаем современных монгольских охотников: для успеха дальнейшей охоты они брызгают кровью убитой добычи на свою машину, мажут кровью дуло ружья¹.

Дамбиджанцан убеждал Бурдукова, что достигшие духовного совершенства стремятся в мир, чтобы «принимать на себя грехи других», что убийством они очищают грешников, приняв грехи на себя, в этом — «идеал достигших совершенства»². Это противоречит словам Будды: «Нельзя ни убивать, ни понуждать к убийству. <...> Ибо сам человек совершает зло, и сам оскверняет себя. Не совершает зло он тоже сам, и сам очищает себя. Чистота и скверна связаны с самим собой. Одному не очистить другого»³.

Нет никаких доказательств духовного совершенства Дамбиджанцана — если не считать таковым его военные и организационные таланты, его рассказы о себе и байки о чудесах⁴. Следует согласиться, что «Джа-лама — такой же “лама”, как И. Сталин — православный священник: оба они учились когда-то в духовных учебных заведениях, и не более того. А зверства свои каждый из них оправдывал той идеологией, какой было удобнее — в одном случае это был примитивно понятый марксизм, в другом шаманизм и буддизм, понимавшийся Джа-ламой примерно на уровне А. Кураева»⁵. Указанные действия Кураева отражают не только его незнание буддизма, но и сознательное возбуждение ненависти по религиозному признаку.

По мнению Бурдукова, в планах Дамбиджанцана было создать лишь краевой центр из своего удела. По другим сведениям, у него «были широкие империалистические замыслы: укрепиться в Кобдоском округе, завоевать Джунгарию, Восточный Туркестан, часть Тибета и создать большое государство». По словам Дамбиджанцана незадолго до смерти, он вел переговоры с президентом Китайской республики относительно занятия Монголии, и весной большие отряды должны были вторгнуться со стороны Хух-хото⁶. По мнению И.М. Майского, в указанных пределах Дамбиджанцан собирался «создать большое Западномонгольское царство»⁷. Достоверность этого не установлена.

Дамбиджанцан сыграл исключительно важную роль в освобождении Кобдо от китайцев. Но его дальнейшая деятельность наносила ущерб единству Монгольского государства.

6.2. Панмонгольское движение

Термин «панмонголизм» был введен религиозным мыслителем и литератором В.С. Соловьевым в одноименном стихотворении, написанном в 1894 г. Этот термин использовали для обозначения деятельности по объединению монголь-

¹ Д. Дамбасурэн, личн. сообщ.

² Бурдуков, 1969, с. 68–69.

³ Дхаммапада, X, 129; XII, 165.

⁴ Голова Джа-ламы...

⁵ Терентьев, 1996, с. 68–69.

⁶ Подробнее см.: Бурдуков, 1969, с. 114; РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 20, л. 1–1об.; Бюлл. МОНТА, № 65–66, 19.02.1923.

⁷ Майский, 1959, с. 210.

ских народов в конце XIX – начале XX в.¹ Однако уже идеологию Чингис-хана, направленную на объединение всех монгольских племен в единое государство², можно считать панмонголизмом. После распада Великой Монгольской империи панмонголизм всегда существовал в разных формах, отражая стремление монгольских народов к реинтеграции³. Некоторые авторы⁴ справедливо включают в понятие «панмонголизм» все национально-освободительное движение в Монголии в начале XX в.

В Бурятии начала XX в. панмонгольские лозунги нашли выражение в манифесте от 18 февраля 1919 г., опубликованном бурятским общественным деятелем и ученым Ц. Жамцарано. Декларировалось создание объединенного Бурят-Монгольского государства. Поддержку движению оказал атаман Г.М. Семенов, проявили интерес японцы. Высший орган власти бурят-монголов в 1917–1919 гг. — Центральный Национальный комитет бурят-монголов Восточной Сибири (Бурнацком) придерживался концепции, описанной бурятским национал-демократом Э.-Д. Ринчино в письме к Д. Сампилону:

«Старый Нацком полагал, что Маньчжурия и Восточная Монголия будут находиться всецело в сфере ведения Японии; Монголия южная, северная и западная с включением бурят образует самостоятельное буферное государство. Причем буряты должны переселиться в Халху или передвинуться к границам Забайкалья с обменом земель. И, если не удастся объединить Юг и Север Монголии, то образуются два государства, причем Юг будет находиться под протекторатом Японии. Создание Центрально-Азиатского государства на заграничье Китая и Сибири, по мнению старого Нацкома, казалось соответствующим интересам Японии в стратегическом и политическом отношении. Монголы и другие народы Центральной Азии слишком примитивны и изъедены буддийским клерикализмом и мало годятся, как активный материал для создания этого государства. Здесь мы, буряты, наиболее культурная сравнительно нация сыграли бы и сыграем, по-видимому, большую роль. Если на нас обращают внимание японцы, эти практики до мозга костей, то это не даром и можно сказать без всякого самообольщения, что мы что-нибудь да значим»⁵.

Этот пассаж важен для понимания психологии последующей деятельности в Монголии Э.-Д. Ринчино (и, очевидно, ряда других бурятских национальных демократов). Здесь свойством монголов названы примитивность и клерикализм. «Культурная сравнительно нация» (с отсылкой к мнению иностранцев как авторитету) и должна возглавить строительство монгольского государства, основанного на чуждых заимствованиях и сломе собственных традиций.

В конце февраля – начале марта 1919 г. в семеновской Чите состоялся съезд панмонголистов. Он открылся 25 февраля при участии шести делегатов от бурят,

¹ Гольман, 1970, с. 107; Белов, 2003, с. 168 и др.

² Напр., Гунтупов, 2006, с. 127.

³ Концепция “все монголы” — *даяр монгол, нармай монгол*.

⁴ Напр., Чжан Чжисюн, 2001, с. 149–152.

⁵ Ринчино, 1994, с. 124.

Бурятские панмонголисты (предположительно).

Г.М. Семенов.

пяти от внутренних монголов и четырех от баргутов. Внешняя Монголия представлена не была, но частным образом дала знать, что относится к проекту сочувственно. В протоколе съезда указывалось, что съезд будет приветствовать, если тибетцы и маньчжуры «пожелают образовать свои особые государства». Хотя тибетцев на съезде не было, ламы со съезда отправились в Тибет¹. Присутствовали также Семенов, его помощник А.В. Волгин, переводчик М.А. Шадрин, от японцев — майор М. Судзуэ².

Руководителем прибывших внутренних монголов был молодой (25 лет) лама хошуна Джалайт Джеримского сейма — Нэйсэ-гэгэн (Ничи-тойн-богдо) Мэндэбаяр. Это был хубилган известного проповедника буддизма Нейджи-тойна (см. гл. 2). Другими руководителями были командиры харчинов Нэрэмпил-гун и Фушенга, в прошлом ближайший сподвижник Бавужава (см. гл. 3). В апреле 1918 г. он прибыл к Семенову и возглавил монгольский отряд. В марте 1919 г. его отряд насчитывал 1 тыс. чел. Это были остатки войска Бавужава из Джерима, Джоуда и Джосоту³.

Нэйсэ-гэгэн в своей речи отметил, что во времена Чингис-хана монголы составляли единое целое, но затем были разделены между Россией и Маньчжурией, а теперь настал удобный момент для создания нового государства из всех монгольских племен. Съезд провозгласил создание независимого объединенного монгольского государства. В его состав должны были войти Внутренняя Монголия, Внешняя Монголия, Барга и южная часть Забайкалья до верховьев Онона⁴. Обсуждались вопросы интеграции исторических территорий монголов, вовлечение Внешней Монголии, оборона, международные отношения, размежевание с не-монгольскими народами путем взаимозачета земель и т.д.

¹ С-кий, 1922, с. 595–596.

² “Судзуки” — Волков Б.Н., Hoover, микрофильм, box 15; folder 9, p. 2.

³ Наками, 2000, с. 126.

⁴ ГАРФ, ф. 178, оп. 1, д. 1, л. 120–123, 134–136; С-кий, 1922, с. 593–603.

На съезде произошел раскол: баргут Фушан и внутренний монгол Фушенга поставили вопрос о восстановлении маньчжурской династии, каковая должна даровать права Монголии, а Ринчино при поддержке бурят заявил, что Монголия должна стать федеративно-демократической республикой¹. В итоге решили, что Монголия должна управляться по аймакам, т.е. иметь федеративное устройство, а образ правления — монархический или конституционно-демократический — должен быть установлен учредительным собранием, которое будет обсуждаться впоследствии². Временной столицей определили Хайлар.

Съезд образовал общемонгольское временное правительство во главе с Нэйсэ-гэгэном. Он же стал управляющим военным отделом; помощником по военной части стал Нэрэмпил-гун, главным советником по всем вопросам — Э.-Д. Ринчино, заведующим финансовым отделом — Б.В. Вампилун, заведующим иностранным отделом — Ц. Жамцарано. Последнего выбрали заочно; его функции стал выполнять Ц.-Е. Цыдыпов³. По другим данным, военным министром избрали Найман-вана, а до его согласия — Фушенгу, товарищем военного министра — баргута Багабоди, министром иностранных дел — Ц. Жамцарано, его товарищем — Нэрэмпила из Внутренней Монголии, министром внутренних дел — баргута Чэндэгуна. Его товарищ должен был быть выбран из Халхи, последняя должна была выставить 20 тыс. чел., Барга — 1 тыс., буряты — 3 тыс⁴. Семенову, обещавшему поддержку, панмонголисты присвоили титул чин-вана и предложили пост первого советника правительства. Это присвоение княжеского титула трудно считать законным, т.к. его может пожаловать только монарх⁵.

Предполагалось участие нового монгольского государства на Парижской мирной конференции. В декларации съезда для этой конференции указывалось, что все монголы на съезде решили «восстановить первоначальную Монголию и образовать отдельное полноправное государство». Отмечалось, что китайцы разрушают монгольские храмы и религию, притесняют монголов, а в России буряты утратили свои права и не могут отстаивать свои экономические интересы. Нэйсэ-гэгэн прибавил собственную декларацию, где указал на общее желание монголов «отмежевать от Китая находящуюся вне Великой Стены вполне отчетливую первоначальную монгольскую территорию и учредить особое полноправное государство»⁶.

Великие державы отрицательно отнеслись к панмонгольскому движению и съезду, японское правительство официально держалось в стороне. 2 марта 1919 г. начальник канцелярии Верховного уполномоченного во Владивостоке телеграфировал, что Семенов просит французов пропустить в Париж монгольскую делега-

¹ Эльбек-Доржи Ринчино..., 1998, с. 231.

² С-кий, 1922, с. 594.

³ Базаров, 2002, с. 35.

⁴ С-кий, 1922, с. 594.

⁵ Кузьмин, 2015в, с. 101.

⁶ Тексты обеих деклараций: С-кий, 1922, с. 599–600.

цию от создаваемого монголо-бурято-тибетского государства¹. Панмонголисты отправили также телеграмму президенту США В. Вильсону с просьбой помочь им в реализации принципа самоопределения² — того самого, реализовав который возникли США. Но поддержки не получили. Делегация прибыла в Токио, где попыталась получить визы для проезда на конференцию. Но союзники белых — французский и американский представители и Япония — отказали.

Чтобы привлечь Внешнюю Монголию, Семенов и временное общемонгольское правительство, по инициативе бурят, начали переговоры с ее руководством и стали угрожать вторжением. В мае 1919 г. в Чите прошла конференция панмонголистов об отношениях с Внешней Монголией. Решили послать туда делегацию. 25 мая – 26 июня 1919 г. Нийслэл-хурэ посетил полковник П.П. Левицкий и делегация временного монгольского правительства во главе с Ц.-Е. Цыдыповым³. Делегаты предложили сделать Богдо-гэгэна VIII правителем будущего государства.

В МУУТА сохранился документ от 23 июня 1919 г. о непризнании Богдо-ханским правительством панмонгольского государства. Этот документ был направлен МВД в Министерство юстиции, отсюда — в МИД, хамбо-номун-хану Хурэ, Эрдэнэ-шанцзотбе, сайдам Улясутая, Кобдо, Кяхты, Танну-Урянхая, Восточного края и Манлай-Батору Дамдинсурэну⁴. Получив отрицательный ответ, панмонголисты стали готовить поход на Нийслэл-хурэ.

В июле 1919 г. Левицкий был назначен начальником сводной Монголо-бурятской дивизии, выделенной из частей Азиатской конной дивизии. Под его командованием был сформирован Особый отряд в составе артдивизиона и четырех конных полков⁵. В связи с возможным вторжением панмонголистов, в июле 1919 г. по указу Богдо-хана 1 тыс. монгольских солдат была направлена в хошун Ачитубэйсэ Сэцэнханского аймака и еще 3 тыс. приведены в боевую готовность⁶.

Сообщалось, что Семенов предоставил Нэйсэ-гэгэну 5 млн. руб. для похода на Ургу. 4 августа 1919 г. отряд выступил из Даурии в Монголию. Это могло быть инсценировкой для давления на Богдо-хана⁷. 7 августа открылся съезд нойонов Внешней Монголии, который одобрил предложение правительства страны воздержаться от образования панмонгольского государства⁸. 13 сентября была объявлена телеграмма, что отряд Левицкого расформировывается, а экспедиция отменяется⁹.

4 сентября находившийся в Даурии отряд Фушенги взбунтовался. Бунт был подавлен. Фушенга и более 200 харчинов были убиты, 150 с оружием бежали в Монголию. По-видимому, причинами бунта было недовольство главенством бу-

¹ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1579, л. 252.

² Архив востоковедов, разряд 2, оп. 2, № 253, л. 1–1об.

³ Белов, 1999, с. 172; Базаров, 2002, с. 32–33.

⁴ Батсайхан, 2007, с. 120.

⁵ РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 3, л. 17, д. 2, л. 167–167об.

⁶ МУУТА, ф. 1, д. 2, х.н. 81 — в кн.: Пунцагноров, 1950, с. 247–248.

⁷ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1579, л. 471; Коростовец, 2004, с. 419.

⁸ Ширендыб, 1971, с. 109.

⁹ РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 221.

рят и растущее недоверие монголов к Семенову¹. Временное общемонгольское правительство во главе с Нэйсэ-гэгэном и остатки его войск перебазировались в Верхнеудинск.

В январе 1920 г. панмонгольский отряд в 200 штыков и 600 сабель при 4 орудиях и нескольких пулеметах под командой Левицкого (уже генерал-майора) выступил из Верхнеудинска по Кяхтинскому тракту и захватил ряд сел. Возможно, панмонголисты собирались далее идти на Нийслэл-хурэ. На походе возник конфликт. Монголы перебили большинство русских во главе с Левицким, разграбили несколько сел и продолжили движение. Их руководители вступили в переговоры с китайцами, которые пригласили их в кяхтинский Маймачен. 250 или 300 монголов (возможно, чахары) согласились и были арестованы. Нэйсэ-гэгэн и Нэрэмпил-гун в числе 12 чел. командного состава были расстреляны, остальные под конвоем отправлены в Халху. Другая часть — около 100 харчинов, не поверив китайцам, перешла границу юго-восточнее и через Халху ушла в Хайлар, по дороге грабя население².

Панмонгольское движение не нашло поддержки Омского правительства белых и их союзников. Очевидно, главные надежды панмонголисты возлагали на Японию. Однако те японские военные, которые на первых порах поддержали их, позже не нашли серьезной поддержки в высшем руководстве Японии, где возобладала другая линия. Майор Судзуэ, поддерживавший идею панмонгольского государства, был заменен майором Х. Куросавой. Как верно указывал Э.-Д. Ринчино, «в Японии нет единства точек зрения на монгольский вопрос»³. Хотя военные круги были заинтересованы в смуте в районах соприкосновения с Россией, чтобы оправдать бессрочное сохранение там японских войск, правительство Японии официально держалось в стороне от панмонгольского движения⁴.

Примечательны признания Э.-Д. Ринчино: он, будучи советником в «Общемонгольском временном правительстве <...> вел антияпонскую и антибелую работу, добился ликвидации в правительстве сторонников образования Маньчжугу в лице Фушенги и его партии, ликвидации отряда семеновского генерала Левицкого в конце 1919 г. на Гусином оз. и обращения правительства к Тарбагатайскому штабу красных партизан для совместных действий против белых и китайцев, занимавших тогда Троицкосавск»⁵. Это частично согласуется с депешей Кудашева из Пекина в Омск, что Ринчино и другие, изменив Семенову, перешли на сторону омского правительства⁶.

¹ Подробнее см.: Кузьмин, 2011б, с. 135–137.

² Реконструкция похода: Кузьмин, 2011б, с. 137–140.

³ Ринчино, 1994, с. 119.

⁴ АВПРИ, ф. Канцелярия советника МИД Омского правительства на Дальнем Востоке, оп. 894, д. 2, л. 63.

⁵ Ринчино, 1994, с. 195–196.

⁶ Ширендыб, 1972, с. 109.

6.3. Балагатское движение

Религиозный компонент национального движения в Бурятии в начале XX в. был слабее, чем в Монголии. Более того: в бурятских «прогрессивных» кругах существовало (и существует) мнение, что выборность буддийского духовенства и отсутствие хубилганов якобы обеспечивали там более высокий уровень духовенства. В Бурятии было канонически признано перерождение лишь двух высших лам: Ганжирва-гэгэна VI Данзана Норбоева и его наставника Доржо-Жигмита Данжинова¹. Перерожденными ламами считали еще нескольких человек², в частности, Б.Д. Дандарона.

В 1919–1921 г. в Хоринском аймаке Бурятии шло теократическое (балагатское) движение во главе с ширетуем Кодунского (Кижингинского) дацана Л.-С. Цыденовым, известным знатоком и практиком буддизма. Он основал реформаторское направление, акцентируя внимание на вне-дацанских формах организации и

Л.-С. Цыденов с с ассистентом – Д. Бадмаевым (отец Б.Д. Дандарона). 1919 г. (архив А.А. Терентьева).

практики и создав группу учеников-созерцателей, взяв за пример знаменитых индийских махасиддхов³.

В тот период Забайкалье контролировал атаман Семенов. 23 января 1919 г. Бурнардума издала указ о мобилизации бурят, родившихся в 1895–1898 гг., в монголо-бурятскую бригаду Зорикто-Батор в составе войск атамана. Указ был принят в порядке реализации постановления общепурятского съезда в ноябре 1918 г. о мобилизации 2 тыс. бурят и эвенков-буддистов из Агинского, Селенгинского, Хоринского и Баргузинского аймаков. Представители около 30 сомонных обществ бурят Бодонгутского, Цаганского, Хальбинского, части Кубдутского и Галзутского хошунов Хоринского аймака поднесли Л.-С. Цыденову мандалу и спросили, как избежать призыва в армию. Цыденов высказал мнение, что лучше всего создать независимое буддийское теократическое государство: в таком случае Семенов будет вынужден проявить уважение к бурятам⁴.

¹ Терентьев, 2014, с. 223.

² Хапгасв, 1962, с. 610–614; Нацов, 1998, с. 121–124.

³ Баяргуева, 2007, с. 14–17; Дарибазарон, 2008, с. 63–141.

⁴ Энциклопедия Сибири...

В результате 6 мая 1919 г. было создано Учредительное собрание (Ехэ Суглан) в местности Челсанайн Эбур на южном склоне священной горы Челсана. Собрались 102 делегата — по одному от каждого из 100 кижингинских хошунов. Было объявлено о создании теократического государства Кодунай Эрхидж Балгасан (или Эрхэтэ Балгасан улус), ханом-ламой и царем которого объявили Л.-С. Цыденова, с титулом «Дхарма Раджа хан, царь трех миров, владыка учения». Избрали также должностных лиц. Столицей объявили местность Суархэ — место кельи Цыденова. Эту столицу назвали Соемпкус, или Соёмбо. Хошуны и их жители — подданные нового хан-ламы, стали называться балагатами, а их территория — Теократическим Балагатским государством. «Монгольский термин балагаты означает крупную сельскую, улусную административную единицу». Сомоны стали именовать тосхонами¹.

Учредительное собрание приняло конституцию, избрало президента, вице-президента, наследника престола, правительство из восьми министров и их товарищей. Были созданы МИД, МВД, министерства финансов, юстиции, госимущества и земледелия, торговли и промышленности, просвещения². Полномочия существовавших бурят-монгольских управ и Бурнардумы были прекращены. Собрание издало манифест, в котором подчеркивалось, что государство создается на принципах ненасилия, по воле народа, ради его защиты. Его характерной чертой стало отсутствие полицейских и военных сил. Манифест был вручен представителям соответствующих инстанций, прежде всего, Семенову и Бурнардуме. После объявления о создании Балагатского государства в его столицу приезжали представители ряда хошунов Хоринского, Селенгинского и Баргузинского аймаков с просьбой о принятии в его подданство. В связи с отсутствием армии и полиции, местные органы власти занялись массовыми арестами участников движения и отправкой их в Читинскую и Верхнеудинскую тюрьмы. Репрессиям подверглись более 6 тыс. чел.³ Причиной было неподчинение властям: сообщалось, что Цыденов призывал не подчиняться существовавшим законам, а «организовать независимое государство по законам и учению Будды»⁴.

В ночь с 10 на 11 мая 1919 г. семеновцы арестовали Цыденова и 13 его министров. Цыденов дал обещание «об отказе от своей идеи и ... письменное обращение к ... бурятам-буддистам, принявшим его подданство, впредь не признавать его царем, а считать ламой-созерцателем, выполняющим лишь религиозные действия». 12 июня были освобождены 29 чел. теократического правительства, а 19 июня — Цыденов и его преемник и наследник Д. Бадмаев. Население встретило их ликованием. 9 августа Цыденов, Бадмаев и еще 5 чел. были вновь арестованы, но отпущены 13 сентября. В третий раз их арестовали 24 сентября — уже по настоянию «младо-бурятской» интеллигенции, стоявшей во главе национальных

¹ Хаптаев, 1962, с. 605–607; Дандарон, 2006; Баяртуева, 2007, с. 18; Дарибазарон, 2008, с. 63–141; Цыремпилов, 2015, с. 67.

² Подробнее о конституции и органах власти см.: Цыремпилов, 2015, с. 65–68.

³ Дарибазарон, 2008, с. 63–141.

⁴ «Наш путь», № 179, 13.06.1919.

учреждений, которой руководители теократов могли помешать. Но и на этот раз по распоряжению Семенова их отпустили 20 января 1920 г., по другим данным — в декабре 1919 г.¹

В четвертый раз Цыденов и все его правительство из 18 человек были арестованы в мае 1920 г. — на этот раз именем ДВР. Они были освобождены в феврале 1921 г., за исключением Цыденова, Дандарона и Дымбрилова. В апреле более 300 лам организовали новый Шелотский дацан, объявив его независимым от Бандидо-хамбо-ламы и подчиненным Цыденову. К ним присоединились и ламы других дацанов. Сам Цыденов, по официальной версии в его уголовном деле, умер в возрасте 81 года в Новониколаевске 15 мая 1922 г. в тюремной или городской больнице².

После установления в Забайкалье советской власти в 1920 г. в Кижингу (Бодонгутский хошун) прибыла комиссия, которая обнародовала постановление Бурнарревкома о строительстве там перерабатывающих заводов. К работе привлекалось все бурятское население бесплатно и в принудительном порядке. С апреля 1921 г. в сомонах и хошунах, где действовали цыденовские теократы, население стало создавать административные органы под названием балагатских. Собрания выносили постановления об отказе от уплаты налогов и сборов, существовавших на территории Бурят-Монгольской АО. Выбирались должностные лица — эзены, тосхонные дарги и т.д. В конце мая 1921 г. теократы создали главный орган — Центральное управление объединенных бурятских обществ (в улусе Шана, Кижингинский сомон), независимое от власти Бурят-Монгольского автономного управления. Председателем стал один из лидеров движения Ц. Цыденжабон. Главной задачей управления было выделение из состава БМАО ДВР и создание особой административной единицы «с уездной функцией» и подчинением Прибайкальской обл.³

По примеру балагатского, в Кижингинских хошунах Хоринского аймака возникли и другие движения, протестовавшие против политики БМАО: хилганайское движение в Баргузинском аймаке, догойское движение в Агинском аймаке, движение среднечикойцев в Чикойском аймаке. Их представители также стремились присоединиться к русским областям в качестве административной единицы. Автономное управление БМАО объявило о роспуске балагатского теократического движения, и прекратило строительство заводов в Кижинге. Но балагаты подняли вопрос о сохранении за собой права на местное самоуправление при подчинении русским властям «в сфере высшего административного управления»⁴.

В 1922–1926 гг. на территории Хоринского ведомства началось вооруженное противостояние балагатов с властями и сторонниками хошунов, приведшее к поражению и репрессиям первых. Вооруженные выступления балагатов расценивались красными как «бандитские действия», политическая окраска затушевы-

¹ Хаптаев, 1962, с. 607; Федотова, 1996.

² Федотова, 1996; Дандарон, 2006; Баяртуева, 2007, с. 19.

³ Дарибазарон, 2008, с. 142–211.

⁴ Дарибазарон, 2008, с. 142–211.

валась. Дальневосточное бюро ЦК РКП(б) решило вести планомерную борьбу с движением, которое при широком развитии могло привести «к созданию самостоятельного государственного образования на основе теократизма»¹.

Л.-С. Цыденов был монархистом, признавал власть русского царя, называл его Чакравартином. В его тюремных записях есть многочисленные выписки по политической теории, государственному устройству, значительное место занимает термин «теократия». Примерно в 1920 г. он дал и собственное ее определение в русле буддийской концепции религии и государства².

Итак, главным стимулом к созданию теократического Балагатского государства было желание сохранить традиционализм и религию, защититься от произвола белых и красных. По-видимому, лама Цыденов для достижения этих целей с самого начала использовал идею строительства Балагатского государства лишь как лозунг. Это движение на первых порах смогло защитить часть бурят.

* * *

На монгольских землях вне Халхи не было сильных теократий, которые бы стали центрами консолидации и государствовоительства. Наиболее масштабным было панмонгольское движение, ставившее целью создание общемонгольского государства, которое могло бы стать теократическим. Однако этот проект был изначально нежизнеспособным: участники панмонгольского съезда в Чите имели разные цели и не имели достаточно ресурсов. Бурятские национальные демократы предлагали республиканскую модель, которая хуже соответствовала монгольской традиции, чем монархия. Нет доказательств того, что панмонгольское движение было инспирировано Японией.

¹ Дарибазарон, 2008, с. 142–211.

² Цыремпилов, 2007, с. 1–25.

ЧАСТЬ III

Ликвидация теократии

Концепция монгольской теократической государственности достигла вершины своего развития во втором десятилетии XX в. Трудно сказать, как пошло бы дальнейшее развитие, если бы не революция 1921 г., обозначившая ее закат. После революции монгольская теократия и церковь просуществовали менее 20 лет.

Глава 7. Становление революционной власти

7.1. Образование подпольных кружков монголов в Нийслэл-хурэ и их переход под влияние большевиков

Кружки, давшие начало МНП, изначально были созданы в Нийслэл-хурэ для изгнания китайских оккупантов, но быстро перешли под влияние пробольшевистских сил. Для понимания механизмов этого надо проанализировать ситуацию внутри российской колонии в Нийслэл-хурэ после двух революций 1917 г.

По воспоминаниям Д.П. Першина, известие о Февральской революции встретило в колонии поддержку. Созвали собрание, от имени которого активисты подготовили резолюцию с недоверием царским представителям — А.А. Орлову, А.П. Хионину и А.П. Болобану, решили избрать комитет из 12 лиц. Комитет, или исполком, был избран 12–13 марта 1917 г. В него вошли Я.В. Гембаржевский, М.И. Кучеренко, Э.Б. Батуханов, Ф.Я. Семин, А.П. Агарков (левые), Д.П. Першин, М.А. Бардашев, М.М. Лисовский, Родовский, Малышев и Жаркой, председатель — С.Б. Цыбыктаров. Комитет стал регулировать жизнь колонистов, выявлять казачьих офицеров, боровшихся с революцией 1905–1907 гг., добиваться амнистии осужденных революционеров. Его члены прилагали усилия для удаления из Нийслэл-хурэ Орлова и других сторонников старого режима¹. Но Временное правительство отказало в этом.

Октябрьская революция в России не оказала немедленного влияния на внутреннее положение в Монголии. Это влияние стало проявляться позднее. Первые сведения об Октябрьской революции в Нийслэл-хурэ появились в «Ургинской

¹ Даревская, 1977, с. 47–48; Першин, 1999, с. 21.

столичной газете» в конце 1917 – начале 1918 г. Это издание, а также «Монгольская газета», публиковали первые декреты и договоры большевиков¹. Российская колония разделилась: одни не поддерживали советскую власть, другие — поддерживали². Отношение монголов к событиям в России видно из рапорта о командировке в Монголию и Урянхай штабс-капитана Коршунова начальнику разведки штаба Иркутского ВО от 17 декабря 1919 г. «За все время поездки по Монголии приходилось не раз сталкиваться в разговорах с монголами и китайцами о происходящих событиях, как в Монголии так и в России, из коих вынес впечатление, что монголы-простолюдины относятся с большим сожалением к происходящей у нас неурядице в государственном строе. Большевизм совершенно не понимают и спрашивают: “С кем вы, русские, воюете?” Когда же более или менее стараешься посвятить о происходящих политических событиях у нас, то только вызывает непонятное удивление»³.

Вскоре после Октябрьской революции нарком иностранных дел РСФСР Л.Д. Троцкий предложил, фактически, совершить советскую революцию и в Монголии. 28 февраля 1918 г. он послал председателю Центрального исполнительного комитета советов Сибири (Центросибирь) телеграмму, в которой предлагал «привлекать монгол для участия наших Совдепов и насаждать эти учреждения среди полунезависимых народностей, данников либо хутухты, либо китайского правительств», чтобы «положить конец всяческим домогательствам хищников и капиталистов, работающих вместе с монгольской духовной бюрократией»⁴.

В связи с этим 12 апреля 1918 г. в газете Центросибири «Власть труда» появилась статья члена Центросибири П.Ф. Парнякова — сына ургинского священника Ф.А. Парнякова⁵. Ее можно считать программой деятельности Центросибири в Монголии. Главной задачей было «предупредить империалистическую провокацию» со стороны Нийслэл-хурэ — Маймачена. Для этого предлагалось заменить всех русских консулов и лиц дипкорпуса в Монголии верными революции комиссарами, расформировать консульские отряды, организовать советы местной русской демократии, проводить агитацию среди монголов. Предусматривался «при известных политических... условиях переход деспотической Монголии в трудовую социалистическую республику»⁶. Органом должны были стать советы депутатов китайских рабочих и «монгольских батраков» и солдат, соединенных с совдепами русских рабочих и служащих.

Это не могло понравиться ни российским дипломатам в Монголии, ни правительству страны. Монгольское правительство поддержало царских дипломатов, продолжавших сохранять свои полномочия. Орлов телеграфировал в Пекин 6 апреля 1918 г. о заверении МИД, что большевистский консул не будет пропу-

¹ Дашжамц, 1978, с. 44–45.

² Злагкин, 1957, с. 159.

³ РГВА, ф. 39515, оп. 1, д. 126, л. 8об.

⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 1, л. 2 — цит. по: Белов, 2003, с. 86–87.

⁵ Еще раньше — после Февральской революции 1917 г. Ф.А. Парняков раздавал революционную литературу, обсуждал пересмотр консульского устава и т.д. (Бурдуков, 1969, с. 154).

⁶ Даревская, 1997, с. 136.

щен в Монголию¹. Попытки наладить печатание в Нийслэл-хурэ красной литературы провалились, а демократический профсоюз рабочих и служащих прекратил деятельность.

Ф.А. Парняков, В.Н. Чайванов, С.И. Попов и другие демократы создали Ургинское общество потребителей как легальную «крышу» для подпольной работы. В ноябре 1919 г. на квартире Попова в Урге состоялось конспиративное собрание в составе В.М. Чайванова, М.Д. Крутикова, Ф.А. Парнякова, П.И. Бызова, И.А. Сороковикова. Они решили создать подпольный ревком. Председателем выбрали Попова, секретарем — Чайванова. Затем были избраны новые органы левого самоуправления колонии. Председателем думы стал Шейнеман, управы — Чайванов, секретарем — Гембаржевский². По воспоминаниям Сороковикова,

Я.В.Гембаржевский(МТМ).

М.И. Кучеренко (МТМ).

члены комитета «постарались завязать знакомства с китайскими заправилами, которые сыграли большую роль». Ревком просуществовал недолго и был распущен из-за прибытия в Ургу «белогвардейских банд партиями человек по 15», которые находили радужный прием в консульстве и у промышленников. Было решено поддерживать связь с красным штабом Смолина в Забайкалье, поставлять ему информацию, и начать работу через местное самоуправление. Был возрожден Союз рабочих и служащих³.

1 марта 1920 г. на первом заседании новая дума в Урге получила подавляющее большинство. Она единогласно приняла резолюцию, предложенную фракцией рабочих и служащих: исходить только из советской власти; российские представители в Китае в других странах не являются ее представителями; дума является «законной выразительницей всей русской колонии в Урге <...> с утратой консульским агентом представительства вся власть в отношении русской колонии в Урге должна принадлежать избранной колонией общественной Думе». Соответственно, постановили «в отношении русской колонии в Урге принять на себя всю полноту власти и учредить контроль в делах Российского Генерального консульства в Монголии» (подписал секретарь управы Гембаржевский)⁴.

2 марта дума предложила не признавать власть консульства, т.к. оно «не выражает мнения большин-

¹ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1565, л. 336.

² Даревская, 1997, с. 144–145.

³ АВПРФ, ф. РМ, оп. 2, пор. № 12, папка 101а, л. 173.

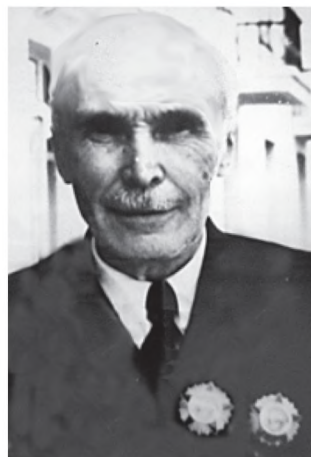
⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 7, л. 3.

ства русских граждан в Урге, открыто проявляет сочувствие и поддержку белым офицерам»¹. Гласные от буржуазии не согласились и ушли из думы, за ними беспартийный; демократы ввели кандидатов из своего списка. Дума стала полностью демократической. Председателем ее стал Шейнеман, председателем управы — Чайванов, секретарем — Гембаржевский. Орган самоуправления — городскую управу — теперь составляли В.Н. Чайванов, М.И. Кучеренко, Я.В. Гембаржевский, А. Балыков, С.И. Попов, П.И. Агафонов, И.С. Маслаков и Ф.А. Парняков.

«Управа немедленно организовала свою крепкую милицию и путем внезапных ночных милицейских налетов стала разоружать, арестовывать и высылать из Урги в распоряжение троицкосавского ревкома наиболее злостных белогвардейцев»². «Новая власть с председателем Чайвановым повела наступление на белых. Ночные обыски, аресты, допросы... дружба Управы с китайцами сделали свое дело. Офицеры поразбежались в сторону Маньчжурии. <...> Белые в Ургу не въезжают, а далеко объезжают ее. Китайские солдаты попавшихся белых доставляют в Управу для ареста, но при условии определенных данных: беспаспортность, убийства, порки, грабежи. Технически Управа [не имеет] возможности подвергать их аресту и высылке...»³.

Управа, направлявшаяся большевиками, хотя и взяла в руки самоуправление, не рискнула ликвидировать консульство во главе с консулом Орловым и вице-консулом В.Г. Габриком⁴. В Нийслэл-хурэ пошли собрания за признание советской власти, доверие к думе и управе. После создания ДВР весной 1920 г. ее флаги подняли над управой.

Утверждение пробольшевистских сил в самоуправлении российской колонии Урги в конце 1919 — начале 1920 г. было не случайным. В тот период Монголией правили китайские оккупанты — республиканцы, которые лишили власти Богдо-хана и распустили его монархическое правительство, поддерживавшее белых. Красное самоуправление российской колонии воспользовалось этим: оно установило с оккупантами тесные связи, с их

И.А. Сороковиков (МТМ).

Ф.А. Парняков (Россия и Монголия в начале XX в. Дипломатия, экономика, наука. Кн. 3, ч. 2. Иркутск, 2014, с. 57).

¹ Цит. по: Даревская, 1997, с. 145–146.

² Кунгуров, Сороковиков, 1946, с. 44.

³ АВГРФ, ф. РМ, оп. 2, пор. № 12, папка 101а, л. 173об.

⁴ АВГРФ, ф. РМ, оп. 2, пор. № 12, папка 101а, л. 174.

помощью пресекало попытки проникновения в столицу белогвардейцев, фактически, парализовало работу старых дипломатов и готовило установление советской власти.

Как отмечал 28 августа 1920 г. в донесении по итогам своей поездки в Ургу британский дипломат Э. Тейхман, «Чайванов преуспел в создании для себя весьма партнерского положения в отношениях с местными китайскими военными властями»¹.

Однако у монголов с оккупантами отношения были не столь теплыми. По воспоминаниям И.А. Сороковикова, «сразу же за уничтожением монгольской автономии образовалась тайная ламская организация, имевшая целью свержение ига китайцев. Но в этой организации произошел раскол и она распалась». Затем образовалась «организация народная» — национально-освободительные подпольные кружки, позже давшие начало МНП².

Сразу после роспуска монгольской Нижней палаты Сюй Шучжэном в юрте чиновника С. Джамьян-гуна собралось члены этой палаты Джамьян, Данзан, У. Дэндэв, Догсом, также пришли Нямжав, Лхундэ, Цэндэ, Тогтохо и др. Они составили текст обращения к России, который собирались вручить Орлову. Были направлены делегаты к Богдо-гэгэну. Он их поддержал, но отказался скрепить печатью их письмо, сочтя его преждевременным³.

По мемуарам очевидца Дугаржава, Данзан, Дэндэв, Догсом и он сам решили включить в кружок новых членов, первым из которых, по рекомендации Дугаржава, стал Сухэ-Батор. Впятером они совершили воскурение благовоний и молитву божеству-охранителю Джамсарану в Барун-Урге в Хурэ, поклялись спасти монгольский народ от жестоких страданий и вернуть к мирной жизни. Они написали благоприятствующие фразы молоком на хадаках и поднесли этому божеству. По оценкам исследователя Х. Футаки, это произошло во второй половине ноября 1919 г. В мемуарах Д. Догсома говорится, что этот ритуал был проведен позже, когда два кружка революционеров объединились⁴.

Основное ядро группы увеличилось и продолжило работу (Данзан, У. Дэндэв, Догсом, Сухэ-Батор, Джамьян, Галсан, Тогтохо, Цэндэ и др.). Независимо от них образовался и стал действовать другой нелегальный кружок (Бодо, Чойбалсан, Лосол, Чагдаржав, Алтангэрэл, Баяр-тайджи и др.)⁵. Первый позже назвали «Восточный хурэ», второй — «Консульский холм» (монг.: Зуун хүрээ, Консулын дэнж). В эти два кружка входили представители разных сословий. Они действовали с одобрения Богдо-гэгэна, были далеки от красных идей и боролись за национальную независимость. Значительная их часть стремилась к единству всех монголов⁶.

¹ TNA, IOR/L/PS/11/159/1919/096/p. 8.

² АВПРФ, ф. РМ, оп. 2, пор. № 12, папка 101а, л. 171.

³ Калининков, 1928, с. 76–77.

⁴ Futaki, 2000, p. 41–42.

⁵ Калининков, 1928, с. 76–77.

⁶ Dashpurev, Prasad, 1993, p. 23–24.

Одни кружковцы ориентировались на Россию (Сухэ-Батор, Чойбалсан и др.), другие — на Японию и США. Среди последних важное место занимали Лувсанцэвэн-тайджи и Баяр-тайджи (которые позже выступали против МНП). Баяр-тайджи вначале был инструктором солдат Сухэ-Батора¹. В 1920 г. его включили в список будущего народного правительства, предложенный Ц.-И. Гочитским (Ц.Е. Дашбалын). Лувсанцэвэн и Баяр числились под псевдонимами Дэрликов и Сергей Баяртуев². Члены кружка установили связь с монгольскими князьями и ламами: Хатан-Батор Максаржавом, Джалханца-хутухтой и др.

Попов, Шейнеман и Парняков создали Информбюро, которое стало выполнять секретные задания, служило передаточным пунктом между РСФСР и Китаем, с помощью бывшего переводчика консульства В.Я. Кондакова снабжало красных из Сибири паспортами для выезда в Китай. Секретные задания касались разведки внутренних дел Монголии и белых, информирования сибирской ЧК о контрреволюционерах. Информбюро занялось также работой в подпольных монгольских кружках. О ходе работы Сороковиков регулярно докладывал по телеграфу в Иркутск³.

По видимому, в конце 1919 г. Дугаржав, Догсом и другие спросили высокопоставленного монаха в монастыре Гандан и двух предсказателей в монастыре Дзун-хурэ, уместно ли будет обратиться за помощью к советской России. Получив положительные ответы, они посетили оракула монастырского аймака Вангай. Он предписал совершить ритуал Сор. У. Дэндэв, Галсан, Данзан, Дугаржав, Даш, Джигмэддорж и С. Джамьян собрали деньги, и монахи провели этот ритуал⁴.

В феврале 1920 г. члены кружков С. Данзан и Д. Сухэ-Батор впервые попытались установить связь с большевиками в России. Дальше Троицкосавска им проехать не удалось. После этого они познакомились с Кучеренко и Гембаржевским, а члены другого кружка к тому времени уже установили контакт с Кучеренко и Маслаковым. Те разъясняли им идеи Октябрьской революции⁵. Беседы с М.И. Кучеренко, Я.В. Гембаржевским, И.С. Маслаковым, В.Я. Кондаковым, С.Б. Цыбыктаровым, И.Я. Сороковиковым, внедрявшими в кружки коммунистическую идеологию, оказали влияние на Сухэ-Батора и Чойбалсана⁶.

Итак, красное самоуправление российской колонии, используя гаминов в борьбе за советизацию этой колонии, внедряло коммунистическую идеологию в монгольские кружки, целью которых была борьба с этими гаминами.

В Нийслэл-хурэ вели активную работу эмиссары РСФСР и ДВР. В марте 1920 г. столицу посетил проездом из Китая партийный деятель и работник правительства ДВР Н.Г. Буртман, прошедший встречи с российскими красными и с членами монгольских кружков. В мае 1920 г. в Ургу направилась группа эмис-

¹ О. Пурэв, личн. сообщ.

² Тачибана, 2006, с. 12.

³ Даревская, 1997, с. 148–149.

⁴ Futaki, 2000, p. 44.

⁵ Futaki, 2000, p. 44; Юдин, 1959, с. 105–125.

⁶ Генкин, 1928, с. 75–90; Молоков, 1991, с. 38–39.

саров Дальневосточного секретариата Коминтерна во главе с С.С. Борисовым. В августе 1920 г. через нее в Китай проезжала миссия ДВР во главе с И.Л. Дзевалтовским (Юриным). Он выдал Чайванову мандат, по которому тот назначался генеральным консулом ДВР в Монголии, стал созывать собрания, выступать на них¹. Собрание колонии приняло предложение Юрина не подчиняться старому консульству. В ответ Орлов призвал не подчиняться правительству ДВР, а регистрироваться у него. К Орлову пришло лишь 70 чел. Тогда рабочие стали снимать детали машин, препятствуя печатанию консульских воззваний².

В апреле–июле того же года Сороковиков ездил в Иркутск, доложил о положении дел в Нийслэл-хурэ и получил инструкции о контактах с членами кружков³.

7.2. Образование Монгольской народной партии, временного народного правительства и приход их к власти

Вернувшись в Монголию из Иркутска, Сороковиков передал членам подпольных кружков приглашение⁴. Это сыграло консолидирующую роль, кружки занялись выработкой общей программы. Считается, что 25 июня 1920 г. на совместном заседании кружки объединились в МНП. На этом заседании, по-видимому, присутствовали представители российского ревкома⁵. Была принята декларация, в которой ставились цели: очистить страну от врага религии и нации (т.е. гаминов), вернуть Монголии потерянные права, возвысить власть и религию, улучшить управление, думать о бедных, соблюдать права людей, строить жизнь без эксплуатации человека⁶. Согласно другой точке зрения, объединение кружков произошло в конце 1919 г., а название МНП было введено в средний месяц весны 1920 г., когда кружковцы встретились с Сороковиковым. На встрече в доме Догсома была изготовлена печать партии, принято решение о посылке делегатов в Россию и распределение ролей между ними⁷.

Примечательно, что в старых монгольских документах монгольская революционная партия называется *боишгыз халах нам* — «партия, лишаящая правящую династию небесного мандата на правление». Это калька с китайского названия, имевшего начало в традиционной китайской мироустроительной модели (см. гл. 1).

Было решено, что от МНП в РСФСР должны ехать Данзан и Чойбалсан. Бодо, Сухэ-Батор, Юмтаров, Балсанов, Кучеренко и Гембаржевский должны получать

¹ Рошин, 1999, с. 29; Юдин, 1959, с. 109; Казанин, 2009, с. 68.

² “Боец”, 03.09.1920.

³ Кунгуров, Сороковиков, 1946, с. 45–46.

⁴ Кунгуров, Сороковиков, 1957, с. 84.

⁵ Рошин, 1999, с. 29.

⁶ МУУТА, МБТ, ф. 1, д. 1, х.н. 3, тал 1.

⁷ Futaki, 2000, p. 53.

сообщения из России. Лосол, Джамьян, Галсан, Алтангэрэл, Даш должны узнавать позицию и действия властей. Догсом, Джигмэддорж, Дугаржав и Дэндэв должны делать так, чтобы Хатан-Батор Максаржав, Джалханцза-хутухта, Дилова-хутухта, да-лама Дуйнхора Пунцагдорж склонялись на сторону партии и получили бы разрешительную бумагу с печатью Богдо-гэгэна¹.

Первыми выехали Чойбалсан и Данзан, которые через Троицкосавск прибыли в Верхнеудинск — столицу ДВР. Они почти месяц общались там с Б.З. Шумяцким — председателем Совмина ДВР и секретарем Дальбюро РКП(б), ждали других делегатов. Последние в Нийслэл-хурэ получили от Чойбалсана из Верхнеудинска телеграмму: «Почему задерживается выезд остальных? Напоминаю, что необходимо привезти подарок от Богдо»² — т.е. письмо с печатью Богдо-гэгэна советскому правительству.

«Текст письма от имени страны, народа и Богдо-гэгэна приготовили революционеры под непосредственным руководством Сухэ-Батора»³. Монголы спросили у оракула, будет ли успешной их поездка в РСФСР. Он ответил утвердительно⁴. С. Джамьян обратился к да-ламе Пунцагдоржу с просьбой, чтобы Богдо-гэгэн заверил письмо печатью. 25 июля 1920 г. Джамьян и Пунцагдорж отправились во дворец, но лишь на следующий день революционеры получили заверенную бумагу⁵. Б. Ширендэб писал, что готовый текст письма Богдо-гэгэну представил Джамьян по совету Пунцагдоржа⁶. Правда, стиль этого письма не похож на стиль других документов МНП, адресат — Великая Россия (как писали до революции), а советская власть не фигурирует ни в какой форме...

Одновременно Богдо-гэгэн поставил печать на письма с таким же содержанием к правительствам США (по предложению Джалханцза-хутухты) и Японии (по предложению Сэцэн-вана)⁷. Выходит, письма в Америку и Японию были просто переписаны с письма революционеров.

27 июля Д. Бодо и Д. Чагдаржав выехали из Нийслэл-хурэ в ДВР. В Троицкосавске они встретились с уполномоченным НКВД в Монголии О.И. Макстенеком, назначенным на эту должность в июне, но не пропущенным через границу. Они написали письмо для вручения советскому правительству. В нем получение помощи от РСФСР они связали с «восстановлением самостоятельности Монголии», распространении национально-демократических взглядов, политической программой демократической республики⁸. Это письмо они вручили Макстенеку, который, сняв копию, переслал его в Иркутск уполномоченному НКВД по Сибири и Дальнему Востоку⁹.

¹ Хишигт, 2011б, с. 137.

² Чойбалсан, 1952, с. 24–25.

³ Кунгуров, Сороковиков, 1946, с. 45–46, 48.

⁴ Догсом, 1928 — в кн.: Дашдулам, Наранчимэг, 2011, с. 48–50.

⁵ Бат-Очир, Дашжамц, 1971, с. 57.

⁶ Ширендэб, 1971, с. 134.

⁷ Чойбалсан, 1952, с. 25; Ширендэб, 1960, с. 319.

⁸ Бат-Очир, Дашжамц, 1971, с. 62–63.

⁹ Юдин, 1959, с. 111.

28 июля из столицы выехали Д. Сухэ-Батор, Д. Догсом и Д. Лосол. При Сухэ-Баторе было то самое «Письмо-обращение уполномоченному российского правительства от князей и монахов Внешней Монголии», которое заверил печатью Богдо-гэгэн. В нем говорилось, что с крушением Цинской династии халхаские монголы возвели хаганом Богдо Джебцундамба-хутухту и объявили независимость; в 1919 г. автономию, признанную Кяхтинским соглашением, уничтожили китайцы; монголы попали в тяжелое положение, китайцы притесняют Богдо-хагана. В письме содержалась просьба: «Мы желали бы... образовать самостоятельное небольшое государство, возвести Богдо-Джебцундамба-хутухту-хагана в цари, вручив ему управление верой и государством, уничтожив сразу (статью. — С.К.) (в тройном договоре 1915 г.), где говорится, что Монголия является частью китайской территории, и стать совершенно независимым от Срединной республики; но мы, слабые монголы, не имеем готового войска и оружия... Поэтому мы просим учесть эти обстоятельства нашей безысходности, оказать непременно помощь и защиту. В случае согласия помочь, просим сообщить нам ответ, каким образом представляется возможным без войны и учинения беспорядков, путем переговоров и пересмотра (прежних договоров), сообразно удобству момента, восстановить вновь автономное правление»¹.

В Верхнеудинске три группы посланцев соединились. Эта первая делегация МНП, сыгравшая решающую роль в дальнейшем развитии партии, была представлена выходцами из правящих слоев Монголии. В ней было трое бывших лам (Бодо, Чагдаржав и Лосол) и четверо бывших чиновников² (член нижней палаты Догсом, чиновник минфина Данзан, телеграфист и переводчик Чойбалсан, командир, а затем служащий типографии Сухэ-Батор).

Они общались с Б.З. Шумяцким. Переводчиками были Э.-Д. Ринчино и Ц. Жамцарано³. Шумяцкий известил их, что для ответа на их вопросы они должны ехать в Иркутск, т.к. у него нет таких полномочий. 16 августа 1920 г. делегаты прибыли в Иркутск, где были приняты заместителем уполномоченного НКВД по Сибири и Дальнему Востоку, заместителем председателя секции народов Востока Сиббюро РКП(б) Ф.И. Гапоном, общались также с другими членами бюро: Н.К. Гончаровым и прямым начальником Гапона — Н.Г. Буртманом.

Делегаты вручили письмо с печатью Богдо-гэгэна Гапону. Советские представители знали и о втором письме — но оно было подписано лишь Бодо и Чагдаржавом, из него была неясна политическая форма нового государства и какому классу отводится господствующее положение⁴.

На совещании 21 августа Гапон поставил вопрос: есть ли среди делегации полное согласие относительно пункта письма о самостоятельном небольшом государстве во главе с Джебцундамба-хутухтой, или это обращение не имеет отношения к делегации и не является ее мнением? Ответ (согласно протоколу в до-

¹ Оригинал перевода: РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 7, л. 5а–7.

² Таковыми они считались в Монголии согласно сословному делению того времени.

³ Рошин, 1999, с. 30.

⁴ Бат-Очир, Дашжамц, 1971, с. 62–63.

кументах Коминтерна) состоял в том, что делегаты к этому письму отношения не имеют, желают демократической реформы, представляют весь монгольский народ, а письмо было написано высшими кругами после их отъезда, задним числом, и они о нем не знали (что не соответствует истине — см. выше). Гапон ответил: «Сов. Россия стоит на страже широких трудящихся народных масс, а не правящих или думающих править сфер. Так ставила вопрос и делегация в предыдущий раз. Полагаю, что по этому вопросу среди членов делегации разногласий нет и быть не должно». Гапон озвучил также отказ советского правительства от договоров императорского правительства по Монголии¹.

Данзан и Догсом возражали: письмо Богдо — главный документ. Однако «намекы» советской стороны пришлось принять. Делегация заявила, что отказывается от обращения князей и лам и имеет собственную программу действий. Появился новый документ — «Заметки». В них цель была сформулирована так: «Независимо от князей и лам Внешней Монголии Народная партия ставит целью добиться расширения прав страны с восстановлением автономии в соответствии с Тройственным соглашением», просит Россию о посредничестве с Китаем, при осложнениях предоставить 24 тыс. кавалерии, дать заем. Гапон отвечал, что вопросы об оружии и т.п. должны решаться на более высоком уровне, а здесь идет предварительный обмен мнениями².

На одном из совещаний с советскими представителями делегация заявила, что Хутухта будет оставлен лишь на первое время «для декорума», а с углублением народно-революционной власти будет убран³.

26 августа Гапон отправил информацию в Омск председателю Сибревкома И.Н. Смирнову. Он с удовлетворением отметил, что «вся делегация в целом против этого обращения (письма с печатью Богдо-хана. — С.К.) и желаний лам, но с неодинаковой, конечно, упругостью выражает свое несогласие»: в делегации двое ориентируются на князей и лам, двое — на чиновничество, военных, торговцев, трое — на широкие массы. Он сам считает момент подходящим для того, чтобы «укрепить наше влияние в Монголии, взяв на себя организацию национально-революционных элементов и руководство ими»⁴.

На письмо с печатью Богдо-гэгэна большевики ответили отказом: «Российское рабоче-крестьянское правительство, действительно, ставит своей задачей помощь и содействие угнетенным и потерявшим свою свободу народам различных стран мира <...> помогает советом и действиями лишь народным массам, всем трудящимся, а не тем элементам, которые запятнали и пятнают себя предательством и продажей свободы народа и государства во имя групповых и личных интересов и прав своих и поэтому недостойны никакого доверия своих и чужих <...> Дело освобождения Внешней Монголии есть дело ее народных масс <...> отделение

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 4, л. 17–22.

² Рошин, 1999, с. 31–32.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 4, л. 24, 25.

⁴ АВПРФ, ф. 111, оп. 1, п. 101, д. 1, л. 51–52об. — цит. по: Российско-монгольское..., 2008, с. 115–116.

Внешней Монголии в самостоятельное государство поведет к нарушению мира и доброго согласия между народами китайским и монгольским и повредит делу освобождения обоих народов»¹.

Это послание, плохо согласующееся со стилем дипломатии, показывает, что большевики воспринимали ситуацию в Монголии и МНП лишь в контексте распространения революции на Китай. Огульные обвинения в предательстве были необоснованны, а рассуждения о «деле освобождения обоих народов» противоречили работе В.И. Ленина «О праве наций на самоопределение», изданной еще в 1914 г.

24 августа решили разделить делегацию на три части: одна должна была ехать в Москву, другая остаться в Иркутске, третья вернуться в Монголию. После Иркутска Данзан, Лосол и Чагдаржав направились в Омск и Москву, Сухэ-Батор и Чойбалсан остались в Иркутске, Бодо и Догсом вернулись в Монголию (Лосол из-за споров или болезни с полпути вернулся в Иркутск)².

Данзан и Чагдаржав привезли в Москву письмо от имени МНП, составленное с учетом указанных выше «Заметок» и переговоров в Иркутске³. Согласно этому документу, подписанному в Иркутске 29 августа 1920 г. Бодо и Догсомом, «многочисленность лам среди совсем темной, фанатичной массы, не имеющей понятия о европейской культуре и верующей в святость учения религии и учителей лам, естественно создает для последних и Шабинского ведомства, правящие круги которого исключительно ламы, огромный авторитет и власть при дворе и в массах, с чем не могут примириться князья, отсюда явились весьма частые прения и недоразумения между ними. <...> Пользуясь властью и силой Шабинского ведомства, НРП рассчитывает достигнуть свержения власти китайцев и, провозгласив Джебцзундамба-хутухту конституционным монархом, уничтожить наследственность князей, одновременно ведя усиление работы по популяризации народно-революционных идей в массах с распространением среди них европейской культуры и тем самым подготовляя почву для своего наступления для окончательного сломятия существующего порядка, причем противниками НРП будет только немногочисленная группа правящих кругов Шабинского ведомства. Такая тактика, по нашему мнению, диктуется соображениями международного характера и желанием не вовлечения Внешней Монголии в междоусобные распри». Первоначальные задачи поставили следующие: ускорить явную и тайную помощь советской России; иметь постоянного представителя в Маймачене для взаимной информации и связи; установить между Ургой и Маймаченом два пункта, где могут получить лошадей курьеры из Урги; посылать по всем центральным пунктам своих постоянных партийных агентов; в Урге создать постоянный центральный орган партии со следующими отделами: (1) агитационных изданий, (2) военный,

¹ АВГПРФ, ф. 111, оп. 3, п. 105, д. 14, л. 121–121об. — цит. по: Российско-монгольское..., 2008, с. 116.

² Хшигт, 2011б, с. 162–164; Рошин, 1999, с. 33.

³ Рошин, 1999, с. 33.

(3) информационный, (4) контрольный, (6) взаимопомощи с советской Россией — через Монголо-тибетский отдел Коминтерна¹.

Этот документ отражает планы революции в Монголии, которых у членов МНП раньше не было. Но было сделано важное исключение: авторитет Богдо-гэгэна среди монголов был столь высок, что его решили не свергать, а номинально сохранить его пост после революции². Ликвидация монархии предполагалась в будущем (см. выше об «убирании» Богдо-гэгэна). Эти планы появились под непосредственным влиянием большевиков, что позволяет говорить об экспорте революции.

В Москве состоялись встречи делегатов с наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным, наркомом обороны С.С. Каменевым, рядом деятелей Коминтерна³. Делегация отправилась обратно 16 ноября 1920 г. Дальнейшие контакты МНП с советским руководством осуществлялись по линии Коминтерна, РКП(б), государственных органов РСФСР и ДВР⁴.

В Омске монгольских делегатов застало известие о вторжении Унгерна в Монголию. 18 ноября 1920 г. делегаты выехали из Иркутска в Троицкосавск, где занялись организационной и пропагандистской работой. «Для финансирования всей монгольской революционной работы» большевики создали специальный фонд в пределах 300 тыс. руб.⁵ 20 февраля 1921 г. Гапону из Троицкосавска была направлена телеграмма от имени МНП о необходимости присылки ей оружия для занятия Маймачена. Гапон телеграфировал Макстенеку о принятии «плана организации монгольского центра с первоначальной базой в Маймачене с безусловным преобладанием Нарревпартии», рекомендации по организации и вооружению монгольских отрядов, присылке военспецов из РСФСР и ДВР⁶.

Сама же МНП в конце 1920 г. «была еще очень малочисленна, сильно нуждалась в поднятии идеологического уровня своих членов и в подготовке марксистско-ленинских кадров»⁷. Ее численность в начале 1921 г. составляла 150 чел., в том же году достигла 164, к маю 1923 г. — 1700, в 1924 г. — уже 4 тыс., а в 1927 г. — 11 587⁸.

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 3, л. 2–4об., копия — л. 5–8. Уже тогда использовалось сокращение НРП — «народно-революционная партия», хотя официально слово «революционная» было введено в ее название лишь в 1925 г. (см. ниже).

² Якимов, 1973, с. 312–313.

³ Встречи с В.И. Лениным, о которой часто пишут, не было: видимо, ее придумал И.А. Сороковиков в своих воспоминаниях 1957 г. Такая встреча была у второй монгольской делегации в 1921 г. (Молоков, 1991, с. 41–43).

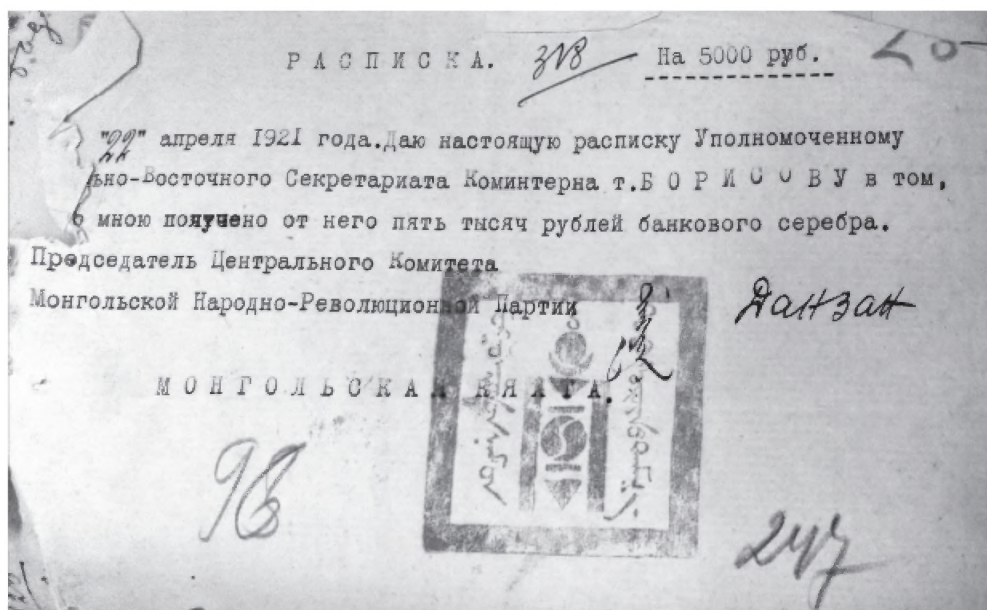
⁴ Рошин, 1999, с. 34; Хишигт, 2011б, с. 174.

⁵ Телеграмма Янсону в Наркоминдел из Иркутска 14.03.1921: РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, д. 105, л. 12.

⁶ АВПРФ, ф. 3, оп. 2, п. 103, д. 28, л. 4, 58, 64, 66, 71 — в кн.: Першин, 1999, с. 178–180.

⁷ Юдин, 1959, с. 116.

⁸ АВПРФ, ф. РМ, оп. 5, папка 107а, пор. № 4, л. 310–311; РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 51, л. 31; Ширендыб, 1960, с. 587, 662. Тем не менее, Бодо и Догсом в письме, написанном в Иркутске 29 августа 1920 г., указывали «до 500 членов» (РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 3, л. 2–4об., копия — л. 5–8).

Расписка С. Данзана в получении денег на МНРП из РСФСР (АВПРФ, ф. РМ, оп. 2, папка 193, пор. № 28).

Для помощи МНП в 1920–1921 гг. в Монголии появилась целая бригада бурятских национальных демократов. Некоторые из них приняли монгольское подданство, стали членами МНП (Д. Цэдэн-Иши – Гочитский, Ц. Балмасу – Аюр Ванчиков, Ж. Сандагдорж – Сандаг Жамбалон, С. Шойжелов – Нацов, Г.Г. Данчинов, Э. Батухан – Н.Ф. Батуханов, Ж. Цэвэн – Ц. Жамцарано и др.). Это рассматривалось как интернационализм, мировая революция и т.п. Ринчино и Жамцарано позже вошли в состав руководства МНП и Монгольского государства. Гочитский стал членом ЦК МНРП и председателем его контрольно-ревизионной комиссии, членом совета по экономике, председателем правления Монценкоопа, торгпредом МНР в СССР.

1–3 марта 1921 г. в Троицкосавске в доме О.И. Макстенека (глава Кяхтинского консульства РСФСР в ДВР) состоялось совещание, которое в 1924 г. было объявлено I учредительным съездом МНП. Участвовало до 26 чел., в том числе из Бурятии. Был избран ЦК (С. Данзан — председатель, Ц. Дамбадорж, Д. Лосол), утверждена партийная платформа из 10 принципов: объединение монголов в одно государство; освобождение от китайских милитаристов; возрождение уничтоженного государственного бытия; утверждение власти народа и восстановление государственности; временное соглашение с другими партиями Монголии (если они возникнут); устранение «бесполезных и отживших» институтов власти. Главным автором платформы был бурятский национальный демократ Ц. Жамцарано (Ж. Цэвэн). МНП вступила в Коминтерн как сочувствующая организация на ос-

нове заявления ЦК от 11 марта 1921 г., а в июле 1921 г. ее делегаты уже участвовали в работе III съезда Коминтерна, причем Жамцарано вел в Москве переговоры от имени монгольского правительства¹.

11 марта Шумяцкий передал Борисову требование Центра и Секретариата о форсировании образования ревправительства Монголии. «Между прочим, Центр желает видеть в составе правительства Чойбалсана. Доведите все эти сведения [до] Нарревартии и примите меры для немедленного образования правительства»².

В ответ уже 13 марта в Кяхте состоялось совещание представителей МНП, партизан, некоторых хошунов и шаби. Было создано временное народное правительство Монголии в составе Д. Чагдаржава (председатель), Д. Бодо, Д. Сухэ-Батора (главком), Х. Чойбалсана (его заместитель по политчасти), Н. Билэгсайхана и Л. Сумъя-бэйсэ. В протоколе временного правительства, ЦК и уполномоченных МНП содержалось «Обращение к халхаским князьям, ванам, гунам и духовенству», где, сославшись на письмо с печатью Богдо-хана в РСФСР и их поездку туда, они обвиняли Унгерна в незаконном вторжении и грабежах, призывали его немедленно вернуть награбленное и уйти из Монголии, а также прислать в распоряжение МНП Цыбыктарова, Кучеренко и Гембаржевского. Монголов они призывали не подчиняться китайским властям и русским белым, ургинским властям угрожали вводом русских и китайских войск, если те не прекратят поддерживать Унгерна³.

По просьбе МНП ее уполномоченный в Иркутске — бурятский национал-демократ Э.-Д. Ринчино стал представителем временного народного правительства Монголии при заместителе С. Буяннэмэхе — будущем председателе ревсомола⁴. В августе 1920 г. Ринчино написал доклад о «Политическом положении в Монголии», в котором трактовал монгольское национально-освободительное движение с точки зрения панмонголизма, адаптированного к большевизму⁵.

Б.З. Шумяцкий и И.Н. Смирнов предлагали занять отрядами временного народного правительства приграничный район и поднять население на борьбу с Унгерном⁶. Представители Коминтерна призывали красных монголов ускорить взятие кяхтинского Маймачена⁷. В этом направлении и развивались события: после его взятия под контроль МНП перешли караулы к западу, востоку и территория до Ивцэга и Шамара к югу.

Среди монголов велась пропаганда, по кочевьям разъезжали красные агенты. Из Иркутска доставлялась газета «Монголын үнэн» (Монгольская правда), в которой на монгольском языке велась агитация за борьбу с белыми, ликвидацию реакционного строя, сотрудничество с РСФСР, русскими и китайскими револю-

¹ Рошин, 1999, с. 35–37, 51.

² АВПРФ, ф. 3, оп. 2, п. 103, д. 28, л. 86 — в кн.: Першин, 1999, с. 181.

³ ТХА, Ширэндэв фонд, х.н. 22, Түүхэн баримтууд, тал 266–267.

⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 14, л. 7.

⁵ Ринчино, 1998, с. 27–34.

⁶ Белов, 2003, с. 92–93.

⁷ Документы в приложении к кн.: Першин, 1999, с. 181–183.

ционерными и т.п.¹ Первый номер вышел в Иркутске 10.11.1920 при материальной и идеологической поддержке Дальневосточного секретариата Коминтерна и местных коммунистов, с эпиграфом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — при том, что монгольских пролетариев тогда не было. При временном монгольском правительстве в апреле 1921 г. было организовано агентство МОНТА, которым распоряжался указанный выше секретариат².

Выдавая желаемое за действительное, 27 апреля 1921 г. заместитель наркома иностранных дел Л.М. Карахан телеграфировал полпреду в Великобритании Л.Б. Красину: «Сообщите срочно китайскому посланнику, что положение дела в Монголии, созданное японцами под флагом белогвардейцев и Хутухты, направлено к отторжению Монголии от Китая, созданию независимого государства под фактическим господством Японии, желающей создать буфер между Россией и Китаем. Народно-революционная партия борется против Хутухты, Унгерна и японцев. Она хочет создать автономную Монголию, независимую от Японии, но входящую в Китайскую республику и находящуюся под суверенитетом Китая. Мы на стороне этой партии. Если Китай не хочет потерять Монголию и быть отрезанным от нас, он должен вступить в контакт с МНП для совместной борьбы против Хутухты. Выясните точку зрения Китправительства на затронутые вопросы»³.

Излишне повторять, что МНП никогда не собиралась отдавать Монголию под власть Китая.

Важную роль сыграли декларация о 10 принципах МНП и воззвание к монгольскому народу⁴. В манифесте временного правительства от 26 марта 1921 г. «всем трудящимся, князьям и ламам Монголии» ставились цели освобождения страны от Китая, декларировалось, что отныне «вся полнота верховной власти на территории Монголии переходит в руки самих монголов» и все распоряжения китайских властей не подлежат исполнению. Временное народное правительство призывало всех монголов объединиться ради национального возрождения, экономического преуспевания и просвещения и исполнять его распоряжения. Указывалось, что войска Унгерна вторглись в страну, захватили власть и, обманно прикрываясь лозунгом национального освобождения, собираются восстановить старые реакционные власти России и Маньчжурии. Поэтому одна из главных задач — их изгнание. Манифест подписали председатель правительства Д. Чагдаржав и его члены: Х. Сухэ-Батор, Н. Билэгсайхан, Л. Сумъя-бэйсэ, А. Бодо и Х. Чойбалсан⁵.

В ответ Р.Ф. Унгерн составил бумагу, которая была опубликована в марте как циркуляр МВД Монголии. В ней указывалось, что законная власть в Монголии

¹ Напр., “Монголын үнэн”, 19.04.1921.

² Рошин, 1999, с.35, 50–51.

³ АВГРФ, ф. РМ, оп. 3, пор. № 14, папка 105а, л. 10.

⁴ Чойбалсан, 1952, с. 37–38; Рошин, 1999, с. 35–36.

⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 14, л. 12–14.

принадлежит лишь Богдо-хану и без его санкции нельзя создавать партии и издавать декларации, а сама партия контролируется красными из России¹.

Бодо написал послание Джалханца-хутухте, как «сочувствующему Наррев-партии и вошедшему под давлением Ургинских сфер в правительство Унгерна». Указав, что в мире нет более мощной силы, чем Россия, он призвал немедленно изгнать Унгерна из Монголии, иначе на последнюю надвинутся «все несчастья и бедствия» и разрушат страну. Он призывал Джалханца-хутухту, хичэнгуй-сайда и да-ламу Дуйнхора побыстрее приехать на переговоры в Кяхту². Все трое проигнорировали этот призыв.

МНП апеллировала и к авторитету религии. Весной 1921 г. ЦК издал обращение к монгольским «братьям-солдатам» из армии Унгерна, в котором, ссылаясь на волю Неба, призвал уничтожить «белую партию», не проливая монгольской крови освободить страну, достичь процветания религии и власти³. 21 июня в воззвании ЦК и народного правительства к народу о помощи МНРА феодалам, сотрудничавшим с гаминами, ставилось в вину то, что они «осквернили Желтую веру и унизили Богдо-хана»⁴.

Красные монголы почти все были верующими, почитали Богдо-гэгэна. Они указывали, что борются не против него, а против всевластия Унгерна. Д.П. Першин передает рассказы монголов, пробравшихся с севера в Ургу: они считали, что русские пришли в Алтан-Булак для того, чтобы «защитить Богдо-гэгэна от китайского нашествия и своеволия», красные их в этом не разубеждали⁵.

Уходя в свой поход на Сибирь, Унгерн почти не оставил войск в Нийслэл-хурэ. Когда Экспедиционный корпус красных и МНРА, легко преодолев заслоны белых, подошел к столице, Богдо-хан через глашатаев на площадях призвал народ радушно встретить красные монгольские и советские войска. Народное правительство и войска за 10 верст от города встретил начальник личной гвардии Хутухты и приветствовал от его имени⁶. 6 июля 1921 г. в Нийслэл-хурэ вошли передовые части НРА ДВР и полк Д. Сухэ-Батора, а в следующие два дня — главные силы красных. Теперь в столице Монголии было два правительства: монархическое и временное народное. Последнему принадлежала реальная власть.

Летом 1921 г. Гочитский писал Карахану о состоянии МНП в этот период: «Мы выяснили, что, собственно, партии как таковой не существует, а была и есть группа людей преимущественно из низшего чиновничества и интеллигенции, не имеющая никакой организационной связи и спайки между собою и крайне пестрая по своим идейным тенденциям: от настоящих демократов до крайних национал-консерваторов (правда, из плебеев), объединенных лишь идеями патриотизма и национализма. Что же касается связи и влияния на массы, то таковые у

¹ Текст: Магсаржав, 1927, с. 207–210; рус. перев.: Кузьмин, 2011б, с. 440–442.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 14, л. 1–6.

³ “Монголын үнэн”, сонин № 6, 19.04.1921.

⁴ Революционные мероприятия..., 1960, с. 17.

⁵ МУУТА, ф. 1, х.н. 6, тал 2; Першин, 1999, с. 79.

⁶ РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, д. 106, л. 58.

этой группы совершенно отсутствовали. Речи Бодо и других о 500 приверженцах партии в Урге и 3000 в провинции были чистейшим вымыслом. Смычку с массой, главным образом, узкой приграничной полосы, эта группа получила в периоде организации восстания против китайцев в районе г. Маймачена¹.

Новая власть считала первоочередной задачей выявление и арест бывших унгерновцев и тех, кого подозревали в сочувствии им. Арестованных объединяли в группы по несколько десятков и отправляли в РСФСР². Первыми были арестованы и вскоре расстреляны 56 русских, татар и бурят, не участвовавших в действиях Унгерна: они были насильно мобилизованы бароном в Ван-хурэ и отправлены в Нийслэл-хурэ³. В первые дни в Нийслэл-хурэ было арестовано 211 чел., в том числе бывших членов монархического правительства⁴.

Народному правительству теперь требовалась полная легитимация. В письме от 9 июля временного народного правительства монархическому говорилось, что в период автономии «продажные чиновники всячески обманывали нашего Богдохана и народ, предавали в руки реакционеров. Оскорбляя и унижая Богдохана и народные массы, они нарушали священные заветы религии <...> Все, за исключением религии, подлежит постепенному преобразованию»⁵.

Это заявление заметно отличается от того, что заявляли делегаты МНП в РСФСР и ДВР. Причиной было шаткое положение власти МНП, которая опасалась открытого конфликта с монархическим руководством страны.

10 июля 1921 г. ЦК МНП вынес решение об образовании центрального народного правительства и провозглашении Богдо-гэгэна ограниченным монархом. Состав правительства был следующим: Бодо (премьер-министр и министр иностранных дел), Сухэ-Батор (военный министр), Данзан (министр финансов), да-лама Пунцагдорж (министр внутренних дел), бэйсэ Максаржав (министр юстиции)⁶. Монархическому правительству предписали сдать все дела и печати всех министерств к 12 час дня 10 июля и сложить полномочия⁷. Это было исполнено с санкции Богдохана⁸. С его санкции был также опубликован указ о борьбе против Унгерна и других белых⁹. Это произошло в тот самый день, когда монархическое правительство сложило с себя власть.

11 июля 1921 г. во дворце состоялась церемония возведения Богдохана на престол ограниченного монарха, вслед за которой на площади собрали митинг. Передачу власти красные объясняли необходимостью «наибольшего содействия

¹ АВПРФ, ф. РМ, оп. 5, папка 107а, пор. № 4, л. 310–311.

² Воспоминания Ц.-Д. Номинханова — в кн.: С интернациональной..., 1970, с. 66–93.

³ Архив УФСБ по Иркутской обл., д. 19002, т. 2, л. 297 — М. Макаров, в письмах.

⁴ МУУТА, ф. 284, д. 1, х.н. 7, тал 147–151 — в кн.: Батсайхан, 2011б, с. 512.

⁵ МУУТА, отд. политики, 1-1-174 — цит. по: Революционные мероприятия..., 1960, с. 22–23.

⁶ Ширендыб, 1960, с. 544–545.

⁷ Тачибана, 2006, с. 37–45.

⁸ Рус. перев. акта: “Дальневосточная правда”, № 168, 11.08.1921, с. 2; “Дальневосточный телеграф”, № 8, 11.08.21; “Боец и пахарь”, № 176, 11.08.1921, с. 1; “Власть труда”, № 526 (402), 17.08.1921, с. 1; описание церемонии: Калининков, 1929б, с. 91.

⁹ Перевод: “Дальневосточная правда”, № 169, 12.08.1921, с. 2.

культуре и прогрессу»¹. 16 июля народное правительство удалило из своего названия слово «временное»².

Таким образом, большевики и Коминтерн использовали для экспорта революции в Монголию кружки, созданные в Нийслэл-хурэ для освобождения страны от китайцев. На их основе была создана революционная партия и альтернативные структуры власти, контролируемые большевиками. Вторжение Унгерна в Сибирь дало большевикам основание для ввода войск в Монголию. Задача временного правительства была выполнена: столицу заняли советские и монгольские красные войска, абсолютная монархия была заменена ограниченной, Богдо-ханское правительство — революционным.

7.3. Ограниченная теократическая монархия (1921–1924 гг.)

Одними из первых мероприятий народно-революционного правительства после прихода к власти в июле 1921 г. была отмена проекта бывшего минфина о подушной подати в два лана с мужского населения как обременительной. Долги хошунов, аймаков и шаби торговым фирмам подлежали оплате лишь с разрешения центра. Отменили обычай обязательных пожертвований столичным монастырям во время большого годового собрания лам (10 тыс. чел.), разрешались только добровольные пожертвования. Этому придавали особое значение³. Было отменено ежедневное бесплатное предоставление лошадей министрам, чиновникам и писцам центральных и провинциальных учреждений⁴. Особым законом феодалов лишили права обложения в свою пользу деньгами, натурой и трудом свободного населения⁵.

Занятие красными Нийслэл-хурэ имело политическое, но не военное значение: Азиатская конная дивизия, отступив на северо-запад, сохранила боеспособность. В связи с этим особое значение имели приказы военного ведомства о борьбе против белых — например, Чойбалсану и Хатан-Батору о мобилизациях и борьбе в конкретных местностях, приказ МВД всем монгольским солдатам и народу о полном прекращении сношений с Унгерном и белыми, циркуляр о помощи монголов советским войскам и т.д.⁶

Военные действия против Азиатской конной дивизии в центральной и восточной Монголии вели в основном советские отряды (вначале как Экспедиционный корпус, затем немалая часть его — как инструкторы при монгольских войсках).

¹ Ширендыб, 1960, с. 544–545.

² МУУТА, 1-1-1 — в кн.: Революционные мероприятия..., 1960, с. 24.

³ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 1, х.н. 4, тал 16; РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 15, л. 11, 16.

⁴ В одном Шабинском ведомстве — до 70 тыс. лошадей в год при использовании 200 лошадей ежедневно: АВПРФ, ф. РМ, оп. 5, пор. № 4, папка 107а, л. 316; МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 1, х.н. 20, тал 16–20.

⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 28, л. 6–7.

⁶ Тексты: БХТА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6, л. 3; Эх орноо..., 1980, док. № 17–36 и др.

В западной Монголии монгольские отряды (прежде всего, Хатан-Батора) сыграли важную роль в борьбе с белыми. Остатки Азиатской дивизии с небольшими потерями ушли в Маньчжурию¹.

В июле 1921 г. в западной Монголии образовалось «краевое западно-монгольское правительство» во главе с Далай-ханом дэрбэтов Г. Тумэндэлгэржавом, а фактически — с красными. В нем было три «министра»: военный, внутренних и иностранных дел. 3 августа это «правительство» издало примечательное обращение:

«Именем восставших трудящихся монгол западной Монголии объявляем власть русской белогвардейской авантюры и старого монгольского реакционно-го правительства низложенной. Вся власть в Крае переходит в руки Краевого Народно-революционного правительства. Братья трудящиеся Западной Монголии. Настал долгожданный час освобождения от ненавистного гнета русских белогвардейских авантюристов-разбойников. Настал час освобождения вашего от векового гнета и эксплуатации иностранных спекулянтов-капиталистов, которые на горе трудового народа наживали себе огромные богатства. Началась мировая социальная революция, освобождающая трудящихся масс всех колониальных стран от бесчеловечной эксплуатации мирового империализма и беспощадно разрушающая все основы ненавистного капиталистического строя. Каждым днем развивается революционное движение во всем мире. Трещат и рушатся твердыни мирового капитала. Властно идет вперед мировая социальная революция. Буржуазия всего мира, чувствуя конец своего существования и владычества, организуется в единый союз мировой контрреволюции и проявляет последние свои усилия к уничтожению мировой революции. Но везде и всюду их попытки оказываются безрезультатными» и т.п.

В тот же день появилось еще одно воззвание в том же стиле — «Всем революционным правительствам и народам» — на сей раз с подписями: да-ламы Молона («министр иностранных дел») и С.А. Нацова (Шойжелова) — советского бурята, представлявшего местное бюро МНП. В документе говорилось, что это правительство связано «неразрывными узами интересов трудящихся масс всего мира, твердо намерено жить в мире и дружбе со всеми народами, ведущими борьбу против капиталистического строя» и потому обращается к правительству РСФСР и народному правительству Монголии с просьбой прислать войска для борьбы с «шайками»². Подпись Нацова позволяет установить авторство обоих произведений — по стилю, совершенно чуждому монгольской традиции.

Через два года «краевое правительство» распалось и, по распоряжению монгольского народного правительства, было образовано управление уполномоченного сайда монгольского народно-революционного правительства в Кобдоском округе в составе Гомбо-Идшина (сановник и командующий войсками), Нацова (его советник) и Джамбал-гуна (помощник сайда)³.

¹ Подробнее см.: Кузьмин, 2011б, с. 228–324.

² Переводы обоих документов: РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 14, л. 20–21об.; оп. 154, д. 105, л. 62.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 18, л. 5–6об.

Вернемся в Нийслэл-хурэ. В августе 1921 г. там создали ревсомол — аналог советского комсомола (РКСМ). Всего за несколько месяцев до этого специально для азиатской молодежи в Москве был создан Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). Передают свидетельство очевидца, что там всего за три года верующие становились яркими атеистами и, подобно миссионерам, обретали фанатичное стремление «двигать» своих соотечественников в будущее¹.

Ревсомол был создан по инициативе нескольких представителей монгольской молодежи, получавшей образование в заграничных учебных заведениях. В свое время, возвратившись на каникулы домой, эта молодежь стала прививать новые взгляды родным и знакомым, критиковать порядки своей страны. Это дошло до монархического правительства, и началась «травля». Под предлогом финансовых затруднений отменили посылку в Россию (тогда уже революционную), и молодежь не доучилась. Ее отказывались брать на службу, лишь некоторые стали младшими писарями. Эта группа оживилась после того, как МНП заняла Нийслэл-хурэ и туда прибыли работники из Дальневосточного секретариата Коминтерна. Группа поставила задачу объединиться и образовать ревсомол для помощи правительству. Она издала обращение, где говорилось: «Ламы до того угнетали светских монгол, что не считали их даже за людей и, будучи посвященными в учение Желтой религии, они не постигали ее сокровенный смысл», презирали монгольскую грамоту. Ближайшей задачей ревсомола советские работники в Монголии определили организацию демократического мнения, чтобы побуждать правительство к ускорению реформ. К середине августа новоиспеченная организация поставила задачу: «Уничтожив притеснения и угнетение, обеспечить внутреннюю и внешнюю безопасность и организовать самостоятельную народную государственность». Они стали именоваться ревсомолом, число членов росло. В сентябре 1921 г. они получили мандат от уполномоченного Дальневосточного секретариата Коминтерна по иностранной работе с монгольской молодежью².

Ревсомол сразу проявил больший радикализм, чем МНП. Это показало совещание в середине сентября 1921 г. На нем феодалы и теократы резко выступили против реформ, новых порядков и правительства. Представители последнего вели себя пассивно, но ревсомольцы выступили с резкой критикой. Вскоре после этого правление ревсомола получило предложение посылать своих представителей на заседания правительства и ЦК, им дали два места в Малом хурале. С тех пор участие ревсомола в работе по госстроительству осуществлялось путем представительства в правительстве, ЦК и Малом хурале. В армейской работе он занял лидирующее положение. Он должен был также использовать «ламскую молодежь для разложения теократии»³.

Ревсомол стал авангардом борьбы с монгольским традиционализмом. Это использовал Д. Бодо. В 1921 г. объявили пережитком прошлого косы у мужчин, а

¹ Монгуш, 2001.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 13, л. 1–17, 48–53.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 13, л. 1–17, 48–53.

затем у женщин. Бодо инициировал постановление правительства, по которому женщины должны были коротко остричь волосы, не носить жемчужные подвески, замужним женщинам рекомендовалось вместо громоздких традиционных причесок носить заплетенные косы, а серебряные заколки для волос не должны были превышать весом пять лан¹.

Есть сведения, что только за 20 декабря 1921 г. на улицах схватили и остригли около 200 монголоков². Ревсомол выступал за стрижку кос, уменьшение размеров женских головных украшений, изменение одежды. В ответ феодалы и ламы повели агитацию, что ревсомол против вековых порядков и традиций. Главной стала стрижка кос у самих ревсомольцев. Богдо-гэгэн заявил, что «бескосники» лишаются божественного благословения. Этого оказалось достаточно, чтобы прекратить приток в союз новых членов. Тогда решили, что косы можно снимать добровольно³. Однако даже у большинства монгольских военных косы сохранялись до 1925 г. Затем они их срезали, последовав примеру Хатан-Батора, сделавшего это по возвращении из СССР⁴.

На собрании представителей общественности по вопросам внутренней политики, созванном правительством в августе 1921 г., сторонники теократии «заговорили открыто о возврате к самодержавию»⁵. Для укрепления своей власти и уменьшения власти монарха народное правительство 7 августа 1921 г. вынесло постановление, которым отменялось право непосредственного доклада Богдохану сановников пограничных районов и командующих военными округами: теперь они могли докладывать только через правительство⁶.

Народное правительство стало вмешиваться в церковные дела. 3 августа 1921 г. оно отменило титул Самади-багши, дарованный Дилова-хутухте Джамсранжаву в цинский период. В ноябре оно приняло решение об изъятии грамот и печатей о присвоении званий и наград в период пребывания Унгерна в Монголии: Дуйнхор-да-ламы, Нойон-хутухты, Чин-Бишерельту-хутухты, номун-хана и др.⁷ 13 октября 1921 г. вышло постановление о том, как выделять шабинаров Богдо-гэгэна для отбывания улы⁸ (обслуживания транспортом).

Однако в то время власть МНП на местах еще не утвердилась. К сентябрю 1921 г. партия насчитывала лишь около 100 чел. в Урге и Алтан-Булаке и одну ячейку в 50–60 чел. в провинции⁹. Поэтому в сентябре–октябре 1921 г. проводились совещания «всех группировок населения Монголии» для создания «едино-

¹ Баабар, 2010, с. 237.

² Ломакина, 2006, с. 124.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 13, л. 19–30.

⁴ Соркин, 1970, с. 42–44.

⁵ АВПРФ, ф. РМ, оп. 5, пор. № 4, папка 107а, л. 310.

⁶ Ширендыб, 1960, с. 603–607.

⁷ МУУТА, ф. 1, д. 1, х.н. 76, тал 74–75; Ардын засгаас..., 1954, с. 108; Ширендыб, 1960, с. 599; Революционные мероприятия..., 1960, с. 94–96, 99–100.

⁸ Монголын хууль..., 2010, с. 379.

⁹ АВПРФ, ф. РМ, оп. 5, папка 107а, пор. № 4, л. 310–311.

го национального фронта для борьбы с внешним врагом и отстаивания государственных интересов Монголии»¹.

6 октября 1921 г. правительство постановило, что вопросы о церемониальных одеяниях «в главном богдо-ханском дворце и многочисленных высших лам Шабинского ведомства, приближенных сановников и т.д. решаются по усмотрению Богдо-хана. В отношении младших лам решение вопроса оставляется на их собственное усмотрение». Министрам правительства разрешили приходить на службу в обычных монгольских халатах. Ношение перьев на шапках (знаков отличия) начиная от князей и кончая их слугами было отменено².

Это должно было сыграть важную психологическую роль в управлении страной, если учесть, какое большое значение придавалось церемониалу при абсолютной монархии (см. гл. 5).

«Духовные феодалы распространяли слухи... якобы народное правительство вмешивается в религиозные дела». Многие деятели прежней администрации продолжали величать Богдо неограниченным монархом. В частности, самодержцем величал его в документах министр внутренних дел да-лама Пунцагдорж³. 29 октября 1921 г. Богдо-хан издал указ о восстановлении парадной формы чиновников. Но 12 ноября ношение знаков различия в виде шариков на шапках и княжеских знаков почета отменили⁴.

1 ноября 1921 г. народное правительство Монголии на своем 21-м заседании утвердило положение, известное как «Клятвенный договор». В заседании участвовали все министры, их заместители, чиновники Совмина, члены президиума ЦК МНП и ЦК ревсомола. Согласно этому положению, Богдо-хан лишился права влиять на важные государственные решения. За ним оставляли неограниченные права лишь в религиозных делах. Одной из целей было не допустить смуты в народе при ограничении власти Богдо⁵.

Дословный перевод названия этого документа — «Тетрадь клятвенного положения, составленная для выяснения взаимоотношений между Богдо-ханом и Правительством». Согласно этому документу, «Богдо-хаган монгольского государства Джебцзундамба-хутухта, являющийся священным главой Желтой религии, не должен касаться дел государственных; в отношении же всех дел религиозных пользуется правами неограниченными» (ст. 1). «Богдо Джебцзундамба-хутухта-хаган, будучи главой (хаганом) Монгольского Народного Государства, в котором существует образ правления конституционной монархии, отправляет всякого рода государственные дела через посредство председателя (премьера) народного правительства» (ст. 2).

«Народное правительство не может вводить в действие новые законоположения без предварительного доклада Богдо-хагану. Кроме того, оно также обязано

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, д. 106, л. 83.

² МУУТА, 1-1-1 — в кн.: Революционные мероприятия..., 1960, с. 97–98.

³ Ширендыб, 1960, с. 608; Ринчино, 1998, с. 59; Brown, Onon, 1976, p. 191.

⁴ МУУТА, 1-1-1 — в кн.: Революционные мероприятия..., 1960, с. 99.

⁵ Ширендыб, 1960, с. 610–611; Пүрэвжав, Дашжамц, 1965, с. 22.

докладывать Богдо-хагану о своих распоряжениях по каким-либо важным вопросам» (ст. 3). «Законодательные акты, издаваемые по инициативе Правительства для укрепления и улучшения основ Монгольского Народного Государства¹, а также ради народного блага, могут быть приведены в исполнение только после доклада Богдо-хагану. Такие законы не могут быть ни аннулированы, ни отвергнуты Богдо-хаганом. Законодательные законоположения другого характера могут быть при докладе возвращены Богдо-хаганом для вторичного обсуждения, однако, не более одного раза. Вышеуказанные законы после вторичного рассмотрения и доклада приводятся в исполнение» (ст. 4). О новых законоположениях и важных распоряжениях правительства Богдо-хану докладывает лично премьер-министр или совместно с другим министром (ст. 5).

«В случае государственного переворота или возникновения смуты правительство может, отступая от положения мирного времени, самостоятельно, не докладывая Богдо-хагану, принимать важные меры или издавать законы» (ст. 6). Награждения, хотя зависят от Богдо-хана, производятся через правительство. Министры и вице-министры, главком и его заместитель назначаются правительством после доклада Богдо-хану, другие должностные лица — правительством (ст. 7). Это положение входит в силу до созыва Великого народного хурала (ст. 8). «Настоящее положение составлено во имя укрепления народного государства, распространения религии, внутреннего содружества, внешней славы и благополучия народа» (ст. 9). «Ненарушение и надлежащее исполнение настоящего положения со стороны Богдо-хагана и правительства утверждается святым клятвенным обещанием»².

Б. Ширендыб приводил этот документ лишь как положение, утвержденное только государственными чиновниками. Последующее исследование подтвердило, что это был не договор, предполагающий участие обеих сторон, а односторонний документ о правилах, установленных новым правительством: до сих пор не обнаружены доказательства того, что этот документ был одобрен Богдо-ханом³.

Как раз в этот период — с сентября по декабрь 1921 г. — в Москве проходили советско-монгольские переговоры. В монгольскую делегацию входили: С. Данзан (глава делегации, председатель ЦК МНП, вице-премьер правительства, министр финансов), Д. Сухэ-Батор (главком, военный министр), Б. Цэрэндорж (заместитель министра иностранных дел), Ширнэн-Дамдин (эрдэнэ-джонон-ван, доверенное лицо Богдо-гэгэна)⁴.

На первом заседании Данзан представил на имя Чичерина декларацию, которая показывает, как видела ранняя МНП статус и перспективы своей страны. В ней говорилось о «торжестве права нашего маленького народа на самоопределение» и от имени «монгольского трудового народа и Народного правительства Монголии»

¹ Дословный перевод: “народного государства, правительство которого ограничено в правах”.

² Монгольское законодательство, 1928, с. 58–60.

³ Батсайхан, 2011б, с. 516. Я не видел оригинал этого договора. О. Батсайхан, проводивший специальные поиски в архивах Монголии, сообщил мне, что он также не смог найти оригинал, который был бы заверен Богдо-ханом.

⁴ Рощин, 1999, с. 40–44.

заявлялось: «Основным и кардинальным вопросам момента для нас, монгол, является вопрос объединения всех монгольских племен, освобождение нашего народа от китайского ига, создание независимого Монгольского государства. Твердо и неколебимо стоя на страже неприкосновенности своей Желтой религии и национальной самобытности, убедительно просим посредничества в переговорах с Китаем великой Российской Социалистической Республики Советов»¹.

Возможно, советскому руководству сообщили о «Клятвенном договоре». Во всяком случае, последовательность дальнейших событий позволяет допустить, что в Москве ждали это. Уже на следующий день после его утверждения — 2 ноября 1921 г. Шумяцкий написал Ленину, что Богдо-гэгэна советуют не трогать, а превратить в конституционного монарха без светской власти, утвердив над теократией приоритет новой власти — буржуазно-демократических сил. Ленин 3 ноября направил записку председателю Малого Совнаркома поддержать соглашение с Монголией². 5 ноября 1921 г. соглашение было подписано. «Статья 1. Правительство РСФСР признает единственным законным Правительством Монголии Народное Правительство Монголии. Статья 2. Народное Правительство Монголии признает единственной законной властью России Правительство РСФСР»³.

В одном из своих писем о Монголии И.И. Генкин писал, что «по одной из прежних схем» хотели создать Учредительное собрание, но это отвергли, т.к. формально Богдо-хан передал всю власть совету министров, выдвигаемому МНП, поэтому можно обойтись без особой санкции для новых порядков⁴. Следовательно, написав «Клятвенный договор», революционеры использовали его и для того, чтобы исключить в будущем общественное обсуждение формы государственного устройства.

Джебцундамба понимал, что «Клятвенный договор» означает переход всей политической власти к красным. В 1922 г. Далай-лама XIII «получил письмо от Ургинского Хутухты, в котором тот писал, что Советы, уничтожив свои храмы и священные книги, добрались, наконец, и до Монголии и при содействии Монгольской революционной партии сместили его с престола. В результате Далай-лама распорядился, по просьбе Хутухты, служить в тибетских храмах особые молебны об уничтожении врагов буддийской веры»⁵.

Теперь народное правительство формально сообщало о важнейших мероприятиях монарху, но он не мог их менять или блокировать. Документы правительства он больше не утверждал, а лишь помечал: «ознакомлен» или «понял» (монг.: мэдэв). Например, 18 ноября 1921 г. Бодо, Пунцагдорж, Чойбалсан, С. Джамьян и Хатан-Батор Максаржав направили Богдо-гэгэну письмо с обвинениями в адрес Зая-пандита-хутухты. По их словам, хутухта не соблюдает религиозные обязан-

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 11, л. 22–25; копия — л. 27–33.

² Рошин, 1999, с. 40–44.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 11, л. 66–67; Внешняя политика СССР, 1944, с. 190.

⁴ ЦАФСБ, ф. 2, д. 52, л. 110–111.

⁵ Андреев, 2006, с. 244. О том, что Богдо-гэгэн VIII передал власть красным не добровольно, а под их давлением, мне говорил Богдо-гэгэн IX.

ности, не выполняет приказы министра Хатан-Батор-вана, противоречит властям, берет средства из государственных фондов и от русских, а раньше держал связь с белыми. Поэтому его арестовали чиновники, дело направили в Нийслэл-хурэ, чтобы у него отобрали титул хутухты, его самого отдали в обучение как простого ламу, а его монастырь и земли отдали «обновленцу» — Дарав-пандита-хутухте. На документе Богдо-гэгэн сделал пометку «понял» и заверил печатью¹.

Не утверждал Богдо-гэгэн и смертные приговоры, которые выносили и приводили в исполнение красные². Он не смог предотвратить расстрелы даже тех, кому покровительствовал — героев борьбы за освобождение Монголии: монголов Тогтохо-гуна, Лувсанцэвэн-вана, Джамц-гуна, тибетца Саджа-ламы, бурят Тубанова, Очирова, Жамболон-вана и др. Не подтверждается мнение о том, что в этот период влияние Богдо-гэгэна на политику было значительным³. В то же время, руководители государства в торжественных случаях выражали ему внешние знаки почтения, причитающиеся монарху⁴.

Большевики все более влияли на деятельность новых властей через своих эмиссаров. Например, Х.Б. Кануков стал начальником разведуправления МНРА, первым красным комендантом Нийслэл-хурэ, инициатором оргсобраний ревсомола, участвовал в коллективизации и т.п. Должность начальника штаба МНРА с 1921 по 1930 г. занимали советские военные специалисты⁵. Рапорты начштаба Литвинцова за август 1921 г. написаны на бланках МНРА по-русски с приложенным переводом на монгольский. Сами бланки — тоже на русском, напечатаны на обороте бумаг бывшего царского консульства⁶. Советский инструктор был при каждом крупном формировании МНРА, штабе армии, отделах военного министерства, военной школе⁷. Сохранились ежемесячные резведсводки Главного штаба МНРА по Китаю. Подписывали их советские инструкторы при штабе: помначальника Бурин, инструкторы Страздынь, Мустафин и Клярфельд, начразведотдела Чухол. Очевидно, разведработу организовывали советские специалисты⁸.

Курсанты военного училища, существовавшего в Нийслэл-хурэ, почти все разошлись по своим хошунам, часть ушла с белыми. Командование МНРА приняло меры к их сбору, и училище уже в августе 1921 г. приступило к занятиям под руководством бывших белых — Толпыгина и Урусова (позже чекисты их арестовали)⁹.

¹ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 1, х.н. 48, тал 1–14.

² Волков Б.Н., Hoover, микрофильм, box 15, folder 9, p. 55–56.

³ Рошин, 1999, с. 84; История Монголии..., 2007, с. 69.

⁴ См., напр., описание аудиенции у Богдо-хана по случаю 1-й годовщины установления новой власти (июль 1922 г.), когда министры в парадных мундирах вставали перед ним на колени, совершали поклоны, подносили мандалу и т.д. (Рошин, 1999, с. 88).

⁵ Список: Жалсапова, 2009, с. 19.

⁶ Напр., БХТА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6, л. 5–6 — факсимиле: Кузьмин, 2011б, с. 345.

⁷ ЦАФСБ, ф. 2, д. 52, л. 104, ф. 65, д. 71, л. 77.

⁸ РГВА, ф. 25895, оп. 1, д. 842.

⁹ Жалсапова, 2008, с. 116.

4 августа 1921 г. Шумяцкий послал Чичерину проект организации новой монгольской армии. С учетом этого, 5 августа вышло постановление народного правительства об организации армии. Призыву подлежали лица с 19 лет, в том числе служившие в монгольских частях в старой армии, не подлежали — ламы, приписанные к монастырям¹ — как и до революции. Общая численность вооруженных сил Монголии на 1 мая 1922 г. составляла 3012 чел., включая личную охрану Богдо-гэгэна — 125 чел. На западе страны отмечался высокий уровень дезертирства — до 1/3. Дезертиров наказывали поркой ташурами².

Председателем реввоенсовета Монголии (с сентября 1921 г. до отъезда в СССР в октябре 1925 г.), членом ЦК МНП и советником (членом) президиума народного правительства, членом Великого и Малого хуралов стал бурятский национал-демократ Э.-Д. Ринчино. В сфере компетенции совета были практически все вопросы военного характера, а в прямом подчинении его председателя были главнокомандующий Д. Сухэ-Батор и военмин Хатан-Батор С. Максаржав³.

После смерти Д. Сухэ-Батора в 1923 г. Ринчино сосредоточил в руках большую власть. В составе монгольского руководства он считался левым — т.е. тем, кто стоял за коренные реформы, движение к социализму, усиление роли партии, полную ориентацию на Коминтерн и СССР⁴. На III съезде МНП он обосновал идею некапиталистического развития страны, был одним из авторов ревизованного (более левого) варианта первой Конституции, резко выступал за ликвидацию теократии, предлагал конкретные меры против церкви в Монголии.

В июле 1922 г. в Монголии была создана Государственная внутренняя охрана (ГВО) по образцу ВЧК (еще в феврале преобразованной в ГПУ)⁵. С апреля 1923 по сентябрь 1925 г. начальником ГВО работал сторонник Ринчино — бурят К.К. Баторун. По состоянию на 1924 г., в ней не было понимания задач и перспектив, плана в работе. Монголы знали только, что «работой ГВО руководит Ринчино и что в ГВО имеются либо буряты, либо русские». ГВО находилось «в полном подчинении Военсовета или, вернее, в подчинении предвоенсовета Ринчино»⁶.

9 июля 1922 г. вышло обращение (очевидно, членов МНП и ревсомола) «по поводу распространения слухов». В нем, в частности, говорилось: «История великих и малых государств земного шара говорит: там, где правящая верхушка выбирала монархическую форму правления, трудовой народ испытывал тяжкие страдания и мучения. Некоторые из этих государств погибли, в других револю-

¹ АВПРФ, ф. РМ, оп. 3, пор. № 14, папка 105а, л. 23–25.

² РГВА, архив сборника по сов.-монг. воен. сотр., л. 226–228.

³ Жаббаева, 2013, с. 96.

⁴ Хотя с 1930 г. до конца жизни был лишь кандидатом в члены ВКП(б) (Рощин, 1999, с. 91, 95).

⁵ Представители ГПУ находились в Монголии при советском полпредстве. Например, заседание политбюро РКП(б) протоколом от 3 июня 1924 г., п. 1е утвердила члена ГПУ помощником советского полпреда по адмчасти (РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 441, л. 1, 3). ГВО снабжалось из РСФСР. Напр., заседание политбюро 1 апреля 1932 г. (протокол № 94, п. 72/43) предписало отпустить ГВО предметов вооружения, снаряжения и обмундирования на 500 тыс. р. из запасов военного ведомства (РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 878, л. 15).

⁶ Донесения в ОГПУ 16.01.1924 и 16.12.1924 г.: ЦАФСБ, ф. 2, д. 52, л. 186–188, оп. 8, д. 307, л. 29.

ция утвердила новый, конституционно-демократический строй. В результате эти страны сильнее, богаче и культурнее». Примечательно, что, декларируя превосходство демократического строя над монархическим, авторы апеллировали к тому, что они не только облечены доверием правительства, но и «утверждены Богдо-ханом»¹.

В 1922–1923 гг. выходили правительственные документы, направленные на уменьшение доходов церкви и ограничению ее влияния: 5 мая 1922 г. — об отмене «принудительных поборов с населения на религиозные цели»; 21 и 27 апреля, 19 мая, 5 июля — об уменьшении числа посланцев и расходов на церемонию Бат-Оршил и другие ритуалы; 19 января 1923 г. — об ограничении числа лошадей для нужд институций Богдо-хана. 22 января – 2 февраля 1923 г. правительство разрешило использовать для привоза дров на празднество только собственные средства монастырей. 1 и 12 февраля 1923 г. вышло решение президиума ЦК МНП и указание МВД соответствующим организациям об удовлетворении запроса парткома Великого шаби об уменьшении подношений к Новому году, расходов Шанцотбы и да-ламы из шабинского фонда; 2 февраля — об отмене жалований шанцотбе и настоятелям; 5 апреля — о сокращении средств в 60 тыс. лан, которые выделены для Великого шаби; 24 мая — об упразднении некоторых привилегий лам и уравнивании их с лицами, которые нанялись на работу; 7 июня — об удовлетворении запроса парткома Великого шаби, чтобы монахи по желанию уходили в мир и трудились; 24 августа — о сокращении средств на ритуалы почитания гор Богдо-хан-ула, Отгон-Хайрхан-ула и Хан-Хэнтэй; 20 октября — о сокращении средств на Великое шаби².

8 июля 1923 г. было утверждено положение о Шабинском ведомстве. В нем были созданы органы местного самоуправления на выборных началах из представителей народа — с равенством выборных прав независимо от положения в светской и духовной иерархиях, с регламентацией выборов и управления, а также с функциями Эрдэнэ-шанцотбы при жесткой привязке его отчетности народному правительству³.

Таким образом, особое внимание уделялось мерам по взятию под правительственный контроль шабинских структур и уменьшению власти теократии над ними.

27-е заседание правительства 4 июня 1922 г. отменило большое ежегодное собрание лам (10 тыс. чел.) Хайлан-хурал в столице — то самое, на которое в 1921 г. было предписано делать лишь добровольные пожертвования (см. выше). Объясняли это тем, что много народу прибывает в столицу, для этого использу-

¹ Комитет наук МНР, сектор истории, № 1746 — цит. по: Революционные мероприятия..., 1960, с. 40–41.

² МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 1, х.н. 180, тал 92, х.н. 138, тал 19–32, х.н. 181, тал 32–33, 40–41, 73–74, х.н. 80, тал 32–42, х.н. 169, тал 48–49, х.н. 138, тал 54–79, х.н. 183, тал 83–84, х.н. 187, тал 45–46, х.н. 193, тал 46–47, 91, 106, х.н. 195, тал 17–18, х.н. 237, тал 20–21, х.н. 197, тал 4; Революционные мероприятия..., 1960, с. 103, 105, 113–114, 172–175.

³ Комитет наук МНР, сектор истории, № 1750, МУУТА, 4-4-4 — в кн.: Революционные мероприятия..., 1960, с. 62–74.

ется слишком много средств, лошадей, повозок и т.д. Теперь подобные собрания должны были проводиться на местах. Постановление утвердили 30 июня¹.

Однако определенные средства государство все же выделяло. Так, 25-й пленум ЦК МНП издал постановление о том, что выделение средств из казны государства для проведения хуралов, чтений, ремонтов дворцов и монастырей, кухни, obsługi Богдо-хана надо проводить в соответствии с численностью людей четырех аймаков и шаби. На местах должны были выделяться денежные средства для ритуалов².

Расходы на Богдо-хана и его двор распределялись неравномерно как по годам, так и при сравнении с расходами на ЦК МНП (табл. 2). По этим данным, расходы на двор Богдо-хана были максимальны в 1924 г. — последнем году его жизни. Согласно смете монгольского правительства на 1924 г., все государственные расходы в 1924 г. составили 4 666 291,82 лан. Из них содержание конвоя Богдо-хана стоило 14 426,24 лан, двора — 18 338,62. В смету двора был введен расход на отопление и ремонт дворца с 14-го года — 11 039 лан 62 ф.; увеличен кредит на содержание двора, что превышало кредит 13-го года более чем в 2,5 раза. При этом содержание правительства стоило 63 542,34 лан, министерства народного просвещения — 188 803,19, военного министерства — 1 647 930,62, монгольского представителя в Москве — 20 594,70. Содержание МНП (ЦК, партийные съезды, партшколы, местные ячейки, издательство ЦК) стоило 111 259,19 лан — третье место по расходам после минпроса и военмина, или почти вдвое больше, чем содержание двора и конвоя Богдо. При этом кредит на содержание ЦК увеличился более чем вдвое и, сверх того, появились новые расходы: на партийные съезды, содержание партшколы, местных ячеек, издательства. Весь кредит МНП по сравнению с 13-м (1923) годом увеличился в 7 раз и составил 23% госбюджета³. Смета МНП на 1926 г. составила 697 653,52 долл.⁴

Таблица 2. Расходы на ЦК МНП, двор Богдо-гэгэна и религиозные нужды в 1923–1925 гг., доллары-центы (РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 30, л. 25)

Годы	ЦК МНП	Двор Богдо-гэгэна	Религиозные нужды
1922	не указаны	1322-85	5569-20
1923	22705-08	10231-60	16793-28
1924	15865-27	26902-97	10919-57
1925	не указаны	не указаны	не указаны

Итак, МНП стала стоить народу дороже, чем двор и охрана Богдо-хана. Стоили денег и партийные праздники — в том числе иностранные. С 7 ноября 1921 г. в Монголии официально отмечали день Октябрьской революции 1917 г.: парады,

¹ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 1, хн. 181, тал 70–71; МУУТА, 2-2-2, в кн.: Революционные мероприятия..., 1960, с. 111.

² МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 1, хн. 43а, тал 103–106, х.н. 138, тал 34–42; х.н. 60, тал 17–19.

³ Бюлл. Полпредства СССР в Монголии, № 11–12, 5 июля 1924 г., сост. Генкин-Дадияни: РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 29, л. 225–286.

⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 46, л. 32–34.

демонстрации, речи руководителей, иллюминация, изготовление и вывешивание транспарантов, портретов вождей и т.п.¹ С 1922 г. официально отмечалось и 1 мая.² В 1926 г. ЦК МНРП и ЦК ревсомола издали директивы о мероприятиях по поводу годовщины смерти В.И. Ленина: траурные собрания членов партии, ревсомола, профсоюзов, солдат в городах, сомонах, багах³.

Участие государства в делах церкви состояло не только в расходах на двор Богдо-хана, но и в назначении на некоторые административные церковные должности⁴. 30 июля 1922 г. правительство наградило ёнзон-хамбо Лувсанхаймчига тем, что закрепило за ним определенное место во дворце правительства на дни праздничных мероприятий. 25 августа 1922 г. МВД направило бумагу в правительство, чтобы все чиновники со своими семьями по старому порядку участвовали в церемонии даншиг. А в начале 1922 г. МВД Монголии публиковало пророчество Богдо-гэгэна о пожарах (которое, кстати, оправдалось)⁵. Возможно, публикация пророчества связана с тем, что министром внутренних дел был да-лама Пунцагдорж.

Чтобы рассеять слухи о наступлении новой власти на религию, в 1922 г. премьер-министром Монголии назначили Джалханца-хутухту Дамдинбазара. Это было санкционировано указом Богдо-хана, который еще раньше предлагал назначить его премьером⁶. 16 июня 1923 г. Дамдинбазар как премьер-министр издал документ о том, что цель — освобождение народа от угнетения, защита государственности, власти и религии, а в делах государства надо считаться с критикой «снизу». Эта бумага была разослана на места⁷. Впоследствии И.Я. Златкин бездоказательно писал, что Джалханца-хутухта вошел в доверие МНП и проник в состав народного правительства, где использовал свое положение для организации заговоров⁸.

В этих условиях стало набирать силу «обновленческое» движение в церкви. Призывы отдельных лам к обновлению религиозной практики в Монголии звучали уже в XIX – начале XX в. (З. Агванбалдан, Л. Агванхайдав, его последователь Дандар-аграмба). Они видели в духовности идеологическую силу для освобождения монголов, а некоторые, не отрицая важности буддизма, видели образец для политики в буржуазных странах Европы и даже приветствовали коммунизм (например, Ч. Данда). К ним присоединилась и светская сторона (в философии и литературе, например, философы Б. Тогтохтор, М. Мурэвжав, Г. Цэрэнсандув)⁹.

¹ Напр., АВПРФ, ф. РМ, оп. 6, пор. № 30, папка 113, л. 330–335; РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 156, л. 43; д. 20 л. 36–37; оп. 154, д. 106, л. 112.

² Ломакина, 2006, с. 127.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 47, л. 1–3.

⁴ Напр., да-ламы Лувсандаша, в связи с освобождением вакансии: МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 1, хн. 172, тал 87–89.

⁵ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 1, х.н. 157, тал 19–20, хн. 172, тал 79; АВПРФ, ф. РМ, оп. 3, пор. № 14, папка 105а, л. 93.

⁶ Батсайхан, 2011б, с. 517–518.

⁷ МУУТА, ф. 1, д. 6, х.н. 37, тал 2.

⁸ Злагкин, 1957, с. 166.

⁹ Жугдэр, 1974, с. 111–113, 181–213; Пүрэвжав, 1983, с. 329–338; Бакетова, 2009, с. 147–148.

Началом «обновленчества» в XX в. считают брошюру «Ард тумний ариун ёс» (Чистые традиции народа), изданную в 1922 г. Дарав-пандита-хутухтой VI Агван-Чойнжур-Дондовом (1870–1928). В ней сказано, что власть должна думать о народе, но в независимой Монголии аристократы стали думать о себе вместо народа, потому положение стало плохим. Князья должны отказаться от привилегий, надо сократить число монахов. В концепции МНП есть сходство с религией: надо думать о других, не быть эгоистом, помогать другим. Это хорошая партия потому, что она, в отличие от нойонов и лам, не подавляет людей¹.

Именно о Дарав-пандите представитель Монголии на V конгрессе Коминтерна (17 июня – 8 июля 1924 г.) говорил, что один из «живых богов» Монголии написал брошюру, где цитатами из Будды доказывал необходимость для нее не только народной, но и советской власти, полную резких нападков на феодалов и теократов. По словам представителя, монастырь Гандантэгченлин разделился на две партии: демократическую и консервативную, причем первая совершенно отрицает за Богдо-гэгэном «право на святость и духовно-светскую власть и требует уничтожения феодалов и феодальной системы», а правительство обращает внимание главным образом на «разложение и распад феодально-теократических элементов»².

Позже «обновленцы» приняли платформу за «очищение буддизма», упразднение штатных должностей (сойбон, донир и др.), устранение роскоши в монастырях, пресечение покупки ученых званий и т.д. «Обновленческое» движение с аналогичными установками в это же самое время развивалось и в РСФСР.³

Часть этих требований, конечно, соответствовала «Винае», другие противоречили ей (например, сотрудничество с МНП). Некоторые требования (например, упразднение штатных должностей) означали подрыв теократии.

14 или 18 октября 1922 г. МИД Монголии отправил ноту в Тибет, в которой выражалось желание установить межгосударственные отношения с ним и обменяться представителями⁴. Это можно рассматривать как признание договора 1912 г. между Монголией и Тибетом (см. гл. 4), а также общности религии.

В 1923 г. правительство издало постановление «О дзасаках и служилых князьях». В нем было сказано, что враги народа, государственности и Желтой веры «распространяют заведомо лживые сведения о том, что якобы Народное правительство имеет своей целью уничтожение института княжества». Однако князья не подвергаются несправедливым гонениям и не лишаются титулов — более того: некоторые из них работают в народной власти. Устанавливалось, что все хошунные дзасаки подтверждаются в своих званиях и называются «дзасак-дарга». Вводился регламент деятельности дзасаков. Они могли быть наказаны за порочный образ жизни, уголовные преступления, эксплуатацию, нанесение вреда религии. Сложившие свою должность дзасаки переходили в разряд служилых потомственных князей, правительство повышало их на одну ступень. Если должность дза-

¹ Текст книги: Идшинноров, 1997, с. 21–24; МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 1, х.н. 19а, тал 1–145.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 28, л. 5–7.

³ Сеницын, 2013, с. 39–46, 59–74.

⁴ МТМ; ГХТА, ф. 63, д. 1, х.н. 3, тал 5–6 — в кн.: Бор, 2006, с. 196.

сак-дарги освобождалась, то назначался народный дарга, пользовавшийся теми же правами. Старший сын дзасак-дарги, вне зависимости от избрания или неизбрания на должность, наследовал титул родителей. Дзасак-дарга не имел права решать дела единолично: они решались на хошунном народном собрании или чинами хошунного народного управления. На собрании председательствовал дзасак-дарга. Последнего могло судить министерство юстиции, а служилые князья и тайджи судились на общих с аратами основаниях. При отбывании наказаний никто из них не пользовался привилегиями¹.

Это постановление было вызвано тем, что власть МНП на местах была все еще слабой. Даже в северном районе Монголии под управлением уполномоченного МНП в Алтан-Булаке реальная власть была у хошунных князей, которые были почти самостоятельны. В их руках находились ключевые вопросы: сдача земель в аренду, сбор налогов и арендной платы². Поэтому ограничение старой хошунной власти на местах проводилось путем постепенного замещения ее представителями новой власти.

Руководители МНП продолжали признавать религиозный авторитет Богдо-хана. Так, Сухэ-Батор и Чойбалсан после поездки в РСФСР получили у него аудиенцию, молились, подносили ему подарки, а на докладе обозначили себя как его духовных учеников³. Следуя «Клятвенному договору», предсовмина Цэрэндорж и военмин Хатан-Батор Максаржав держали «тесную и неразрывную связь с дворцом. Как Цэрэндорж, так и Хатан-Батор-ван часто посещают Богдо-хана, и особенно тогда, когда в правительстве и военном совете должны стоять на обсуждении крупные вопросы, и таким образом Богдо-хан бывает хорошо сведомлен о всем творящемся в органах правления Монгольского государства»⁴. Эта система сохранялась до кончины Богдо-хана.

22 февраля 1923 г. умер Д. Сухэ-Батор. Со времени Ш. Нацагдоржа, написавшего его биографию, распространено бездоказательное мнение, что Сухэ-Батора отравили ламы-врачи по указанию Богдо-гэгэна. Однако хорошо осведомленный А. Калинин лишь отмечал, что об отравлении врагами твердила народная молва⁵. Дилова-хутухта Джамсранжав вспоминал слухи, что Сухэ-Батор не хотел безоглядно следовать указаниям из Москвы, за это пользовался благосклонностью консерваторов, в том числе Богдо-гэгэна. Заболел Сухэ-Батор после обеда с советским консулом, а умер после того, как принял слабительное от советского врача, сказавшего, что ему вредны традиционные монголо-тибетские лекарства⁶. Атаман Семенов передавал якобы исполнившееся предсказание, что Сухэ-Батора убьют коммунисты⁷. Исследование трупа не показало отравления⁸.

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 18 л. 24–25.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 29, л. 39.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 9, л. 42, Нацок-Доржи, 1943, с. 57 — в кн.: Рошин, 2011, с. 100.

⁴ ЦАФСБ, ф. 2, д. 52, л. 29–30.

⁵ Калинин, 1929а, с. VI.

⁶ В кн.: Lattimore, 1955, p. 175–176.

⁷ Семенов, 2002, с. 22.

⁸ Ломакина, 2006, с. 126–127; Рошин, 2011, с. 114.

25 марта 1923 г. ЦК МНП издал ко всем гражданам Внешней Монголии обращение, согласующееся с панмонголизмом: «Партия, в конечном итоге ставя своей целью объединение всех монгольских племен в одно государственное целое, в настоящем стремится к освобождению Монголии из-под реакционной власти Китая и других реакционеров-насилльников, вторгнувшихся в Монголию. <...> Принимая во внимание многочисленность народонаселения и наличие отдельных обособленных областей и национальностей в составе Срединной Китайской республики, Партия считает целесообразным объединение всех этих областей и наций в автономные государства и установление между ними на договорных началах федеративной связи и не видит никаких причин, препятствующих вхождению монгольского народа в этот федеративный союз. Наоборот, если Юг и Север Китая, Сычуаньская область, Тибет, Хотан (китайские мусульмане), Маньчжурия и Монголия установят каждый у себя автономный строй и утвердят между собой единое и крепкое федеративное единство, то тем самым эти области и народы положат конец взаимным ссорам и угнетению и избавятся от властвования со стороны иностранных империалистов и насильников»¹.

Возможно, автором этого документа, противоречившего официальным советским установкам, был Э.-Д. Ринчино.

11 апреля 1923 г. группа членов РКСМ и ревсомола в Москве обратилась в исполком Коминтерна (ИККИ), чтобы для интенсификации работы МНП и связи «революционной массы Монголии с Коминтерном» туда командировали «хорошего партийного руководителя»². Радикализм ревсомольцев вызывал симпатии в Коминтерне. В брошюре под общей редакцией МК РЛКСМ и «Армии КИМа», вышедшей в 1924 г., отмечалось: «Ламаизм — это невежество буддизма плюс обрядность и другие способы действия на воображение человека... Центром распространения этого невежества в Монголии являются монастыри <...> Вопрос о высших сословиях рассматривается как вопрос о врагах монгольского народа. В таком духе Союз выявляет свою позицию по отношению к князьям и высшему ламству <...> Союз превратился в политическую силу, по своей стойкости и крепости превосшедшую народную партию»³.

Соглашаясь с последним, можно добавить, что в оценке буддизма и высших сословий ревсомол здесь оказался идейным предтечей организаторов «больших репрессий» 1930-х гг.

23 июня 1923 г. скончался премьер-министр Джалханца-хутухта. В донесении Юдина Карахану от 26 июня говорилось: «В связи с его смертью, контрреволюционные элементы, главным образом ламство, начали вести агитацию, приписывая Джалханца-хутухте якобы высказанное им в бредовом состоянии предсмертной агонии мрачное пророчество о судьбе Монголпра и монголпартии» (монгольского правительства и МНП. — С.К.)⁴. По окончании мумификации тела

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 18, л. 33а.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 18, л. 2.

³ Далин, 1924, с. 20, 26.

⁴ ЦАФСБ, ф. 2, оп. 1, д. 347, л. 29.

хутухты, 17 февраля 1924 г. было постановлено собирать добровольные пожертвования для строительства храма, где оно должно храниться¹.

Э.-Д. Ринчино выдвинул кандидатом в премьер-министры «обновленца» Дарав-пандита-хутухту («Добар-Пандита») из западной Монголии — «в целях дальнейшего разложения феодалов и теократов». Но выбрали старика Б. Цэрэндоржа, несмотря на его «слишком пестрое политическое прошлое»: службу сторонникам автономии, независимости, китайцам, красным. Против кандидатуры Дарав-пандиты были ЦК МНП и ЦК ревсомола. Его кандидатуру единодушно отвергли².

В докладе начальника ГПУ БМАССР М.Д. Бермана о положении в Монголии отмечалось, что «ламство и князья» предостерегают население от разложения религии, ставят целью укрепление авторитета Богдо-гэгэна, компрометируют нововведения народной власти. 9 ноября 1923 г. 41-е заседание правительства издало постановление о численности милиции (*цагда*), которая должна работать в монастырях³.

7 марта 1924 г. 4-е заседание правительства приняло решение «приступить к выборам председателей хошунов не дожидаясь совершеннолетия княжеских детей». Согласно решению МВД и ЦК МНП, занять должность председателя хошуна наследник хошунного князя теперь мог при достижении совершеннолетия «только при наличии вакансии и при условии избрания его хошунным хуралом на эту должность, причем обязательно с ведома МВД»⁴. По сравнению с постановлением 1923 г. (см. выше), это было дальнейшее усложнение процедуры наследования власти феодалами.

Весной 1924 г. переименовали аймаки: Тушэтуханский — в Богдо-хан-ула; Сэцэнханский — Хан-Хэнтэй-ула; Сайннойонханский — Цэцэрлэг-Мандал; Дзасактуханский — Тайшири-хан-ула (частично по старым наименованиям сеймов). Были переименованы и все 116 хошунов⁵. Таким образом было ликвидировано старое деление страны по ханским уделам.

В Монголии, по примеру Бурятии, расширялась идеологическая работа. 13 января 1924 г. общее собрание бурят-монголов в Урге постановило отменить обычай поднесения хадаков на праздник Цаган Сар как предрассудок, и широко агитировать об этом среди монголов⁶. Были изданы в монгольском переводе брошюра «Борьба труда и капитала», речь В.И. Ленина на II конгрессе Коминтерна, с 1923 г. планировалось издание журнала «Народная энциклопедия», призванного «разгромить идейно-философские твердыни теократии и способствовать усвоению монгольской интеллигенцией и массой научно-революционного мировоззрения»⁷.

¹ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 1, х.н. 271, тал 21–26.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 20 л. 17–18.

³ ЦАФСБ, ф. 2, д. 52, л. 110–111.

⁴ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 1, х.н. 238, тал 9–10; ЦАФСБ, ф. 2, д. 52, л. 46–47.

⁵ МУУТА, 4-4-4, — цит. по: Революционные мероприятия..., 1960, с. 74–75.

⁶ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 29, л. 63–92.

⁷ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 29, л. 95.

⁸ АВПРФ, ф. РМ, оп. 5, пор. № 4, папка 107а, л. 318.

Неясно, какая интеллигенция имелась в виду. В донесении ОГПУ за 1924 г. отмечалось, что наиболее культурный класс в Монголии — ламы, которые «являются среди монгол служителями религиозного культа, проповедниками, учителями, наиболее грамотными канцеляристами и тибетскими медиками, благодаря чему они пользуются весьма большим авторитетом среди населения»¹. По наблюдениям Г.Ц. Цыбикова, еще в 1927 г. в госучреждениях и типографии в основном работали духовные лица: «Это духовенство и является интеллигенцией, которая способна на работу, где требуется развитость»². Их и избрали объектом красной пропаганды.

Известие о смерти В.И. Ленина в столице Монголии встретили собраниями и речами на самом высоком уровне. В день его похорон — 27 января 1924 г. напротив ЦК состоялся траурный митинг с участием почти всего населения города, в том числе лам. Процессию к советскому полпредству под звуки траурного марша возглавили руководители монгольского правительства, МНП и ревсомола³.

Богдо-гэгэн VIII скончался 20 мая 1924 г. Причина смерти и диагноз болезни неизвестны. Наиболее вероятное предположение — рак горла⁴. По донесению ОГПУ 18 декабря 1925 г. из Харбина, «монголы глубоко убеждены в том, что он убит русскими»⁵. Известен ряд рассказов стариков, что он был отравлен, согласно одному из рассказов — людьми Ринчино⁶. Во всяком случае, последний относился к Богдо-гэгэну и его приближенным совсем не так, как народ Монголии. Это видно, например, из записки Ринчино от 1919 г., содержавшей ложь и ругань в адрес иерарха⁷.

Узнав о кончине Богдо-хана, монгольское правительство в тот же день — 20 мая собралось на свое 15-е заседание для обсуждения траурных мероприятий. В день похорон решили построить траурный караул и провести народные митинги. Решили, что траурными мероприятиями будет заниматься ведомство хамбошанцзотбы, из казны выделили 3 тыс. лан, объявили трехдневный траур, в течение 21 дня запретили всякие увеселительные мероприятия. В постановлении говорилось: «Богдо-хан Джебцзундамба-хутухта нашего государства скончался в 17-й день этого 4-го месяца в час Тигра... Решено также передать печать великого хана и дипломы правительству, созвать государственный Великий хурал, сохранить высшую власть государства за народным правительством, поручить МВД публично анонсировать и проводить эти решения»⁸.

Постановление подписали: премьер-министр Цэрэндорж, глава военного совета Элбэгдорж (Ринчино), представитель комиссии по законодательству Най-

¹ ЦАФСБ, ф. 2, д. 52, л. 29–30.

² Цыбиков, 1981, с. 134.

³ Соркин, 1970, с. 49–50.

⁴ Жамсранжав, 1998, с. 196.

⁵ ЦАФСБ, ф. 65, д. 141, т. 2, л. 186.

⁶ Батсайхан, 2011б, с. 528–529.

⁷ Базаров, Жабаева, 2008а, с. 286.

⁸ Секретные документы Правительственного архива Монголии — цит. по: Батсайхан, 2011б, с. 525–526.

дансурэн, начальник ревизионного отдела Гэлэгсэнгэ, министр внутренних дел Наваннэрэн (Сэцэн-хан), управляющий Дэндэв, министр иностранных дел Амар, военный министр Максаржав (Хатан-Батор), начальник Главного штаба МНРА Косич, министр финансов Дорж, министр юстиции Сономдорж, управляющий Тувшинтур, министр народного образования и советник Эрдэнэ-Батхан (Батуханов), советник Цэвэн (Жамцарано), представитель Партии Данзан, представитель ревсомола Раднабазар¹.

Напомню, что незадолго до этого монголы провели пышные официальные мероприятия по случаю смерти В.И. Ленина (см. выше). Зато теперь «иностранные и китайские фирмы вывесили траурные флаги, Полпредство же СССР ничем не обнаружило своей скорби по поводу смерти Богдо: ни траурных флагов, ни личных выражений соболезнования не было». Единственной реакцией был доклад в Москву в машинописном «Бюллетене полпредства СССР в Урге» (№ 10, 1924). Он состоял из надерганных из литературы сведений о поисках перевоплощений и жизни Богдо-гэгэна, бездоказательного «компромата», перемешанных с идеологическими штампами и грубыми выпадами². Это пример того, какую «объективную» информацию получал от своих эмиссаров «Центр», дававший им идеологические установки.

Более интересны собранные в этом докладе сведения о текущем моменте. Из них следует, что премьер-министр Цэрэндорж склонялся к республике и лишению следующего Богдо-гэгэна теократической власти, министр иностранных дел Амар и некоторые другие — к «почти монархической концепции». Радикалы (Ринчино, Дамбадорж и, вероятно, Япон-Данзан) вопрос о новой власти решили не будировать, т.к. до нахождения и провозглашения нового Богдо все равно установится республика, а будущее устройство они мыслили как республику без президента. Среди населения циркулировали слухи о том, что Богдо-гэгэн VIII скончался за грехи халхасцев — раньше предсказанного срока жизни в 120 лет, многие думали, что он воскреснет. В городе появились прокламации, что от вступления в страну красных русских монголы ждали помощи в укреплении независимости и религии, а видят совсем другое³. Эти прокламации были написаны от имени 49 лиц, называвших себя работниками разных министерств. В них «они резко нападают на отдельных членов правительства, особо оттеняя политдеятельность бурят Ринчино, Жамцарано и Гочитского и обвиняют их в казнокрадстве и попрании религии, причем выпадов в отношении русских работников нет»⁴.

Вероятно, монголы были недовольны тем, что эти буряты насаждают в их стране чуждые порядки. В отличие от русских, бурят они рассматривали как часть монгольской общности. Несомненно, они помнили важный вклад бурят из дивизии Р.Ф. Унгерна в освобождение Внешней Монголии от китайских оккупантов.

¹ МУУТА, ф. 1, д. 1, х.н. 279, тал 169–170.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 29, л. 175–204.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 29, л. 175–204.

⁴ Телеграмма резидента ОГПУ в Урге от 25.05.1924: ЦАФСБ, ф. 2, д. 52, л. 217–218.

Вскоре после кончины Богдо-гэгэна в его дворце был проведен обыск и обнаружены склады оружия. Внезапно умер его старший приемный сын. Предполагали, что он был отравлен¹. Причиной отравления полагали то, что он мог знать об этих и других складах оружия, которые феодалы и ламы хотели скрыть. Дальнейший ход событий не подтвердил это.

Тело Богдо-гэгэна VIII поместили в его восточном дворце, вокруг поставили караул. Люди совершали ритуальный обход (кора) дворца, простирания, плакали, молились. Поклониться праху Богдо-гэгэна приезжали не только из Монголии, но и из Бурятии². 30 мая состоялась панихида, на которой присутствовали члены правительства и придворные. После мумификации останки следовало поместить в сибурган. Вопрос передали на рассмотрение ЦК МНП.³

3 июня 1924 г. пленум бюро ЦК МНП в составе Цэрэндоржа, главкома С. Данзана, Дамбадоржа, А. Данзана (Япон-Данзан), Джадамбы, Лосола и Ринчино единогласно постановил установить в Монголии республиканский строй⁴. 7 июня 1924 г. пленум ЦК МНП, обсудив это предложение, принял следующую резолюцию: «1) перенести печать Богдо-хана в здание правительства для хранения; 2) ввести в стране республиканский строй без президента как главы государства, передав всю верховную власть Великому Народному Хуралу и избираемому последним правительству»⁵. 13 июня члены правительства на своем 18-м заседании это одобрили и постановили установить народную республику, отказавшись от поста президента, «который, в сущности, особенно не отличается от монархов с ограниченными правами»⁶.

В торжественной обстановке, при почетном эскорте, под звуки гимна, исполнявшегося раньше при проезде Богдо-хана, старые печати — символы власти — внесли в дом правительства и опечатали.

I Великий народный хурал провозгласил Монголию народной республикой. Но это было лишь формальное утверждение. Ведь все важнейшие государственные акты Монголии в 1924 г. (провозглашение республики, изменение состава правительства) проводились постановлением ЦК МНП, на которое была необходима ссылка даже в постановлениях правительства⁷. Это решение было предсказуемым. Вспомним, что идеи ликвидации монархии были навязаны большевиками создателям МНП уже во время их первой поездки в РСФСР в 1920 г. (см. разд. 7.2).

Провозглашение республики было оформлено единодушным принятием Конституции на заседании Великого хурала 26 ноября 1924 г. Первоначальный текст Конституции составляла комиссия, созданная еще 1 сентября 1922 г., куда входили Н. Магсаржав, Ц. Жамцарано и Ч. Бат-Очир. Текст был отклонен, как слишком

¹ Информация ОГПУ от 27.05.1924: ЦАФСБ, ф. 2, д. 52, л. 218.

² ЦАФСБ, ф. 2, д. 52, л. 218; Одзаяя, 2013, с. 325.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 29, л. 176; МУУТА, ф. 1, д. 2, х.н. 36, тал 59–62.

⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 29, л. 202.

⁵ Цит. по: Базаров, Жабаяева, 2008б, с. 45.

⁶ Монгольское законодательство, 1928, с. 61–62.

⁷ Доклад Т.Р. Рыскулова в Коминтерн: РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 24, л. 45–46.

буржуазный, и заменен другим. Новый проект принадлежал П.В. Всесвятскому¹, был переведен на монгольский язык Э.-Д. Ринчино и быстро доработан комиссией во главе с Б. Цэрэндоржем, в которую входили Ринчино и Жамцарано².

В основу была положена Конституция СССР 1924 г., с учетом исторических условий Монголии и задач перехода от феодализма к социализму, минуя капитализм. В Конституции декларировалось, что Монголия — народная республика³ (ст. 1), ее основная задача «в уничтожении остатков феодально-теократического строя и укреплении основ республиканского нового порядка на основе полной демократизации государственного управления» (гл. 1, ст. 2), «вся власть принадлежит подлинному народу» (гл. 1, ч. 1), «отделить дела религии от государственных для того, чтобы каждый исполнял свои религиозные дела по своему усмотрению» (гл. 1, ст. 3.6), «отменяются звания ванов, гунов и тайджи, а также владетельные права хутухт и хубилганов» (гл. 1, ст. 3.13), «не избирают и не могут быть избраны... бывшие князья, хутухты, хубилганы и посвященные в ламы, которые постоянно проживают в монастырях»; (гл. 3, ст. 35.3). Кроме того, предусматривалось «Год Правления Многими Возведенного переименовать в того же числа год Монгольского Государства, продолжая с сего 14 года»⁴.

По предложению Цэрэндоржа, последнее вводилось с 1 января 1925 г.: дни и месяцы — по европейскому календарю, годы — «Монгольского Государства»⁵. Но фактически его ввели раньше. Годы «Многими Возведенного» (*Өлноо Өргөгдсний*) указываются в документах до июня 1924 г., а затем — уже годы «Монгольского Государства» (*Монгол Улсын*)⁶.

* * *

Отправляясь в 1920 г. в РСФСР за помощью против китайской оккупации, делегаты МНП легитимировали свой визит письмом, завизированным легитимным монархом — Богдо-ханом Джебцзундамба-хутухтой. Это письмо они стремились получить и получили с трудом. Советская сторона отвергла его из идеологических соображений. Под влиянием коминтерновцев делегаты отказались от этого письма и написали собственное, согласующееся с идеологией Коминтерна. Теперь делегаты выступали не от имени легитимного руководства страны, а «от имени ее народа». В те годы советское правительство тоже считало себя выразителем интересов всех народов будущего СССР. Более того: оно считало себя и вы-

¹ Юрист, в 1924–1930 г. — советник монгольского правительства. Расстрелян в СССР в 1938 г. по ложным обвинениям в работе на американскую и германскую разведки.

² Баабар, 2010, с. 273–274.

³ В русском комментарии, одобренном министром МНР, отмечалось: «Нет сомнения, что такое своеобразное наименование народной республики воспринято от китайцев», использовавших для республики термин гун хэ-го — «государство всеобщей дружбы, гармонии, или единения» (Монгольское законодательство, 1928, с. 68).

⁴ Монгольское законодательство, 1928, с. 2–11.

⁵ Протоколы..., 1925, с. 240.

⁶ Известная мне последняя дата по старому названию — 4 июня (МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 1, х.н. 267, тал 5-7), первая дата по новому — 13 сентября (там же, х.н. 293, тал 153–155).

разителем интересов народов других стран, т.к. «выражало интересы трудящихся», а другими странами правили «антинародные» правительства¹.

Апелляции к мнению всего монгольского народа и дезавуирование письма с печатью Богдо-хана — превышение полномочий делегации под внешним давлением. Можно согласиться с Ф. Исоно: «Верно, что, если бы большевистская революция не имела места в России, монгольские националисты никогда не могли бы стать настоящими революционерами, и их миссия в Россию была бы лишь повторением того, что произошло в 1911 г.»²

Власть самопровозглашенного временного народного правительства ограничивалась, в основном, незначительной частью северной Монголии. Это правительство до установления своей власти над всей страной старалось легитимировать себя апелляциями к авторитету Богдо-гэгэна — а затем заставило его отказаться от светской власти. В 1921 г. МНП и РКП(б)³ имели отдельные разногласия, связанные с тем, что традиционализм в МНП еще не был изжит. Кроме того, лишь немногие красные монголы в разговорах с иностранцами защищали или понимали идеи большевизма⁴.

В риторике МНП еще до ее прихода к власти появились фразы против всех феодалов вообще как предавших страну китайцам (хотя это сделала лишь их незначительная часть). Придя к власти, МНП проводила политику неуклонного демонтажа теократической системы: абсолютная монархия была заменена ограниченной⁵, отменены подати, предоставление уртонных лошадей чиновникам и нойонам. Уже в 1921 г. были отменены титулы, грамоты и печати, полученные при маньчжурах и Унгерне, некоторые монархические церемонии чиновников, введен «Клятвенный договор», обложены налогами феодалы и богатые ламы. Однако партия и правительство все еще апеллировали к религии и власти Богдо-хана.

В 1921–1924 гг. происходили рост численности и бюджета МНП, создание новых госструктур, в том числе силовых, уменьшение госрасходов на теократию, отмена ряда церемоний и торжеств, запрет «принуждения» аратов работать на церковь. Было введено самоуправление в Шабинском ведомстве с отчетом правительству, ограничены права наследования власти детьми дзасаков, переименованы аймаки. Права феодалов и далее ограничивались, в будущем планировалось уравнивать их с аратами при выборах в местные органы власти.

Но в 1921–1925 гг. теократы и их сторонники составляли реальную конкуренцию МНП, влияние которой на местах было слабее, чем влияние теократии. Поэтому, ограничивая влияние феодалов и теократов, партия старалась избегать

¹ Воскресенский, 2004, с. 435.

² Isono, 1976, p. 394.

³ Переименована в ВКП(б) в декабре 1925 г.

⁴ Донесение Хардинга в британский МИД по итогам поездки в Ургу, октябрь 1921 г.: TNA, IOR/L/PS/11/159/1919/008/p. 5.

⁵ Ее иногда неверно называют конституционной — видимо, считая первым конституционным актом “Клятвенный договор”, который таковым не был.

конфронтации. Революционерам необходим был «единый фронт» с ними. В результате МНП брала на себя часть функций феодального сеньора, дарующего и утверждающего титулы. Возникало некоторое противоречие: в одних документах декларировалась вредность религии, в других — уважение к ней, отсутствие серьезных противоречий религии с наукой и властью. Это было связано с противоречиями внутри партии и власти, с попытками использовать «обновленчество».

Глава 8. Демонтаж буддийских церковных структур (1924–1939 гг.)

Формальное объявление народной республики не означало автоматической ликвидации теократии. «На местах» оставались теократы и церковные структуры, которые конкурировали с партией за умы населения, и к тому же обладали серьезным экономическим потенциалом. В этой главе описываются мероприятия МНРП по снижению влияния теократии и церкви, которые завершились ликвидацией религии в стране в конце 1930-х гг. Реакция на это духовенства и поддерживавших его мирян описана в главе 9.

8.1. Первые годы республики

В Шабинском ведомстве в рассматриваемый период состояло до 150 тыс. чел. Власти назначили туда политкомиссара, при его управлении — особый партком. В течение 2 мес. они захватили в свои руки все ведомство, аннулировали на сотни тысяч долларов все виды податей и сборов с «шабинских масс», которые под влиянием этих мер организовали свои партийчейки¹. По другим данным, в ведомстве состояло около 90 тыс. чел., или 14 тыс. домохозяйств. Их разделили на 80 районов и шесть багов. К ноябрю 1924 г. в ведомстве были комитет партии, 23 ячейки с 400 членами. В нем начали вести учет военнообязанных².

Ранее МНП, придя к власти, санкционировала наличие лам в войсках³. А теперь в армии началась антирелигиозная пропаганда. Через несколько лет работы советских инструкторов там уже отмечалось значительное ослабление влияния лам, инструкторы помогали монгольским командирам избавиться от «религиозного дурмана»⁴. Правда, тибетские медики сохранялись в МНРА и в конце 1920-х гг.

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 28, л. 5–7.

² Протоколы..., 1925, с. 204.

³ Напр., 8 октября 1921 г. ЦК МНП постановил назначить ламу Лосола солдатским ламой: МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 1, х.н. 4, тал 60–61.

⁴ Соркин, 1970, с. 68.

В стране возрастала руководящая роль Коминтерна. В марте 1924 г. премьер-министр Б. Цэрэндорж произнес речь на празднике в честь трехлетия МНП: «Вся деятельность правительства проходит под контролем ЦК Партии <...> Партия же преследует те же цели, что и Коммунистический Интернационал»¹. В июне 1924 г. состоялся V конгресс Коминтерна. В его тезисах было положение о «большевизации партий и образовании единой всемирной компартии». Важнейшей задачей момента признавалась большевизация всех секций Коминтерна². Это относилось и к Монголии.

4–31 августа 1924 г. прошел III съезд МНП — в координации с Ринчино и по рекомендациям из Москвы. В период его работы — 11 августа президиум ИККИ принял резолюцию по монгольскому вопросу, в которой указал на опасность «правого течения» в МНП. В ней, в частности, ставились задачи освобождения масс от «гнета феодально-теократических владельцев». На съезде работала делегация ревсомола, усилилось левое крыло МНП. Съезд подтвердил независимость Монголии, принял решения опираться на бедняцкие и середняцкие слои, не допускать многопартийности, демократизации, кооперации, стремиться к единству, укреплять сотрудничество с СССР, коммунистическими и народными партиями мира. Ринчино предложил в качестве конечной цели Монголии коммунизм, минуя капитализм. Данзан, однако, не позволил даже принять отдельного постановления по его тезисам³. Ринчино призвал на помощь ревсомольцев, которые ворвались в зал и захватили секретаря правительства Бавасана, сторонника Данзана. Ц. Дамбадорж — член ЦК МНП и сторонник Ринчино — предложил арестовать Данзана, что и было сделано незадолго до окончания съезда⁴.

Итак, благодаря поддержке Ринчино, действовавшего в соответствии с курсом Коминтерна, левые одержали верх. Данзан и Бавасан были расстреляны во время съезда по постановлению «правомочной комиссии III съезда МНП». Бывший председатель ЦК ревсомола С. Буяннэмэх бежал⁵. С тех пор в ликвидации Данзана и Бавасана обвиняют Ринчино и его сторонников, указывая, что операцию

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 29, л. 63–92.

² Пятый..., 1925, с. 47–52.

³ Рошин, 1999, с. 100, 102, 114–115, 118.

⁴ Баабар, 2010, с. 270–271; Дашдаваа, 2011, с. 45.

⁵ Он добрался до Барги (Хайлар), но бегство свое не считал злым умыслом. В 1925 г. этот известный писатель направил в ЦК МНРП и ревсомол покаянное письмо в дореволюционном стиле: «Мое тело, тело маленького ничтожного человека, до этого от истинной души веря и благоговей перед народной свободой своей страны и делом поднятия культурного уровня таковой, охотно вошел — принял партийное правило, обычай и клятву и, будучи поощрен и уповавшая на светлое руководство многих просвещенных товарищей, а также справедливую верную цель ставя впереди, хотя и работал от верной души, но ввиду того, что впредь и позже не приходилось мне на практике проводить ту или иную работу, тем самым получить опыт, затем с самого начала, то есть с рождения был глупым и невежественным, в завершение всего мое образование было слишком недостаточным, таким образом, подобный ряд целей послужил поводом моего поверхностного отношения к делу в том смысле, что не в состоянии был разобраться по существу: тяжелое или легкое, т.е. важное или неважное дело» и т.п. (РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 33, л. 307–310). В 1937 г. он был расстрелян по обвинению в контрреволюционной работе среди молодежи.

организовал глава ГВО — Баторун¹. Это согласуется с донесением американского консула в Нийслэл-хурэ о том, что сильно укрепилась власть секретной полиции (ГВО. — С.К.), ее шеф стал настоящим диктатором города, стали часты аресты и заключения подозрительных лиц².

Экспессы на III съезде МНП и проходивший в сентябре III съезд ревсомола показали разногласия между партией и ревсомолом. В результате в Монголию в октябре 1924 г. был прислан уполномоченный Коминтерна Т.Р. Рыскулов³.

8 ноября 1924 г. открылся I Великий народный хурал, утвердивший республиканскую форму государства и принявший Конституцию. Повестка дня затронула широкий круг политических, экономических и социальных вопросов. Докладчики давали отрицательные оценки руководству Богдо-ханской Монголии, однозначно положительные — МНП и Коминтерну. Премьер Цэрэндорж в своем докладе сделал пространный экскурс в историю с выводами о том, что все современные достижения Монголии — заслуга МНП, ревсомола и МНРА. Он отметил, что Китай издавна стремится уничтожить монгольскую нацию и религию. Иностранцы выступили с приветствиями. В частности, А. Доржиев от имени Тибета отметил, что дружба этой страны с Монголией основана на Желтой вере, которую Алтан-хан получил от Далай-ламы. Великий хурал утвердил состав Малого хурала — высшего законодательного, распорядительного и контрольного органа Монголии в период между Великими хуралами. В него вошли 30 членов, в том числе бурятские национальные демократы: член РКП(б) М.И. Амагаев, Н.Ф. Батуханов, Э.-Д. Ринчино, Ц. Жамцарано⁴.

На I Великом хурале П. Гэндэн⁵ поднял вопрос о переименовании монгольской столицы. Цэрэндорж сказал, что это излишне. Некий Тэбэкто предложил назвать ее «Монгольский народно-партийный Пекин». Большинство же было за «Батор-Хото». Тогда Т.Р. Рыскулов (весь опыт работы которого по Монголии ограничивался месяцем пребывания там) предложил назвать столицу «Улан-Батор-Хото» — «Город Красного Богатыря». Это приняли единогласно⁶. Однако, по крайней мере, до начала 1930-х гг. даже в советских документах город часто называли Ургой.

Члены конституционной комиссии согласились с предложением Рыскулова о включении в Конституцию отделения церкви от государства. Подводя итоги, Ринчино подчеркнул: «Из мрака и тлена гнуснейшей в мире теократической деспотии нас привели к царству света и свободы идеи Коминтерна»⁷.

Основные мероприятия правительства теперь включали освобождение «крепостных» (17% населения), дальнейшее ограничение прав феодалов, введение

¹ Dashpurev, Soni, 1992, p. 17.

² U.S. Consular Reports, Urga, 9 August 1924, Stanton — in: Ballis, 1956, p. 303.

³ О его деятельности там см.: Аби́лтайулы, Аби́лдаев, 1994.

⁴ Протоколы..., 1925, с. 274.

⁵ Тогда он был лидером ячейки ревсомола в Увэрхангае. По рекомендации премьера Цэрэндоржа его выбрали председателем президиума Малого хуралдана.

⁶ Протоколы..., 1925, с. 254, 259.

⁷ Протоколы..., 1925, с. 261.

местного самоуправления, лишение титулов и званий князей и дворян, посылка на места инструкторов, облегчение повинностей и налогов, упразднение «лишних» религиозных торжеств и ежегодного бесплатного кормления лам, уравнивание в повинностях разных сословий, отмену телесных наказаний и др.¹ Представитель ОГПУ в Улан-Баторе Балдаев отмечал, что еще принципиально не решен вопрос о Шабинском ведомстве, хотя его лишили права самостоятельного обложения населения и шабинары приравнены ко всем гражданам в отбывании всех повинностей. «В самом ЦК НРП еще не назрел момент говорить о походе на ламство и в нем самом нет еще достаточно таких элементов, которые могли бы твердо проводить такие реформы», потому надо поднять аратов на «ламство»².

В материалах Коминтерна сохранился секретный доклад «О современном положении ламства в Монголии» (данные на 1924 г.), подписанный неким Виталием. В нем говорилось, что «ламство» — контрреволюционная группа, мероприятия народного правительства после кончины Богдо-гэгэна «определенно говорят ламству о том, что подкоп под их пока что твердые позиции со стороны партии начинается». На данном этапе активная антирелигиозная работа нецелесообразна и надо проводить мероприятия по подрыву экономических основ и т.п., а это не проработано. Задачи момента — систематизация материалов, подбор «подходящих работников для сети и внедрение ее во все круги ургинского ламства», выявление настроений и связей последнего³.

В ноябре 1924 г. И.И. Генкин отмечал в «Бюллетене полпредства», что из двух устоев старого монгольского быта «ламаизм» еще крепко владеет умами населения, тогда как этого уже не скажешь «про власть феодалов, ханов и князей»: они лишены административных и судебных функций, права иметь крепостных, взимать барщину, бесконтрольно распоряжаться местной казной и т.д. Теперь устраняется юридическая подоплека их власти. «Владельческий князь Дзасактуханского аймака — злостный реакционер и непримиримый противник демократических преобразований — заменен при выборах в хошунное управление простым аратом, т.е. простолюдином. Точно так же наследственный председатель Сайннойонханского хошунного управления, родовитый князь, сменен теперь и на его место избран простой смертный. Из двух остальных ханов один — Сэцэн-хан сочувствует, так или иначе, в той или иной степени, новым порядкам и даже состоит министром внутренних дел теперешнего правительства. Остается последний — четвертый владельческий князь Тушэту-хан, но и его судьба висит на волоске. Всего “ликвидировано” в этом смысле, т.е. в смысле лишения их прежних прав и привилегий, 10 князей, среди них два хана <.> Пусть и медлительно и с оглядкой — все же революционная бацилла делает свое дело»⁴.

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 24, л. 45–46.

² Донесение об итогах III съезда полпреду ОГПУ по ДВО, начальникам восточного отдела ОГПУ и отдела ОГПУ БМАССР 01.12.1924: РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 28, л. 37об.–38.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 33, л. 383–397; копия из НАРБ: Курас, Цыремпилова, 2000, с. 138–148.

⁴ АВПРФ, ф. РМ, оп. 7, пор. № 11, папка 2, л. 293–295.

Феодалы стали все чаще отказываться от титулов. По-видимому, первым это сделал еще в апреле 1921 г. Сумъя-бэйсэ¹. Теперь от титула (вместе с должностью министра внутренних дел) отказался Сэцэн-хан, затем — военный министр Хатан-Батор-ван, по возвращении из Читы заявивший, что «дворянские звания являются вредным пережитком». Он стал именоваться «Ардын Хатан Батор» (Народный Твердый Богатырь). Однако он не отказался от религии. После перенесенного паралича, назадолго до смерти, он принял монашество и ушел в монастырь².

Почти одновременно с Максаржавом отказался от титула туслагч-гун премьер-министр Б. Цэрэндорж. Свой отказ он сопроводил покаянным письмом, выдержанном в цинском стиле самоуничужения³. Ко времени I Великого хурала (ноябрь 1924 г.) сложили титулы ванов, гунов и тайджи еще 69 чел.⁴

Отказываться от титулов стали и некоторые теократы. Так, в марте 1925 г. Заяпандита-хутухта VI Лувсантувдэнчойжинням (Джамбацэрэн) подал в правительство прошение об упразднении его титула и, более того, переводе личных средств в джассу местного монастыря, чтобы стать обычным гражданином⁵. Он был вторым по значимости лицом в церковной иерархии, на его земле площадью около 10 тыс. кв. верст жило 8 тыс. чел.⁶

Большое значение имело «Положение о выборах в Великий народный хурал МНР», принятое в начале 1925 г. Согласно гл. 1, ст. 3 (3), избирательного права лишались «бывшие князья, хутухты, хубилганы и посвященные в ламы, которые постоянно проживают в монастырях» — наряду с душевнобольными, преступниками и т.п.⁷

В МНП прошла чистка. Ее итоги подвел пленум ЦК МНП 7 марта 1925 г., который принял также временную программу и устав партии. В них были подчеркнуты курс на Коминтерн, проникновение марксистского воззрения в МНП и т.д. В послании V конгрессу Коминтерна партия потребовала инструкций, указаний и присылки работников⁸. Эти документы были разработаны под непосредственным руководством Рыскулова⁹. Следуя установкам Коминтерна на большевизацию партий (см. выше), пленум переименовал МНП в МНРП (Монгольская народно-революционная партия).

Во время чистки члены партии засели за политграмоту. Но «кругозор новых членов Партии до того невелик, что местопребыванием Коминтерна они считали родную Ургу... Иные члены Партии (“хозяева страны” и т.д.), приходя на заседания комиссии по чистке, становились на колени, как это делалось в добрые старые вре-

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, д. 106, л. 8.

² АВГРФ, ф. 29, оп. 29, п. 197а, д. 105, л. 7, 14 — в кн.: Синицын, 2013, с. 274.

³ АВГРФ, ф. РМ, оп. 5, д. 11, пор. № 11, папка 108, л. 54–56.

⁴ Протоколы..., 1925, с. XIV.

⁵ МУУТА, ф. 1, д. 2, х.н. 36, тал 6–7.

⁶ Майский, 1921, с. 104.

⁷ Монгольское законодательство, 1928, с. 21.

⁸ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 28, л. 13–14.

⁹ Дашдаваа, 2011, с. 47.

мена и как это сейчас еще делается, например, в монгольском суде даже в Урге»¹. Советское руководство учитывало это. Оно даже не возражало против использования в МНР свастики до 1940-х гг., хотя и начало выводить из оборота раньше².

Итак, духовенство, в отличие от бывших феодалов, сохраняло большое влияние в МНР. По наблюдениям Ринчино, буддизм в Монголии пустил более глубокие корни, чем православие среди русских крестьян и мещан. «Современный монгол находится во власти церкви и монахов — он обыкновенно ни шагу не делает без совета с монахом-духовником во всех важных и даже сравнительно мелких случаях своей жизни. Ламаитская церковь в Монголии имеет буквально в каждой семье двух или трех адептов, а иногда и больше, в лице монахов и монахинь, часть которых постоянно живет в семье и ревностно поддерживает и блюдет интересы церкви. Монахи в семье считаются по ламаитской традиции заложниками и заступниками членов семьи в потустороннем мире — и отсутствие таковых в семье прямо-таки считается несчастьем»³.

С этим согласуются наблюдения монголоведа В.А. Казакевича (1896–1937): к февралю 1925 г. влияние МНП на местах оставалось слабым, а теократии — сильным. По его данным, священные книги были в каждой юрте, а книги политико-экономические расходились очень туго, даже в среде партийных. Газеты не доходили до населения, т.к. даже хошунные управления их не всегда получали. Антирелигиозной пропаганды не было, т.к. не было кадров пропагандистов. «Не ученые монахи (большинство из них являются весьма нравственными и скромными людьми, но благодаря усидчивым занятиям над саморазвитием — ничего не стоящими проповедниками) представляют собой силу, с которой нужно считаться. В этом отношении более серьезными противниками будут ловкие ламы, сосредотачивающиеся обычно вокруг хубилганов и пользующиеся разными привилегиями от административных должностей, которые они несут в монастырях. Среди них бывают очень часто умные типы и хорошие ораторы». Придерживаться старых обычаев считалось весьма почтенным. Кочевники, за очень редким исключением, были верующими.

Казакевич привел и ряд примеров постепенной ликвидации влияния теократии и феодалов. В Улан-Баторе власть местных хубилганов сильно упала, но была еще сильна. Большинство из них тибетцы, некоторые монастыри (например, Эрдэнэ-пандита-хурэ) переполнены монахами-тибетцами. Там предпочитали носить тибетские одежды и говорить по-тибетски. На юге Монголии исчезли чойжины, исчезали они и на севере. Нищенствующие монахи *бадарчин* были нередки везде.

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 45, л. 22.

² Свастика — древний индоевропейский и буддийский символ. Традиционно используется она и в Монголии. Ее замена в то время могла быть следствием того, что коммунисты использовали красную звезду, которую приняли и в МНР, а свастику приняла НСДАП в Германии (с 1920 г.). Но еще в 1937 г. в СССР не возражали против изготовления на советских заводах и фабриках по заказам МНР тканей, стремян и пр. с изображением знака хастамга — монгольская свастика (Протокол заседания политбюро ЦК ВКП(б) № 45 от 17 февраля 1937 г., п. 236: РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 983, л. 54). Под влиянием СССР во время Второй мировой войны свастику в МНР запретили.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 35, л. 19.

«Отшельники, когда-то многочисленные, почти исчезли. Во время моего проезда по хошуну Дайчин-бэйсэ два отшельника к югу от Мон-Хадан-усу умерли голодной смертью». Кое-где на юго-востоке МНР был «красношапочный ламаизм, считающийся ересью». В Улан-Баторе многие ламы были женаты. Феодалы Тушэтуванского хошуна держали в сильной экономической зависимости население, будучи богаты скотом. Далай-хан дэрбэтов, после упорного сопротивления, был заменен молодым элетом Лхамсурэном. Ячейки партии и ревсомола были лучше представлены на западе (где меньше дворянства) и севере. Но в ряде хошунов Монголии (мэргэн-вана, ёст-бэйсэ, Эрдэнэ-пандита-хутухты) не было партийных. В хошуне Тушэту-вана была партиячейка из 17 чел., большинство — феодалы и старые чиновники. В отдаленных районах население не видело существенной разницы между автономным и народным правительствами¹.

В этих условиях, исходя из опыта Бурятии и новейших директив ЦК РКП, «монгольские деятели, главным образом Ринчино, отстаивали тактику обходного движения, а не действия штурмом». Они предполагали начать с «экономического и бытового подкопа под ламство». Их программа включала систематическую борьбу с Шабинским ведомством, отделение церкви от государства, сокращение числа мальчиков, отдаваемых в монастыри, обязательную воинскую повинность для молодых лам, широкие культурно-просветительские мероприятия. Но находившийся в Монголии японский коммунист Сэн Катаяма предложил радикальное решение: революцию в отношении церкви в Монголии. Он сослался на пример японской революции 1868 г., когда богатства монастырей забрали в казну, а в буддийских храмах организовали школы².

Появился план летней кампании работ по парт- и госстроительству в художонах на 1925 г. Надлежало выяснять власть МНП на местах, определять в каждом хошуне процент феодалов, чиновников и духовенства, степень их влияния на население, отношение к новому строю, идеям МНП, отделению церкви от государства, избирательному праву, Конституции, «в чем выражаются их эксплуататорские тенденции», определять мероприятия по устранению или ослаблению их влияния. Следовало провести выборы по главным монастырям и отдельных делегатов от «левого духовенства» на обще-духовном соборе в Улан-Баторе. «Для удачного проведения такой работы комиссии должны... организовать тайком левое крыло духовенства и потом уже провести собрания. При этом сама комиссия официально не должна вмешиваться непосредственно в эту работу»³.

Партработу осложняли борьба за влияние на МНП, тактические и личные разногласия Рыскулова с Ринчино, которого поддерживал полпред А.Н. Васильев, прибывший в 1924 г. Рыскулов выражал настроения части руководства Коминтерна, желавшего сделать своего представителя единственным руководителем ЦК МНП и полпредства СССР, а Ринчино пытался совместить интересы Коминтер-

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 44, л. 1–35.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 45, л. 34–36.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 39, л. 64–65

на и монголо-бурятского национального движения¹. Рыскулов обвинял Ринчино в национализме, панмонголизме и народничестве, Ринчино его — в незнании местной ситуации, монгольского языка, недостаточных контактах с монголами. Однажды он заявил Рыскулову: «Здесь в Монголии ваш Васильев — только Полпред и Торгпред, монгольской же политикой руковожу я. Мне и должны вы подчиняться». С января 1925 г. Рыскулов много раз настаивал перед Москвой, чтобы удалить Ринчино, посылая туда длиннейшие донесения на него. Несколько более коротких писем на Рыскулова послал и Ринчино. Последний конфликтовал и с рядом лидеров МНП, обвинявших его в диктаторстве².

Вряд ли можно считать Ринчино диктатором. Но нельзя согласиться и с мнением, что он старался помогать, оказывать содействие, но не править Монголией³. Факты говорят о том, что он желал личной власти в стране, чтобы через МНП и большевиков ликвидировать традиционализм и навязать ей чуждую цивилизационную модель, которую он сам, как мог, воспринял вне Бурятии и Монголии.

Рыскулов тоже хотел власти над Монголией. Он писал в Москву: «Нужно стараться уполномоченного Коминтерна поставить именно в такие условия, чтобы он действительно являлся бы руководителем ЦК МНП, последняя — действительно руководительницей государства <...> Коминтерн должен... управлять монгольской политикой через более или менее преданные ЦК Партии и Правительства»⁴. Таким образом, он тоже навязывал Монголии внешнее управление.

Закрытый пленум ЦК МНРП 15 июня 1925 г. решил вопрос о Ринчино и Рыскулове, постановив обоих отправить из Монголии, и 8 июля принял соответствующую резолюцию⁵. Обоих отозвали, а затем и Васильева. Чекист Баторун уехал для учебы в академии⁶.

Ринчино приехал в Москву и работал в Коминтерне — теперь в КУТВ. 11 ноября 1925 г. на собрании монгольского сектора КУТВ он сделал доклад «Современное состояние Монголии». Он указал, что МНРП берет начало из феодальных и теократических элементов: Бодо и Данзан изменили партии — первый в 1922 г., второй в 1924 г., они с самого начала были агентами феодалов и теократов. Период существования народной власти он разделил на два этапа: 1-й — борьба между «черными и желтыми феодалами» (до III съезда МНП в 1923 г.), 2-й — победа революционной демократии над реакцией (после съезда)⁷.

Удаление обоих функционеров устраняло затруднения в партработе, связанные с их разногласиями. Ревсомол тоже сделал важный шаг. Он присоединился к Коммунистическому интернационалу молодежи (КИМ). Ревсомол, согласно его программе, «воспитывает в своих членах современное марксистское

¹ Лузянин, 1996, с. 70.

² АВПРФ, ф. РМ, оп. 3, пор. № 14, папка 105, л. 154–163, оп. 6, пор. № 29, папка 113, л. 51–68; РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 33, л. 60–116, 136–202, д. 39, л. 1–2.

³ Жабеева, 2001, 4–380.

⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 29, л. 59, д. 33, л. 112.

⁵ РГАСПИ ф. 495, оп. 152, д. 33, л. 139–141, 203–204.

⁶ В 1929–1937 гг. он вновь находился в МНР, но уже в структурах МНРА.

⁷ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 35, л. 1–5. См. также: Ринчино, 1998, с. 57–59.

мировоззрение <...> В тех многочисленных кумирнях, куда с юношества отдавалась одна треть трудовой молодежи, она училась не тому, что полезно трудящемуся человеку, а тому, что притупляло человеческий ум и убивало волю к борьбе за улучшение тяжелой жизни трудовых масс». В послании IV съезду ревсомола от исполкома КИМ 30 сентября 1925 г. указывалось: «Важнейшими задачами вашего Съезда являются: идейно-политическое и революционное оформление Союза <...> борьба с панмонголизмом и духовно-реакционными течениями»¹.

Руководство Коминтерна и партией, и ревсомолом означало общность их задач. Хотя в уставе ревсомола о церкви не говорилось, приведенные декларации ясно показывают курс на ее ликвидацию.

Влияние ревсомола стали распространять и на детей. В 1925 г. при ЦК ревсомола по образцу и опыту СССР была создана пионерская организация². В 1927 г. в МНР было уже 36 пионерских отрядов и 1600 пионеров, через год их число возросло вдвое³. Теперь марксистское воспитание распространилось и на младшее поколение.

23 сентября – 2 октября 1925 г. прошел IV съезд МНРП, на котором были утверждены устав и временная программа партии. От имени народа и правительства СССР на съезде выступил П.М. Никифоров — новый полпред и торгпред. Он заявил: «Следуя примеру СССР, Монголия также должна безжалостно отрубать все то, что тащит ее назад, что задерживает ее политический и культурный прогресс, что опутывает ее цепями седой старины, столь чуждой и вредной в условиях бурной современности»⁴.

На съезде постановили национализировать часть имущества Богдо-гэгэна. Это соответствовало положению Конституции о лишении хубилганов прав на «народное имущество». На заседании 30 сентября кое-кто полагал, что имущество надо отдать на нужды религии, меньшинство — что в казну. Но большинство было за раздел на равные части между церковным ведомством и казной. В итоге приняли предложение, что религиозные предметы надо отдать церкви, остальное разделить на три части, из них 2/3 отдать государству, 1/3 — церкви⁵.

В комиссию по распродаже имущества Богдо был назначен его бывший учитель — Ёнзон-хамбо Лувсанхаймчиг, а также габджу Сундуйсундэв, аграмба Аюуш, габджу Лувсансор, Цэвэгжав, Балжир, лама Сундэв, гэскуй Лувсангомбо⁶. Решение съезда было утверждено специальным постановлением II Великого хурала, предписавшим также безвозмездно передать церкви иконы и священные книги⁷.

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 39, л. 13–92.

² Положение о ней утверждено в 1927 г.

³ Балдаев, 1971, с. 48–51.

⁴ АВПРФ, ф. РМ, оп. 6, пор. № 30, папка 113, л. 235.

⁵ МУУТА, МБТ, ф. 2, д. 4, х.н. 1, тал 91; АВПРФ, ф. РМ, оп. 6, пор. № 30, папка 113, л. 226–234.

⁶ Улс торийн..., 2008, с. 288–289.

⁷ АВПРФ, ф. РМ, оп. 6, пор. № 22, папка 112, л. 21.

Была создана госкомиссия по инвентаризации имущества Богдо-гэгэна. Лишь в Верхнем монастыре было взято имущества на 355 094 тугриков, включая более 261 лан золота, 28 626 лан серебра и т.д.¹ Учет и распродажа имущества Богдо-гэгэна шли с конца 1925 до середины 1927 г. Сохранилось много документов, что и на какую сумму было передано или продано государственным и партийным учреждениям и чиновникам². Были и недоразумения. Так, согласно протоколу 11-го заседания монгольского правительства от 3 августа 15-го года, военному министерству разъяснили, что оно обязано уплатить причитающиеся с него в пользу Шабинского ведомства 26662 долл. за взятые из дворца Богдо-гэгэна вещи: мебель, юрты, машины для электрического освещения и др.³

На IV съезде МНРП было принято постановление обложить единым государственным налогом скот монашеских общин наравне с остальным скотом населения. Это вызвало одобрение населения, заинтересованного в снижении своего налогового бремени и, кроме того, способствовало расколу между мирянами и духовенством⁴.

Другой пример реализации первой Конституции МНР — решения о присоединении шаби высших лам к прилежащим хошунам. МВД направило в правительство доклад от комитета МНРП Хан-Хэнтэй-ульского аймака о присоединении шабинцев Дзодола-хан-ульского хошуна к шабинцам Егузэр-хутухты. Возник вопрос: должны ли они оставаться в ведении Егузэр-хутухты? На это ответило 14-е заседание правительства 24 апреля 1925 г.: в п. 13 ч. 1 Основного закона МНР сказано, что хутухты и хубилганы лишаются права управления своими крепостными, эти шабинцы не имеют своей отдельной территории, значит, их следует присоединить к хошуну⁵.

Вместе с тем, советские представители обдумывали возможности использования Егузэр-хутухты для революционной работы во Внутренней Монголии: «Егузэр-хутухту, который является духовным учителем почти всех шилингольских монгол и князей, который в Шилингольском сейме имеет определенное влияние и которого все равно купят китайцы, нужно нам, так сказать, перекупить, т.е. положить ему жалованье и использовать для работы под строгим контролем нашей резидентуры»⁶.

В марте 1925 г. Великое шаби преобразовали в аймак Дэлгэр-Их-ула, в нем была создана аймачная администрация⁷. 29 мая 1925 г. вышло постановление правительства о роспуске шаби хутухт и объединении хошунов. Земля шаби Зая-пандита-хутухты была преобразована в хошун Эрдэнэ-Булган-ула, началь-

¹ Полный список: МУУТА, ф. 12, д. 1, х.н. 1, тал 1-9, опубл. Батсайханом, 2011, с. 553.

² Напр., МУУТА, ф. 1, д. 2, х.н. 36, тал 1–5, 8–9, 17–20, 23–26, 48–51, 59–60, 63–67; х.н. 211, тал 8–9, 28–29, 34–37, 61–62; х.н. 174, тал 6–13; х.н. 304, тал 8–11, 21–13, 30, 42–43, 50–52, 75–76, 80–81, 114–115, 121–125.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 45, л. 45.

⁴ АВПРФ, ф. РМ, оп. 6, пор. № 22, папка 112, л. 21, ф. 08, оп. 9, п. 19, д. 101, л. 2–3.

⁵ АВПРФ, ф. РМ, оп. 6, пор. № 30, папка 113, л. 130.

⁶ АВПРФ, ф. РМ, оп. 6, пор. № 30, папка 113, л. 201–206.

⁷ Brown, Onon, 1976, p. 213.

ником назначен Цэгджав; шаби Эрдэнэ-пандита-хутухты преобразовали в хошун Баян-Дзурх-ула (начальник — шанцотба Джанцан). Шаби Шива-ширэту-хутухты объединили с хошуном Хан-Ундур; шаби Чин-сужигт-номун-хана — с хошуном Баянхонгор; шаби Наран-хутухты — с хошуном Хурэ-Марал-ула; шаби Наробанчин-хутухты — с хошуном Отгон-Хайрхан; шаби Эрдэнэ-Мэргэн-нойон-хутухты — с хошуном Гурван-Сайхан-ула; шаби Хамбо-хутухты — с хошуном Шаджинбат-Сэвжидгэцэл. Затем решили провести дальнейшее укрупнение, объединив некоторые хошуны. Выполнение возложили на МВД¹.

Ликвидация шаби как отдельных структур имела большое значение для уменьшения влияния и экономической мощи церкви.

Государство стало занимать некоторые церковные здания. Летом 1925 г. старое здание Шабинского ведомства было передано создаваемому правительством Управлению по делам религии². В летнем дворце Богдо-гэгэна был открыт детский сад. Часть зимнего дворца Богдо-гэгэна заняла партшкола ЦК МНРП. Предполагалось забрать весь дворец и сделать в нем музей. Под музей в 1926 г. передали Зеленый дворец Богдо-гэгэна³.

Власти провели перепись населения, построек, транспорта, скота, что было необходимо для принятия дальнейших политических и экономических решений. В частности, появились данные о распределении по аймакам числа лам, церковных построек разных типов. Больше всего лам оказалось в аймаках Богдо-ханула, Цэцэрлэг-Мандал, Хан-Хэнтэй-ула и Хан-Тайшири. Данные по постройкам столь сильно различаются по 1925 и 1926 гг., что можно предположить недоучет в 1925 г. (табл. 3).

В 1925 г. вышли «Обоснование и тезисы религиозной политики Народно-революционной партии». На этом важном документе надо остановиться подробнее.

«Желтая религия, которую исповедует почти все население Монголии, была превращена со времени подчинения Монголии Маньчжурской империи в орудие порабощения монгольского народа». Маньчжуры, заботясь об увеличении числа хубилганов, монастырей и лам, равнодушно относились к соблюдению ими законов. Большинство лам и банди почти совершенно не знают основ буддизма и правила монашеской жизни. Многие имеют скот, огромные хозяйства, занимаются торговлей, ростовщичеством и т.п., ведут непотребный образ жизни — пьянство, распутство и т.п., нарушают устав Винаи и основы буддизма. Преподавание медицины, философии, математики и прочих систем в духовных школах чрезвычайно пало, «в результате чего каждый год стали появляться в огромном количестве геше и габджу, которые проходили всю буддийскую философию не головой и умом, а задницей», т.к. получали степени лишь потому что просидели в цанидских школах 8–10 лет. В нарушение основных традиций буддизма о необхо-

¹ МУУТА, ф. 1, д. 2, х.н. 2, тал 259-261; Пүрэвжав, Дашжамц, 1965, с. 25.

² МУУТА, ф. 1, д. 2, х.н. 36, тал 35, 39–44. В Управление вошли 8 лам и 5 мирян, в т.ч. А. Амар, Ц. Жамцарано, О. Джамьян, Г. Гэлэгсэнгэ и Намсрай (АВГПРФ, ф. 0111, оп. 10, п. 131, д. 24, л. 2 — в кн.: Синицын, 2013, с. 271).

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 33, л. 388; Розенфельд, 1931, с. 41; Наваан, 1961, с. 20.

Таблица 3. Число лам и монастырских построек по аймакам в 1924–1926 гг. (РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 30, л. 2, 6–8, 14)

Показатели	Годы	Аймаки и хошуны									
		Центральные монастыри	Богдо-хан-ула	Цэцэрлэг-Мандал	Хан-Хэнгэй-ула	Хан-Тайшири	Чандмань-ула	Дариганга	Хубсугул / Далай-Бурэн-хан	Дэлгэр-Их-ула	Шабинары Богдо-Районные церкви и монастыри
Число лам	1924		23115	27823	23352	13779					24602
Число лам	1925		17631	21511	16735	12239	5522	1683	340	11568	
Число лам	1926	122**	28070	23577	19535	13046	5596	1655			
Число каменных построек	1926	1				11					
Число глиняных построек	1925		1176	223	41	450*	26	91		688*	
Число глиняных построек	1926	156	614	251	569	342		150			
Число деревянных построек	1925		484	630	686	223*			79	1572*	
Число деревянных построек	1926	206	1510	2353	1177	916					
Число войлочных построек	1925		921	536	201	23467*	61	57	34	16133*	
Число войлочных построек	1926	81	1053	1186	871	916		92			

Примечание. * – все постройки в аймаке, включая монастырские. За 1926 г. нет сведений о числе построек по аймаку Чандмань-ула, о числе построек и монахов по монастырям северного тракта; ** – г. Улан-Батор и Алтан-Булак.

димости добровольных пожертвований, маньчжуры установили порядок покрытия религиозных расходов — потому высшее «ламство» стало эксплуатировать народ наряду с гунами и ванами. Многие дела религии превратились в пустую формальность, обрядность и суеверия. «Среди ламства пышным цветом разросся узкоэгоистический и черствый хинаянизм, думающий только о личном спасении, который превратился и выродился постепенно в эпоху господства маньчжуров в культ личности чисто мирского благополучия, резко враждебного интересам и идеологии широких трудящихся масс <...> Говоря о вреде для религии народной власти, некоторые хутухты и хубилганы думают не о пользе религии, а только хотят околпачить народные массы и с их помощью свалить народную власть». Далее, в 12-м году Многими Возведенного Манджушри-лама, Довчин-хубилган и Джа-лама обратились против Народного правительства и его главы Джалханца-хутухты к китайцам и японцам.

Ламы делятся на «высших, средних и низших», «монастырских и мирских», имеют разные доходы и т.д. Верхние мечтают о возвращении монархии и даже власти китайцев. Но и среди них есть те, кто сочувствует МНРП и правительству, например, Дарав-хутухта и покойный Джалханца-хутухта. К партии примыкает и часть «среднего и низшего ламства». Декларируя «культурно-политическую и экономическую отсталость» своей страны, авторы документа призвали к осторожности в религиозных вопросах, при этом проявляя твердость там, где проявятся «изменнические тенденции и выступления в пользу иностранных и своих харгисов» (реакционеров). МНРП будет оказывать активную поддержку «обновленцам». Это течение еще не вполне оформилось, поэтому вопросы церковного управления могут попасть в руки «реакционного ламства», и церковь превратится в «государство в государстве». В связи с этим партийцы должны помочь «обновленцам», в качестве мирян участвуя в решении этих вопросов. Партия будет «стоять на точке зрения политнезависимости в своих внутренних делах монгольской церкви» — чего не было при маньчжурах, и при этом добиваться в церковных делах «точного регламентирования согласно буддийским законам», при этом вести широкую культурно-просветительную и политическую работу среди масс и распространять «положительные научные знания»¹.

Очевидно, этот документ был составлен при участии коминтерновцев и «обновленцев». Он содержит ряд серьезных ошибок и искажений. Маньчжуры, конечно, хотели сделать монголов менее воинственными. Но монголов они не поработали: ведь кроме небольшой квоты лошадей, «девяти белых» и необходимости выставлять солдат никаких повинностей Халха не несла. Маньчжуры не были равнодушны к соблюдению законов хубилганами: были случаи вызова их в Пекин на суд, наказаний. Голословны и не обоснованы статистикой обвинения, что большинство духовенства не знают основ буддизма, многие грубо нарушают их, а преподавание пало — тем более что монастыри, как известно, были в Монголии центрами просвещения. Если маньчжуры установили порядок покрытия религиозных расходов, то значит, это они принуждали «высшее ламство» эксплу-

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 39, л. 120–133.

атировать народ? Понимание авторами документа «хинаянизма» канонически неверно и, кроме того, нарушает заповеди махаяниста¹. Наконец, хутухты и хубилганы справедливо указывали на вред «народной власти» для религии.

Итак, МНРП решила усилить контроль над духовенством путем раскола в нем, разрушения его канонических связей с духовенством других стран, использования «обновленцев», распространения атеизма среди населения.

В июле 1925 г. в Улан-Баторе прошел I Церковный собор. Взяв за образец Великий и Малый хуралы МНР, собор постановил избрать из числа ученых лам Гандана и Хурэ 30 чел., которые составят Малый собор, который должен «ведать всеми церковными и религиозными вопросами Монголии» в период до созыва Великого церковного собора. Церковное управление приняло временную (до принятия закона о церкви) инструкцию об управлении делами местных церковных организаций. Согласно ей, в монастырях и храмах, где много монахов, создаются свои управления, президиум общины не реже раза в неделю собирает заседания для обсуждения разных вопросов, для важных вопросов собирается общее собрание. «Необходимо придерживаться справедливости согласно учению Будды, конституции правительства, воли мирян»².

Таким образом, кончина Богдо-гэгэна VIII послужила стимулом к усилению борьбы с феодалами и к более «левой» политике³. Стали проводиться мероприятия по ликвидации феодалов как класса. Следуя указаниям большевиков и Коминтерна, МНРП и ревсомол также взяли курс на ликвидацию теократии и борьбу с церковью. Но ее влияние было настолько сильным, что открытая борьба с ней была опасна. Поэтому курс партии состоял в постепенном ограничении власти теократов (прежде всего, Шабинского ведомства) законодательными и экономическими мерами, в поддержке «обновленцев», пропаганде, консолидации рядов партии и ревсомола на основе «левых» и антирелигиозных взглядов.

8.2. «Правый уклон»

1926–1928 гг. известны как период «правого уклона» в МНР, или апогей национальной демократии. Вместе с тем, в эти годы отмечалось и усиление политического контроля. В теократической Монголии не было структур, специализирующихся на борьбе с политическими противниками. В революционной Монголии таковой стала ГВО. В 1926 г. ГВО получила развитие. Были созданы ее отряды и отделы на местах. Теперь ее сотрудники постоянно работали в аймаках и сомонах. ГВО, в числе прочего, поручили укреплять «обновленческое движение» и «политически нейтрализовать реакционные элементы среди ламства», вести агентурную работу⁴. Главным инструктором ГВО в Монголию прислали Я.Г. Блюм-

¹ См.: Чже Цонкапа, 2010, т. 1, с. 24.

² АВПРФ, ф. РМ, оп. 5, пор. № 8, папка 3, л. 4–8.

³ Misshima, Goto, 1942, p. 10.

⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 58; Цэрэнбалжир, 1990, с. 15; АВПРФ, ф. 0111, оп. 8, п. 123, д. 68, л. 30–31 — в кн.: Синецын, 2013, с. 280.

кина, одного из приближенных Ф.Э. Дзержинского. В качестве инструктора (заместителя Блюмкина) по предложению монгольского правительства прибыл П.Е. Щетинкин. Вскоре Блюмкина отозвали, а Щетинкин занял его место. Менее чем через год работы в МНР он погиб. В 1926 г. в Улан-Баторе был организован Политический суд. В его состав вошел начальник ГВО, председателем стал Х. Чойбалсан.

В 1926 г. при Гандане и Дзун-хурэ под контролем властей была создана религиозная администрация (*шашины захиргаа*), состоявшая из ученых лам. Главными ее функциями были надзор над деятельностью монастыря, контроль попыток выявления новых хубилганов, контакты с властями, составление списков лам, введение изучения монгольской грамоты, частично — надзор за некоторыми другими монастырями. О любых нарушениях следовало сообщать специальным представителям правительства¹. С 1926 по 1937 г. представителем администрации Их-хурэ был ёнзон-хамбо Лувсанхаймчиг — учитель Богдо-гэгэна VIII².

9 марта 1926 г. ЦК МНРП принял постановление созвать I Великий религиозный собор по просьбам духовенства. Для этого была создана комиссия в составе Цэвэна Жамцарано, Максаржава, С. Джамьяна и Гэлэгсэнгэ. Однако 25 марта комиссия на своем 13-м заседании ходатайствовала отложить созыв собора в связи с тем, что разрабатывается закон об отделении церкви от государства. 31 марта и 16 апреля Управление по делам религии издало соответствующие постановления³.

С чем это было связано? Ответ на этот вопрос дают материалы XI пленума ЦК МНРП 26–30 марта 1926 г. Там сказано, что верхушка Гандана и Дзун-хурэ — видимо, с молчаливого согласия группы Цэрэндоржа, Амара, Максаржава и других — созвала оргсобрание высшего «ламства», на котором решили создать Центральное духовное управление и созвать Великий собор Буддийской церкви. Одна из комиссий ЦК (Дамбадорж, Амагаев, Жамцарано) высказались за то, чтобы не допускать создания этого управления, а существующее (церковное управление) — распустить; Великий собор можно допустить, но его надо использовать для углубления внутренней борьбы «ламства» и для выявления настроений. Соответственно, президиум ЦК большинством голосов высказался против создания Центрального церковного управления и созыва Великого церковного хурала, отложив его «на неопределенное время», и признал необходимым срочно издать закон об отделении церкви от государства⁴.

Это позволяло не допускать консолидации духовенства.

В 1926 г. был принят закон об отделении церкви от государства.⁵ Целью декларировалась свобода вероисповедания, «поэтому разрешается полная свобода

¹ Kaplonski, 2014, p. 146–148.

² Улс төрийн..., 2008, с. 286–287.

³ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 2, х.н. 4, тал 32–36, х.н. 138, тал 5–6, ф. 1, д. 2, х.н. 174, тал 4–5; х.н. 211, тал 25–27.

⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 32–34.

⁵ Слово *шашин* используется в монгольском языке для обозначения и религии, и церкви как институции. Поэтому название данного закона можно понять и как отделение религии от государства (Тус улсын..., б.г., тал 1–6).

да исповедания существующих на территории страны разных религий» (ст. 1), хотя «все граждане нашей республики с давних пор исповедуют буддийскую религию» (ст. 2). «Ни в коем случае не использовать исповедание религии во вред народной власти или вопреки политическому положению» (ст. 1). Хотя церковь отделена от государства, «все религиозные общины и монахи административно должны подчиняться закону на общих основаниях» (ст. 3). Монахи подсудны местному самоуправлению по гражданским и уголовным делам, внутреннему распорядку монастырей по религиозным вопросам (ст. 4). Подтверждена ликвидация прав хутухт и хубилганов и «присвоения ими прав... в ущерб экономическому состоянию народной массы» (ст. 6)¹. Монахи могут заниматься работой, но не в ущерб религии (ст. 7). Центр буддизма в Монголии — столичный Хурэ (ст. 8). При нем учреждается духовное управление, которому подчиняются все монастыри Урги (ст. 9). Все прочие монастыри и храмы решают свои внутренние дела самостоятельно (ст. 10)². Ст. 11 определяет компетенцию Центрального управления духовного ведомства, в частности, возбуждает «ходатайства перед МВД о выдаче разрешения некоторым крупным монастырям иметь собственную печать». «Хамбы и сорджи [цорджи], в случае желанья разыскивать новорожденного хутухту и хубилгана для возведения его на место умершего великого ламы, каждый раз [должны] обращаться к правительству с ходатайством» (ст. 12). Правительство имеет право отменять или запрещать действия духовного управления в центре и провинциях, «противоречащие народной власти и политике ее» (ст. 13). Для наблюдения, чтобы деятельность Центрального управления духовного ведомства не противоречила законам страны и политике правительства — при нем учреждается институт контролеров (ст. 14)³.

В противоречии с антирелигиозными действиями коминтерновцев, этот закон декларировал, что буддизм «не имеет особо важных противоречий с современным политическим строем страны и общей свободой, а также в деле общего научного исследования наше Народное Правительство сочувственно относится к религии Блаженного Шакьямуни, поэтому оно в пределах закона твердо защищает дело соблюдения, изучения и распространения данного учения» (ст. 2).

Дело в том, что в первой половине 1920-х гг. в СССР циркулировали идеи общности буддизма и коммунизма⁴. В 1926–1927 гг. Монголию посетил Н.К. Рерих, бывший тогда горячим поборником этих идей. Понимание этого вопроса

¹ В официальной версии перевода: «Основной закон гласит о том, что упраздняются права хутухт и хубилганов, как в отношении управления, так и в отношении (посягательств) на имущественные интересы народа, а потому они не имеют права ни открыто, ни тайно вмешиваться в эти дела» (Монгольское законодательство, 1928, с. 38).

² «В Великом Хурэ учреждается особое духовное управление, которое ведает всякого рода религиозными делами, как Великого Хурэ, так и Гандана. 10. Всякого рода монастыри и отдельные сумэ в хошунах и аймаках управляются по отдельности и самостоятельно, на основании своих уставов, особо избранными учеными ламами» (Монгольское законодательство, 1928, с. 39).

³ АВПРФ, ф. РМ, оп. 5, пор. № 8, папка 3, л. 1–2.

⁴ Подробнее см.: Сеницын, 2013, с. 80–84.

многими партийцами видно из слов одного из руководителей МНРП Н. Джадамбы, сказанных в 1928 г.: «Разница между нашей религией и марксизмом есть, но я мало знаком с марксизмом и не могу точно ответить, в чем она заключается»¹.

Главным в законе об отделении церкви от государства была кодификация запрета политической деятельности духовенства, административное регулирование церкви правительством, ее децентрализация, ограничение прав церкви и теократов. Однако принятие закона еще не означало ликвидацию их институций и ресурсов.

В связи с этим советские дипломаты возлагали надежды на «обновленцев» и раскол «ламства на высшее, среднее и низшее». В июне 1926 г. полпредство СССР в МНР сообщило в НКВД, что начавшийся было раскол «подозрительно затих», т.к. МНРП не смогла сколотить группу среди лам, «которую можно было бы противопоставить теократам». В ответ полпреду дали указание поставить перед властями МНР задачу создать такую группу².

В сентябре 1926 г. Г.В. Чичерин указал на возможность создания «единого фронта» между ламами и нарождающейся буржуазией в МНР, вину за что возложил на нетвердую линию МНРП в «ламском вопросе». В связи с этим НКВД дал указание полпреду Никифорову призвать МНРП к установлению там твердой позиции, т.к. «ламство» составляет «угрозу решительно всем революционным достижениям и самовольному бытию Монголии»³. Следовательно, все духовенство объявлялось враждебным политическому курсу партии.

22 сентября – 4 октября 1927 г. прошел V съезд МНРП. В резолюции по отчету ЦК указывалось, что важнейшие задачи партии в религиозном вопросе — «агитационная работа среди ламства и проведение в жизнь законов и воззваний по вопросам религии. Партия должна также взять руководство ламами, соответствующее целям и задачам партии»⁴. На съезде решили привлекать в партию «лам-бедняков и середняков», сочувствующих МНРП, использовать их в работе госорганов⁵.

Хотя феодалы перестали быть серьезной силой, экономический потенциал церкви остался значительным: по данным налогового управления минфина МНР, в 1925 г. церковь владела около 27% поголовья скота, в 1926 — 22%, в 1927 — 24%⁶.

Вскоре после съезда — 29 октября 1926 г. правительство МНР издало циркулярное письмо, в котором связало с «обновленчеством» стремление оторвать молодежь от церкви и давление на теократов. Заявлялось, что взимание налогов с собственного имущества хутухт и хубилганов и лишение их права управлять ара-тами произошло лишь с целью восстановить чистоту учения и справедливость, для сохранения чистоты религии и предоставления народу возможности образо-

¹ Цит. по: Рощин, 1999, с. 197.

² АВПРФ, ф. 0111, оп. 10, п. 131, д. 24, л. 2 — в кн.: Сеницын, 2013, с. 279.

³ АВПРФ, ф. 0111, оп. 10, п. 131, д. 24, л. 1–3, 146, 180 — в кн.: Сеницын, 2013, с. 272.

⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 51, л. 1–97.

⁵ ЦАФСБ, ф. 65, д. 9920, л. 22.

⁶ Нацов, 1931, с. 27.

вания правительство воспретило отдавать всех несовершеннолетних сыновей в монахи. «Кроме того, были изданы особые правила, на основании которых органы местного самоуправления зачисляли бы в список военнообязанных тех из молодых лам, которые не проживают постоянно при обителях, имеют свое хозяйство, шатаются между мирянами и духовенством, занимаясь блудом с женщинами. <...> Наше святое учение по существу своему есть величайшая драгоценность <...> Если бы мы постановили восстановить старый порядок, то возможно ли это сделать своими силами, без помощи иностранцев? <...> Кто вместо Коминтерна и Советского Союза мог бы оказать нам помощь и поддержку, и каким образом мы должны вести государственную политику, чтобы не быть врагами религии?»¹

Однако на III Великом хурале МНР в ноябре 1926 г. в правительственном докладе указывалось, что «большим тормозом к благосостоянию страны является Желтая религия»: значительная часть мужского населения — ламы, они не занимаются производительным трудом, большинство не знает монгольской письменности, не служит в армии, много средств у населения отвлекается на монастыри. Большая часть лам живет в кочевьях, имеет семьи. Ставилась задача «окончательного отделения» церкви от государства. «Против лучшей части лам правительство не возражает, но худшую часть лам надо заставить работать на пользу народа, а не бездельничать»².

Эта политика претворялась в жизнь. В 1926 г. в МНР был принят закон о едином налоге, предусматривавший прогрессивное обложение хозяйств феодалов и монастырей и освобождение от налога бедняков³. На IV Великом хурале (ноябрь 1927 г.) объявили о мерах по углублению раскола духовенства: ламы, проживавшие вне монастырей, были включены в состав светского населения⁴. Во второй половине 1927 г. ЦК МНРП по ходатайству ГВО запретил свободное перемещение через границу людей с религиозными целями (сбор подношений и т.п.)⁵.

В ряде случаев власть шла навстречу церкви. Например, 5 января 1927 г. Управление по делам религии ходатайствовало о том, что не следует разрешать земляные работы в районе Хурэ там, где предполагается проводить церемонию Круговращения Майдари, т.к. это плохо с точки зрения религии. ЦК МНРП, рассмотрев этот вопрос, предписал премьер-министру Цэрэндоржу, что надо прекратить начавшуюся застройку этого места. 10 апреля, в связи с подготовкой данной церемонии, Управление направило послание горадминистрации и милиции обеспечить порядок среди тех, кто там соберется⁶.

Власть выносила решения и по внутрицерковным вопросам. Выходили все новые запреты ламам жить вместе с мирянами, иметь жен и т.п. Так, в решении от

¹ Монгольское законодательство, 1928, с. 41–57.

² АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, пор. № 19, папка 5, л. 4.

³ Рошин, 1999, с. 143–144.

⁴ АВПРФ, ф. 04, оп. 29, п. 195, д. 65, л. 191 — в кн.: Синицын, 2013, с. 281.

⁵ МУУТА, ф. 1, д. 2, х.н. 304, тал 71–74, 100–102; МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 2, х.н. 189, тал 47–48.

⁶ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 2, х.н. 329, тал 6–7, д. 2, х.н. 304, тал 1–4, 39–40.

27 апреля 1928 г. указывалось, что МВД должно ставить на учет и расследовать случаи, когда ламы живут с женщинами, пьют алкоголь, ходят пьяными, нарушают дисциплину¹.

Это вмешательство разъясняет статья «Ревсомол и буддизм» в журнале «Ревсомол» (№ 9, 1927). В ней говорилось, что «в основном учение Будды не расходится с наукой. Поэтому его надо почитать», мы уважаем лам и хуvaraков, которые истинно исповедуют религию, их мы освободим от военной службы, не будем притеснять. «Несмотря на абсолютную чистоту религии, среди лам много таких, которые идут против государства, являются бременем на шее народа, идут вразрез с учением религии <...> Для очищения ламства от темных элементов правительство должно вмешаться во внутренние дела ламства»².

Вмешательство в церковные дела отражало и постановление 37-го пленума президиума ЦК МНРП от 2 октября 1928 г., которое утвердило решение о создании Комиссии по улучшению религиозных дел (монг.: Шашны хэргийг сайжруулах тухай комисс). Проработку и реализацию этого решения поручили ЦК³.

В том же году ЦК издал пространный документ на эту тему. В нем дан обзор распространения буддизма среди монголов со времен империи Юань. Указывалось, что ламы принимают обеты генена, гецула, гелонга — это обеты сострадания, и поэтому МНРП уважает Желтую веру и старается развивать ее дальше в чистом виде. Вместе с тем, со времени установления теократии ламы стали назначаться на государственные должности и это, по мнению авторов документа, привело к развитию коррупции, нарушению монашеских обетов, ослаблению страны. Подробно разъяснялась религиозная политика партии, необходимость отделения церкви от государства. Указывалось, что молодых лам надо регистрировать, учить монгольской грамоте, ставить на военный учет, переводить в мирское состояние и т.д. При каждом монастыре и храме должны быть представители Управления по делам религии. Последнему в административных вопросах должно подчиняться духовенство на местах. Монахам предписали не вмешиваться в политику, не сопротивляться, а следовать «Винае» и учению Цонкапы⁴.

В Монголии вновь изменили административно-территориальное деление. Территорию разделили на новые аймаки, границы которых в основном не совпадали со старыми: Восточный, Хэнтэйский, Центральный, Селенгинский, Хубсугульский, Арахангайский, Дзабханский, Убсунурский, Кобдоский, Западно-Гобийский, Увэрхангайский, Южно-Гобийский, Восточно-Гобийский. Изменили подчиненность многих хошунов⁵. Это должно было улучшить управляемость государством.

¹ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 2, х.н. 147, тал 18–19, х.н. 146, тал 9–10; х.н. 414, тал 11–13, х.н. 613, тал 6, ф. 1, д. 2, х.н. 174, тал 33–35. Японские власти в Маньчжоу-го и Мэнцзяне тоже вмешивались в религиозные дела тамошних монголов: пытались отменить безбрачие монахов, перевести богослужения на монгольский, заменить тибетскую медицину западной и т.д. (Narangoa, 2003, p. 497–505).

² ЦАФСБ, ф. 65, д. 9920, л. 54–55.

³ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 2, х.н. 416, тал 34–35.

⁴ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 1, х.н. 19а, тал 1–145.

⁵ Таблица хошунов по аймакам и соотношения новых и старых аймаков: РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 30, л. 29–30об.

Итак, МНРП в данный период принимала меры к дальнейшему ослаблению теократии и церкви в целом, ее отделению от государства — но с продолжением государственного вмешательства в церковные дела. Фактически, это означало замену части функций теократии функциями светского государства. При этом в согласии с идеями «обновленцев» декларировалось уважение к буддизму, но с необходимостью «очищения ламства» и с использованием представлений о несовместимости теократии с основами буддизма. Это провоцировало раскол в духовенстве и ослабляло церковь.

8.3. «Левый уклон»

Мартовский (1926 г.) пленум ЦК МНРП показал наличие раскола между «ургинцами» и «худонцами» (от *хөдөө* — сельская местность), «правыми» и «левыми». Процессы размежевания усилились в июне. «Правых» представляли, прежде всего, старые деятели — Б. Цэрэндорж, Ц. Жамцарано, А. Амар и др., опиравшиеся на чиновный аппарат и ориентировавшиеся на укрепление государственности, лояльное отношение к религии, становление Монголии объединяющим центром для монгольских народов. «Левых» представляли «худонцы», «молодые»: П. Гэндэн, У. Бадрах, В. Дорлигжав и др. Они стояли за вытеснение старого чиновничества новыми кадрами, опирались на аратство, пользовались поддержкой Коминтерна. «Центристы» к 1927 г. представляли пеструю картину¹.

К 1928 г. в ЦК ВКП(б) и в ИККИ усиливалась линия на борьбу с «правой опасностью» в МНР. 26 января 1928 г. Н.И. Бухарин направил письмо председателю ЦК МНРП Ц. Дамбадоржу. В нем говорилось, что главная опасность для МНРП — это правая опасность. Необходимо решительно выдвигать «худонцев» («левых») на руководящие посты. «Мы считаем, что живущие в худонах бывшие князья и богатые ламы являются такими же непримиримыми врагами монгольской революции, как ургинские князья, хутухты и купцы»².

«Инструкция для работы во Внешней Монголии» (утверждена политсекретариатом ИККИ 2 февраля 1928 г.) требовала всемерно поддерживать и не допускать преследований «худонцев» для завоевания ими большинства на предстоящем съезде, вести неуклонную борьбу и парализовать влияние «правых», в борьбе с идеологией панмонголизма «являющегося в настоящее время орудием японского империализма и выражения феодально-теократических и контрреволюционно-буржуазных тенденций», выдвигать идею объединения монголов в будущем на основе революционной власти, усилить приток студентов-монголов в СССР для «воспитания их в духе преданности революции»³.

Политбюро ЦК ВКП(б) постановило просить ИККИ взять твердый курс на организационное и политическое оформление и консолидацию «левого» крыла в ЦК МНРП; вести работу по завоеванию там «колеблющихся» и отрыву их от

¹ Рошин, 1999, с. 144, 160–161.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 62, л. 3–9.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 59, л. 1–2.

«правого крыла»; принять меры к тому, чтобы «левые» на основе четкой экономической и политической программы действий повели широкую работу по закреплению своего влияния в худоне. Секретариату ЦК по соглашению с ИККИ поручалось организовать при КУТВ ускоренные курсы для аймачных и хошунных работников на 50–60 человек¹.

В мае 1928 г. Ц. Дамбадорж прибыл в Москву и выступил в Восточном отделе ИККИ. Он подчеркнул, что в партии нет никаких уклонов. Но ИККИ ознакомил его с проектом резолюции из 52 пунктов о принудительном отчуждении части скота лам и феодалов, борьбе с высшими ламами. Дамбадорж отказался принять ее, президиум ЦК МНРП одобрил это². Политбюро ЦК ВКП(б) сочло необходимым поручить НКВД и НКТоргу принять меры в связи с заявлением Дамбадоржа³.

1 сентября 1928 г. VI конгресс Коминтерна на 46-м заседании принял программу. Конечной целью объявлялась замена во всем мире капитализма коммунизмом, отмена частной собственности, полная ликвидация религии. Переходная стадия от капитализма к коммунизму — социализм, его предпосылка — диктатура пролетариата, которая включает кооперацию в деревне, конфискацию земли, предприятий и т.д. В странах с «азиатским способом производства» центральное место занимает борьба с феодализмом, а переход к диктатуре пролетариата возможен лишь через «подготовительные ступени»⁴.

Эти «подготовительные ступени» не обговаривались, что создавало поле для социального экспериментирования и форсирования строительства социализма.

13 сентября политбюро ЦК ВКП(б), в частности, решило:

«1) исходя из необходимости ликвидации подчинения Народно-Революционной партии Коминтерну, пересмотреть прежние формы связи между монгольской партией и Коминтерном;

2) признать нецелесообразным нахождение представителя Коминтерна при ЦК партии;

3) обеспечить и в дальнейшем поддержку трудящихся Внешней Монголии».

Была признана необходимой посылка делегации ИККИ на съезд МНРП. Она должна была обследовать положение дел на месте, проводить поддержку «худонцев», признавая несвоевременность перехода власти к «левой» оппозиции и в то же время не возражать против блока «левых» с националистами, но не ставить под удар взаимоотношения между МНР и СССР⁵.

В контексте этих решений 14 сентября 1928 г. политсекретариат ИККИ принял резолюцию о пересмотре прежних форм связей МНРП с Коминтерном. В резолюции отмечалось, что руководство МНРП склоняется на сторону капитализма и препятствует борьбе с буржуазными и феодальными тенденциями в МНР⁶.

¹ Протокол № 10 от 16 февраля 1928 г., п. 5: РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 673, л. 3.

² Дашдаваа, 2011, с. 50.

³ Протокол № 29 от 14 июня 1928 г., п. 5: РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 691, л. 2.

⁴ Программа и устав..., 1932, с. 56–119.

⁵ Протокол № 42 от 13 сентября 1928 г., п.13: РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 704, л. 4.

⁶ Дашдаваа, 2011, с. 50.

Соответственно, политбюро ЦК ВКП(б) приняло директиву для делегации Коминтерна на VII съезд МНРП: в ЦК и ЦКК МНРП следует обеспечить крепкое «левое» большинство; в правительстве обеспечить твердое большинство, которое проводило бы линию партии; председателем оставить Амара, а заместителем назначить кого-нибудь из левого руководящего большинства; на пост главкома надо поставить абсолютно верного члена партии; можно принять постановление о работе партии, как сочувствующей организации под идейным руководством ИККИ, для чего желательно иметь в ИККИ свое представительство¹.

Для участия в работе VII съезда МНРП в Улан-Батор прибыла делегация Коминтерна во главе с чехословацким коммунистом Б. Шмералем. Взгляды на Монголию Шмералья (до этого не имевшего к ней никакого отношения) характеризует его выступление на совещании в Восточном секретариате Коминтерна по монгольскому вопросу: «Нашей задачей является сохранить наше влияние на этой огромной, стратегически важной территории... Эта задача важнее, чем строительство социализма в стране, населенной 800 тыс. пастухов... Территория имеет большее значение, чем население, и если мы поведем это маленькое население по пути некапиталистического развития и превратим движение в Монголии в классовую борьбу аратских трудящихся масс, только таким образом мы сможем удержать эту территорию под своим влиянием»².

Шмераль и его товарищи сразу вмешались в дела Монголии и стали обсуждать, кого на какую должность ставить. 8 октября 1928 г. Шмераль в секретном донесении Молотову, Бухарину, Куусинену и Пятницкому предложил кадровые изменения в монгольском руководстве для усиления «левых». Делегация пропагандировала идею «правой опасности», поддерживала «худонскую оппозицию». По указаниям Шмералья и при непосредственном участии делегации была разработана «Платформа членов левого крыла партии»³.

Эта платформа включала положения о том, что хутухты, хубилганы, монастыри пользуются имущественными правами наряду с феодалами. Партия, поощряя их, создает почву, на которой «богатеют ламы за счет эксплуатации народа», а положение бедняков и середняков ухудшается. Необходимо «очистить страну от остатков черных и желтых харгисов и правых групп», уничтожить эксплуатацию трудящихся со стороны феодалов и богатых лам, проводить мероприятия, чтобы доходы от имущества старых феодалов, чиновников, лам и монастырей использовались на пользу бедняков⁴.

VII съезд МНРП проходил 23 октября – 10 декабря 1928 г. На нем Шмераль от имени Коминтерна заявил, что прения «показывают правильное революционное чутье, политическую сознательность, идеологическое развитие делегатов с мест <...> Партия значительно здоровее, чем впавшее в правый уклон большинство ее руководства»⁵.

¹ Протокол № 52 от 29 ноября 1928 г., п. 12: РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 859, л. 87–90.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, д. 389, л. 2–70 — цит. по: Рошин, 1999, с. 222–223.

³ Лузянин, 2003, с. 174–175; Дашдаваа, 2011, с. 50.

⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 74, л. 5–12.

⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 74, л. 355–365.

Съезд принял резолюцию, где говорилось: «В нашей стране, в значительной степени верующей, внешние и внутренние реакционеры играют на религиозном фанатизме народа. С помощью религии они держат его в заблуждении и угнетают его. Политика партии и государства относительно религии не приносит пользу, наоборот, она стала орудием в руках желтых реакционеров, что видно из того, что ламство ведет кампанию за провозглашение хутухт и хубилганов. Имеется активное движение хозяйственно мощных монастырей, и ламство в отдельных хошунах противодействует против решений II Великого хурала обложить налогом монастырский скот, агитируя, что это является актом, направленным против религии. Этим ламство хотело мобилизовать массы против партии и нового строя. Но масса стала на защиту наших мероприятий и способствовала проведению их в жизнь. Некоторые старые элементы, входящие в руководство, их последователи, проявляют тенденцию развивать активность реакционных элементов ламства <...> Неограничение роста экономической мощи феодально-теократических элементов, создание условий для их свободного хозяйственного развития и усиления частно-капиталистического накопления способствовало укреплению капиталистических элементов в экономике страны»¹.

Эта резолюция соответствовала положению программы Коминтерна, принятому незадолго до этого на его VI конгрессе: «В числе задач культурной революции, охватывающей самые широкие массы, особое место занимает борьба с опиумом народов — религией... Пролетарская власть должна уничтожить всякую государственную поддержку церкви, которая является агентурой господствовавших классов, должна уничтожить всякое вмешательство церкви в государственно-организованное дело воспитания и образования и беспощадно подавлять контрреволюционную деятельность церковных организаций»².

Делегация Коминтерна достигла цели: итогом съезда стала победа «левых» и полная замена руководства МНРП. Такой оказалась на практике «ликвидация подчинения Народно-Революционной партии Коминтерну» согласно решению политбюро ЦК ВКП(б) от 13 сентября (см. выше). На смену «правому уклону» в Монголии пришел «левый» (1929–1932 гг.).

На VII съезде МНРП и на последовавшем вслед за ним V Великом народном хурале (14 декабря 1928 – 23 января 1929 г.) приняли директивы о чистке госаппарата от «социально чуждых» элементов и частичной конфискации имущества феодалов. Во исполнение директив о «чистке», 13 марта 1929 г. появилась «Инструкция о приеме новых членов МНРП». В ней классовый подход распространялся не только на феодалов, но и на их родственников: «Прекратить прием в партию детей и жен бывших главарей хошунов; князей, имевших крепостных; низших дворян, относящихся к средней и высшей группе по имуществу». Не принимать усыновленных аратами детей князей и дворян, не успевших получить воспитание у аратов. Жен и детей князей и дворян, не имевших феодальных

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 74, л. 157–158.

² VI конгресс..., 1929, с. 36.

владений и не занимавших административные посты, но имевших заслуги до или после революции — принимать¹.

Ламы и феодалы, узнав о предстоящей конфискации, начали сбывать свое имущество или раздавать его бедным. Например, Егузэр-хутухта весной 1929 г. безвозмездно раздал беднякам своего района 1 тыс. баранов². Учтя это, власти засекретили разработку планов конфискации (см. ниже).

Серьезное внимание уделялось пропагандистскому сопровождению «левого курса». По аналогии с «красным уголком», созданным в 1920-е гг. в СССР, в МНР создали «красную юрту» (*улаан гэр*). Согласно уставу, ее цели — массовая культурно-просветительная работа среди аратских масс, чтобы доводить до них все мероприятия партии и правительства: лекции, доклады, диспуты, стенгазеты, спектакли, выставки, агиткампании, торжества, вечера пропаганды и т.д. Совет «красной юрты» получал инструкции от Политпросвета при Минпросе, состоял из заведующего, представителей партии, ревсомола, местного самоуправления, женотдела, других общественных организаций³.

Наряду с усилением красной пропаганды ограничивались возможности распространения религии. Так, 11 марта 1929 г. ЦК МНРП, ссылаясь на закон об отделении церкви от государства, запретил в МВД, МИД и милиции ставить изображения бурханов. 3 августа 1929 г. ЦК МНРП издал письмо о запрещении сбора подаяний для постройки монастырей и дуганов. 23 октября последовал запрет ввоза тибетцами религиозных книг и изображений бурханов, как способствующих угнетению народа⁴.

В конце марта 1929 г. в МНР прибыл уполномоченный Коминтерна М.И. Амагаев⁵ и стал активно содействовать проведению «левого курса». Он указывал, что ЦК МНРП единогласно принял резолюцию ИККИ к неуклонному исполнению⁶. Амагаев руководствовался инструкциями на основе решений заседания политбюро ВКП(б): свою деятельность в ЦК МНРП по вопросам, касающимся хозяйственной, культурной и иной связи с СССР и в вопросах взаимоотношений МНР с другими странами ему надлежало согласовывать с полпредом СССР. Полпред в МНР должен был иметь дело только с официальными представителями монгольского правительства, а представитель ИККИ — только с официальными представителями МНРП⁷.

17 апреля 1929 г. в Улан-Баторе в духе «обновленцев» прошел VI собор духовенства⁸. На нем постановили, что в органы духовного управления в центре и на

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 90, л. 12.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 118, л. 30.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 74, 450–451.

⁴ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 3, х.н. 28, тал 3, х.н. 6, тал 10, х.н. 127, тал 151–152, х.н. 132, тал 45–46, х.н. 134, тал 130–131.

⁵ М.И. Амагаев с 1924 по 1927 г. работал членом Малого Хурала, уполномоченным ИККИ в МНР, советником Министерства финансов МНР, председателем Экономического Совета Монголии и Тувы, соредактором журнала “Хозяйство Монголии”; затем снова в СССР.

⁶ РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, д. 88, л. 12–14.

⁷ Протокол № 66 от 28 февраля 1929 г., п. 2: РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 1650.

⁸ Незадолго до этого — весной 1928 г. в духе “обновленчества” прошел Всетувинский съезд лам (подробнее см.: Харунов, 2009, с. 70–71).

местах должны войти активные ламы из низших и средних слоев; необходимо ликвидировать все права и привилегии, которыми пользовались служебные лица дацанов «как институт закрепощения ламской массы»; сократить расходы; запретить покупку и досрочное получение по знакомству званий габджу, аграмба и др.; приглашать с докладами о положении страны членов правительства; выписать газеты; уважать решения V Великого хурала о запрете поисков Богдо-гэгэна IX и других хубилганов; одобрить решение правительства о конфискации имущества хутухт (накопление его противоречит Винае); «бедняцкие и середняцкие слои ламства» должны пользоваться всеми правами в монастырях. Посылая в Коминтерн русский перевод резолюции этого собора, представитель Коминтерна М.А. Амагаев назвал его «результатом работы партии среди ламства за это время»¹.

Сохранилось написанное 1 июля 1929 г. в стиле решений собора письмо гелонга Сангинского аймака Эрдэнипэла членам ЦК МНРП: «Ламство низших слоев еще больше и больше угнетается ламством высших слоев. В Ганданском монастыре имеется очень много лам, которые не только нарушают свои обеты, но и потерявшие чистоту своей присяги, тем самым поставили себя против Желтой религии и одновременно обманывают религию и государство <...> Вследствие нарушения ими дисциплины Винаи, их [надо] передать в распоряжение соответствующих органов власти... Начиная от хамбо-цорджи до должностных лиц всех рангов и габджей и аграмб, пользуются всеми прежними привилегированными правами, на основании старых правил и всевозможными способами, которыми пользовались наравне со всеми чиновниками времен автономной Монголии. Сейчас я стремлюсь к тому, чтобы ликвидировать эти привилегии, оставляя лишь их служебные права <...> Не допускать к организации духовного управления старых реакционных жадных элементов, заменяя их честными революционно настроенными учеными лицами, избранными со стороны массы, и тем самым обеспечить руководство, ведущее по линии уничтожения слоев среди лам, угнетающих и угнетенных»².

В материалах Коминтерна сохранился и перевод другого письма с критикой наличия должностей в монастырях, имущественного неравенства там и т.д. Заканчивается это письмо так: «В будущем регулярно буду писать, мое имя держать в секрете»³.

Возможно, в конце 1920-х – 1930-е гг. Эрдэнипэл написал книгу, где причудливо смешаны традиции монгольской и европейской историографии, есть чужеродные вставки, типичные для красных обвинения в адрес духовенства. «Причиной всех религий» объявлены вымыслы и воображение человека⁴. Примечательно, что это совпадает с заявлениям атеистов, например, А.М. Горького на открытии II съезда воинствующих безбожников в 1929 г.: «Кто создал богов? Мы, наша фантазия, наше воображение»⁵.

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 143, л. 186–188; д. 88, л. 29, 54–56.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 90, л. 48–49.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 90, л. 50–51.

⁴ Эрдэнипэл, 2005, с. 155–247.

⁵ <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/articles/article-39.htm>.

В мае 1929 г. на совместном заседании ЦК МНРП, ЦКК и ЦК ревсомола большинство высказалось за прямую экспроприацию скота у крупных хозяйств: она должна в основном коснуться хозяйств бывших феодалов и индивидуальных хозяйств богатых лам¹. Затем состоялся пленум ЦК МНРП, который постановил принять срочные меры по передаче имущества гунов, хутухт и хубилганов аратам. Среди высших советских инструкторов возникли противоречия. Большинство ЦК, поддержанное Амагаевым, было за ускоренную конфискацию, А.Я. Охтин и Е.Г. Ботвинник — против.

Был разработан секретный проект и план конфискации². Разногласия касались использования конфискованного скота. Ботвинник писал, что «излишек скота более зажиточных групп» должен использоваться исключительно для создания госхозов и колхозов, а не для «уравниловки», и в первую очередь надо создавать госхозы, т.к. колхозы требуют больше времени и сил³.

В сентябре 1929 г. президиум Малого хурала и правительство приняли совместное постановление о конфискации. Окончательный вариант был выработан после проработки вопроса Бадрахом, Довчином и Амагаевым при незначительных возражениях Амара. Большинство ЦК было за то, чтобы распространить конфискацию на имущество монастырей, против высказался Амагаев, и этот вопрос отложили. Согласно донесению Амагаева, мнения духовенства разделились: «низы» относились к этому в основном сочувственно, надеясь получить конфискованное, «верхи» — в основном отрицательно⁴.

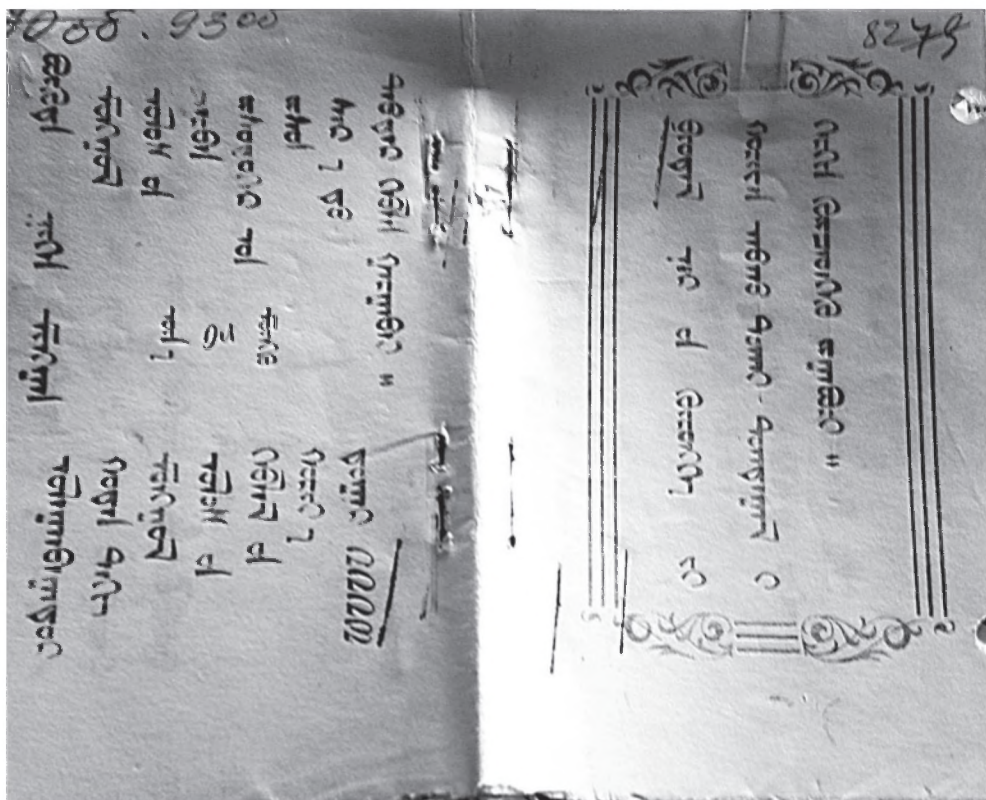
Все имущество феодалов, хубилганов и бывших крупных чиновников оценивалось в условных единицах (1 хувь = 30 тугриков). Им оставляли имущества на 100 хувь независимо от числа членов семьи, остальное конфисковали. На невладетельных князей и князей, получивших это звание за заслуги, но «не угнетавших аратов», конфискация не распространялась. Из недвижимости не конфисковались юрта, необходимая домашняя утварь, предметы культа и необходимое количество одежды. Конфисковались все золото, серебро, драгоценности, ценные бумаги, товары, «лишний запас» юрт и одежды. Это же относилось к штатым чиновникам хошунов и шаби, крупным тайджи, имевших «крепостных» — но здесь вопрос о конфискации решался «местными органами власти и аратскими массаами на основе объективного выявления их прошлого». Скот раздавался бедноте, остальное продавалось с торгов, деньги раздавались бедноте или на них закупался скот. Была создана центральная комиссия по конфискации во главе с Х. Чойбалсаном, в хошунах — местные комиссии. К постановлению издали разъяснения — в частности, что пашни и покосы также конфискуются и оцениваются в хувь; не принимаются во внимание долги лиц, у которых проводится конфискация; если окажутся наемные работники, которым еще не выплатили зарплату — она вычитается из тех 100 хувь, которые остаются после конфискации; деньги от

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 88, л. 11.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 92, л. 94–97.

³ Ботвинник, 1929, с. 21.

⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 118, л. 28.

Инструкция о конфискации имущества феодалов (РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 92, л. 82–93об.).

продажи домов, драгоценностей и т.д. передаются на закупку сельхозинвентаря и «нужды просвещения»; архивные, книжные и музейные ценности передаются Ученому комитету МНР. Изначально предполагалось, что конфискация коснется около 68 владельных князей из 108, всех 20 хутухт, 130 хубилганов из 300, 195 дворян и 260 чиновников, всего на сумму 3600 тыс. — 4200 тыс. тугриков¹.

Началу конфискации положили секретные заседания комиссии в Улан-Баторе 21 и 22 сентября 1929 г. Через несколько дней процесс распространился по всей стране². На местах инструкция по конфискации нарушалась. Например, ученый Ц. Дамдинсурэн вспоминал, что ему досталось по наследству около 200 голов скота и по столько же было у его двух дядьев и старшего брата. Его критиковали как сына богача (отец был писарем). Все четыре семьи его клана сочли одной единицей, имевшей 800 голов крупного скота. В итоге Дамдинсурэн лишился всего скота, даже верхового коня³.

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 88, л. 34–41; д. 92, л. 82–93об., 112–118, д. 118, л. 33.

² Детали, суммы оценки имущества и источники см.: Лам нарыг..., 2013, с. 36–38.

³ Цэндийн Дамдинсурэн, 2008, с. 9.

Амагаев прислал в Коминтерн «Краткую справку о конфискации имущества феодалов в Монголии». Из нее следует, что с осени 1929 г. конфискацию провели у 427 феодалов и высших лам и у 302 чиновников на общую сумму 5 222 567 тугриков¹. По другим данным, за 1929 г. конфисковали имущество 729 «феодалов»: 427 «черных», 302 «желтых»². К началу 1932 г. число экспроприированных достигло 1100, стоимость имущества — 10 млн. тугриков³.

Наряду с конфискацией проводилась реформа налогообложения. Появилось временное положение о введении единого налога на недвижимость и скотоводческие хозяйства (свыше 50 единиц) аратов и монастырей. От 51 до 100 ед. скота облагались по общей ставке, от 101 и более — по другим, нескольких рангов. Для 5001 ед. скота и больше применялась максимальная ставка в 500%. Реформа подкреплялась агитационными письмами⁴.

В сентябре 1929 г. президиум ЦК МНРП принял постановление о создании колхозов и госхозов. Образцом был сталинский курс на коллективизацию и ликвидацию «кулачества» в СССР, провозглашенный в том же 1929 г.⁵

Форсирование реформ в МНР вызвало вопросы у советского руководства. В сентябре и октябре 1929 г. вопрос о Монголии обсуждался на пленуме политбюро ЦК ВКП(б). Решили утвердить проект телеграммы Амагаеву о конфискации имущества и скота у владетельных князей и хутухт. В ней отмечалось, что закон о конфискации был проведен до получения директивы от ИККИ, был расширен круг лиц, подвергшихся ей. Политсекретариат рекомендовал ЦК МНРП не распространять конфискацию на монастыри и предложил ограничить ее круг лишь верхушкой реакционных чиновников и дворян; конфискованный скот не расплять, а использовать в госхозах и колхозах⁶.

13 октября 1929 г. Амагаев телеграфировал, что директива политсекретариата о конфискации, одобренная политбюро ВКП(б), передана ЦК МНРП, принята им к руководству и разослана на места. ЦК твердо проводит линию не расширять конфискацию, хотя «бедняцко-средняцкие массы» этого требуют⁷.

В записке от 30 октября 1929 г. Амагаев отмечал, что в связи с проведением конфискации был форсирован вопрос об организации колхозов. «В ударном порядке были разработаны типовые уставы сельхозкоммуны, простых и сложных колхозов, аратского союза взаимопомощи, правила внутреннего распорядка». Теперь конфискованный скот должен был в основном распределяться среди бедноты через колхозы и госхозы. Наметили создать 10 госхозов на аймак, использовать для них лучшую часть конфискованного скота. Организовали 11 колхозов

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 118, л. 28–34, 40–40а.

² Кичиков, 1937б, с. 85.

³ Рошин, 1999, с. 227–228, 266.

⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 92, л. 9–10а, 13–43об.

⁵ Будаева, 2013, с. 99–100.

⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 761, л. 4.

⁷ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 88, л. 63.

разных типов. Правда, в некоторых районах население «не совсем охотно согласилось на организацию колхозов»¹.

Например, советский консул в Баян-Тумэн-Хан-ула в своей хронике от 20.11.1929 г. отмечал: «Аратские массы совершенно незнакомы с такими формами хозяйства, не понимают их принципов и значения, поэтому едва ли будет возможно быстро привить идеи коллективизации хозяйства скотоводческого монгольского населения»².

Тем не менее, к 1930-м гг. в МНР было уже 624 колхоза: 65% составляли артели, 27% — кооперативы, 8% — коммуны. Колхозы охватывали 29% хозяйств бедняков и середняков³.

В ноябре 1929 г. было разработано «Положение о союзах взаимопомощи аратов-скотоводов» и типовой договор о передаче конфискованного имущества «феодалов, теократов и чиновников, занимающихся эксплуатацией аратских масс», о распределении его между коллективом или товариществом, с одной стороны, и хошунным управлением — с другой. Вся продукция должна была сбываться монгольскому центральному народному кооперативу⁴.

Эти инструкции и уставы для колхозов, «Правила о приеме и исключении членов колхоза» не разрешали принимать туда бывших феодалов, тайджи, крупных чиновников монархического времени, торговцев, монастырских лам, богачей и другие «эксплуататорские элементы» — наряду с подсудимыми и лицами, осужденными за корыстные и политические преступления⁵. Эта часть народа, в отличие от подсудимых и осужденных, поражалась в правах лишь по классовому принципу.

Вскоре Амагаева отозвали в СССР — прежде всего потому, что он не сработался с Гэндэном и Охтиным. Вместо него в МНР прибыл В.Н. Кучумов — еще более рьяный революционер, ставивший Амагаеву в вину недостаточную настойчивость в сплочении левых и «недостаточную мобилизацию партии на борьбу с правыми»⁶.

21 февраля – 3 апреля 1930 г. состоялся VIII съезд МНРП, имевший большое значение для будущего буддийской церкви.

В письме ИККИ от 4 декабря 1929 г. съезду отмечалось, что партия запоздала с развертыванием колхозного движения, главной опасностью для партии называлась правая. На объединенном пленуме ЦК и ЦКК МНРП в феврале 1930 г. начальник ГВО З. Шижэ обвинил в правом уклоне А. Амара и Х. Чойбалсана, заявив, что они защищают интересы «ламства». На съезде было заявлено, что важнейшей задачей является строительство социализма, в экономике приоритет отдавался общественным формам хозяйствования⁷.

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 88, л. 65–69.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 91, л. 15.

³ Morozova, 1929, p. 72–73.

⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 92, л. 143–162.

⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 116, л. 60.

⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 757, л. 2, ф. 495, оп. 152, д. 98, л. 51–64; Рошин, 1999, с. 229–230.

⁷ Рошин, 1999, с. 231–236.

Съезд принял резолюцию по «ламскому вопросу», в которой духовенство вновь объявлялось враждебным МНР. В резолюции говорилось, что конфискация очень слабо затронула мощь буддийской церкви. «Ламство является паразитическим сословием феодального общества», его высшие и средние слои тесно связаны с ростовщицким капиталом, сами занимаются торговлей и ростовщичеством, но при этом пользуются большим политическим влиянием. «Поэтому ламство до сих пор представляет одну из крупнейших экономических и политических сил, непримиримо враждебную монгольской революции». Практические шаги социалистического развития (например, коллективизация) невозможны без ослабления, а затем ликвидации экономической и политической роли церкви, «являющейся сильнейшим оплотом феодальных отношений в стране».

Согласно резолюции, со времени VII съезда отмечаются следующие важнейшие процессы: переход наиболее консервативной части «ламства» к активной контрреволюционной работе (кампания, связанная с именем Панчен-ламы)¹, попытки разложения военных частей, листовки, прокламации во время конфискации имущества феодалов, агитация против коллективизации, «обновленческое» движение, рост недовольства «низового ламства» неравенством, учащение перехода монахов в мир, их тяга к светской учебе и труду. Резолюция объявила «обновленчество» более опасным, чем реакционное «ламство», т.к. оно затрудняет отрыв аратов от лам и переход «низших слоев ламства» в мир: «верхушечная часть ламства» пытается приспособиться, организовать «прогрессивное» или «обновленческое» движение, которое идеологически смыкается с буржуазно-националистическими и панмонгольскими элементами².

Исходя из обострения классово-борьбы, МНРП определила в резолюции следующие задачи: твердое проведение отделения церкви от государства; пресечение контрреволюционных выступлений; активная политика расслоения «ламства» и использование внутренней борьбы в нем; «разоблачение в глазах широких аратских масс реакционной роли и паразитической сущности всех церковных организаций»; экономический подрыв «ламства» налоговой политикой; содействие переходу монахов в мир; законодательное ограничение возраста принятия в монахи; усиление антирелигиозной работы в МНРП и ревсомоле; и вместе с тем — решительный отпор попыткам подменить разъяснительную работу голым администрированием.

Поддерживая выход монахов в мир, постановили наделять их частью джасского имущества; жестко контролировать выплату монастырями единого государственного налога; разработать и провести обложение также прогрессивно-имущественным и подоходным налогом, выявляя новые объекты обложения; лам

¹ Изменение отношения красных к Панчен-ламе было обусловлено тем, что он установил контакты с Чжан Цзолинем и японцами. В 1926 г. он участвовал в Мукдене в работе антибольшевистской конференции, организованной Чжан Цзолинем и консервативными феодалами из Внутренней Монголии (Atwood, 2002, p. 599). Власти Китая пытались использовать тибетский буддизм через Панчен-ламу и Джанджа-хутухту для подчинения Монголии и Тибета (подробнее см. Bulag, 2011, p. 73–97).

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 105, л. 56–81.

военно-учетного возраста (18–45 лет) обложить специальным военным налогом; обязать монастыри сдавать скот на пастьбу аратам, минуя посредников-кулаков; провести отчуждение монастырских земель, пахотных и сенокосных угодий; взять курс на полное замещение тибетской медицины западной¹; следить за выполнением запрета поисков новых хубилганов; прекратить создание светских школ при монастырях; привлекать «низы» в обычные школы при условии перехода в мир; установить контроль за издательской деятельностью, пресекая печатание контрреволюционных, но не религиозных изданий; принять меры к выдворению из страны нелегально поступивших в монастыри иностранцев (тибетцев, бурят и др.); пропагандировать естественнонаучные знания, «разоблачающие невежество и обман духовенства»; разоблачать классовую роль церкви. Для руководства всей этой работой съезд утвердил создание Комиссии по ламскому вопросу при ЦК МНРП и комиссий при аймачных и хошунных комитетах партии².

Эта резолюция усиливала борьбу не только с остатками теократии, но и вообще с религией, согласно требованиям ИККИ и политике, проводившейся тогда в СССР. Она соответствовала ленинским указаниям о необходимости систематической разъяснительной работы против религии вместо попыток сразу покончить с ней³. Создававшаяся Комиссия по ламскому вопросу стала аналогом созданной в апреле 1929 г. Комиссии по вопросам религиозных культов при президиуме ВЦИК РСФСР.

Важной задачей МНРП был вывод монахов в мир, который «на местах» далеко не всегда был добровольным. О добровольном выходе в мир сохранился интересный документ.

19 марта 1930 г. в Народном доме Улан-Батора открылось собрание свыше 2500 монахов, созванное Духовным управлением совместно с правительством. Председатель Духовного управления Гомбожав на открытии сказал, что поступило заявление от более 10 монахов, которые хотят уйти в миряне и принять участие в политической жизни, просят выдать им средства и часть джасского имущества.

Что было в заявлении тех 10 чел.? Это было требование «группы аратов, вынужденных называться служителями религии». Начиналось оно так: «После окончательной и безвозвратной ликвидации власти гаминов, барона, Богдо и других харгисов утвердилась наша независимая МНР <...> Что же касается нашего ламства, то оно не только не принимало никакого участия в революционной борьбе за свободу, а занимало и ныне продолжает занимать реакционную позицию, зачастую становясь орудием в руках внешних и внутренних врагов <...> Роль ламства в революционном движении аратства таким образом являлась по существу контрреволюционной <...> Хутухты, хубилганы, цоржи, аграмбы — ламство высшей категории обогащалось, как отмечено, за счет эксплуатации суеверных и

¹ Это был пересмотр политики: раньше правительство привлекало к работе врачей тибетской медицины.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, л. 105, л. 59–62об.

³ Напр., «Безбожник», № 3 (865), 21.01.1939, с. 1.

отсталых масс <...> имущество джасс, составленное из приношений верующих масс, должно рассматриваться как имущество трудового аратского населения <...> Мы, неимущие араты, находясь в экономической и правовой зависимости от феодально-теократических элементов, в прошлом лишились своего имущества и, под гнетом материальных затруднений, посвятили себя в ламство. Но за время монастырской жизни не смогли вырваться из затруднительного материального положения <...> желая перейти в черное состояние... просим Духовное управление выдать нам не менее 10 бодо¹ скота каждому из имущества джасс на пропитание, и надеемся, что исполнением этого оно снимает препятствие к занятию нами общественно-производительным трудом².

В своих выступлениях подписанты в основном говорили, что учили в монастыре тибетскую грамоту — а пользы не было, работали на старших, хотят уйти в мир. Вот примеры их выступлений: «Товарищи ламы! Мы — бедняки-ламы и находящиеся под гнетом высших лам... Я понял, что народная власть защищает интересы бедноты, что она помогает бедноте <...> Товарищи ламы-бедняки! Подумайте, как живут ваши родные и как живете вы? Ведь ваши родные живут в тяжелой нужде. <...> Мы в монастырях пропадаем. Я же до сего времени топчусь на месте, ничему не научился <...> Я религию не бросаю, я верил и буду верить в бога, но хочу быть полезным человеком обществу, государству <...> Говорят, что для того, чтобы достичь совершенства, необходимо наибольшее напряжение воли, тренировка, смирение и подобные вещи. Но они [высшие ламы. — С.К.] тренировали волю и ум, чтобы нас угнетать. Усмиряли нас, чтобы сделать рабами» (Лувсаншарав). «Мы, бедняки-ламы, находились под гнетом капиталистов, находились в черных руках желтых реакционеров. Выражаю надежду, что красная революция уничтожит их и откроет религии революционный путь развития. Да здравствует мировая революция! Пусть выполняются задачи нашей аратской власти! Да здравствует наша учеба, учеба лам-бедняков и середняков! Да здравствует свобода бедняков! Да здравствует наш кружок! Ламы-бедняки, идите в наш кружок!» (монах-кружковец).

Премьер-министр Амар в своей речи сказал, что правительство будет защищать интересы «ламской бедноты», если она того захочет, и помогать, если она хочет заняться производством и общественно-полезным трудом.

В резолюции собрания сказано: «Мы, неимущие ламы, в силу своей бедности сидим при монастыре... являемся рабами богатых и реакционных лам... можем освободиться из-под влияния темной культуры только путем борьбы с богатыми и реакционными ламами — все как один»; Духовное управление и правительство одобряют выделение нам части джасского имущества; будем заниматься производительным трудом «на новых культурных началах»; в случае препятствий к выделению имущества «будем бороться со всей силой»; препятствий к выходу в мир не должно быть³.

¹ Единица измерения числа скота (1 бодо = 1 корове или лошади = 5 овцам = 7 козам).

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 117, л. 27.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 117, л. 3–31.

Из этих документов видно, что данные представители «ламской бедноты» — люди, ставшие монахами не ради духовного совершенствования, а ради личной материальной выгоды. Они плохо учились и не смогли достичь высоких уровней иерархии — достаток на которых, естественно, был выше.

Кроме того, джасское имущество не было создано или заработано желавшими выйти в мир — тем более что они заявляли себя бедняками. Претендовать на часть джасского имущества при выходе из монастыря — религиозное нарушение: нельзя присваивать чужое, а присвоение имущества монашеской общины — серьезное нарушение: «Если презревший нравственные предписания использует вещь Сангхи [для личных нужд] — будь то всего лишь лист, цветок или плод, — он родится в Великом аду живых существ... Также сказано, что даже цветами и прочими [дарами], предназначенными [тобою] для духовной общины и монахов, нельзя пользоваться самому, отдавать их мирянам, а мирянам пользоваться ими: [иначе] — великий грех»¹. Правда, в уложении об отношениях с духовенством 1746 г. говорилось, что монах, не приписанный к монастырю, может «взять с собой лишь бесспорно принадлежащее ему имущество, которое не подлежит обложению налогами», если желает уйти из монастыря².

Экономическое и идеологическое наступление на церковь сопровождалось судебным преследованием части высших лам и бывших феодалов. В 1928 г. был арестован Зая-пандита-хутухта VI Джамбацэрэн за сотрудничество с Унгерном и «обман людей», через 6 мес. он был отпущен. После освобождения он заявил, что «народники» хотели его казнить, но «ничем не смогли его взять». Затем Зая-пандита был вновь арестован. По материалам допроса в ГВО, его обвинили в том, что он много лет эксплуатировал бедняков, тайно противился политике правительства, тайно пытался пригласить Панчен-ламу, сочинял и распространял «разные песни», утаил часть имущества от конфискации, собрал много людей на учения в 1929 г. и «морочил им голову». 16 февраля 1930 г. суд приговорил его к расстрелу, 20 февраля на 8-м заседании правительства МНР это постановление утвердили, и в апреле 1930 г. его расстреляли³. Дэд-хамбо монастыря Гандантэгченлин говорил, что Заин-гэгэна расстреляли на самом деле не за контрреволюционную деятельность, а за то, что он не отказывал в просьбах верующим служить религиозные требы. Сохранилось донесение осведомителя, посаженного в камеру ГВО к Зая-пандите незадолго до суда и расстрела⁴.

В 1930 г. на Хухэн-хутухту Лувсанжамьяна поступило донесение, где он обвинялся в «оглулении народа религией», «высасывании соков из народа», агитации в пользу чистой религии — притом, что взял себе в жены сестру Дайчин-бэйлэ и т.д.⁵

¹ Чже Цонкапа, 2010, т. 1, с. 271–272, 290–291.

² Халха-Джирум, 1965.

³ ЦАФСБ, ф. 65, д. 9920, л. 39–43; Майский, 1921, с. 319–323; Diluv Khutagt — in: Lattimore, Isono, 1982, p. 135; Ядамсүрэн в кн.: Majer, Teleki, 2012, p. 25; Лам нарыг..., 2013, с. 41–43.

⁴ ЦАФСБ, ф. 65, д. 9920, л. 383–385, 444.

⁵ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 3, х.н. 292, тал 94.

Наиболее известными в 1930 г. были следующие судебные процессы: дело Зая-пандиты Джамбацэрэна; дело более 100 чел., таких как лама Сэнгэдорж и Нацаг монастыря Баян-Дзурх; дело 14 чел., в том числе булганского вана Джамбалдоржа, бэйлэ Бавудоржа и габджу Галсанжамца; дело хубилгана Лхама Архангайского аймака и гуна Ламжава¹.

«Левый уклон» затронул не только монголов. В 1929 г. был составлен список политически неблагонадежных советских граждан, работающих в госорганах МНР, расписанный по организациям. В нем 70 чел. — от коминтерновца Ц.-И. Гочитского до бывшего унгерновского офицера П.А. Толпыгина². Самые распространенные обвинения — контрреволюция, антиправительственные настроения, монархизм, сочувствие белым, незаконная экономическая деятельность, хулиганство. Последствия этого сказались в основном через несколько лет — в период «больших репрессий».

В ЦК МНРП поступали также «народные предложения» о конфискации монастырского имущества³. На местах подобное претворялось в жизнь. Например, к 1930 г. власти хошуна Дзун-Бурэн аймака Богдо-Хан-ула закрыли 38 из 42 монастырей и храмов, имущество реквизировали. В аймаке Цэцэрлэг-Мандал у 41 джассы конфисковали скот. В Хубсугульском аймаке конфисковали имущество лам, их самих заставили стать мирянами⁴.

В «Обращении-письме ЦК, ЦКК МНРП и ЦК ревсомола ко всем членам МНРП и ревсомола» указывалось, что борьба не везде принимает острые формы, но идет в каждом хошуне. Классовые враги — феодалы, ламы, реакционное чиновничество имеют своих агентов в наших рядах, разлагают единство партии и ревсомола. «Левые загибы» — административное выселение ламской молодежи из монастырей (почти во всех аймаках), нетактичные выходы, оскорбление религиозных чувств (уничтожение изображений бурханов или выкалывание им глаз, запрещение добровольных приношений в монастыри и т.д.) препятствует расслоению «ламства» и отрыву аратства от церкви. Корень «левых загибов» — в чиновных методах работы партийных и государственных органов. Например, Чултум-Очир (цэцэрлэгская организация) проводил самовольный обыск у колхозников, конфисковал серебряные вещи (как «признак феодализма»), отбирал и сжигал религиозные изображения и т.д. В 1930 г. в хошуне Наран-Джаргалант аймака Цэцэрлэг-Мандал приехавший из Улан-Батора чиновник запретил вырезать на досках религиозные ксилографы — в результате много бедняков осталось без работы⁵.

Все больше людей становились мародерами и воинствующими безбожниками. Примерно в 1929 г. некий грабитель в поисках сокровищ разрушил некрополь пяти нойонов Дзасактуханского аймака, которых хоронили в срубках с XVIII в., выбросил их останки наружу⁶. В начале 1930-х гг. грабители раскопали могилу

¹ Гадаадаас түрхирсан..., 2013, с. 92–93.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 91, л. 43–58.

³ Напр., МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 3, х.н. 217, тал 21–31.

⁴ Пүрэвбат, 2008, с. 98.

⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 114, л. 102, 109; ЦАФСБ, ф. 2, оп. 8, д. 307, л. 1–9.

⁶ Жуковская, 1990, с. 103–107.

маньчжурской принцессы — жены отца Богдо-гэгэна II, почитавшуюся в монастыре Гунжийн-хийд в районе р. Тэрэлджийн-гол; останки сожгли¹. Отмечу, что законодательство теократической Монголии за осквернение мест похорон предусматривало 100 ударов ташуром и 60 дней пребывания в колодках².

В те годы было уничтожено много религиозных предметов. Сожгли книги ловона Шамара. В 1930 г. в монастырь Чойжин-ламын-сумэ проникли ученики начальной школы, стали бросать камнями в изображения бурханов, ломать и рвать с них украшения. Некоторые члены МНРП и ревсомола срывали изображения бурханов с шеи аратов. В июне 1930 г. в Баян-Тумэне подростки начальной школы разломали два молитвенных круга в монастыре. За год до этого в том монастыре имущество лам подверглось конфискации лишь потому, что их отцы служили чиновниками при хошунных князьях³.

Некоторые женщины — члены МНРП и ревсомола стирали свои рубашки и штаны в котлах, где ламы готовили чай для богослужений. Около монастыря Дашдоган (видимо, Увэрхангайский аймак) после религиозного праздника Круговращение Майдари ревсомольцы устроили спектакль, пародирующий этот праздник, потом запели революционные песни и занялись агитацией. Оставление трупов на съедение собакам в районе Улан-Батора было запрещено. Монголы это нарушали. Тогда в один из дней ревсомольцы устроили этим собакам «Варфоломеевскую ночь»⁴.

В первой половине мая 1930 г. появилось подробное циркулярное письмо ЦК МНРП и ЦК ревсомола «О работе среди ламства», в резкой форме подтверждавшее прежние решения по борьбе с религией. «Буддизм, как и всякая религия, является силой, противостоящей революции, борющейся с завоеванием власти трудящимися, пытающейся сохранить существующую классовую эксплуатацию и задерживающей развитие просвещения среди широких масс трудящегося аратства <...> Идеология буддизма во всех оттенках является идеологией, безусловно враждебной нашей партии», огромные массы трудящихся «еще не понимают классового смысла религиозной идеологии и искренне верят обману со стороны ламства». Т.к. администрирование может дать обратный эффект, к борьбе надо подходить осторожно. Ближайшая задача МНРП — антирелигиозная пропаганда только внутри партии, опять же без принуждения. Главное условие успеха — поддержка мероприятий партии и правительства аратством и изоляция «ламства», второе условие — разложение «ламства»⁵.

¹ Croner, 2006, p. 56.

² Зарлигаар..., 1995, с. 219–220.

³ Лам нарыг..., 2013, с. 40–41; РГАСПИ, ф. 495, оп. 19, д. 380, л. 14–28; ЦАФСБ, ф. 2, оп. 8, д. 307, л. 6–8.

⁴ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 4, х.н. 79, тал 71–72; Dashpurev, Soni, 1992, p. 22; Розенфельд, 1931, с. 37, 93–94.

⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 114, л. 2–13. Расширенный вариант этого же документа существует как перевод секретной инструкции «О работе среди ламства» (РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 114, л. 82–86).

Предлагались следующие направления пропагандистской работы. Разъяснение и популяризация закона об отделении церкви от государства. Разъяснение аратству «эксплуататорской классовой природы ламства», что оно «потребляет, но ничего не производит, как паразит живет за счет аратского хозяйства». Торговля, которой занимаются монастыри — тоже эксплуатация, но ее умеют прикрывать словами о помощи нуждающимся. Еще недавно монастыри и хутухты имели крепостных, как и светские феодалы. Верхи используют в личных интересах монастырское имущество, «захватывают себе большую часть поступающих в монастыри пожертвований... вся их жизнь проходит вовсе не в добрых делах, не в молитвах, не в размышлении и созерцании — как они хотят уверить аратство — но в чревоугодии, разврате и других пороках... за счет трудового аратства». Будучи культурными центрами, монастыри не пытались распространять грамоту среди населения. Научная европейская медицина имеет преимущества перед «тибетским знахарством». Среди женщин важно пропагандировать, что более 1/4 населения страны — безбрачные, вместо производства — в монастырях, из-за этого на женщин ложится дополнительный труд, а в Монголии сильно развита проституция. Среди родителей надо агитировать, чтобы брали своих детей из монастырей в светские школы. Прогрессивный налог с лам идет на нужды здравоохранения и просвещения аратства¹.

Примерно в том же духе предписывалось вести агитацию для создания антагонизма между «низшими и высшими ламами»: жизнь высших лам протекает «по большей части не в духе монастырских правил и обетов, но в удовольствиях и разврате»; «высшие ламские звания (габджу, аграмба)... чаще всего приобретаются не за действительные знания и ученость, но вследствие явных и тайных подкупов»; необходимо участие в выборах монастырской администрации всех взрослых лам, а не только богатых и знатных; надо агитировать за выход из монастырей с получением части джасского имущества; «обновленцы», ратующие за чистоту буддизма, стремятся сохранить богатства и влияние церкви — с ними нельзя солидаризироваться, но надо облегчать их выступления против монастырских порядков. Формы работы — индивидуальная обработка лам и их родственников членами партии, пропаганда, нелегальные связи и инструкции уже распространяемым ламам, организация собраний. Передача монастырского скота на выпас товариществам может быть только добровольной, но в случае отказа араты должны требовать этого, проводить перед монастырем демонстрации и т.п.²

Целый ряд положений этого циркуляра не соответствует истине. Вот лишь главные из них. Буддизм не оправдывает эксплуатацию и не задерживает просвещение. Неясно, в чем «обман со стороны ламства». Если последнее является эксплуататором, т.к. ничего не производит — то кем являются партийно-государственные функционеры? Шабинары хутухт — не крепостные. Огульные обвинения в адрес высших лам бездоказательны. Эти утверждения основывались на от-

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 114, л. 2–13.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 114, л. 2–13. Вскоре затем была опубликована инструкция по заключению договоров на выпас джасского скота (Жас жавын..., 1930).

дельных фактах, но статистики нет. Европейская медицина не лучше и не хуже тибетской: они используют разные подходы и дополняют друг друга. Безбрачие значительной мужчин ограничивало рост населения, внедрение интенсивного сельского хозяйства и промышленности и тем самым обеспечивало гармоничное существование народа в условиях низкопродуктивных экосистем Монголии. Открытым остается вопрос, была ли сильнее развита проституция в теократической, чем в пост-теократической Монголии. Наконец, циркуляр содержит противоречие: если задача партии — антирелигиозная пропаганда только внутри нее самой, то чем является пропаганда против церкви среди населения и духовенства?

Вскоре после этого — 20 мая 1930 г. появилось агитационно-разъяснительное послание Управления по делам религии монастырю Гандан о контрреволюционной деятельности высших лам в среде «бедных и средних лам». В нем отмечались прежние прецеденты: заговор Саджа-ламы, наказания хубилгана Джалцандамбы и Зая-пандита-хутухты за попытку избежать налогообложения джасского скота в хошунах Баян-Тумэн и Намнан-ула, восстания в Тугсбуянте и Улангоме. Все они хотели избежать конфискации, восстановить власть ванов и гунов, старые порядки, уничтожить народное правительство, проводили политику теократии. Против них были устроены показательные судебные процессы. Письмо объявляло контрреволюционеров «нашим религиозным врагом». Врагом, с которым надо решительно бороться, был объявлен и Панчен-лама. Послание подписали начальник управления по делам религии Гомбожав, чиновник Эрдэнэбал, главный лама Лувсанхаймчиг, заместитель хамбо Дамдин, член правления Чойнжин¹.

Подписанты не могли не знать, что такое послание противоречит принципам буддийской дисциплины, объявляя врагами высоких лам — политических противников МНРП, а также Панчен-ламу — одного из лидеров школы Гэлуг и монгольских буддистов. Очевидно, оно было написано под давлением властей.

Появились пропагандистские плакаты в том же стиле, например, такого содержания: «Как бедный лама, я провел всю жизнь слугой таких высших лам, как хамбо и цорджи. Я не получил образования. Потому я обращаюсь к вам, чтобы избавиться от этого неверного пути, улучшить жизнь путем коллективных усилий, как учит бедняков и середняков государство. Высшие ламы: хутухты, хубилганы, хамбо и цорджи эксплуатируют бедняков, как рабов»².

Журналист М. Розенфельд описал собрание по «расслоению лам» хошунного дацана Хан-Тайшири-ула, созванное ревсомольцами. Последние приказали уйти старшим ламам, а бедным — вести собрание. Заявление о выходе в мир подали 26 чел., приняли резолюцию об обязанности «лам-бедняков» бороться «против наших угнетателей — богатых лам». Ее подписали четверо лам³.

Советское руководство внимательно наблюдало за ходом событий в МНР. Видя, что недовольство населения МНР перерастает в восстание (подробнее см. в гл. 9), политбюро ЦК ВКП(б) решило сообщить ЦК МНРП, что считает рискован-

¹ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 3, х.н. 279, тал 28–33.

² УТХ.

³ Розенфельд, 1931, с. 105–110.

ной точку зрения о форсированном развитии колхозного движения в Монголии и национализации ламских стад и не разделяет ее, что вопрос этот обсуждается специальной комиссией, и политбюро просит дождаться его решений¹. 15 июня 1930 г. политбюро ЦК ВКП(б) постановило «проводить политику дальнейшего расслоения ламства», поощрять выход ламской бедноты в мир, но не допускать перегибов².

Примерно то же решили 25 июля 1930 г.: «поручить секретариату ЦК выделить крупного политического работника для посылки в помощь ЦК МНРП... просить ИККИ рекомендовать ЦК МНРП: 1) в данный момент не проводить национализации джасского имущества, допуская конфискацию его лишь по решениям судебных органов в отдельных исключительных случаях как репрессивную меру против контрреволюционных выступлений; проводить политику дальнейшего расслоения ламства и противопоставления лам-бедняков контрреволюционной, связанной с феодалами и иностранными силами, верхушке и, в соответствии с этим, всемерно поощрять свободный выход ламской бедноты в светское состояние путем надления их частью монастырского скота и установлением для них в законодательном порядке ряда льгот.; предложить инструкторам и советникам при монгольском правительстве оказывать энергичное содействие монгольскому правительству в обеспечении правильной политики по отношению к основным массам крестьянства и, в особенности, к середняцким массам его и в устранении всех перегибов, допускаемых местными организациями по отношению к ламству»³.

Но дело было не только в «перегибах» при конфискации. Сама джасская кампания, предполагавшая передачу монастырского скота на выпас колхозам и отдельным аратам на льготных условиях, была формой конфискации, т.к. лишала монастыри средств производства, обескровливала их путем выкачивания зарплаты и налогов на выпасаемый скот. Например, ревсомольцы говорили М. Розенфельду, что коммуна в Арвайхэре выпасает джасский скот за 80% дохода от скота, а джасса не может отказаться.

Имущество отдельного монастыря, состоящего из нескольких хуралов и дацанов (имевших отдельные джассы), оценивалось как отдельная единица налогообложения. Это было значительно больше, чем если бы облагалось имущество отдельных хуралов и дацанов⁴.

Из аймаков в ЦК шли отчеты о ходе джасской кампании и выходе лам в мир⁵. Например, к октябрю 1930 г. в аймаке Богдо-хан-ула в 95 сомонах шести хошунов завершалась работа по передаче скота аратам, беднота кампанию поддержала. В трех хошунах отмечалось сопротивление джасс и лам⁶. По сведениям на ноябрь, административные меры в этом аймаке применялись в четырех хошунах: лам си-

¹ Протокол № 122 от 5 апреля 1930 г. п.14: РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 781, л. 3.

² Протокол политбюро ЦК ВКП(б) № 128, присутствовали Чуцкаев, Мануильский, Карахан, Хинчук, Шлейфер: РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 790.

³ Протокол политбюро № 2, п. 2: РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 790, л. 1; д. 803, л. 9.

⁴ Diluv Khutagt — in: Lattimore, Isono, 1982, p. 137.

⁵ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 3, х.н. 174, тал 66–70; х.н. 164, тал 89–92; х.н. 232, тал 23–45.

⁶ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 114, л. 59–60.

лой переводили в мирское состояние, скот отбирали, отдавали бедноте. В 1930 г. из 19 хошунов аймака в 11 перевели в мир 3280 монахов, из них добровольно — лишь 682. Такие действия ЦК МНРП осудил¹.

В аймаке Хэнтэй наблюдалось примерно то же, кампания прошла как массовое аратское движение. В аймаке Цэцэрлэг, в отличие от предыдущих, лишь в одном хошуне прибегли к административным мерам, в другом (Гурвансайхан) к октябрю скот еще не был передан из-за сильного противодействия лам. Из Ялгусан-хийда в 1930 г. уходили в мир высшие и низшие ламы: говорили, что жить плохо из-за передачи джасского скота. Но по Улан-Батору в конце года было 10–20 случаев возврата из мира в монастыри².

В Южно-Гобийском аймаке монастыри обязали выдавать по 200–300 тугриков монахам, которые выходят в мир. Если денег нет — последним предлагалось заходить в храмы и брать, что хотят. Взятое затем оценивалось в магазинах и артелях и продавалось. Некоторые активисты вскрывали буддийские статуи, ломали обо, чтобы достать заложенные в них ценности. Некоторые конфискованное имущество сдавали кооперативу, занижая цену, а потом скупали это по дешевке³.

Появились план и инструкция о работе колхозов среди лам, перешедших в мирское состояние, докладная записка об их использовании⁴. Для бывших лам внедрялись образовательные программы. Темы были, например, такие: «Ленин о религии»; «Религия и классовая борьба»; «Взгляды Коминтерна на религию»; «Буддизм и феодализм» (лектор — Нацов); «Буддизм и милитаризм» (Дэмид); «Религия и марксизм» (Магсар)⁵. Президиум ячейки ревсомола хошуна Арвайхэр и комитет хошуна Улдзэйт заключили социалистический договор, одним из условий которого было: «Каждый член ревсомола должен изъять из монастыря 2–3 лам и помочь выйти в светское состояние». За месяц из монастыря в коммуны ушло 13 лам, монастырь каждому выдал по 15 голов скота⁶.

Появились аналитические записки о положении лам и работе с ними. Духовенство делили на три категории: высшую — богачи (хутухты, хубилганы и другие высшие ламы), среднюю (большинство габджу и геше) и низшую — имеющую незначительные источники существования (хувараки, банди, геше, находящиеся в обучении у высшей и средней категорий). Рекомендовалось внедрять принципы Винаи через «низших лам» и использовать ее при их конфликтах с «высшими ламами»⁷. Так для внесения раскола в духовенство использовалось «обновленчество», которое теперь официально осуждалось.

Это соответствовало инструкциям из Москвы. Заседание политбюро ЦК ВКП(б) от 15 ноября 1930 г. постановило «уделить особое внимание дальнейше-

¹ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 3, х.н. 346, тал 25.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 114, л. 59–60; МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 4, х.н. 71, тал 100; ЦАФСБ, ф. 2, оп. 8, д. 307, л. 54–58об.

³ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 4, х.н. 195, тал 178.

⁴ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 3, х.н. 172, тал 47–48; РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 114, л. 160–163.

⁵ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 3, х.н. 172, тал 49–50; д. 4, х.н. 128, тал 90–91.

⁶ Розенфельд, 1931, с. 82.

⁷ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 118, л. 35–38.

му расслоению ламства путем перехода лам в светское состояние»¹. Во исполнение этого Восточный секретариат Коминтерна подготовил письмо в ЦК МНРП: борьба с феодалами не кончилась, каждый конфликт между аратами, колхозниками и единоличниками, выпасающими джасский скот с монастырским начальством надо использовать для расширения и углубления борьбы, отрыва аратства от церкви мерами пропаганды. Этот текст был единогласно принят 30 декабря 1930 г. комиссией политсекретариата — но с изменениями: основой должно быть усиление работы по расслоению «ламства», поддержка выхода «низшего ламства» в светское состояние с наделом из части имущества джассы; представление о «ламстве как о единой реакционной массе» — ошибка².

26 декабря 1930 – 13 января 1931 г. в Улан-Баторе прошла 1-я конференция МНРП. Руководствуясь письмом ИККИ от 8 декабря 1930 г. о необходимости «подъема трудящихся масс» и «социалистического переустройства народного хозяйства Монголии», конференция закрепила «левый» курс и подтвердила правильность решений VIII съезда. В том же духе 10–19 января 1931 г. прошла конференция ревсомола³.

В 1931 г. хошун как административно-территориальная единица был ликвидирован. К первому кварталу 1931 г. из пяти аймаков сделали 13, 72 хошуна упразднили и сделали 515 сомонов, затем их укрупнили до 306. Работу завершили до начала 1932 г.⁴ Это означало ликвидацию остатков «знаменной» системы деления Внешней Монголии, введенной маньчжурами и до революции являвшейся основой феодального землевладения.

По данным представителя ИККИ в МНР М.Б. Черномордика, на 1 ноября 1931 г. в стране было 717 колхозов (503 артели, 174 товарищества и 40 коммун), объединявших около трети аратских хозяйств, продолжалась конфискация, в мир вышло 12 тыс. монахов, численность МНРП возросла до 40 тыс., из которых 70% были неграмотны. По его мнению, только колхозы — серьезная опора развития производительных сил страны⁵. По словам Черномордика, «светские и церковные феодалы должны быть все арестованы, казнены или заключены в тюрьмы в связи с нестабильным международным положением Монголии»⁶.

Согласно документу, переданному в Коминтерн, к 1931 г. частичная конфискация имущества и скота к тому времени была проведена у 427 чел., конфисковано скота на сумму 4 793 392 тугрика 86 мунгу, ценностей — на 358 952 тугрика 36 мунгу, недвижимости — на 70 222 тугрика 50 мунгу, всего — на 5 222 567 тугрика 72 мунгу; бедноте передали на 1 703 640 тугриков, остальное — 130 артелям

¹ Протокол № 15: РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 9, л. 68, 73 — цит. по: Монголия в документах Коминтерна, ч. 2, 2012, с. 80.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 96, л. 2–14.

³ Рошин, 1999, с. 246–247.

⁴ БНМАУ-ын түүх, т. 3, 1984, с. 404 — в кн.: Цэрэнбалжир, 1990, с. 7.

⁵ В кн.: Рошин, 1999, с. 252–253.

⁶ УАБХА-ын ТАФМБ, х.н. 132 — в Музее жертв политических репрессий, Улан-Батор. Вскоре, в 1937 г., М.Б. Черномордик сам был расстрелян как член «троцкистской террористической организации».

Таблица 4. Численность духовенства в Монголии

Годы	Число лам	Источники
1914	128428 (21,02% населения)	АВПРФ, ф. 0111, оп. 8, п. 123, д. 68, л. 26 – цит. по: Синицын, 2013, с. 266
1919	115000 (21,2% населения)	Майский, 1921, с. 27
1924	92899 (15,96% населения)	РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 58, л. 104
1924	112671 (26,5% населения)	РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 30, л. 2
1925	87284	РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 30, л. 6
1925*	87300 (из них новых 4300)	РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 143, л. 133
1926*	88000	РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 143, л. 133
1926	91601 (13,39% населения)	РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 30, л. 8, д. 58, л. 42
1926	91650 (13,4% населения)	АВПРФ, ф. 183, оп. 11, п. 10, д. 11, л. 3, 5–6 – цит. по: Синицын, 2013, с. 266
1927*	90482	РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 143, л. 133
1927	120428	РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 74, л. 49
1928*	83829	РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 143, л. 133
1928	92534	РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 74, л. 49
1929*	71089	РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 143, л. 133
1929	104106 (16,83% населения)	ЦАФСБ, ф. 65, д. 9920, л. 362
1930, февраль	110000	РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 133, л. 31
1930*	59763	РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 143, л. 133
1931*	49497	РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 143, л. 133
1931	75000	РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 143, л. 80–92
1932*	51345	РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 143, л. 133
1933	82529 (или 11,72% населения)	АВПРФ, ф. 183, оп. 15, п. 16, д. 5, л. 19–20; – цит. по: Синицын, 2013, с. 292
1934 (начало)	87774	(РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 154, л. 42; Девятый съезд, 1934, с. 76
1936	89142	Пурэвжав, 1983, с. 176
1937	96766	Майдар, 1970 – цит. по: Хишигт, 2011в, с. 28–29
1937	74052	МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 8, тал 121–135
1937	80000 или более 70000	Пурэвжав, Д. Дашжамц (1965, с. 165–166, 237)
1937, 1 сентября	85018 (23,7% мужского населения)	РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1083, л. 52–65
1937, сентябрь	83203	МУУТА, 1-6-403: 3 – цит. по: Kaplonski, 2012, p. 85, 2014, p. 203
1937, 15 декабря	68810	РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1083, л. 52–65
1938, февраль	33900	РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1083, л. 66–80
1938, март	12000	РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1083, л. 178, 187–189
1938, 25 июля	562	МУУТА, 1-6-403: 3 – цит. по: Kaplonski, 2012, p. 85, 2014, p. 203

Примечание. *По-видимому, данные только о монахах, постоянно живущих в монастырях. В докладе М. Амагаева в ИККИ от 10.05.1926 об XI пленуме ЦК МНРП (26–30.03.1926) приводятся завышенные цифры для того периода: из 600 тыс. населения МНР — 200 тыс., или 30% лам (РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 46, л. 32–34).

и колхозам. До 15 сентября 1930 г. конфисковали имущество еще у 281 феодала на 1 508 150 тугриков, после 15 ноября 1930 г. еще примерно у 300 на 3 млн. тугриков. Однако монастыри все еще имели много скота (табл. 5). К 1931 г. из монастырей ушло более 30 тыс. «лам-бедняков». Число лам сократилось (табл. 4). Колхоз стал самым крупным типом хозяйства в МНР (всего их стало 712), в общественном фонде у них было 529362 головы скота, из них обобщественленный скот — 39,7%, конфискованный — 12%, джасский — 48,3%¹.

Таблица 5. Численность джасского скота в Монголии

Годы	Численность скота хошунов	Численность скота джасс	Источники
1924	10863529	2912600	РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 83, л. 10
1925	12203652	2400418	РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 83, л. 10
1926	13779439	3437785	РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 83, л. 10
1929		3287104	РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 143, л. 80–92
1930		3034566	РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 143, л. 80–92
1931		ок. 1 млн.	РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 143, л. 80–92

Таблица 6. Число скота и джасс в МНР с 1932 по 1938 гг. (Пүрэвжав, Дашжамц, 1965, с. 168)

Годы	Число джасс	Поголовье скота
1932	2073	340683
1933	2574	392322
1934	—	256682
1935	3172	162484
1936	3156	104644
1937	3013	84605
1938	2134	73765

Через местные органы власти ЦК МНРП старался контролировать распределение джасского скота и выплаты пасшим его араатам, взимание налогов с монастырей, пресекать сокрытие и растраты скота, «ошибки» и «уклоны» на местах и т.д.²

Новые налоги оставались столь высокими, что монастыри летом–осенью 1931 г. продолжали продавать религиозную утварь и книги, собирать подаяние, чтобы расплатиться. В случае недостачи налога имущество нирбы и управляющих имуществом монастырей опечатывалось, или конфисковалось имущество высших лам, или официальных лиц монастыря подвергали нескольким годам или месяцам заключения и заставляли выполнять тяжелую работу. В конце 1920-х гг. «левое» руководство закрыло в общей сложности около 300 храмов и дуганов³.

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 143, л. 80–92.

² МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 4, х.н. 38, тал 124; х.н. 39, тал 23–24, 29, 103а; х.н. 77, тал 41–43; х.н. 79, тал 71–72; х.н. 15, тал 48; х.н. 80, тал 127–133.

³ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 4, х.н. 71, тал 6–7; х.н. 38, тал 57–58; х.н. 76, тал 26–29; х.н. 39, тал 103–105; х.н. 86, тал 2; х.н. 15, тал 78–79, 96–97; Diluv Khutagt — in: Lattimore, Isono, 1982, p. 136–137; МАХН-ын түүхэн товчоон, 2001 — в кн.: Хишигт, 2011в, с. 28–29.

Агитационный карнавал, осмеивающий старый быт и агитирующий против «ламства», 1931 г. (РГАКФД, 2-95070).

Ведь неуплату трактовали не как нехватку средств, а как контрреволюционную деятельность (см. выше).

С.К. Рощин справедливо отмечает, что левацкий курс реализовывался лидерами МНР под руководством ИККИ и советского полпредства. Так, Нацов посвятил специальную статью «правому уклону» в МНРП. В своих статьях того времени он полностью оправдывал «левый курс», роль теократии в Монголии рисовал как однозначно отрицательную, роль царской России назвал ролью вампира¹.

Отрицательное отношение к буддизму Монголии в сочетании с некомпетентностью было характерно для большевистских пропагандистов того периода — М.И. Казанина, М. Розенфельда, И. Пекермана и им подобных. «Монгольские храмы не производили никакого впечатления. Эти сотни штампованных бронзовых будд были больше всего похожи на гигантский самоварный магазин. <...> Это был какой-то страшный фальшивый карнавал, пародия на религию Гаутамы»². «Вы увидите новую, поднимающуюся из феодального рабства и буддийского плена Монголию — страну, твердо шагающую по пути некапиталистического (социалистического) развития, гениально намеченному Лениным <...> Сухэ-Батор смело и стойко разоблачал Богдо-гэгэна <...> Ура Сталину!»³

¹ Нацов, 1929, с. 97–104, 1931, с. 18–36.

² Казанин, 2009, с. 64–65.

³ Пекерман, 1931, с. 23, 40, 62–63.

Карнавал, изображающий суд над князьями и феодалами, день 10-летия МНР, 1931 г. (РГАКФД, 2-95372).

Сцена из постановки “Темная власть” монгольского народного театра “Улан-Баторхото”, Москва, 1933 г. (РГАКФД, 013078).

Эта пропаганда соответствовала деятельности Союза безбожников МНР, созданного в 1930 г.¹ по образцу Союза воинствующих безбожников СССР, в который в 1929 г. было переименовано Общество друзей газеты «Безбожник». К сентябрю 1931 г. в Союзе безбожников МНР состояло уже 7 тыс. чел.²

Происходило структурирование «Союза», образовывались многочисленные ячейки «на местах», вовлекались новые члены (прежде всего, молодежь). В мае 1931 г. 4-й пленум ЦК «Союза» и совместное заседание президиума его ЦК и Антирелигиозной комиссии показали углубление сотрудничества с советскими безбожниками. Дэвид, Дорж, Гэндэн, а также Цыдыпов и Баторун (ГВО) рассказали, как они знакомились с работой Союза безбожников СССР и какие советы там получили. На заседаниях предлагалось изучать бурятский опыт, как пример для Монголии взять советский журнал по религии из Бурятии. Очевидно, имелось в виду заимствование опыта антибуддийской пропаганды в Бурятии с акцентом на «классовую сущность ламства» в связи с коллективизацией, а также антирелигиозного журнала на бурятском языке «Эрдэм ба шажан» (Наука и религия). Решили пригласить из СССР инструктора, а до этого его обязанности поручили исполнять Цова, Цыдыпову и Баторуну. По данным на 18 июня, президиум «Союза» включал монгольских и советских граждан: Дулма, Гэндэн, Нацов, Мэнд, Дорж, Равдан, Магсар, Чадбу, Дэвид, Ядамсурэн, Банзрагч, Догсма, Цэрэнма, Пунцаг, Наван-Лувсан, Шагдар, Цэндсурэн, Шарав, Хаминов, Агванов, Даминан, Чойган, Сэнгэдорж, Чимэд, Башинков, Самдан и Гэндэн³.

На заседании Антирелигиозной комиссии при ЦК МНРП 3 февраля 1931 г. постановили запретить всем государственным учреждениям, парторганизациям, ревсомолу и общественным организациям получать подношения от «ламства»⁴. Изображения буддийских божеств зачастую заменяли таковыми «божеств» коммунистических. Например, это были изображения Ленина на ткани, подобные тханкам⁵.

К 1932 г. «левый курс» достиг апогея. В результате него к 1933 г. страна «крайне обнищала»⁶. В 1932 г. Совмин МНР запретил держать в монастырях лиц моложе 18 лет⁷. Это было серьезным ударом по буддийскому образованию, которое начинается с малых лет.

В марте 1932 г. ЦК МНРП принял резолюцию по докладу «о работе среди ламской бедноты». В ней говорилось, что на данный момент главное — сокращение политического и экономического влияния монастырей, которые стали центром притяжения всех «эксплуататорских и реставраторских элементов». Отмеча-

¹ Устав: Бурхангүйчүүдийн эвлэл., 1930, с. 1–59.

² Синицын, 2013, с. 284.

³ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 4, х.н. 127, тал 39-40, тал 55, 89–90, 100–105, 111, 112, 113б, 114.

⁴ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 4, х.н. 48, тал 144.

⁵ Фото одной такой «тханки» на месте бывшего алтаря в юрте монгольского комиссара: Znamenski, 2014, p. 16.

⁶ «Положение во Внешней Монголии (документальный материал японской разведки)», февраль 1933 г.: ЦАФСБ, ф. 3, оп. 3, д. 1343, л. 9–33.

⁷ АВПРФ, ф. 183, оп. 16, п. 18, д. 3, л. 7 — в кн.: Синицын, 2013, с. 281.

лось, что из 110 тыс. лам, имевшихся в МНР к VIII съезду¹, в мирское состояние перешло не менее 29 тыс. (17 тыс. в 1930 и 12 тыс. в 1931 г.), им выдано джасского имущества на 1199055 тугриков, из 5 млн. голов скота на выпас колхозникам и арадам передано 3393784 головы. Джасская кампания усилила разложение «ламства». Убедившись, что продолжается давление власти на монастыри, ламская беднота стала массами уходить из них. Это привело к развалу целых монастырей, чего еще не было. Недостатки работы состояли в «переплетении правого оппортунизма с левыми загибами». Случаи распродажи предметов культа для уплаты налогов монастырями рассматривались как признак не отсутствия денег, а контрреволюционной деятельности.

Резолюция предписывала считать «вопросы активизации ламской бедноты в борьбе против эксплуатации со стороны ламских верхов» центральными в деятельности МНРП и ревсомола среди лам. Отрыв этой бедноты от контрреволюционной верхушки должен был проводиться совместно с местными органами ГВО, начальники которых «обязательно должны быть членами антирелигиозных комиссий при айкомах партии». Каждый партиец и ревсомолец обязан был вести работу среди лам-бедняков за переход их в светское состояние, вовлекать в колхозы и артели. Все высшие ламы, габджу, феодалы, «эксплуатирующие наемный труд», лишались права получать часть джасского имущества. Указывалось, что «все решения ЦК и айкомов по работе среди ламской бедноты являются секретными, не подлежат к оглашению вне рядов партии». Нарушителей ждали партвызвания².

В докладной записке в ЦК МНРП от 1 сентября 1932 г. приводятся многочисленные факты незаконных «леваков» в отношении монастырей в Восточно-Гобийском аймаке, где были «перегибы» с обложением налогами, принудительным переводом лам в мир, издевательствами над религией и т.п. В коммунах осталось мало джасского скота. Часть его отдали назад монастырям, часть съели, часть пала. В других случаях джасский скот использовали как зарплату колхозникам, в итоге его не осталось³.

Число товариществ, артелей, коммун росло, а экономическое положение страны ухудшалось, поголовье скота уменьшалось, он расхищался, местами разваливались колхозы⁴. Больше всего сокращение затронуло крупный рогатый скот, овец и коз. К 1932 г. осталось 2073 джассы⁵.

«Левый курс» в МНР привел к нарастающей дестабилизации обстановки и восстаниям (подробнее см. гл. 9). Власти понимали это. Уже летом 1929 г. они впервые стали переселять в глубину страны некоторых «желтых и черных феодалов», чтобы обезопасить приграничные районы⁶.

¹ Есть и другие данные: см. выше.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 133, л. 31.

³ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 4, х.н. 195, тал 141–149.

⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 143, л. 35.

⁵ Архив министерства финансов, 1932 г. — в кн.: Пүрэвжав, Дашжамц, 1965, с. 167; Население и скот МНР, 1934, с. 79, 82; табл. 6, 7.

⁶ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 82, тал 1–68.

Но это помогло мало. В докладе на закрытом заседании аймачного партийно-ревсомольского комитета и партуправления о внешнем положении Кобдоского ВО 10 октября 1930 г. говорилось, что после подавления восстаний на западе Монголии в 1930 г. бежавшие в Синьцзян феодалы и теократы энергично приступили к налаживанию контактов с киргизскими, урянхайскими, торгутскими, китайскими начальниками и чиновниками. Произошел переход за границу за последний год киргизов Байхамданского хошуна — 200 хозяйств, Батханского — 100, Чубсагайрского — 106, урянхайских лам — до 400 чел. из монастырей Худжиртэй, Тумуртэй и 2 чел. из Делонской, простых урянхов — до 400 хозяйств, частично — торгуты, дзахчины, дэрбэты. Общее число — более 1000 дворов аратов и до 500 чел. лам. Прошлым летом был вооруженный переход банды Чултум-да-ламы (200 чел.). Получив организованный отпор частями западного округа, они ушли обратно¹.

На территории Гобийского Алтая, в землях урянхов и сомоне Цэнгэл-Хайрхан в Кобдоском крае члены ревсомола вели жестокие преследования, пьянствовали, заставляли людей вступать в колхозы, конфисковали весь скот, говорили, что религия не нужна, запрещали ламам читать религиозные книги, брали налоги с подношений ламам. Это вызвало недовольство населения, случаи голода, а в июне 1931 г. из этого сомона 78 семей перекочевали в Синьцзян².

В 1931 г. среди лам и феодалов в этих местностях начались волнения, грабежи артелей, организаций. Правительство МНР создало правомочные комиссии. Комиссия во главе с Р. Мэндом отправилась на Алтай, во главе с Г. Содномом — в Южно-Гобийский аймак. ЦК МНРП и правительство предписали агитировать, разлагать контрреволюционное движение изнутри, препятствовать его расширению. Для этого с помощью местных отделов ГВО организовали отряды активистов, послали конные отряды ГВО. В начале 1932 г. контрреволюционное движение на Алтае было ликвидировано. Поэтому в Южно-Гобийский аймак отправили дополнительный отряд в 200 чел. под командованием Г. Жанцанхорло. Но стал происходить масштабный уход за границу населения Кобдоского, Восточного и Восточно-Гобийского аймаков³.

В целом, в тот период за границу ушло более тысячи домохозяйств — больше 10 тыс. чел. из района Дариганга, хошунов гобийского Мэргэн-вана, Тушэту-вана, Балдан-Дзасакту, Уйзэн-вана, Джонон-вана, ёст-бэйлэ, Итгэмжит-бэйсэ, Дзасакту-хана, Урянхан-дайчин-вана, Джамби-гуна, двух хошунов алтайских торгутов из районов Кобдо и Булган-Урянхая, с монастырских территорий Ламын-гэгэна и Эрдэнэ-Мэргэн-нойон-хутухты. Они откочевали в Шилингол, Уланцаб, Чахар, Алашань, Эдзин-гол (Внутренняя Монголия), Ма-Цзун-Шань (провинция Ганьсу), Шара- и Хара-Еохор и в Синьцзян⁴. Позже значительная часть беженцев вернулась⁵.

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 116, л. 272–275.

² МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 4, х.н. 196, тал 102–105.

³ Цэрэнбалжир, 1990, с. 9–10.

⁴ Diluv Khutagt — in: Lattimore, Isono, 1982, p. 137.

⁵ В 1933 г. войска МНР выдвинулись на Ма-Цзун-Шань, истребили полностью более 100 семей, а после этого наведывались в хошуны Алашани и Дунд-гуна, в которых истребили около сотни семей (Diluv Khutagt — in: Lattimore, Isono, 1982, p. 139).

Власти объясняли ситуацию в духе «левого курса». 6 октября 1931 г. на 30-м пленуме президиума ревсомола, центральной ревизионной комиссии и ЦК МНРП говорилось, что политика ликвидации контрреволюционных лам и феодалов и решения VIII съезда выполняются плохо, в связи с чем на некоторых окраинах сложилась опасная ситуация. Поэтому решили выселить в центр страны феодалов из Южно-Гобийского, Восточно-Гобийского, Увэрхангайского аймаков и с Алтая. Для этого правительству поручили создать в аймаках комиссии, ГВО выделить сотрудников, все сделать до 15 ноября 1931 г.¹

Есть ряд аналогий в преследованиях религии в тот период в МНР, Туве и СССР, где с 1928 г. проходила коллективизация (основной этап — 1930–1933 гг.). В СССР она тоже сопровождалась антирелигиозной кампанией, обложением монастырей высокими налогами, притеснениями священнослужителей и верующих, антирелигиозной пропагандой, осуждением «обновленчества», переводом лам в мирское состояние. Это все тоже проходило на фоне деклараций о недопустимости администрирования, перегибов и т.д.² В Туве борьбу с «правыми» возглавило революционное ядро Тувинской народной партии и тувинского ревсомола, были лишены избирательных прав ламы, шаманы, феодалы, шли конфискации, коллективизация, судебные процессы, расстрелы, закрытие монастырей, разрушение храмов³. В Монголии хорошо знали о ситуации в Туве и Бурятии.

Из установок МНРП того времени и их реализации следует, что это были форсированные социалистические преобразования: замена феодального и нарождающегося капиталистического хозяйства социалистическим, конфискации, передача земель и скота аратам в аренду, создание и поддержка товариществ, коммун, колхозов, борьба с феодализмом, агитация за социализм, закрытие монастырей и храмов, сокращение духовенства, курс на ликвидацию религии, атеистическая пропаганда.

Эти меры соответствовали целям Коминтерна, вместе с руководством ВКП(б) требовавшего бороться с «правой опасностью». Неудивительно, что образцом для МНР был сталинский курс на коллективизацию в СССР. При этом в Монголии «ошибки» и «загибы» делали местные революционеры при руководстве и даже непосредственном участии советских инструкторов. Советское руководство указывало на эти «ошибки». Однако «левый курс» сохранялся: он считался в целом правильным, пришел на смену «правому», и те, кто его проводил, имели основания опасаться обвинений в «правом уклоне» в случае недостаточно быстрых преобразований. Кроме того, и среди большевиков были разные взгляды на темпы реформ.

¹ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 4, х.н. 5, тал 28–29.

² Подробнее см.: Цыжинов, 2006, с. 85–98; Раднаев, 2013, с. 136; Синицын, 2013, с. 52–57, 89–103, 278.

³ Монгуш, 2001; Саая, Сат, 2009, с. 61–62.

8.4. «Новый курс»

Уже вскоре после начала «левого курса» — в мае 1929 г. А.Я. Охтин сообщал о росте антисоветских настроений в МНР и сплочении духовенства против властей¹. Дестабилизация требовала изучения ее причин для принятия соответствующих мер. В 1932 г. появились документы с анализом «ламского вопроса».

Начальник экономического отдела Монгольской экспедиции АН СССР П.В. Погорельский представил доклад об основных проблемах экономики МНР. Этот доклад трактовал религию в узко экономическом смысле.

Возможно, это был первый документ, призывавший ликвидировать не только религию, но и монастыри, чтобы стереть их из памяти народа: «Надо вытравить из сознания населения самую память о монастыре. Если идет процесс распродажи монастырских помещений, покупать их можно, но их надо непременно по-новому строить, непременно на новом месте». По мнению Погорельского, буддийский монастырь — место торга, складов, это банкир докапиталистического типа, самостоятельный собиратель товаров. Он привел процент джасского скота к общемонгольскому: 1918 г. — 17,29%, 1924 г. — 18,87%, 1925 г. — 13,74%, 1926 г. — 15,88%, 1927 г. — 15,93%, 1928 г. — 14,57%, 1929 г. — 13,13%, 1930 г. — 11,09%. Указывалось, что с 1928 г. число лам стало сокращаться: в 1928 г. вышло в мир 6653 чел., в 1929 — 12740, в 1930 — 11326, в 1931 — около 12836.²

Появилась «Программа изучения ламства и его социального значения во Внешней Монголии». Она отражала идеологизированность и незнание буддизма. Например, в ней были пункты о «старом буддизме» и «новом, метаморфизированном». «Ламаизм» также делился на «старый, метаморфизированный и современный». Основное внимание уделялось экономическому положению «ламства», его разделению на «верхние слои, средние слои, учащуюся молодежь и низшие слои». Сохранился черновик документа «Политика МНРП в ламском вопросе на различных этапах монгольской революции» с детальным описанием мероприятий МНРП и малокомпетентной компиляцией о буддизме Монголии до революции, с резкими выпадами против «правого уклона» Ц. Жамцарано и обилием бездоказательного «компромата» на духовенство³.

7 февраля 1932 г. инструктор ЦК МНРП Приезжев направил в Восточный секретариат Коминтерна записку «Задачи МНРП в ламском вопросе». По его мнению, политическая и экономическая мощь монастыря подорвана слабо, главная задача — окончательно ликвидировать его. Благодаря помощи «ламских низов» удалось безболезненно собрать джасский налог, а сбор военного налога был даже превышен на 50%⁴. Приезжев предложил в случае контрреволюционных действий высших лам часть конфискованного выделять нетрудоспособным и вы-

¹ АВПРФ, ф. 08, оп. 12, п. 81, д. 156, л. 29; ф. 04, оп. 29, п. 197а, д. 105, л. 51об.–52; ф. 08, оп. 12, п. 81, д. 157, л. 35-36, 40, 57 — в кн.: Синицын, 2013, с. 285.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 143, л. 125–140об. См. также табл. 4.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 143, л. 121–122, 152–207.

⁴ Следовательно, с лам взяли в 1,5 раза больше, чем полагалось по закону.

шедшим в мир ламам; конфисковать имущество за отказ платить налоги; при разрешении конфликтов нирбы с аратами и колхозами отчуждать джасский скот последним; обложить в индивидуальном порядке налогами всех ученых и занимающих административные должности лам; повысить военный и джасский налоги; стимулировать расслоение лам и их выход в мир; ограничить приток молодежи в монастырь; организовать антирелигиозную пропаганду¹. 28 февраля 1932 г. он озвучил это на заседании Восточного секретариата Коминтерна.

Китаевед Г.С. Кара-Мурза подготовил секретные «Тезисы о социальных отношениях в Монголии», датированные 11 февраля 1932 г. По его мнению, в понятие «князь – аратство» включаются не только светские князья — хан, ван, гун и др., но и «желтые князья церкви» — гэгэны, хутухты, хубилганы. Поэтому линия противоречия «гэгэн – аратство» является тождественной линии «князь – аратство». Вторая линия феодальных противоречий — «тайджи – хамджилга» воспроизводила в суженной форме основное противоречие «князь – аратство». Третья линия противоречия — «монастырь – аратство». Господство феодалов в последние годы базировалось уже не на экономической мощи, а на пережитках политических привилегий. Теперь уже имеется «баин» (монг.: баян — богатый) — эксплуататор, выросший из аратства и воспринявший феодальные методы хозяйствования. До 1928 г. был период революционного блока аратства с феодально-капиталистическими элементами. 1928 г. (победа «худонцев») — переломный момент: отход от революции «панмонгольских элементов буржуазного национализма» и переход руководства «в руки худонских масс». Основной источник бедноты в худоне — феодальная аренда и разные формы наделов с отработкой.

По словам Кара-Мурзы, монастыри продолжают играть роль культурных центров, около них продолжают группировать административные и торговые центры большинства сомонных управлений. Джасса противостоит аратству как владелец средств производства, поэтому монастырь — орудие господства на хозрасчете. Но нельзя все «ламство» считать эксплуататором. Так что ошибаются и «правые» — допускающие возможность вrastания «ламства» в социализм, и «левые» — считающие его единой реакционной массой. Хотя «ламство» — отдельный класс, оно делится на «высшее» (распоряжающееся джассой) и «низшее» («питающееся лишь подачками от монастыря»). Так что в монастыре с разложением феодализма проявляются те же тенденции, что в худоне. Есть «ламы-ремесленники» (сапожники, портные, печатники, бондари и т.д.), «ламы-батраки», работающие на отхожих промыслах в монастыре или худоне.

Кара-Мурза указывал, что конфискацией у феодалов закончился процесс распада сословного феодализма. Это было важно политически, но экономически дало мало. Джасская кампания усилила противоречия среди духовенства, снизила его влияние на аратов, стимулировала выход в мир, сузила «эксплуатацию кулачества», стимулировала колхозы. «Обновленчество» так же реакционно, как контрреволюционная агитация и заговоры. Задача теперь в полной ликвидации хо-

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 132, л. 16–28 — в кн.: Монголия в документах Коминтерна, ч. 2, 2012, с. 227–233.

зайств монастырей. Кара-Мурза предлагал строить оседлые культурные центры вне районов монастырей, противопоставлять народные праздники религиозным, усилить антирелигиозную пропаганду и т.п.¹

Эти документы отражают установки того времени на усиление классовой борьбы, расслоение духовенства Монголии, форсирование борьбы с церковью, особенно — экономической. Они в целом согласовались с проводившимся в МНР «левым курсом».

По приглашению ИККИ в Москву приехали секретари МНРП П. Гэндэн («умеренный») и З. Шижэ («левый»). Среди главных задач им поставили борьбу с остатками феодализма — в том числе полностью передать на выпас скот монастырей по договорам колхозам, беднякам, середнякам, продолжать деятельность по расслоению и разложению лам, что должно перерасти в борьбу за ликвидацию монастырей².

Повышенный интерес руководства СССР к МНР был связан также с усилением позиций Японии. 20 февраля 1932 г. японский представитель в Лиге наций Сато оправдал японскую экспансию в Маньчжурии тем, что Лига не осудила «исчезновения с карты Китая Внешней Монголии, которая присоединилась к советским странам», на что китайский представитель Янь ответил, что отделение Монголии от Китая произошло в порядке не юридическом, до образования Лиги наций, поэтому Монголию нельзя сравнивать с Маньчжурией³. 1 марта 1932 г. при поддержке Японии образовалось государство Маньчжоу-го.

16 марта 1932 г. была создана постоянная Монгольская комиссия политбюро ЦК ВКП(б) во главе с К.Е. Ворошиловым и членами: Ш.З. Элиавой, Л.М. Караханом, П.П. Постышевым, затем — С.Е. Чуцкаевым, 15 августа 1933 г. утвержденным полпредом в МНР.⁴

Весной 1932 г. началось масштабное восстание в МНР (подробнее см. гл. 9). 14 мая 1932 г. состоялся 18-й пленум ЦК МНРП по вопросам подавления феодалов и его этапам, о надзоре принятия в партию мирян, имущественных различиях «бедных и средних лам», «уклоне» в ламском вопросе. Выступавшие подчеркивали необходимость выполнения указаний Коминтерна, развития по некапиталистическому пути, улучшения партдисциплины, классовой борьбы и т.д.⁵ Это означало изменение курса, приведшего к восстанию.

Но обстановка как раз требовала смены курса. Идеология должна была уступить место политической целесообразности, т.к. возник риск свержения МНРП повстанцами в период японской экспансии в Маньчжурию и Внутреннюю Монголию.

16 мая монгольский вопрос обсуждался на пленуме политбюро ЦК ВКП(б). Монгольской комиссии поручили разработать мероприятия на основе следую-

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 143, л. 1–57.

² Принятая по итогам обсуждений резолюция Восточного секретариата ИККИ по отчету ЦК МНРП от 31.03.1932 г., утвержденная Политсекретариатом ИККИ 3 апреля: РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 132, л. 52–66 — в кн.: Рошин, 1999, с. 257.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 143, л. 59.

⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 12, л. 20, оп. 3, д. 928, л. 5.

⁵ МУУТА, МБТ, х. 4, д. 4, х.н. 185, тал 3.

щих положений: основная ошибка монгольских товарищей состоит в том, что они слепо копировали политику советской власти, видимо, не понимая, что СССР — республика социалистическая с развитой промышленностью и пролетариатом, а МНР — «народно-революционно-демократическая буржуазная», и в этом главная причина разрастающегося восстания; сохраняется угроза существованию МНР, пока эта ошибка не будет ликвидирована и не будет усвоена верная политика, соответствующая буржуазно-демократической республике; другая ошибка — политика сплошной коллективизации, фактической ликвидации частной торговли и монополия Монценокопа. Задача в том, чтобы разбить повстанцев, восстановить функции правительства МНР, потом дать от имени МНРП декларацию в духе перечисленных положений¹.

29 мая было принято совместное постановление ИККИ и ЦК ВКП(б) с осуждением «левого уклона». Оно было послано как письмо в ЦК МНРП. Там говорилось, что Монголия «может существовать лишь как народно-революционная, антиимпериалистическая, буржуазно-демократическая республика нового типа, закладывающая основы для постепенного перехода на путь некапиталистического развития». Основная задача правительства МНР — такая политическая линия в отношении аратов и «низших слоев ламства», которая приведет к изоляции феодалов и высших лам от масс, к расслоению «ламства». В результате грубейших ошибок и извращений политики руководства МНР происходит восстание, «организованное феодалами и высшими слоями духовенства при поддержке японских и китайских империалистов». Отмечалось, что светские инструкторы и советники нередко содействовали извращениям и ошибкам монгольского руководства. Необходимо сделать следующее:

«Подавить восстание в кратчайший срок, беспощадно уничтожая руководителей восстания из феодалов и высшего духовенства, а также виднейших и активнейших участников восстания — перебежчиков из НРП и ревсомола»; развернуть широкую разъяснительную работу; ЦК МНРП и правительству осознать свои ошибки и разъяснить это массам; раздавать конфискованное имущество руководителей восстания аратам, которые не участвовали в нем, и бедным ламам; наказывать перебежчиков из партии и ревсомола, провести чистку в партии; повысить авторитет правительства, привлечь в него до 50% беспартийных аратов; поднимать производительные силы и культуру, уничтожать остатки феодализма; бороться с нарушениями законности; контролировать центральные и местные органы власти; подавлять контрреволюционную верхушку лам, вести курс на расслоение «ламства»; немедленно приступить к замене сплошной коллективизации добровольным объединением аратов в первичные формы кооперации; развернуть частную торговлю; стимулировать проявление частнохозяйственной инициативы; пересмотреть кредитную и налоговую политику. Письмо подписали: секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин, от ИККИ — Д.З. Мануильский, О.В. Куусинен².

¹ Протокол заседания № 100 от 16.05.1932 г., п. 10: РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 884, л. 3.

² РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 12, л. 167–170 — в кн.: Монголия в документах Коминтерна, ч. 2, 2012, с. 350–353.

Политбюро ЦК ВКП(б) предписало Наркомвнешторгу СССР, Наркомснабу, Наркомтяжпрому и Наркомлегпрому изменить методы торговли с Монголией¹. Сообщая об этом заседании Сталину 2 июня, Л.М. Каганович отмечал, что «положение в Монголии здорово осложнилось»².

4 июня Сталин дал ответ Кагановичу для политбюро. Он указал, что главное сейчас — «заставить монгольское правительство изменить политический курс в корне... оттеснить (временно) “леваков” и выдвинуть вместо них на места министров и руководителей ЦК Монголии людей, способных проводить новый курс, т.е. нашу политику. Из “леваков” нужно сохранить на постах лишь наиболее способных и рассудительных (с точки зрения нашей политики), сохранивших авторитет среди [монгольских] масс. Обновленное [монгольское] пр[авительств]о должно объявить всенародно, что в области внутренней политики допущены ошибки (хозяйство, религия и т.п.) и что эти ошибки будут немедленно исправлены. Оно должно объявить, что главари повстанцев являются агентами китайских и, особенно, японских империалистов, стремящихся лишить Монголию свободы и независимости, что оно будет ввиду этого вести с ними непримиримую борьбу до полного их уничтожения. Оно должно объявить амнистию всем рядовым повстанцам, сдающим правительству оружие и изъявляющим покорность. Все это, как и изменение в составе правительства, нужно проделать через хурулдан, срочный созыв которого нужно подготовить тщательно и разумно. В этом теперь главное, а не ввод войск. Конечно, если положение в Урге безнадежно (в чем я сомневаюсь, т.к. сообщения Охтина считаю необъективными), можно пойти на ввод бурятмонгольских частей, но на эту штуку, как временную меру, можно пойти лишь в самом крайнем случае, имея при этом ввиду, что ввод войск есть второстепенная и дополнительная мера к главной мере — к изменению [политического] курса»³.

По указанию И.В. Сталина, 10 июня 1932 г. политбюро постановило послать телеграмму в МНР члену Монгольской комиссии Ш.З. Элиаве, а также А.Я. Охтину. В ней говорилось примерно то же:

«1. Главная задача — это немедленно добиться того, чтобы монгольский Цека и правительство изменили политический курс в корне.

2. Надо оттеснить “леваков” и выдвинуть вместо них на места министров и руководителей Цека людей, способных проводить новый курс» (далее — то же, что в послании Сталина Кагановичу).<...> «Цека и правительство должны объявить амнистию всем рядовым повстанцам, сдающим правительству оружие и изъявляющих покорность.

5. Цека и правительство МНРП должны объявить, что главари повстанцев являются агентами китайских и, особенно, японских империалистов, стремящихся лишить Монголию свободы и независимости, что они ввиду этого будут вести с ними непримиримую борьбу до полного уничтожения.

¹ Протокол № 102 от 01.06.1932, п.77/20: РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 886, л. 13.

² РГАСПИ, ф. 558, оп. 2, д. 740, л. 10–12 — в кн.: Сталин и Каганович, 2001, с. 135. Сталин тогда был в отпуске в г. Сочи и переписывался с политбюро шифрованными телеграммами.

³ РГАСПИ, ф. 81., оп. 3, д. 99, л. 49–52 — цит. по: Сталин и Каганович, 2001, с. 136–137.

6. Все вышеуказанные мероприятия, а также персональные перемены нужно провести, созвав срочно Хурулдан, тщательно и разумно подготовив его созыв»¹.

16 июня 1932 г. члены Монгольской комиссии провели совещание с руководством МНРП. Выступающие осуждали «левый курс», выступали в духе приведенных выше документов².

Последние легли в основу решений 3-го чрезвычайного пленума ЦК и ЦКК МНРП 29–30 июня 1932 г., который по указаниям из Москвы принял «новый курс». Гэндэн указал, что «духовным руководителем леваков» был Кучумов, их работу также направляли Черномордик, Нацов, Ванданов. Гэндэн стал премьером и министром иностранных дел³.

В принятом постановлении говорилось, что классовый враг внутри страны делает монастырь центром контрреволюционной агитации. Но восстания вызваны не только этим, но и «недовольством трудового аратства существующей властью... в особенности вопиющими перегибами <...> МНР... может существовать лишь как народно-революционная, против-империалистическая буржуазно-демократическая республика нового типа, закладывающая основы для постепенного перехода на некапиталистический путь». Пленум признал ошибочными сплошную коллективизацию, ликвидацию частной торговли, подмену борьбы против контрреволюционеров «издевательством над религиозными чувствами аратских масс», из-за чего духовенство объединилось против правительства, значительная часть аратства перешла на сторону «реакционного ламства». Постановили в кратчайшие сроки подавить восстание, поощрять добровольные товарищества и кооперацию, развернуть частный товарооборот, помогать беднякам и середнякам, бороться с допускающими перегибы. Было обещано бороться с теми, кто использует религию для контрреволюции — но не применяя администрирование⁴.

ЦК МНРП принял решение о джассе, разработанное советскими сотрудниками в Улан-Баторе (Фокиным и Скаловым по согласованию с Чуцкаевым). Надлежало выявлять количество джасского скота, сдаваемого на выпас каждым монастырем и условия сдачи; для этого выпаса следовало добровольно составлять товарищества бедняков и середняков; передача скота на выпас монастырем могла быть лишь добровольной; если такой скот выпасали кулаки и богачи, то при образовании товарищества он передавался ему безвозмездно⁵.

В сентябре 1933 г. заместитель министра юстиции МНР М. Ядамсурэн на собрании лам в Улан-Баторе разъяснил суть новой политики. Он перечислил «преступления», в которые могут быть втянуты ламы: постройка новых храмов, принудительный сбор подаяний, телесные наказания и штрафы «низшего ламства», возрождение званий хутухг и хубилганов, побои и запугивание мирян, самосуд,

¹ РГАСПИ, ф. 17., оп. 162, д. 12, л. 188 — цит. по: Сталин и Каганович, 2001, с. 137.

² ЦАФСБ, ф. 65, д. 700, л. 127–150.

³ История Монголии, 2007, с. 95.

⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 133, л. 367–374.

⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 133, л. 378–379.

распространение слухов, принудительный возврат вышедших в мир лам, незаконная раскладка военного налога высшими ламами на всех лам. По словам Ядам-сурэна, отделение церкви от государства не означает наличия «самостоятельного ламского государства», но все подчинены государству¹.

Число монахов стало расти (см. табл. 4). В 1933 г. в монахи перешло 18 тыс. чел. (из них 441 демобилизованных солдат и командиров 7-й дивизии МНРА и 9 тыс. детей младшего возраста); пожертвования аратов монастырям составили 386 932 тугрика 48 мунгу, 6480 баранов, 111 верблюдов, 1164 рогатого скота и лошадей². Численность монахов монастыря Гандантэгченлин увеличилось на 1 тыс., монастыря Амарбаясгалант — на 400, монастыря Амгаланбатор — с 8 до 104 и т.д.³

Были случаи постройки новых храмов. За период «нового курса» в МНР вновь образовались 1 монастырь, 3 храма и 27 монастырских хозяйств⁴. В 1933–1934 гг., по непроверенным данным, было арестовано 15 лам за строительство новых храмов, 19 — за прием в монастыри детей до 18 лет; по последней мотивировке за первую половину 1935 г. осудили 31 монаха⁵. Сохранились списки детей до 18 лет, поступивших в монастыри⁶.

Еще 19 октября 1932 г. 33-й пленум президиума ЦК МНРП постановил ликвидировать Союз безбожников и его ячейки. Агитационную работу возложили на парторганизации⁷. Но это не означало прекращения антирелигиозной работы. Например, в 1934–1935 гг. известный писатель и поэт Д. Нацагдорж сочинял антирелигиозные стихи, в том числе против тибетской медицины⁸.

В постановлении Совмина МНР от 8 декабря 1933 г. отмечалось, что кое-где участились нарушения законов ламами: они строят новые храмы и монастыри, «вербуют в лам» детей до 18 лет, устраивают принудительные сборы на нужды церкви, применяют физические наказания и штрафы к «низшим ламам», умышленно нарушают и искажают законы о джасском и военном налогах и т.д. Совет министров постановил:

1) для контроля за выполнением законов администрациями монастырей установить уполномоченных правительства в Улангоме, Арахангае, Улан-Баторе и Баян-Тумэне;

2) уполномоченные находятся в подчинении премьер-министра, который руководит ими через министров;

3) их основные права и обязанности: наблюдать за точным исполнением законов и распоряжений государства монастырями и ламами; принимать меры к соблюдению законов (нельзя посягать на личную свободу и права отдельных лиц

¹ АВПРФ, ф. 183, оп. 15, п. 16, д. 5, л. 1–2, 4–5 — в кн.: Синицын, 2013, с. 291.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 154, л. 42.

³ АВПРФ, ф. 183, оп. 16, п. 18, д. 3, л. 45 — в кн.: Синицын, 2013, с. 303.

⁴ Думбурай, 1990 — в кн.: Баабар, 2010, с. 331.

⁵ Пүрэвбат, 2008, с. 100.

⁶ Напр., МУУТА, МБТ, х. 4, д. 4, х.н. 178, тал 37.

⁷ МУУТА, МБТ, х. 4, д. 4, х.н. 167, тал 176.

⁸ Тексты: Пүрэвжав, Дашжамц, 1965, с. 186–188.

младше 18 лет, применять физические наказания и имущественные штрафы, принудительно переводить в ламское состояние лиц перешедших в светское состояние, строить новые храмы и монастыри, принуждать аратов к сбору на нужды церкви, восстанавливать упраздненные права и привилегии хутухт и хубилганов); защищать права аратства от посягательства нарушающих законы лам и монастырей; наблюдать за правильной раскладкой военного налога и устранять случаи обложения им беднейших лам; устранять случаи скупки монастырями и джасами товаров в государственных и кооперативных организациях и торговли ими; наблюдать за правильностью исполнения закона о выпасе джасского скота; уполномоченные не являются органами управления монастырями и ламами, не могут подменять местную власть (в сборе налогов и т.д.);

4) уполномоченные не могут вмешиваться в религиозную жизнь монастыря и его внутренние распорядки;

5) они могут присутствовать на собраниях лам, обязаны знакомиться с хозяйственной жизнью, с деятельностью джасс и работами по военному налогу;

6) они обязаны вести среди лам разъяснительную работу, при нарушениях законов имеют право передавать некоторые дела местным прокурорам для привлечения к уголовной ответственности, а более важные дела сообщать в миноуст;

7) они действуют от имени правительства, не могут вмешиваться в религию и использовать свое положение ни для покровительства, ни для зажима религии;

8) миноуст должен разработать подробные инструкции о работе уполномоченных;

9) министерства финансов и юстиции должны установить им зарплату¹.

Это постановление было принято перед самым визитом монгольского руководства в Москву. С 25 декабря 1933 по 5 сентября 1952 г. в Москве состоялась 21 официальная и неофициальная встреча Сталина с монгольским руководством. На встрече 25 декабря 1933 г. были И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов, заместитель председателя совета министров и министр финансов МНР С. Довчин, секретарь ЦК МНРП Б. Элдэв-Очир, посол МНР в СССР Г. Самбу. Начиная с этой первой встречи Сталин расспрашивал о ламах и рекомендовал вести с ними борьбу. В частности, он интересовался высокой численностью лам в МНР и их жизнью, и заявил: «Это государство в государстве². Чингис-хан никогда не согласился бы на это. Он наверняка жестоко расправился бы с ними». Сталин посоветовал развернуть борьбу с «ламством» по примеру борьбы с православной церковью³.

Политика руководства МНР в отношении церкви стала ужесточаться после тех первых встреч со Сталиным в декабре 1933 г.

В марте 1934 г. были расширены статьи Уголовного кодекса, относящиеся к ламам. В частности, вводились наказания (вплоть до заключения) за прием в монастыри детей моложе 18 лет, за религиозные указания ученикам в школах, строительство новых храмов и монастырей. Были лишены избирательного пра-

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 148, л. 26–28.

² Возможно, он повторял слова Э.-Д. Ринчино (см. ниже).

³ РГАНИ, ф. 558, оп. 11, д. 351, л. 3-4 — в кн.: Батсайхан, 2011а, с. 142, 143.

ва хубилганы, хутухты и все ламы, постоянно жившие в монастырях¹. Ламы лишались судебных прав внутри монастырей². В монастырях выявляли нарушения законов. Например, документ «К вопросу о монастырях и ламстве» от 9 ноября 1934 г. содержит детальные сведения о таких нарушениях в монастыре Гандан: прием детей в монахи, уклонение части лам от военного налога. Там же сообщались статистические данные о монастыре (число лам и храмов, доходы и т.д.). Отмечалось, что после 1932 г. число лам в Гандане увеличилось более чем на 1 тыс. чел. — видимо, за счет возвращения тех, кто перешел в мир³.

Развернулась борьба за введение в Монголии латинского алфавита по образцу некоторых республик СССР и Тувы. В Бурят-Монголии и Калмыкии латинский алфавит был разработан и введен в 1929–1931 гг., в Туве — в 1930 г.⁴ Старомонгольский алфавит (основанный на уйгурском) был объявлен сложным, неудобным и доступным лишь имущему классу⁵.

Вслед за этим руководство МНР тоже объявило старомонгольский алфавит орудием эксплуатации и средством держать массы в неграмотности. Исходя из этого, VIII съезд и I партконференция издали директиву о быстром переходе на латиницу. Начались большие подготовительные мероприятия. Постановление ЦК от 7 августа 1931 г. обязало закончить переход делопроизводства всех госучреждений, предприятий и хозяйственных органов на латиницу к маю 1933 г.⁶ К концу 1934 г. был подготовлен проект о возможности перехода «ламаистских монастырей» на монгольский язык⁷.

В мае 1934 г., в связи с подготовкой к очередному съезду МНРП, политбюро ЦК ВКП(б) решило считать «целесообразной постановку на съезде вопросов о культурной работе, имея в виду подготовку борьбы с властью ламства, необходимо, однако, избежать провозглашения на этом съезде открытой борьбы с ламством»⁸.

¹ За два года до этого в Маньчжоу-го был принят сходный документ: “Запрет на участие лам в политике”, по которому политика и религия полностью разделялись. Хутухт в монастырях оповестили, что они больше не могут принимать участия в политических решениях (Narangoa, 2003, p. 496).

² Brown, Onon, 1976, p. 326.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 154, л. 36–41.

⁴ Монгуш, 2001; Балдано, 2013, с. 59; Синицын, 2013, с. 126–163.

⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 121, д. 592, л. 59–60.

⁶ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 154, л. 1–4об. В 1941–1950 гг. последовала новая замена: латиницы на кириллицу. В беседе с Цеденбалом 5 сентября 1952 г. Сталин подтвердил его слова, что с введением кириллицы возросла грамотность, что старый алфавит затруднял рост грамотности, что звуковой фонетический алфавит имеет все преимущества и что лет через 10–12 все будут грамотными (РГАСПИ, ф. 17, оп. 11, д. 352, л. 107–108, копия — л. 99–100). В 1941 г. латиницу заменили на кириллицу в Туве (Монгуш, 2001). Незадолго до этого — в 1938 г. в Калмыкии и в 1939 г. в Бурятии — латиница тоже была заменена кириллицей (Синицын, 2013, с. 163).

⁷ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 154, л. 35–35об.

⁸ Протокол политбюро ЦК ВКП(б) № 7 от 6 мая 1934 к 221/205: РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 945, л. 1–47.

28 сентября – 5 октября 1934 г. прошел IX съезд МНРП под знаком осуждения «левых». Вновь приехал Б. Шмераль — один из творцов «левого курса» (или, по его словам, «помогавший вашей борьбе против правой опасности»). Он заявил, что прошедшие шесть лет «подтвердили правильность этой борьбы». Вместе с тем, Гэндэн в своем докладе обосновал лозунг «Обогащайтесь!»¹ — аналогичный НЭПу в СССР.

В политическом отчете ЦК МНРП отмечалось, что особенно вопиющими были перегибы в отношении религии: административные запреты араатам исполнять обряды, жертвовать монастырям, насильственный перевод лам в мир, административное закрытие монастырей, конфискация джасского имущества без участия араатов. Теперь важное средство борьбы с реакционными ламами — новая культура и образование, в частности, «красные юрты и клубы». Выступая от имени ИККИ, член его президиума, болгарский коммунист В. Коларов отметил: «Развитие здоровой национальной культуры должно [привести] к полному освобождению араатства от пут контрреволюционного ламства». В докладе Лувсаншарава о задачах развития культуры говорилось, что в монастырских школах учится 18 тыс. детей, в государственных — 5 тыс. Чтобы отделить церковь от государства, «место учителя — реакционного высшего ламы должен занять школьный учитель». Повсеместно распространен религиозный обычай «учитель – ученик» (*багш – шавь*). Благодаря этому лама может повседневно наблюдать араата, приспосабливаясь к его индивидуальным особенностям. Надо, чтобы арааты по вопросам политики стали обращаться не к багшам, а к работникам партии и госактива².

В декабре 1934 г. на VII Великом хурале Гэндэн заявил об устранении перегибов в религиозном вопросе, отметил, что борьба ведется с монастырями и высшими ламами — «самыми злостными нарушителями закона об отделении церкви от государства», а «религиозные верования — частное дело каждого». Как важнейший вопрос в деле ликвидации феодализма он назвал «освобождение низших лам» из-под влияния «реакционного высшего ламства», которое их эксплуатирует, и привлечение их к труду. Цель — отрыв «высшего ламства» от «низшего» путем налогообложения³.

Министр финансов Довчин в своем докладе показал снижение доходов по выполнению джасского налога с 1931 по 1934 г. с 90 до 36%. Но экономическая мощь монастырей так и не восстановилась. По данным госстатистики МНР, монастырское стадо в процентах ко всему стаду в стране сильно уменьшилось с 1925 до 1934 г.: верблюды — с 12,3 до 1,1%; лошади — с 11,4 до 1,2%; крупный рогатый скот — с 11,9 до 0,5%; овцы — с 18,6 до 1,3%; козы — с 9 до 0,7%.⁴

8 февраля 1935 г. Совмин МНР утвердил документы, призванные дифференцировать экономическое давление на церковь и стимулировать выход лам в мир. Военный налог предусматривал разделение лам на три разряда: «крупные ламы

¹ Девятый съезд..., 1934, с. 13–14, 56–63.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 150, л. 1–240.

³ Гэндэн, 1934, с. VI–VIII.

⁴ О монастырях и ламстве..., 1935, с. 29–37.

феодалного значения», светские без военно-учетных карточек, лишенные избирательных прав, дзасаки, члены контрреволюционных заговоров — налог 70 тугриков в год; ламы, не входящие в предыдущий разряд, живущие на пособия родственников обычной монастырской жизнью, тайджи и чиновники, не имеющие карточек — 30 тугриков в год; остальные ламы, живущие за счет работ по найму — 5 тугриков (при этом ламы, живущие вне монастырей и не лишенные избирательных прав, освобождались от налога). Далее закон устанавливал льготы для лам, руководство обложением, санкции за неисполнение и уклонение¹. Позже ставки налога увеличивались.

Закон о налоге с джасс претерпел изменения в связи с решениями VII Великого хурала. Теперь отдельно облагалась каждая джасса. Объектами обложения были скот, здания, дворы, навесы. Храмы, предметы культа, юрты и домашняя утварь не облагались. Обложение составляло 10 мунгу с каждого тугрика (т.е. 10%), льгот не полагалось. Далее закон регулировал способы оценки имущества и санкции за попытки избежать обложения².

С другой стороны, в «Постановлении о мероприятиях, стимулирующих привлечение лам к производительному труду и об использовании их на работе в торговых, промышленных и прочих организациях» излагались меры поощрения «низшей бедной части ламства» на «неответственных работах в государственных, промышленных, или кустарно-промысловых предприятиях, а равно на транспортных, торговых, дорожно-строительных и прочих хозяйственных работах». Им разрешались также частная торговля, перевозка грузов, занятия скотоводством и ремеслом. В предприятиях и организациях они получали те же права, что остальные работники. Госбанк должен был выдавать им кредиты. В аппарате этих организаций администрация могла принимать их на низшие должности³. Предполагалось, что это стимулирует выход монахов в мир.

27 августа 1935 г. Каганович переслал Сталину письмо, полученное от уполномоченного ЦК ВКП(б) в МНР В.Х. Таирова, сделав вывод: «Видимо, Гэндэн все более отходит от нас»⁴. В сентябре Л.М. Каганович и В.М. Молотов писали И.В. Сталину о проекте решения политбюро: «Считать необходимым рекомендовать монгольскому руководству:

1) Ввиду осложнившегося международного положения МНР не вести открытой борьбы с ламством, что не исключает, а наоборот предполагает открытое разоблачение и суровые репрессии в отношении изблеченных японских агентов из среды лам.

2) Усилить борьбу с ламством обходными путями, в частности, с влиянием ламства в области просвещения и здравоохранения, без выставления лозунга борьбы с ламством»⁵.

¹ Закон о военном налоге, 1935, с. 133–135.

² Закон о гос. налоге с джасс, 1935, с. 135–137.

³ Постановление о мероприятиях..., 1935, с. 137–138.

⁴ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 743, л. 10–15 — цит. по: Сталин и Каганович, 2001, с. 537.

⁵ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 90, л. 69 — цит. по: Сталин и Каганович, 2001, с. 585.

15 ноября 1934 г. состоялась первая встреча Сталина с премьер-министром МНР П. Гэндэном, посетившим Москву. Началась она с обсуждения вопроса о ламах, о которых Сталин расспрашивал очень подробно. Обсуждая перспективы независимости Монголии, Сталин заявил: «Всех лам нужно крепко взять в свои руки»¹.

Молотов и Каганович предложили: «Учитывая напряженное международное положение, не отрицая проведение МНР открытой борьбы с ламами, необходимо применять жестокие наказания к разоблаченным среди лам японским агентам». Следуя этому предложению, 26 ноября 1935 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение за подписью Сталина, где бездоказательно заявлялось: «По мере того как обостряется международное положение Монголии, контрреволюционная организация лам не только становится сильнее, но и подстрекает изменников из собственного народа перейти на сторону японских захватчиков. Вследствие чего монгольскому руководству советуется не ослаблять борьбу, ведущуюся с ламами»².

30 декабря 1935 г. и 7 января 1936 г. в Москве Гэндэн, Дэמיד и Намсрай были приняты Сталиным, Молотовым и Ворошиловым в присутствии Литвинова. Сталин указал, что главным для МНР является вопрос об обороне³, с которым он увязал вопрос о ламах. Сохранилась стенограмма беседы:

«Тов. Сталин заявил, что, даже если монголы будут иметь хорошую армию, — а сейчас она у них плохая — но не будут вести борьбу против ламства, то из этого ничего не выйдет. Национальное усиление несовместимо с одновременным усилением ламства. Ламство есть продукт упадка, а не национального возрождения. При Чингис-хане не было ламства. Возникновение и развитие ламства в Монголии связано с упадком монгольского государства. Кто хочет стоять за национальное возрождение, тот одновременно не может стоять и за ламство, как это делает Гэндэн. Одно из двух: либо за национальное возрождение Монголии, либо за ламство. Необходимо ввести прогрессивно-подходящий налог на ламство и обострить внутренние противоречия среди ламства. Надо отобрать имеющееся у ламства оружие и наказывать отдельных лам за измену государству. Необходимо систематически подрывать силу и влияние ламства. В Монголии требуется такое правительство, которое бы проводило эту задачу и систематически укрепляло бы свою обороноспособность — правительство, которое бы по-настоящему боролось против ламства. Такое правительство будет нашим союзником. Т.т. Ворошилов и Молотов напомнили, что еще в прошлом году при обсуждении с Гэндэном вопроса о ламстве, т. Сталин говорил о том, как надо бороться с ламством. Однако в этом отношении монгольским руководством ничего не было сделано.

Тов. Молотов обратил внимание на то, что ГВО не ведет достаточной борьбы против ламства и что Намсрай ничего не говорит по этому вопросу. Тов. Молотов

¹ МУУТА, ф. 445, д. 2, х.н. 31, х. 1–24, РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 15, л. 24 — цит. по: Батсайхан, 2011а, с. 143. Почти идентичную фразу Сталин позже сказал Мао Цзэдуну применительно к ламам в Тибете.

² РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 18, л. 170 — цит. по: Батсайхан, 2011а, с. 144.

³ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 352, л. 11–12.

подчеркнул далее, что ведя энергичную борьбу против ламства, надо не любовую атаку вести, а взять ламство обходным путем, систематически подрывая его силу, вести настоящую борьбу против ламства и вообще против внутренней контрреволюции. <...>

Гэндэн признавал недостаточность борьбы против ламства. Он сказал, что в связи с конфликтом на границе Маньчжоу-го и с переговорами монгольское руководство, действительно, ослабило работу среди ламства и ослабило борьбу против ламства. Он изложил положение ламства, его численность и экономическую силу. Он указал, что доходы ламства составляют 27 млн. тугриков в год, причем большая часть доходов падает на высшее ламство. В этом году предполагается путем подоходного налога на лам взять с них 1½ млн. тугриков. Необходимо строго проводить закон о недопущении юношей моложе 18 лет в монастыри, а также обучать подростков-лам грамоте. Он изложил борьбу, которую монгольское руководство вело против ламства и закончил заявлением, что необходимо вести борьбу против ламства по линии подрыва его экономического влияния, по линии ограничения роста ламства и, в особенности, вести борьбу против высшего ламства, взимая с него повышенные налоги и т.д.

Дэмид изложил предложение Амара, с которым он по-видимому согласен: установить процент отдачи аратами детей в монастыри. Если арат имеет одного сына, он не вправе отдавать его в монастырь. Если имеет двух сыновей, то оба поочередно должны служить в армии. Только если арат имеет трех сыновей или больше, то имеет право, если пожелает, отдавать в монастырь одного сына. Однако и этот сын, отдаваемый в монастырь, прежде чем переходить в ламство, должен отслужить военную службу, если он здоров. <...> Товарищи одобрили это предложение Амара.

Намсрай оправдал свое молчание тем, что он до этого говорил с т. Ягодой. Намсрай признал, что ГВО недостаточно вела борьбу против ламства. Но ГВО проводит директивы партии и правительства: что они скажут, то ГВО и делает. ГВО и монгольское руководство опасались загибов по ламскому вопросу. Джамьянтиб лама сидел 4 мес. Ввиду того, что он старик, его дело было отложено в связи с переговорами с японо-маньчжурами. Его временно освободили.

Тов. Сталин сказал, что в трудный момент преступников не освобождают, а наказывают или держат под замком, как заложников. Гэндэн не ведет борьбу против ламства и не понимает, что ламство есть враг МНР. У Гэндэна правый загиб. Он ругает левый загиб, однако левый загиб плох, но правый загиб еще хуже и опаснее.

При дальнейшем обсуждении товарищи советовали Гэндэну ввести подоходный налог на лам с таким расчетом, чтобы с высших лам взять налога примерно 2–3 млн. тугриков, со средних 1 млн. тугриков, а низших освободить от налога — усиливая таким образом противоречия внутри ламства. В заключение Гэндэн сказал, что в отношении ламства он постарается усилить борьбу. Он постарается сделать так, чтобы при следующей встрече наши товарищи были бы довольны

его работой. Он не обижается на то, что его критиковали а наоборот, рад исправлению его ошибок»¹.

4 ноября 1936 г. в беседе с председателем Совмина Амаром, обсуждая обложение лам налогом, Сталин отметил: «Если у нас в СССР было бы столько лам, как у вас, мы имели бы много денег»².

Фактически, Сталин и его подчиненные предъявили ультиматум руководству МНР о ликвидации религии в Монголии. Из слов Сталина видно, что он плохо знал историю Монголии и буддизм. Примечательно, что рукой Сталина зачеркнуто слово «буддизм» и взамен вставлено слово «ламство»³. А ведь развитие буддизма в Монголии началось со времен Хубилай-хана — когда Монгольская империя достигла апогея могущества. У истоков национального возрождения страны в 1911 г. стояли ламы во главе с Богдо-гэгэном VIII. Именно они были наиболее последовательными поборниками независимости. Так что ошибочна сталинская альтернатива «или национальное возрождение, или ламство».

В Монголии до революции было более 100 тыс. монахов (1/6 населения), из них 140–150 высоких лам — хутухт и хубилганов, 2960 дуганов, 800 больших и малых монастырей⁴. Еще в 1934 г. на 617280 чел. монгольского населения все еще приходилось 81774 лам⁵. Следовательно, Сталин без разбора объявил врагами МНР более 10% ее населения и предпочел «левый» уклон «правому» — вопреки его же словам на политотчете ЦК РКП(б) XIV съезду в 1925 г., что «оба они хуже».

20 января 1936 г. в Улан-Баторе прошел пленум президиума ЦК МНРП. На нем состоялся отчет Гэндэна, Дэмиды и Намсрая, вернувшихся из Москвы с письмом советских руководителей. Г. Дэмид, в частности, сказал, что Сталин и другие советские лидеры объявили монгольских лам контрреволюционерами и агентами Японии, сделав необходимым ликвидировать «ламаизм»; если монгольские лидеры не примут мер, они лишатся советской военной помощи, необходимой для защиты независимости⁶.

Итак, Сталин и его окружение сочли недостаточным проводившееся под их давлением ужесточение политики руководства МНР в отношении церкви с 1933 г. Президиум постановил следовать новым советским предложениям.

Это произошло своевременно. На заседании политбюро ЦК ВКП(б) 17 февраля 1936 г. было решено оказать большую материальную помощь Монголии, в том числе безвозмездную помощь в размере 30% ее военного бюджета⁷. 12 марта

¹ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 352, л. 13–15, 22–24. Несколько фраз из этих бесед приведены в книге Рошина, 1999, с. 288 со ссылкой на статью в журнале “Азия и Африка сегодня” за 1991 г. Эти цитаты в журнале неточны — наверное, потому что даны в обратном переводе с монгольского, причем без указания советского первоисточника.

² РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 352, л. 42.

³ В первых фразах его “исторического экскурса”: РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 352, л. 22.

⁴ Пүрэвжав, Дашжамц, 1965, с. 6.

⁵ Девятый съезд, 1934, с. 76.

⁶ Dashpurev, Soni, 1992, p. 34.

⁷ Протокол № 45 от 17.02.1937, п. 132: РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 193, л. 1.

1936 г. был подписан протокол о взаимопомощи между МНР и СССР. В соответствии с ним, в течение двух лет в МНР были введены войска Забайкальского ВО, сформирован стрелковый корпус с местом дислокации в МНР. Все это было связано с повышением военной активности Японии.

В марте 1936 г. прошел 2-й пленум ЦК МНРП. Чойбалсан подверг критике Гэндэна, тот признал ее справедливой. Предполагается, что Гэндэн старался избежать прямой конфронтации с церковью, опасаясь, что в этом случае победа достанется слишком дорогой ценой¹. Его политические ошибки были осуждены, сам он был выведен из ЦК. Пленум принял устав МНРП. В нем значилось, что партия «не может терпеть в своих рядах таких членов, которые поощряют или активно поддерживают развитие монастырско-ламаистской системы, являющейся пережитком духовного феодализма», но не запрещается некоторым членам верить и выполнять религиозные обычаи, не вредящие государственным интересам².

Гэндэна поместили под домашний арест, затем с семьей отправили «на отдых и лечение» в Крым. 17 июля 1937 г. Гэндэн был арестован при переезде из Крыма в Сочи, 26 ноября 1937 г. расстрелян в СССР. 22 августа 1937 г. в поезде по дороге в Москву скончался министр обороны Г. Дэвид — официально от пищевого отравления³. Обоим инкриминировали вредительство, диверсии, подготовку убийств Амара, Чойбалсана, Лувсаншарава, Догсома и других руководителей, подготовку восстания вместе с «контрреволюционной организацией» ёнзон-хамбо, дэд-хамбо, Манджушри-хутухтой и другими ко времени вторжения иностранных войск⁴.

В 1936 г., в связи с усилением борьбы против «внутренних врагов и японской угрозы», ГВО было объединено с МВД со значительным расширением полномочий. Там был и отдел по религии. Министром внутренних дел стал первый заместитель премьер-министра Х. Чойбалсан, ставший маршалом. Новым премьером стал А. Амар. Он был буддистом, противником радикальных мероприятий в религиозной сфере, выступал за предоставление политических прав духовенству⁵. Отношения между ними ухудшались: Амар выступал за контроль над МВД, не желал репрессий.

В декабре 1936 г. Амар встретился со Сталиным. Последний потребовал его согласия на то, чтобы убрать лам, а как быть — на усмотрение Москвы. Амар пытался объяснить Сталину, что невозможно убрать 100 тыс. лам, но Сталин не принял его разъяснений⁶.

1 января 1936 г. были направлены представители правительства при монастырях: в Гандан-хурэ и Центральный аймак — Г. Гэлэгсэнгэ, Восточный аймак —

¹ Kaplonski, 2014, p. 179.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 155, л. 64–65.

³ Предполагается, что он был отравлен агентами Чойбалсана и Ежова: Dashpurev, Soni, 1992, p. 36.

⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 156, л. 32–40.

⁵ АВГРФ, ф. 0111, оп. 10, п. 131, д. 24, л. 1; ф. 4, оп. 29, п. 194а, д. 57, л. 9; ф. 4, оп. 29, п. 197а, д. 105, л. 8 — в кн.: Синицын, 2013, с. 270.

⁶ “Үнэн”, 17.01.1990 и воспоминания Ринчена — в кн.: Dashpurev, Soni, 1992, p. 36.

Цэвэнсүрэн, Убсунурский — Равдан, Архангайский — Донров, Южно-Гобийский — Дорлигжав, Хэнтэйский — Ядамсүрэн, Увэрхангайский — Дамцагдорж, Селенгинский — Самбудорж, Кобдоский — Нанзад, Хубсугульский — Тумур, Дзабханский — Гэндэнбалжир. В их обязанности входили контроль монастырей, удаление оттуда несовершеннолетних, перепись лам, контроль выплаты налогов, организация школ монгольской грамоты, помощь монахам, желающим выйти в мир¹.

10 февраля 1936 г. по итогам пленума президиума ЦК МНРП было выпущено постановление, где говорилось:

1) по закону об отделении церкви от государства детей брать в монастыри запрещается, везде брать в солдаты лиц призывного возраста, это жестко контролировать представителям правительства при монастырях;

2) в течение 7 дн. минфин должен довести налоги на лам и монастыри на 1936 г. до 3 млн. тугриков, джасский налог оставить на прежнем уровне, обложить военным налогом всех, кто имеет призывной возраст, но не идет в армию, установить налог на прибыль — особенно высших лам, средним — ослабить, низших — освободить;

3) привлекать лам к хозработам по линии министерства промышленности и торговли, ЦК кооперативов, центрального бюро ремесел, монголтранса, комбината, шерстомоек, копей Налайха, деревообработки, строительства; дать займы низшим ламам, которые хотят вести хозяйство;

4) минпросу организовать изучение монгольской письменности в монастырях;

5) выпускать специальную газету для лам;

6) поручить миноусту контролировать работу представителей правительства на местах;

7) в 12 больших монастырях в виде эксперимента создать религиозные администрации;

8) оглашать перед народом приговоры контрреволюционным ламам;

9) военные билеты в 1936 г. выдать всем, кто достиг 18 лет².

Во исполнение этого 22 апреля 1936 г. на 22-м заседании правительства высших лам разделили на четыре группы для налогообложения. 1-я группа: если годовой доход 1500 тугриков, то налог составляет 500–1000 тугриков, если доход превышает 1500 тугриков — то дополнительно по 30 мунгу с каждого тугрика суммы превышения. 2-я группа: если доход 1000 тугриков, то налог 200 тугриков, если доход выше — берется еще по 15 мунгу с каждого тугрика суммы превышения. 3-я группа: если доход 800 тугриков, то налог 80 тугриков, если доход выше — берется еще по 10 мунгу с каждого тугрика суммы превышения. 4-я группа: если доход 600 тугриков, то налог 50 тугриков, если выше — берется еще по 5 мунгу с каждого тугрика суммы превышения³.

¹ Приказ № 167 премьер-министра от 25.12.1935: БНМАУ-ын Бага хурлын...сэтгүүл, № 4, 1935, тал 793–793 — в кн.: Лам нарыг., 2013, с. 69.

² МАХН-ын түүхэнд холбогдох баримт бичгууд, 1920–1940, тал 423–427 — в кн.: Лам нарыг., 2013, с. 62–63.

³ Лам нарыг., 2013, с. 65–66.

До 1936 г. религиозная администрация была только в Улан-Баторе (см. выше). Теперь этот опыт расширили. В июне 1936 г. вышли правила работы религиозных администраций. Функции этих администраций изменились. Теперь эти администрации выбирало собрание всех лам старше 18 лет, но хутухтам, хубилганам, контрреволюционерам — наряду с имевшими судимость за воровство, шпионаж, бандитизм или другие преступления — запрещалось участвовать в собраниях. Кроме того, религиозные администрации должны были составлять опись казны монастыря¹. Таким образом, высший слой лам был отстранен от религиозного руководства.

В 1936 г. секретный политический отдел ГУГБ МВД МНР инспирировал издание «Лам нарын сэтгүүл» (Ламский журнал) с целью расслоения духовенства и пропаганды подчинения правительству. Он издавался два года. В состав редакции вошли как искренние «обновленцы», так и агенты ГУГБ. Редактирование журнала было в руках трех советских специалистов по «ламскому вопросу», два из которых знали монгольский язык, а один — тибетский. За содержание каждого номера отвечал редактор «Үнэн», который, руководствуясь указаниями МВД, наталкивал лам на определенные темы и редактировал принесенные ими статьи².

13 марта 1937 г. 44-й пленум ЦК МНРП заслушал и обсудил доклад Х. Чойбалсана об итогах и планах работ по ламам за 1936 г. Была создана комиссия по подготовке постановления³. 25 марта 1937 г. появилось секретное постановление 45-го пленума президиума ЦК МНРП по ламам. «Для улучшения работы Ламской комиссии» при ЦК в нее ввели Чойбалсана, Лувсаншарав, Дэмида и Довчина (председатель — Лувсаншарав). Монастыри и ламы были объявлены пережитком феодализма и главным препятствием развитию монгольской революции; доход монастырей МНР — как минимум 34 млн. тугриков, а это бремя для народа, поэтому их надо ликвидировать с пути развития страны⁴.

Пленум постановил проведение следующих мероприятий. Остановить прием в монастыри молодежи до 18 лет — высшие ламы сейчас оставляют их как бы на руках родителей, но надевают ламскую одежду, преподают им тибетский язык и т.п. Теперь эти дети должны учить монгольскую грамоту, все они должны быть охвачены школами. Туда надо забирать детей из монастырей — этим должны заниматься административные и партийные органы. Минпрос в течение лета должен подготовить кадры для всех создаваемых школ, которые должны охватить детей в основном 10–21 года, с 1 сентября они должны приступить к занятиям. В монастыри разрешается отдавать только третьего сына в семье старше 18 лет, двое первых подлежат призыву в армию. Они не имеют права становиться ламами, даже если комиссуются. Военное министерство имеет право призывать лам призывного возраста. Уходящим в мир монахам надо давать займы из банков.

¹ УТА, министр, 284-1-680, л. 64, 67 — цит. по: Kaplonski, 2014, p. 155.

² АВПРФ, ф. 0111, оп. 17, п. 154, д. 1, л. 15–16, 48, 51–52, 58, 110, 163–164; п. 156, л. 19, л. 1 — в кн.: Сииныцын, 2013, с. 305–307.

³ Председатель — Лувсаншарав, члены — Амар, Чойбалсан, Дэמיד (копия: УТХ).

⁴ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 8, тал 121–135.

Был составлен список предприятий, которые должны принимать на работу бывших лам. Т.к. тибетская медицина укрепляет влияние лам, надо организовать медтехникум на 250 чел. На основании ст. 130 Уголовного кодекса тибетские врачи, которые наносят вред людям, должны подпадать под прокурорский надзор. Классовым разделением лам должны заниматься парткомы аймаков¹.

Пленум отметил, что представители государства при монастырях постепенно подпадают под влияние лам. Поэтому вводилась ротация, всех следовало поставить под наблюдение МВД. Все дела по контрреволюционной деятельности лам поручались Чойбалсану. Активистам, членам ревсомола и МНРП поручалось не унижать верования народа, а на научной основе свободно проводить агитацию против лам; в программы всех школ включался вопрос о вреде для партии и правительства монастырских традиций и изложение политики в отношении религии. Во время праздников Круговращение Майдари и Цам, когда собирается много народа, профсоюзы, промышленные и ревсомольские работники должны были — но с осторожностью — проводить игры, скачки, спортивные состязания. Агитбригады должны были широко знакомить лам с техническими достижениями, рассказывать о науке, революции, свободе, особенно молодежи².

Таблица 7. Налоги на джассы и имущество монастырей МНР с 1932 по 1938 гг. (по документам министерства финансов: Пүрэвжав, Дашжамц, 1965, с. 171)

Годы	Число джасс	Сумма собранного налога
1932	2073	379399
1933	2574	695563
1934	2760	447340
1935	3172	1039678
1936	3156	1104437
1937	3013	1210000
1938	2134	1398839

На 17-м заседании правительства от 11 июня 1937 г. утвердили следующие изменения: берется дополнительно 50 мунгу налога с каждого тугрика дохода, превышающего 2000 тугриков, 30 мунгу — с превышающего 800 тугриков, 20 мунгу — с превышающего 400 тугриков, 10 мунгу — превышающего 150 тугриков. Если в 1936 г. налог на прибыль с высших лам составил 2 628 752 тугрика, то после «обновления» в 1937 г. он увеличился на 49% до 3,2 млн. притом, что в 1936 г. его платили 20 636 чел., а в 1937 г. — 17 346 чел.³ В результате за год налоговое бремя на духовенство возросло более чем в два раза. Приходили отчеты об исполнении решений о джасском налоге (табл. 7), налогам с высших лам, выдаче займов ламам, вышедшим в мир для работы, создании многочисленных школ для детей, забираемых из монастырей, создании артелей из бывших монахов. Весной

¹ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 8, тал 121–135.

² МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 8, тал 121–135.

³ Лам нарыг..., 2013, с. 67.

1937 г. были утверждены и разосланы правила для представителей властей при монастырях, предложенные Чойбалсаном¹.

В апреле 1937 г. Совмин МНР утвердил новое положение о военном налоге на 1937 г., сильно дифференцированном по трем категориям, на которые разделили духовенство. Они облагались налогом в том же размере, как по закону о военном налоге от 8 февраля 1935 г. (см. выше). Кроме того, облагались налогом плательщики в возрасте действительной военной службы: лица, относящиеся к 1-й категории — по 450 тугриков; 2-й — по 180; 3-й — по 50. Ламы, жившие при монастырях и постоянно занимавшиеся своим скотоводческим хозяйством, освобождались от уплаты, кроме тех, кто был в возрасте действительной военной службы — последние приравнивались к 3-й категории. Ламы, относящиеся ко 2-й и 3-й категориям, успешно изучавшие монгольскую грамоту, после уплаты налога имели право на скидку в 20%, и успешно обучившие грамоте других лам, если они не получали за это другого вознаграждения — скидку 20%. Сомонные и городские финансовые отделы получили право после дополнительной проверки освобождать от налога лиц 3-й категории, кроме призывного возраста, которые выполняли работы по найму или являлись совершенно неимущими².

Однако число детей моложе 18 лет в монастырях снижалось медленно. В 1933 г. их было в общей сложности 15 777, в 1936 — 18 000, в 1937 — 12 504.³

24 апреля 1937 г. появился секретный приказ № 51 премьер-министра о переселении вглубь государства 16 монастырей, находящихся у границ. Причиной была контрреволюционная деятельность. Начало этой практике было положено еще в период «левого уклона» (см. выше). Теперь она сильно расширялась. В приказе № 51 указаны следующие монастыри. Восточный аймак: Егузэр-хийд, Молцогийн-сум, Сужийн-хийд, Цаган-Гэрийн-хурал, Элсэн-Цаган-Овоны-хийд, Юншэгийн-хурал, Баян-Овогийн-хийд, Дзадгайтын-хийд, Цаганбулагийн-хурал, Таван-Модны-хурал, Саран-Чулуны-хийд, Сайхан-Хухбурийн-хурал. Южно-Гобийский аймак: Овотын-хийд, Улаан-Эрэгийн-хийд, Цагаан-Улын-сум. Дзэбханский аймак: Амарбуянт-хурэ у алтайской границы. Обеспечить выполнение поручалось МВД.⁴

Документы об исполнении этого приказа тоже издавались секретно: монахов из монастырей переселяли против их воли или создавали такие условия, при которых им ничего не оставалось, как «добровольно» просить о переселении. Фактически, это означало закрытие и разрушение монастырей: новые монастыри не строились.

В сентябре 1937 г. начальнику Ламской комиссии при ЦК МНРП поступали запросы парткомов Восточного, Южно-Гобийского и Восточно-Гобийского аймаков на закрытие тех монастырей, откуда ламы уже ушли, собираются переселяться вглубь страны или которые надо закрыть принудительно. 28 сентября 1937 г.

¹ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 122, тал 103–104, х.н. 120, тал 20–24, 49–53, 28, 30, 136–140, х.н. 45, тал 81, х.н. 86, тал 11–12 х.н. 120, тал 20–24, х.н. 122, тал 69–77, х.н. 123, тал 34–37, х.н. 37, тал 55–59, х.н. 40, тал 25–28.

² “Үнэн”, 12.04.1937.

³ Пүрэвжав, Дашжамц, 1965, с. 214.

⁴ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 45, тал 68.

партком Восточного аймака сообщал в ЦК МНРП, что все имущество Егузэр-хийда и Овоны-хийда передано военным и просил утвердить это решение. Там же содержалась просьба перевести вглубь страны 11 монастырей в Восточном аймаке, находящихся недалеко от расположения МНРА и трасс, в том числе двух монастырей из центра Баянтумэна, двух монастырей Ялгусан-хутухты, монастырей Алтан-Очирт, Дэчин-гэгэн, Пандита-гэгэн, Зут, Арын-хамба и Хошу-хийд. Оставление монастырей на их местах считали опасным в случае войны¹.

Переселение вызывало недовольство монахов. Советский офицер Х. Фронт², в сентябре 1937 г. ездивший в командировку к южной границе, отмечал враждебность монахов к европейцам (подразумевались советские граждане) в связи с переселением монастырей. У монастыря Чойрын-хурэ были обстреляны машины, в которых ехали Фронт и его сослуживцы³. В прошлом подобное было лишь в период «левого уклона».

Монахи покинули монастырь Туг-Чингис в Булганском аймаке. Монастырь остался без хозяина, ключи были сданы в сомонное управление — администрация спрашивала, что с ним делать? Вопрос о монастыре Туг-Чингис поднимался несколько раз: по словам лам, там оставались вещи, принадлежавшие Чингисхану — надо было прислать людей из Ученого комитета для изучения. В сомоне Дариганга от «ламской бедноты» монастыря Ово поступали предложения разойтись, в итоге все добровольно ушли, монастырь тоже остался «без хозяина». Ламы Рашантын-хийда добровольно решили разойтись, собрание комиссии постановило: пусть уходят, но вначале напишут заявления. Имущество временно должно принять сомонное управление. Партработникам в худонах предписали агитировать за добровольный роспуск монастырей. О том, что делать с опустевшими храмами, надо было направлять запросы в Ламскую комиссию ЦК: объяснять причину добровольного ухода, чем стали заниматься ушедшие монахи, о чем они говорят, о чем говорят араты, все это анализировать политически — для этого требовались инструкторы⁴.

В другом запросе из Восточного аймака сообщалось, что в сомоне Очир-Баян-Мунх вдоль р. Керулен есть два монастыря Ялгусан-хутухты, в них 304 ламы. Это всего в 38 км от границы. В сомоне Баян-Тумэн есть два монастыря и 398 лам, в Хойд-хурэ постоянно живут 23 ламы, в Нугу-хурэ — 684 ламы, постоянно живут 32. В сомоне Матад есть монастырь Зух, в нем зарегистрировано 737 лам — это лишь 35 км от границы. В том же сомоне есть монастырь Пандита-гэгэна, где зарегистрировано 79 лам, 46 км от границы. В Цоржийн-хийде 309 лам, 45 км от границы. В сомоне Амар-Жаргалант зарегистрирован 281 лама, в монастыре Арын-Хамбын-хийд — 134 ламы. На юге аймака в Дариганге есть монастыри Цаган-Худак, Их-Булак, Бутаргана, Байшинт, Бурийн. Запрашивалось разрешение на их ликвидацию. Запрос подписал один из руководителей парткома Восточного

¹ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 122, тал 90–92.

² Позже бежал в Маньчжоу-го, впоследствии оставил мемуары.

³ Halen, 1997.

⁴ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 122, тал 78–79, 84–86.

аймака — некий Чагдаржав. Предлагалось также переселить четыре монастыря Южно-Гобийского аймака: Цаган-Суваргын-хийд (50 км от границы), Ганзгатын-хийд (80 км), Аш-Захын-хийд (80 км) и Бага-Модын-хийд (445 км)¹.

Из парткома Дзабханского аймака в ЦК МНРП поступил документ о переселении вглубь страны монастыря Амарбуянт в сомоне Баян-Ундур. Сообщалось, что туда ездила комиссия, объясняла политику МНРП, агитировала что этот монастырь препятствует свободе и независимости государства, т.к. становится перевалочным пунктом внешних и внутренних врагов, занимается шпионажем и контрреволюцией, ламы создают смуту среди народа, надо выполнять распоряжения правительства. Партком аймака проводил об этом активную агитацию среди аратов и лам, провел совещание партхозактива. Кроме того, близ границы в сомоне Эрдэнэ в монастыре Сандалай (487 лам), в сомоне Цогт — в монастырях Тугруг, Амарбуянт, Улзийбулаг, Баянцаган, джассе Мань проводили агитацию. К документу приложили перечень высказываний жителей местных багов. Разумеется, подавляющее большинство было «за»².

1 ноября 1937 г. из управления по делам религии при МВД в Ламскую комиссию при ЦК МНРП был направлен документ о переселении монастырей от границы в Восточном, Восточно-Гобийском, Южно-Гобийском и Дзабханском аймаках. Приводились примеры находок оружия в монастырях, указывалось, что высшие ламы занимались контрреволюционной агитацией. Теперь уже рекомендовали переселить 56 монастырей на 100 км вглубь страны (табл. 8). 15 ноября Ламская комиссия утвердила эту рекомендацию, увеличив число закрываемых монастырей до 58 (за счет трех монастырей в Улан-Баторе: Белый и Желтый дворцы Богдо-гэгэна, храм Очирвани в Гандане)³.

11 декабря 1937 г. начальнику Ламской комиссии, секретарю ЦК МНРП Б. Басанжаву поступил секретный документ об исполнении приказа маршала Чойбалсана о ходе переселения монастырей из сомонов Очир-Баян-Мунх, Магад, Ар-Джаргалант, Асгат и Дариганга. Еще до выхода приказа о переселении, добровольно разошлись два монастыря в центре Баян-Тумэна, Гунгийн-хийд, Дэчин-гэгэний-хийд, Нарангийн-хийд, Цаган-Худгын-хийд, Угумэрийн-хийд, два монастыря Ялгусан-хутухты. Получив приказ, следующие монастыри ответили, что просто разойдутся: пять монастырей Зухта, Алтан-Очиртын-хийд, Хошу-хийд, Арын-хамбын-хийд, Мэргэн-пандитагийн-хийд. Получили приказ, но не давали знать о себе Их-Булганы хийд, Бурийн-хийд, Бутарганы-хийд, Ширэтийн-хийд. В документе сказано, что не было ни одного монастыря, который хотел бы выполнить приказ и переехать — все хотели просто распуститься. Имущество распущенных монастырей начали принимать аймачные комиссии, но до этого за ним должны были следить сомонные управления. Из 58 остававшихся в регионе монастырей к тому времени разошлись 30, собирались это сделать 4, оставалось 14.⁴

¹ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 122, тал 84–86.

² МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 110, тал 24–29.

³ УТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 120, тал 31–32 — цит. по: Kaplonski, 2014, p. 212.

⁴ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 122, тал 93–94.

Таблица 8. Список монастырей, подлежащих переселению вглубь МНР в 1937 г. (МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 120, тал 83–85)

Монастыри	Сомоны	Сколько км от границы	Сколько лам зарегистрировано	Сколько лам проживает реально
Восточный аймак				
Баянтүмэний-урд-хурэ	Баян-Түмэн, центр	70	686	13
Баянтүмэний-хойд-хурэ	тот же	70	411	11
Баянтүмэний-Гунгийн-хурэ	тот же	70	52	3
Ялгуусаны-барун-хийд	Очир-Баянмунх	38	263	35
Ялгуусаны-зуун-хийд	тот же	35	54	13
Дэчин-гэгээний-хийд	тот же	57	58	3
Тамсагын-Таван-хийд	Матад	30	456	88
Алтан-Очиртын-хийд	тот же	45	297	13
Бандадагийн-хийд	тот же	46	76	5
Хошуу-хийд	Аржаргалант	85	269	18
Арын-хамбын-хийд	тот же	75	133	3
Их-Булганы-хийд	Дариганга	50	47	11
Буурийн-хийд	Асагт	90	93	17
Нарангийн-хийд	Баяндэлгэр	70	21	1
Угуумрийн-хийд	тот же	45	62	12
Бударганы-хийд	тот же	45	169	28
Сарантын-хийд	тот же	70	70	27
Цагаан-Худгийн-хийд	Онгон	40	22	1
Восточно-Гобийский				
Толь-Зуугийн хийд		60	45	
Улзийтийн-хурал	тот же	35	35	
Бумбагын-хийд	Хубсугул	80	31	
Цэнгэлийн хурал	Эрдэнэ	30	27	
Салаа-Суужийн-хурал		30	16	
Хашаатын-хурал	Хатан-Булак	50	7	
Шавийн-хурал	Хатан-Булак	85	35	
Салгарын-хийд	Хатан-Булак	60	26	
Цавчирын-хурал	тот же	80	17	
Хууртын-хурал		35	17	
Далайн-хурал		50	71	
Модны-хийд		35	77	
Буртэний-хийд		43	16	
Болдын-хурал	Баян-Мунх	55	59	
Баянмунхийн-хурал	тот же	40	65	
Цагаан-Талын-хурал	Дэлгэрхэт		117	
Цагаан-Чулууны-хурал	тот же		38	
Холбооны-хурал	тот же		29	
Эрэн-Усны-хурал			80	

Окончание табл. 8

Монастыри	Сомоны	Сколько км от границы	Сколько лам зарегистрировано	Сколько лам проживает реально
Алаг-Хадын-хурал			114	
Аваргын-хурал			65	
Дзурх-Чандманы-хурал			39	
Дургын-хурал			79	
Буурийн-хурал	Улан-Бадрах		31	
Южно-Гобийский аймак				
Уужимын-хурал	Нойон	60	32	
Суварганы-хурал		40	12	
Ганзагат		65	64	
Сэлуутийн-хурал	Хурэм	90	56	
Эхэн-Загын-хурал	Номгон	60	196	
Сангийн-Далай		80	110	
Налайхын-хийд	Баян-Обо	100	112	
Бага-Модны-хийд	Мунх-Обо	70	115	
Толбо-Шар-Загийн-хурал		80	115	
Цагаан-Толгой-Галавын-Гурван-хийд	Хан-Богдо	100	95	
Чойжилийн хийд		100	96	
Цагаан-Дэрсний-хийд	2-й Хонхор	60	40	
Байшингын-хийд		70	245	
Овоотын хийд	Нойон сум	114	112	
Дзабханский аймак				
Тугругийн-хийд	Цогт	205	30	
Сандалайн-хийд	там же	225	115	

Монахи покидали монастыри, прежде всего, вследствие налоговой политики партии и правительства. На 3-м пленуме ЦК МНРП (октябрь 1937 г.) Чойбалсан привел примеры борьбы с духовенством: налоги на него были увеличены с 4 100 000 тугриков в 1936 г. до 5 800 000 в 1937; за полтора года репрессировано: высших лам — 439, средних — 404, низших — 603; в эту борьбу втянуты все ведомства¹. В докладе были отражены также «вклад» осужденных в «японский шпионаж, планы по захвату МНР» и действия «внутренних врагов». По мнению Чойбалсана, «ламство» — самый опасный враг монгольского аратства². Из доклада видно, что повышение налогов шло в одном ряду с усилением репрессий как метод борьбы с церковью.

Сумма налогов с духовенства возросла почти в четыре раза с 1932 по 1938 г. Был введен отдельный налог на подношения высшим ламам, к которым отнесли 15–20 тыс. чел. В 1936–1938 гг. он дал более 15 млн. тугриков — притом, что в

¹ МБТ, копия: УТХ.

² Чойбалсан, 1937, с. 91–92.

1936 г. сумма подношений монастырям и ламам составила 2 млн. 250 тыс. тугриков, в 1937 г. — 2 млн. 696 тыс. Налог на скот высших лам увеличился на 50%. поголовье скота, принадлежавшее монастырям, за тот же период сократилось примерно с 300 тыс. до 70 тыс.¹

Военный налог на высших лам достиг 1000 тугриков в год, на «низших» — 75 тугриков. С 1933 по 1940 г. этот налог дал около 9 млн. тугриков. Он возрастал, хотя число плательщиков сокращалось (табл. 9). Лама Намубуда вспоминал, что закон о военном налоге соблюдался очень жестко, налог был столь высок, что молодые ламы вынуждены были уходить из монастыря и поступать в армию, т.к. не могли платить его².

Таблица 9. Военный налог на лам в МНР (Пүрэвжав, Дашжамц, 1965, с. 174)

Годы	Число лам 18–45 лет, которые платят военный налог	Сумма налогообложения в тугриках
1933	41798	559473
1934	41295	573725
1935	41512	880979
1936	44187	1321742
1937	40953	2012442
1938	23239	2632487
1939	13547	875216
1940	251	61275

Итак, налоги повышались, источники существования монастырей иссякали, их доходы уже не могли покрывать налоги. В результате к концу 1937 – началу 1938 г. монастыри в основном закрылись³.

Отдел по религии МВД направил представителям власти во всех аймаках инструкцию о подробном картировании монастырей до 15 октября 1937 г.⁴ Довольно детальная карта монастырей с легендой на русском языке сохранилась в Монголии (см. цв. фототабл.). Учитывая, что она была составлена «в виде опыта» и «по заданию гл. инструктора ГВО Чибисова», можно предположить, что ее изготовили еще когда существовала ГВО — т.е. до 1936 г. Это согласуется с предположением, что ликвидация монастырей готовилась еще до 1937 г.

Данные о числе монастырей и храмов, а также монахов в 1937 г. разнятся (см. табл. 4, 10). Есть сведения, что в 1936–1937 гг. по указанию советника политуправления МВД И.Ф. Чибисова подлежали уничтожению 767 монастырей (якобы в них укрываются враги народа и шпионы), к августу 1938 г. были закрыты 615 из 771 монастыря и храма, о чем было доложено заместителю наркома иностранных дел СССР Б.С. Стомонякову⁵.

¹ Brown, Onon, 1976, p. 333–334.

² Jerryson, 2008, p. 184.

³ Сонинбаяр, 2008, с. 47.

⁴ Kaplonski, 2014, p. 209. Этим карт он в архивах не обнаружил.

⁵ Хишигт, 2011в, с. 31.

Таблица 10. Число действующих монастырей и храмов в Монголии

Годы	Число	Источники
1919	ок. 750	Майский, 1960, с. 246
1919	2749*	Майский, 1959, с. 292-299
1925	5251**	РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 30, л. 14
1926	12437**	РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 30, л. 7
1932–1934	840	Brown, Onon, 1976, p. 324
1933	442	АВПРФ, ф. 183, оп. 16, п. 18, д. 3, л. 20 – цит. по: Сеницын, 2013, с. 488
1937	750	Майдар, 1970 – цит. по: Хишигт, 2011в, с. 28–29
1937	583	МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 8, тал 121–135
1937	771	МБТ, ф. 1, д. 7, х.н. 113, тал 103 – цит. по: Brown, Onon, 1976, p. 335
1937	850 (более 3 тыс. храмов, ок. 6 тыс. построек)	МАН-ын тов архив, ф. 1, д. 6, х.н. 7, тал 124 – цит. по: Пүрэвжав, Д. Дашжамц, 1965, с. 165-166
1938, февраль	416	РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1083, л. 66–80
1938, февраль	374	РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1083, л. 52–65
1938	156	Хишигт, 2011в, с. 31
1938	71	История МНР, с. 388 – цит. по: Сеницын, 2013, с. 488
1938	11	МБТ, ф. 1, д. 7, х.н. 113, тал 103 – цит. по: Brown, Onon, 1976, p. 335
1939	по-видимому, 0	

Примечание. * — вычислено по данным в таблице; ** — общее число построек, вычислено по данным в таблице.

«Сводная таблица по крупным и средним монастырям Монголии», составленная в 1937 г., содержит список 750 монастырей, из них хурэ и хийд — 532, сумэ, дуган и дацан — 218; всего было 96 766 монахов¹. По другим данным, из 771 храма и монастыря, существовавших в 1937 г., к 1938 г. закрылись 760², в том числе — все храмы в Улан-Баторе³.

По более детальным сведениям, к весне 1937 г. в МНР было 583 крупных монастыря и храма, 260 мелких, в них было 74 052 монаха старше 18 лет и 12 504 до 18 лет⁴. В монастырях было более 3000 храмов, а всего около 6000 построек. В 1937 г. около 15 тыс. монахов рассматривались как эксплуататоры⁵. По-видимому, к этому времени духовенство уже лишилось значительной части построек, если сравнивать с 1926 г. (см. табл. 10).

Различия в цифрах могут быть связаны также с разным временем учетов, с тем, как считали отдельно стоящие храмы, и считали ли «филиалы» отдельными монастырями.

¹ Майдар, 1970 — в кн.: Хишигт, 2011в, с. 28–29.

² УТА, МБТ, ф. 1, д. 7, х.н. 113, тал 103 — в кн.: Brown, Onon, 1976, p. 335.

³ УТА, Совмин, 1-6-398, 1 — в кн.: Kaplonski, 2014, p. 213.

⁴ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 8, тал 121–135.

⁵ Пүрэвжав, Дашжамц, 1965, с. 165–166, 237.

М.П. Фриновский
(http://www.hrono.ru/biograf/bio_f/frinovski_mp.php).

С.Н. Миронов
(<http://nekropole.info/ru/Sergej-Mironov-00.00.1894>).

М.И. Голубчик
(<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%BE%D0%BB%D1%83%D0%B1%D1%87%D0%B8%D0%BA,%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B8%D0%BB%D0%98%D0%BE%D1%81%D0%B8%D1%84%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87>).

Некоторые современные авторы ошибочно пишут, что монастыри уничтожали русские¹. В действительности это делали некоторые монголы под руководством Чойбалсана, который, в свою очередь, следовал указаниям Сталина.

Пленум ЦК ВКП(б) 23 февраля – 3 марта 1937 г. положил начало «большому террору» в СССР. 3 марта 1937 г. на этом пленуме Сталин, мешая факты с ложью, подробно «доказывал» диверсионно-террористическую опасность со стороны его политических врагов и ряда зарубежных стран².

В связи с ожидавшимся нападением Японии на МНР на 27 августа 1937 г. в МНР был запланирован ввод советских войск. Руководство репрессиями в МНР теперь поручили непосредственно советским чекистам. Протокол заседания политбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1937 г. (№ 637) включал пункт: «Обязать НКВД СССР послать с т. Мироновым группу чекистов для оперативной работы в МНР. Выписки посланы: тт. Ежову — все; Потемкину, Андрееву — 3»³.

В августе в Улан-Баторе побывал один из организаторов «большого террора» в СССР — М.П. Фриновский, который после этой поездки стал заместителем наркома внутренних дел СССР. Он приехал туда вместе с С.Н. Мироновым⁴. С именем Фриновского связывают «Список лиц из среды центральных и местных

¹ Гадаадаас түрхирсан..., 2013, с. 26.

² Доклад И.В. Сталина..., 1995, с. 3–15.

³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 21, л. 149.

⁴ С.Н. Миронов с 19 августа 1937 г. был назначен полпредом СССР и представителем НКВД в МНР. Это был чекист (с 1920 г.) с богатым опытом работы в ЧК – ОГПУ – НКВД в разных частях СССР. На должность полпреда его перевели с поста начальника УНКВД по Западно-Сибирскому краю.

руководящих работников, на которых имеются компрометирующие материалы о причастности их к контрреволюционной организации», датированный 27 августа 1937 г. В нем 115 чел.¹ Предполагается, что этот список Фриновский составил совместно с Чойбалсаном². Почти все эти люди были обвинены в шпионаже в пользу Японии. Основным «доказательством» в большинстве случаев служили показания других арестованных. Также фигурируют, например, обвинения в сознательном допущении перегибов в ревсомоле, в разъяснениях о том, что каждый может свободно «верить в религию» и т.п.

С 10 сентября в МНР начались массовые аресты. 12 сентября 1937 г. был арестован известный политический деятель, Чингисид Сэцэн-хан Наваннэрэн. Он значится в «списке Фриновского» под № 67 по обвинению в руководстве работой японской разведки и ее организации среди аратов и лам и, как человек близкий к Гэндэну, должен был «быть замешан» в делах последнего. Наваннэрэна расстреляли 25 октября 1937 г.³

Он давно вызывал подозрения большевиков. Еще в конце 1920-х гг. он сложил с себя княжеский титул, административный пост (см. выше), затем подвергся конфискации наряду с другими феодалами. В «Выписке из хроники консула СССР в Баян-Тумэн-Хан-ула» приведена долгая беседа с ним 22 октября 1929 г. Сэцэн-хан к тому времени развелся с женой и стал монахом. Он объяснял это тем, что неспособен воспринять революционные идеи и решил посвятить остаток жизни служению духовным идеалам; хотел отдать имущество на религиозные нужды, но оно конфискуется. По заключению консула, «сейчас этот повелитель 120 тыс. населения Восточного аймака представляется покорной овечкой, но, по-моему, его все-таки не следовало оставлять в этом районе под маской безобидного ламы. <...> Эта фигура представляет из себя одну из самых главных фигур из старых феодалов Монголии. <...> У меня создается впечатление, что вокруг этой фигуры могут группироваться все контрреволюционные элементы восточного района МНР»⁴. Вероятно, это донесение внесло вклад в участь Сэцэн-хана.

Был и «Список № 2 лиц не арестованных, но проходивших по делу “Заговор”, уличенных показаниями арестованных в принадлежности к к.-р. организации», из 99 чел. Он начинается с начальника политуправления МНРА Наван-Лувсана и кончается «Ринчиновым Эльбик-Доржи».

Примерно в то же время — летом 1937 г. аймачные отделения секретной полиции МНР получили распоряжение арестовать по несколько сот лам. Из центра в аймаки направились советские инструкторы. Указывался, например, некий инструктор Эгавауз с переводчиком бурятом Очировым, направленные в Дзабханский аймак⁵.

¹ Публикация списка: Улс төрийн..., 1993, с. 130–136.

² Баабар, 2010, с. 368.

³ О. Батсайхан, в письме.

⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 91, л. 15–17об.

⁵ “Утга зохиол, урлаг”, 01.06.1990 — в кн.: Dashpurev, Soni, 1992, p. 42.

Приказом НКВД № 447 от 30 июля 1937 г. в СССР были созданы «тройки» для внесудебного рассмотрения дел лиц, арестованных в ходе массовой операции по арестам и расстрелам антисоветских элементов. Теперь эту практику большевики распространили за границу — в МНР. 19 сентября 1937 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение № П53/106. В нем говорилось: «Принять предложение т. Фриновского об организации специальной тройки в составе Чойбалсана, министра юстиции и секретаря ЦК МНРП для рассмотрения дел на монгольских лам»¹. Эта структура была вскоре создана на основе совместного постановления Малого Хурала и Совмина от 2 октября 1937 г.² Она называлась Чрезвычайной полномочной комиссией (монг.: Онцгой бүрэн эрхт комисс)³.

Судя по биографиям в справочнике по монастырям Монголии⁴, большинство казней хубилганов в МНР было проведено в 1937 г. и лишь немногие пережили период «больших репрессий». Важным предлогом было «раскрытие контрреволюционного центра» (см. гл. 9).

В 1938 г. была арестована Н. Гэнэнпил — за то, что была «ханшей» и поддерживала буддизм. Дело в том, что после кончины 14 января 1923 г. супруги Богдогэгэна VIII — Ц. Дондогдулам, чиновники провозгласили Гэнэнпил новой женой Богдо. Но он, щедро одарив ее, отправил домой в сомон Баян-Адрага Хэнтэйского аймака. Там она вышла замуж за земляка, родила трех детей. Ее расстреляли, хотя она была беременной⁵. Приговор вынесли в сентябре 1938 г.⁶

В феврале 1938 г. находившийся в СССР «на лечении» секретарь ЦК МНРП и председатель Ламской комиссии Д. Лувсаншарав попросил Сталина «быть принятым Вами для получения от Вас советов и руководящих указаний. Такую же просьбу он просил передать т. Ворошилову»⁷.

В обоснование политики в отношении религии Лувсаншарав представил обширный материал «Ламский вопрос в МНР», основанный на неверных трактовках истории и буддизма. Апеллируя к установкам МНРП на учение Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, в этом материале он повторил в гротескной форме все обвинения лам, которые накопились к тому времени. «Ламство»⁸ было объявлено агентурой японского империализма, которая предала интересы МНР, решила с помощью Японии свергнуть ее строй, превратить в японскую колонию, объединилось с «гэндэно-дэмидовской контрреволюционной организацией». Важными достижениями Лувсаншарав счел разгром «ламства» и его раскол. Для дальнейшей классовой борьбы с ним он рекомендовал три метода: экономический (конфискация имущества), политический (дальнейший поиск и раскрытие контрреволюционных организаций), идеологический (борьба с буддийской религией и

¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 22, л. 7.

² Kaplonski, 2014, p. 208.

³ Баабар, 2010, с. 370.

⁴ Монголын сүм хийдийн..., 2009, с. 121–149.

⁵ Сухбаатар Д., 2011.

⁶ Решение Верховного суда МНР № 110, 28.06.1991 — в кн.: Kaplonski, 2014, p. 207.

⁷ РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1083, л. 13.

⁸ В одних частях документа — все вообще, в других — только реакционное.

философией методами марксизма-ленинизма). «Низшему ламству» надо помочь освободиться от реакционной идеологии и привлечь его к общественно-полезному труду. «Среднее ламство» должно определиться, присоединится оно к «низшему» или к «высшему» — с теми или иными вытекающими последствиями¹.

Лувсаншарав открыто признал, что именно стояло за декларациями о том, что МНРП борется не с религией, а лишь с реакционной верхушкой лам: «Мы шли и идем по линии разгрома ламства и ламаизма»² — т.е. полного уничтожения религии. Фактически, это признавалось и позже. Например, в резолюции 4-го пленума ЦК МНРП в 1939 г. сказано, что еще «не добиты остатки контрреволюционного ламства и не искоренены религиозные пережитки и традиции ламаизма»³.

Сам Лувсаншарав плохо разбирался в религии и занимался фальсификациями. Об этом говорит, например, донесение о результатах беседы с ним С.Е. Чуцкаева. Лувсаншарав утверждал, что жил в монастыре, около 20 лет изучал ламский вопрос. Но в донесении отмечается что, судя по сообщениям Лувсаншарав, он очень мало знал о ламских делах и много врал⁴.

В постановлении 22-го заседания Малого хурала 7 марта 1939 г. по Амару последнему поставили в вину, что «он распространял клевету на политику партии и правительства, доказывая, будто проводится поход против религии», тогда как борьба с контрреволюционной верхушкой ламства «не является походом против ламства в целом и религии»⁵. Как видим, правда была в словах Амара, а не в постановлении хурала.

11 февраля 1938 г. полпред СССР Миронов прислал в НКВД записку о положении в МНР (вх. № ОС37), которую заместитель наркома иностранных дел Б.С. Стомоняков направил Сталину (19.2.38. № 7128). Помимо данных о контрреволюционной деятельности лам (см. ниже), Миронов описал в ней свою встречу с руководством МНР. Он собрал Амара, Догсома, Басанжава и Чойбалсана у себя в кабинете: «В совершенно откровенной и дружеской форме я обвинил их в следующем»: не выполнили решения 3-го пленума ЦК МНРП, армию забросили, «она разъедается продолжающимся вредительством не вскрытых японских агентов, ламства и остатками феодального отношения к цирику», не сломали феодальные порядки в министерствах, созданные Гэндэном и Дэмидом, «вопросы борьбы свели только к арестам, не понимают, что сломить силу ламского института только одними арестами МВД невозможно, что нужно, чтобы широкие партийные, ревсомольские и аратские массы участвовали в этом наступлении, понимали правильно политику МНРП и правительства по отношению к различным прослойкам ламства». Надо противостоять ламской агитации, правильно разъясняя политическую сторону «и разоблачая их провокации»⁶.

¹ Лувсаншарав, 1938, с. 90–116.

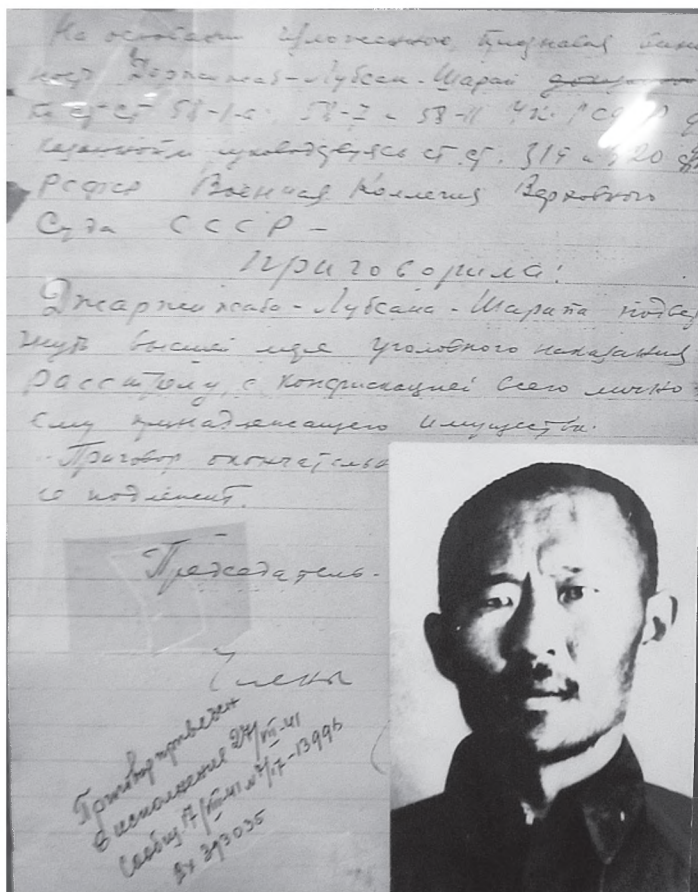
² Лувсаншарав, 1938, с. 111.

³ Резолюция..., 1939, с. 32.

⁴ ЦАФСБ, ф. 65, д. 9920, л. 478–481; текст самой беседы: там же, л. 482–488.

⁵ Постановление 22-й сессии..., 1939, с. 4.

⁶ РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1083, л. 29–40.

Д. Лувсаншарав на фоне приговора о его расстреле (УТХ).

По мнению Миронова, в МНРП складывалось две линии: Чойбалсана и Амара. «Чойбалсан не прочь закрыть все монастыри, приравнять средних лам к верхушке, начать раскулачивание, а Амар считает, что все ламство — араты, что араты все одинаковы и среди них нет ни бедных, ни богатых, и незачем поэтому ставить вопрос о помощи бедняцко-средняцким массам ламства». Надо действовать новыми методами, связавшись с массами. Интересно выступил Чойбалсан. Оказалось, что сам Чойбалсан и другие ни разу не связывались с «массами»; он даже не знал, в какой партиячке состоит, более пяти лет не платил партвзносы. Амар и Догсом более пяти лет не были в худоне, «Амар только каждый год ездил отдыхать в монастырь, и связан был только с ламами и их настроения передавал, как настроения арат <...> последнее время Амар умышленно тормозил проведение в жизнь мероприятий, направленных против ламства»¹.

¹ РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1083, л. 29–40.

Амар сказал, что Чойбалсан сам виноват во многих ошибках Амара, сейчас надо обо всем договориться, изложил первоочередные задачи. Миронов ответил, что надо совместно укреплять армию¹, что основной политический вопрос — борьба партии и правительства против верхушки ламства «как остатка феодального класса, ставшего главной опорой японской разведки». Он заявил, что партия и правительство не борются против религии и со всем «ламством», а хотят «помочь низшему ламству стать на честный трудовой путь, они не против той части среднего ламства, которая выполняет свои религиозные обряды и поддерживает существующий строй и независимость МНР, не вмешиваются в верования аратов», но против тех лам и монастырей, которые пробуют религию сделать оружием борьбы против государства. Партия и правительство «должны разоблачать ламско-японскую агитацию по вопросу о независимости, объяснять популярно о роли СССР в борьбе за независимость МНР, культурного и хозяйственного ее роста». Надо собрать партактив и поставить основные политические задачи, «не ослабляя разгром верхушки ламства»².

Все согласились с Мироновым. На следующий день был собран пленум президиума ЦК МНРП, по материалам подготовлены тезисы доклада в городской актив. Миронов эти тезисы откорректировал. Основные политические задачи были опубликованы³.

Этот документ показывает, что Миронов вел себя как высшая власть в МНР. При этом он использовал свои профессиональные навыки. Так, в запросе Фриновского Ворошилову 26 февраля 1938 г. говорится, что «т. Миронов просит разрешить лично допросить в помещении особого отдела корпуса арестованных Бадархо и Дамбадоржи, ввиду отсутствия квалифицированных следователей». Согласно секретному меморандуму НКВД от 22 февраля 1938 г., Миронов сообщил, что арестованный начальник ПУРа Лувсан признался, что был завербован Дэмидом в 1934 г., «назвал 32 комиссара частей МНР, входящих в состав организации», а бывший премьер Дамбадорж, живший последние 10 лет в Москве, сознался, что в 1919 г. был на 1-м панмонгольском съезде в Чите, он и остальные участники съезда были завербованы Японией, с тех пор он и другие не прекращали японофильской деятельности⁴.

«Сознался» и У. Бадрах: «Будучи троцкистом с 1926 г., по заданию японцев начал создавать в западной Монголии самостоятельную организацию с задачей создания автономного Алтайского государства в границах существовавшей в XVIII в. Джунгарской империи. В состав этого государства должны были войти: часть Синьцзяна, западная Монголия, советский Алтай и Танну-Тува. Это государство должно было входить в союз японофильских государств, образованных из Маньчжурии, Внутренней Монголии, Синьцзяна и Тибета <...> Приходится с Лосолом и инструкторами работать ежедневно непосредственно. Прошу до раз-

¹ В частности, «построить бани для стирки белья, для чего можно использовать и ряд самоликвидировавшихся монастырей, и организовать ламские артели по стирке белья».

² РГВА, ф. 33987, оп. 3, л. 1083, л. 29–40.

³ РГВА, ф. 33987, оп. 3, л. 1083, л. 29–40.

⁴ РГВА, ф. 33987, оп. 3, л. 1083, л. 41–43.

решения вопроса о присылке работников по моему № 127 разрешить мне в помещении особого отдела корпуса допросить Бадархо и Дамбадоржи по связям на СССР и японское посольство, оба хорошо говорят по-русски»¹.

Вероятно, Миронов припомнил документ ЦК МНП от 25 марта 1923 г. (см. гл. 7). Но, похоже, он не всегда знал, из кого именно выбивает показания: согласно донесению Фриновского от 27 февраля 1938 г., Миронов сообщил о своей ошибке: в предыдущем послании надо читать «Дждамба»². О методах получения этих показаний свидетельствует самоговор допрошенных о панмонголизме, троцкизме и японцах.

В группе коллег Миронова в МНР — кадровых сотрудников ОГПУ-НКВД — был М.И. Голубчик. Он стал советником министра внутренних дел МНР — т.е. непосредственным «куратором» Чойбалсана. Голубчик подготовил и 27 февраля 1938 г. направил Фриновскому и Миронову совершенно секретный документ «О предварительных итогах оперативной работы МВД по ламству и вновь намечаемых мероприятиях». Его стоит привести подробнее, т.к. в нем детально отражена борьба с религией.

Вначале подробно говорится о ликвидации «Всемонгольского контрреволюционного ламского центра», якобы созданного японской разведкой, действовавшего с 1925 г. и виновного в подготовке всех восстаний. «Через либеральное и даже примиренческое отношение правых к вскрытому заговору [Эргэдэндагвы. — С.К.] — ограниченные аресты, допросы обвиняемых у них на дому, условные наказания и ускоренное амнистирование осужденных не только не дало никакого положительного эффекта от проведенного процесса, но лишний раз показало реакционно-феодальной верхушке ламства трусливое поведение МНРП и правительства перед ламством. Периферические филиалы контрреволюционного центра следствием не были вскрыты и остались нетронутыми», такие главы «Центра», как ёнзон-хамбо Лувсанхаймчиг, Наван, Джамьянтиб даже не были выявлены. «В 1932 г. в западных аймаках МНР (Хубсугульском, Архангайском, Увэрхангайском, Дзобханском) ламский контрреволюционный центр подготовил и поднял вооруженное восстание. Для руководства им от Панчен-ламы прибыл специальный эмиссар — халзан [лысый. — С.К.] Дорж»³.

После суда над руководителями «Центра» в аймачные отделы МВД были командированы из центра оперативные работники и начались массовые аресты духовенства. Одновременно велась работа по его расслоению. В Духовное управление в Гандан-хурэ были поданы групповые заявления лам с требованием упразднить высшие должности — хамбо и цорджи как «организаторов контрреволюции». Во всех крупных монастырях по требованию самих лам эти должности были упразднены. При попытке сохранить их в отдельных монастырях ламы категорически отказывались занимать эти должности⁴.

¹ РГВА, ф. 33987, оп. 3, л. 1083, л. 41–43.

² РГВА, ф. 33987, оп. 3, л. 1083, л. 44.

³ РГВА, ф. 33987, оп. 3, л. 1083, л. 52–65.

⁴ РГВА, ф. 33987, оп. 3, л. 1083, л. 52–65.

Все эти мероприятия вели к сокращению «ламства». К дате написания документа «сокращение ламства значительно выше, т.к. только с 15 декабря МВД арестовало 1500 чел.» С начала операций до 15 декабря из монастырей в худон ушло 34869 лам (50,7% от того, что было). За отчетный период из 641 действующего монастыря закрылись 267, причем больше крупных, чем мелких. «По крупнейшим монастырям это объясняется тем, что на них был сосредоточен оперативный удар и в них больше всего велась разложенческая работа», к ним добавляется еще 58 монастырей, отселяемых из приграничной полосы. Западные аймаки: Кобдоский, Убсунурский, Дзабханский, Увэрхангайский значительно отстают по темпам сокращения лам и монастырей. Это объясняется главным образом слабостью работы аппаратов МВД. Эти аппараты укрепляются кадрами из центра. «Высшее ламство» пытается все это использовать, чтобы скомпрометировать процесс. «Маневр контрреволюционного верховного ламства в части ухода из монастырей в худон создал новую опасность, т.к. они, несомненно, попытаются создать новые контрреволюционные формирования, вовлекая в них арат.» В связи с этим из каждого аймачного отдела МВД в худоны были командированы специальные работники¹.

Помимо «контрреволюционного ламства», МВД ведет разгром «японской организации среди китайцев, бурят и остатков Гэндэно-Дэמידовского заговора». Перед аппаратом МВД в худоне поставлена задача: популярно разъяснять аратам обстановку, «контрреволюционную предательскую сущность высшего ламства... характер и значение их связей с японской разведкой, реальные японские угрозы», мероприятия МНРП и правительства по разгрому враждебных сил. МВД начинает вести активные агитационно-массовые мероприятия и «временно приостанавливает практиковавшиеся ранее, хотя и отдельные, аресты низших и средних лам, изблеченных в контрреволюционной деятельности. Материалы на них выделяются из дел и аресты откладываются до следующего этапа борьбы с ламством». На отчетное число арестовано 3274, из них осуждены 2523, к высшей мере — 2258, к тюремному заключению — 265 лам. МВД исходит из следующих положений:

«а) разгром и ликвидация ламства как фактора феодализма является необходимым условием окончательной победы народно-революционной власти. Монастыри, представляющие собой организованные феодальные гнезда в стране, должны быть разгромлены, хотя и не единовременным ударом;

б) очистка тыла от контрреволюционеров, шпионских и диверсионных элементов необходима в связи с нарастающей японской угрозой. Это в основном и есть разгром контрреволюционного ламства, как остающегося в монастырях, так и ушедшего для контрреволюционной работы среди населения в худон. Эта очистка страны от враждебных сил должна быть проведена в кратчайший срок»².

¹ РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1083, л. 52–65.

² РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1083, л. 52–65.

Для этого необходим дальнейший подрыв единства духовенства, агитация, приобщение к труду вышедших в мир, организация артелей в монастырях, усиление налогового нажима. «В этих условиях джасские хозяйства в основном развалятся. Много случаев обращения монастырей в правительственные органы о сдаче джасс в пользу государства. Одна из главных задач — неослабное репрессирование контрреволюционных элементов ламства в монастырях и худоне. Прошу Ваших указаний. Советник министра внутренних дел МНР — Голубчик. “ ” янв. 1938 г. Улан-Батор. 6 экз.: 1–2 — т. Сталину, 3 — т. Молотову, 4-й — т. Ворошилову, 5-й — т. Литвинову, 6-й — Потемкину»¹.

По итогам пятимесячного пребывания в МНР Миронов направил записку наркому иностранных дел М.М. Литвинову и приложил к ней детальные рекомендации Голубчика. Эта записка тоже весьма важна, т.к. в соответствии с ней шли ликвидация церкви в МНР и чистка партгосаппарата. В ней сказано следующее.

«Высшее ламство не было разгромлено, влияние его окрепло, несмотря на булавочные уколы. Исключая Чойбалсана, все министры оказались членами контрреволюционных организаций разных формаций. Во всех без исключения министерствах и организациях были филиалы контрреволюционных организаций. <...> В армии в командном составе сохраняется 159 тайджи, среди цириков и младшего командного состава — 2500 бывших лам. Переводчики (исключая 5 чел.) всех министерств и организаций оказались членами японо-бурятской организации². <...> Перед отъездом т. Фриновского и Смирнова, с т. Фриновским мы наметили основную тактику борьбы, исходя из расчета до весны разгромить основательно японскую базу и верхушку ламства»³.

Решения III пленума ЦК МНРП и подъем партийно-массовой работы по этим решениям «дали возможность через ЦК МНРП, консулов, Чойбалсана и Голубчика:

а) начать более решительный разгром японофильских организаций и верхушки ламства. <...>

в) очистить значительно армию и все министерства от японской агентуры. <...>

ж) обеспечить значительное увеличение налогообложения лам.

Аресты затронули уже ламство более 100 монастырей. Из 85 тыс. лам за последние месяцы 16200 сняли сан, 34900 ушли в худон, большая часть высших лам бежали из монастырей и скрываются в худоне, из 641 монастыря — 167 самоликвидировались, 58 закрыты в приграничной зоне, в 225 ликвидированных

¹ РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1083, л. 52–65.

² Чекисты уже выбили подобные показания за год до этого в СССР, а теперь выбили их “подтверждение”. Напр., на допросах в 1937 г. Ц. Жамцарано показал, что являлся руководителем панмонголистов, собирався создать единое монгольское буржуазно-демократическое государство под протекторатом Японии, входил в Японо-бурятский центр и по поручению японцев занимался вербовкой агентов, лично завербовал в контрреволюционную организацию Амара (Решетов, 1998, с. 29–32). Все эти обвинения были типовыми: связь с японской разведкой инкриминировали осужденным по политическим делам в Забайкалье, напр., А. Доржиеву.

³ Вх. с. тт. Стомоныякова ОС54. 27.2.1938. Копия. Сов. секретно. 13.2.1938. Записка Максиму Максимовичу” [Литвинову]: РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1083, л. 66–80.

монастырях брошено имущество, большие ценности и джасский скот. В худонах ламы ведут антисоветскую и религиозно-националистическую агитацию»¹.

Голубчик в приложенной Мироновым записке рекомендовал:

«1. На ближайший период весь удар сконцентрировать на верхушке ламства для полной ликвидации ее. В этой борьбе использовать низшее ламство и временно нейтрализовать среднюю часть ламства.

2. Закрепить правительственным актом разгром ламской верхушки как завершение ликвидации последнего остатка феодального класса (желтые феодалы).

3. В дополнение к прежним ограничениям об отдаче сыновей в монастырь, вынести решение, запрещающее отдавать в монастырь до отбытия военной службы.

4. Выдвинуть предложение о переводе богослужений на монгольский язык.

5. В отношении ликвидированных 225 монастырей, брошенного имущества, джасского скота и ценностей вынести такое решение, которое дало бы политический эффект. Помимо 35 монастырей, используемых МНРА и погранохраной, следовало бы:

а) остальные монастыри передать в ведение аратских общин, под руководством сомонных управлений, для культурно-бытовых и производственных целей: школ, больниц, кино, машинно-сенокосных станций, кустарно-производственных артелей арат или низших лам, производства кооперативных артелей, из трудящихся арат или низших лам, вышедших в светское состояние;

б) все имущество, потребное для целевого использования, согласно решений аратских собраний, передать по описи вновь созданным организациям, остальное передать в распоряжение государства;

в) все ценности и скот передать в доход государства и направить на оказание помощи аратским простейшим производственным объединениям (артели возчиков, молочные товары и т.п.), на нужды маломощным арагам и на организацию животноводческих артелей из низшего ламства, вышедшего в светское состояние.

6. Издать закон, запрещающий ламам врачевать, соответственно мотивировав его.

7. Предоставлять ламам гражданские права минимум через 1 год после выхода в светское состояние и занятие общественно-полезным трудом <...> Дальнейший прием лам на военную службу проводить только после получения гражданских прав <...>

8. Ввести налог на холостых лам свыше 25 летнего возраста и закон о судебной ответственности за заражение венерическими болезнями. 85 000 холостых лам, при существующей в Монголии половой беспечности и ранней половой жизни девушек, являются массовыми распространителями венерических заболеваний.

9. Запретить ламам, не снявшим духовный сан, служить в государственных учреждениях и работать в качестве комиссионеров государственно-кооперативных торговых организаций.

10. Объявить обязательный выход в светское состояние всех лам, находящихся в МНРА и ГВО. Не вышедших уволить.

¹ РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1083, л. 66–80.

11. Полная ликвидация монастырей в Улан-Баторе, Булгане и Цэцэрлэге, где сконцентрированы ламско-тибетские университеты по буддийской философии и тибетской медицине.

12. Создать на ближайшие 2–3 года всемонгольское духовное управление обновленческого типа для воздействия через него на периферическое ламство. Для чего инициативная группа лам, созданная аппаратом МВД, должна будет выпустить от себя декларацию о поддержке существующего строя и политики правительства, отказе от вмешательства во внутрисоциальную деятельность, осуждающую высшее ламство как японских агентов и феодалов, подтверждающую требование о переводе богослужения на родной язык. В декларации обратиться с призывом к ламству действующих монастырей присоединиться к ней.

13. Окончательно ликвидировать методами МВД монастырское единоначалие и передать действующие монастыри в ведение ламских правлений.

14. Установить две категории ламских кустарно-промышленных и сельскохозяйственных артелей из низших лам... и лам, сохранивших сан. <...> Допустить в создаваемые артели ту часть среднего ламства, которая не вела борьбы с существующим государственным строем и выйдет в светское состояние.

15. Издать закон против ростовщичества...

16. По окончании сбора налога с верхушки ламства, т.е. начиная со второй половины февраля и до 1 мая, закончить в основном ликвидацию верхушки ламства, т.е. арестовать еще около 3000 высших лам. После чего начать разгром контрреволюционной части среднего ламства».

17. Привести в соответствие с новой обстановкой закон об отделении церкви от государства.

«При благоприятных внешних обстоятельствах, кроме пунктов 3, 6, 8, 9 и 11, большинство можно реализовать еще в первой половине 1938 г.»¹

Далее следуют рекомендации о репрессиях в партийно-правительственном аппарате «для обеспечения дальнейшего наступления на ламство, остатки феодализма и очаги фашистских разведок»; предлагаются экономические реформы. Подписал полпред СССР в МНР — Миронов. Копии расписаны: «1–2 экз. — т. Сталину, 3-й — Молотову, 4-й — Ворошилову, 5-й — Литвинову, 6-й — Потемкину. 23 марта 1938 г.»²

Этот документ был направлен 23 марта 1938 г. Сталину (копии: Молотову и Ворошилову) с пометкой: «Там есть тревожные данные — что из 85 тыс. лам 51 тыс. разбрелись по стране»³. Эти цифры близки к данным архива совета министров МНР на 25 июля 1938 г.: из «разбредшихся» лам 40 459 стали мирянами, 5060 работали в артелях и госучреждениях, а 17 338 остались ламами⁴.

3 апреля 1938 г. Миронов направил Фриновскому меморандум об аресте, по состоянию на 30 марта, «по делам, связанным с объединенным центром по заго-

¹ РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1083, л. 66–80.

² РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1083, л. 66–80.

³ РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1083, л. 81.

⁴ УТА, Совмин, 1-6-403 — цит. по: Kaplonski, 2014, p. 203.

вору» 10 728 чел., в том числе 7 814 лам (включая «всю верхушку тибетских лам») и 322 феодалов, и о предстоящих арестах еще 6 тыс. лам, в том числе в апреле — 4 тыс.¹

21 января 1938 г. Комиссия по религии подвела итоги закрытия и переселения монастырей вглубь МНР (табл. 11). По-видимому, эти величины относятся только к 1937 г. Следует также отметить большой разброс цифр числа монастырей и храмов в 1938 г. в разных источниках (см. табл. 10). Возможно, он отражает быстрое закрытие монастырей в течение 1938 г. Например, только за январь 1938 г. в одном Центральном аймаке закрылось 40 монастырей².

Таблица 11. Итоги закрытия и переселения монастырей вглубь МНР к 21 января 1938 г. (МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 337, тал 41)

	Аймаки	Число монастырей, которые сами закрылись до 1 октября 1937 г.	Число монастырей, ликвидированных после 1 октября 1937 г. по приказу о переселении внутрь страны	До 1 октября 1937 г.	
				Число лам, ставших мирянами	Число лам, которые ушли в худон
1	Архангайский	—	—	326	4733
2	Увэрхангайский	1	—	130	350
3	Дзабханский	—	2	538	3196
4	Убсунурский	2	—	63	1212
5	Кобдосский	-	—	128	403
6	Хубсугульский	-	—	330	280
7	Селенгинский	5	—	492	961
8	Хэнтэйский	5	—	363	803
9	Восточный	16	17	180	4499
10	Южно-Гобийский	—	15	300	999
11	Центральный	—	—	314	724
12	Улан-Батор	1	—	71	54
13	Всего	30	34	3225	18214

МВД МНР в 1937–1939 г. вело работу по записи историй закрываемых монастырей. В специальном архиве Главного управления разведки Монголии (ТЕГ) сохранились истории более 200 из них. Большинство очерков строится по сходной схеме: год создания, какие были храмы, сколько лам на каких должностях, где и кто был из высших лам, кто вел хуралы, сколько лам было в цинский период, сколько после него, в 1935 и 1936 гг. Недавно эти истории были изданы³.

1 апреля 1938 г. Сталину и Молотову было направлено послание Миронова об итогах работы комиссии Фриновского. За 6 мес. МВД МНР арестовало 11 тыс. чел., из них 8 тыс. лам, высшую меру наказания дали около 7 тыс., 325 монастырей «самоликвидировались», 25 тыс. «низших и средних» лам вышли в мир, в монастырях осталось 12 тыс. лам, 5 тыс. лам ушли в кустарно-промышленные ар-

¹ РГАНИ, ф. 89, оп. 29, д. 5, л. 1 — цит. по: Архивы Кремля..., 1995, с. 20.

² Пүрэвбат, 2008, с. 99.

³ Монголын сүм..., 2012.

тели¹. По подсчетам С. Пурэвжавы и Д. Дашжамца, в 1936–1938 гг. в мир вышло 35 тыс. лам². Сопоставление разных источников показывает быстрое сокращение их числа за первую половину 1938 г. (см. табл. 4) — параллельно закрытию монастырей и храмов (см. табл. 10).

В конце 1938 г. на пленуме президиума ЦК МНРП рассмотрели итоги кооперации «ламской бедноты» и проанализировали статистику по отраслям экономики, в которых работали вышедшие в мир монахи: сапожное и швейное дело, обработка дерева, железа, кожи, добыча соли, камня, изготовление штукатурки, кирпича, транспорт, земледелие³.

19 июля 1938 г. Чойбалсан выпустил служебное письмо, в котором заявлял, что остатки «черных и желтых феодалов» могут поддерживать связи среди детей, родственников «врагов народа», остатков белых и иностранных «врагов» для проникновения в ряды народных солдат, могут влиять в дальнейшем на военных и политических деятелей Монголии — потому надо провести их чистку и уничтожить⁴. Это согласовалось с тем, что сообщал в 1937–1938 гг. начальник пограничных и внутренних войск НКВД СССР комдив Н.К. Кручинкин: «По всем признакам продолжается диверсия не вскрытой до конца японофильской — дэмидовской организации»⁵.

Подобно Сталину в СССР, Чойбалсан инсценировал всенародную поддержку репрессиям в МНР. Так, в июле 1938 г. МВД сообщал в ЦК МНРП о том, что «низшие» ламы сплываются вокруг партии и правительства, а высшие неустанно ведут «клеветническую работу» об уничтожении религии⁶.

Поиски «руки Японии» подкреплялись пропагандой в МНР и СССР. Был переведен и напечатан сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)», который члены МНРП стали изучать с 1939 г.⁷ Печатались и откровенные фальшивки. Например, 2-й советник полпредства СССР в МНР С.П. Разумов издал большую статью о японском шпионаже в Монголии: якобы Сюй Шучжэн подкупил Богдо-гэгэна японским серебром на отказ от автономии, все действия Унгерна диктовались японским Генштабом, Бодо и Данзан завербованы еще до революции, ламы-контрреволюционеры — японские агенты и т.п.⁸

1 февраля 1939 газета «Безбожник» напечатала статью «Церковь на службе японского империализма» некоего М. Лейтнера, который писал: «Ламаистские церкви в Маньчжурии стали центрами шпионской и провокаторской деятельности японских империалистов, направленной также против Внутренней Монголии», и «Япония щедро поддерживает монгольских лам». Тот же Лейтнер писал о

¹ РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1083, л. 178, 187–189.

² Пурэвжав, Дашжамц, 1965, с. 238.

³ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 337, тал 1–27.

⁴ Олзийбаатар, 2004, с. 240–241.

⁵ РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1083, л. 6.

⁶ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 175, тал 32–43, 45–46.

⁷ Дашжамц, 1978, с. 123. За пять лет до того вышел его монгольский аналог — 1-й том «Краткого очерка Монгольской народной революции» (Чойбалсан и др., 1934).

⁸ Каррио, 1937, с. 17–25. Каррио — его псевдоним. В 1938 г. Разумова расстреляли.

кончине Далай-ламы XIII и перспективах поисков его нового перерождения, выдумав, что японские шпионы рассеяны по всему Тибету и «японцам нужен свой Далай-лама, который служил бы японскому империализму». Ведь и в СССР репрессии против многих людей объясняли тем, что это «агенты Японии»¹.

В 1938 г. Миронов уехал из Монголии и сдал пост полпреда Голубчику, который занимал его до 1939 г. включительно. В 1939 г. (уже в СССР) оба были арестованы и расстреляны. Теперь уже их самих объявили участниками «контрреволюционной шпионской организации, существовавшей в МНР»².

7 марта 1939 г. состоялся пленум Президиума ЦК МНРП, на котором премьер-министр Амар был подвергнут критике за попустительство контрреволюции и исключен из МНРП. В тот же день было созвано 22-е заседание Малого хурала. Чойбалсан и Лувсаншарав раскритиковали Амара. В постановлении было сказано, что Амар оказал сопротивление разгрому реакционной верхушки «ламства», феодалов, изменников родины и агентов Японии. Его сняли с поста премьера, арестовали, отправили в СССР, где он попал под следствие и был расстрелян в октябре 1941 г.³

В 1939 г. Чойбалсан стал премьер-министром МНР, сосредоточив в своих руках диктаторскую власть по сталинскому образцу. К 1940 г. из 11 членов президиума ЦК МНРП, избранного на IX съезде в 1934 г., в живых остался только он сам — остальные были репрессированы (кроме Элдэв-Очира, умершего в 1937 г.)⁴.

В МНР главная волна репрессий и расстрелов прокатилась в 1937–1939 гг. Это была подготовка к Халхин-голу и «зачистка» после него. Если в 1932–1937 гг. были осуждены 1730 чел. и из них 162 расстреляны, то с 1937 по 1940 г. — соответственно, 26 721 и 20 660. Репрессии проводили в основном особо уполномоченные комиссии, организованные в октябре 1937 г. и работавшие до 22 апреля 1939 г. За этот период они рассмотрели дела 25 437 чел. и вынесли постановления о расстреле в отношении 20 099. В общей сложности, репрессиям подверглось 5% населения страны, или 10,9% мужской части населения. Из них около 17 тыс. репрессированных были ламами, из них около 14 тыс. было расстреляно⁵.

Репрессии коснулись, прежде всего, духовенства. По материалам совета министров МНР, на сентябрь 1937 г. было арестовано 14 817 лам, на июль 1938 г. — 19 784.⁶ 8 мая 1939 г. и.о. начальника Комиссии по религии Баярсайхан докладывал Чойбалсану и секретарю ЦК МНРП Лувсаншараву, что в 1937 г. арестовано 1689 лам, из них 1548 расстреляно, 141 получили тюремные сроки, в 1938 — соответственно, 15268, 1210 и 1365; 1939 г. — 47, 31 и 16. Эти данные непро-

¹ “Безбожник”, № 4 (667)) № 12 (675), 21.04.1939, № 17 (680), 11.06.1939.

² Копия постановления по делу У. Бадраха от 10.08.1939 в кн.: Ариунболд, 2012, с. 82–83.

³ Рошин, 1999, с. 294. Надо отметить, что в СССР были казнены многие партийные и государственные деятели МНР (подробнее см.: Дашдаваа, Туяа, 2011, с. 7–140).

⁴ История Монголии, 2007, с. 106.

⁵ Энхжаргал, 2010.

⁶ УТА, Совмин, 1-6-403, 2, 3 — цит. по: Kaplonski, 2014, p. 202, 240.

ренные и не отражают полной картины¹. Они имеются в отчете МВД в 1940 г. за 1937–1939 гг.: приговоры по политическим делам в 1937 г. получили 1689 лам, в 1938 — 15268, в 1939 — 47. Всего за эти годы было арестовано 17004 лам, из них в 1937 г. — 1548, 1938 — 12100, 1939 — 31. Из них расстреляно 13679 лам. Приговорены к различным срокам заключения 3322 ламы: в 1937 г. — 141, 1938 — 3165, 1939 — 16².

По другим сведениям, за период 1937–1939 гг. было арестовано 17454 ламы, из них 14201 расстреляны, 3751 получили до 10 лет заключения³. Но и после 1940 г. были случаи репрессий лам⁴.

Однако сумма цифр репрессированных представителей буддийского духовенства по рангам, степеням и должностям дает другие величины: по фондам улан-баторского Музея репрессий⁵ на 2000-е гг. всего — 19420, по материалам А. Эрдэнэсайхана⁶ — 16635, из них с 1937 г. — 16524 (табл. 12). Данные, представленные в Музее репрессий, более старые. Они могут быть завышены за счет повторного включения части людей в несколько пунктов. Оценки, приводимые в последней по времени книге, различаются по разным источникам⁷. Они ближе к оценке П. Энхжаргал⁸ и представляются наиболее реалистичными.

По-видимому, в общей сложности было арестовано больше 16 тыс. представителей буддийского духовенства (но, вероятно, меньше 19 тыс.), из них расстреляно около 13–14 тыс. — т.е. большая часть арестованных. Духовенство составляло основную часть репрессированных (около 69%).

Приговоры выносились и приводились в исполнение быстро, «конвейерным» методом, как в то время в СССР. 11 сентября 1937 г. Чойбалсан, собрав своих работников, сказал, что допросы надо проводить очень жестко, работать в выходные и по ночам. В связи с этим работники МВД не имели стимула допрашивать людей по закону, поэтому допросы велись формально, и быстро следовало наказание. Ведь за неисполнение приказа им самим грозило наказание вплоть до расстрела⁹.

Для арестов использовались результаты регистрации духовенства в 1936–1937 гг. Некоторые следователи, например, некий Банзрагч во время командировки в Хубсугульский аймак, за день рассматривали дела 60 чел. Особой жесткостью отличались те, кто стали партийцами из послушников. Например, некий палач Хаймчиг раньше служил при монастыре, Лувсаншарав был монахом (а затем в 1928 г. учился в КУТВе). По признанию представителя МВД Ц. Лувсансамдана, лишь в Улан-Баторе тюрьмы были переполнены ламами, их 1–2 раза в не-

¹ Сонинбаяр, 2008, с. 48.

² ТЕГ-ын Тусгай архив, сх. 1, х.н. 439, тал 4 — в кн.: Лам нарыг..., 2013, с. 74–75.

³ Өлзийбаатар, 2004, с. 239–240.

⁴ Лам нарыг..., 2013, с. 150–151.

⁵ УТХ.

⁶ Лам нарыг..., 2013, с. 150–152.

⁷ Лам нарыг..., 2013 — см. выше.

⁸ Энхжаргал, 2010.

⁹ Ринчин, 2000, с. 6 — в кн.: Лам нарыг..., 2013, с. 130.

Таблица 12. Распределение по степеням, должностям и т.д. репрессированных представителей буддийского духовенства в МНР

Ранги, степени и должности	УТХ, 2000-е гг.	Лам нарыг., 2013, с. 150–152 ¹
Хутухта	4	5 ²
Хубилган	52	46
Геше	1	
Габджу	6723	6453
Хамбо-лама	97	86
Да-лама	2074	92
Гэсуй	1245	939
Ловон	147	160
Гадатель, предсказатель	20	3
Сойбон	4	5
Сунлайв ³	4	
Цогжин	3	
Нярав	1	
Луйжин ⁴	3	
Практик Чод	1	
Дзурхайч	39	51
Унзат	896	762
Аранжинба ⁵	544	
Гонир, донир	14	24
Дуганч (настоятель дугана)	22	8
Цорджи	46	44
Лхарамба		1
Аграмба	9	1814
Чойрамба ⁶	9	16
Ранжимба ⁷		379
Марамба ⁸	448	376
Дорамба ⁹	125	137
Дзиримба ¹⁰	7	6
Авралч ¹¹	103	90
Тахилч (прислужник в храме)	22	11
Лама	6043	3905
Гурэмч (ведущий молебн)	656	1161
Гелонг, геше	52	61
Догжир ¹²	6	
Дзайсан		104
Дарь эх ¹³	4	1
Хиа-лама		6
Чойжин		3
Врач, лекарь (эмч)	1	4
Шаби	6	

делю вывозили в 2–3 набитых грузовиках на расстрел¹. Лувсансамдан вспоминал, что каждый следователь должен был допросить в день не менее 10 лам. Некто Баясгалан допрашивал в день до 90 чел. Советский инструктор Кичиков («Гичиков») требовал всегда бить допрашиваемых, чтобы они говорили правду².

Один из бывших следователей Даважав вспоминал, что их правда от обвиняемых не интересовала: не было времени получать объяснения врага — надо было получать показания, доказывающие, что это враг. Ц. Лувсансамдан говорил: «Мы допрашивали лам, у которых есть шабинары — тогда учитель и его родственники — вожди контрреволюционеров, ученики — члены контрреволюционной организации, их родственники — сочувствующие». Такие показания тогда и получали. Если ламы — классовые враги, значит, их следовало уничтожать. Значит, надо, чтобы они признавались, что они контрреволюционеры. Так и работали. Представитель МВД Дж. Джанцан тоже говорил, что при допросах они не сличали показания с законом. Начальство требовало узнать, из какого монастыря лама, нужны были показания, согласующиеся с предыдущими томами дела, и чтобы он их подписал³.

¹ Баабар, 2010, с. 373.

² Jerryson, 2008, p. 175–176.

³ Чойнзин, рукопись, с. 3–13 — в кн.: Лам нарыг..., 2013, с. 131–132.

Примечание к табл. 12.

1 — Данные за период до 1937 г., 1937–1940 гг. и «год неизвестен». Данные по репрессированным шаманам, феодалам, членам МНРП и др. лицам, не входившим в буддийское духовенство, не включены.

2 — Это заниженная цифра: были расстреляны Егузэр-хутухта, Манджушри-хутухта, Зая-пандита-хутухта, Эрдэнэ-пандита-хутухта, Ялгусан-хутухта, Хухэн-хутухта (Баабар, 2010, с. 315; Монголын сүм хийдийн..., 2009, с. 118–131; Баярмаа, 2013, с. 265).

3 — По-видимому, знаток чойра (тиб.: *gzhung las pa*) (А.Д. Цендина, личн. сообщ.).

4 — Лама, очищающий место от нечистых духов. Расшифровку остальных терминов см. в гл. 6.

5 — По-видимому, равжамба — ученая степень в буддийской философии (А.Д. Цендина, личн. сообщ.).

6 — По-видимому, ученая степень при обучении цаниду (чойр).

7 — Рабджамба — ученая степень по философии, дававшаяся в монастыре Гумбум.

8 — Врач тибетской медицины, имеющий ученую степень (примерно соответствует доктору наук).

9 — Ученая степень по цаниду, получаемая в монастыре Лавран.

10 — Ученая степень в области математики.

11 — То же, что гурэмч — тот, кто совершает очистительные ритуалы (А.Д. Цендина, личн. сообщ.).

12 — Тот, кто совершает обряды, отгоняющие зло.

13 — Богиня Тара. Возможно, имеются в виду люди, которых сочли воплощением Тары. Например, в аймаке Чандмань-ула в 1928 г. появилась «Тара» («Дарь-Эхэ») в лице жены местного тайджи (ЦАФСБ, ф. 65, д. 9920, л. 186). Так называли и подруг руководящих лиц из духовенства (А.Д. Цендина, личн. сообщ.).

Большинство захоронений казненных неизвестны, но иногда на них натываются при земляных работах. В 1990-х – 2000-е гг. в Монголии сообщалось о трех таких находках, причем вначале органы сваливали вину на гаминов или Унгерна, но позже признали правду¹. В 1992 г. в районе бывшего монастыря Мурэн в Хубсугульском аймаке нашли массовое захоронение 1 тыс. монахов. Они были не расстреляны, а забиты тяжелыми предметами, другим свернули шеи и т.п.²

В 2000-х гг. было вскрыто массовое захоронение казненных лам у горы Хамбын-обо. Сейчас это у просп. Мира (Энх Тайвны өргөн чөлөө), у мкр. 1 района Сонгино-Хайрхан г. Улан-Батор (в 1930-х гг. это было уединенное место за чертой города). Там собрали два самосвала костей, в общей сложности от 575 человек. Предполагается, что убитых было больше: кости находили там уже три года, и не все они сохранились. Судя по остаткам религиозных предметов и одежды, казненные были ламами, примерно от 30 лет до беззубых стариков. Их расстреливали из двух видов оружия, в основном, в затылок, но встречались разбитые черепа; некоторые берцовые кости сломаны³. Часть этих черепов хранится в Мемориальном музее политических репрессий в Улан-Баторе. Они имеют пулевые отверстия в теменной и лобной частях, иногда также проломы от тяжелых предметов.

Через два месяца после визита Фриновского в МНР — в октябре 1937 г. Чойбалсан направил поздравительную телеграмму ему и Ежову по случаю 20-летия НКВД⁴. В другом письме Х. Чойбалсан благодарил наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова за то, что тот прислал в Монголию своего заместителя Фриновского в помощь против «врагов народа»⁵.

Ликвидация церкви в Монголии в эти годы имела много общего с тем, как тогда же ликвидировали буддизм в СССР и Туве. В СССР тоже использовали репрессии, повышение налогового пресса, закрытие храмов и передачу их учреждениям, обвинения в антисоветизме, заговорах, шпионско-диверсионной деятельности. К концу 1930-х гг. в Калмыкии и Бурят-Монголии не осталось монахов и действующих храмов⁶. В Туве репрессиями руководил местный сталинист — генсек ЦК ТНРП С. Тока, и тоже с помощью советских органов. Тот же Фриновский использовал список участников «контрреволюционного заговора» в Туве. Обвинения и здесь включали контрреволюционную деятельность, работу на японский империализм и т.п.⁷

Ликвидация церкви сопровождалась уничтожением буддийской культуры. Так, после закрытия крупных монастырей Гандантэгченлин, Голын-Цаган-сумэ, Дэчин-Галбайн-сумэ, Очирдарийн-сумэ их имущество было опечатано и объявлено

¹ Sanders, 2007, p. 105.

² Баабар, 2010, с. 373.

³ Аким, 2004, с. 1–32; Пүрэвбат, 2008, с. 101–104.

⁴ Архив ТТГ, копия — УТХ.

⁵ Өлзийбаатар, 2004, с. 239–240.

⁶ Подробнее см.: Сеницын, 2013, с. 103–110, 123, 198–204; статистика: Цыжипов, 2006, с. 134.

⁷ Саая, Сат, 2009, с. 63–65.

госсобственностью¹. Все деревянные строения монастыря Гандантэгченлин были уничтожены². Все религиозные предметы из храмов вывезли. В храме Мэгжид-Жанрайсэг разместился 17-й полк из СССР, вскоре после этого храм сочли историческим зданием, передали госархиву, и сделали складом религиозных книг³. По рассказу очевидца, знаменитая статуя Авалокитешвары (монг.: Жанрайсэг) высотой 25,6 м в этом храме была разобрана во время Второй мировой войны, украшения из золота, серебра и драгоценных камней изъяты, книги и рукописи извлечены, а металлический корпус вывезен советскими солдатами⁴. Дальнейшая судьба этой статуи неизвестна. Вероятно, она была переплавлена.

Об «очистке» знаменитого монастыря Амарбаясгалант летом 1937 г. сохранились следующие рассказы. Подъехали 17 армейских грузовиков с монгольскими и советскими солдатами. Они стали выгребать из храмов старинные книги, рукописи, статуи, тханки и прочее в грузовики. Некоторые ламы и местные жители успели заблаговременно забрать и спрятать наиболее важные предметы, но большинство было утрачено. Грузовики отъехали за горы справа от монастыря, и там все было сожжено в большом костре. Мощи Богдо-гэгэна I Дзанабадзара и Богдо-гэгэна IV были изъяты из субурганов и тоже сожжены. Над местом костра несколько дней поднимался шлейф дыма. Все храмы за пределами монастырской ограды были снесены⁵. Храмы Амарбаясгаланта использовались под склады и казармы, некоторые были уничтожены, другие до сих пор не восстановлены полностью. В 2008 г. монахи этого монастыря говорили мне, что в 1937 г. мощи Дзанабадзара все-таки успели заблаговременно изъять и спрятать где-то в горах.

Большой монастырь Дамбадаржа-хийд (основан в 1765 г.) в окрестностях Улан-Батора был передан в ведение минздрава⁶. Со временем большая часть построек в нем была снесена, открыт туберкулезный санаторий, построен огромный бетонный корпус на месте главного храма, здания остальных храмов разрушались. По моим наблюдениям 2009, 2013 и 2014 гг., этот монастырь, ныне возвращенный верующим, представляет собой почти развалины, незначительная часть которых очень медленно восстанавливается. Мощи Богдо-гэгэнов II–VII, находившиеся в монастырях Дамбадаржа и Гандантэгченлин, по рассказам, были сожжены (но судьба мощей Богдо-гэгэна VIII неясна).

17 июня 1937 г. были выселены вглубь страны все монахи из монастыря Егузэр-хутухты (600 лам и 70 хуваракон). Джассы и имущество монастыря были конфискованы, ценности собраны в аймачном отделении МВД и пущены в доход государства. Некоторые предметы пропали. Монастырь, основанный в 1780 г., а также 128 домов и 90 подворий лам были переданы под расквартирование вспомогательного кавалерийского отряда из СССР. 1 января 1938 г. этот отряд разру-

¹ Сонинбаяр, 2008, с. 48.

² Teleki, 2011, p. 162.

³ Мэнд-Ооёо, 1997, с. 154–155.

⁴ Батсайхан, 2011б, с. 198.

⁵ Croner, 2006, p. 47–48.

⁶ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 337, тал 61.

шил монастырь и использовал его здания на стройматериалы. С 1990-х гг. монастырь был частично восстановлен и возобновил деятельность¹.

В монастыре Манджуши-хийд к 1937 г. оставалось 54 монаха. В последний зимний месяц в монастырь прибыли на двух грузовиках представитель МВД Лувсанжамьян и красный партизан Норов с двумя людьми. Они арестовали и увезли всех монахов. Судя по опубликованному списку, из этих 54 лам было расстреляно 34, получили по 10 лет заключения — шесть, судьба остальных неизвестна. Монастырь остался под охраной двух караульных. Все ценное имущество было конфисковано и увезено в Улан-Батор (в том числе наличность в 9796 тугриков 80 мунгу). Сэрун-лавран снесли уже в 1937 г., все дерево на машине отправили в центр сомона Баян-Цаган для строительства фабрики. 18 мая 1938 г. остатки монастыря передали воинской части². Затем много храмов использовали на материал для строительства аэропорта. В 1942–1943 гг., когда основали г. Дзун-Мод, некоторые материалы использовали на здания торговых домов, их вывозили гужевым транспортом³. В итоге были разрушены все храмы. В настоящее время единственный восстановленный храм используется под музей, рядом — турбаза. Верующие же вынуждены тесниться в маленьком новом храме в г. Дзун-Мод.

В 1937 г. был закрыт и постепенно разрушен монастырь Бревен-хийд (Балдан Брэйвун), состоявший из 60 храмов, в котором было, по разным сведениям, от 1500 до 6000 монахов. Частично сохранился лишь главный храм.

Был полностью уничтожен большой монастырь Чойрын-хурэ, в котором в конце XIX в. насчитывалось 1500 монахов, отличавшихся строгостью жизни⁴. В этом монастыре монахи писали книги, была печатня ксилографов и библиотека, в которой было в том числе 108 томов Ганджура и 223 тома Данджура. Уже в 1930–1932 гг. многие ламы из него вышли в мир, получив доли имущества, в 1932 г. имущество джассы этого монастыря полностью ушло на хуралы и налоги, часть имущества передали коммуна и кооперативам, монастырское хозяйство пришло в упадок⁵. В 1938 г. все оставшееся было конфисковано⁶. В 1940-х гг. «тибетские надписи, палки с хвостами яков, укрепленные в расщелинах камней, еще местами сохранились по сторонам дороги, указывая путь к монастырю. Почти все постройки монастыря были разобраны на дрова, только 3–4 здания были заняты под жилье и склады. Огромные толстые балки, разгораживавшие двор, указывали на былую солидную постройку. Бронзовые вазы старинной китайской работы использовались под сосуды для воды»⁷. Сейчас там лишь маленькая новая часовня и несколько сохранившихся барельефов на скалах.

¹ Одбаяр, 2012, с. 62–63.

² МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 337, тал 59.

³ Цэрэндоо, 2009, с. 67–72

⁴ Позднеев, 1896, с. 606–608.

⁵ Монголын сүм..., 2012, с. 265–266.

⁶ Боржигин..., 2011, с. 165.

⁷ Ефремов, 1962, с. 151.

В знаменитом монастыре Эрдэнэ-Дзу из 62 храмов и сотен других построек после разрушений 1930-х гг. сохранилось лишь 16 храмов¹. Были разрушены ступа с останками Абатай-хана и знаменитый Золотой субурган². На разрушения мобилизовали в основном молодежь, проводили революционные соревнования, награждали победителей³.

18 марта 1938 г. бывший монастырь Чойжин-Ламын-сумэ в Улан-Баторе был передан под музей Ученому комитету⁴. Несколько раньше — в 1934 г. по неизвестной причине там сгорел лавран, где находились мощи чойжин-ламы Лувсанхайдава — последнего государственного оракула Монголии, младшего брата Богдо-гэгэна VIII⁵.

26 мая 1938 г. Стомоняков рапортовал Сталину: «В связи с телеграммой Голубчика № 9924, НКВД полагает, что, поскольку свыше 500 монастырей оставлены ламами, и их имущество и джасское хозяйство расходуются, целесообразно принять предложения тов. Голубчика о конфискации имущества и хозяйства этих монастырей с тем, чтобы выручку обратить на долгосрочное кредитование аратской бедноты». Проект был послан, против него не было возражений⁶.

В августе 1938 г. появился проект постановления Ламской комиссии при ЦК об использовании ликвидированных монастырей. В нем перечислялись структуры, которым поручалось использовать монастырское имущество, предусматривался контроль за использованием зданий по назначению теми учреждениями, которые их получили. Золото, серебро и подобную утварь надлежало обратить в госдоход, скот распределить среди ламской бедноты (это поручалось Амару). Аймачным комиссиям поручалось распределять здания школам, больницам и другим учреждениям (поручено Навану и Галиндэву). Поскольку присланные из СССР военные, специалисты и прочие нуждались в жилье⁷, Ламской комиссии поручалось передать солдатам РККА Гандан-хурэ и Голын-Цаган-сумэ (поручено отделу МВД по религии и начальнику комбината Доржу). Предыдущие решения о передаче Гандана ведомствам Центрального аймака и Голын-сумэ продовольственному комбинату отменялись. Желтый дворец Богдо-гэгэна и здание, уже занятое представителями правительства, со всей внутренней обстановкой передавались Центральному аймаку (поручено Амару и отделу МВД по религии). Поручалось подобрать здания монастыря Дзун-хурэ, в которых можно открыть ветлечебницу и школу (поручено отделу МВД по религии)⁸.

Значительная часть монастырских зданий использовалась неэффективно. Минпрос, минсельхоз, минобл, стройкомбинат оставляли полученные здания без охра-

¹ Stoner, 2006, p. 4–5, 147.

² Баасансүрэн, 2011, с. 147, 150.

³ Баабар, 2010, с. 379.

⁴ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 392, тал 67.

⁵ Ломакина, 2006, с. 173.

⁶ РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1083, л. 194.

⁷ По данным на февраль 1938 г. в МНР работало 1475 советских граждан в качестве инструкторов, специалистов и рабочих (РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1083, л. 14) — не считая войск.

⁸ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 337, тал 63–64, 67.

ны, в них заводились бездомные собаки, здания разрушались. Например, минпрос оставил без присмотра двор тибетского Цаган-субургана — в результате все дерево растащило. Минюст продал полученное здание за 200 тыс. тугриков. Организации отвечали руководству, что начнут работать с полученными зданиями в 1939 г.¹

По уже цитированному докладу 8 мая 1939 г. и.о. начальника Комиссии по религии Баярсайхана Лувсаншараву и Чойбалсану, к маю 1939 г. из конфискованных зданий монастырей 767 было отремонтировано, 724 «очищено» и распределено по организациям, шесть находилось в процессе «очистки», 37 еще не распределено. Эти 37 не были распределены потому, что они находились далеко от дорог, или здания были сделаны из глины — потому использовать их не было смысла. Но главные причины того, что из остальных зданий не все удалось использовать — что в них было очень много книг, утвари, «мусора и хлама». Проводить «очистку» открыто было нельзя: когда пытались все это уничтожить — собирался народ и препятствовал. Невозможно было работать, когда люди рядом пасли скот. Кроме того, не хватало транспорта для вывоза медных и латунных предметов, хозяйственной утвари. Не хватало рабочей силы: работали в основном представители самих организаций, которым были переданы здания, другие аймачные организации помощи не оказывали, дело затягивалось. Ко времени доклада было собрано множество медных и латунных изделий, определено число автомашин, требуемых для их вывоза (табл. 13), проведено распределение монастырских зданий по учреждениям (табл. 14)².

Таблица 13. Число автомашин, требуемых для «очистки» брошенных монастырей в МНР (МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 7, х.н. 23, тал 58–63)

Аймаки	Число машин, требуемых для перевозки в центр	Из них:	
		Требуется в аймачных центрах	Требуется в монастырях
Хубсугульский	35	35	—
Центральный	135	—	135
Архангайский	150	—	150
Увэрхангайский	14	—	14
Хэнтэйский	60	60	—
Южно-Гобийский	26	—	26
Кобдосский	7	7	—
Селенгинский	70	70	—
Восточный	5	2	3
Восточно-Гобийский	12	2	10
Убсунурский	6	6	—
Булганский	19	19	19
Дзабханский	27	9	18
Всего	566	191	375

¹ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 343, тал 34.

² МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 7, х.н. 23, тал 58–63; с некоторыми ошибками опубл. в кн.: Монголын сүм хийдийн түүхэн товчоон, 2009, с. 843–847.

Таблица 14. Распределение зданий брошенных монастырей по учреждениям и организациям МНР (МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 7, х.н. 23, тал 58–63)

Аймаки		Увурхангайский	Дзабханский	Булганский	Селенгинский	Восточный	Архангайский	Восточно-Гобийский	Убсунурский	Центральный и Улан-Багор	Кобдосский	Южно-Гобийский	Хэнтийский	Хубсугульский	Всего
		Число монастырей	23	32	71	32	46	132	68	11	139	24	59	99	32
Готовые	Число зданий	223	611	273	214	436	692	307	95	1222	166	775	656	283	5953
	Передано школам	Дуганы и храмы	24	31	40	20	1	83	16	13	42	4	21	26	44
Дворы		2	15	–	–	–	5	–	2	9	–	–	–	–	33
Дома		1	49	4	13	1	11	23	2	46	8	18	37	22	235
Сараи		–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Войлочные юрты		–	14	–	–	1	–	–	3	–	28	1	9	–	63
Деревянные юрты		–	1	–	–	–	3	–	–	5	–	1	4	–	14
Передано больницам	Храмы	58	56	44	17	14	5	67	15	89	7	51	33	48	564
	Дворы	6	24	–	–	8	7	–	–	15	–	–	–	–	60
	Дома	4	67	2	11	11	17	76	3	73	9	31	47	51	372
	Сараи	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1
	Войлочные юрты	–	16	–	–	1	–	–	–	–	23	1	12	–	53
	Деревянные юрты	1	1	–	2	–	7	–	–	15	–	–	7	–	33
Передано станциям	Дуганы и храмы	1	5	7	3	17	25	–	14	4	2	–	16	5	99
	Дворы	–	1	–	–	6	–	–	–	1	–	–	–	–	8
	Дома	–	–	3	–	14	–	–	–	9	5	–	17	–	49
	Сараи	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
	Войлочные юрты	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1
	Деревянные юрты	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	2
Передано объединениям лам и ремесленников	Дуганы и храмы	11	8	22	7	19	38	2	3	9	4	6	29	9	167
	Дворы	3	4	–	–	3	6	–	–	–	5	–	–	–	18
	Дома	13	13	–	11	21	18	–	2	16	7	19	38	4	162
	Сараи	–	–	6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	6
	Войлочные юрты	4	–	–	–	–	–	–	–	–	4	–	1	–	9
	Деревянные юрты	2	–	3	–	–	6	–	–	3	–	–	3	–	17

Продолжение табл. 14

Аймаки		Увэрхангайский	Дзавханский	Булганский	Селенгинский	Восточный	Архангайский	Восточно-Гобийский	Убсунурский	Центральный и Улан-Багор	Кобдосский	Южно-Гобийский	Хэнтийский	Хубсугульский	Всего
Передано торговым организациям	Дуганы и храмы	55	38	59	18	2	234	–	14	74	14	44	92	43	687
	Дворы	9	15	–	–	–	10	–	–	6	8	–	–	–	48
	Дома	11	28	3	35	1	28	–	1	72	8	63	77	2	329
	Сараи	–	4	–	–	–	–	–	–	2	–	–	1	–	7
	Войлочные юрты	–	11	–	–	–	–	–	–	–	1	1	13	–	26
	Деревянные юрты	2	1	2	2	–	5	–	–	19	–	1	7	–	39
Передано казармам	Дуганы и храмы	–	2	–	20	160	–	38	–	63	2	49	19	–	353
	Дворы	–	–	–	–	11	–	–	–	58	1	–	–	–	129
	Дома	–	3	–	18	13	2	69	–	67	6	57	9	–	244
	Сараи	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	2
	Войлочные юрты	–	3	–	–	4	–	–	–	–	–	6	–	–	13
	Деревянные юрты	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	5	–	7
Передано административным учреждениям	Дуганы и храмы	3	17	20	1	–	–	–	15	29	–	146	25	19	275
	Дворы	–	10	1	–	–	–	–	–	22	–	–	–	–	33
	Дома	–	26	6	–	–	–	–	–	59	–	132	34	–	257
	Сараи	–	–	5	–	–	–	–	3	–	–	33	4	9	54
	Войлочные юрты	–	5	–	–	–	–	–	–	–	–	2	1	–	8
	Деревянные юрты	–	–	–	–	–	2	–	–	20	–	7	1	–	30
Передано партийным и общественным организациям	Дуганы и храмы	9	7	24	–	–	16	–	4	36	–	–	16	16	128
	Дворы	2	9	3	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	15
	Дома	–	10	19	–	–	5	–	1	4	–	7	35	7	88
	Сараи	2	19	–	–	–	–	–	–	57	–	7	–	–	85
	Войлочные юрты	–	7	–	–	–	–	–	–	–	–	1	3	–	11
	Деревянные юрты	–	–	–	–	–	4	–	–	9	–	–	3	–	16

Продолжение табл. 14

Аймаки		Увэрхангайский	Дзэбханский	Булганский	Селенгинский	Восточный	Архангайский	Восточно-Гобийский	Убсунурский	Центральный и Улан-Багор	Кобдосский	Южно-Гобийский	Хэнтийский	Хубсугульский	Всего
Передано органам МВД	Деревянные юрты	–	–	–	–	9	3	16	–	26	3	52	8	1	118
	Дворы	–	–	–	–	–	1	–	–	8	–	–	–	–	9
	Дома	–	–	–	–	5	2	–	–	18	11	12	12	–	60
	Сараи	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	17	–	–	17
	Войлочные юрты	–	–	–	–	8	–	–	–	–	6	17	3	–	34
	Деревянные юрты	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	7	–	7
Из них не смогли взять	Монастыри	–	55	8	–	5	–	3	11	93	21	22	66	–	276
	Здания	147	401	–	51	13	351	16	95	67	93	326	533	16	285
Бесхозные здания	Монастыри	–	6	–	2	2	2	–	–	18	–	–	–	7	37
	Дуганы и храмы	–	40	–	36	18	36	–	–	83	–	–	–	20	233
	Дома	–	28	–	–	17	11	–	–	142	–	–	–	2	200
	Деревянные юрты	–	–	–	–	–	7	–	–	10	–	–	–	–	17
	Сараи	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1
	Дворы	–	22	–	–	11	4	–	–	1	–	–	–	3	41
	Неочищенные дуганы	–	–	–	–	–	–	–	–	5	–	–	–	4	9

Согласно этому документу, из переданных организациям на тот момент использовали далеко не все постройки. Некоторые организации продавали их, оставляли без присмотра (например, под предлогом, что ждут хорошую погоду для начала работы), некоторые постройки растаскивали жители. Организациям предписали в короткие сроки подготовить здания к использованию, а если нет денег — даст государство. Предписали срочно закончить прием зданий, быстро найти людей и транспорт, доставить в центр из аймачных центров те предметы, которые подлежат доставке (государство выделит транспорт и грузчиков) — всю работу надо кончить к 1 сентября 1939 г. Кроме того, в Увэрхангае, Дзэбхане и Восточной Гоби необходимо было раздать народу оставшийся джасский скот. В связи с тем, что монастыри в сомонах ликвидированы, реорганизовали религиозные администрации. Представители этих администраций теперь должны были участвовать в «очистке» монастырских построек. Затем они придавались в помощь МВД для работы среди лам, вышедших в мир¹.

¹ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 7, х.н. 23, тал 58–63.

В целом, из 5953 монастырских зданий 5451 передали государству, остальные забросили; конфисковали 348 подворий, 1796 домов, 378 юрт¹.

Судя по воспоминаниям советского палеонтолога И.А. Ефремова о его экспедициях по МНР в 1946–1949 гг., почти все виденные им монастыри к тому времени были уже разрушены — судя по описаниям, целенаправленно. Разрушались в основном храмы, субурганы и глиняные скульптуры, среди развалин геологи находили изображения бурханов, книги и т.д. Лишь в некоторых местах оставались деревянные домики, использовавшиеся под склады. Дерево использовалось также для строительства и топлива, кое-где использовались хозяйственные предметы². Старики вспоминают о том, что деревянные храмы очень быстро разбирали на стройматериалы³.

Многие здания, переданные учреждениям, были разрушены позже. Например, здание Манба-дацана (школы тибетской медицины, основанной в 1760 г.) в Улан-Баторе после 1938 г. использовали под фармацевтическую фабрику. Оно просуществовало до 1952 г.⁴

В редком монгольском издании⁵ дан обзор монастырей Монголии с фотографиями большинства из них и краткими сведениями. Съемка проводилась в 2007 г. Хотя не все храмы и монастыри были сфотографированы, судя по книге и устным сведениям от одной из ключевых фигур этого проекта, С. Бирн, выборку съемок можно считать репрезентативной. Если исключить храмы, построенные после 1990 г., всего было отснято 792 объекта (бывшие храмы и монастыри), для каждого в книге приведены названия. Судя по фотографиям, от 96% этих объектов остались лишь фундаменты, стены или вообще ничего. От 3% объектов сохранился лишь один храм с крышей, разной сохранности — от новейшей реставрации до руин. Лишь у 1% объектов сохранилось более двух храмов с крышей. Но хотя бы часть храмов была разрушена во всех монастырях. Наиболее сохранившиеся монастыри — Гандантэгченлин, Зеленый дворец Богдо-гэгэна и Чойжин-Ламын-сумэ в Улан-Баторе (из них лишь Гандантэгченлин используется как монастырь), Амарбаясгалант (действует два храма), Сангийн-Далай-хийд, Эрдэнэ-Дзу (действует один храм⁶), Дамбадаржа-хийд (действуют два храма), Чин-Сужигт-Номун-ханы-хурэ, Верхний монастырь Зая-пандита-хутухты.

Особый интерес из монастырского имущества вызывали у властей деньги, ценности, изделия из цветных металлов (в основном, на переплавку). 25 мая 1939 г. 67-й пленум ЦК МНРП констатировал, что «очистка» монастырских зданий продолжается. Посуду из них распределяют по больницам, школам, организациям. Важно отправить в центр медные и латунные вещи. На это выдели-

¹ Пүрэвбат, 2008, с. 93–107.

² Ефремов, 1962.

³ Напр., воспоминания У. Чойжамца о Ганжур-хийде в Южной Гоби, Д. Дашринчена о Яругин-хийде в Архангае (Монголын сүм хийдийн түүхэн товчоо төсөл).

⁴ Teleki, 2011, p. 92.

⁵ Монголын сүм хийдийн..., 2009.

⁶ В остальных — музей, приносящий доходы государству. На восстановление снесенного МНРП главного храма собирают деньги верующие.

ли МВД 33 тыс. тугриков. Здания 37 монастырей, которые к тому времени еще оставались не распределенными, парткомам аймаков поручили раздать школам, бесхозные дворы — арадам под хлевы и т.д. Отмечалось, что на данный момент на имя МВД в банках хранятся реквизированные в монастырях золото, серебро, жемчуг, наличные деньги на 233 тыс. тугриков. Чойбалсану поручили перевести из них 200 тыс. в доход государства¹.

По другим данным, у монастырей было конфисковано 233 847 тугриков 84 мунгу, 5916 кг изделий из золота и серебра, для перевозки только медных и латунных изделий понадобилось 566 машин². Кроме того, на август 1938 г. конфисковано скота 336 734 головы — более чем на 5 млн. тугриков. Из него беднякам раздали около 80 тыс. голов, остальное продали или отдали военным³.

В первый летний месяц 1938 г. было решено свозить на центральный склад изделия, книги и прочее из храмов Улан-Батора. В течение года на повозках все это свозилось в три храма для определения, как распределять дальше: что сдавать в музеи, что уничтожить или отправлять в СССР. В результате эти храмы избежали разрушения, позже использовались под цирк, стойло для цирковых животных и склад⁴.

С конца декабря 1939 г. по январь 1940 г. в течение 30 дней в Улан-Баторе на аукционе распродавалось то монастырское имущество, которое можно использовать в хозяйстве: куски старого шелка (в том числе использовавшиеся для заворачивания религиозных книг), ковры и т.д.⁵

По рассказам очевидцев, в Улан-Баторе были «склады» — свалки искореженных металлических скульптур бурханов, свезенных из разных монастырей (в первую очередь, столичных). Члены экспедиции АН СССР, пытавшейся в то время спасти от уничтожения имущество дацанов в Бурятии, писали, что из Улан-Батора ответили в Улан-Удэ: в МНР все дацаны ликвидированы, а все имущество свезено в Улан-Батор на «склады». Члены правительства БМАССР говорили им, что правительство МНР охотно передаст дацанское имущество АН СССР. Скульптор С.Д. Меркуров и сотрудница отдела Востока Эрмитажа Н.В. Дьяконова рассказывали, что во время войны они видели в Свердловске (Екатеринбурге) на платформах у вокзала искореженные статуи бурханов из Монголии, не подлежавшие восстановлению⁶. Они были привезены на переплавку. А.А. Терентьев рассказывал мне, что в музеях Красноярска и Бийска ему показывали небольшие металлические скульптуры бурханов, которые были куплены частными лицами с товарных вагонов, наполненных ломом цветных металлов, направлявшихся на запад. С.В. Дмитриев передавал мне рассказы старого музейного сотрудника из Москвы, что в те времена в Москву прибывали эшелоны со скульптурами бурханов из цветных металлов для оборонных заводов. Сотрудникам музея по прибытии эшелона давали 5 часов

¹ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 7, х.н. 18, тал 229–232.

² МУУТА, МБТ, ф. 1, д. 7, х.н. 26, тал 59, 65 — в кн.: Пүрэвжав, Дашжамц, 1965, с. 239.

³ Архив министерства финансов: Пүрэвжав, Дашжамц, 1965, с. 239.

⁴ Teleki, 2011, p. 162.

⁵ УТА, минфин, 7-2-363 — цит. по: Kaplonski, 2014, p. 216.

⁶ Ломакина, 2006, с. 202–203.

на то, чтобы отобрать те из них, которые представляют музейную ценность. По-видимому, это были в основном поставки из Бурятии, но, вероятно, и из МНР.

С этим согласуются сведения, сообщенные мне Р. Баяром: заведующий Фондом культуры Монголии говорил ему, что в конце 1938 г. из монастырей МНР медные, бронзовые, золоченые фигуры бурханов и утварь были в основном отправлены в СССР, причем в начале 1938 г. в общей сложности 538 машин вывезли туда из Монголии по 1,5 т «цветных металлов», а небольшое количество оставшейся церковной утвари использовали на подарки. Можно предположить, что машины возили этот «цветной металл» до железной дороги в Сибирь, а оттуда его поездами отправляли на переплавку. Возможно, речь идет о части из общего числа в 566 машин, требовавшихся для перевозки (см. выше).

Однако и позже в Монголии видели больших бурханов, кое-где валявшихся среди развалин. В 1941 г. в Улан-Баторе в бывших храмах оставались лишь пьедесталы скульптур, а заключенные ламы, работавшие на строительстве, не говорили на такие темы¹. Муж И.И. Ломакиной — геолог Ю.П. Ершов рассказывал мне, что в 1962 или 1963 г. в брошенном дацане по дороге из Хэнтэя в Улан-Батор он видел буддийские скульптуры высотой примерно в рост человека, которых изуродовали ревсомольцы топорами и выстрелами из карабинов. Тогда же он видел пещеру в районе р. Баян-гол (от Улан-Батора на Дзун-Хару), которую местные жители охраняли как святое место, в ней горела масляная лампада. Там было сложено много больших ксилографических книг — видимо, из бывших монастырей.

Я слышал рассказы о том, что металлические фигуры бурханов (по крайней мере, часть) не увозили на переплавку в СССР, а переплавляли на пули в МНР. В связи с этим представляет интерес вопрос о происхождении желтого металла, из которого отлиты многочисленные люстры в роскошном дворце Чойбалсана в Улан-Баторе, построенном вскоре после закрытия храмов.

Монастыри в прошлом были полны книгами. Заезжих большевиков удивляло обилие одинаковых старых книг. Однако переписывание священных книг в тибетском буддизме считается методом накопления духовных заслуг. Поэтому монголы часто переписывали их сами или давали переписывать другим. При «очистке» храмов книги (причем не только дубликаты) часто уничтожались². Великолепные монастырские библиотеки в 1939 г. сжигали по приказу Лувсаншарава, а в 1950-е гг. «некоторые левачки настроенные деятели» стали сжигать даже частные коллекции. Например, в 1954–1955 гг. некие Дашдэндэв и Хаянхирва из Архангайского аймака докладывали, что успешно провели кампанию по уничтожению книг и собак (правда, ЦК это осудил)³.

Очевидно, к 1939 г. Сталин и Чойбалсан сочли, что разгром буддийской церкви в МНР успешно завершен. Началось устранение главных исполнителей этого. В марте 1939 г. Сталин заменил в МНР Голубчика на другого чекиста —

¹ Со слов архитектора Н.М. Щепетильникова — Ломакина, 2006, с. 202–203.

² Напр., воспоминания Н. Дашцэрэна и Л. Ишжамца (Монголын сүм хийдийн түүхэн товчоо төсөл).

³ Цэндийн Дамдинсүрэн..., 2008, с. 513.

И.А. Иванова, прислал новых инструкторов Глазкова и Милицина. В апреле появилось указание приостановить исполнение смертных приговоров осужденным Чрезвычайной полномочной комиссией, еще остававшимся в живых. Глазков заявил, что ликвидация заговора Гэндэна–Дэмиды, контрреволюционных феодалов и лам была верной, а репрессии невинных людей — нет. Ему вторил Чойбалсан: «были извращены законы», он узнал об этом лишь по возвращении из СССР. В том же стиле выступил и Лувсаншарав. Чрезвычайная полномочная комиссия («тройка») была упразднена¹. Изложенное выше показывает, что Чойбалсан, Лувсаншарав и Глазков, мягко говоря, лукавили.

Летом 1939 г. Лувсаншарав и его сотрудники, завершившие свое дело по разгрому религии, были арестованы «как контрреволюционеры» и отправлены в Москву. Лувсаншарав там расстреляли 27 июля 1941 г. по приговору военной коллегии Верховного суда СССР.

В апреле 1939 г. Чойбалсан заявил, что в стране «больше нет лам»². Это странно, т.к. в 1939 и 1940 гг. высшие ламы все еще облагались военным налогом³. Возможно, слова Чойбалсана точнее отнести к 1940 г., а возможно, что имелись в виду ламы, разошедшиеся по худонам.

Этих лам власти считали потенциальной опасностью. 25 мая 1939 г. 67-й пленум ЦК МНРП утвердил следующее постановление. Работа по религии в основном выполнена, основные силы контрреволюционных лам уничтожены, но остатки их сохраняются. Эти ламы сменили тактику: они стремятся делать свое дело в худонах под революционными лозунгами. Пленум постановил упразднить управление МВД по делам религии и соответствующие представительства правительства на местах. Все полномочия в этих вопросах передавались Чойбалсану. Ему же поручили подготовить доклад о том, какие мысли прослеживаются у лам, вышедших в мир. Упразднялись также ламские комиссии при ЦК и аймачных парткомах. Теперь эту работу должны были совместно проводить органы МВД и партработники аймаков. Для лам надлежало наладить выпуск материалов в партийной и ревсомольской газетах «Намын үнэн» (Партийная правда) и «Залуучуудын сонин» (Молодежные новости). Особенно важны были научные материалы, публикацию которых поручили Ученому комитету⁴.

На VIII Великом народном хурале МНР 22 июня – 5 июля 1940 г. была принята новая Конституция МНР, за образец которой была взята сталинская Конституция 1936 г. Чойбалсан в своем докладе указал, что класс феодалов ушел с исторической сцены, а «подавляющее большинство ламства приобщено к общественно-полезному труду»⁵. В 1942 г. в Уголовный кодекс МНР был внесен пункт о том, что провозглашение религиозных титулов хутухты и хубилгана карается заключением сроком до пяти лет с конфискацией имущества⁶.

¹ Баабар, 2010, с. 378.

² Misshima, Goto, 1942, p. 48.

³ Пүрэвжав, Дашжамц, 1965, с. 174: таблица.

⁴ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 7, х.н. 18, тал 229–232.

⁵ Цит. по: Рошин, 1999, с. 301.

⁶ Батсайхан, 2011б, с. 590.

В 1943 г. глава МНР Чойбалсан стал членом иностранной партии — ВКП(б). В его личном деле как члена ВКП(б) указаны заслуги в проведении твердой линии на сближение с СССР как гарантии независимости МНР, помощь в войне с Германией, стремление объединить все монгольские племена в единое государственное образование с МНР и «решительная борьба с контрреволюционными заговорщиками и японофильскими элементами» в 1938–1939 гг. Вместе с тем, отмечены болезненное честолюбие и очень высокие расходы на обслуживание Чойбалсана¹.

Вспомним: одним из главных обвинений теократии было ее богатство. Имущество всей буддийской церкви в период ее ликвидации оценивалось менее чем в 30 млн. тугриков, и его конфискация афишировалась как необходимое и справедливое изъятие средств, необходимых для государства². Согласно личному делу Чойбалсана, в 1947 г. было закончено строительство его зимней резиденции. На это ушло более 5 млн. тугриков, строилась такая же летняя резиденция: старая была снесена, т.к. стена дала трещину. От дома Чойбалсана к летней резиденции строилась специальная дорога (всего на 1,5 км короче старой) — за 5 млн. тугриков³. Эта зимняя резиденция (дворец), построенная для Чойбалсана в центре Улан-Батора, намного превзошла роскошью все дворцы Богдо-гэгэна.

В личном деле Чойбалсана содержится и ряд других малоизвестных фактов его биографии — например, что в 1923–1925 гг. он страдал алкоголизмом и сифилисом⁴. Стоит напомнить, что красная пропаганда обвиняла лам в распространении венерических заболеваний и употреблении алкоголя.

Эта пропаганда оправдывала уничтожение буддизма в Монголии, а память о заслугах церкви и теократов стирала цензура. На конференции по случаю 70-летней годовщины начала массовых репрессий в МНР (2007 г., Улан-Батор) сообщалось, что 15 октября 1937 г. пленум президиума ЦК МНРП указал на необходимость выявлять и конфисковать книги и труды контрреволюционеров. Это поручили центральной комиссии по печати при ЦК МНРП. В ней состояли в основном сотрудники МВД. На первом заседании эта комиссия поручила создать соответствующие парткомиссии для цензуры на всех уровнях. Началось массовое уничтожение того, что связано с «врагами народа». На заседании в 1939 г. центральная комиссия постановила, что фотографии и вещи тех, кто не очень глубоко вовлечен в контрреволюционную деятельность, можно сохранять, но делать так, чтобы их имя везде было убрано и эти вещи нельзя было определить⁵.

Результаты этого можно наблюдать в монгольских архивах: там почти нет фотографий контрреволюционеров⁶, но есть множество фотографий неизвестных людей. Сходная ситуация с письменными документами и другими материалами.

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 242, д. 1, т. 1, л. 1–44.

² В СССР в те годы велась та же пропаганда: Синицын, 2013, с. 212.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 242, д. 1, т. 1, л. 7–16.

⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 242, д. 1, т. 1, л. 1–44.

⁵ Монголын 767 сүм...

⁶ Например, первые фотографии барона Унгерна в УТА: КГДТ передал я в 2007 г.

В журнале «Современная Монголия» в период разгрома церкви в 1938–1939 гг. печаталась подборка статей В. Даурского¹. В них автор «доказывал» пагубность религии, неэффективность монастырской экономики, крепостной статус шабинаров, порочность духовенства и т.п. В 1941 г. «Монголкино» выпустило фильм «20 лет МНР» — как бы киноотчет о развитии МНР за тот период. В него вошли кадры хроники, снятые когда-то в монастырях. К ним идут комментарии, что проповеди десятков тысяч лам лежали тяжким грузом, не давая народу развиваться, праздники Круговращение Майдари и Цам использовались в борьбе с народным правительством, ламы плели заговоры и т.п.² В Улан-Баторе создали Антирелигиозный музей, чему посильное содействие оказывал Центральный антирелигиозный музей СССР³.

Достижение независимости Монголии всецело приписывали МНРП и советскому руководству. Например, в 1968–1969 гг. в Улан-Баторе вышел двухтомный русско-монгольский словарь с хронологической таблицей, где было много сведений о духовенстве и феодалах, даты смерти Ленина и Богдо-гэгэна VIII оказались в одной графе, а народная революция и социализм были освещены якобы недостаточно. Один из составителей Ц. Дамдинсурэн подвергся резкой критике в постановлении политбюро ЦК МНРП (№ 1076 от 24 июня 1970 г.) и попал под суд. Присудили таблицу изъять и вставить новую за счет Дамдинсурэна⁴.

Итак, «успешное решение вопроса о монастырях и ламстве в МНР открыло перед страной широкие перспективы развития производительных сил и культуры»⁵. Это «успешное решение» состояло в полной ликвидации буддийской церкви к 1940 г.

* * *

Статус Монголии в период ограниченной монархии и в первые десятилетия республики был неопределенным. Можно говорить о ее молчаливом признании советской Россией. И.И. Генкин писал о Монголии времен ограниченной монархии: «В политическом отношении Внешняя Монголия представляет собою независимое государство, которому всячески покровительствует Сов. Россия. Китай, под чьим владычеством Монголия находилась прежде, все еще претендует на ее возвращение. Возможно, что в силу тяжелой необходимости Монголии придется отказаться от формальной своей независимости, и в том или ином виде войти в состав Китайской республики под ее сюзеренитетом. МНП... сильно противится подобной перспективе»⁶.

Советско-китайское «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской республикой» от 31 мая 1924 г. признало Внешнюю Монголию составной частью Китая и его суверенитет над ней (ст. 5).

¹ Настоящая фамилия — В.Д. Якимов, политработник в МНР и экономист.

² РГАКФД, кинофонд, № 1-9814-1.

³ Синицын, 2013, с. 310.

⁴ МУУТА, д. 130, тал 141–145 — в кн.: Цэндийн Дамдинсурэн..., 2008, с. 452–454, 482–487.

⁵ Дашжамц, 1978, с. 143.

⁶ ГАРФ, ф. Р-391, оп. 11, д. 47, л. 3–3об.

Г.В. Чичерин в речи 3 марта 1925 г. на заседании 3-й сессии ЦИК СССР в Тифлисе разъяснил позицию СССР по МНР: «Мы признаем эту республику частью Китайской республики, но признаем и ее автономию, настолько широкую, что Монголия не только не допускает никакого вмешательства со стороны Китая в свою внутреннюю жизнь, но и ведет независимо свою внешнюю политику. <...> Таким образом, в лице Монголии мы имеем государство, окончательно направившее свою политику по линии самого тесного сближения с СССР». Монголия должна иметь право на дипломатическое представительство¹.

Трактовка руководством СССР данного соглашения в целом была сходна с таковой руководством Российской империи Кяхтинского соглашения 1915 г. (см. разъяснения Б.Э. Нольде в гл. 5).

Хотя СССР формально признал китайский суверенитет над Внешней Монголией (в отличие от сюзеренитета, признанного Российской империей в 1915 г.), разъяснение 1925 г. можно трактовать как более широкую степень автономии и фактической независимости, чем по Кяхтинскому соглашению. Вместе с тем, возможность китайского реального суверенитета над ней откладывалась на неопределенные сроки, в зависимости от перспектив революции в Китае. Это развязывало руки и китайским революционерам, и МНРП, и Коминтерну в деле превращения МНР в плацдарм для оказания помощи Гоминьдану, КПК, местным революционерам и т.д.² Все это закрепляло независимость МНР от Китая.

В КНР считают, что в начале 1920-х гг. СССР игнорировал суверенитет Китая над Внешней Монголией, поддерживая ее независимость, что грубо нарушало марксистско-ленинские принципы национальной политики и являлось проявлением великодержавного шовинизма³. В действительности именно Китай, проводя великоханьскую политику «развития национальных окраин», нарушал и нарушает эти принципы, которые декларируют право наций на самоопределение. Ведь независимость от Китая была и остается историческим выбором монголов и тибетцев.

Как отмечал Г.С. Кара-Мурза в уже цитированных тезисах 1932 г., «своеобразие буржуазно-демократической революции в Монголии заключается в отсутствии национального промышленного пролетариата, благодаря чему роль гегемона в революции играет пролетариат победившей диктатуры пролетариата — СССР, который осуществляет руководство через целую систему экономических и политических мероприятий»⁴. Это означает признание экспорта революции в Монголию из СССР.

В результате, стремясь сохранить независимость Монголии от Китая с помощью СССР, МНРП все более подчинялась руководству ВКП(б).

После 1924 г. реформы ускорились и стали более революционными: замена ограниченной монархии народной республикой, отделение церкви от государ-

¹ АВГРФ, ф. РМ, оп. 6, пор. № 30, папка 113, л. 83–84, 216.

² Железняков, 2009, с. 208–209.

³ Напр., Ду, 2005, р. 16–19.

⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 143, л. 32–33.

ства¹, партячейки в шаби, затем роспуск всех шаби, объединение хошунов, «освобождение крепостных» феодалов и высших лам, дальнейшее ограничение прав феодалов (административных и судебных функций, права «барщины», распоряжения местной казной и т.д.) и лишение их титулов, дальнейшее ограничение прав духовенства, лишение избирательных прав хутухт, хубилганов и князей (что означало их отделение от властных структур). Появились планы создания «левого крыла» в духовенстве, возросла роль ревсомола, была создана пионерия, велась антирелигиозная пропаганда в армии, борьба с «отсталыми» традициями и обычаями. Партия поддерживала «обновленчество» среди духовенства, призывы к «освобождению масс от гнета феодально-теократических владельцев», усиление партработы, началась политика раскола лам на «низших» и «высших». Из ученых лам была создана религиозная администрация при больших монастырях, подконтрольная представителям правительства.

«Левый курс» (1929–1932 гг.), направленный на быстрое строительство социализма, внедрялся в Монголию ВКП(б) и Коминтерном. В этот период появились документы, что буддизм и духовенство враждебны власти, духовенство объявили главным оплотом остатков феодализма. Был прекращен прием в МНРП бывших дворян, проведена чистка госаппарата от бывших чиновников, феодалов и т.п.

Важное внимание стали уделять экономическому подрыву теократии. Для этого проводились джасская кампания и обложение монастырей высокими налогами. На уменьшение численности и сплоченности духовенства были направлены закрытие монастырей, вывод монахов в мирское состояние, запрет поисков новых хубилганов, активизация политики раскола «ламства» по имущественному принципу. Проводилась конфискация имущества у феодалов, бывших чиновников и высших лам, создавались колхозы и госхозы по советскому образцу.

«Обновленчество» теперь было объявлено более опасным, чем реакционные ламы, но при этом его все равно старались использовать для раскола духовенства. В борьбе с религией нередко использовались административные меры, волюнтаризм, разрушение религиозных объектов, оскорбление религиозных чувств верующих. Это подкреплялось пропагандой безбожников. Антирелигиозную работу в МНР через своих эмиссаров направляли те же структуры, которые занимались этим в СССР.

«Левый курс» привел к масштабному восстанию 1932 г., поставившему под угрозу власть МНРП и влияние ВКП(б) в МНР. Это послужило причиной резкого отказа от «левого курса». Конкретные указания об осуждении и прекращении «левого» и начале «нового курса» были присланы в МНР из политбюро ЦК ВКП(б) и быстро выполнены руководством МНРП. Примерно с середины 1932 г. давление на церковь ослабло, число монахов стало расти. Но власть не прекратила попыток контроля над церковью. Установленный постановлением Совмина МНР от 8 декабря 1933 г. институт уполномоченных правительства при монасты-

¹ В Конституции 1924 г.; Закон об отделении принят в 1926 г.

рях означал усиление функций правительственных представителей, которые с 1926 г. курировали религиозную администрацию. С 1934 г. эти уполномоченные размещались при монастырях для прямого надзора.

С 1934 г. давление на церковь стало усиливаться, согласно указаниям Сталина. Была введена уголовная ответственность за прием несовершеннолетних в монастыри, монахов лишили избирательных прав и прав суда внутри монастыря, светское обучение стали проводить в противовес религиозному, ввели прогрессивный подоходный налог на разные группы лам, его ставки росли.

Эти меры были, фактически, антинародными: ведь люди добровольно отдавали сыновей в монастыри, добровольно делали пожертвования (налогообложения в пользу церкви не было), могли по своему усмотрению работать или не работать на лам.

Дальнейшие меры привели к ликвидации остатков теократии и церкви в МНР: налоговое давление в объемах, делающих заведомо невозможной церковную жизнь, массовые репрессии лам по обвинению в контрреволюционной деятельности, работе на Японию, запрет должностей хамбо и цорджи в монастырях, антирелигиозная пропаганда с политическими обвинениями, переселение монастырей из приграничных районов (фактически — закрытие). Восстания уже были невозможны: экономическое и политическое влияние церкви и теократии было подорвано, а силовой аппарат государства усилился настолько, что контролировал положение на местах.

Ключевые решения по уничтожению остатков церкви и теократии в МНР были приняты по указаниям Сталина, согласно которым «ламство есть враг МНР», его надо давить экономически и путем репрессий. Подлежали ликвидации все монастыри, как «феодальные гнезда». Силовое сопровождение осуществляло МВД, которое стало самым влиятельным министерством. Маршал Чойбалсан и его МВД действовали под фактическим руководством советских чекистов.

Важнейшим механизмом замены религиозного мировоззрения на атеистическое стало народное образование с преподаванием светских наук с позиций идеологии марксизма-ленинизма. В результате в сознании молодежи укреплялось убеждение, что наука якобы доказывает правоту материализма и опровергает религию. Распространение альтернативных взглядов пресекалось.

Параллельно с уходящей старой культурой в МНР формировалась новая, главными концептами которой были революция, атеизм, построение социализма, развитие промышленности, сельского хозяйства, народного образования, всеобщей грамотности с переходом на новый алфавит — саначала латиницу, затем кириллицу. Через несколько десятилетий монголы знали уже в основном кириллицу, а не старомонгольскую письменность. Между тем именно старомонгольская письменность являлась общей для носителей разных диалектов монгольского языка: в одних и тех же словах некоторые буквы ими читаются по-разному, некоторые «избыточные» буквы при чтении архаического написания исчезают. Этот шрифт обеспечивал взаимопонимание представителей разных народностей и способствовал консолидации всех монголов (кстати, такую же функцию для тибетцев

Труды И.В. Сталина в Монголии

(http://eap.bl.uk/database/large_image.a4d?digrec=756329;catid=40634;r=19895).

выполняет тибетская письменность). Переход части монголов на новый шрифт нарушил это единство. Лишь с 1990-х гг. в государстве Монголия стали преподавать старомонгольский шрифт.

В МНР новая культура противопоставлялась культуре теократической Монголии как «отсталой». Свой вклад вносило и внедрение европейской медицины, противопоставлявшейся ликвидируемой тибетской как опять же «отсталой».

В итоге младшее поколение монголов воспринимало новые мировоззренческие концепты, а старшее имело мало возможностей передавать традицию: это было опасно из-за политических преследований и, кроме того, могло дезадаптировать детей к жизни в новом обществе. Следствием стало серьезное изменение отношения монголов к традиционализму, буддизму и теократии.

По-видимому, в период ликвидации церкви в МНР в общей сложности было репрессировано более 16 тыс. представителей буддийского духовенства (но, вероятно, меньше 19 тыс.), из них расстреляно около 13–14 тыс. Было расстреляно большинство хубилганов и других высших лам, все монастыри закрыты, имущество изъято или уничтожено. Вероятно, лишь один хутухта и немногие хубилганы пережили этот период: Дилова-хутухта Джамсранжав (1883–1965, сумел покинуть МНР), Сариадорж-номун-хан Ванчугдорж (1921–1969), Артын-гэгэн-пан-

дита Джамьяндамбийням (1896–1962), Бурал-багшийн-хубилган Г. Гэндэнжамц (1919–1986), Мил-Богдын-хубилган Н. Цэрэндондов (1919–1996)¹.

Итак, к началу 1940-х гг. остатки теократии в МНР были окончательно ликвидированы вместе с буддийской церковью в целом. Как указывал Х. Чойбалсан, «мы на практике руководствуемся научной теорией Маркса, Энгельса, Ленина и богатым опытом великого Советского Союза», в результате чего страна «перешла ко второму, социалистическому этапу революции»².

Глава 9. Попытки сохранения теократии

Установление революционной власти в Монголии встречало сопротивление. После поражения барона Унгерна заговоры, волнения и восстания шли там в течение почти 20 лет. Остановлюсь на тех из них, которые касались теократии и церкви.

9.1. Попытки восстановления абсолютной монархии

Уже осенью 1921 г. возник заговор феодалов и теократов совместно с тибетцами, которые после революции в Монголии были уравнены в правах с иностранцами и лишились тех экономических возможностей, которые имели в Монголии при абсолютной монархии³. Тибетский Саджа-лама Джамьянданзан решил собрать солдат — выходцев из Тибета, в том числе из Амдо, и свергнуть власть МНП⁴. По признательным показаниям Джамбала, «Саджа-лама сказал, что эта Народная партия, организовавшая власть, не нравится не только Богдо-хану. Наши тибетцы и многие ламы Гандана и Хурэ хотели стать белой партией. Когда я спросил, сколько солдат хотят там быть, Саджа-лама сказал, что подготовленных солдат нет, но есть 300 тибетцев, у каждого по 2–3 ружья, по 200–300 патронов, они всегда готовы захватить и расстрелять министров — главарей Народной партии, тогда у нас будет много оружия и боеприпасов»⁵. Г. Наваннамжил также вспоминал, что тибетцы, находившиеся под руководством Богдо, взяли за оружие, чтобы восстановить монархию и ликвидировать МНП⁶.

Одновременно с выступлением тибетцев, мэрен Галсан должен был поднять возглавляемую им бригаду МНРА, находившуюся в Урге⁷. Согласно допросам,

¹ По материалам: Монголын сүм хийдийн..., 2009, с. 116–149. Списки и статистика по реабилитации по разным годам: Улс торийн..., 2010, 2012, 2013.

² Цит. по: Дашжамц, 1978, с. 161, 169.

³ Ринчино, 1998, с. 56.

⁴ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 1, х.н. 19а, тал 1–145.

⁵ Цит. по: Пүрэвжав, Дашжамц, 1965, с. 62.

⁶ Навааннамжил, 1956, с. 257.

⁷ Ринчино, 1998, с. 56.

заговорщики хотели связаться с «китайско-японскими реакционерами Маньчжурии», а также склонить на свою сторону Джалханцза-хутухту. Заговор «нашел сочувствие только в кучке реакционеров», в прошлом связанных с Унгерном¹.

По материалам Коминтерна, «тибетский мятеж подготовлялся при активном участии иностранных агентов и косвенного благословения Богдо-хана и был направлен на свержение Народного правительства и восстановление монархии». Мятежники собирались ликвидировать ревсомол. Последний принял активное участие в ликвидации мятежа². Заговорщики собирались выступить 21 ноября, но заговор раскрыли раньше.

Богдо-гэгэн покровительствовал арестованным и пытался освободить их³. 16 ноября 1921 г. ЦК МНП на 8-м пленуме постановил передать дело Саджа-ламы в военное министерство для повторного рассмотрения с повторным допросом. 23 января 1922 г. 20-й пленум ЦК МНП постановил, что такие тибетцы, как Саджа-лама, которые против государства, должны быть депортированы из страны, их дома и дворы — конфискованы в пользу государства; Галсана и Догсома, которые арестованы по этому делу — освободить под залог⁴.

Но через несколько месяцев объявили о раскрытии двух новых заговоров. В организации более масштабного из них обвиняли бывшего премьер-министра Д. Бодо, арестованного в августе 1922 г. Его политические промахи использовали оппоненты, прежде всего, С. Данзан⁵. По мнению других исследователей, Бодо стремились устранить Ринчино и Шумяцкий⁶. В отношении Ринчино это согласуется с текстом его доклада IV конгрессу Коминтерна⁷. Бодо инкриминировали организацию заговора ради восстановления абсолютной монархии, для чего он и налаживал связи с реакционерами, бывшими унгерновцами, Дамбиджанцаном, империалистами и т.д.⁸ Это были ложные обвинения. Решение особой комиссии по делу Бодо представил правительству Военный совет, возглавлявшийся Ринчино⁹.

По словам последнего, параллельно с заговором Бодо был и другой — во главе с Цэвэн-Тэргуном (Лувсанцэвэн-ваном): эти заговорщики налаживали организацию восстания и призыв белогвардейцев в Монголию из Маньчжурии¹⁰. Однако есть телеграмма в секретариат Коминтерна от 26 июля 1921 г., где сообщалось, что «в сношениях с Унгерном замешан Цевен-Теригун, который сейчас сидит под арестом и вероятно будет расстрелян»¹¹.

¹ АВВРФ, ф. РМ, оп. 3, пор. № 14, папка 105а, л. 29–30.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 13, л. 19.

³ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 1, х.н. 19а, тал 1–145; Ринчино, 1998, с. 56–57. Это опровергает домыслы Л.Б. Кичикова (19376, с. 42), будто Богдо-гэгэн сам донес на заговорщиков.

⁴ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 1, х.н. 1а, тал 62, 75–76.

⁵ Рошин, 1999, с. 58–59.

⁶ Dashpurev, Soni, 1992, p. 14.

⁷ Ринчино, 1998, с. 57–59.

⁸ Ширендыб, 1971, с. 103–104.

⁹ Рошин, 1999, с. 59.

¹⁰ Ринчино, 1998, с. 60.

¹¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, д. 106, л. 71–71об.; оп. 152, д. 15, л. 12.

Значит, это не мог быть «параллельный заговор»: Лувсанцэвэн был арестован не позже чем через три недели после захвата Урги красными в июле 1921 г., а не в 1922 г. Вероятно, обвинение в данном заговоре появилось «задним числом» уже после его ареста, или же Лувсанцэвэна выпустили, а затем вновь арестовали в 1922 г.

В ночь с 30 на 31 августа 1922 г. были расстреляны 15 осужденных. Им инкриминировали заговор для свержения народного правительства, связь с Японией, Чжан Цзолинем, американским консулом С. Сокобином, белыми, Дамбиджанцаном. В числе этих 15 чел. были видные деятели теократической и революционной Монголии: Д. Бодо, Чагдаржав, Тогтохо-гун¹, министр двора да-лама Пунцагдорж, лама Гомбо, Дэндэв-гун, Алтангэрэл, Чагдур, Цэвэн-тэргун (Лувсанцэвэн), чахар Анингга².

«Санжа-Дамба, ложно именуя себя Дамбиджансаном,» собирался свергнуть правительство с помощью «русских белобандитов». Будучи заключен в тюрьму, он сговаривался с «Сухеодэ, Дамба и Замья-Данзаном» о том, чтобы вместе бежать, освободить остальных заговорщиков, свергнуть народное правительство и «из освобожденных заговорщиков составить власть»³. Очевидно, «Замья-Данзан» — это Саджа-лама Джамьянданзан. Он был в числе расстрелянных 30 августа⁴.

Тогда же за контрреволюционную деятельность арестовали группу из 10 русских, бурят, 17 тибетцев и китайцев. Из русских освободили Богданова и Зубакина, большинство остальных отправили в Россию⁵. 29 сентября 40-й пленум президиума ЦК МНП и 6 октября — 44-е заседание правительства постановили прекратить дела шести человек, находившихся под арестом вместе с Саджа-ламой, и депортировать их⁶.

Приводилось письмо Ц. Жамцарано А.Я. Охтину в Москву от 6 октября 1922 г., что Богдо-гэгэн приглашал Данзана и Сухэ-Батора на «семейный пикник и, между прочим, просил продолжать прежнюю работу <...> и не беспокоиться из-за казненных 15 человек. Они, дескать, заслужили такую участь в предыдущих перерождениях»⁷. Получается, что эту казнь Богдо-гэгэн оценил в соответствии с буддизмом, но письмо было составлено так, чтобы создать впечатление о его поддержке репрессий.

В 1922 г. был раскрыт и «заговор случайного характера. Дело в том, что в Ургинской тюрьме оставалась сидеть — формально до созыва Монг. Учредит. Собрания, а фактически на положении бессрочных арестантов, группа монгол сотрудников барона Унгерна, во главе с крещеным ламой Джамбылом, или по-

¹ Его сын Насан-Тогтохо, также участвовавший в политике, был расстрелян в период репрессий 1930-х гг.

² Бюлл. МОНТА, № 23, 17.09.1922.

³ Бюлл. МОНТА, № 23, 17.09.1922.

⁴ Ширендыб, 1971, с. 103.

⁵ Бюлл. МОНТА, № 23, 17.09.1922, № 24, 21.09.1922.

⁶ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 1, х.н. 171, тал 11; х.н. 182, тал 73–74.

⁷ АВПРФ, ф. 3, оп. 3, п. 105, д. 3, л. 1 — в кн.: Першин, 1999, с. 192.

русски — Рудаковым. Наскучив сидеть в заключении, монголы эти сговорились с некоторыми уголовными из китайцев и бурят относительно совместного побега из тюрьмы»¹. Эта группа состояла из ранее арестованных 22 чел. В нее входили известные унгерновцы Саджа-лама, Джамбал, Цэвэн-тэргун (Лувсанцэвэн), Джамц-гун². Ко времени раскрытия этого «случайного заговора» часть этих людей уже была расстреляна — в том числе Саджа-лама и Лувсанцэвэн.

Теперь «один из заговорщиков струсил, выдал остальных, которые, под влиянием все еще практикующихся в отношении “политических” арестантов пыток, повыдавали друг друга. Следствие установило намерение заговорщиков, после побега из тюрьмы, убить деятелей Военного министерства, Чойбалсана, Хатон-Батор-вана и других, и поднять восстание. В случае неудачи последнего, заговорщики намеревались двинуться на восток, отомстить всем, кто первоначально арестовал их и посадил в тюрьму, и присоединиться к китайцам. <...> 20 октября подсудимые, в числе 9 чел., были расстреляны по постановлению воен. полевого суда. На расстрел их везли открыто среди белого дня»³.

Со времени этих событий некоторые слова в Монголии стали получать нетрадиционные значения⁴. Например, слово *харгис* (жестокий) получило дополнительное значение — «реакционер», а в некоторых документах 1930-х гг. уже есть перевод на русский как «черносотенец». В монгольском языке стали распространяться слова «феодал» (с разделением на *хар феодал* и *шар феодал* — черный и желтый, т.е. светский и церковный феодалы), «пионер» и т.п.

ГВО проводила обыски у лиц, подозреваемых в сочувствии к белогвардейцам, китайским, японским и другим антиправительственным группам⁵ — реальным и вымышленным. Задачу облегчало наличие списка людей (по аймакам и хошунам), которые служили у барона Унгерна⁶. Например, сообщалось о допросах тех, кто подозревался в связи с Ядамсурэном, в свою очередь, когда-то связанным с унгерновцами Ж. Жамболоном и Ц. Очировым⁷. В РСФСР (по доносу журналиста Г.Ф. Семешко, некоторое время жившего в Шанхае и публиковавшего «антиунгерновские» статьи) был арестован К.Н. Ивановский, исполнявший обязанности начальника штаба Азиатской дивизии⁸. Его внучатый племянник И.М. Маркелов показал мне копии дел Ивановского из архивов ФСБ. Согласно им, Ивановский на допросах утверждал, что был насильно мобилизован Унгер-

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 20, л. 28; АВПРФ, РМ, оп. 7, пор. № 11, д. 720, п. 2, л. 296.

² Пүрэвжав, Дашжамц, 1965, с. 61.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 20, л. 28.

⁴ Ж. Нэргуй, личн. сообщ.

⁵ Бюлл. МОНТА, № 41, 30.11.1922.

⁶ БХТА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6, л. 15–16.

⁷ МУУТА, ф. 4, д. 1, х.н. 125, тал 20.

⁸ Архивное уголовное дело Ивановского К.Н. П-25172 1923–1925 год, Архив ФСБ Приморского края, 259 с.; Архивное уголовное дело Ивановского К.Н. № 34425 1941 г.; Арх. справка ФСБ Приморского края от 24.05.2011 по материалам арх. уголовного дела Ивановского К.Н. № ПУ-10190 1927 г.; Арх. справка ФСБ Омской области от 12.05.2011 года № 10/35/М- 273 по Ивановскому К.Н.; частичная публикация: Маркелов, 2012.

ном и не принимал участия в репрессиях (что подтверждается другими источниками). Подобно большинству обвиняемых в помощи Унгерну, Ивановский был приговорен к расстрелу — но уже в 1942 г. Умер он через четыре дня после оглашения приговора, не дожив до его исполнения.

В июле 1922 г. отмечались локальные бои между войсками ДВР и белыми партизанами¹. В боях против партизанских отрядов по 150–200 чел. участвовали советские калмыки, прикомандированные к МНРА². Осенью у границ были стычки армий ДВР и Монголии с пришедшими из района Хайлара белыми отрядами генерала И.Ф. Шильникова — одного из организаторов белоповстанческого движения в Забайкалье в 1921–1923 гг. Японские СМИ сообщали о том, что в Корею концентрируются белые (до 7 тыс. чел.), которые с помощью Японии придут в Монголию³.

30 ноября 1922 г. в японское консульство в Харбине явился с двумя людьми Цэрэнпил-гун — секретарь из хошуна Ачиту-вана Сэцэнханского аймака. Он передал письмо, в котором, в частности говорилось: «Высокий сановник русской белой партии барон вместе со своими сильными солдатами с целью защитить Богдо-хана и халха-монголов, проникнув в Нийслэл-хурэ, уничтожил в бою лютых гаминов. На короткое время водворилось спокойствие, мы стремились восстановить силы. В это время некоторые наши монгольские жестокие люди составили заговор. Возникшая на севере красная партия с солдатами и аратами вторглась и стала воевать с великодушным бароном. Солдаты сановника барона, поскольку они уступали в численности, были изгнаны. Солдаты красной партии силой свергли законную власть и установили власть Народной партии. Так завоевав, они стали сильно угнетать нас, монголов. Честных, прямых чиновников и сановников арестовывают, убивают, религию и указы Очирдара-Богдо игнорируют, в частности, запрещают проводить службы хутухтам и хубилганам, а у ванов и гунов отбирают чины. Так они нас угнетают, поэтому просим помощи у императора Японии»⁴. На письме стояла печать МВД.

В результате расследования был раскрыт заговор, в котором якобы участвовали Манджушри-хутухта, Сэрэнэн (врач Богдо-гэгэна), лама Цэвэнноров, хубилган Довчин из Сэцэнханского аймака, Иш, лама Чадарвал, феодал Цогбадрах и Дамдинхишигт. Шабинар Богдо-гэгэна — Довчин-хубилган и ряд других лиц были расстреляны⁵.

Еще в одном заговоре участвовали монголы с бурятами — унгерновскими командирами Ц. Тубановым и Ц. Очировым. Последние собирали в Маньчжурии оружие и помощь от Шильникова и китайских военных чиновников, собирали информацию о Монголии через Цэдэнгалдара из хошуна Ачиту-вана Сэцэнхан-

¹ “Слово”, 22.07.1922.

² Воспоминания М.Т. Бимбасва — в кн.: С интернациональной..., 1970, с. 40–64.

³ Бюлл. МОНТА, № 39, 23.11.1922; № 53, 07.01.1923, № 41, 30.11.1922.

⁴ Цит. по: Цэрэнпил..., 2006, с. 9–10.

⁵ АВПРФ, ф. 0111, оп. 7, п. 118, д. 49, л. 1 — в кн.: Синицын, 2013, с. 266; Пүрэвжав, Даш-жамц, 1965, с. 64–65; МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 1, х.н. 19а, тал 1–145.

ского аймака¹. Они хотели создать из русских и бурят войско, соединиться с теми белыми, которые еще оставались на Ононе, и поднять восстание не позже декабря 1922 г. При переходе границы Тубанов был схвачен, а Очиров стал тайно набирать солдат в местности Сугнугур на Баян-голе. В январе 1923 г. он предложил присоединиться Хатан-Батору Максаржаву и Джалханцза-хутухте. Максаржав сдал его письмо в МВД. Сотрудники ГВО передали Очирову фальшивое письмо от Максаржава и Джалханцза-хутухты, он поверил, и был арестован².

19 июня 1923 г. была создана комиссия для изучения дела Тубанова, Очирова и других. 25 июня она приняла решение о «мере пресечения»³. 9 июля 1923 г. состоялось совещание в правительстве по решению этой комиссии. Постановили, что решение соответствует закону. Заступничество Богдо-гэгэна не помогло. 9 сентября 1923 г. Тубанов и Очиров были расстреляны за антиправительственную деятельность⁴. Помогавшие им Цэдэнгалдар, лама Гочо и Самдан получили от трех до шести лет заключения по обвинению в шпионаже, восемь бурят депортированы без права въезда в Монголию на 10 лет, четыре бурята отпущены.

9.2. Поиски перерождения Богдо-гэгэна VIII, других хутухт и хубилганов

Сразу после кончины Богдо-гэгэна VIII представители правительства несколько раз собирались для обсуждения ситуации. В частности, в документе № 1 от 30 мая 1924 г. говорится об обсуждении вопроса его погребения и почитания, а также поисков нового воплощения. По этому документу, в связи с тем, что население глубоко почитает Богдо, эти вопросы должно рассматривать не только Шабинское ведомство, но также правительство, хамбо и цорджи. Запрос о том, как надо выявить и пригласить новое воплощение, предписывалось направить в правительство, а обсудить этот вопрос должны были в Хурэ представители четырех аймаков и шаби⁵. На I Великом хурале (ноябрь 1924 г.), Б. Цэрэндорж сказал: «Приглашение в Монголию нового перевоплощенца Богдо-гэгэна зависит от воли народа, и правительства, как такового, не касается»⁶.

Высшие ламы столицы поставили вопрос о поисках уже в год кончины Богдо-гэгэна VIII. С июня 1924 г. распространялись воззвания, книги и молитвы за его новое перерождение⁷. Кроме того, распространяли книгу Панчен-ламы VI «Моление о рождении в Шамбале». Есть сведения, что иногда вносили изменения в старые книги для борьбы с врагами религии. Цорджи Чойнзон, чтобы утвердить

¹ Пүрэвжав, Дашжамц, 1965, с. 64–65.

² Банзрагч, 2009.

³ Банзрагч, 2009.

⁴ Приговор: МУУТА, ф. 37, оп. 1, х.н. 8, тал 57 — <http://www.buryatia.org/modules.php?name=Forums&file=viewtopic&t=7896&postdays=0&postorder=asc&start=15>.

⁵ Батсайхан, 2011б, с. 525–526.

⁶ Протоколы..., 1925, с. 254.

⁷ Список см.: Батсайхан, 2011б, с. 578–579.

власть Богдо-гэгэна, хотел в Монголии вместо религии Цонкапы установить «северную религию Джебцзундамба-ламы»¹.

В январе 1925 г. Э.-Д. Ринчино писал И.В. Сталину и Г.В. Чичерину об огромном влиянии, какое имеет в Монголии буддизм, и высокой религиозности населения: «При такой обстановке есть опасения последствий отделения церкви от государства, ибо имеется вполне реальная опасность... образования из церкви государства»². Опасаясь восстановления теократического правления, он отмечал, что «очень серьезная задача — не допустить явления девятого Богдо который, несомненно, возглавит это государство в государстве. И поэтому еще в конце лета 1924 г. правительство отклонило ходатайство о призыве Богдо из Тибета под предлогом, что Далай-лама и Панчен-лама, которые должны определить девятого Богдо, находятся между собой в конфликте. Есть какие-то основания надеяться, что насчет выявления девятого Богдо можно договориться с Далай-ламой»³.

24 декабря 1925 г. Ринчино заявил: «Высшее княжество и ламство, в большинстве служилое ламство и части старого чиновничества и монастырского ламства, несомненно, настроены монархически и тайно мечтают о появлении девятого Богдо-гэгэна. Летом 1924 г. после смерти восьмого Богдо-гэгэна ими был поставлен вопрос о посылке в Тибет делегации за девятым Богдо. Правительство наложило на это veto, ссылаясь на разные формальные соображения. Между первыми и вторыми есть не вполне выдержанная разница. Некоторые князья стоят за феодальную монархию, а все духовенство — за теократию. За этими элементами, возможно, что пойдет несознательная часть крестьянства (как это было обнаружено при раскрытии заговора Цэрэнпила) — и только по религиозным мотивам — за Желтую веру и девятого Богдо. Но реакционные круги Монголии сильно обескровлены, обезглавлены и терроризированы в результате раскрытия и ликвидации целого ряда заговоров и утечки в заграничную (Китай) эмиграцию»⁴.

Прошло более двух лет со дня кончины Богдо-гэгэна VIII. В новом рождении он уже мог достигнуть того возраста, когда можно попробовать распознать его. В Управление по делам религии из четырех аймаков приходили ходатайства о поисках. Прошел слух, что это ребенок, родившийся в 1925 г. у женщины Цэнджав из местности Ялбиг (или Ялбаг)⁵. Эта женщина вела себя как чойжин. Ее ребенок родился в день, месяц и год Тигра, в большом зеленом храме, это сопровождалось необычным светом. Ее муж говорил, что жена сошла с ума⁶. Монголы называли Цэнджав *Мэргэн хүүхэн* (Прозорливая женщина).

Так как было много пожеланий выявить Богдо-гэгэна IX, на 3-м заседании Ламской комиссии 24 июня 1926 г. решили создать комиссию по выявлению под руководством Ёнзон-хамбо Лувсанхаймчига, дэд-хамбо Дамдина, аграмбы Цогжава, габджу Чойжила, Джамсранжава, Мишига и Мангала, гэскуя Очира, габджу

¹ Пүрэвжав, Дашжамц, 1965, с. 67.

² Цит. по: Базаров, Жабаева, 2008б, с. 44.

³ Цит. по: Ринчино, 1994, с. 142–143.

⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 35, л. 26.

⁵ Теперь сомон Ёро Селенгинского аймака.

⁶ МУУТА, ф. 1, д. 2, х.н. 211, тал 77–80.

Дамдина и аграмбы Гочо. 26 июня 1926 г. многие аграмбы, габджу, другие ламы из дацанов Хурэ и многих других мест собрались в Улан-Баторе для обсуждения этого вопроса. В связи с этим 9 июля управление запросило решение правительства¹.

13 июля Б. Цэрэндорж запросил указаний от ЦК МНРП. Обсудив этот запрос, 16 июля ЦК объявил, что «нет правдивого доказательства» выявления хубилгана Джебцзундамбы, поэтому данный вопрос не рассматривать и назначить особую комиссию: начальник — Дамбадорж, члены — Лосол, Н. Хаянхирва и Насанбат. Каждый доклад и сообщение комиссия должна была присылать в ЦК. О выявлении хубилгана Джебцзундамбы правительство должно спросить Далай-ламу. Поэтому данный вопрос надо отложить, Цэрэндоржа известить к исполнению².

20 июля 1926 г. на заседании правительства № 146 рассмотрели запрос № 16 от лам Гандана о том, что они хотели бы выявить Богдо-гэгэна IX. Обсудив, в правительстве постановили, что надо спросить Далай-ламу и подождать его ответ³. 21 июля правительство ответило Управлению по делам религий, что вопрос о выявлении надо временно отложить и спросить об этом Далай-ламу. 13 августа Управление запросило правительство, что делать дальше⁴.

В тот же день ГВО сообщило правительству собранную им информацию о «Прозорливой женщине». Цэнджав — из племени эвенков. Ее мужа зовут Тудэв. Она не ясновидящая, у нее помутился разум. Ежемесячно по 9-м числам у нее стали собираться люди, она зажигала лампы (зул) и говорила, что она — чойжин сахиуса. В 9-й день последнего летнего месяца там, где у нее родился сын, сделали около тысячи цаца (фигурок субурганов из глины). Ее сына называют Очирдарь (как Богдо-гэгэна), говорят, что в предыдущем рождении он был женщиной из высокого зеленого лаврана на берегу Толы, а теперь родился мужчиной. Люди хотят спросить об этом Панчен-ламу. Говорят, что сахиус, вселяющийся в эту женщину, сообщил хамбо Манджушри-ламе и в Управление по делам религии, что этот мальчик действительно родился в тот день в Хушугийн-обо местности Ялбаг хошуна Нойон-ула. Мальчика зовут Лувсандорж. Она говорит, что со стороны Маймачена придет коричневый мальчик с 80 тумэнами (80 тыс.) солдат, в 9-й месяц придет Панчен-лама с 88 тумэнами солдат, будет новое государство, свыше придут 88 баторов, под небом ее сын будет бороться. Эти слухи распространяют гелонг Гомбо и халгач Ёндон, который много лет был связан с Богдо-гэгэном VIII. Ёндон говорит этой женщине, где есть какой-нибудь предмет, принадлежавший Богдо-гэгэну VIII. Когда сходится народ, она подносит сыну хадак, начинает трястись, как будто в ней чойджон, и говорит, где какая вещь Богдо находится. 17 августа 1926 г. Б. Цэрэндорж запросил ЦК МНРП, что делать в связи с присылкой этого документа⁵.

¹ МУУТА, ф. 1, д. 2, х.н. 211, тал 55–58, ф. 179, д. 1, х.н. 384, тал 8.

² МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 2, х.н. 4, тал 111–112, ф. 4, д. 2, х.н. 42, тал 35.

³ БНМАУ-ын Засгийн газрын албаны сэтгүүл, № 18, 1 сар, 1927, тал 7 — в кн.: Лам нарыг..., 2013, с. 31.

⁴ МУУТА, ф. 1, д. 2, х.н. 174, тал 16–17, х.н. 211, тал 77–80.

⁵ МУУТА, ф. 1, д. 2, х.н. 211, тал-81–86, ф. 4, д. 2, х.н. 42, тал 51.

24 августа 1926 г. президиум ЦК МНРП обсудил этот вопрос на своем 31-м пленуме. Специально назначенная комиссия постановила вопрос о ребенке Цэнджав оставить без внимания, т.к. раньше эта женщина бездоказательно распространяла неправду и мутила людей, что было постепенно выявлено; сейчас за ней следит Управление по делам религии. Об этом сообщили премьеру Цэрэндоржу¹.

Как отмечалось в циркуляре правительства МНР от 29 октября 1926 г., Цэнджав по собственной инициативе надела на своего сына очир-джинс (знак на шапке, причитающийся лишь Богдо-гэгэну), сажала его на высокий трон, разукрасила свою юрту красной материей, как подобает князьям и святым².

На V съезде МНРП в октябре 1926 г. состоялись дебаты по поводу выявления Богдо-гэгэна IX, причем в пользу этого приводились некоторые аргументы от религии и желание народа в худонах выявить следующий образ Богдо — иначе будет недовольство. Отмечали также заслуги Богдо-гэгэна VIII в помощи в освобождении Монголии от китайской оккупации, в организации МНРП и народного правительства путем предоставления бумаги с печатью Сухэ-Батору в РСФСР. На это возражали, что есть мнение, что, если уже решили не выявлять новые образы Богдо, то двух мнений быть не может. Амагаев, констатировав разделение по данному вопросу «на два фронта», указал, что мнения, которые есть среди народа, следует рассмотреть, но раньше надо выработать постановление, проанализировав разные стороны деятельности Джебцзундамбы для государства.

Подводя итоги дебатов, Н. Джадамба отметил, что в данном вопросе нет полной ясности, и предложил такое постановление: «Джебцзундамба-хутухты явили для Монгольского государства выдающуюся деятельность, дошли до восьмого образа, который освободил от китайской оккупации Монгольское государство и восстановил независимость, затем показал непостоянство этого мира, но последующие образы после восьмого вновь не выявляются: он родится в стране Шамбале в образе великого полководца Хануманды — есть такая история — поэтому вопрос о приглашении девятого образа Джебцзундамба-хутухты среди таких, как наши ученики, мы не можем решить нашими глупыми умами и глазами, поэтому данный вопрос надо поставить Далай-ламе, поручить этот вопрос новому ЦК, а вопрос о разделении религии и государства надо провести как закон»³.

Была принята резолюция, где говорилось: «Пророческое предание говорит, что... 9-го перерождения Богдо не будет», он «должен переродиться в области Шамбала в качестве воителя по имени Ханшанда»⁴. Амагаев телеграфировал в Москву 4 ноября о наиболее важных решениях V съезда МНРП, в частности — «о необходимости решительной борьбы с контрреволюционными выступлениями ламства, прекращения дальнейшем земельного воплощения Богдо-санк-Далай-

¹ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 2, х.н. 4, тал 122–124.

² Монгольское законодательство, 1928, с. 53.

³ Монгол ардын..., 1981, с. 203–205.

⁴ АВПРФ, ф. 4, оп. 29, п. 194а, д. 57, л. 88–90, 146, 180 — цит. по: Синецын, 2013, с. 270.

лам»¹. Итак, вопрос о следующем перерождении Богдо все-таки остался открытым: надо было получить санкцию Далай-ламы.

Очевидно, на обсуждение этого вопроса повлияли распространившиеся в XVIII–XIX вв. в Монголии представления о том, что Джебцзундамба родится в Шамбале, в будущей Шамбалинской войне Панчен-лама родится будущим царем Шамбалы Ригдэн Дагвой, а Джебцзундамба-хутухта — его полководцем Ханумандой.

Однако великая Шамбалинская битва с врагами буддизма, по разным оценкам, произойдет в 2373–2374, 2377–2378 или 2424–2425 гг.² Следовательно, предсказание о перерождении Богдо-гэгэна Ханумандой относится не к началу XX, а к XXIV или XXV в. Но пророчество о Шамбалинской войне искажали в политических целях. В частности, писали, что она произойдет (или уже происходит) в 1918, 1930, 1932, 1943 и другие годы³. Представление о рождении Богдо-гэгэна Ханумандой, сложившееся у монголов не ранее конца XVIII в., не ограничивает этой линии перерождений вплоть до времени исполнения пророчества, а игнорирование этого на съезде в 1926 г. выступало как подтасовка⁴. Но эта подтасовка, вероятно, имела еще дореволюционное происхождение.

Она могла быть основана на том, что еще Богдо-гэгэн V (1815–1841) писал в одном лундэне, что во времена Ригдэна он переродится в Шамбале, а Богдо-гэгэн VIII в благопожелании «Пунцогсум» намекал, что родится Ханумандой. Затем другие монгольские ламы писали, что Джебцзундамба родится в Шамбале Ханумандой⁵. Сохранилась молитва о перерождении в Шамбале, которую читал Сайн-нойон-хан Т. Намнансурэн, поднося серебряную мандалу Богдо-гэгэну VIII. В ней молящийся, обращаясь к Богдо, говорит о его будущем рождении Ханумандой и о своем желании в то время родиться в кругу его приближенных⁶.

«Учение о Шамбалинской войне очень сильно привилось в Монголии и в связи с верой в Панчена является самым сильным агитационным средством для мобилизации воинственных настроений в массах. Очень сильным покровителем Калачакры был последний ургинский Богдо-гэгэн»⁷.

По-видимому, еще до революции 1921 г. все это дало начало слухам, что Богдо-гэгэн VIII якобы имел сына от своей супруги с целью передать ему трон по наследству, т.к. китайцы решили прекратить линию его перерождений и заставить некоторых высоких лам «вычитать», что восьмое перерождение — последнее, на нем эта линия должна закончиться⁸. А в 1925 г. уже красные заявляли: «Предсказание о том, что покойный Гэгэн был последним из хубилганов Таранаты на

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 46 л. 81.

² Цэндийн Дамдинсурэн, 2008, с. 22, 35–39; Стрелков, 2013, с. 143, 169–170.

³ Кузьмин, Оюунчимэг, 2014, с. 85, 90–91.

⁴ Стрелков, 2013, с. 170.

⁵ Цэндийн Дамдинсурэн, 2008, с. 37.

⁶ Текст: Баасан, 2011, с. 567.

⁷ ЦАФСБ, ф. 2, оп. 8, д. 307, л. 27. Имеется в виду предсказание о Шамбалинской войне в учении Калачакры.

⁸ Напр., Оссендовский, 1925; Торновский, 1942 (изд. 2004), с. 181; Коростовец 2009, с. 375.

ургинском престоле, известно в степи и толкуется буквально»¹. И вот в 1926 г. это «предсказание» было использовано на V съезде МНРП.

4 ноября 1926 г. на III Великом хурале МНР премьер-министр Б. Цэрэндорж на один из поступивших по его докладу вопросов ответил так: «Решение вопроса о Хутухте и Хубилганах Партия и Правительство высказались передать Далай-ламе; если он подтвердит и укажет на появление Хубилгана, то Правительство не станет препятствовать и вмешиваться в религию масс. Этот вопрос Далай-ламе пока не отправлен, и желательнее выслушать мнение представителей настоящего третьего В.-Хуралдана». Видимо, в связи с предположениями о том, что сын женщины Цэнджав, родившийся в 1925 г. — новый хубилган Богдо-гэгэна, в прениях отмечалось: «Есть новоявленный святой ребенок, нет окончательного мнения о его приглашении или отказе. Решение этого большого религиозного вопроса лучше передать Далай-ламе»². В результате ст. 2 постановления III Великого хурала о работе правительства гласила: «В отношении приглашения девятого Хутухты воздержаться, т.к. о приглашении в сказаниях указаний нет, и по этому вопросу запросить мнение Далай-ламы»³.

29 ноября 1926 г. Цэрэндорж сообщил в ЦК МНРП, что ГВО тайно следит за Цэнджав. Установлено, что ее ближайшее окружение — Ёндон, бывший халгач дугана Хэрэх, гелонг Гомбо и Балжинням. Их допросили. Они сказали, что следовали за Цэнджав и верили ей. Дальнейшие допросы и слежка показали, что Цэнджав говорила и о других войсках, которые должны прийти: Джанджа-гэгэн с китайскими солдатами, Чжан Цзолинь с солдатами, русские белые. Они уничтожат народное правительство, восстановят власть нойонов и лам, страна станет жить хорошо. Эти пророчества не исполнились. В 1928 г. чиновники отмечали, что время прошло, но ничего такого не произошло, а тех, кто стоял за спиной Цэнджав, уже наказали⁴.

В декабре 1926 г., после волнений в хошуне Намнан аймака Цэцэрлэг-Мандал, власти распорядились арестовать Цэнджав и лам, «прославивших» ее сына⁵. «Прозорливая женщина» была арестована в 1927 г. Осенью того года ламы говорили, что власть ничего не сможет сделать с ее сыном вследствие его сверхъестественных способностей; затем разговоры о Богдо-гэгэне начали стихать⁶.

История с сыном Цэнджав получила продолжение во время визита делегации МНР в Тибет. В ст. 19 постановлений III Великого хурала говорилось: «Устано-

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 44, л. 28.

² АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, пор. № 19, папка 5, л. 20, 36.

³ АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, пор. № 19, папка 5, л. 59. А.Д. Калинин (1926в, с. 120) процитировал это несколько иначе: “В отношении приглашения девятого Хутухты воздержаться, т.к. об этом нет никаких указаний в священных сказаниях, вследствие чего необходимо детальное выяснение этого вопроса в высших инстанциях буддийской иерархии”.

⁴ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 1, х.н. 19а, тал 1–145; д. 2, х.н. 42, тал 134–135.

⁵ АВПРФ, ф. 8, оп. 9, п. 19, д. 101, л. 18 — в кн.: Синицын, 2013, с. 270.

⁶ Сводки ГВО за октябрь и ноябрь 1927 г.: ЦАФСБ, ф. 65, д. 140, т. 4, л. 355, д. 9920, л. 39–43, д. 9920, л. 44.

вить связь с Тибетом и через нашего полпреда добиться заключения дружественного договора с Тибетом»¹.

Эта связь была нужна по политическим и экономическим причинам. Буддийская церковь Монголии была неразрывно связана с Тибетом. При этом в Монголии издавна жили не только тибетские ламы, но и торговцы. В столице Внешней Монголии у них был свой квартал. В 1926 г. там проживало 400 тибетцев, которые держали 19 фирм².

После пребывания Далай-ламы XIII в Монголии остались большие пожертвования, сделанные ему монголами. Для управления этим имуществом был поставлен донир, в функции которого перешло представительство тибетского правительства в Монголии, передача в Лхасу важной информации, приобретение товаров для тибетского правительства, наблюдение за тибетской торговлей, выдача пропусков паломникам в Тибет. В период теократии тибетцы полностью подчинялись своему дониру. Он имел доверенных лиц, разъезжавших по стране и собиравших денежные жертвования, которыми народ себя обложил во время пребывания Далай-ламы. Крупные суммы сдавались на хранение в тибетское казначейство в Нийслэл-хурэ. Деньги часто пускали в оборот. Народное правительство это запретило. До 1919–1922 гг. Тибет вел интенсивную торговлю с Монголией, экспортируя много изображений бурханов, благовония, ксилографы религиозных книг, небольшие партии мехов, мантии для лам и высококачественную тибетскую хлопчатобумажную ткань. Монгольский экспорт в основном состоял из китайского шелка, импортных товаров, русской кожи и парчи, шкур и мехов. Народное правительство через своих агентов поставило под контроль тибетскую торговлю. Оно установило высокие таможенные пошлины на все предметы культа, что привело к застою в торговых отношениях³.

Тибетцы в МНР были недовольны этой политикой. Раньше в Монголию ввозилось тибетских товаров на несколько сот тысяч долларов ежегодно, а с установлением таможенных сборов на тибетские товары их приток чрезвычайно сократился. Так, за 1926 г. пришло лишь несколько караванов на 10 тыс. долл. Последний караван ввез сукно на 4 тыс., монгольские власти не разрешили вывезти эти деньги. Тибетские купцы стали избегать направлять свои товары в Монголию: до 3/4 идущих на север товаров направлялось теперь в Синин, много распродавалось в районе Юм-бэйсэ. «Лубсан Чойндон считает, что монгольская таможенная политика не соответствует родственным и религиозным связям Монголии с Тибетом»⁴.

В 1926 г. в Тибет к Далай-ламе направилось монголо-советское посольство во главе с гуном Гомбо-Идшином⁵. Однако фактическим руководителем миссии

¹ АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, пор. № 19, папка 5, л. 60.

² Уламбаяр, 2009, с. 86–92.

³ Рерих, 1982.

⁴ Разведдонесение от 20.02.1927. из источника, близкого к представителю Тибета в Монголии Лубсану Чойндону (Лубсан Лазунгулан): РГВА, ф. 25895, оп. 1, д. 842, л. 230.

⁵ Бор, 2006, с. 197–199.

был калмык А.Ч. Чапчаев — формально советник монгольского посла, выбранный для этого Чичериным и одобренный Сталиным. В посольстве были и другие советские граждане: бывшие инструкторы МНРА, один из которых имел разведзадание от начальника Разведупра штаба РККА Я.К. Берзина. Монголы хотели установить отношения МНР с Тибетом и обменяться представителями. Обмен представителями соответствовал плану Чичерина: создать в Лхасе неофициальное советское представительство под видом полпредства МНР¹. Но у монголов была и другая, секретная задача: просьба к Далай-ламе о молитвах в связи с кончиной Богдо-гэгэна VIII.

Тибетское правительство выделило двух человек для переговоров. В МИД Тибета делегаты передали письмо, что на более ранние послания (1922 и 1924 гг.) ответа не получено. В одном из тех посланий говорилось, что обеим странам надо обменяться представителями, как это делают другие государства². В ноте, врученной теперь посольством Гомбо-Идшина, сообщалось, что Монголия хочет назначить посла в Тибетское государство, который должен будет приехать в Лхасу, вручить ноту Далай-ламе и его правительству с изъявлением желания установить дружеские связи. Т.к. Монголия и Тибет — независимые государства, они должны заключить договор о дружбе³.

Сохранился текст проекта этого договора. В преамбуле говорилось, что в 1912 г. «в целях оформления исторической дружбы Монголии и Тибета правительства наших стран по воле своих повелителей Далай-ламы и Богдо-гэгэна заключили так называемый Монголо-тибетский дружественный договор». С тех пор произошли крупные мировые события. Новое правительство МНР, «придавая громадное значение дальнейшему сохранению и укреплению установленной соглашением 1912 г. дружбы с Тибетом, пожелало пересмотреть и дополнить таковой». Новым договором планировалось взаимное признание независимости обоих государств; признание Монголией повелителем Тибета Далай-ламы XIII; установление дипломатических представительств в Лхасе и Урге; продолжение торговых и экономических отношений; подчинение тибетских и монгольских граждан, проживающих, соответственно, в Монголии и Тибете, законам этих стран; недопущение на свою территорию диппредставителей великих держав; установление уртонов от Лхасы до Урги⁴. Далай-ламе было также направлено письмо «неофициального представителя» СССР в Тибете об установлении отношений Тибета с Монголией⁵.

3 мая 1927 г. посланцы были приняты Далай-ламой и представили ему официальный документ. Однако установить желаемые отношения не удалось: тибетское правительство не захотело заключить договор и обменяться посольствами. Да-

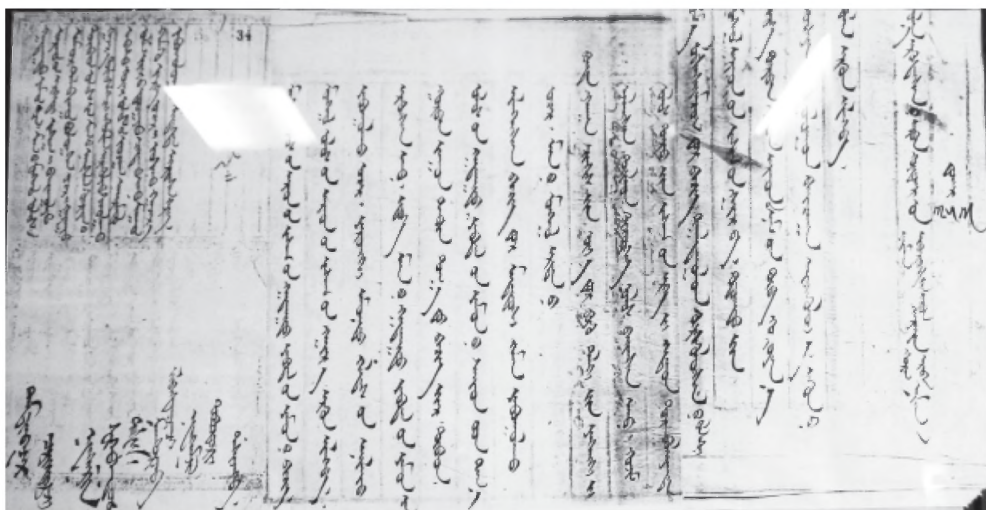
¹ Андреев, 2006, с. 273, 287.

² Уламбаяр, 2009, с. 86–92.

³ ГХТА, ф. 63, д. 1, х.н. 39, тал 1 — в кн.: Бор, 2006, с. 197–198.

⁴ Русский текст проекта: АВПРФ, ф. секретариата Карахана, оп. 10, пор. № 33, папка 186 — в кн.: Батбаяр, Гомбосүрэн, 2009, с. 184–186; ЦАФСБ, ф. 65, д. 9920, л. 118–119.

⁵ Текст: ЦАФСБ, ф. 65, д. 9920, л. 120–121.

Проект договора Монголии с Тибетом, 1922 г. (МТМ).

лай-лама сказал, что Тибет не обменялся посольствами ни с одним государством, а в Монголии установлено революционное правление, которое гасит Желтую веру; Богдо-гэгэн VIII скончался, а девятый еще не выявлен — когда будет выявлен, тогда и будем обсуждать, исходя из ситуации¹.

Очевидно, эта тема обсуждалась в партийных кругах. На VI съезде МНРП (сентябрь–октябрь 1927 г.) один из делегатов задал вопрос по отчетному докладу ЦК: «V съезд партии постановил о Богдо-гэгэне сообщить Далай-ламе, в результате чего в Тибет уехало специальное посольство. Где теперь эти посланные и что они пишут нам?» — ответ Дамбадоржа: «Отправленные в Тибет лица еще ничего не сообщили»².

Согласно ответу МИД Тибета на проект монголо-тибетского договора, «Высочайше назначенный начальник МИД Ябши Бонхон Гун-Пин-хан, Дунжин Чим Чойдор, Джанза-Канчунг-Лозва (губернатор Гьянцзе, малый хамбо — переводчик)» — три человека, собрались на заседание с монгольскими уполномоченными, которые вкратце изложили поручения своего правительства (далее дано краткое содержание проекта договора). Высочайшим указом (т.е. указом Далай-ламы) настоятели трех великих монастырей (Дрепунг, Ганден и Сэра) и представители многих светских и духовных учреждений и миряне на большом собрании обсуждали неоднократно эти вопросы и высказались, «что отметок о получении Монпра от 12 г. Монгольской государственности в книгах наших учреждений не оказалось»³.

Ответы тибетского МИД были следующие. В отношении организации почтовой связи: путь пролегает по труднопроходимым местностям, трудно извлечь из

¹ Уламбаяр, 2009, с. 86–92.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 51, л. 53.

³ Перевод из ИНО ОГПУ 04.07.1928 г., № 14644: ЦАФСБ, ф. 2, оп. 8, д. 378, л. 42–44.

этого взаимную пользу. Если обменяться диппредставителями, это послужит прецедентом для других иностранных государств иметь таких же представителей. Во избежание этого допустить пребывание диппредставителя невозможно. Издавна Монголия связана с Тибетом на основании общности религии, это нельзя смешивать с другими вопросами. «Эта связь Тибета с Монгольскими странами еще более укрепилась во время посещения тринадцатым Далай-ламой Монголии. В настоящий момент между Тибетом и Монголией религиозная связь по-прежнему сделалась весьма прочной». Выражалась надежда, что тибетское правительство по-прежнему будет «оказывать доверие и содержание монгольским подданным». Любой вопрос можно разрешить на основе фактической религиозной дружбы между Монголией и Тибетом. «Следовательно, говорить о взаимном обмене дипломатическими представителями и о заключении по этому поводу специального соглашения между нашими государствами нет надобности <...> По особому поручению Его Святейшества специально прибывшим представителям Монголии оказаны почести, как дипломатическим особам»¹.

2 августа 1927 г. Амагаев направил в Коминтерн письмо где, в частности, сообщил, что Жамцарано предложил «обезвредить» Панчен-ламу, пригласив его в Улан-Батор и добиться от него эдиктов, признающих государственный строй МНР и церковные реформы. Амагаев возражал: приезд Панчен-ламы приведет к усилению духовенства, попыткам выявления Богдо-гэгэна IX, большие расходы, рассорит СССР с Далай-ламой и Тибетом, где находится посольство Гомбо-Идшина — Чапчаева. Жамцарано согласился².

Тибетцам были известны притеснения буддистов в СССР.³ Дилова-хутухта Джамсранжав вспоминал: тибетцы подозревали, что член посольства Ишдорж прислан красными с тайной миссией распространять идеи Коминтерна⁴. Далай-лама послал А. Доржиеву письмо с недовольством грубой работой советских агентов. В нем говорилось, что с Гомбо-Идшином в Тибет приезжал Цепэг Дорджи (псевдоним Чапчаева). Он «хотя и пытался найти общий язык с тибетцами, но все время, пока жил здесь, бродил по рынкам и шерстяным торговым отделам, узнавая, какие из них когда основаны. Скрыть своих расследований от шпионов он, конечно, не мог, а это имело следствием усиление опасности со стороны англичан. Вообще, его беседы, краткие или длинные, отличались настойчивостью, но и бестолковостью. Русское правительство должно принять во внимание, какой вред нанес Цепэг-Дорджи, и желательно, чтобы при дальнейших переговорах было понятно, что подобные средства не ведут к цели. 1927 г.»⁵

Гомбо-Идшин и его спутники уехали из Тибета в октябре 1927 г., и в мае 1928 г. вернулись в Улан-Батор⁶.

¹ ЦАФСБ, ф. 2, оп. 8, д. 378, л. 42–44.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 57, л. 20–45 — в кн.: Монголия в документах Коминтерна, ч. 1, 2012, с. 220–221.

³ Андреев, 2006, с. 297.

⁴ Diluv Khutagt — in: Lattimore, Isono, 1982, p. 131–132.

⁵ Перевод ИНО ОГПУ, № 15075/г. 01.02.1929: ЦАФСБ, ф. 2, оп. 8, д. 378, л. 206.

⁶ Уламбаяр, 2009, с. 86–92.

В отчете ГВО в 1928 г., но не в официальном отчете Гомбо-Идшина, указано, что он получил сунтаг и бумагу с печатью высшего ламы школы Сакья — Сакья-Тризина, или Сакья-панчена (монг.: Саж Ванчин, Саж Банчин, Саж Богд) с подтверждением, что ребенок «Прозорливой женщины» — перерождение Богдо-гэгэна. В отчете ГВО отмечалось, что Гомбо-Идшин и некоторые другие члены посольства, вернувшись в МНР, показали сунтаг и бумагу посторонним — напрасно распространяли эту информацию. С Сакья-панченом встречался лама Гэдэнсодном, ездивший с Гомбо-Идшином. Их, а также восемь габджу, собиравшихся для обсуждения, арестовали. Гэдэнсодном и два габджу получили по несколько месяцев заключения, остальных отпустили. Гомбо-Идшина спрашивали, хотел ли он пригласить следующего Богдо. Он отвечал, что все халхасцы не думали приглашать Богдо, но многие хотели. Остается неизвестным, спрашивал ли Гомбо-Идшин о новом перерождении Богдо-гэгэна Далай-ламу¹.

2 сентября 1928 г. Гомбо-Идшин показал, что в сентябре 1926 г. был направлен послом в Тибет, его спутник Гэдэнсодном встречался с Сакья-панченом. По возвращении он сказал, что от его имени спросил о ребенке «Прозорливой женщины». Сакья-панчен подтвердил, что это перерождение Богдо-гэгэна, поставил печать и дал ему документ; по возвращении он передал этот документ в правительство².

Согласно показаниям Гэдэнсоднома, Сакья-панчен его принял без особых затруднений. Гэдэнсодном передал ему письмо, в котором было сказано в том числе о мерах правительства против сына «Прозорливой женщины». В ответ Сакья-панчен написал скорописью письмо (*аврал*) и приложил печать. Гэдэнсодном отдал это письмо Гомбо-Идшину. Но тот сказал, что сожжет письмо, и что о письме нельзя никому говорить. Тогда Гэдэнсодном рассказал об этом знакомому цорджи Хорло, который жил в Лхасе. Тот сказал, что это приглашение не зависит от самодурства Гомбо-Идшина. Вернувшись в Монголию, Гэдэнсодном рассказал о письме высшим габджу и шанцзотбе³.

Согласно донесению в ОГПУ 29 сентября 1928 г., Гомбо-Идшин, будучи в Лхасе, обратился к Сакья-панчену с просьбой указать перерожденца Богдо-гэгэна. Гомбо-Идшин написал «несколько имен родившихся в соответствующее время и одаренных известными признаками детей». Сакья-панчен признал ребенка «Прозорливой женщины» и приложил свою печать над его именем в списке. Гэдэнсодном — лама аймака Дзоогай. Он привез от Сакья-панчена и еще одного гэгэна письмо, в котором удостоверялось перерождение Богдо-гэгэна в лице сына «Прозорливой женщины». Это письмо Гэдэнсодном представил народному правительству. Габджу и аграмбы Гандана совещались, решили требовать от правительства признать сына «Прозорливой женщины». Тибетский донир в Улан-Баторе тоже выступал за приглашение Богдо-гэгэна для восстановления авторитета правительства, которое стало «слишком красным». Предсказание было решено не

¹ Лонжид, 2011б, с. 302–303; Diluv Khutagt — in: Lattimore, Isono, 1982, p. 133.

² Батсайхан, 2011б, с. 583–588.

³ ЦАФСБ, ф. 65, д. 9920, л. 161–162.

разглашать, хранить в правительстве, но Ёнзон и Гуджир оказались посвященными в этот секрет и распространили его среди лам¹.

Кроме сына «Прозорливой женщины» Цэнджав, были и другие дети, которых некоторые считали воплощением Богдо-гэгэна. Ходили слухи, что в 16-м году (1926) в хошуне Нойон-ула аймака Хан-ула у одной женщины родился новый хубилган Богдо-гэгэна. Ежедневно по 200–300 чел. приходили к нему с молитвами и подарками. Но мальчик заболел желудочной болезнью и, проболев более недели, умер. Местный ревсомол стал агитировать, и народ считал, что был обман: подлинный хубилган не умер бы. Население подало иск хошунному судье на возврат пожеванного имущества, оцененного в 1000 р.²

В начале декабря 1925 г. распространялись слухи, что в местности Халха-Гуань у бедного монгола родились два младших сына, они имели все признаки хутухт. Слухи якобы дошли до Панчен-ламы и он узнал по откровениям, что это перерожденные Богдо-гэгэн и Джалханцза-хутухта, и увез их к себе в Утай-Шань для воспитания. Слух широко раздувался китайской контрразведкой во Внутренней Монголии и Халхе, но быстро заглох³.

В 1928 г. секретарь полпредства СССР И. Минин сказал Ц. Жамцарано, что есть сведения о прибытии в Сан-бэйсэ хубилгана 12 лет, которого ламы выдают за перерожденца Богдо, к нему стекаются верующие. Жамцарано ответил, что этот хубилган не может быть перерожденцем, т.к. ему 12 лет, а Богдо-гэгэн VIII умер три года назад. Отвечая на другой вопрос, Жамцарано сказал, что «все эти признаки» ребенка «Прозорливой женщины» указывают на него как перерожденца. Видимо, это один из «небольших хубилганов», откуда-нибудь из Внутренней Монголии, вероятно, Джеримского сейма. Возможно, речь шла о том же хубилгане в Сан-бэйсэ? Как указывал Жамцарано, перерожденец может быть признан после утверждения Далай-ламой и Панчен-ламой⁴.

Из Улан-Батора 1 октября 1928 г. сообщали, что «движение ламства за приглашение Богдо приняло угрожающие размеры. Намечается блок лам-консерваторов с прогрессистами, причем последние, соглашаясь в принципе с необходимостью призвания Богдо, требуют лишь предоставить его воспитание ученым ламам. Относительно кандидатур есть два направления: сторонники Панчен-Богдо выдвигают своего перерожденца из Внутренней Монголии, большинство местных лам — сына Мэргэн-хухэн Лувсандоржа», в свое время поддержанного консервативной группой Гандана, Дзун-хурэ, Манджушри-хутухтой и Саж-Богдо в Тибете⁵.

По агентурным сведениям, разговоры о приглашении Богдо-гэгэна были вначале ограничены реакционными ламами Дзун-хурэ и не распространялись на Гандан. Ламам активно содействовал бывший секретарь монгольского представительства в Москве — «Орос»-Гомбо. Доржиев поддерживал приглашение Богдо, если он не

¹ ЦАФСБ, ф. 65, д. 9920, л. 152–155

² Донесение в ОГПУ: ЦАФСБ, ф. 65, д. 9920, л. 24.

³ Докладная записка ОГПУ по БМАССР за январь 1926 г.: ЦАФСБ, ф. 2, оп. 10, д. 531, л. 25–26.

⁴ ЦАФСБ, ф. 65, д. 9920, л. 150–151.

⁵ Донесение ИНО ОГПУ № 82786 от 01.10.1928, ЦАФСБ, ф. 2, оп. 8, д. 378, л. 67, 117.

будет воспитываться в развращающей среде. Объявление Богдо ожидалось в ночь на 29 сентября или 1 октября. В Гандане и Дзун-хурэ было сильное оживление. В падь у города доставили малолетнего Далай-хутухту — воспитанника Манджушри-хутухты. Манджушри-хутухта был доставлен в Улан-Батор на машине «Орос»-Гомбо. Монгольские власти знали о развитии ситуации, но движение не пресекали. 28 сентября об этих планах сообщили полпреду СССР. Он связался по телефону с Дамбадоржем. ГВО приняло меры, последовали аресты зачинщиков¹.

По другому донесению за октябрь 1928 г., Манджушри-хутухта говорил, что кандидатур было намечено четыре: сын «Мэргэн-хухэн», сын «Цаган-Дарь-эхэ», воспитанник Манджушри-хутухты и «мальчик с четырьмя клыками». По мнению Манджушри-хутухты, сын «Мэргэн-хухэн» был опорочен в газете и «народники» его не любят, «мальчик с четырьмя клыками» умер, а сын «Цаган-Дарь-эхэ» не подходил по возрасту. Значит, подходящая кандидатура — его воспитанник, который при рождении произнес очистительную мантру «Ом ах хум» и была пятицветная радуга на всю гору Богдо-ула. Однажды этот мальчик сказал, что больше не будет спать с матерью, и она через три дня умерла. Предполагалось собрание гэскуев 30 монастырских аймаков. Секретарь ЦК МНРП Г. Гэлэгсэнгэ сказал: «Если бы у нас был Богдо, то не было бы таких несчастий, как эпидемия чумы и другие болезни». По поводу нового перерождения арестовали 4 чел. Приглашение Богдо-гэгэна предполагали осуществить в ночь с 29 на 30 сентября. Об этом узнал начальник военной школы Шарху и сообщил в ЦК, туда сразу вызвали начальника ГВО. К вечеру воспитанник Манджушри-хутухты был привезен в падь у города. Через два дня сам хутухта был вывезен в свой монастырь и затем жил там в юрте, будучи недоволен выселением из Улан-Батора².

Согласно сводке ОГПУ на 30 ноября 1928 г., прошли аресты «лам, связанных с движением в пользу Богдо». Наметили арестовать шесть лам, пока не трогать Манджушри-хутухту и Гомбо-Идшина, который долго держал у себя грамоту Сакья-панчена, показывая ее ёнзон-хамбо, Манджушри-хутухте и другим. Он передал ее правительству лишь тогда, когда оно узнало об этой грамоте³.

В более позднем донесении (от 25 мая 1937 г. в ЦК МНРП из МВД о деятельности «Контрреволюционного центра»), указывалось, что, согласно показаниям арестованных по этому делу, на совещаниях в 1924 г. в Гандане Дзун-хурэ высшие ламы решили, что в первую очередь надо отправить посланцев в Тибет, т.к. перерождение Богдо-гэгэна следовало по традиции выявлять там. Но теперь открыто это сделать было трудно, а тайно — очень опасно. Поэтому ламы решили использовать для этого посланцев правительства к Далай-ламе в 1926 г. Этими посланцами стали Гомбо-Идшин и лама Гэдэнсодном. Осенью 1924 г. в северном храме Цогчин-дуган собрались высшие ламы: ёнзон-хамбо Лувсанхаймчиг, Манджушри-хутухта Цэрэндорж, цорджи Чойнзон и Янжин — всего 60 чел. На этом собрании назначили феодала Гомбосурэна и ламу Гэдэнсоднома в Тибет полу-

¹ ЦАФСБ, ф. 2, оп. 8, д. 378, л. 67, 117; ф. 65, д. 140, т. 4, л. 149–155.

² ЦАФСБ, ф. 65, д. 9920, л. 156–158.

³ ЦАФСБ, ф. 65, д. 9920, л. 36–37, 160.

читать там сунтаг на поиски Богдо. Это показал на допросе Чойнзон — в частности, что отправили 30 тыс. лан билонного серебра для Далай-ламы, Панчен-ламы и Сакья-панчена. Эти показания подтвердили астролог Ёндонжамц, цорджи Янжин, аграмба Сандаг, габджу Гончиг и др. По показаниям, в Гандане на расходы по выявлению и интронизации Богдо-гэгэна IX хранилось 1975 лан серебра, 12874 лан серебряных вещей, 12 лан 8 цэн 3 пуна¹ золота, 52 лана 5 цэн золотых вещей, серебро, серебряные изделия и наличные деньги — 1030 лан и 10 ед.²

Посланцы принесли из Тибета подтверждение от Сакья-панчена, что следующий хубилган Богдо-гэгэна появится в северной Монголии. Поэтому реакционные ламы объявили, что в местности Хара появился этот хубилган — сын Цэнджав. Они хотели получить в Тибете четкое подтверждение, но не смогли точно выполнить действия по выявлению. Этим занимались астролог Ёндон, габджу Балдан и габджу Банзар. Их арестовали и наказали. Хамбо и цорджи из Хурэ решили поднести мандалу Цэнджав, и стали собирать средства. Этим занимались габджу Балдан из аймака Дугар, габджу Банзар и габджу Дамдинсурэн из аймака Бизьяг, габджу Найдансурэн из аймака Эхэ-Дагины. Вернувшиеся из Тибета Гомбо-Идшин и Гэдэнсодном были арестованы и наказаны. Таким образом, был прерван процесс выявления нового хубилгана³.

Эту информацию частично подтвердил на допросе по делу «Контрреволюционного центра» ёнзон-хамбо Лувсанхаймчиг в 1937 г. По его словам, были разговоры, что новое воплощение Богдо-гэгэна — какой-то ребенок, родившийся на землях Богдо, были и слухи, что это другой ребенок, находившийся у Панчен-ламы. Он говорил, что, по мнению монголов, правильное место выявления — это, наверное, Монголия. Сам Лувсанхаймчиг не мог сказать, верно ли это, поэтому у них и были мысли пригласить для решения этого вопроса Панчен-ламу. Следователь спросил, было ли намерение получить сунтаг на выявление хубилгана от Далай-ламы? Ёнзон-хамбо ответил: чтобы выявить Богдо-гэгэна IX, дэд-хамбо составил молитву «Нюрджон солдеб», в Барун-Дзу ездили гун Гомбосурэн и лама Гэдэнсодном, но он не знает, что они делали. Он указал, что работу по выявлению нового хубилгана тогда не удалось выполнить⁴.

К этим сведениям надо относиться с осторожностью: дело «Контрреволюционного центра» было сфабриковано, а на его фигурантов возложили ответственность за все заговоры в МНР до времени «больших репрессий». Однако в целом они согласуются с приведенными выше более ранними донесениями ОГПУ.

В октябре 1928 г. Охтин беседовал с тибетским дониром в Улан-Баторе. По словам донира, нынешние разговоры лам о Богдо-гэгэне IX — просто болтовня, имеющая успех среди невежественной толпы. Верхи лам чужды ей. Надо, чтобы ламы поговорили с монгольским правительством, но они боятся попасть в тюрьму. В разговоре с правительством надо сразу говорить, что Богдо-гэгэн будет ве-

¹ 1 лан = 37,5 г, 1 цэн = 3,75 г, 1 пун = 0,375 г.

² МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 82, тал 1–68.

³ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 82, тал 1–68.

⁴ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 80, тал 1–112.

дать только делами веры. Надо, чтобы от лам выступил А. Доржиев, от мирян — полпред СССР. Надо созвать собрание, где будет принят договор о разграничении функций и прав, его должен заверить Далай-лама. Богдо-гэгэн IX должен быть воспитан в Тибете, приехать в МНР, когда уже станет ученым, там должен жить строгой жизнью в Дзун-хурэ¹.

4 октября 1928 г. коминтерновцы Шмераль, Амагаев и Макдональд направили телеграмму в восточный секретариат ИККИ о противодействии ЦК МНРП в поисках следующего перерождения Богдо-гэгэна. В телеграмме отмечалось, что в движении замешан Гомбо-Идшин, привезший из Тибета разрешение Сакьяпанчена; что решением ЦК Манджушри-хутухта заточен в монастыре без права выезда и свиданий, арестованы двое активных лам. Сам Манджушри-хутухта в мае 1929 г. сказал, что хочет на старости лет оставить все титулы и привилегии, и жить, как обычный лама².

5 октября 1928 г. Доржиев говорил полпреду Охтину, что, как верующий, он за приглашение Богдо, это приглашение не противоречит интересам МНР, т.к. Богдо не будет иметь светской власти; он «может быть призван в качестве только духовного монарха без светской власти и послан в Тибет для образования. Это поднимет авторитет монгольского правительства. Есть данные, что Доржиев предлагает в этом свои услуги монгольским ламам. Полпред принял меры воздействия на Доржиева»³.

10 октября 1928 г. Жамцарано сообщил Шмералю, что Доржиев высказывался за выявление Богдо-гэгэна и пытался найти поддержку у Жамцарано и Охтина, ссылаясь на то, что в Монголии и Тибете это привлечет симпатии народных масс и «уничтожит обвинения в угнетении религии»⁴. Охтин вновь встретился с Доржиевым. Доржиев под его нажимом «раскаялся в своих последних действиях, направленных к приглашению Богдо», и официально отмежевался от этого движения. Ламы, арестованные ГВО, дали показания о Гомбо-Идшине как главном инициаторе движения. Вопрос о его аресте согласовывался с ЦК МНРП⁵.

В преддверии VII съезда МНРП в октябре 1928 г. в Улан-Баторе состоялся Духовный собор. На нем уполномоченный правительства и секретарь ЦК МНРП Гэлэгсэнгэ сообщил, что вопрос о приглашении следующего облика Богдо-гэгэна VIII находится в стадии разработки «перед соответствующей вашей инстанцией». Но «ныне муссируются напрасные слухи и разговоры о приглашении последующего перерожденца. Желательно путем агитации и разъяснения срочно прекратить подобные явления и водворить спокойствие. Постановили: срочно разослать письменное разъяснение всем аймакам, цогчинам, дацанам и ордо о том, что недопустимо распространение ложных слухов и разговоров по вопросу, который

¹ ЦАФСБ, ф. 2, оп. 10, д. 531, л. 87–91.

² ЯРГАСПИ, ф. 450, оп. 152, д. 164, л. 137 — в кн.: Монголия в документах Коминтерна, ч. 1, 2012, с. 360–361; ЦАФСБ, ф. 65, д. 9920, л. 235.

³ ЦАФСБ, ф. 65, д. 9920, л. 165–167, ф. 2, оп. 8, д. 378, л. 121.

⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 74, л. 14.

⁵ Донесение ИНО ОГПУ, № 83296 от 22.10.1928: ЦАФСБ, ф. 2, оп. 8, д. 378, л. 92.

14
 Председателю Алвис-Интернациональной комиссии НККК.

тов. Шмерало.

тов. Антура сообщил Давида-Дорфман, что в Комиссии
 рассмотрена интернационализация о.р.м., что Хамид Ахмед
 Дорфман, выказываясь за интернационализацию Богда, ил
 еще только футуром мери, т.е. Жамцарано.
 Но ему побольше задало: Ахмед Дорфман, ранее сообщ
 но с Отделом интернационализации Богда, задала раз ко
 и еще два вопроса. В мие, что Ахмед забавляет
 единичным народным массе в Меморандум - в Меморанд
 членской разне было бы интернационализацию Богда и эре
 сразу индустриальными объектами в ^{университет} интернационализации
 и интернационализация урегулирует в этом деле ит. Отдел
 и ему сообщ, что в этом отношении утв.
 Отделом в Меморандум, так как в сам Ахмед
 убедительно интернационализацию интернационализации
 его сообщ. с этой позицией Меморандум.

Ц. Жамцарано.

10 авг. 1928г.

впоследствии будет разрешен высшими органами». Однако среди лам возобновилось движение по выявлению Богдо-гэгэна¹.

В п. 39 постановления VII съезда МНРП (с которого начался «левый уклон» в 1928 г.) содержалось требование приостановить выявление хутухт и хубилганов, любые публикации и разговоры на эту тему, проводить об этом разъяснительную работу среди масс. Это поручили ЦК². В п. 30 постановления V Великого хурала (1928–1929 гг.) указывалось, что очень важно полностью остановить разговоры и публикации о выявлении Богдо-гэгэна, остальных хутухт и хубилганов, об этом надо проводить разъяснительную работу среди народа³.

Во исполнение этих решений 15 февраля 1929 г. 24-е заседание президиума правительства МНР постановило (п. 9): на основе п. 30 решений V Великого хурала проводить среди народа агитацию, полностью остановить процесс приглашения и выявления хутухт и хубилганов; эту работу поручить МВД⁴.

В дальнейшем слухи о возвращении Богдо-гэгэна в МНР были связаны с надеждами части монголов на вторжение Панчен-ламы и японцев, которые уничтожат власть МНРП. Например, в 1929 г. среди лам были слухи, что приближается Панчен-лама с войском, с ним Богдо-гэгэн, с востока и запада будут наступать русские белогвардейцы и китайцы. В этой пропаганде активно участвовали бурятские ламы (до 50 чел.) в Гандане. Приглашение Панчен-ламы и Богдо-гэгэна было главной темой разговоров лам в октябре 1929 г.⁵

Запрет на выявление Богдо-гэгэна был столь жестким, что в качестве одного из обвинений на судебных процессах против лам в 1937 г. было чтение ими молитвы «Нюрджон солдеб», которая была запрещена. Наложили запрет и на другую молитву — «Шабдан солдеб» для создания благих дел всех существ, чтобы сохранялись в порядке буддизм, религиозные учителя, хубилганы и хутухты⁶.

Ламы пытались выявлять перерождения не только Богдо-гэгэна, но и других хутухт. Постоянное противодействие государства нарушало каноническую процедуру. Неудивительно, что «выбранный на место» Джалханцза-хутухты 17-летний юноша «не пожелал принять этого звания и связанных с ним привилегий»⁷: он не мог быть новым перерождением хутухты, который скончался всего за два года до этого.

21 декабря 1925 г. пленум президиума ЦК МНРП рассмотрел докладную премьер-министра Цэрэндоржа о запросе Управления по делам религии на разрешение поисков перерождения Джалханцза-хутухты и соответствующего послания к Панчен-ламе. Пленум решил не удовлетворять этот запрос⁸. Из монгольского правительства в Управление по делам религии 28 декабря прислали следующее разъ-

¹ ЦАФСБ, ф. 65, д. 9920, л. 159, ф. 2, оп. 8, д. 378, л. 186.

² МАХН-ын тогтоол..., 1981, с. 424–425.

³ Улсын анхдугаар..., 1929, с. 34–35; Калининков, 1929в, с. 69.

⁴ БНМАУ-ын Засгийн..., 1930, с. 56; БНМАУ-ын Үндсэн..., 1972, с. 220.

⁵ ЦАФСБ, ф. 2, оп. 8, д. 378, л. 315, 368–372.

⁶ Хүрэлбаатар, 2008б, с. 83–92.

⁷ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, л. 44, л. 1–35.

⁸ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 1, х.н. 365, тал 77.

яснение. Хамбо, цорджи и мэдэчины выявили трех мальчиков, один из которых может быть искомым хубилганом. Их зовут Товудорж, Ванчин и Дашху. Для выявления хубилгана просили послать их к Панчен-ламе. Был получен отказ: ведь для этого надо было бы выезжать за границу¹.

14 ноября 1927 г. МВД сообщило в правительство о поисках новых хубилганов, указав, что правдивых доказательств всем этим сведениям нет. Сообщалось о слухах, что в районе монастыря Амтугийн-Чойбсон-хийд в Китае появился новый хубилган Далай-хамбо-ламы. Монахи из хошуна Халх-гол аймака Хан-Хэнтэй-ула хотели его пригласить, следуя старой традиции. Мэдэч монастыря Дашлин хошуна Дэлгэр-Хангай-ула аймака Хан-Тайшири-ула сообщил: говорят, что в хошуне Наран-Жаргалант-ула того же аймака появился хубилган Джалханца-хутухты. Это Гэлэгдэмбэрэл, сын женщины Сарул. Шабинары и ламы этого монастыря хотят его пригласить, обучать и помогать. С другой стороны, Панчен-лама указал на другого ребенка — Чойжила².

Итак, МНРП закрепила за собой право санкционировать поиск новых перерождений лам для того, чтобы блокировать каноническую процедуру их выявления. Этот метод борьбы с теократией успешно применялся уже в период «правого уклона» (1926–1928 гг.). В последовавший за ним период «левого уклона» на выявление хубилганов был наложен окончательный запрет. 22 февраля 1929 г. ЦК МНРП поручил Амару подготовить соответствующий агитационный документ. 11 марта 1929 г. ЦК МНРП объявил о полном запрете выявления хубилганов, что было оформлено постановлением правительства³.

Стремясь стереть даже память о хутухтах и хубилганах, ЦК МНРП в сентябре–октябре 1929 г. запретил изготавливать и продавать их изображения, печатать книги, где «под названием лундэнов и указов» Богдо-гэгэна и других хутухт и хубилганов ведется противодействие народной власти⁴. Некоторые хубилганы отказывались от своих титулов, отдавали имущество государству и уходили в мир⁵.

Очевидно, большинство монголов хотело бы найти новое перерождение своего теократического лидера — Богдо-гэгэна VIII. Тем более что, «по предсказанию древнего мудреца буддийского мира — Ловон-Бадамжуная⁶, девятый перерожденец Джебцун-хутухты должен явиться человеком исключительной интеллектуальной силы и могущества⁷. К пресечению таких поисков новая власть и ее покровители прилагали большие усилия.

Дальше всех кандидатов продвинулся процесс выявления в отношении сына «Прозорливой женщины» Цэнджав — Т. Лувсандоржа. Этот процесс не был доведен до конца.

¹ МУУТА, ф. 1, д. 2, х.н. 36, тал 72–73.

² МУУТА, ф. 1, д. 2, х.н. 304, тал 103–109.

³ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 3, х.н. 127, тал 132, 147–148.

⁴ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 3, х.н. 14, тал 36; х.н. 134, тал 130–131.

⁵ Напр., Дамдинбишрэлт 3 июня 1930 г.: МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 3, х.н. 168, тал 18.

⁶ Это Падмасамбхав — индийский гуру, один из основателей тибетского буддизма (VIII в.).

⁷ Донесение в ОГПУ в 1928 г. о высказываниях Цэвэна — ламы Джалгар-аймака: ЦАФСБ, ф. 65, д. 9920, л. 153.

Т. Лувсандоржа привезли в Улан-Батор и поставили под контроль ГВО, потом мобилизовали в армию, его дальнейшая судьба неизвестна. Среди людей в местности Дарьт-Ялбаг ходил слух, что Лувсандорж погиб. Его мать Цэнджав осудили и наказали через ГВО. По рассказам, ее муж Тудэв вместе с арестованными Чингисидами в 1939 г. содержался в лесной местности Галтай-Булнай к востоку от Улан-Батора¹.

Имеющиеся сведения показывают, что Т. Лувсандоржа вряд ли могли признать подлинным воплощением Богдо-гэгэна VIII, даже если бы процесс выявления был доведен до конца. Ведь Лувсандоржа сочли в прошлом воплощении женщиной; с предметами для узнавания проводились манипуляции; предсказания Цэнджав не исполнялись (значит, в нее не сходил чойджон); вместо Далай-ламы XIII, который был связан с Богдо-гэгэном VIII, обращались к Сакья-панчену — главе другой школы буддизма. Однако эта деятельность привела к масштабному «заговору Эрэгдэндагвы» (подробнее см. ниже).

Позже, в периоды «больших репрессий» и социализма в МНР выявление там хубилганов было тем более невозможно. Типичный пример — история Ламадана (Цэрэнпунцага) из сомона Баян-Адарга Хэнтэйского аймака. Это был сын арата Ц. Сэрэтэра, родившийся в 1937 г. Его усыновил Г. Гомбо. Мальчика похвалил лама из Гандана. Во время тяжелой болезни местный лама заменил его имя на Ламадан и сказал Гомбо, что это может быть перерождение Хухэн-хутухты. Люди стали ему поклоняться. В 1944 г. Гомбо за это дали 10 лет заключения. Ламадана отдали в аймачную школу, но люди все равно приходили на поклонение. Тогда мальчика увезли в другой город. Сотрудники МВД Б. Болд, М. Бат-Очир и советник Багаев отдали его заведующему швейной фабрикой МВД Самдану: ребенок не достиг совершеннолетия — значит, его нельзя наказывать, но его должен усыновить неверующий. Самдан усыновил его и назвал Чимэддоржем. Чимэддорж кончил школу, женился, работал шофером на стройбазе, умер в середине 1990-х гг. Он жил как обычный человек².

В Маньчжурии и Внутренней Монголии до занятия их китайскими коммунистами выявление хубилганов не было запрещено. Например, когда в 1937 г. выявляли хубилгана в хошуне Ару-Хорчин (Маньжоу-го), была отправлена делегация в Тибет, получен ответ, проводились поиски и т.д.³ В 1930-х гг. во Внутренней Монголии и Тибете были попытки поисков перерождения Богдо-гэгэна, к которым имели отношения японцы⁴. Достоверных выявлений они не дали.

Тем не менее, Богдо-гэгэн IX Халха Джецун Дампа Ринпоче (1932–2012) был канонически выявлен и интронизован. Подобно своему предшественнику, он был тибетцем. Далай-лама XIII скончался в 1933 г., а Панчен-лама IX жил как беглец в Китае, поэтому они не могли принять участие в его выявлении. Когда он еще был в утробе матери, ему предсказал необычное рождение глава школы Гэлуг — Ган-

¹ Лонжид, 2011б, 303–304.

² Батсүх, 2013.

³ Якимов, 1950, с. 23.

⁴ Нyer, 2012, p. 64–74.

ден-трипа XIX Трехор Джампа Чодрак. В возрасте 4 лет его выявил как перерождение Богдо-гэгэна IX регент Тибета Ретинг Ринпоче. Это долго держали в тайне в связи с репрессиями против религии и давлением, оказываемым на Монголию большевиками и Китаем. Лишь в 1990-х гг. Далай-лама XIV официально объявил о его выявлении. Он был признан духовным лидером буддистов Монголии, незадолго до кончины получил монгольское гражданство и поселился в монастыре Гандантэгченлин. И до, и после возвращения в Монголию Богдо-гэгэн IX подчеркивал, что не собирается заниматься политикой и видит свою задачу в религиозной деятельности.

В конце 1980-х г. был выявлен Дилова-хутухта XII Тэло Тулку Ринпоче Э.Б. Омбадыков. В 1992 г. он был избран Верховным ламой Калмыкии, в 2007 г. организовал в Монголии Буддийский центр Наропы и Тилопы. В 2000-х гг. были выявлены некоторые другие хубилганы из Монголии: Бамбар-эрдэнэ, Бари-лама Данзанжамъянлодой, Гачэн Ринпоче Н. Ренчинсамбу, Гобийн-нойон-хутухта (Данзанравжа-хубилган) О. Угтахбаяр, Джалханца-хутухта Ч. Данзанчойжинванчиг, Дугар-дзайсан Н. Амгалан, Егузэр-хутухта О. Лувсанчойжин, халхаский Зая-пандита Лувсанданзанпулжинжигмэд, Ламын-гэгэн (Эрдэнэ-пандита-хутухта) Б. Эрдэнэбат (Лувсанданзанжанцан), Манджушри-хутухта Д. Цэвэндорж, Наробанчин-хутухта Б. Цэдэн-Иш, Сариадорж-номун-хан С. Давасурэн, Ханчин Ринпоче Н. Гантумур, Гуши Ринпоче, Дарав-пандита-хутухта, Джамьян-Карпо из Архангая¹.

Большинство из них в настоящее время обучается в воссозданных под покровительством Далай-ламы XIV монастырях тибетского буддизма в Индии, где в наибольшей полноте сохраняется эта религия.

Восстановление преемственности в линиях хубилганов — один из важнейших факторов реставрации духовности и традиционных основ монгольского общества. В настоящее время это нельзя считать реставрацией теократических структур, т.к. хубилганы в Монголии не осуществляют религиозно-политические властеотношения и не имеют для этого ресурсов.

9.3. Заговоры и восстания после 1924 г.

Сохранились сведения о ряде восстаний и заговоров, раскрытых после провозглашения МНР — подлинных и мнимых. Рассмотрим те из них, которые имели отношение к религии.

Сообщалось, что в конце 1924–1925 гг. в шаби Бэгэр-номун-хан-хутухты Дзасактуханского аймака хутухта Ванчинсурэн организовал заговор. В нем участвовали также хубилган Чинрав, лама Сандуйжав, Дашзэвгэ и Цэрэн-Очир. Они выделили посланников за помощью от китайских милитаристов, которые направились в Пекин через Улан-Батор. Заговор был раскрыт, Ванчинсурэна расстреляли².

¹ Тэло Тулку Ринпоче..., 2009; Жиронкина, 2012; Шинэбаяр, 2012; Баасансүрэн, 2014; Монхзул, 2014; Сэра..., 2014; Үлэмж, 2014; Тэло Тулку Ринпоче, личное сообщение о хубилганах в Монголии.

² Пүрэвжав, Дашжамц, 1965, с. 65–66.

В начале 1925 г. в Улангом-хурэ высшие ламы организовали выступления против властей. Руководили этим да-лама Даржал, дэмч Намнан, лама Намрал и Дамба. В апреле–мае они разогнали местную администрацию, арестовали чиновников Догсома и Лувсанцэрэна¹. Восстание планировалось так. В ночь на 6 мая ламы монастырей Намир и Улангом прибыли в монастырь Намир, где предполагался сбор основных сил повстанцев. Решили не признавать народную власть, т.к. она давит население налогами. Отправили посланцев в хошуны алтай-урянхов и в два аймака дэрбэтов. У Мунджикского («Мундупского») монастыря повстанцы арестовали и задержали четырех солдат МНРА. Но эти солдаты сумели забрать отобранное у них оружие, арестовали троих руководителей и доставили их в штаб военного округа в Кобдо. Посланцы в хошуны от восставших вернулись без результатов. В Улангомский район был направлен отряд под командой советского инструктора Донина².

Донин сообщил следующее. С первой половины 1925 г. в районе Улангома ламы агитировали, намечали восстание под лозунгами: «Долой народную власть», «Назад к старым порядкам» (аймаки дэрбэтов). После начала восстания хотели обезоружить 20 солдат в местности Бейлят, по дороге к Кобдо снять три уртона. Восстание началось в районе Улангом-хурэ (около 300–400 чел.), руководили им ламы. Они рассылали воззвания к мужскому населению в течение 5–6 дней прийти на р. Кобдо с 10-дневным запасом продовольствия. Штаб Кобдоского округа распорядился разоружить их, но попытка была неудачной. 6–9 мая повстанцы старались никого не выпускать из района восстания, хотели арестовать уполномоченного по организации местных самоуправлений Догсома, но он закрылся в ямыне с 20 вооруженными людьми. Повстанцы не решились брать его, но арестовали четырех солдат МНРА, заготовлявших дрова, и увезли в Намировский монастырь. 14 мая из Кобдо выехали Донин и два взвода в 60 чел. при двух пулеметах. 10 мая повстанцы признали народную власть, заявили об отказе от выступлений против местных самоуправлений, восстановили уртонную связь. Было арестовано 30 восставших, выявлялись руководители³.

В августе 1926 г. произошли волнения лам в монастыре Сан-бэйсэ на востоке страны (аймак Хан-Хэнтэй, хошун Баян-Тумэн). Они протестовали против работ и налогов, наложенных властями на монастыри. Несколько сот монахов пришли в хошунное управление с требованием снять налоги с их скота, говорили, что народное правительство — враг религии, угрожали избить чиновников и уничтожить дела управления. Когда отдел ГВО вызвал зачинщиков на допрос, вместо них неоднократно появлялась толпа в несколько сот человек, наступала на аппаратчиков, читая молитвы, хлопая в ладоши, бросая камни и землю. По ним открыли огонь, двух убили, около 10 ранили. Лидер восставших Ишжамц был арестован. Его и ламу Дзого-Молту расстреляли, 5 лам приговорили

¹ Пүрэвжав, Дашжамц, 1965, с. 65–66.

² ЦАФСБ, ф. 65, д. 71, л. 72–73.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 33, л. 381–382; ЦАФСБ, ф. 65, д. 71, л. 96, ф. 65, д. 71, л. 96.

к 5 годам заключения, 7 лам — к 7 мес., высшие ламы были оштрафованы «за попустительство»¹.

В сентябре 1926 г. произошли волнения в монастыре Дайчин-вана на северо-западе МНР, вызванные агрессивным поведением антирелигиозных активистов во время хурала. Ламы разогнали их и разорвали знамя парторганизации².

В октябре 1926 г. в хошуне Намнан-ула аймака Цэцэрлэг-Мандал толпа лам напала на местную парторганизацию. Причиной было грубое вмешательство партийцев в дела монастыря: они требовали переизбрания настоятеля и других должностных лиц. В результате один партиец был избит, хошунное управление разгромлено. Зачинщики были арестованы и судимы. Одного ламу приговорили к 10 годам тюрьмы, другого — к 5, нескольких к заключению и штрафу в 100–370 долл. Превысивший свои полномочия партиец Джамбал получил 6 мес. заключения. Было издано официальное письмо о том, что необходимо соблюдать законность при администрировании церковных вопросов³.

В декабре 1926 г. двое лам в Улангоме (запад МНР) отказались принимать тугрики, вели агитацию за это. Их арестовали. 10 января 1927 г. в Улан-Баторе на воротах Управления по делам религии появилась прокламация с рисунками, выражавшими претензии монахов: отсутствие доходов от шабинаров, наличие женщин на ночлеге в монастырях, застройка площади, используемой для праздника Круговращение Майдари, реквизиция имущества Богдо-гэгэна, обвинения в контрреволюции⁴.

Все эти выступления происходили в разных частях страны и не были взаимосвязаны. Общим было недовольство новыми порядками.

В период «левого уклона» (1929–1932 гг.) число выступлений стало наибольшим. В 1929 г. ламы в Улан-Баторе агитировали о приближении Панчен-ламы с Богдо-гэгэном и войском. Местные власти на западе МНР опасались армии в 20 тыс. чел. из белогвардейцев и китайцев против Кобдо. Ламы расклеивали в Улан-Баторе листовки, подрывавшие авторитет МНРП. На р. Тэрэлдж среди бурят циркулировали слухи, что в столице расклеены листовки о переименовании Улан-Батора в Цаган-Батор (Белый Богатырь) — это свидетельство грядущего прихода белых. Говорили, что 17 ноября китайцы должны занять МНР и Панчен-лама (находившийся тогда во Внутренней Монголии) назначен командующим⁵.

В Ван-хурэ 7 ноября 1929 г. ламы сорвали плакаты и сломали трибуну, приготовленную к празднованию 12-й годовщины Октябрьской революции. Настоятель и несколько лам были арестованы⁶.

¹ Монгольское законодательство, 1928, с. 50–51; АВПРФ, ф. 0111, оп. 7, п. 118, д. 49, л. 14–15, 19–20 — в кн.: Синецын, 2013, с. 275.

² АВПРФ, ф. 0111, оп. 7, п. 118, д. 49, л. 13 — в кн.: Синецын, 2013, с. 276.

³ АВПРФ, ф. 08, оп. 9, п. 19, д. 101, л. 16, 18 — в кн.: Синецын, 2013, с. 276; МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 2, х.н. 174, тал 30–32.

⁴ АВПРФ, ф. 0111, оп. 8, п. 123, д. 68, л. 47об.–50 — в кн.: Синецын, 2013, с. 280.

⁵ Донесение ИНО ОГПУ от 26.10.1929: ЦАФСБ, ф. 65, д. 9920, л. 228, ф. 2, оп. 10, д. 531, л. 155.

⁶ ИНО ОГПУ, № 53913 от 16.11.1929: ЦАФСБ, ф. 2, оп. 8, д. 378, л. 362.

В 1930 г. был раскрыт «заговор Эрэгдэндагвы», или «дело 38». Его цели следовали из письма тайджи Эрэгдэндагвы, написанного в марте 1930 г. «Высшему военному командованию и гражданским сановникам Китая от проживающих в Урге Джебцзундамба-хутухты ванов, гунов и аратов, хамбо-номун-хана, дэд-хамбо, цорджи, гэскуев, хутухт и хубилганов».

Содержание этого письма вкратце таково. Монголы следуют Желтой вере, раньше благоденствовали под властью Джебцзундамба-хутухты. После революции в России красная партия конфисковала имущество богатых, отдала бедноте, от этого возникла общая бедность. Из Монголии «несколько умственно недоразвитых аратов бежало в Россию, чтобы просить помощи для завершения революционного переустройства страны». Россия прислала армию и низвергла автономную власть. После смерти Богдо-гэгэна VIII МНП под угрозой оружия организовала новую власть. «Работы, проведенные Народно-революционной партией, совершенно не согласуются с обычаями монгольского населения». Партия не строит монастыри, запрещает ремонтировать старые, установила норму подношений, обложила налогом имущество джасс, издала приказ об отмене выявления воплощений хутухт и хубилганов, уничтожает устои религии. В жизнь это проводит ЦК ревсомола. Эти грехи юношей и девушек — опасность для нации. Надо восстановить порядок и спокойствие. «Мы, ламы и чиновники, узнав, что правительственный центр Китая отправляет... часть войск к северу для подавления СССР... пришли в восторг <...> Узнав, что упомянутая военная часть Китая победила своего врага и предполагают отправить ее сюда, мы, нижеподписавшиеся, устроили собрание, на котором постановили зафиксировать наши стремления в особом послании и отправить таковое с уполномоченным Эрэгдэндагвой Высшему военному командованию и гражданским чиновникам Великого Китая, под трибуной благоденствия которых просим принять под свою защиту нас, монголов, бессильных как для охраны себя, так и для помощи другим и присовокупляем, что мы стремимся сохранить по-старому устои буддийской религии. Изложенное просим передать правительству Великого Китая и Богдо-Банчен-Эрдни [Панчен-ламе] с просьбой помощи для уничтожения Народно-революционной партии, дабы дать возможность приглашения девятого воплощения Богдо-Джебцзундамба-хутухты и прибытия в Монголию Банчен-Эрдни, под религиозным управлением которых стремится находиться население Монголии»¹.

Красная пропаганда объявила это письмо «программой феодально-теократической контрреволюции», вокруг которой объединились виднейшие светские феодалы и теократы². Обвинения в участии в заговоре предъявили в том числе трем теократам: Манджушри-хутухте, Дилова-хутухте и Егузэр-хутухте. Последнему припомнили, что после разгрома Унгерна он помогал его сторонникам: Жамболон-вану, Найданжав-вану, Тубанову и др.³

¹ Перевод: РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 98, л. 341–343.

² Кичиков, 1937в, с. 85.

³ Эльбек-Доржи Ринчино..., 1998, с. 133–134.

Бывший наместник Восточного края Монголии Егузэр-хутухта Галсандаш уже давно вызывал подозрения. Еще осенью 1921 г. Д. Бодо послал ему уважительное письмо, где говорилось в том числе о сторонниках Унгерна — Найданжав-ване и Лувсан-гуне¹. Осенью 1924 г. в докладе 26-й ячейки ревсомола хошуна Хурцдзасака аймака Хан-Хэнтэй-ула говорилось, что Шарын-даянч² отправил ему секретное письмо против государства. Тогда это подвергли сомнению и потребовали проверки³.

Кроме того, авторитет Егузэр-хутухты в юго-восточной Монголии был очень высок. Его монастырь оставался центром Восточного края. Зимой 1923 г. при нем была создана партиячейка в составе присланного ЦК МНП Ц. Лувсана и 13 чел. местных. В 1923 г. при монастыре создали таможенное бюро, в 1924 г. расквартировали 19-й полк, создали 26-ю ячейку ревсомола, 25-й кооператив взаимопомощи, в 1925 г. — начальную школу, в 1926 г. — 66-е отделение банка, в 1928 г. — временную ячейку профсоюза⁴.

Однако, по донесению в Коминтерн, «все партийные и ревсомольские организации находятся под руководством и под сильнейшим влиянием самого Егузэра, последний является духовным идейным и общественным диктатором в данном районе и пользуется колоссальным авторитетом всего населения восточной части Внешней Монголии, а также Внутренней Монголии, он является ближайшим сподвижником Панчен-Богдо <...> Егузэр имеет колоссальное влияние на армейцев и командный политический состав»⁵.

Егузэр был почти неподконтролен правительству, на его моления собиралось множество людей, в том числе местные партийцы и ревсомольцы, причем их организации работали по директивам хутухты, а не МНРП. В 1929 г. советский консул обнаружил, что в местном хошунном управлении на месте, где раньше был портрет Богдо-гэгэна VIII, теперь находился портрет Егузэр-хутухты. И это при том, что уже вскоре после кончины Богдо-гэгэна VIII в 1924 г. права Егузэра ограничились, и он остался только высшим ламой своего монастыря⁶.

По донесению ИНО ОГПУ от 26 июля 1929 г., Егузэр-хутухта — «духовный покровитель всех бурят-эмигрантов и может сыграть большую роль в деле борьбы с красными, путем организации восстаний как внутри Халхи, так и в смысле мобилизации бурят-эмигрантов под определенным лозунгом для наступления на Халху»⁷.

Егузэр-хутухту вызвали в Улан-Батор. После проволочек его обманом привезли туда член Малого хурала Дэмбэрэл и советский инструктор Канаев. До предъ-

¹ Текст: Мөнхбаяр, 2008, с. 56–57.

² Шарын-даянч Цэрэнпунцаг указан как глава “группы 10 бунтовщиков” (Brown, Onon, 1976, p. 274).

³ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 1, х.н. 288, тал 66–68.

⁴ Олбаяр, 2012, с. 42–43.

⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 91, л. 11.

⁶ Синицын, 2013, с. 286–287; Олбаяр, 2012, с. 42.

⁷ ЦАФСБ, ф. 65, д. 9920, л. 105, ф. 2, оп. 8, д. 378, л. 1–9, 340.

явления обвинения его держали под домашним арестом¹. В ночь на 20 сентября 1929 г. из Егузэр-хийда за границу — в Дзун-Удзумчин бежал Багш-гэгэн с женой и приближенными ламами, на 12 верховых лошадях. Там у него был свой монастырь². Это еще более усугубило ситуацию.

С 1 мая по 30 августа 1930 г. было арестовано 38 «заговорщиков». Из них 24 арестовали и допрашивали без каких-либо ордеров и постановлений. Участвовали в этом советские инструкторы Н. Цыдыпов и Балдаев³. Ответы Эрэгдэндагвы на допросах были довольно путаные. Он говорил, что население Монголии разделено на два лагеря, которые враждуют между собой; признал, что составил послание на имя гражданских сановников, командования Китая и Панчен-ламы о военной помощи, чтобы восстановить старые порядки. Но на другом допросе говорил, что стремился мирно преобразить страну — а его хотят поймать на том, что он якобы хотел пригласить китайскую армию⁴.

Дилова-хутухта Джамсранжав вспоминал, что Эрэгдэндагва показался ему подозрительным. По его словам, еще во время службы в минфине при автономном правительстве Эрэгдэндагву уволили по психическому заболеванию, затем он три года бродил, как безумный. Следуя к границе с письмом, он разговаривал с людьми и открыто спрашивал дорогу, что и привело к аресту⁵.

Дилова-хутухта вспоминал также, что на допросах выяснилось: письмо редактировал Чадарбал, ученик Егузэр-хутухты, который писал для него официальные бумаги. При этом показания самого Егузэра во многом расходились с показаниями Чадарбала. По мнению Диловы, участие Егузэра в «заговоре» состояло лишь в том, что он увидел, как Чадарбал читает письмо, переданное Эрэгдэндагвой, спросил его об этом, а Чадарбал уклончиво ответил. По тем же мемуарам, Егузэр на процессе старался показать, что он в курсе всего, и своими ответами навлекал все больше подозрений⁶.

По окончании допросов представитель секретного отдела ГВО С. Галиндэв подготовил проект приговора, начальник этого отдела Джадамба дал санкцию, и.о. начальника ГВО Д. Намсрай и инструктор Н. Балдаев проект утвердили. Согласно этому проекту, 38 чел. во главе с Эрэгдэндагвой в начале марта 1930 г. организовали контрреволюционную группу в местности Егузэр-Эрдэнэ-Цаган на границе с Внутренней Монголией⁷. Позже пропаганда ложно утверждала, что Егузэр «еще в первые годы монгольской революции создавал контрреволюционный феодально-теократический заговор», собирал оружие для восстания. Как «доказательства» приводились показания обвиняемых⁸.

¹ Баабар, 2010, с. 306. Сохранилось донесение ОГПУ «Об эвакуации Югодзыр-ламхая в Улан-Батор» в 1929 г.: ЦАФСБ, ф. 65, д. 9920, л. 259.

² ЦАФСБ, ф. 65, д. 9920, л. 290.

³ Одбаяр, 2012, с. 80–81.

⁴ Перевод нескольких допросов: ЦАФСБ, ф. 65, д. 140, т. 4, л. 1–22.

⁵ Diluv Khutagt — in: Lattimore, Isono, 1982, p. 188–210.

⁶ Diluv Khutagt — in: Lattimore, Isono, 1982, p. 188–210.

⁷ Одбаяр, 2012, с. 80–81.

⁸ Кичиков, 1937а, с. 22–26.

В «Обвинительном заключении» контрреволюционной организации Эрэгдэндагвы, Цэрэндоржи (Манджушри-хутухты), Ешилодона (ловона Шамара), Гомбо-Идшина, Галсандаша (Егузэр-хутухты), Джамсранжава (Дилова-хутухты), цорджи Чойнзона, Донайжава, и других в числе 38 чел. — обвиняемых по ст. ст. 25, 42, 46 и 49 Уголовного уложения МНР указано, что с марта 1930 г. в ГВО поступали сведения о наличии контрреволюционной организации в Улан-Баторе, имевшей связи с рядом районов: Эрдэнэ-Цаган (Егузэр) и другими, а также с Внутренней Монголией и Китаем. Дальнейшая агентурная работа выявила наличие этой организации в составе 38 чел. Затем было выявлено, что осенью 1929 г. Эрэгдэндагва подготовил это письмо, хранил у себя и искал связь, чтобы отправить его и, получив ответ, продолжать работу внутри страны. Для этого Эрэгдэндагва связался с сообщниками, показывал им письмо, обсуждал, намечал план действий и т.д. Связи были установлены в основном с Манджушри-хийдом и Егузэр-хийдом. Затем сам Эрэгдэндагва пошел с письмом и по пути был арестован ГВО¹.

Сохранились биографические сведения и ключевые показания каждого обвиняемого. В обвинительных заключениях по каждому фигуранту дела сказано, в частности, следующее. Манджушри-хутухта принял активное участие в посылке Цэрэнпил-гуна в Японию в 1923 г. (см. выше), вел переговоры с Егузэр-хутухтой о приглашении Панчен-ламы, распространял слухи о его приезде, собирал пожертвования, был связан с расстрелянным «Орос»-Гомбо. Егузэр специально приезжал в Улан-Батор для подготовки приезда Панчена, в 1925 г. отправил к нему двух лам якобы для поисков перерождения Чойжин-ламы (брата Богдо-гэгэна VIII), послал еще одно письмо Панчену. Дилова-хутухта был активным участником дела Бодо, был связан с Дамбиджанцаном, распространял слухи о приезде Панчена. Гомбо-Идшин в 1926 г. в Тибете просил Сакья-панчена указать новое перерождение Джебцзундамбы, привез его предсказание². Из этих обвинений лишь последнее можно считать доказанным.

В заключении сказано также, что обвиняемые, за исключением Эрэгдэндагвы, Ешилодона, Дашдэндэва, Бувэя и Донайжава не признали себя виновными в участии в организации, а только в том, что не сообщили о ней властям. Это не удивительно: имеющиеся материалы не подтверждают наличие какой-то «организации». Заключение подписали 3 сентября 1930 г. уполномоченный секретного отдела ГВО Галиндэв, согласовал ВРИД начальника этого отдела Джадамба, утвердил начальник ГВО Намсрай, заверил инструктор секретного отдела³.

Егузэр-хутухта на допросе отвечал, что письмо Эрэгдэндагвы никогда не читал, не знает, что тот сочинил, советы ему не давал (тот лишь приходил на поклонение к Егузэру), с Панчен-ламой ни разу не встречался, о приходе его в МНР не думал, не приглашал его и не собирался идти на поклонение, о правительстве МНР думает хорошо. О том, что хутухта не видел письма Эрэгдэндагвы, вспоминал и лама Ц. Буд, который был его приближенным. На вопрос о встрече и разговоре с Унгер-

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 98, л. 319–338.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 98, л. 319–338.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 98, л. 319–338.

ном Егузэр отвечал, что разговоров с ним не вел, встречался два раза и принимал приказ как наместник края. На вопрос, какие поручения выполнял, когда был при Унгерне сайдом, отвечал, что тот просил установить покой в южных районах, особых разговоров не было, поручений не давал. Судя по вопросам, ведший судебные заседания Мэнд старался «пристегнуть» Егузэр-хутухту к «делу Эрэгдэндагвы»¹.

Однако суд счел, что Егузэр был тайным руководителем этого «заговора». 29 сентября 1930 г. расширенное заседание Верховного суда МНР приговорило к расстрелу Егузэр-хутухту, чиновника Эрэгдэндагву, хиченгуй-сайда гуна Гомбо-Идшина, габджу Бувэя, чиновника дзайсана Чадарбала, Донайжава, Ишлодона. Расстрел предписали исполнить в течение 24 час. без права обжалования. Еще 6 чел. приговорили к заключению на 10 лет, 2 чел. — к 8 годам, 4 чел. — к 5 годам, 2 — к 4 годам, 7 — к 3 годам, 2 — к 2 годам, 1 — к 5 годам условно, 4 — к 2 и 3 годам условно, 2 — освободили. Дилова-хутухта Джамсранжав получил два года испытательного срока: если в течение года вновь совершит преступление — будет вынесен приговор по отягчающим обстоятельствам. У 13 осужденных конфисковали имущество, оставив семьям прожиточный минимум. Манджушри-хутухте Цэрэндоржу дали испытательный срок в 10 лет: если он в течение пяти лет совершит преступление — будет сразу расстрелян².

29 сентября 1930 г. Егузэр-хутухта подал прошение о помиловании председателю Малого хурала МНР. Это прошение приложили к его делу, но сведений о рассмотрении нет. На следующий день — 30 сентября в 8 час 20 мин Егузэр-хутухта был расстрелян³.

Процесс над «38» был публичным, но у него отсутствовали некоторые признаки показательных процессов периода «больших репрессий» конца 1930-х гг., в частности, признание своей вины подсудимыми⁴. «Дело 38» было сфабриковано. В 1990-х г. Егузэр-хутухта и другие «заговорщики» были реабилитированы.

Дилова-хутухта Джамсранжав с небольшой группой ушел за границу и жил вне МНР. Первое время он находился во Внутренней Монголии и Китае, контактировал с Гоминьданом и японцами. Г. Дуйнхэржав, изучавший этот вопрос, писал, что Дилова-хутухта перешел границу потому, что получил задание от спецорганов МНР следить за Панчен-ламой, гоминьдановцами и японцами. По Дуйнхэржаву, 25 февраля 1931 г. МВД выдал удостоверение одному из членов группы: «Сим удостоверяется Шижиру, что он способствует переходу пяти человек через границу, это является правдой. Встречающимся им командирам подразделений надлежит лично оказывать помощь при переходе границы». 16 марта 1931 г. МВД МНР получило записку: «Благополучно перешел границу в местности Модон-обо южного края хошуна Шанхай-ула (Южная Гоби). Сопровождающий товарищ вернется, потому не распространяемся. Будем деятельно стремиться выполнить как можно полнее». Дилова-хутухта приехал в Пекин, встретился с Панчен-ламой, вместе с

¹ Одбаяр, 2012, с. 81–88.

² Одбаяр, 2012, с. 89–90.

³ Одбаяр, 2012, с. 94–95.

⁴ Kaplonski, 2014, p. 120–121.

ним участвовал в Нанкине в собрании по вопросам Халхи, был выбран делегатом собрания, позже познакомился с князем Дэмчигдонровом и японцами, последние даже организовали в 1941 г. т.н. хошун Диловы в Мэнцзяне¹.

Известный монгольский публицист Баабар пишет, что Дилова-хутухта присылал некоторое время сообщения за подписью «лейтенант Жамсран», а с началом репрессий — прекратил². Можно было ожидать, что это были важные донесения для МНР — прежде всего, о поддержке Панчен-ламой восстаний 1931–1932 гг. Но такие донесения неизвестны. Не приводит их и Дуйнхэржав, использовавший архив Главного управления по обеспечению государственной безопасности МНР³. Он пишет лишь, что в 1937–1939 гг. люди, которые давали задание, были репрессированы, связь потеряна, и Дилова-хутухте осталось лишь подтвердить слух, что он беглец⁴.

Однако в период «больших репрессий» 1937 г. об этом писали наоборот: Дилова-хутухта считал возможным осуществить контакт с Панченем и китайским командованием, сорванный раскрытием «заговора Эрэгдэндагвы»; обеспечил шпионскую деятельность, связанную с Улгий-хийдом (см. ниже); остался в ставке Панчена на должности хамбо, «возглавляя, фактически, всю к.р. шпионскую работу панчендовской, т.е. японской разведки, в южных и западных аймаках МНР <...> Заговорщики систематически снабжали Дилэб-Хутухту и Панчен-Богдо шпионскими сведениями о положении в МНР»⁵. Эти обвинения основаны лишь на допросах арестованных и потому не представляются достоверными.

Во время суда по «делу 38» настроения лам были в основном такие: агитация, что судебный процесс создан искусственно для уничтожения трех хутухт и религии; представители власти несостоятельны; против русских, уничтоживших у себя религию и пытающихся это делать в Монголии; агитация, что при смертном приговоре хутухтам должны восстать все ламы, и неизбежно будут наступать китайцы, баргуты и Панчен; возможность проявления чудодейственных свойств хутухт исключается, т.к. «нет достойно верующих». Однако исполнение приговора к Егүзэр-хутухте активных действий лам не вызвало⁶.

Была попытка восстания в аймаке Цэцэрлэг-Мандал — правда, не связанная с «делом 38». На собраниях в монастырях Манджушри-хутухты и Ламын-гэгэна (Эрдэнэ-пандита-хутухта VII Г. Цэрэндорж, 1913–1937) поставили задачу подготовки прямого выступления, выработали план. Причинами были конфискации имущества феодалов, сокращение монастырей, обложение налогами духовенства и феодалов, вывод лам в мир. В Дархате контрреволюционеры предлагали агитировать в МНРА за религию, разлагать солдат, организовать их бегство на восточную границу; сами ламы хотели перейти в мир и для борьбы вступить в МНРА⁷.

¹ Дуйнхэржав, 1991, с. 3–5.

² Баабар, 2010, с. 408.

³ Монг.: УАБХЕГ — Улсын аюулгүй байдлыг хангах еронхий газар.

⁴ Дуйнхэржав, 1991, с. 5.

⁵ Кичиков, 1937в, с. 97.

⁶ Донесение в ИНО ОГПУ 21.11.1930: ЦАФСБ, ф. 2, оп. 8, л. 307, л. 54–58об.

⁷ ЦАФСБ, ф. 2, оп. 8, л. 307, л. 54–58об.

Более детально события в монастыре Ламын-гэгэна описал очевидец — Л.С. Пучковский. Летом 1930 г. высшее духовенство там готовило «кровавый путч» на октябрь. Пучковский был знаком с Ламын-гэгэном — это был «молодой человек лет 18, довольно умный и развитый», который был непрочь повеселиться, но окружавшие его наставники мешали этому. До революции 1921 г. он считался «самым богатым человеком в Монголии в этот период», т.к. верующие считали его одним из самых святых, а феодалы — самым знатным. Кроме того, до 1928 г. большой доход его монастырю приносили обозы, возившие хлеб из Китая¹.

Заговорщики решили уничтожить управление хошуна Баян-Дзурх и другие организации, арестовать некоторых служащих, прервать связь, мобилизовать охотников и аратов, имеющих оружие, призвать в ряды всех лам 18–45 лет, «в захваченных хошунах устанавливать прежнюю власть с князьями во главе и под контролем лам». Т.к. в управлении было мало людей, решили, что оружие не потребуется. Монастыри соседних хошунов Баян-Хонгор и Хан-Хугшин, а также Туин-гол-хурэ решили известить об одновременном восстании. Во всех трех хошунах решили ликвидировать власть, но не убивать ее представителей: «Народная власть не пойдет против лам и не будет убивать, т.к. это, как говорили ламы, наши братья, отцы и родственники»².

По сообщению Пучковского, в назначенную ночь у главного храма собралось около 100 лам (из 1500). Один из них струсил и сказал, что 100 лам не смогут шире развернуть восстание. Все разошлись в ожидании подкреплений, но на следующую ночь собралось лишь 20 чел. Один из них уехал из монастыря, по дороге в юрте сказал, что ламы проводят тайные собрания. Через два дня к управлению приехали два автомобиля. Ламы растерялись и стали расходиться по худонам. Вскоре ГВО арестовало руководителей, их судили и наказали. «По имеющимся сведениям, хубилган Ламайн-гэгэн снял с себя звание хубилгана, отрекся от ламства и живет в худоне недалеко от монастыря». Но это не мешало ему принимать поклонников с подношениями³.

Из донесения не следует, что Эрдэнэ-пандита-хутухта играл какую-то роль в этой попытке восстановления теократии. Но позже его арестовали, долго держали в тюрьме по обвинению в контрреволюционной деятельности, в 1937 г. расстреляли⁴.

Сходной была судьба хубилгана А. Гончигжанцана из монастыря Эрдэнэ-Дзу. Он был арестован в 1931 г. «за распространение слухов среди народа», получил семь лет, но его освободили в 1932 г. по амнистии. В 1937 г. его снова арестовали и обвинили в критике власти за нарушение традиций и следование тому что ей скажут из-за границы; кроме того, он — хубилган, «сосет подаяние из народа», в 1931 г. распространял слухи, что придет Панчен-лама. 3 декабря 1937 г. особая

¹ АВ, разряд I, оп. 3, № 127, л. 1–12.

² АВ, разряд I, оп. 3, № 127, л. 1–12.

³ АВ, разряд I, оп. 3, № 127, л. 1–12.

⁴ Лам нарыг..., 2013, с. 41–43; УТХ.

комиссия на 5-м заседании инкриминировала ему связь с «контрреволюционным центром» (см. ниже) и приговорила к расстрелу¹.

Таким образом, обвинения теократов в период «левого уклона» были использованы для фабрикации против них обвинений позднее — в период «больших репрессий».

С конца 1929 г. готовилось восстание в нескольких монастырях западной Монголии. Причины были все те же: проводившаяся властями аймака Чандмань-ула политика конфискации и распределения скота, коллективизации, налогообложения лам, их арестов и выведения в мир, а также поведение отдельных чиновников². Советский инструктор И.И. Сергеев на 21-м пленуме секретариата ЦК МНРП 11 марта 1931 г. объяснял контрреволюционное движение лам в западной Монголии «уклоном» и плохо поставленной партработой. Он указывал, что цель движения — уничтожение народного правительства, главная движущая сила — монастырь Тугсбуянт, имеющий связи в Тайшири и Дзабхане³.

Монастырь Тугсбуянт-хурэ был основан в 1725 г., включал четыре дацана⁴. В 1929 г. в этом монастыре было 1203 монаха, в том числе 563 несовершеннолетних, из них перевели в мир 81, затем — еще 358 принудительно. Ламам запретили заниматься земледелием⁵.

В январе 1930 г. в г. Улангом ламы расклеили две листовки. В них говорилось, что власть считает буддизм врагом, права монастырей попораны, и не надо слушать преступников; «Плохой партийный еретик⁶ уничтожил основу буддизма»⁷. Ламы монастыря Дашиджонайлин (Дашжиднилэн) расклеили листовки в Тугсбуянте. В монастыре стали распространяться слухи о Панчен-ламе, уничтожении Москвы пожаром, предстоящем уничтожении аратской власти и т.д.⁸

Волнения и «клеветнические слова» распространялись не только в Улангоме и Тугсбуянте, но и в земледельческих сомонах Алтай и Бурэн хошуна Хан-Батор. Здесь земледельческие работы, которые раньше вели монахи, препоручили кооперативу. Тогда 21 чел. собрались и постановили уничтожить народную власть. Это были местные араты и лишившиеся своих постов партчиновники. Организовала сопротивление и часть лам Бодончийн-хурэ. Причины были следующие. Хувараков моложе 18 лет насильно возвращали в мир; ограничивали участие лам в хозяйственных делах и религиозную деятельность странствующих монахов среди населения; тибетским врачам запретили заниматься лечением. Важной предпосылкой было плохое снабжение населения, особенно в районе Бодонч⁹. Кроме

¹ Хүрэлбаатар, 2008а, с. 65–73; о нем см. также: Kaplonski, 2014, p. 164–174.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 98, л. 96–106; МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 3, х.н. 234, тал 21.

³ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 4, х.н. 12, тал 122–124.

⁴ Подробнее см.: Монголын хүрээ..., 2004, с. 181.

⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 98, л. 105.

⁶ Монг.: ландарм. Слово происходит от тибетского царя по прозвищу Ландарма (правил ок. 838–842 гг.), известного гонениями на буддизм.

⁷ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 3, х.н. 234, тал 1–2; х.н. 356, тал 51–52.

⁸ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 98, л. 104–105.

⁹ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 3, х.н. 227, тал 1–13.

того, находившийся в Синьцзяне бывший князь дзахчинов Гомбосурэн стремился переселить их туда, а хошунные служащие были бездеятельны¹.

Ламы Бодончийн-хурэ с осени 1929 г. начали «готовиться к восстанию и переходу под защиту китайцев, в этом отношении имелась прямая связь между Танну-Тувой, Тугсбуянтом и дзахчин-торгутскими хошунами, и восстание явилось продолжением восстания тувинцев». Руководителем лам Бодонча был Джугдур, который послал осенью к князю Гобмо-Очиру содействовать приходу китайских войск в Цаган-Тункэ (Алтайский округ Синьцзяна). В соседнем хошуне Бугс-Хайрхан распространялись слухи, что в монастырь Бугс-Хайрхан-хурэ приезжал Дамбиджанцан², он скрывается в горах Алтая с многотысячным отрядом, в Улан-Баторе свергли власть, в трех уртонах от него с отрядом находится Панчен-лама и т.д. 13 февраля тайно собрались 21 чел. под руководством Улдзэйту, и постановили прекратить выплату взносов в Монценкооп, не отдавать детей в школу, не мобилизовать 33-летних. Группа решила отправить к дудзюну Урумчи дзахирагча Гунсурэна, да-ламу Пэлжида и Янсурэна со следующими просьбами: установить границу по Алтайскому хребту и принять под свое покровительство 27 бывших дзахчинских и торгутских хошунов; прислать войска в поддержку восстания. Предлагалось также переселить из-за Алтая на юг часть сомона, для питания повстанцев и китайских войск реквизировать у населения 5 тыс. овец, по прибытии китайских войск напасть на эскадроны в Булган-голе, затем двинуться на Кобдо, Улясутай и т.д. После этого группа связалась с верхушкой лам Бодончийн-хурэ. План восстания был одобрен. Организовали штаб из 11 лам и 21 мирянина³.

С недовольными ламами Тугсбуянта установили контакт бывшие местные феодалы Барду и Аюр-дзахирагч. Повстанцы Тувы обещали поддержку. Пошли слухи о 2 тыс. китайских солдат на границе с Тувой, о движении на Улан-Батор Панчен-ламы с войском, о совместном выступлении хошуна Баян-Мандал с сойот-урянхами. Эти слухи «послужили сигналом к восстанию, но без особой предварительной технической подготовки». Основные лозунги были такие: «Долой конфискацию феодалов и ламства!», «Долой выселение до 18 лет!»⁴, «Долой призыв 33-летних, как мобилизацию сил против ламства и религии!», «Присоединение церкви к государству!»⁵ «Восстановление прежних приношений ламству!», «Долой МНР!», «Долой партию бедняцко-средняцкого аратства, да здравствует социально-равноправная партия!», «Восстание в Туве — сигнал к выступлению в защиту религии!», «Защита религии и нации — [дело] каждого дэрбэца!»⁶

25 марта 1930 г. 40 лам Тугсбуянта внезапно напали на учреждения хошуна и арестовали 10 госслужащих. Они захватили отделения Монценкоопа и Стормон-

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 98, л. 113.

² Который в действительности уже был убит.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 98, л. 114–116.

⁴ Т.е. несовершеннолетних из монастырей.

⁵ Т.е. восстановление теократического строя.

⁶ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 98, л. 105–106.

га, используя их для снабжения, послали гонцов с призывом о помощи. Барду предложил организовать «правительство с двухпалатной системой по 20 чел. в каждой, с пропорциональным представительством от лам с одной стороны и феодалов и населения с другой». Дзахирагч Аюр от имени «ламской и светской массы Тугсбуянт-ульского хошуна» составил обращение в аймачное управление, в котором говорилось, что восставшие в Танну-Туве захватили все учреждения в центре и на местах, упразднили прежнюю систему и стали «на новых началах организовывать равноправную партию <...> Теперь мы, путем массового обсуждения уже постановили упразднить партию бедняцко-средняцкого класса и организовать социально-равноправную партию, о чем сообщаем подлежащему Чандмань-ульскому аймачному управлению на предмет дальнейшего исполнения»¹.

Вслед за этим в пять сомонов хошуна послали по 10 лам и аратов для агитации охотников, демобилизованных солдат, реквизиции скота и т.д. К некоторым при вербовке применяли пытки. 25 марта в Улангом направили ламу Номун-Монлама для связи и одновременного выступления, но это предотвратило ГВО. Высшие ламы Улангома разделились. Одни (во главе Булдгур-Шаравом) стояли за немедленное восстание, захват хошунных учреждений, другие (во главе с Шалши) предлагали тщательно подготовить восстание. Первые одержали верх. 27 марта повстанцы двинулись к хошунному управлению, вооруженные дубинами, арканами, ножами и т.п. Уполномоченный ГВО «совместно с организациями принял надлежащие меры». Прошли аресты, суды и наказания, включая расстрелы².

Видя подавление восстания в Улангоме, повстанцы Тугсбуянта выставили вооруженные заставы и заслоны на хр. Улан-Дабан между Улангомом и Тугсбуянтом. В монастыре из лам и аратов создали отряд более чем в 200 чел., состоявший из четырех отделений под командованием демобилизованных солдат. Огнестрелы пополняли за счет Монценкоопа и Стормонга. 27 марта за помощью в 50–100 чел. и оружием на 500 чел. выехал в Туву бывший дзахирагч Г. Батжаргал. Для приглашения Далай-хана к власти над дэрбэтами выехал дзалан Цаганху. Для связи предполагалась отправка делегации в Урянхай к нойон-да-ламе Чултому и в Синьцзян к китайскому командованию, но прибытие красного отряда этому помешало³.

Итак, наряду с восстановлением феодально-теократического строя, предлагалось двухпалатное правительство и наличие партии. Казалось бы, в этих декларациях было противоречие. Красные объясняли это тем, что двухпалатное правительство было «не более чем маневром»⁴. Скорее, это было связано с идеей адаптации старой системы к существующей: новая партия должна была заменить МНРП, прекратить дискриминацию «эксплуататоров» и считать все классы равноправными.

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 98, л. 106–107.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 98, л. 107, 112.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 98, л. 107.

⁴ Кичиков, 1937в, с. 88.

П. Гэндэну и У. Бадраху в ЦК МНРП поступило секретное письмо о восстании, которое в нем именовалось «революцией лам». Ситуация оценивалась как очень опасная, особенно с учетом положения в Туве¹, где также шло восстание. Против повстанцев правительство направило комиссию в составе председателя Б. Элдэв-Очира и членов Л. Дарьзава, О. Дашчирэва, Эрдэнэ и Дзагда, выделило 4-й Кобдоский полк под командованием Ц. Буяндэлгэра и Д. Улзийбата².

Отряд 4-го полка прибыл на машинах к монастырю Тугсбуянт в 8 час. утра 30 марта и открыл огонь из винтовок и пулеметов. Через два часа к монастырю подошел конный отряд с пулеметами. «Бой продолжался до 12 часов, в 12 часов со стороны повстанцев огонь заметно затих, командование отряда послало парламентаров... с требованием сдаться: иначе будет открыт огонь и сожжен монастырь». Через час повстанцы сдались. Во время боя к повстанцам подошел из района Бугсмурэна вооруженный отряд охотников до 30 чел., наблюдал с горы за исходом боя, потом разъехался по домам. Как отмечал автор доклада, ошибкой повстанцев было то, что они понадеялись на свои заставы на хр. Улан-Дабан и не заняли очень удобные естественные позиции вокруг монастыря, не организовали партизанские отряды в горах и тылу. Во время боя ламы совершили обряд Сор, вынесли из монастыря святыню — старинную крупнокалиберную кремневку Далай-хана, каждый выстрел из которой сопровождали молебствиями. На втором выстреле кремневка разорвалась. Повстанцы сразу пали духом, сочтя это предзнаменованием неудачи³.

Одновременно произошло восстание в монастыре Бугсмурэн хошуна Тугсбуянт-ула. Там ламы запретили служащим выходить из палатки Монценкоопа. Они занялись агитацией, ожидали исхода восстания в Тугсбуянте. Общее число повстанцев в пяти сомонах этого хошуна оценивалось в 2 тыс. чел., из них несовершеннолетних — 247, членов МНРП и ревсомола — 30. Все выявленные связники и активные агитаторы были арестованы и судимы, часть приговорили к расстрелу или заключению. Во время восстания в Тугсбуянте в МНР из Тувы пришли 512 чел., в том числе 80 вооруженных. Они говорили, что объединились с дэрбэтами и устанавливают совместное правление. 9–11 апреля власти задержали 28 вооруженных тувинцев, затем еще 72, и передали преследовавшему их тувинскому отряду⁴.

Правительственный отряд МНР арестовал шесть лам из числа руководителей повстанцев Бодончийн-хурэ. Но они по дороге разоружили конвой и ушли в горы, после чего скрылись еще несколько руководителей, включая Улдзэйтү. Однако вскоре все главные руководители были пойманы, лама Джугдур покончил с собой. 30 апреля был проведен «разбор дела повстанцев Бодончи при Убчигинголе»⁵.

¹ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 3, х.н. 234, тал 11–12.

² Улс төрийн..., 2013, с. 49.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 98, л. 108–109.

⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 98, л. 109–110.

⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 98, л. 114–116.

8 мая был издан приказ о снятии военного положения и расформировании отряда особого назначения в Тугсбуянте и Улангоме, при оставлении необходимых сил для караульной службы в каждом пункте¹.

Общие потери повстанцев убитыми превзошли таковые правительственных отрядов примерно в 36 раз — почти исключительно за счет расстрелов: повстанцы потеряли в бою неизвестное число людей, расстрелянными — 71, правительственные силы — двоих убитыми в бою. Еще 45 повстанцев получили сроки заключения от 1 до 10 лет². По-видимому, эта жестокость усилила ожесточение участников следующего масштабного восстания в 1932 г.

К маю 1930 г. восстание было подавлено, но сохранялась нестабильность, среди высших лам усиливались контрреволюционные настроения. В связи с этим в край были направлены партработники для проведения в жизнь решений VIII съезда, разъяснительной и агитационной работы, в том числе обещаний раздачи имущества, конфискованного у феодалов. Был издан приказ о прекращении перевода лам в мир. Вновь разрешили лечение у тибетских врачей³.

Волнения происходили и в других аймаках. 8 апреля 1930 г. из партиячейки Хэнтэйского аймака в ЦК МНРП пришла телеграмма, что ламы расклеивают контрреволюционные листовки в хошуне Эрдэнэ-Цаган. Отмечалось, что в этой местности из учреждений выгоняют лам моложе 18 лет, но это не есть политика партии. 30 апреля комиссар 1-й ячейки аймака Хан-Хэнтэй сообщил, что некто Сухэ-Батор распространяет среди лам слухи, что к монастырю Егузэр-хутухты подошел Панчен-лама с 10 тыс. солдат, и с этим связывают светлое будущее. Распространитель слухов был арестован⁴.

Как видно из циркуляра ЦК МНРП и ЦК ревсомола, в мае 1930 г. волнения распространились на аймаки Чандмань-Ундур, Хан-Тайшири, Цэцэрлэг-Мандал, Богдо-хан-ула. Они были связаны с административными мерами против монастырей. Утверждалось, что против революции верхи «ламства готовы искать помощи даже у злейших врагов МНР — китайских милитаристов, и через Панчен-Богдо который, изменив родному Тибету, продал себя китайским милитаристам, эти верхи ламства готовят в МНР китайскую интервенцию»⁵. Очевидно, основанием являлись слухи и лозунги повстанцев.

23 января 1931 г. Гэндэн на совещании председателя ревизионной комиссии и секретарей парткомов Улан-Батора и аймаков возложил ответственность за волнения на Панчен-ламу, которого, по его словам, использует Япония для обмана монголов и ликвидации Монгольского государства. Он отмечал, что Панчен-лама ведет агитацию среди высших лам о грядущем приходе воинов Шамбалы⁶.

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 98, л. 101, 117.

² Кузьмин, 2015а, с. 53–59.

³ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 4, х.н. 179, тал 41–44, д. 3, х.н. 227, тал 1–13.

⁴ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 3, х.н. 168, тал 8, х.н. 146, тал 188.

⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 114, л. 2–13.

⁶ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 4, х.н. 35, тал 11–12.

В действительности причиной волнений был «левый курс». Волнения подавлялись, но курс не был отменен, все сводилось к «исправлению ошибок» — причем лишь наиболее вопиющих. Поэтому возникали все новые волнения.

В феврале 1931 г. в монастыре Хан-Хугшин власти обнаружили агитационную бумагу. В ней говорилось, что правительство полностью конфискует джасский скот, вмешивается в религиозную деятельность и хочет полностью уничтожить веру. «Их слова о развитии буддизма без осквернения стали ложными. Но мы думаем, что делать. Если бурхан-сахиус не потерял глаза, он покажет истину. <...> Если мы умрем за дела религии и божеств, то не попадем в ад». Письмо собирались тайно послать с двумя нирбами многим хуваракам, шабинарам и дацанским ламам¹. Очевидно, авторы текста понимали, что власти использовали «обновленчество» для борьбы с религией.

Правительственная комиссия сообщала в ГВО, ЦК МНРП и ЦК ревсомола о подготовке ламами контрреволюционного движения в хошунах Хан-Хугшин (в основном), Баянхонгор и Баян-Дзурх. Контрреволюционеры там установили связь между собой, их влияние на аратов возросло. Участвовали и некоторые феодалы из пограничных хошунов (тайджи Чулун и Дагдан-Насан). Распространялись слухи о предстоящем приходе Панчен-ламы. Этому способствовало нарушение снабжения населения товарами и невыполнение местной администрацией политики по переселению феодалов из пограничных районов вглубь страны. Появились сведения о контрреволюционном движении в Жавхланте (Улясутае)². Во всех случаях ГВО занималось выявлением организаторов и участников.

16 февраля 1931 г. особый отдел ГВО прислал в ЦК МНРП секретное донесение о контрреволюционной деятельности высших лам в монастырях Улангом, Тугсбуянт и Баян-Мандал. К этому времени к ним присоединились девять айлов. Во главе движения стоял богатый молодой лама Чойндон. По мнению ГВО, движения в Улангоме и Хан-Тайшири связаны, есть связь и между перечисленными выше монастырями. Связь осуществляется в том числе под прикрытием торговых поездок. Причину движения ГВО видело в джасской кампании и введении военного налога на духовенство в конце 1930 г. Предлагалось создать охранные отряды по 20 чел. из членов МНРП и ревсомола, обучить их, занять выгодные позиции для боев; разработать план военных действий на случай сопротивления; наладить снабжение населения товарами; из комитетов ревсомола и МНРП направить в худоны агитаторов; выявлять ситуацию внутри контрреволюционного движения. Соответственно, 2 марта 1931 г. 4-й пленум секретариата ЦК МНРП постановил подготовить проект постановления о борьбе с контрреволюционным движением³.

11 марта 1931 г. 21-й пленум секретариата ЦК МНРП утвердил телеграмму ГВО от 1 марта о поручении отрядам ГВО и парткомам аймаков пресекать контрреволюционные действия в Улангоме. Всем парткомам и отрядам ГВО предпри-

¹ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 4, х.н. 87, тал 82.

² МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 4, х.н. 87, тал 78–79.

³ МУУТА, МБТ ф. 4, д. 4, х.н. 12, тал 68, 145.

сали провести усиление. 21 марта 5-й пленум утвердил телеграмму в парткомы о контрреволюционном движении в Кобдоском округе. Предписали разделять бедных и высших лам, агитировать, снабжать аратов товарами, анализировать состав восставших, арестовывать не всех подряд, а лишь главарей и активных участников — лам и феодалов¹.

В аймаке Хан-Хэнтэй, судя по донесению от 3 марта 1931 г., было спокойнее. Ропот по поводу конфискации джасс там пресекли. Ламская агитация против коллективизации была слабой. Из парткома приграничного Южно-Гобийского аймака 12 апреля сообщали, что высшие ламы делали попытки бежать за границу².

На северо-западе МНР в этот период образовалось несколько подпольных групп. В 1931 г. была раскрыта группа из монастыря Тариатын-хурэ Архангайского аймака. В судебном деле фигурировали 58 чел., в том числе высшие ламы: тибетский гэгэн Эрэгдэлбурэлгу и хубилган Шаравжамц, 13 светских феодалов, 10 тибетцев и восемь главных лам. В заключении указывалось, что главной задачей они ставили приглашение Панчен-ламы³.

В феврале и сентябре 1931 г. вышли постановления ЦК МНРП, которые предписывали агитировать народ о вреде контрреволюции. Правительство создало «правомочную комиссию», которую возглавил Р. Мэнд. Ее отправили в сторону Алтая, а комиссию под руководством Г. Соднома — в сторону Южно-Гобийского аймака. Там организовали отряды активистов с помощью местных отделов ГВО. В граничащие с Китаем районы Алтая и Южно-Гобийского аймака послали специальные конные отряды ГВО. В начале 1932 г. контрреволюционное движение на Алтае было ликвидировано. Поэтому в Южно-Гобийский аймак отправили дополнительно отряд из 200 чел. под командованием Г. Жанцанхорло. Но было неспокойно в других аймаках — Кобдоском, Восточном, Восточно-Гобийском. Оттуда люди уходили за границу⁴.

В сентябре 1931 г. Верховный суд МНР вынес приговор по делу 21 «черного и желтого феодала», главными из которых были Ёнзон-хамбо хубилган Доржзэвэг и Лувсанданзан. Главными обвинениями были: создание контрреволюционной группы, попытки пригласить Панчен-ламу, агитация против властей, враждебность учения Ленина религии, движение за уход за границу, создание вооруженного отряда, попытки присоединения к себе феодалов. Они признали обвинения⁵. Суд приговорил к расстрелу ёнзон-хамбо Доржзэвэга, Даян-Ламын-хубилгана Лувсанданзана, Эрдэнэ-Мэргэн-нойон-хутухту Б. Содномцэрэна и дзайсана Доржбата. Геше Юндэнбату, тибетскому подданному Гачину и Ишдоржу расстрел заменили на 10 лет заключения. Цанид-гуну Дандан-Насану, Дугэру, тайджи Чулуну дали по 8 лет, еще 2 — по 5 лет, 4 — по 2 года, всем с конфиска-

¹ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 4, х.н. 12, тал 136–137, 150–151.

² МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 4, х.н. 71, тал 43–44, х.н. 79, тал 88.

³ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 4, х.н. 128, тал 8–9. Подробнее см.: Кузьмин, Оюунчимэг, 2014, с. 40–41. Сведения о контрреволюционной деятельности Эрэгдэлбурэлгу опубликованы в кн.: Лувсан-Очир, 2003; Гадаадаас гүрхирсан..., 2013, с. 100–117.

⁴ Цэрэнбалжир, 1990, с. 9.

⁵ Подробнее см.: Кузьмин, Оюунчимэг, 2014, с. 41.

цией имущества с оставлением прожиточного минимума семье. Двое получили по 6 мес. Манджушри-хутухта Цэрэндорж сотрудничал со следствием, но до того не сообщил в органы. Он получил год условно. Хамбо-лама Джамба был освобожден по старости и болезни. Приговор надлежало привести в исполнение в течение 24 час после утверждения правительством. В связи с 10-летием МНР была объявлена амнистия, но она не распространялась на «высших желтых и черных феодалов»¹.

Однако восстания не прекратились. В феврале 1932 г. произошло восстание в Южно-Гобийском аймаке, которым руководили Ганжирва и хубилган Алаг-Намнан. Оно готовилось с сентября 1931 г.² В марте 1932 г. произошло восстание в Восточном аймаке.

В апреле 1932 г. началось крупнейшее восстание в новой истории Монголии. Оно началось в Хубсугульском аймаке, в связи с чем его называют Хубсугульским³. Там «левый курс» проводился особенно интенсивно, что привело к существенному ухудшению социально-политической и экономической ситуации. Аймачные организации усилили выход лам в мир. В результате лишь за 2 мес. почти все местные монастыри опустели: в 40 монастырях из 11529 лам осталось 5420. Араты расценили это как наступление на религию⁴.

Подготовка этого восстания началась в конце 1931 г., а в начале 1932 г. перешла к гурэмчу монастыря Асгатын-хурэ — Ч. Самбу-дувчину. Целью была замена местных органов власти своими, свержение правительства. Заговорщики возлагали надежды на вступление в МНР Панчен-ламы. Так, группа из 31 монаха Джалханцза-хурэ собиралась привлечь чиновников старого режима, вести агитацию, способствовать расколу власти с использованием вышедших в мир лам, готовить интендентские запасы и оружие, наладить связь с Панчен-ламой в надежде на его и Японии наступление на МНР⁵. Однако зимой и весной 1932 г. ГВО начала интенсивные аресты участников подполья⁶.

Это должно было ускорить выступление остальных. Многие руководители повстанцев позже показывали на суде, что были арестованы восставшими в разных местах и так стали командирами отрядов, а раньше не знали друг друга. Из этого сделан вывод, что восстание не было подготовленным и задуманным заранее⁷. Вероятно, выступление вначале готовили несколько человек, а большинство тех, кто затем руководил повстанцами, узнали о восстании после его начала.

По-видимому, восстание началось спонтанно 10 или 11 апреля 1932 г. в монастыре Хялгант сомона Рашант Хубсугульского аймака. Примерно 10 лам этого монастыря с мирянами, вооруженные кремневыми ружьями, берданами и палками окружили сомонную администрацию для ее захвата. 12–13 апреля восставшие

¹ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 4, х.н. 64, тал 1–4.

² Гадаадаас турхирсан..., 2013, с. 92–93.

³ Подробное описание этого восстания см.: Кузьмин, Оюунчимэг, 2014, 2015а, б.

⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 140, л. 56–61.

⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 140, л. 47–49; МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 4, х.н. 185, тал 175–176.

⁶ Гадаадаас турхирсан..., 2013, с. 118–119, 197, 198; Цэрэнбалжир, 1990, с. 16–17.

⁷ МБТ, ф. 4, д. 4, х.н. 301, тал 1–81 — в кн.: Батсайхан, 2007б, с. 262–263.

прибыли в монастырь Рашантын-хурэ (Пандита-гэгэн-хурэ, Дарав-пандита-гэгэн-хурэ) того же сомона, в 60 км от Хялганта. По пути они разрушали госучреждения и мобилизовали людей. Из Рашантын-хурэ повстанцы стали отправлять людей в разные места арестовывать ответственных работников, мобилизовать лошадей, забирать оружие у русских и китайцев¹.

14 апреля ЦК МНРП и правительство назначили «правомочную комиссию» из 5 чел.: Ж. Лхумбэ (председатель), С. Гивапил (зам. начальника ГВО), Санжмятав (военное министерство), Г. Цэдэн-Иш (ЦК ревсомола). ГВО создала маневренный отряд из слушателей школы ГВО и отправила 15 апреля из Улан-Батора. Им командовал Гивапил, при нем был советский инструктор чекист Е.Н. Исаков².

14–16 апреля повстанцы объединились с ламами Рашантын-хурэ, их стало более 300 или 500, к 15 апреля заняли шесть монастырей Хубсугульского и севера Архангайского аймаков. Их число достигло 1900, они заняли несколько сомонов, мобилизовали аратов, гужевой транспорт, продовольствие, грабили сомонные торговые и хозяйственные организации, разъяснили цели восстания³.

Самбу-дувчин и его сторонники в сомоне Рашант организовали свой орган власти — «министерство Очирбата». В своих документах повстанцы именовали его «Возвышающее религию, доставляющее счастье живым существам министерство Очирбата» (*Шашныг мандуулах амьтныг жаргуулагч Очирбатын яам*)⁴. Таким образом, к названию «министерства» они прибавили официальный титул Богдо-гэгэна VIII.

В «министерство» вошли С. Буриад (председатель), Дандар, феодал Джамсран, С. Няма, тайджи Дондогдорж, Ч. Самбу-дувчин (главнокомандующий). По другим сведениям, Самбу-дувчин руководил штабом и всей организационной работой, а затем руководителем решили поставить Буриада. По другим данным, «министерство» возглавил Джамсран, военными делами ведал тайджи Дамдинсурэн, секретарь — Джамсрандорж, а в руководстве были также С. Буриад из сомона Цэцэрлэг и Эрэндэндэв из монастыря Рашантын-хурэ. «Министерство» обзавелось печатью, божеством-охранителем, знаменем, на котором было написано: «Желтыми воинами руководят хутухты, хубилганы, являющиеся представителями Панчен-ламы». «Министерство» издавало указы за подписью председателя и главнокомандующего, составлялись списки людей, оружия, сохранялись письма и т.д.; были орудия порки. Заняв 9 мая Тариатын-хурэ в Архангае, Д. Дамдинсурэн создал там свой штаб. Ему подчинялись командиры отрядов Тугж, Бадрах, Магнай, Сумъя. Каждый из них имел свои отделы⁵.

¹ Цэрэнбалжир, 1990, с. 19–24, 32–35; Батсайхан, 2007б, с. 259; РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 140, л. 18.

² Батсайхан, 2007б, с. 260–261; Цэрэнбалжир, 1990, с. 19–22, 34–35; ЦАФСБ, ф. 65, д. 700, л. 2–4.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 140, л. 18; Цэрэнбалжир, 1990, с. 22–24, 49.

⁴ Батсайхан, 2007б, с. 260; Гадаадаас түрхирсан..., 2013, с. 118.

⁵ МУУТА, ф. 4, д. 4, х.н. 301, тал 51–116; РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 140, л. 18; Батсайхан, 2007б, с. 259–260; Гадаадаас түрхирсан..., 2013, с. 119.

Позже обвинитель на суде говорил, что было два штаба. Первый — Самбудучин, Джамц, Аюрзана, они отделились от «министерства Очирбата». С. Буриад не сознавался, но он восстановил «министерство Очирбата», был там премьером, планировал работу в Архангайском и Хубсугульском аймаках. Военными делами там ведал Дамдинсурэн, политическими — «Бор-гэгэн» Самдан¹.

Гивапил писал, что в монастыре Дурэгч-вангийн-хурэ создано «религиозное министерство» или «религиозная партия», тогда как отряды при монастырях Хялгант, Хашат, Бугсий и Джалханцза назвали «военным комитетом Очирбата», «отрядами желтых воинов Панчен-ламы»².

По-видимому, эти разночтения связаны с расколом в руководстве повстанцев, потерей рычагов централизованной власти, нарушением координации командования отрядами после первых крупных поражений от правительственных сил.

Наиболее влиятельными были командиры повстанческих отрядов Дамдинсурэн, Тугж, Джамц, Аюрзана, Магнай, Сумъя, Самбадив, Тумэнбаяр, Норовсамбу, Бадрах, Тарав, Санжмятав, Бадамжав, Дарма, Пурэвцэрэн, Тугулдэр, Сэдбазар, Шагдар. Повстанцы называли себя «солдаты Желтой веры», или «желтые воины религии» (*шашны шар цэрэг*). Некоторые отряды назывались «солдаты Панчен-ламы». Командиров отрядов называли «командующими», или «полководцами» (*жанжиги*). Они имели разные ранги. Крупные отряды были организованы по 100, 50, 10 (или 20) чел. с отдельными командирами. Отряды имели знамена и знаки отличия. Например, на знамени одного отряда был изображен бурхан Лхамо. Во время одного боя «желтые воины» имели одно желтое и два белых знамени, имели на левом плече белую ткань как отличительный знак, в других случаях носили на шее особые шарфы³.

Целями восставших были приглашение в Монголию Панчен-ламы, свержение революционной власти, интронизация Богдо-гэгэна, восстановление старого строя. Это отражали и их лозунги, одним из которых был тот, что это восстание — Шамбалинская война. Одной из их задач было выявление новых хубилганов. Это делалось с нарушениями канонической процедуры. В ряде случаев говорили о появлении знаменитых контрреволюционеров, в том числе погибших (например, Дамбиджанцана и Унгерна). Для агитации использовались некоторые пророчества. Аутентичность одних из них не установлена, другие были подделками, третьи представляли старые пророчества, интерпретированные так, чтобы представить восстания 1930-х гг. как давно предсказанные⁴.

Повстанцам на короткое время удалось восстановить старый хошун Далай-вана и создать хошунное управление во главе с приемным сыном его прежнего князя — Джигжидсурэном, его туслагчем стал тайджи Удайжав. Высшие посты среди повстанцев также занимали феодалы, ламы и чиновники. Но были также араты, их

¹ МУУТА, ф. 4, д. 4, х.н. 301, тал 51–116.

² Гадаадаас түрхирсан..., 2013, с. 122.

³ МУУТА, ф. 4, д. 4, х.н. 301, тал 51–116; РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, л. 140, л. 47; Цэрэнбалжир, 1990, с. 50; Лувсан-Очир, 2003; Гадаадаас түрхирсан..., 2013, с. 199.

⁴ Подробности и источники см.: Кузьмин, Оюунчимэг, 2014, с. 90–96.

дети, бывшие госслужащие (даже члены Малого хурала в Увэрхангае, Улясутае и Тариате). Рядовые «желтые воины» были в основном араты. В восстании принимало участие около 90% местных членов МНРП и ревсомола и около 95% колхозов¹.

В противоречии с буддизмом, повстанцы проявляли жестокость, применяли пытки, некоторые убивали пленных врагов, вырезая у них сердца и прикрепляя на свои знамена. Однако убивать следовало не всех революционеров, а только активистов, сознательно уничтожавших монгольский традиционализм².

По решению партии и правительства в апреле было сформировано несколько отрядов, которые послали подавлять восстание. Сил не хватало, из центра и западной Монголии прибывали подкрепления. 9 мая 1932 г. Госсвет обороны МНР объявил чрезвычайное положение в Хубсугуле и Архангае, там был создан временный совет обороны. Восстание стало распространяться на Дзобханский, Алтайский и Дэрбэтский аймаки. Наиболее крупные бои повстанцев с правительственными силами шли в Хубсугульском, Архангайском и Дзобханском аймаках. Отряды «желтых воинов» были очень мобильны, вследствие чего после ухода правительственных сил повстанцы снова и снова занимали многие районы³.

Восстание поставило под угрозу власть МНРП и советское влияние в МНР. Политбюро ЦК ВКП(б) пристально следило за развитием событий, 16 мая 1932 г. обсудило монгольский вопрос и указало основную «ошибку» руководства МНР: слепое копирование советской политики. Было постановлено, что МНР — «народно-революционно-демократическая буржуазная республика нового типа», непонимание этого — главная причина восстания, надо ликвидировать эту ошибку и разбить повстанцев (см. гл. 8).

В этом же духе было выдержано совместное постановление ИККИ и ЦК ВКП(б) от 29 мая, которое послали в ЦК МНРП. 3-й чрезвычайный пленум ЦК и ЦКК МНРП 29–30 июня и 17-я чрезвычайная сессия Малого хурала МНР 2 июля приняли решения согласно этим указаниям⁴ (объявление «нового курса»). Сессия подтвердила свободу вероисповедания, но указала, что Малый хурал не допустит использования религии для контрреволюции. Подтверждалось право джассы на владение скотом, объявлялось, что теперь налогом будет обложено только действительное имущество джасс, а предметы религии и монастырские здания — нет. Совмину поручалось пересмотреть закон о конно-уртонной службе, тяжким бременем ложившейся на аратов. Главарей и зачинщиков восстания предписывалось наказывать, их имущество конфисковать, причем Совмину поручалось разработать порядок конфискации джасс, если все их ламы были связаны с восстанием. Сдавших оружие предписали не арестовывать и не карать, но не сложивших оружие и помогающих восставшим объявили предателями и врагами, которых следовало наказывать как изменников⁵.

¹ Подробности и источники см.: Кузьмин, Оюунчимэг, 2014, с. 44–96, 98, 137–138.

² Подробности и источники см.: Кузьмин, Оюунчимэг, 2014, с. 112.

³ Подробности и источники см.: Кузьмин, Оюунчимэг, 2014, с. 45–75.

⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 884, л. 3, д. 886, л. 13, оп. 162, д. 12, л. 167–170, оп. 152, д. 140, л. 36–46; Сталин и Каганович, 2001, с. 136–137, 143–144, 156–158.

⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 140, л. 36–45об.

Хурал издал также постановление об амнистии. В частности, приговоры к расстрелу заменялись 10-летним заключением; арестованные повстанцы и те, кто сдаст оружие в течение 10 дней освобождались, кроме главарей из крупных феодалов, высших лам, работников государственных и общественных учреждений; то же в отношении «участников эмиграции»; освобождались феодалы, арестованные в связи с конфискацией; уменьшались сроки для дезертиров. Амнистия не применялась к осужденным за активную контрреволюционную деятельность, кроме «низших тайджи и низших лам»; к руководителям, организаторам и главарям контрреволюционных выступлений, а также к участвовавшим работникам государственных и общественных организаций¹.

Конец «левого курса» внес важный вклад в прекращение восстания. К июлю–августу 1932 г. оно почти прекратилось. Но повстанцы пополнили ряды и возобновили боевые действия, преимущественно в Хубсугульском, Архангайском, Дзабханском и Увэрхангайском аймаках. Как и раньше, народ в основном их поддерживал, но в ряде мест им противостояли местные проправительственные отряды добровольцев. Основные бои вели вновь присланные части ГВО и МНРА. Численность отрядов повстанцев достигала сотен человек, шли тяжелые бои. В сентябре войска постепенно выбивали повстанцев из занятых ими пунктов. Много джанджинов погибло, многие отряды «желтых воинов» были разбиты или рассеяны, некоторые разошлись. В сентябре 1932 г. чрезвычайное положение отменили, в конце октября войска отозвали. В октябре–ноябре восстание было ликвидировано окончательно².

Победу правительственных сил определила поддержка СССР. Восстание подавляли монгольские войска, но это было бы невозможно без снабжения из СССР, поставок оружия, амуниции и техники, прямого участия советских инструкторов, которые были не только в правительстве, но и в каждом отделе военного министерства МНР. Они не только занимались оргработой, но и участвовали в боях (в том числе пилотировали самолеты). Войска использовали советские броневики (возможно, и танкетки), самолеты (два Р-1 и один Р-5), горные пушки, не имели недостатка в стрелковом оружии, пулеметах, гранатах, боеприпасах. Красные отряды были обычно небольшие, в несколько десятков человек, их общая численность составляла свыше 1 тыс. чел.³

Хотя в отряды повстанцев араты шли не только добровольно, но и по принуждению, среди красных тоже не было единства. Так, 30 мая восстал весь гарнизон Цэцэрлэга из 1195 человек, ликвидировал власть, освободил 400 повстанцев. К ним присоединились посты за городом. В ряде других случаев солдаты не хотели подавлять восстание, некоторые дезертировали, шло брожение. В 8-м Дзабханском и 17-м Архангайском кавполках в 600 и 500 чел. военными были только командиры, а рядовых набирали по надобности. Их держали как резерв: это были местные жители, многие из которых поддерживали восставших. В полках были

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 140, л. 36–45об.

² Подробности и источники см.: Кузьмин, Оюунчимэг, 2014, с. 45–75.

³ Подробности и источники см.: Кузьмин, Оюунчимэг, 2014, с. 97–114; 2015а; 2015б, с. 47–62.

случаи враждебной пропаганды, неповиновения, дезертирства. Несколько солдат было расстреляно¹.

Наиболее сильными были повстанческие отряды джанджинов Доржпалама, ловона Шагдара, «халзана» Самдана и Джамсрандоржа по 150 чел., Эрэндэндэва — 300 чел., «чойжина» Буриада, Цаган-гелонга, Джигжид-Тобу, Дамдинбишрэлта, «Бор-гэгэна» — 500 чел., соединения джанджинов Аюрзаны, Тугжа, Джуря, Дарина, Бадраха, Бадмажава, Тумэнбаяра, Тарава, Самбадива, Сумьи, Магная и др. Повстанцы, хотя имели перевес в численности (на июль 1932 г. — до 13 отрядов, 3 тыс. чел., по другим данным — 5 тыс.), были намного хуже вооружены и в основном не обучены.

Хотя у них было несколько пулеметов (правда, нет данных об их использовании в боях), немного бердан и более новых винтовок, в основном они имели кремневые ружья и палки, делали штыки из граблей и косилок. В связи с этим они широко применяли защитные ритуалы — буддийские и добуддийские. Например, над палками перед боем читали тантры, использовали обереги и т.д. Правда, джанджин Джамц выучил своих людей стрелять по самолетам залпами из винтовок. Самолеты возвращались с пробоинами, один был сбит².

Повстанцы несли намного более высокие потери в боях, чем войска: 2–50%, в среднем 13% в каждом бою. Потери войск измерялись отдельными людьми, причем не в каждом бою. На одного убитого красного приходилось до 55 убитых повстанцев. Эти цифры весьма приблизительны: сведения различаются в разных источниках, по ряду боев данных нет. У повстанцев были убиты многие джанджины и сотники, с правительственной стороны — один министр, четыре командира и один советский врач МНРА, четыре командира и оперработника ГВО, три советских инструктора ГВО, ряд работников партийного, ревсомольского и государственного аппаратов³.

Правительственные силы в первые месяцы проводили аресты и казни на месте, казнили 12–40% арестованных. Войска и ГВО сожгли несколько монастырей, проводили бомбардировки монастырей с воздуха. 14 июля 1932 г. ГВО отдало приказ: арестованных руководителей восстания не казнить на местах, а отправлять в ГВО в центр⁴.

19–30 апреля 1933 г. в здании центрального театра в Улан-Баторе перед судом предстали 39 лидеров повстанцев: Ч. Самбу, Ц. Джамц, С. Буриад, Б. Тугж, Б. Аюрзана, Чимэддорж, Х. Ширэндэв, Б. Джамсрандорж, Вандансурэн, В. Бямба, Ёндон, Бат-Очир, Того, Лхажав, Агвандорж, Буяндэлгэр, Б. Очиржанцан, Магнай, Д. Самъя (Сумъя), Т. Самбадив, Джур, Тумэнбаяр, Норовсамбу, Бадрах, Тарав, Бадамжав, Дарма, Пурэвцэрэн, Тугулдэр, Сэдэвбазар, Шагдар, Долгор,

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 140, л. 61; ЦАФСБ, ф. 65, д. 700, л. 2–4; Сталин и Каганович, 2001, с. 156–157; Ганболд, 2002, с. 49–51.

² Подробности и источники см.: Кузьмин, Оюунчимэг, 2014, с. 97–114.

³ Подробности и источники см.: Кузьмин, Оюунчимэг, 2014, с. 97–114.

⁴ МУУТА, ф. 4, д. 4, х.н. 185, тал 72; Лувсан-Очир, 2003; Кузьмин, Оюунчимэг, 2014, с. 97–114.

Очирбат, Аурзана, Дэндэв, Цэрэндамба, Тумур-Батор, Тудэв, Санжмятав¹. Сохранились материалы допросов. Линия защиты строилась на классовом принципе и на том, что подзащитные попали под чужое влияние². Ряд обвинений «подтверждался» лишь показаниями на допросах. Суд приговорил 15 чел. к разным срокам заключения, 18 (главные руководители, в том числе 8 джанджинов) — к расстрелу с правом апелляции, шестерых освободили³.

Сведения об общем числе погибших в результате восстания фрагментарны и сильно варьируют. По данным председателя Монгольской комиссии ЦК ВКП(б) Ш.З. Элиавы, в восстании участвовало около 70% населения пяти самых населенных аймаков МНР, погибло 8–10 тыс. чел.⁴ По сообщению Архангайского аймачного управления, при восстании в пяти сомонах было убито 602 чел.⁵, в 16 сомонах Хубсугульского аймака — 609 чел. По другим данным, с середины апреля по июль в восстании в Архангае, Увэрхангае, Хубсугуле и Дзабхане было убито 700 чел.⁶, или же потери в Архангае, Дзабхане и Хубсугуле — 1402 чел.⁷

Лишь на июль 1932 г. ущерб составил 10 млн. тугриков, было уничтожено 35 сомонных управлений, одна почтовая контора и т.д.⁸ В 16 сомонах Хубсугула было уничтожено 79 айлов, 11 сомонных управлений, 26 колхозов, 16 артелей, пять начальных школ, в Архангае — 13 сомонных управлений, 17 артелей, одно отделение суда, одна телеграфная контора, 14 комитетов кооперативов, 13 отделений (*салбар*), два отдела госторговли⁹.

Один из ведущих специалистов по конфликтологии Н. Самбанис проанализировал 145 гражданских войн в разных странах и критерии, используемые разными авторами, обобщил эти данные и провел математическую обработку. В результате он выделил 10 общих критериев, отличающих гражданскую войну от конфликтов других типов¹⁰. Проведенный нами анализ показал, что восстание 1932 г. в Монголии соответствует всем этим критериям гражданской войны¹¹.

Существует мнение, что восстание 1932 г. было организовано из-за рубежа: японскими империалистами, китайскими милитаристами и Панчен-ламой IX, который в то время находился во Внутренней Монголии, Маньчжурии и Китае, что эти силы лишь использовали недовольство в самой МНР. Анализ материалов суда над лидерами повстанцев, разведдонесений и сведений о деятельности Панчен-ламы в тот период, а также процесса «контрреволюционного центра» (подробнее

¹ Цэрэнбалжир, 1990, с. 80–83; Лувсан-Очир, 2003; Гадаадаас түрхирсан..., 2013, с. 113–114.

² МУУТА, ф. 4, д. 4, х.н. 301, тал 51–116.

³ Цэрэнбалжир, 1990, с. 80–83; Гадаадаас түрхирсан..., 2013, с. 113–114.

⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 2, д. 221, л. 4–71 — в кн.: Монголия в документах Коминтерна, ч. 2, 2012, с. 401.

⁵ МУУТА, ф. 4, д. 4, х.н. 301, тал 51–116.

⁶ Цэрэнбалжир, 1990, с. 94.

⁷ Гадаадаас түрхирсан..., 2013, с. 111.

⁸ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 140, л. 82–82об.

⁹ Цэрэнбалжир, 1990, с. 95.

¹⁰ Sambanis, 2004, p. 829–830.

¹¹ Подробнее см.: Кузьмин, Оюунчимэг, 2014, с. 179–181.

см. ниже) не подтвердил мнение, что повстанцы действовали по указаниям из-за рубежа или получали оттуда помощь. Они вынуждены были опираться лишь на свои силы, используя лишь лозунги о поддержке из-за границы¹. Причиной восстания был «левый курс», что верно отмечали еще при И.В. Сталине².

«Новый курс» привел к снижению недовольства, но не устранил его полностью. В июле 1934 г. Верховный суд МНР рассмотрел дело «контрреволюционной организации» лам под руководством Ринчендоржа, которая якобы ставила целью «поджог Монгольского народного театра и ряда правительственных зданий». Трех лам приговорили к расстрелу, двух — к 10 годам заключения, двух — к восьми, одного — к шести³. В ноябре 1934 г. в стране происходили волнения, даже в Улан-Баторе. Западные авторы писали, что в подавлении участвовали советские силы⁴. Это представляется маловероятным.

На IX съезде МНРП (28 сентября – 5 октября 1934 г.) некоторые из выступавших приводили факты сопротивления лам правительству. Делегат Джамц с Хубсугула сказал, что на местах закон о ламах не соблюдается, детей отдают в монастыри. В сомоне Бурэнхан — много участников восстания 1932 г. Они старались уронить престиж местных работников, давали о них ложные сведения. Долгор из Хэнтэя сказал, что высшее «ламство» постоянно ведет борьбу против законов и решений правительства, ведет агитацию, чтобы араты отдавали сыновей моложе 18 лет в ламы. Гэлэгсэнгэ из Хубсугула указал случаи, когда араты отдавали детей в монастыри. Намсрай (член президиума) сказал, что духовные советы при монастырях (где они есть) ламы не прочь превратить в свое основное административное управление — это показывает стремление «создать государство внутри монастыря»; реакционные высшие ламы «кричат о том, что революция является врагом», который хочет уничтожить религию⁵.

Зимой 1936 г. в Убсунурском аймаке на дверях монастырей Дэлгэр-Мурэн, Арчих и Хан-Хух кто-то расклеивал листовки на тибетском и монгольском языках. В них в том числе было сказано, что высшие ламы втайне против властей, говорят, что придет Панчен-лама. В секретном постановлении 45-го пленума президиума ЦК МНРП в марте 1936 г. такое недовольство, как обычно, объясняли недостаточной борьбой против контрреволюционных лам⁶.

В 1934 г. был арестован по обвинению в контрабанде Д. Милжав — габджу монастыря Галав-сумэ в Южной Гоби. На основе его показаний в 1935 г. было открыто дело против нескольких лам. В мае 1936 г. на имя Чойбалсана поступил доклад о расследовании этого дела, в котором главным обвиняемым был Г. Санжмятав — хамбо-лама гобийского монастыря Улгий-хийд. На основании допросов Милжава с 1934 по 1936 г. в Восточно-Гобийском аймаке арестовали девять человек, в Юж-

¹ Подробнее см.: Кузьмин, 2014д, с. 132–142; Кузьмин, Оюунчимэг, 2014, с. 142–178.

² Напр., Кичиков, 1937в, с. 92.

³ АВПРФ, ф. 183, оп. 20, п. 38, д. 28, л. 67–67об. — в кн.: Синицын, 2013, с. 307.

⁴ Ballis, 1956, p. 310.

⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 150, л. 1–240.

⁶ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 5, х.н. 141, тал 61–63, д. 6, х.н. 8, тал 121–135.

но-Гобийском — 11. Так началось дело «контрреволюционного кружка Улгий-хийда», по которому затем проходили более 20 лам (дело «юго-запад»). Проводились многократные допросы. Показания осужденных противоречили друг другу, но суд это не учел. В течение 22 месяцев заключения не было прокурорского надзора, все шло по произволу следователя. До вынесения приговора в заключении умерло 3 чел.¹

6 октября 1936 г. состоялся суд над «членами кружка» Улгий-хийда в центральном театре Улан-Батора. Утверждалось, что Дилова-хутухта обеспечил переброску во Внутреннюю Монголию доверенными лицами из Улгий-хийда китайской фирмы Буянту, которая под прикрытием контрабанды занялась переброской писем и шпионских сведений².

Согласно постановлению суда, «кружком» руководил Г. Санжмятав; через Дилова-хутухту контрреволюционеры налаживали связи с Панчен-ламой, для этого за границу ездили «халзан» Ц. Намсрай-габджу, унзат Д. Цэрэндорж, цохор Г. Лувсан-губджу. Заговорщики собрали 100 тыс. тугриков. Суд приговорил 6 чел. к расстрелу (в том числе 79-летнего Санжмятава), 5 — к 10 годам заключения, 3 — к 5, 1 — к 3, 1 — к 1 году. У всех, кто получил больше 5 лет заключения, конфисковали имущество. Прошение о помиловании приговоренных к расстрелу Малый хурал на заседании 19 октября 1936 г. не удовлетворил, сочтя их «изменниками родины». В 1990 г. установили, что дело было фальсифицировано. Всех осужденных реабилитировали³.

Незадолго до суда над «Кружком Улгий-хийда» начали готовить следующий масштабный процесс. Между 5 июня и 3 октября 1936 г. отдел ГВО Восточного аймака арестовал 22 монаха монастыря Уну-Углугт-хийд Егузэр-хутухты. В монастыре нашли спрятанные оружие и патроны. Газета «Ардын эрх» сообщала, что были изъяты «41 винтовка японского и русского образца, 4483 патрона к ним, несколько кавалерийских сабель, одно легкое орудие русского старого образца, сохраненное с дореволюционного периода, а также желтое священное знамя, подготовленное в качестве знамени вооруженного восстания». Все эти предметы органы МВД представили суду как вещественные доказательства. Арестованные ламы на допросах говорили, что это оружие собирали еще при жизни Егузэр-ху-

Г. Санжмятав после ареста
(Эрдэнэсайхан, 2014).

¹ Лам нарыг..., 2013, с. 81–85.

² Кичиков, 1937в, с. 97.

³ Лам нарыг..., 2014.

тухты по его указаниям, после его расстрела подготовка восстания продолжалась, в том числе налаживались зарубежные контакты. Судя по приводимым данным, доказательная база строилась на показаниях арестованных против самих себя и других — в том числе там, где их показания вели к более тяжкому приговору. Так или иначе, восстание не произошло «из-за отсутствия массовой базы», хотя и готовилось якобы с 1922–1923 гг.¹

В действительности это оружие Егузэр-хутухта собирал еще в период автономии для обороны страны. С тех пор оно и сохранилось. Это была часть того, что в 1916 г. доставили из российского п. Акша («Ашко»): 4 пушки и 2 тыс. винтовок с патронами. Об этом сохранились документы. Закопанные ружья и боеприпасы были ржавыми и непригодными к использованию, т.к. долго пролежали в земле². Тем не менее, Верховный суд МНР в 27 февраля 1937 г. вынес приговоры 21 монаху, из них 6 — к расстрелу, 7 — к заключению на 10 лет, 6 — на 8 лет, 2 — на 5 лет³. Впоследствии осужденных реабилитировали.

Следующим был организован и проведен самый масштабный судебный процесс против лам в Монголии — дело т.н. контрреволюционного центра (*хувьсгалын эсэргүү төв*). Он стал кульминацией показательных процессов, построенных на фальсификациях.

25 мая 1937 г. МВД направил в ЦК МНРП секретный документ с подробными сведениями о деятельности якобы раскрытого им «центра», который координировал все заговоры и восстания в МНР. В документе были тщательно подобраны разные показания, которые истолковывались в пользу связей ряда лам с границей, между собой и с монастырем Дзун-хурэ Гандана, их желания восстановить власть Богдо-гэгэна и т.д. Эти материалы трактовались так, что уже с 1920-х гг. существовал некий подпольный «кружок контрреволюционных лам» (*хувьсгалын эсэргүү лам нарын бүлгэм*), идейными вождями и руководителями которого были высшие ламы — ёнзон-хамбо Лувсанхаймчиг, Манджушри-хутухта Цэрэндорж и дэд-хамбо Дамдин, якобы привлекавшие к работе других заговорщиков⁴.

Остановимся на этом важном документе подробнее. Согласно ему, предыдущие заговоры и восстания якобы были связаны с «центром» следующим образом. Во главе «центра» стоял ёнзон-хамбо Лувсанхаймчиг — тибетец и учитель Богдо-гэгэна VIII, имевший связи с Далай-ламой и Панчен-ламой. С последним, а также с реакционными феодалами, имел связи также Манджушри-хутухта Цэрэндорж. Дамдин — дэд-хамбо Хурэ, раньше был близок к Богдо-гэгэну VIII, имел большое влияние среди контрреволюционных лам, связи с феодалами в МНР, Тибете и Внутренней Монголии. С 1924 г. «центр» проводил работы по выявлению Богдо-гэгэна IX, после VII съезда МНРП перешел к тайной работе, в 1929 г. создал отделения в нескольких монастырях. В 1929–1930 гг. в этот «центр» входили также Эрэгдэндагва, Егузэр-хутухта и Дилова-хутухта в составе тех самых «38»

¹ Кичиков, 1937б, с. 20, 26–30; МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 82, тал 1–68.

² Олбаяр, 2012, с. 60–61; Sandag, Kendall, 2000, p. 127–128.

³ Лам нарыг..., 2013, с. 81.

⁴ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 82, тал 1–68.

(см. выше). После процесса 1930 г. «центр» не ослабил работу, в его руководстве были цорджи Чойнзон, Янжин, габджу Наван и Джамьяндив (Агван-Джамьян). В Восточно-Гобийском и Южно-Гобийском аймаках центром контрреволюционеров был Улгий-хийд. Там их возглавляли габджу Цэвэндорж, хамбо Г. Санжмятав и анги Х. Цогжав, связанный с Ганданом и границей. Дилова-хутухта, бежав за границу, поддерживал связь с Улгий-хийдом. «Центр» и Улгий-хийд ставили целью пригласить Богдо-гэгэна IX и Панчен-ламу¹.

В документе сообщалось также, что на территории Хэнтэйского аймака бурятский лама Ихэнин с 18 людьми были связаны с контрреволюционерами из Егузэр-хийда, связь поддерживали через тибетского ламу Галсанжамца, были связаны и с ёнзон-хамбо Лувсанхаймчигом, их организация была создана в 1929 г. с целью вооруженной ликвидации народной власти. Этот Ихэнин поддерживал связь с неким торговцем Василием на ст. Оловянная в СССР и «японским шпионом, белым русским Ливановым» (или Ивановым) на ст. Маньчжурия. По показаниям Галсанжамца, люди Ихэнина в монастыре Баян-сумэ-хурал обсуждали возможность захвата белыми русскими власти в МНР и уничтожение народной власти. Эта организация до самого 1937 г. постоянно проводила совещания, обсуждала связи и помощь из-за границы, хотела пригласить Панчен-ламу и восстановить традиции. За границу были направлены Зундуй и Гомбо, взяв много янчан серебра².

Об Ихэнине дал показания также бурят Тумурдорж, бывший колчаковский офицер, бежавший из СССР в Монголию. По его показаниям, в 1932 г. на совещании в местечке Унэрч, когда обсуждалось уничтожение революционной власти, Ихэнин и брат Галсанжамца — Лумбэн говорили, что надо пригласить японских солдат, создать контрреволюционные отряды, уничтожить народную власть и вновь организовать старую. Ихэнин и Равдан через тойн-ламу³ и дархан-цорджи из монастыря Егузэра связывались с военными чиновниками в Маньчжурии: японцем Син Бу и китайцем Шин Лу. В 1932 г. через дархан-цорджи и тойн-ламу Тумурдоржа им отправили три письма о политситуации в Монголии. Когда они вернулись из-за границы, то получили на нужды организации 24 тыс. тугриков. Для монастыря Егузэра прислали 120 винтовок и 2 пушки. Осенью 1926 г. Баву и Дамбадорж были направлены в Маньчжурию для обсуждения восстания, готовившегося в августе–сентябре 1938 г. Организацию раскрыли, допросы наиболее активных шести человек в 1937 г. еще продолжались в центре Хэнтэйского аймака⁴.

По показаниям цорджи Чойнзона, в 1930 г. «центром» руководили ёнзон-хамбо, джасын-хамбо Дамдин и Манджушри-хутухта, а сам он должен был распоряжаться выявлением Богдо-гэгэна IX и поддерживать связь с Панчен-ламой. Примерно о том же говорил в своих показаниях Дамдинсурэн. Он показывал также,

¹ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 82, тал 1–68. См. также: Кузьмин, 2014б, с. 3–13.

² МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 82, тал 1–68.

³ Возможно, этот тойн-лама — Соном, о котором в 1937 г. сообщалось, что он и еще несколько лам собирали народ, но затем им пришлось уходить за границу, при переходе одни были убиты, другие арестованы (МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 112, тал 138).

⁴ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 82, тал 1–68.

что должен был помогать японским солдатам и Панчен-ламе, организовывал тайные собрания, поддерживал связь с учителем Наваном, а когда тот умер — с цорджи Джанцаном. По его показаниям, Наван перед смертью говорил ему, что на приглашение Панчен-ламы Ёнзон-хамбо выделяет 500 тыс. тугриков, тибетский унзат-лама — 500 тыс., сам он 10 тыс. уже отдал под процент¹.

Допрашиваемые давали показания о том, что и Хубсугульское восстание 1932 г. было также связано с «центром». Так, габджу Хаша показал, что в 1932 г. из Гандана отправили на запад ламу Вандансамбу, чтобы он подготовил восстание. Он руководил восставшими, был арестован и показал, что раньше был учеником дэд-хамбо Дамдина, получал от него поручения, Дамдин говорил ему, что организует восстание в 1932 г. По его словам, организация в Гандане ставила целью выявление Богдо-гэгэна IX, главой ее был дэд-хамбо и т.д. Цорджи Чойнзон показывал: в 1933 г. он слышал, что через Цогжава отправят письмо Панчену, но сам не участвовал в этом. Отправляли письмо и через цорджи Содова из монастыря Тамсаг. Он выехал через границу, там его арестовали китайские пограничники. Говорили, что у него есть письмо от Ёнзон-хамбо, где было сказано: религия в Халхе приходит в упадок, вы можете ее защитить, Халха попала в руки красной России, пришло время гибели религии. Говорили также, что этот Содов был убит при переходе границы в 1933 г. Цогжав был расстрелян в 1936 г. по приговору Верховного суда. Чойнзон показал также, сколько средств собирали с разных аймаков и дацанов Гандана для приглашения Панчен-ламы².

О контрреволюционной деятельности ёнзон-хамбо дал показания также Лувсанданзан. Он сообщил о тайных встречах в его юрте, в которых участвовал также хубилган Гунгасамбу. Кроме того, он показал, что лично участвовал в отправке Панчену письма, где говорилось о числе монгольских солдат и оружия. На это якобы пришел ответ, что в 1935–1936 гг. японские солдаты вступят в Монголию, надо объединить силы. Эти показания подтвердил цорджи Чойнзон. То же показывал и лама Джамьяндив³. Гончигдо получил в 1931 г. от Панчен-ламы титул хамбо-номун-хан и латунную печать, потом жил в монастыре Намгур в Барге, вел активную агитацию с помощью Японии. Джамьяндив передавал ему информацию. Хубилган Гэндэнпунцаг показал, что по заданию учителя Хаша выучил монгольское и русское письмо, читал книги, собирался поступить в КУТВ, чтобы изучать положение России, но это не вышло. Приводятся также показания о подготовке запасов имущества, нескольких десятков старых ружей и шашек, о желании пригласить Богдо-гэгэна IX, уничтожить народную власть, о наличии «отделений центра» в трех монастырях Архангайского и Селенгинского аймаков⁴.

К документу МВД приложен перевод рукописи цорджи Джанцана. Основные идеи — что в МНР положение плохое, религия уничтожается, народные хуралы

¹ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 82, тал 1–68.

² МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 82, тал 1–68. См. также: Кузьмин, 2014б, с. 3–13.

³ Расстрелян в апреле 1936 г. за связь с бежавшим из МНР Гончигдо и японским шпионом Инагучи.

⁴ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 82, тал 1–68.

выступают против религии, ее унижают, молодых лам удаляют из монастырей, надо собираться для борьбы против власти, приближается время, когда будет восстановлена традиция; приведены некоторые пророчества о Халхе¹.

8 июля 1937 г. ЦК МНРП получил детальное донесение о биографии и деятельности ёнзон-хамбо Лувсанхаймчига, под руководством которого находились монастыри Гандан и Дзун-хурэ. Он был подданным Тибетского государства, шабинаром Панчен-ламы. Он приехал в Монголию из Тибета по поручению Панчен-ламы в 5-м (1915) г. с поручением распространять буддизм, быть близким другом Джебцундамбы, поддерживать дружбу с монгольской аристократией. Он сразу стал одним из семи цорджи Джебцундамбы, был его тибетским учителем в должности жавтуй-хамбо. Со временем у него стало 8 тыс. шабинаров, он изучил монгольский язык. В 1922 г. он ездил в Тибет, от Богдо-гэгэна поднес подарки и письма Далай-ламе (по случаю праздника в честь его интронизации как великого хана Тибета) и Панчен-ламе².

Появление в мае—июле 1937 г. документов, объединявших все «ламские заговоры» в один, не было случайным.

Вскоре после этого — в августе в МНР прибыл М.П. Фриновский. Начались аресты. Например, 10 сентября 1937 г. ночью были арестованы около 100 лам. 13 сентября 1937 г. Фриновский телеграфировал Ежову об аресте, с согласия Чойбалсана и Амара, «Энзона — английского резидента, перевербованного японцами», а также о планах разгрома «ламской тибетской колонии» в Монголии и проникновении «в сеть английской связи на Тибет и японской на Хайлар»³.

Таковы были априорные установки для ведения дела: ездил в Тибет — значит, это связи в пользу Англии, общался с Панчен-ламой, уехавшим во Внутреннюю Монголию и Маньчжурию — значит, связи в пользу Японии. Именно в этом и пришлось «признаваться» Лувсанхаймчигу.

Его первый допрос состоялся 6 сентября 1937 г. Лувсанхаймчиг показал, что находился в Монголии по поручению Панчен-ламы восемь лет, потом ездил к нему, т.к. было письмо от Богдо-гэгэна⁴. Он рассказывал Далай-ламе и Панчен-ламе о положении в Монголии, о том, как пришли гамины и солдаты Унгерна, как пришли красные солдаты и установили народную власть, которая поддерживает дружбу с красными русскими, но не смог документально рассказать о новом режиме. В Лхасе он говорил аристократу Чисрин Гэлэгу, что в Монголии установилась народная власть, руководит которой Сухэ-Батор, Монголия ушла от Китая и опирается на Россию, а Россия забрала Монголию и прислала солдат. Там же он встречался с калоном Царонгом⁵ и рассказал о ситуации в Монголии. Он хотел остаться в Тибете, но Панчен-лама сказал ему: «Богдо Джебцундамба в письме

¹ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 82, тал 1–68.

² МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 80, тал 1–112.

³ РГАНИ, ф. 89, оп. 29, д. 1, л. 3 — цит. по: Архивы Кремля..., 1995, с. 19.

⁴ Улс торийн..., 2008, с. 323–324.

⁵ Монг.: Цэрэн гэлэн. Царонг (1888–1959) — калон (министр), приближенный Далай-ламы XIII, проводивший модернизацию Тибета при содействии Великобритании, некоторое время был самым влиятельным членом правительства.

просил тебя отправить обратно, поэтому ты должен вернуться». По дороге врач Панчен-ламы, посланный к нему, передал его просьбу сообщать о ситуации в Монголии¹.

На другом допросе Лувсанхаймчига спросили: «Каких людей Вы принимали у себя для разведдеятельности в пользу Англии»? Он ответил, что в Тибете встречался с Далай-ламой и Царонгом, которые держали сторону Англии, Царонг поручил ему узнать ситуацию в Монголии, настроения лам и народа, политику партии и правительства, просил присылать ему об этом разведдонесения. По показаниям Лувсанхаймчига, эти сведения были нужны не столько Далай-ламе, сколько Англии, которая хотела узнать, как влияние красных распространяется в Тибете. В Монголию Лувсанхаймчиг, по его словам, вернулся в 1923 г. После того, как Панчен-лама уехал в Китай, в 1927 г. он направил к нему сойбона Лага, отправив с ним хадак и сообщение о ситуации с новой властью, числе солдат и оружия, подавлении хутухт, хубилганов и нойонов. Лувсанхаймчиг показал, что имел поручение от Панчен-ламы и «одного государства» о проведении тайной разведработы в Монголии для уничтожения народной власти и восстановления старой. Он показал также, что получил поручение Панчена, «держашего английскую сторону Царонга», а также аристократа Гэлэга разведать число солдат и оружия у правительства, положение народа, проводимые русскими работы в Халхе, ситуацию с буддийской религией, иностранными подданными, в награду получил 1000 лан серебра, вино и шелк. Согласно показаниям, его шабинар Самбу-дувчин получил от него через Вандансамбу разрешение на организацию контрреволюционного движения в 1932 г.²

Согласно протоколам допросов Лувсанхаймчига, в 1933 г. дэд-хамбо Дамдин, Манджушри-хутухта и он сам через дзанги Цогжава передали сообщение Панчен-ламе. Потом Цогжав во главе ряда лам Улгий-хийда организовал группу, опиравшуюся на Панчена и Японию. Ёнзон-хамбо создал организацию при Амарбуянт-хийде в Дзабханском аймаке, давал там указания ловону Санжиду. Оказывается, Агван-лхарамба (А. Доржиев. — С.К.), Ц. Жамцарано, Эринчинов (Э. Ринчино. — С.К.) тоже имели отношение к его организации, т.к. делали подарки, когда приезжали и когда приезжал официальный представитель Панчен-ламы. Для разведработы ёнзон-хамбо держал связь с Панченем, в т.ч. через цорджи Содова, который был связан с рядом лам в Монголии, в частности с Манджушри-хутухтой и дэд-хамбо Дамдином. В числе руководителей «центра» были Дамдин, Джамьяндив, Гончигдо, цорджи Чойнзон, Чодогцэндэг, а также габджу, аграмбы и простые служащие, которых допрашиваемый хорошо не знал, а давал только общие руководящие указания. Есть и список 26 тибетцев из Амдо, которые участвовали в деятельности «центра». Каждый год утром на праздник Цагансар они приходили в юрту к Лувсанхаймчигу, выражали почтение и желание уничтожить власть, пригласить Панчена, молились за это³.

¹ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 80, тал 1–112.

² МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 80, тал 1–112.

³ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 80, тал 1–112.

Согласно показаниям Лувсанхаймчига, он отправил письмо Панчену в 1934 г., а кроме того, получил в общей сложности пять писем с печатью Панчена с указаниями о разведработе, которую осуществлял под видом развития буддизма. В том же году он устно передал сведения о Монголии Царонгу через Зундуйчоймбола и Ванжила, которые возвращались в Тибет с Самба Ринпоче. Других контактов с Царонгом не было. Но, по словам Лувсанхаймчига, связь с Англией имели тибетский финансовый представитель Далай-ламы в МНР Самба, тибетский торговец Минжур, торговцы Цэдэн и Джадон, Равсал — работник фонда Далай-ламы, с которыми он встречался на Цаган-сар¹.

Показательный судебный процесс над «центром» был проведен Верховным судом МНР 4–8 октября 1937 г. Судили 23 чел. Помимо перечисленных выше обвинений в попытке свергнуть народную власть, восстановить старые порядки, связях с Панчен-ламой и японцами, инкриминировались контакты с «группой Гэндэна – Дэмида». По воспоминаниям Нямбу, тибетец ёнзон-хамбо плохо говорил по-монгольски, и его речь на суде было трудно понять².

Из 23 обвиняемых монахов 19 приговорили к расстрелу: ёнзон-хамбо Ц. Лувсанхаймчига, дэд-хамбо Б. Дамдина, Манджуши-хутухту С. Цэрэндоржа, Б. Чойнзона, Б. Джанцана, Б. Цогтзандана, Д. Алтангэрэла, Д. Дамдинсурэна, Б. Хасбазара, Ч. Сандана, Б. Намжила, Д. Дашдана, Ш. Чултэма, А. Цэрэнбадму, Г. Гунгасамбу-хубилгана, Ц. Гомбосурэна, Д. Лувсанбадму, Ж. Гэндэнпунцага и Б. Лувсанданзан-хубилгана. Все они, кроме одного, были хубилганами или высшими ламами, которые имели степени габджу, аграмба и т.д. Трое были приговорены к 10, 8 и 5 годам, один — к 3 годам условно, в отношении одного дело прекращено в связи со смертью. Имущество осужденных конфисковали. Приговор был окончательный и обжалованию не подлежал³. Ёнзон-хамбо Лувсанхаймчиг был расстрелян 9 октября 1937 г. в 00 час 42 мин в Далан-давхар (кладбище в Улан-Баторе)⁴.

Насколько доказательны обвинения, на основании которых были вынесены приговоры членам «центра»?

Прежде всего, необходимо указать пропагандистский компонент. Он присутствовал и на предыдущих показательных процессах против лам, но на процессе «центра» достиг кульминации. Суд проходил в центральном театре Улан-Батора при полном зале. Для охраны вокруг театра стояли пулеметы. Заседания транслировали по громкоговорителям собравшейся вокруг театра толпе, большинство

¹ МУУТА, МБТ, ф. 4, д. 6, х.н. 80, тал 1–112. В данном случае уместно также привести ответы на допросах хубилгана Т. Довчинсоднома. Он искренне отвечал, что не знает, где сейчас Панчен-лама и что делается в его стране, а в этом году Шамбалинской войны не будет: так написано в журнале “Лам нарын сэтгүүл”. Связи с ёнзон-хамбо он отрицал. 16 октября 1937 г. он был приговорен к расстрелу и конфискации имущества за участие в заговоре ёнзон-хамбо, распространение слухов и т.п. В 1991 г. реабилитирован (Хоролдамба, 2012, с. 140–161).

² Karlonski, 2008, p. 326–327. Это ставит вопрос о достоверности его сохранившихся допросов.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 156, л. 103–109.

⁴ Гадаалаас түрхирсан..., 2013, с. 541.

которой составляли араты и ламы. «Признания» обвиняемых затем опубликовала «Үнэн». Эта газета сообщала во время процесса, что более 700 членов МНРП и ревсомола, 2200 аратов и 200 лам прислали письма в связи с ним, и почти все до единого требовали наказать контрреволюционеров по «высшей строгости закона»¹.

В газетах, на митингах и собраниях аратов и духовенства при участии членов партии и ревсомола в разных аймаках велась активная «разъяснительная работа». Их участники воздавали хвалу Чойбалсану и требовали для «заговорщиков» высшей меры наказания подобно тому, как и участники аналогичных митингов в СССР. Чойбалсан рассказал корреспондентам «Үнэн» и «Ардын эрх» примерно то же, чем отчитывались советские чекисты (см. ниже): раскрытие организации идет с 1930 г., Лувсанхаймчига в 1923 г. завербовал Панчен-лама и подослал для шпионажа в Монголию. Помощник прокурора МНР Пунцагдорж в интервью «Үнэн» 3 октября 1937 г. сказал, что для уничтожения партии и правительства, восстановления монархии, возвращения потерянных прав и привилегий контрреволюционная организация, опираясь на Японию, занималась активной подрывной вредительской работой. Опираясь на Панчен-ламу, через делегацию Гомбо-Идшина в Тибете она получила благословение на приглашение Богдо-гэгэна IX, послала к Панчену для переговоров своего члена Эрэгдэндагву. В работе «центра» принимали участие руководители страны Гэндэн и Дэמיד².

Важным компонентом пропаганды была дискредитация высших лам. Ман-джушри-хутухта по святости считался вторым после Богдо-гэгэна³. Даже по советским оценкам, это был человек «исклнчительной нравственной чистоты»⁴. Он защищал религию, стоял за выявление нового перерождения Богдо-гэгэна. Чекистам он был известен как «ярый контрреволюционер, унгерновец»⁵. Бывший учитель Богдо-гэгэна VIII — ёнзон-хамбо Лувсанхаймчиг был наиболее влиятельным церковным иерархом в Улан-Баторе и ряде других мест МНР. Другие высшие ламы тоже имели высокий авторитет.

Есть все основания полагать, что чекисты выбивали из подследственных нужные им ложные показания: добровольно они вряд ли стали бы оговаривать себя. Характерно, что в более ранних судебных материалах говорилось о том, что Панчен-лама должен прийти в Монголию с китайскими солдатами, а к 1937 г. эти солдаты уже превратились в японских — очевидно, в связи с назревавшим советско-японским конфликтом.

Важная и детальная «шпионская информация» от Лувсанхаймчига в Маньчжурью не могла преправляться устно, а если ее действительно просто запоминали — она вряд ли могла быть сколько-нибудь детальной и существенной. Сведения о том, что Лувсанхаймчиг через Царонга стал английским агентом, снабжая

¹ Kaplonski, 2008, p. 326-327, 332-333.

² РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 156, л. 32-40, оп. 16, д. 63, л. 3-8.

³ ЦАФСБ, ф. 65, д. 9920, л. 156-158.

⁴ РГАСПИ ф. 495, оп. 152, д. 29, л 181.

⁵ Донесение ИНО ОГПУ № 82786 от 1 октября 1928 г.: ЦАФСБ, ф. 2, оп. 8, д. 378, л. 67, 117.

Англию данными по МНР, явно наваяны чекистами: МНР в то время мало интересовала Англию, да и у последней были более простые каналы получения информации через Китай, а не Тибет.

Есть и более явные признаки фальсификации. На бумаге одного из допросов Лувсанхаймчига не указаны вопросы следователя. В пометках на допросах сказано, что он встречался с Царонгом и давал сообщения о монгольской армии и государственной власти, но эти пометки противоречат друг другу. Хронология японской экспансии в Китае и деятельности Панчен-ламы содержит ряд несогласованностей с хронологией «признаний» Лувсанхаймчига в шпионаже¹. Кроме того, протоколы допросов написаны на монгольском, а подписаны Лувсанхаймчигом на тибетском. Судя по допросам, он говорил по-монгольски, но не читал².

На суде Лувсанхаймчиг говорил, что в 1931 г. их «кружок» продолжал работать, включая Дилова-хутухту, дэд-хамбо Дамдина и Манджушри-хутухту, были созданы отделения в монастырях Сан-бэйсэ и Улгий-хийд; что он возглавлял контрреволюционную группу Эрэгдэндагвы, а потом вместе с Манджушри-хутухтой и Дамдином возобновил работу подпольного кружка; они держали связь с заграницей для уничтожения власти, т.к. она плохо относится к буддизму. Этого нет в предыдущих показаниях, однако суд не обратил внимания на это и ничего не уточнял. Были и другие противоречия в показаниях Лувсанхаймчига. Суд, не рассмотрев противоречий, продолжал заседания. Предполагается, что сам судебный протокол был фальсифицирован. Кроме того, ёнзон-хамбо сделал абсурдное «признание», что вел контрреволюционную работу вместе с Гэндэном³.

Обвинительное заключение строилось на показаниях обвиняемых. В качестве улик использовали пять писем Панчен-ламы IX, которые нашли у Лувсанхаймчига. Недавно были опубликованы новые архивные материалы: набранные кириллицей старомонгольские переводы этих пяти писем, кратких выписок, использованных судом в 1937 г., перевод тибетских оригиналов писем в 1960 г., факсимиле этих оригиналов и их переводов для суда на старомонгольском с тибетскими выписками. В оригиналах этих писем не сказано о шпионаже или работе на иностранцев. Перевод с тибетского 1960 г. не соответствует переводу, сделанному для суда в 1937 г., из которого следует шпионаж. Следовательно, перевод 1937 г. был фальсифицирован, чтобы доказать обвинение⁴. Выполненный по моей просьбе Н. Рабгялом в 2013 г. перевод тибетских факсимиле этих писем соответствует переводу 1960 г. и подтверждает вывод о фальсификации.

Таким образом, «признания» Лувсанхаймчига и других обвиняемых в 1937 г. являются самооговором, усугубившим приговор и, следовательно, получены под принуждением. Ёнзон-хамбо Лувсанхаймчиг и другие члены «контрреволюционного центра» были реабилитированы 25 июля 1990 г.⁵

¹ Улс төрийн..., 2008, с. 323–324, 341–342.

² Kaplonski, 2014, p. 188.

³ Улс төрийн..., 2008, с. 354–359.

⁴ Архивные материалы и обсуждение в кн.: Лам нарыг..., 2013, с. 110–113, 193–199.

⁵ Улс төрийн..., 2008, с. 354–359; Лам нарыг..., 2013, с. 174–176.

Для чего же понадобился столь масштабный показательный процесс? Это видно из нескольких важных документов, появившихся вскоре после него.

В октябре 1937 г. — вскоре после расстрела «заговорщиков» — прошел 3-й пленум ЦК МНРП. Амар сделал доклад о «вредительстве японских агентов» в разных сферах хозяйства МНР. Он, в частности, заявил, что Гэндэн, Дэמיד, Дарижав, Малж, Мэнд, Самбу, ёнзон-хамбо, дэд-хамбо Дамдин по заданию японского командования должны были совершить вооруженный переворот, перебить всех революционных деятелей и «открыть ворота» для японских вооруженных сил. Лувсаншарав сделал доклад о борьбе с «политической беспечностью и двурушничеством»¹.

Чойбалсан сделал доклад «О политических уроках раскрытия шпионской и контрреволюционной организации и наши задачи в борьбе с внутренними и внешними врагами». В нем он заявил, что японцы опираются на высших лам, на часть бурят — которые были на стороне Унгерна и Семенова или бежали из СССР², на китайцев — которые занимаются торговлей и шпионажем, на баргутов — которые проживают в городах и превратились в японских агентов. По его словам, разоблаченная организация Гэндэна – Дэмида – Лхумбэ была создана в 1932 г. для свержения МНР, объединяла все эти контрреволюционные силы, сомкнулась с левыми и правыми группами, использовала религиозные чувства аратов. Для этого группа Гэндэна – Дэмида «заключила союз с руководителями монгольского ламства — ёнзон-хамбо и дэд-хамбо Дамдином». Японцы глубоко раскинули свои сети. МВД ликвидировало лишь верхушку организации. По заключению Чойбалсана, чтобы покончить с врагом мало усилий МВД — нужна помощь всего народа³.

Пленум утвердил все сделанные на нем доклады, предложил МНРП их как руководство и призвал продолжить борьбу «со всеми изменниками, диверсантами, шпионами и террористами — наемными агентами японской и прочих фашистских разведок». Членам партии предписывалось оказывать МВД помощь в этом⁴.

Итак, не только все предыдущие восстания и заговоры лам (подлинные и мнимые) были объединены в дело «контрреволюционного центра», но и само это дело пристегнули к другим — «заговорам» монгольских светских деятелей. Целью этого уже общего заговора объявили вооруженный переворот в пользу Японии, для ликвидации угрозы которого народ должен был помочь Чойбалсану вести репрессии.

Президиум пленума (Лувсаншарав, Чойбалсан, Амар, Догсом, Басанжав, Довчин) направил телеграмму «Великому Вождю угнетенных народов мира» Сталину. В ней говорилось, что внутренние контрреволюционеры — реакционное

¹ Амар, 1937, с. 60–90; Лувсаншарав, 1937, с. 99–114.

² В МНР активизировались преследования бывших белых. Так, 25 февраля 1938 г. был расстрелян И.А. Андреев — бывший военный чиновник Унгерна, работавший в Налайхе. Его обвинили в контрреволюционной пропаганде (Хатанбаатар, Уугансайхан, 2009, с. 602).

³ Чойбалсан, 1937, с. 92–98.

⁴ “Унэн”, 23.10.1937; РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 156, л. 110–123; Постановления III пленума., 1937, с. 125–130.

«ламство», феодалы, чиновники, изменники Гэндэн, Дэמיד и другие «объединились по заданию японских разведывательных органов, вели шпионскую диверсионно-вредительскую работу» и т.д. «В дальнейшем мы, пользуясь мудрыми советами и помощью Великого Сталина и при неизменной искренней дружбе с Советским Союзом добьемся еще больших успехов на путях антифеодальной, антиимпериалистической революции»¹.

В Историческом музее (Улан-Батор) есть копия письма Чойбалсана Ежову, в котором сообщается о том, что в последнее время главным в деятельности МВД МНР была «борьба с ламством как основной базой японской работы и основной реакционной силой, тормозящей развитие монгольского народа и охраны границ и внутреннего спокойствия нашей страны». С помощью советника т. Чопян, инструкторов и при всемерном содействии полпреда Таирова «мне удалось провести через ЦК МНРП и правительство все необходимые политически и экономически мероприятия по прекращению роста ламства, подрыву его политического и экономического влияния на население. Практически нам удалось осуществить советы тов. Сталина — подготовить и провести пять показательных процессов по верхушке ламства по обвинению в измене родине², шпионажу и подготовке вооруженного восстания. Процессы эти крепко скомпрометировали высшее ламство».

Так что не установление истины, а компрометация согласно советам Сталина была целью этих показательных процессов.

По итогам «дела центра» советник МВД МНР М.И. Голубчик в январе 1938 г. написал подробное донесение в Москву. В целом оно соответствует приведенному выше донесению МВД МНР от 25 мая 1937 г., но содержит и ряд новых ложных утверждений, согласующихся с приведенными материалами октябрьского пленума.

Согласно донесению Голубчика, реакционная верхушка «ламства» в блоке с феодалами стала формировать контрреволюционные кадры для борьбы с правительством за возвращение светской власти в лице Богдо-гэгэна. К 1929 г. «локальные ламские контрреволюционные формирования объединились и создали названный центр. Окончательное формирование произошло при реализации решений VII съезда МНРП, направленных на подрыв и разрушение основ феодальной эксплуатации аратства». «Центр» готовился к вооруженной борьбе, рассчитывал на японских генералов Северного Китая, имел сеть филиалов в периферических монастырях. Для этого в 1930 г. центр направил в Китай «одного из своих руководителей — крупного феодала Эрэгдэндагву» с письмом, обращенным за военной помощью. «В виде компенсации за оказание военной помощи, контрреволюционный центр гарантировал признание господствующей власти Китая в Монголии». Эта попытка была предотвращена поимкой Эрэгдэндагвы на границе с поличным³.

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 156, л. 42.

² Закон о наказании за измену принят до апреля 1938 г. (РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1083, л. 137).

³ РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1083, л. 56–57.

Согласно Голубчику, одновременно «центр» готовил восстания в центральных и восточных аймаках, но решительные действия правительства их предотвратили. «В 1932–1933 гг. ламский центр заблокировался с Гэндэно-Дэмидовским заговором и заручился их поддержкой в борьбе с революционной властью. По заданию Гэндэна и Дэмиды контрреволюционный центр стал вести активную диверсионную работу, сконцентрировав ее главным образом в Улан-Баторе и Алтан-Булаке — местах расположения наиболее решающих и наиболее уязвимых экономических и оборонных объектов. Целый ряд диверсионных актов “центру” удалось осуществить, ряд попыток к совершению диверсий был предотвращен». «Центр» готовил новое вооруженное восстание, готовил для него оружие, деньги, конский состав, продовольствие, палатки, помещения и т.д.¹

«По показаниям обвиняемых, они обеспечили восстанию фонд до 9 млн. тугриков. Только в Гандане конфисковали ценностей и имущества более чем на 2 млн. Всего было создано 48 филиалов “Центра”. <...> Заявления высших лам на процессе, что ламаистские институты по своей сущности контрреволюционны, активный рост враждебных отношений арат к высшему ламству, массовая работа МВД по разоблачению контрреволюционных намерений высшего ламства и его феодальная эксплуатация аратства и низшего ламства, не могли не вызвать процесса отчуждения низших лам от высших. Совокупность изложенных фактов совершенно ясно определила наступивший кризис в ламаизме в Монголии и разрушение его устоев. Перед МВД встает задача своими мероприятиями обеспечить дальнейшее углубление этого процесса. В ноябре 1937 г. МВД приступило к ликвидации филиалов ламского контрреволюционного центра и массовому изъятию его участников»².

Этот документ вновь показывает, что целью ВКП(б) и МНРП был «кризис в ламаизме в Монголии и разрушение его устоев» — т.е. ликвидация буддизма.

Несмотря на подъем репрессий, пропаганды и массовое закрытие монастырей, недовольство подавить не удалось. Полпред СССР С.Н. Миронов 11 февраля 1938 г. писал: «Как и следовало ожидать, разгром очагов японской разведки и высшего ламства обострил процессы борьбы, местами ламство пытается перейти в контрнаступление <...> Ламы, разбежавшись из монастырей, ушли в худоны. В худоне они повели активную агитацию в следующих направлениях (помещая по смыслу, а не текстуально):

1. Правительство по требованию русских уничтожает всех лам и религию, мы колония России, а не независимое государство.

2. Возвращается политика “левого загиба”: нужно резать скот и готовиться к восстанию, это помогло изменить курс в 1932 г., поможет и сейчас.

3. Япония разгромила красных в Китае, разгромит нашу и советскую армии и весной займет нашу страну. Панчен-лама идет с ними на защиту нашей религии. Кто не хочет быть весной уничтожен, тот должен идти против русских». В западных аймаках, где было восстание и «верхушка ламства наименее репрессирова-

¹ РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1083, л. 56–57.

² РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1083, л. 56–57.

на — там и настроения более густые». В Убсунурском аймаке на почве активной ламской агитации в аймачном руководстве началась паника, «они вооружаются, просят прислать войсковую часть». Миронов «посоветовал Чойбалсану крепче ударить там по контрреволюционному ламству»¹.

М.И. Голубчик в январе 1938 г. отмечал, что аратство поддерживает правительство, но «под влиянием ламской агитации высказывает опасение за сохранение религии». Возрастает контрреволюционная активность высших лам. Основные ее формы:

а) распространение контрреволюционных листовок и воззваний, в которых разгром контрреволюционного верховного ламства объясняется походом против религии <...>

б) попытки агитировать арат против Советского Союза активной агитацией, что ввод советских войск есть начало колонизации Монголии, что массовые репрессии диктуются советскими инструкторами;

в) попытки разжечь националистические чувства;

г) всемерная популяризация сил Японии;

д) призывы к вооруженному восстанию»².

По данным Голубчика, в последнее время в ряде частей МНРА был вскрыт ряд контрреволюционных групп, созданных ламами. Они направляют солдат на разложение в частях, порчу вооружения, отказ от военной службы, групповое бегство за границу. В худоне в аратскую массу проникло много контрреволюционных лам; вместе с высшими — «средние и низшие», неустойчивые элементы, питательная база для контрреволюционной верхушки; среди аратства еще велика тяга к религии; почти сплошное «переплетение лам с аратами» родственными связями. Лама в худоне — еще и агитатор, лекарь, консультант по бытовым и хозяйственным вопросам, проводник товаров, закупщик сырья, духовный наставник, а партийно-общественных организаций там нет³.

Более конкретно Миронов со слов Голубчика доносил Ворошилову еще в начале декабря 1937 г.: в 6-м кавдивизионе МВД — группа цириков (44 чел.), в 8-м — организация из 56 чел.: занимаются вредительством, хотели уйти в Маньчжурию. На следствии показали, что это от ламской агитации и тяжелого материального положения. Они говорили, что все равно погибнут на войне с Японией. Последний набор, особенно из Убсунурского, Хубсугульского, Дзобханского и Архангайского аймаков, был в худоне предварительно обработан ламами, которые брали с них клятву, что, придя в армию, они будут заниматься мелким вредительством, разрушать дисциплину и т.п. — многие цирики об этом откровенно говорили на собрании⁴.

* * *

¹ РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1083, л. 29–40.

² РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1083, л. 52–62.

³ РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1083, л. 52–62.

⁴ РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 1083, л. 101.

Первое время контроль МНП на местах был неустойчивым. В стране действовали белые, сторонники монархии и феодализма, имели место заговоры против новой власти. Власть МНП постепенно укреплялась при советской поддержке. Признав преемственность республиканской Монголии от монархической в 1924 г. после кончины Богдо-гэгэна VIII, народное правительство первое время не возражало против выявления нового перерождения Богдо-гэгэна. Но вскоре был взят курс на блокирование этого, а затем были узаконены полный запрет выявлений хубилганов вообще и жесткое пресечение попыток этого. Состоялось несколько открытых судов, которые заложили основу будущих показательных политических процессов.

В период «левого уклona» борьбу с церковью и остатками старой системы стали форсировать. Этот «уклон» привел к беспрецедентному росту недовольства и восстаний, кульминацией которых стало восстание 1932 г. — самое крупное в новой истории Монголии. Это народное восстание, соответствующее критериям гражданской войны, послужило причиной резкого отказа от «левого курса». В глазах Сталина, «леваки» допустили ошибки, их следовало оттеснить — но лишь временно (т.к. «правый загиб» опаснее), а повстанцев объявить иностранными агентами, стремящимися лишить свою страну независимости — хотя доказательства этому не было.

После подавления восстания 1932 г. наступил краткий период ослабления давления власти на церковь, но после 1934 г. давление стало нарастать. Недовольство духовенства против этих действий продолжалось, но оно уже не представляло опасности для властей. Его проявления становились все более слабыми и разрозненными. Некоторые из них представляли эпизоды незначительных нарушений закона. Но обвинители их объединяли между собой и пристегивали к делам о якобы раскрываемых масштабных заговорах, фабрикуя показательные процессы. Кульминацией последних стал масштабный процесс «контрреволюционного центра» в 1937 г. Он был сфабрикован по сталинским схемам и при участии эмиссаров НКВД в целях дискредитации духовенства и устрашения его сторонников. Важнейшие обвинения не были подтверждены уликами, использовались фальсификации и «признания», полученные под принуждением, которые в ряде случаев вели к более тяжким наказаниям. «Центру» приписали почти все попытки выявления Богдо-гэгэна IX, восстания до 1937 г., связи с «группой Гэндэна – Дэмида» и остальные контрреволюционные действия и слухи — реальные и вымышленные. В действительности это были разные события, не имевшие единого центра и не инспирированные из-за границы.

На показательных процессах 1930-х гг. лам не обвиняли в том, на что делали упор в 1920-х гг. партпропаганда и «обновленцы»: незаконное обогащение, эксплуатация, роскошь, пьянство и т.п. Теперь им предъявляли обвинения в политических преступлениях, которые вынуждали публично подтверждать и детализировать.

Это неудивительно: имеющиеся данные показывают, что в большинстве высшие ламы не допускали нарушений монашеской дисциплины и пользовались

авторитетом народа. В его глазах именно они, а не «эксплуатируемые низшие ламы», олицетворяли церковь и религию. Поэтому их дискредитация была важна не только для физической ликвидации теократии, но и для отчуждения народа от высших лам и, соответственно, для дискредитации самой религии, носители которой в его глазах оказывались врагами и предателями. Кроме того, с устранением ученых лам (а это были не «низшие», а высшие ламы) устранялись источник и преемственность передачи религиозных знаний, практик, традиций и ритуалов. А это соответствует одной из важнейших целей марксизма-ленинизма — ликвидации религии.

Заключение

Изложенное выше позволяет сделать выводы, во многом расходящиеся с концепциями, принятыми в историографии СССР и МНР в том, что касается роли теократии, буддийской церкви, монархизма, марксизма-ленинизма, МНРП, большевиков и Коминтерна в становлении государственности, политическом, экономическом и духовном развитии Монголии в начале XX в.

Монголия попала в вассальную зависимость от маньчжурской династии Айсинь Гиоро, правившей империей Цин, не как единое государство, а как конгломерат государств и политий, в разное время и на разных основаниях. Формирование, структура, мироустроительная концепция отличают эту империю от Китая как государства, каковым являлась до нее империя Мин, а затем стали Китайская республика и КНР. Историческим мифом является воззрение, что Китай — уникальное государство, более тысячелетия сохраняющее непрерывность своей истории и государственности, не входившее в состав других государств. «Китайские династии» — это, фактически, наименования по периодам правления разных государств — китайских или не китайских. В состав последних Китай входил частично или полностью, в ряде случаев теряя свой суверенитет. Одним из таких государств была империя Цин. Монголия стала частью этой империи, но не Китая.

Маньчжурские императоры использовали разные методы легитимации своей власти для разных народов, опираясь на их традиции. Это противоречило китайской мироустроительной модели. Основой легитимации цинской власти для монголов было покровительство тибетскому буддизму и концепция ее преемственности от власти Чингис-хана. Претендуя на то, что они являются эманациями буддийских божеств и Чакравартинами, цинские императоры выстраивали систему административного руководства церковью. В известной мере использовался образец монгольской империи Юань: следование тибетскому буддизму и отношениям «наставник — покровитель» с высшими иерархами одной из его школ. Конечно, они использовали это в политических целях. Но нет оснований считать, что они были циничными политиками, которым религия была нужна лишь для удержания власти.

Буддизм был принят населением как главная религия в Тибете раньше, чем в Монголии. Соответственно, в Тибете раньше сформировались церковные и теократические структуры. Они послужили образцом при формировании монгольской церкви и теократии. Последняя начала формироваться в XVI—XVII вв. в связи с новой волной распространения буддизма в Монголии, еще до ее включения

в империю Цин. На этот раз (в отличие от империи Юань) акцент был сделан на его распространение среди всего народа, а не только верхов — причем как единственной религии.

Маньчжурские императоры не только поддерживали, но также создавали и укрепляли теократические структуры. Претендуя на роль покровителя и арбитра в связи с присвоенной им сакральностью, императоры считали себя вправе вмешиваться в дела церкви и в ряде случаев регулировать ее деятельность. Покровительство теократии не только «возвышало религию» (по терминологии монголов), но и способствовало ослаблению феодалов. В этих условиях церковь консолидировалась, усиливались ее политические функции, а теократические структуры становились параллельными центрами влияния и власти.

Феодалная раздробленность Монголии возникла задолго до подчинения ее нойонов маньчжурам. В цинское время, когда монгольские феодалы, включая потомков Чингиса, стали вассалами маньчжурских императоров, последние подчеркивали свое родство с ним. Эти императоры поддерживали политическую и экономическую зависимость монгольских феодалов от Пекина. Опасаясь их сплочения и усиливая их разобщенность, императоры могли считать усиление буддийской церкви альтернативой, по-видимому, не допуская того, что теократы могут возглавить движение за независимость Монголии. В этом они ошиблись.

Важнейшим компонентом буддийской церкви являлись линии преемственности перерожденных лам — хубилганов. В отличие от феодала хубилган не имел собственности: она принадлежала всей линии перерождений и не могла быть передана родственникам или приближенным. Благодаря этому не было оснований для конкуренции родов или группировок. Высшие ламы, не являвшиеся хубилганами, тоже не могли завещать накопленное родственникам, т.к. это было бы грубым нарушением норм буддизма. Все это способствовало укреплению не только авторитета церкви, но и ее экономической силы.

Духовенство гораздо меньше зависело от цинских властей, чем феодалы. Линии преемственности хубилганов выводились не из Китая или Маньчжурии, а из Индии и Тибета, который не был и не ощущал себя частью Китая. Тибето-монгольские духовные и политические контакты не были связаны с Китаем, с цинской властью связь воспринималась через религию и/или вассалитет, а не через принятие китайской мироустроительной модели. Поэтому буддийские иерархи в Монголии не имели серьезных противоречий ни между собой, ни с монгольским населением, одобрявшим изоляцию от Китая. В условиях, когда почти все монголы были последователями буддизма школы Гэлуг, был общественный консенсус относительно власти и авторитета духовенства. Об этом свидетельствует тот факт, что в Монголии не было восстаний против теократов и церкви. Не было выступлений и против «засилия тибетцев», что согласуется с представлением о том, что Монголия — часть тибето-монгольской цивилизации.

Пытаясь противостоять экспансии Запада, в начале XX в. приходившая в упадок маньчжурская династия решила китаизировать «пограничные народы», а их земли превратить в ханьские колонии. Эта «новая политика» империи Цин стала

нарушением той системы, в рамках которой монголы признавали себя подданными маньчжурского императора. Республиканцы, придя к власти, продолжили ту же политику. Как отмечал очевидец, «Китайская же колонизация угрожает самому существованию монголов... Полное окитаение Монголии есть смерть монгольской расы»¹. Именно это (а не «происки России» и не борьба с маньчжурской династией как таковой) было причиной национально-освободительного движения монголов.

Проявлением стремления избежать китаизации было движение части князей Внутренней Монголии за сохранение, а позже — за восстановление маньчжурской династии. Это не противоречило сохранявшейся среди монголов идеи власти великого хана из рода Чингиса — ведь цинские императоры подчеркивали свое родство с ним. Однако упадок Цинской династии делал более популярной идею выдвижения общемонгольского лидера из монголов-Чингисидов. Такой фигуры не оказалось: власть и авторитет феодалов к тому времени слишком ослабли, а сами они были сильно разобщены. Альтернативой не стал и демократический проект: антифеодальные движения аратов носили стихийный характер, не имели четкой программы и идеологии. В некоторых местах араты создавали органы самоуправления (дугуйланы), но не делали попыток государственного строительства или смены общественного строя.

Реальная альтернатива была другой: независимость под эгидой теократической власти или китаизация под эгидой монгольских коллаборационистов. Результатом стало формирование в общественном сознании идеи теократической монархии. Был и образец — государство Тибет, откуда выводилась преемственность высших лам Монголии. Возник проект создания союзного государства Монголии и Тибета (при возможном главенстве Далай-ламы), но он не получил дальнейшего развития.

Наиболее эффективной оказалась идея монгольской теократической монархии. Центром ее стала Внешняя Монголия — в связи с тем, что общество там было наиболее традиционным и религиозным, церковь наиболее централизована, теократия наиболее развита, а население наименее китаизировано. Кроме того, во Внешней Монголии к 1911 г. церковь, фактически, стала самостоятельной экономической силой, сформировались влиятельные структуры (прежде всего, подведомственные Богдо-гэгэну). Существенным фактором также была поддержка автономии со стороны Российской империи.

Среди перерожденных лам Монголии особый авторитет и влияние приобрела линия преемственности Богдо-гэгэна Джебцундамба-хутухты, в восьмом перерождении ставшего последним великим ханом Монголии².

Его легитимация основывалась на многовековой преемственности великоханской власти. В прошлом она проявилась в легитимации преемников Чингис-хана из Юаньской династии. После падения последней эта преемственность вопло-

¹ Кушелев, 1912, с. 112–113.

² «Наставник государства» Цин — Джанджа-хутухта жил в основном в Пекине и не поддерживал независимость монголов.

щалась в авторитете общемонгольских ханов. Последний из них — Лигдэн был побежден маньчжуром Абахаем и умер в 1634 г. В 1636 г. часть монголов возвела Абахая великим ханом (Богдо-ханом, Богдыханом — т.е. императором), а родственники Лигдэна передали ему то, что считалось печатью юаньской династии. Таким образом состоялась символическая передача великоханской власти от монарха монголов к монарху маньчжуров.

Условия подчинения монголов маньчжурам были нарушены цинской «новой политикой» в конце XIX — начале XX вв. Возводя Джебцзундамба-хутухту VIII новым Богдо-ханом, монголы следовали все той же традиции преемственности. На этот раз «перенос империи» произошел от маньчжуров обратно к монголам.

После смерти Богдо-гэгэна VII — при поисках Богдо-гэгэна VIII монголы хотели, чтобы он был не халхасцем, а тибетцем, как раньше¹. Это позволяло избежать соперничества между ними в тот критический период. Хотя Богдо-гэгэн VIII родился тибетцем, а не монголом, при возведении великим ханом его преемственность от Чингисида — Богдо-гэгэна I легитимировалась линией перерождений, а не кровным родством. При этом сам Богдо-гэгэн I, будучи ламой школы Гэлуг, являлся перерождением Таранатхи — высшего ламы школы Джонанг, имевшего связь со школой Сакья, высшие ламы которой в прошлом были «наставниками государства» Юань. Так выстраивалась преемственность власти по двум линиям: мирской и церковной. Соответственно, воссоздаваемое государство Монголия претендовало на преемственность от империй Чингис-хана, Юань и, частично, Цин — но при этом в рамках монгольских территорий.

Церемония интронизации Богдо-хана монголов в 1911 г. сочетала традиции возведения великих ханов из рода Чингиса и буддийских монархов. Высшая власть в теократической Монголии теперь обозначалась так же, как в теократическом Тибете — как религиозная и светская вместе. Такое сочетание соответствовало новому взгляду монголов на легитимность власти, который формировался у них с XVI в.

Провозглашение независимости Монголии в 1911 г. не было революцией в смысле смены одной общественной формации на другую. Это было национально-освободительное движение за независимость, феодализм и абсолютную теократическую монархию.

Богдо-гэгэн — источник легитимности государства Монголия в новое время. Легитимность его опиралась на традиционную систему ценностей, общенародную поддержку, политический и духовный авторитет². Иными словами, по классификации М. Вебера, это было сочетание традиционной и харизматической моделей легитимности власти³. Соответственно, правительство, действовавшее под его верховным руководством, также было легитимным.

Развал империи Цин дал монголам новое основание для независимости, т.к. они подчинялись династии Айсинь Гиоро, а не покоренному ею Китаю. Более того:

¹ Позднеев, 1896, т. 1, с. 551.

² Кузьмин, 2006, с. 107–112.

³ Вебер, 1990, с. 646–647.

есть сведения, что Абахай, приняв от монголов великоханский титул, обещал им, что в случае падения Цинской династии они вернутся к своим прежним законам.

Китайская республика была создана как национальное государство ханьцев, в интересах которых ханьские националисты разработали концепцию «республики пяти рас», с «национальными меньшинствами» в составе «единой китайской нации». Эта концепция была создана в начале XX в. под влиянием западного национализма, механистических эволюционных воззрений того времени и представлений ханьцев о себе и области своего распространения. Используя эту концепцию, несостоятельную в научном отношении, национальное государство ханьцев приобрело почти всю территорию разрушенной империи Цин — не вследствие непрерывности существования единого государства, а вследствие оккупации более слабых соседей.

Претензии Китайской республики на Монголию были необоснованны, т.к. Китай тоже был частью империи Цин. Однако Китайская республика была признана державами как преемник этой империи на основе экономической и политической целесообразности. Важную роль сыграло и принятие Западом концепции «китайских династий», отрицающей возможность потери Китаем государственного суверенитета. Внешняя Монголия смогла избежать безусловного включения в состав Китая благодаря поддержке России.

Первым было Российско-монгольское соглашение (договор) от 21 октября/3 ноября 1912 г., заключенное при непосредственном содействии императора Николая II. Оно положило начало международному признанию Монголии как независимого государства. В русском и монгольском текстах соглашения, имевших равную силу, есть различия: в русском тексте обозначена автономия, в монгольском — независимость. На этой основе монголы правомерно трактовали данный документ как признание независимости (см. гл. 4).

23 октября/5 ноября 1913 г. состоялось подписание Российско-китайской декларации по Внешней Монголии, где фиксировалась ее автономия. Монголия правомерно не признала эту декларацию, т.к., будучи уже формально признана независимым государством, не участвовала в ее подписании.

Автономия Внешней Монголии была легитимно закреплена трехсторонним Кяхтинским соглашением 25 мая/7 июня 1915 г. Но при этом она сохранила государственность: автономия означала не вхождение в состав Китая, а его сюзеренные права. Согласно французскому варианту соглашения (имевшему приоритет), Богдо-гэгэн титуловался «ханом», а монгольский вариант позволяет однозначно трактовать его титул как великий хан. Иными словами, в этом документе не отрицалась преемственность великоханской власти.

Со времени провозглашения Китайской республики ее руководство имитировало власть над Внешней Монголией на основе концепции «пяти рас Китая»: включение в его правительственные структуры «представителей Халхи», издание законодательных актов для нее и т.п. Некоторые республиканские церемонии имитировали цинские: дарование дипломов, печатей и титулов Богдо-гэгэну, Джанджахутухте и нойонам. Это было неправомечно, т.к. президент — должность выборная,

он может быть неверующим, не имеет связи с духовенством и сакрального значения (на которое претендовали цинские императоры), не является частью феодальной иерархии. Поэтому он не имеет права инвеституры и какой-либо церковной власти. Руководители Внешней Монголии старались избегать такого вмешательства.

В период 1911–1921 гг. монгольская теократия достигла максимального развития. Ее политико-экономическая мощь росла, все более превосходя таковую феодалов. Характерно, что недовольство усилением теократии проявляли в основном феодалы, доходы которых уменьшались. Как и раньше, народных восстаний против духовенства не было.

Как показывает опыт мировых религий, вовлечение религиозных деятелей в мирские дела — неизбежный процесс при институционализации церкви. Связан он с тем, что религия апеллирует к духовному миру как альтернативе материального, а институционализация неизбежно вовлекает в материальный мир. Логическим завершением ее становится теократия. Она является надстройкой над церковью также, как церковь — надстройкой над религией. Вопрос состоит в том, каковы результаты этого. В Монголии они способствовали укреплению веры, духовному совершенствованию народа и восстановлению независимости страны. Высшие теократы были в значительной мере самостоятельны, т.к. с цинского времени рост их авторитета и богатства делал их монастыри местными центрами, значимость которых становилась тем больше, чем больше был авторитет того или иного теократа. Но после 1911 г. права жалования титулов и печатей перешли от маньчжурского императора к Богдо-гэгэну, что означало консолидацию страны и централизацию в ней светской и духовной власти.

Духовенство составляло отдельную социальную группу, которую некорректно делить по ленинскому принципу на эксплуататоров и эксплуатируемых. Как показано выше, «духовных феодалов» в Монголии не было: все феодалы были мирянами. Термин «шабинары» означает учеников, которые не были крепостными. Повиновение шабинаров ламам следовало из буддийского канона, а не из феодальных отношений крепостничества. Подданные феодалов (хамджилга), по отзывам очевидцев, к началу XX в. уже не были крепостными в точном смысле этого слова. Но они предпочитали становиться шабинарами, т.к. это давало материальные преимущества, не говоря о духовных.

По мнению коминтерновцев, до революции 1921 г. около 30% монголов составляли крепостные, а 50% мужского населения — ламы, «что составляло неслыханный в мире реакционный балласт и тормоз прогресса страны»¹. Такие оценки не были изобретением красных. Еще Н.М. Пржевальский писал: «Ламское сословие составляет самую страшную язву Монголии, т.к. занимает лучшую часть мужского населения, живет паразитом за счет остальных собратий и, своим безграничным на них влиянием, тормозит народу всякую возможность выйти из того глубокого невежества, в которое он погружен»².

Эти обвинения неверны по следующим причинам.

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 44, л. 116.

² Пржевальский, 1875, с. 56.

Во-первых, в XX в. крепостных там уже не было. Во-вторых, 50% мужского населения — это, по-видимому, все, кто имел те или иные обеты. Из этих 50% лишь часть жила в монастырях. Очевидно, до революции в Монголии ламы, жившие в монастырях временно или постоянно составляли примерно 1/5 (см. табл. 4) или 1/6 населения¹. По другим данным, в 1919 г. не более трети лам постоянно жили в монастырях². Часть из них и те, кто жил вне монастырей, были вовлечены в мирской труд.

В-третьих, понятия «невежество» и «прогресс» относительны, т.к. зависят от субъективно выбранных критериев. Система ценностей монголов (и тибетцев) была не лучше и не хуже, чем в Европе или Китае — она была другой. Эти народы не считали свой традиционализм «невежеством и реакцией», которые надо ликвидировать во имя «прогресса». Люди, воспитанные в рамках других цивилизаций, не понимают этого.

Монголы (как и тибетцы) не воспринимали духовенство как обузу. Монахи — не бездельники, а созидатели общественного благополучия, нравственного здоровья и стабильности. В Монголии и Тибете продуктивность экосистем низкая, сельское хозяйство малопродуктивное. Численность населения в этих условиях должна быть низкой. Благодаря высокой численности монахов снижалась рождаемость. Кроме того, старых монахов кормил монастырь, и они не становились обузой для своих семей. Поскольку деньги на монастырь жертвовало общество, это было своеобразное пособие по старости.

Система низкопродуктивного сельского хозяйства позволяла существовать в гармонии с природой, избегать экологических кризисов и голода. Противопоставление человека и природы было чуждо монголам и тибетцам. Согласно буддизму, важен отказ от чрезмерного потребления и переэксплуатации ресурсов. Это выражалось в системе запретов, касавшихся охоты, распашки земли, добычи полезных ископаемых, рубки деревьев, в охране священных мест и т.д. Это хорошо сочеталось с преимущественно кочевым сельским хозяйством Монголии, которое могло устойчиво существовать лишь при низкой плотности населения и скота, минимизирующей воздействие на экосистемы. В результате природная обстановка в Монголии (и Тибете) была относительно благополучной. Экологические проблемы начались с социалистической трансформацией общества и усугубились в последние десятилетия с развитием капитализма³.

Оккупация Внешней Монголии и отмена ее автономии генералом Сюй Шучжэном в 1919 г. были незаконными, т.к. нарушали обязательства Китая по Кяхтинскому соглашению 1915 г. Представители омского белого правительства возражали против этого, а большевики отказались от Кяхтинского соглашения, при этом, фактически, декларировав право Монголии на самоопределение.

Вместе с тем, большевики в то время рассматривали Внешнюю Монголию лишь как путь революционизирования Китая и не собирались восстанавливать

¹ Пүрэвжав, Дашжамц, 1965, с. 6.

² Майский, 1921, с. 100.

³ Kuzmin, 2013a, p. 233.

ее независимость или автономию. Ни одно из правительств — красных или белых — претендовавших в то время на власть в России, не выразило согласие на присоединение Внешней Монголии к Китаю. «Просьба» монгольской Верхней палаты об этом не стала легальной основой отмены автономии, т.к. она была получена китайцами под угрозой силы и не была санкционирована легитимным монархом — Богдо-ханом.

Барон Р.Ф. Унгерн изгнал китайских оккупантов из Внешней Монголии, действуя с санкции Богдо-хана, и восстановил его власть. Фактически, он восстановил не автономию, а независимость Внешней Монголии. Монгольская государственность была бы потеряна без вторжения Унгерна.

Тезис о наличии в дореволюционной Монголии «антагонистического противоречия между всей феодальной системой и потребностями общественного развития»¹ не подтверждается (см. гл. 5). Конечно, эта система не способствовала быстрому развитию производительных сил и производственных отношений, но она могла существовать неопределенно долго без вмешательств извне. Развитие шло, но медленно, а отсутствие восстаний против феодально-теократической системы говорит об отсутствии социального запроса на ее изменение. Конечно, в монгольском обществе, как и в любом другом, были и есть противоречия. Но в традиционных обществах они приводят к революции при воздействиях извне — что и произошло в Монголии, где внутренних причин для революции не было. Лишь в начале XX в. там появились очень небольшие группы тех, кто хотел реформ, но не смены общественного строя.

Из этих кружков, признававших буддизм и легитимность Богдо-хана, и возникла МНП. Она была изначально чужда социалистической идеологии. Внедрение последней в эти кружки начали члены пробольшевистских управы и думы российской колонии в Нийслэл-хурэ. Эти управа и дума приветствовали революционные перевороты 1917 г. в России, сотрудничали с китайскими оккупантами и были первыми, кто начал экспорт революции в Монголию.

В МНР и СССР считалось, что революционное реформирование общества и социалистическая ориентация были выбором монгольского народа. Сейчас в Монголии и на Западе распространено другое мнение: выбором монголов была демократия, а советское вмешательство воспрепятствовало ей. В действительности в начале XX в. и социализм, и демократия были в целом неизвестны народу страны. Выбором феодалов и духовенства, который разделяли остальные слои общества, был традиционализм под теократической властью Богдо-гэгэна VIII.

Революцию 1921 г. до 1990-х гг. обычно называли «народной», или «аратской» (монг.: ардын хувьсгал), в настоящее время — «национально-демократической». Ее поднял не народ, а немногочисленная партия, созданная бывшими ламами, чиновниками и мелкими феодалами, которая пришла к власти с помощью большевиков. С утверждением, что революция 1921 г. в Монголии была восстанием аратов против китайцев², также нельзя согласиться. Против китайцев восстали

¹ Гольман, 1970, с. 130.

² Напр., РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 143, л. 8.

представители всех слоев общества: араты, ламы и феодалы (за небольшим исключением).

МНП подняла «аратские массы» на борьбу с белогвардейцами, вытесненными из советской России в Монголию, приравнивая последних в сознании народа к китайским оккупантам под лозунгами национального освобождения. Что касается смены общественного строя, то революционная риторика ранней МНП касалась лишь феодалов, а из теократов — лишь тех, кто в свое время признал китайскую оккупацию.

Правительство Российской империи, лично Николай II, помогая Внешней Монголии обрести автономию (а фактически — независимость), стремились не к ее реформированию, а к сохранению традиционализма и теократической системы. Это позволяло избегать там излишней напряженности и конфликтов, способствовало положительному отношению к России со стороны всех слоев монгольского общества. У советского руководства был другой подход. Он не только отражал идеологему «освобождения народа от эксплуататоров», но и предполагал единомыслие монгольского народа с советским. Поэтому советское руководство было готово помогать Монголии лишь с условием социальной революции, реформ, направленных на строительство социализма, высшая ступень которого — коммунизм.

Коммунистическая доктрина, реализация которой стала основой политики ряда идеократических государств, выполняла там функцию государственной религии, претендовавшей на монополию на истину, легитимируя тем самым власть правящих партий. Традиционализм и религии — тем более связанные с теократией — ее конкуренты, т.к. препятствуют этой легитимации. Результатом стал советский, монгольский, китайский и другие варианты тоталитаризма. Эти режимы всегда декларировали, что выступают от имени народов, что ликвидация монархии, традиционализма и религии — тоже выбор народов. Это не соответствует истине.

Целью МНП изначально была независимость Монголии от Китая. Реформы, судьба традиционализма и религии для нее были вторичны. Это проявилось уже во время первого визита монгольских революционеров в СССР в 1920 г.: под давлением большевиков они были вынуждены заменить официальное письмо, заверенное Богдо-гэгэном VIII, на собственное, составленное под влиянием коминтерновцев. Тем не менее, в ряде последующих документов МНП апеллировала к этому письму Богдо-гэгэна, к авторитету монарха и религии. Это неудивительно: в то время монгольский народ считал легитимной властью именно Богдо-гэгэна. На первых порах МНП нуждалась в такой легитимации. Поэтому МНП и РКП(б) не решились его свергать.

Весной 1921 г. во Внешней Монголии установилось фактическое двоевластие: на небольшой территории северной части страны был установлен контроль самопровозглашенного временного народного правительства, которое руководствовалось рекомендациями РКП(б) и Коминтерна, тогда как остальную территорию контролировало легитимное монархическое правительство Богдо-хана в Нийслэл-хурэ, восстановленное Унгерном. Это двоевластие было устранено через не-

сколько месяцев в результате разгрома белогвардейских войск частями Экспедиционного корпуса Красной армии и передачи власти от правительства Богдо-хана к временному народному правительству.

Итак, вскоре после того, как красные заняли Нийслэл-хурэ, теократическое правительство по требованию МНП передало ей власть. Затем последовал «Клятвенный договор», окончательно лишивший Богдо-хана светской власти. Об этом документе пишут: «Это, так сказать, первый конституционный акт новой Монголии»¹. Конституция должна устанавливать основы политической, правовой и экономической системы. Но «Клятвенный договор» лишь ограничивал власть Богдо-хана в пользу МНП односторонним актом этой партии. Поэтому его нельзя считать конституционным актом², и его законность в целом сомнительна.

Демонтаж теократической власти во Внешней Монголии в первые годы правления МНП сводился к выведению правительства из-под религиозного контроля, ограничению власти нойонов и тех теократических структур, на которых держалась монархия (Шабинское ведомство и др.). В тот период контроль МНП был недостаточен для ликвидации власти теократов на местах. Поэтому МНП старалась заручиться их лояльностью, одновременно усиливая свой контроль.

После смерти Богдо-гэгэна VIII в 1924 г. народное правительство признало государственную преемственность народной Монголии от теократической. Хотя Монголия была объявлена народной республикой, церковь продолжала оказывать регулирующее влияние на общество посредством своего авторитета, традиций и обычаев. Иными словами, с провозглашением республики теократия не исчезла — было ликвидировано лишь ее верхнее звено в виде монархии. «На местах» ее власть формально отсутствовала, но фактически в значительной мере сохранялась.

Политика МНП формировалась под контролем большевиков. Последние обратили внимание на Монголию как на плацдарм для продвижения мировой революции на восток во многом благодаря Э.-Д. Ринчино³. Вместе с рядом других бурятских национальных демократов он пытался использовать большевиков для продвижения своей версии панмонголизма на советский манер. Его панмонголистские устремления потерпели фиаско, зато он и его соратники внесли важный вклад в уничтожение традиционализма, монархии, религии, национальной культуры Монголии.

До начала «левого курса» крупных конфликтов власти и церкви не было, хотя после смерти Богдо-гэгэна VIII и провозглашения МНР реформы ускорились, и МНРП неуклонно проводила курс на вытеснение феодалов и теократов из структур власти, на свой контроль над церковью и на пресечение попыток ее централизации.

¹ Монгольское законодательство, 1928, с. IV. Официальный перевод явно сделан коминтерновцами, а затем одобрен МНРП. Это выдает предисловие редакции (А. Климов, П. Всесвятский, Д. Музыкантский), напр.: «Осуществление этой формулы приобретает здесь особый, восточный колорит» (там же, с. IV–V).

² Кузьмин, 2015б, с. 195.

³ Жабаяева, 2001, с. 185.

Важным этапом стало отделение церкви от государства. Но при этом государство не должно было вмешиваться в дела церкви, тем более что партии марксистской ориентации декларируют атеизм и движение к «изживанию» религии, а не к ее поддержке. Этого, однако, не произошло. Серьезным нарушением Конституции МНР и Закона об отделении церкви от государства стал запрет на поиски новых хубилганов. Кроме того, этот запрет противоречил воле большинства духовенства и, по крайней мере, значительной части населения страны.

Нарушали принцип отделения церкви от государства и действия властей по ее «улучшению» изнутри. Для этого власти использовали движение «обновленцев». Вынося внутрицерковные дела на обсуждение народа и пытаясь опереться на помощь властей в деле «улучшения» церкви, это движение потерпело крах, но внесло вклад в раскол духовенства и дискредитацию религии — чего и добивались революционеры. В результате «обновленцы», сами того не желая, помогли властям в их антирелигиозной деятельности¹. К сотрудничеству духовенства со сторонниками коммунизма применимо высказывание Цонкапы: «Нельзя входить в согласие с теми, кто не верит в Три Драгоценности как в Прибежище и злословит против них»².

Вектор политики, общественного устройства, идеологии и экономики Монголии определяли большевики, а монгольское правительство, руководимое МНРП, принимало решения на фоне давления, уклонов и ошибок. Из-за отсутствия средств, знаний и опыта государственного строительства и международных отношений, оно руководствовалось рекомендациями руководства СССР и Коминтерна, в том числе под их давлением. Конечной целью этих рекомендаций было благо основной массы населения Монголии так, как его понимала коммунистическая верхушка СССР. Тех, кто противоречил такому курсу, репрессировали или отстраняли. В результате этого «отбора» формировалось руководство, абсолютно лояльное большевикам.

Соответственно, Коминтерн навязал МНР «левый курс», направленный на форсирование социалистических реформ по советскому образцу. Результатом стал рост числа заговоров и восстаний, беспрецедентный в новой истории Монголии. Характерно, что одновременно с восстаниями в МНР в 1930 и 1932 гг. происходили восстания в соседней Туве, где также имел место «левый уклон», сопровождавшийся уничтожением религии.

Восстания начала 1930-х гг. показали, что влияние теократии на местах все еще столь существенно, что представляет угрозу власти МНРП. В связи с этим, согласно сталинским указаниям, «левый уклон» был заменен на «новый курс».

«Левый уклон» Сталин считал менее вредным, чем «правый» и допускал возвращение во власть «леваков». Чойбалсан, раньше не числившийся «левым», оказался тем, кто лучше других смог выполнять сталинские «советы» в ходе «нового

¹ Возможно, «обновленцам» было бы лучше использовать не государственную власть, а собственный пример, по изречению Будды: «Пусть смотрит он не на ошибки других, на сделанное и несделанное другими, но на сделанное и несделанное им самим» (Дхаммапада, 1960, с. 67).

² Чже Цонкапа, 2010, т. 1, с. 238.

курса». Сам он был панмонголистом, но не смог добиться реинтеграции Внешней и Внутренней Монголии.

Чойбалсан принял наиболее эффективный способ ликвидации теократии: существование духовенства сделало невозможным экономически, при одновременной массированной пропаганде и репрессиях (прежде всего, против высших лам), действиях по переселению монастырей от границы (фактически, означавших их закрытие). В этот период окончательно выявилась цель Сталина и Чойбалсана: ликвидация не «реакционной верхушки ламства», а религии в целом. Именно высшие ламы составляли наиболее образованную и организованную часть духовенства, на которой держался буддизм в Монголии. Документы показывают, что среди репрессированных преобладали высшие и наиболее образованные ламы — хубилганы, габджу, обладатели других ученых степеней, да-ламы и т.д.¹

Постоянно повторявшиеся в документах МНРП и ВКП(б) требования агитации и пропаганды религиозной политики партии среди народа ставили целью, прежде всего, подорвать влияние теократии и окончательно легитимировать новую власть. Хотя отдельные духовные лица поддерживали контакты с враждебными МНРП зарубежными силами, нет доказательств того, что восстания и заговоры были организованы или поддерживались этими силами, а повстанцы желали ликвидации независимости Монголии. О помощи со стороны Панчен-ламы и Японии говорилось лишь в лозунгах повстанцев 1930–1932 гг., но доказательств ее получения нет.

Однако фальшивые обвинения в этом фигурировали в приговорах участникам тех восстаний, наряду с подтвержденными фактами обвинениями в их борьбе против власти, убийствах ее представителей и сторонников, разрушениях имущества. Однако к признаниям, не основанным на фактах, но приводившим к более тяжким приговорам, следует относиться с осторожностью, как полученным под принуждением. Кроме того, надо учитывать, что сами восстания 1930-х гг. были прямым следствием действий властей, вызывавших широкий протест народа, который не имел других способов улучшить ситуацию.

В период «больших репрессий» процессы над ламами тоже строились на обвинениях в заговорах и борьбе против властей с помощью из-за границы. Теперь такие дела фальсифицировались полностью.

Вместе с тем, именно Сталин обеспечил сохранение и международное признание независимости Монголии. В тот период не было другой силы, которая могла и желала бы сделать это. В этом смысле можно сказать, что ликвидация религии в МНР стала платой за сохранение ее независимости. МНР была нужна Сталину как абсолютно лояльное буферное государство, хотя нельзя исключать и его личной благодарности Чойбалсану за безоговорочную поддержку. Этот период, ознаменовавшийся победой МНР и СССР над Японией при Халхин-голе, можно считать временем окончательной легитимации власти МНРП. Ее конкурент —

¹ Большое число репрессированных марамб отражает борьбу с тибетской медициной, проводившуюся в МНР с 1930 г. И в СССР борьба с тибетской медициной проходила в те же годы (Синицын, 2013, с. 184–189).

церковь — была полностью ликвидирована, а новая власть показала свою способность к государственностроительству.

В 1949 г. религию в МНР вновь разрешили и открыли монастырь Гандантэгченлин (через четыре года после того, как в СССР буддизм был разрешен и открылся Иволгинский дацан). С тех пор церковь в МНР действовала под строгим контролем государства, а после революции 1990-х гг. смогла развиваться более свободно. Однако прежней силы и влияния она уже не могла достичь, а теократия не возродилась.

В настоящее время, в связи с растущей экономической экспансией КНР, потеря национальной самобытности и, в будущем, независимости становится одной из главных угроз национальной безопасности Монголии. Эффективным препятствием мог бы быть буддизм, но это не реализуется¹. За время правления МНРП влияние буддизма было подорвано, но на его место не пришла другая идеология, которая бы консолидировала монгольский народ. После демократической революции 1990 г. буддизм не смог восстановить былые позиции. Сейчас значительная часть населения (24,3%) — атеисты, верующих 75,5%. Из них велика доля шаманистов (16%) и христиан (7%); незначительную долю составляют мусульмане (0,8%) и «остальные» (8,2%); буддисты составляют 68,1%. В целом, буддистов немногим более половины всего населения².

Вместе с тем, несмотря на все коллизии последнего столетия и смены общественного строя, все высшие руководители Государства Монголия: Богдо-хан, революционеры и демократы никогда не поступались независимостью своей страны от Китая. Эта идея продолжает объединять монголов. В ней проявляется преемственность МНР и современного Государства Монголия от теократической монархии Многими Возведенного, провозглашенной 29 декабря 1911 г.

¹ Восстановлению монастырей там почти не помогает государство (не говоря уже о МНП, под руководством которой эти монастыри уничтожались). Очевидно, МНП гораздо богаче буддийской церкви Монголии (напр., роскошный “Дворец независимости” на месте сожженного протестующими демонстрантами здания ЦК МНП был построен всего за пару лет), эта партия остается одной из самых богатых и влиятельных политических сил. Однако конфискованное церковное имущество почти не компенсировано государством, попытки отменить высокие налоги на сбор средств ламами блокируются бюрократами, идея объявить мораторий в 25 лет на иностранную религиозную деятельность в стране (Mullin, 2011, p. 57–67) не реализована. Почти все монастыри продолжают лежать в руинах и лишь кое-где медленно восстанавливаются за счет прихожан.

² Батмагнай, 2013, с. 222.

Источники

Архивы и музеи

- АВ — Архив востоковедов С.-Петербургского филиала Института востоковедения РАН.
- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи (в том числе фонды МК — МИД; Канцелярия; КС — Китайский Стол; МП — Миссия в Пекине), Москва.
- АВПРФ — Архив внешней политики Российской Федерации, Москва (в том числе фонды РМ — Референтура по Монголии).
- АРСС — Адзиа рэкиси сиryo сэнта (Japan Center for Asian Historical Records — содержит материалы по Унгерну из военного архива и архива МИД Японии), Токио.
- Архив востоковедов С.-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, Санкт-Петербург.
- Булган хотын музей, Булган.
- БХТА — Батлан хамгаалахын төв архив (Архив министерства обороны), Улан-Батор.
- ГАИО — Государственный архив Иркутской области, Иркутск.
- Гандантэгченлин-хийд (монастырь Гандантэгченлин), Улан-Батор.
- ГАНО — Государственный архив Новосибирской области, Новосибирск.
- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва.
- ГАЧО — Государственный архив Читинской области, Чита.
- ГМСИР — Государственный музей современной истории России, Москва.
- Государственная публичная научно-техническая библиотека, Новосибирск.
- Государственные архивы документов по личному составу Республики Бурятия, Иркутской, Новосибирской и Читинской областей.
- Государственный архив новейшей истории Иркутской обл., Иркутск.
- Государственный архив Приморского края, Владивосток.
- Государственный архив Томской области, Томск.
- Государственный архив Хабаровского края, Хабаровск.
- Государственный исторический музей, Москва.
- Дворец-музей Богдо-гэгэна, Улан-Батор.
- Институт востоковедения РАН, Москва.
- Иркутский областной краеведческий музей, Иркутск.
- Кяхтинский краеведческий музей, Кяхта.
- Личный архив Веры Хатчер, США.
- МБШТ — Монголын Бурхан Шашинтны төв, Гандантэгченлин хийд (Монгольский Буддийский центр, монастырь Гандантэгченлин), Улан-Батор.
- Минусинский региональный краеведческий музей им. Мартьянова, Минусинск.
- МСА — Монголын санхуугийн архив (Финансовый архив Монголии), Улан-Батор.
- МТМ — Монголын түүхийн музей (Исторический музей Монголии), Улан-Батор.
- Музей истории Бурятии им. Хангалова, Улан-Удэ.
- Музей истории Сибирского военного округа, Новосибирск.
- МУУТА — Монгол Улсын Үндэсний төв архив (Центральный национальный архив Монголии, в том числе фонд МБТ — МАН-ын баримтын төв — Архив МНП), Улан-Батор.
- МЦР — Музей-центр Рерихов, Москва.
- Национальный архив Республики Бурятия, Улан-Удэ.

Новосибирский городской архив, Новосибирск.

РГАВМФ — Российской государственный архив военно-морского флота, С.-Петербург.

РГАКФД — Российский архив кино- фотодокументов, г. Красногорск.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства, Москва.

РГАСПИ — Российский государственный архив социальной и политической истории, Москва.

РГВА — Российский государственный военный архив, Москва.

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив, Москва.

Региональные управления ФСБ по Иркутской и Новосибирской областям.

Российский государственный архив кинофотодокументов, Красногорск, Московская область.

Российский государственный архив новейшей истории, С.-Петербург.

Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, Владивосток.

Российский государственный исторический архив, С.-Петербург.

Русское Зарубежье (фонд и библиотека), Москва.

Собрание М.Ю. Блинова, Москва.

Сэлэнгэ аймгийн музей (Музей Селенгинского аймака), Алтан-Булак.

ТХА — Түүхийн хүрээлэнгийн архив, Монгол Шинжлэх Ухааны академи (Архив Института истории АН Монголии), Улан-Батор.

УТА: КГДТ — Кино, гэрэл зураг дуу авианы баримтын төв (Центр кино-, фото- и аудио документов), Улан-Батор.

УТХ — Улс төрийн хилс хэрэгт хэлмэгдэгсдийн дурсгалын музей (Мемориальный музей жертв политических репрессий), Улан-Батор.

УФСБ по Иркутской обл., Иркутск.

УФСБ по Новосибирской обл., Новосибирск.

УФСБ по Омской обл., Омск.

УЦМ — Улсын цэргийн музей (Государственный военный музей), Улан-Батор.

ЦАФСБ — Центральный архив ФСБ России, Москва.

ЦМВС — Центральный музей вооруженных сил России, Москва.

Читинский областной краеведческий музей им. А.К. Кузнецова, Чита.

Central Tibetan Administration, Дхарамсала.

Eesti Ajaloearchiv, Bibliothek des Ungern-Sternberg-Archivs, Таллин.

Hoover — Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Стэнфорд, Калифорния.

IMHAS — Institute of Modern History, Academia Sinica, Тайбэй.

Muzeum Literatury, Варшава

TNA — The National Archives, United Kingdom.

Russian Center, Сан-Франциско.

UNLV — UNLV Libraries (<https://www.library.unlv.edu/>), DS773.89 .U65 1983 U.S. military intelligence reports. China, 1911-1941, reel 6, frames 691-8, 30 March 1921.

Газеты

Амурская правда (Благовещенск)

Аргументы факты Сибирь (Новосибирск)

Ардын цэрэг (Улан-Батор)

Ардын эрх (Улан-Батор)

Безбожник (Москва)

Боец (Чита)

Боец и пахарь (Чита)

Бюллетень МОНТА (Урга)

Вечер (Владивосток)

Вечерняя газета (Владивосток)

- Владиво-Ниппо (Владивосток)
 Власть труда (Иркутск)
 Военная мысль (Харбин)
 Возрождение Азии (Тяньцзин)
 Воля России (Прага)
 Восточная окраина (Чита)
 Восточно-Сибирская правда (Иркутск)
 Вперед (Харбин)
 Время (Берлин)
 Голос труда (Владивосток)
 Гун-Бао (Харбин)
 Дальневосточная правда (Чита)
 Дальневосточная республика (Верхнеу-
 динск, затем Чита)
 Дальневосточная трибуна (Владивосток)
 Дальневосточный телеграф (Чита)
 Дружба народов (Харбин, Фуцзянь)
 Забайкальская новь (Чита)
 Забайкальский рабочий (Чита)
 Зарницы (Константинополь)
 Заря (Урга)
 Заря (Харбин)
 Зууны мэдээ (Улан-Батор)
 Известия (Москва)
 Ил товчоо сонин (Улан-Батор)
 Иркутский рабочий (Иркутск)
 Казачье эхо (Чита)
 Комсомольская правда (Москва)
 Красная звезда (Москва)
 Красное знамя (Владивосток)
 Красное Прибайкалье (Верхнеудинск)
 Красный пахарь (Иркутск)
 Литературная газета (Москва)
 Маньчжурия (Харбин)
 Монгол үнэн сонин (Улан-Батор)
 Монголын Үнэн (Иркутск)
 Монголын Үнэн (Монголын Үнэн: 1920–
 1921; Уриа: 1921–1922, Ардын эрх —
 1923–1925, Үнэн: с 1925)
 Монголын сонин бичиг
 Мысль (Владивосток)
 Набат (Владивосток)
 Накануне (Берлин)
 Народная воля (Владивосток)
- Наш путь (Чита)
 Независимая газета (Москва)
 Нийслэл таймс (Улан-Батор)
 Новое время (Белград)
 Новое время (С.-Петербург)
 Новое русское слово (Нью-Йорк)
 Новости жизни (Харбин)
 Новости Монголии (Улан-Батор)
 Новый путь (Рига)
 Общее дело (Париж)
 Понедельник (Харбин)
 Последние известия (Ревель)
 Последние новости (Париж)
 Правда (Москва)
 Право (Петроград)
 Прибайкалье (Верхнеудинск)
 Прибайкальская правда (Верхнеудинск)
 Россия (Харбин)
 Русский Восток (Чита)
 Русский голос (Харбин)
 Русское обозрение (Пекин, Харбин)
 Русское слово (Москва)
 Русское эхо (Шанхай)
 Свет (Харбин)
 Сибирская жизнь (Томск)
 Сибирский красноармеец (Омск)
 Сибирь (Иркутск)
 Слово (Владивосток)
 Советская власть (Чита)
 Советская Россия (Москва)
 Советская Сибирь (Омск, Новониколаевск)
 Сумерки (Владивосток)
 Ургинская газета (Урга)
 Уриа (Урга)
 Утро России (Владивосток)
 Үнэн (Улан-Батор)
 Харбинский вестник (Харбин)
 Хураангуй сэтгүүл (журнал) (Улан-Батор).
 Шанхайская жизнь (Шанхай)
 Manchuria Daily News (Дайрен)
 New York Times (Нью-Йорк)
 North China Herald (Шанхай)
 Peking and Tientsin Times (Пекин)
 Peking Daily News (Пекин)

Литература

На русском языке

- VI конгресс Коминтерна. 1929. Стенографический отчет. Вып. 6. М.: Госиздат.
- Амар. 1937. Вредительство в государственных, хозяйственных и культурных органах страны и наши задачи в ликвидации последствий вредительства // *Соврем. Монголия*. № 6 (25).
- Андреев А.И. 2006. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: СПб. ун-т – Нартанг.
- Андросов В.П. 2000. Буддизм Нагарджуны. Религиозно-философские трактаты. М.: Восточн. литер.
- Андросов В.П. 2008. Буддийская классика Древней Индии. Слово Будды и трактаты Нагарджуны в переводах с палийского, санскритского и тибетского языков с толкованиями. М.: Открытый мир.
- Арзуманов И.А. 2009. Нормативно-правовая стратификация буддизма в контексте вероисповедной политики России XX–XXI вв.: понятийно-семантический аспект // *Сибирск. юрид. вестн.* № 1 (44).
- Архивы Кремля и Старой площади. Документы по “Делу КПСС”. 1995 / Кудрявцев И.И., сост. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Аюшеева М.В. 2008. Распространение буддизма во Внутренней Монголии: деятельность Нейджи-тойна (1557–1653) и его учеников // *Гуманитарный вектор*. № 3.
- Баабар [Батбаяр Б.]. 2010. История Монголии: от мирового господства до советского сателлита. Казань: Татарское кн. изд-во.
- Базаров Б.В. 2002. Неизвестное из истории панмонголизма. Улан-Удэ: изд. Бурятск. научн. центра СО РАН.
- Базаров Б.В., Жабаева Л.Б. 2008а. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века. Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН.
- Базаров Б.В., Жабаева Л.Б. 2008б. К проблеме суверенитета Монголии после революции 1921 года // *Иркутский историко-экономический ежегодник*. Иркутск.
- Банзаров Д. 1891. Черная вера, или шаманство у монголов и другие статьи. СПб.: типогр. Имп. Академии Наук.
- Бакетова О.Н. 2009. Монголия в международных отношениях первой половины XX в.: борьба страны за независимость. Канд. дисс. Иркутск: ИрГУ.
- Балдаев Р.Л. 1971. Народное образование в МНР. М.: Наука.
- Балдано С.В. 2013. Бурятская национальная интеллигенция: формирование и становление (конец XIX – первая треть XX в.) // *Вестн. Бурятск. гос. ун-та*. Вып. 7 (история).
- Баранов А.М. 1925. Барга. Историческая справка // *Вестн. Маньчжурии*. № 8–10.
- Баранов. 1905. Монголия. Барга и Халха. Харбин: штаб Заамурского округа Пограничной стражи.
- Баранов. Б.г. Северо-восточные сеймы Монголии. Харбин: штаб Заамурского округа Пограничной стражи.
- Баранов А. 1919. Халха. аймак Цецен-хана. Харбин: типо-литогр. Охранной стражи КВЖД.

- Баранов А.Г., Зверев С.В. 2014. Причины помещения свастики на российских бумажных деньгах образца 1917 и 1918 гг. // Нумизматические чтения ГИМ 2014 г. Материалы докладов и сообщений. М. — http://www.fox-notes.ru/spravka/TXT_FN091214_MONGOLIA.htm.
- Баранов И. 1913. Китайская печать о русско-монгольском соглашении // Вестн. Азии. № 13.
- Барон Унгерн в документах и мемуарах 2004. / Кузьмин С.Л., сост., ред. М.: Т-во научн. изданий КМК.
- Батсайхан О. 2009. Монголо-русское соглашение 1912 г. // Восток. № 3. С.60–69.
- Батсайхан О. 2011а. Встречи Сталина с монгольскими руководителями в 1932–1937 гг. // Восток. № 3.
- Батсайхан О. 2013. Независимость Монголии 1911 года и Богд хаан // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX вв. Улан-Батор – Иркутск.
- Батсайхан О., Кузьмин С.Л. 2008. Основания современной монгольской государственности // Олон улс судлал. № 2.
- Баяртуева Д.Л. 2007. Творческое и духовное наследие буддийского деятеля Лубсан-Самдана Цыденова. Автореф. канд. дисс. Чита [– Улан-Удэ]: Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.
- Белов Е.А. 1995. Поддержка Россией алтайских и Кобдоских казахов в 1913 г. (по неопубликованным русским архивным документам) // Общество и государство в Китае. М.
- Белов Е.А. 1996а. Монгольская авантюра Семенова (панмонгольское движение 1919 г.) // *Анналы*. № 2.
- Белов Е.А. 1996б. Антикитайское восстание под руководством Бабучжаба во Внутренней Монголии в 1915–1916 гг. // *Анналы*. № 2.
- Белов Е.А. 1996в. Записка подполковника Генерального штаба Хитрово о Далай-ламе и его деятельности 1906 года // *Восток*. № 4.
- Белов Е.А. 1996г. Антикитайское восстание князя Удая во Внутренней Монголии // *Восток*. № 3.
- Белов Е.А. 1997. Как была ликвидирована автономия Внешней Монголии // *Азия и Африка сегодня*. № 5.
- Белов Е.А. 1999. Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М.: Восточная литература.
- Белов Е.А. 2001. Краткая история Синьхайской революции 1911–1913. М.: Восточн. литер.
- Белов Е.А. 2003. Барон Унгерн фон Штернберг: биография, идеология, военные походы 1920–1921 гг. М.: Аграф.
- Беннигсен А.П. 1912. Несколько данных о современной Монголии. СПб.
- [Бернов Э.И.]. 1891. Поездка подполковника Бернова в Монголию и Маньчжурию в 1889 г. // Сб. геогр., топогр. и стат. Матер. по Азии. Вып. 45.
- Бира Ш. 1974. Концепция верховной власти в историко-политической традиции монголов // *Studia Historica Instituti Historiae Academiae Scientiarum RP Mongoliae*. Т. 10. Fasc. 5.
- Бира Ш. 1980. Маоизм и национальный вопрос в КНР // Маоизм и национальный вопрос. Улан-Батор: Ин-т востоковедения АН МНР.
- Бира Ш., Ишжамц Н., Сандаг Ш. 1980. Маоистская фальсификация истории МНР и историческая правда. Улан-Батор: Госиздат.
- Бичурин И. 1842. О статистическом описании Китайской империи // *Журн. Мин. Нар. Просв.* № 5.
- Богословский В.А., Москалев А.А. 1984. Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М.: Наука.
- Бойкова Е.В. 2014. Российские военные исследователи Монголии (вторая половина XIX – XX века). М.: Ин-т востоковедения РАН.

- Болдонов А.Л., Башинова Т.Д., Тармаханов Е.Д. 2005. Краткий словарь-гlossарий по политологии. — <http://window.edu.ru/library/pdf2txt/926/18926/1033>).
- Ботвинник Е.Г. 1929. О путях развития народного хозяйства Монголии // Хозяйство Монголии. № 4 (17).
- Бруннарт И.С., Гагельстром В.В. 1910. Современная политическая организация Китая. Пекин.
- Будаева Т.В. 2013. Осуществление земельной реформы в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в Бурятии // Вестн. Бурятск. гос. ун-та. Вып. 7 (история).
- Бурдуков А.В. 1927. Человеческие жертвоприношения у современных монголов // Сибирские огни. № 3.
- Бурдуков А.В. 1969. В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма. М.: Наука.
- Вебер М. 1990. Избранные произведения. М.: Прогресс.
- Владимирцов Б.Я. 2002. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Восточн. литер.
- ВКП(б), Коминтерн, и национально-революционное движение в Китае. Документы, т. 1. 1920–1925 гг. 1994. М.: РЦХИНДИ – ИДВ РАН – Ун-т Берлина.
- Внешняя политика СССР. Сборник документов. 1944. Т. 2 (1921–1924 гг.). М.
- Воскресенский А.Д. 2004. Китай и Россия в Евразии. Историческая динамика политических взаимовлияний. М.: Муравей.
- Генкин И. 1928. Конец Унгерны и начало новой Монголии // Северная Азия. № 2.
- Голова Джа-ламы. — http://bumbinorn.ru/2006/02/03/golova_dzhalamy.html.
- Голубев. 1926. Воспоминания // Hoover Inst. War, Revol. and Peace, DK254/U7G662, р. 1–354 (сокр. изд. в кн.: Унгерн в документах..., 2004).
- Гольман М.И. 1970. Проблемы новейшей истории МНР в буржуазной историографии США. М.: Наука.
- Горохова Г.С. 1980. Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII – начало XX в.). М.: Наука.
- Грайворонский В.В. 2013. О торгово-экономических отношениях между Россией и Монголией в первой четверти XX в. // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX вв. Улан-Батор – Иркутск.
- Гримм Э.Д. 1927. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М.: изд. Ин-та востоковедения.
- Грумм-Гржимайло Г.Е. 1926. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л.: Ученый комитет МНР.
- Грумм-Гржимайло Г.Е. 1926. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 3, в. 1. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Л.: Русск. геогр. общ-во.
- Гунтупов А.В. 2006. Формирование идеологии Великого монгольского государства. Канд. дисс. Улан-Удэ: Ин-т монголовед., буддологии и тибетол.
- [Гэндэн П.] 1934. Из речи премьер-министра МНР на IV пленуме ЦК МНРП // Соврем. Монголия. № 1(4).
- Гюк Е.Р. 1866. Воспоминания о путешествии по Татарии. СПб.–М.
- Гюк, Габэ. 1866. Путешествие через Монголию в Тибет, к столице Тале-Ламы. М.
- Далай Ч. 1983. Монголия в XIII–XIV веках. М.: Наука.
- Далай-лама XIV Тензин Гьяцо. 2008. Сутра сердца: учения о Праджняпарамите. Элиста: Океан Мудрости.
- Далай-лама. 2014. Мое путешествие в мир духовных традиций. Об основополагающем родстве вероисповеданий. М.: фонд “Сохраним Тибет”.
- Далин С. 1924. Молодежь в революционном движении в Монголии. М.: Новая Москва.
- Дамдинов А.В. Чимитдоржиев Ш.Б. 2010. Агван Доржиев — выдающийся религиозный и общественно-политический деятель. Улан-Удэ: Бэлиг.

- Дамдинсүрэн С. 2001a. Монгольская национально-демократическая революция 1921 г. и российский фактор // Россия и Монголия: новый взгляд на историю отношений в XX в. М. Дандарон Б.Д. 2014. Избранные статьи. Черная тетрадь. Материалы к биографии. “История Кукунора” Сумпы Кенпо. 2006. М.: Евразия. — <http://lib.rus.ec>. 01.03.2014.
- Даревская Е.М. 1977. Доктор С.Б. Цыбыктаров в Монголии // Исследования по истории и филологии Монголии. Улан-Удэ.
- Даревская Е.М. 1997. Три портрета — три судьбы: исторические очерки. Улан-Батор: Агиймаа.
- Дарибазарон Э.Ч. 2008. Теократическое движение в Хоринском ведомстве Бурятии (1919–1926 гг.). Канд. дисс. Улан-Удэ: Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.
- Дацышен В.Г. 2012. Тува в русско-монгольских отношениях во время Синьхайской революции // Монголын тусгаар тогтнол ба монголчууд. Улаанбаатар.
- Дацышен В.Г. 2014. Монголия в составе Цинской империи в начале XX в. и Синьхайская революция // Россия и Монголия в начале XX в. Дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 1. Иркутск.
- Дашдаваа Ч. 2011. От демократизма к авторитаризму // Вестн. Бурятск. НЦ СО РАН. № 3.
- Дашдулам Д. 1997. Деятельность и концепции представителей левых сил в Монголии (1928–1932). Автореф. канд. дисс. Улан-Удэ.
- Дашжамц Д. 1978. Распространение и утверждение идей марксизма-ленинизма в Монголии. М.: Наука.
- Девятый съезд Монгольской Народно-Революционной Партии (28 сентября – 5 октября 1934 г.). 1934. Улан-Батор: Соврем. Монголия.
- Джамбадоржи. 2005. Хрустальное зеркало // История в трудах ученых лам. М.: Т-во науч. изданий КМК.
- Дмитриев С.В., Кузьмин С.Л. 2012. Что такое Китай? Срединное государство в историческом мифе и реальной политике // Восток. № 3.
- Дмитриев С.В., Кузьмин С.Л. 2014. Империя Цин как Китай: анатомия исторического мифа // Восток. № 1.
- Доклад И.В. Сталина на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. 1995 // Вопр. истории. № 3. — <http://istmat.info/node/29839>.
- Документы внешней политики СССР. 1958. Т. 2. М. — http://www.1000dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0015_kar&object=translation&l=ru
- Документы внешней политики СССР. Т. 3. 1959. /Белов Г.А., Гармаш Г.С., Майоров С.М., Миллер А.Ф., Садчиков И.В., Стручков А.А., ред. М.: Политиздат.
- Донесения миссии в Пекине. 1913 // Изв. МИД. Кн. 2.
- Дополнения к Актам историческим. 1857. Т. 6. № 6/III. С. 42–43. — http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1600-1620/Rus_kit1/121-140/134.htm. 12.06.2012.
- Дорж А. 1959. В первых революционных боях. Воспоминания партизана Дашзэвгэ // Соврем. Монголия. Вып. 3.
- Доронин Б.Г. 1995. Были ли династиями чао (дай)? // Общество и государство в Китае. М.
- Дробышев Ю.И. 2014. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н.э. – XVI в. н.э.). М.: Ин-т востоковедения РАН.
- Другие секретные протоколы. Секретные приложения к русско-японским конвенциям 1907–1916 годов. — <http://statehistory.ru/1952/Drugie-sekretnye-protokoly--Sekretnye-prilozheniya-k-russko-yaonskim-konventsiyam-1907-1916-godov/>
- Дубровская Д.В. 1998. Судьба Синьзяна. Обретение Китаем “Новой границы” в конце XIX в. М.: Ин-т востоковедения РАН.
- Дугаров Р.Н. 1986. Религиозное уложение XVI в. “Арбан буяны цааз” // Культура Монголии в средние века и новое время (XVI – начало XX в.). Улан-Удэ.

- Дугарова С.Ж. 2009. К вопросу об интерпретации названия монгольского закона “Их засаг” (на примере монгольской историографии) // Власть. № 9.
- Дугарова С.Ж. 2011. Монгольская историография об этимологии и содержании понятия “их засаг” // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 4 (10).
- Дудин П.Н. 2012. Становление государственности Монголии. Автореф. канд. дисс. Улан-Удэ: Бурятск. гос. унив.
- Дудин П.Н. 2014. Политическая история Мэнцзяна. Улан-Удэ: изд-во БГУ.
- Духовная культура Китая. Историческая мысль, политическая и правовая культура. 2009. М.: Восточн. литер.
- Душенькин В.В. 1957. Борьба русского и монгольского народов против белогвардейских банд Унгерна // Историч. архив. № 4.
- Дхаммапада 1960. /Топоров В.Н., перев., комм., Рерих Ю.Н., ред. М.: Восточн. литер.
- Дылыков С.Д. 1953. Демократическое движение монгольского народа в Китае. М.: изд-во АН СССР.
- Дылыков С.Д. 1998. Цааджин бичиг (“Монгольское уложение”). Цинское законодательство для монголов 1627–1694 гг. М.: Восточн. литер.
- Единархова Н.Е., Николаева И.П. 2009. Колонизация Монголии (XVII – начало XX в.). Иркутск.
- Ермаченко И.С. 1971. Маньчжуро-монгольские отношения до и после образования империи Цин (XVII в.). Канд. дисс. М.: И-т востоковедения АН СССР.
- Ефремов И.А. 1962. Дорога ветров. М.: Географгиз.
- Жабаева Л.Б. 2001. Э.-Д. Ринчино и формирование государственности монгольских народов в первой четверти XX в. Канд. дисс. Улан-Удэ: Вост.-Сиб. гос. технол. унив.
- Жабаева Л.Б. 2013. Проблемы становления российско-монгольского сотрудничества в военной сфере // Россия – Монголия. 100 лет дипломатического сотрудничества. Улан-Удэ.
- Жалсапова Ж. 2008. Начальный этап формирования регулярной армии в Монголии (1921–1922 гг.) // Власть. № 7.
- Жалсапова Ж.Б. 2009. Взаимоотношения России/СССР с Монголией/МНР в военной сфере (1911–1939 гг.). Автореф. канд. дисс. Хабаровск: ХПИ.
- Железняков А.С. 2009. Монгольский полус политического устройства мира. М.: Ин-т социологии РАН.
- Жигалов Б.С. 2010. О характере и целях дальневосточной политики Советского государства в 1920–1924 гг. // Вестн. Томск. гос. унив. История. № 4 (12).
- Жиронкина Ю. 2012. В Улан-Баторе состоялась историческая встреча сознательно воплощающихся лам Монголии. — <http://savetibet.ru/2012/03/05/print:page,1,rinpoche.html>
- Жугдэр Ч. 1974. Развитие общественно-политической философской мысли в Монголии (XIX и начало XX в.). М.: Ин-т философии АН СССР.
- Жуковская Н.Л. 1990. Судьба кочевой культуры. Рассказы о Монголии и монголах. М.: Наука.
- Жуковская Н.Л. 2013. О буддизме и буддистах. Статьи разных лет 1969–2011. М.: Ориентация.
- Закон о военном налоге. 1935 // Соврем. Монголия. № 2 (9).
- Закон о государственном налоге с джасс. 1935 // Соврем. Монголия. № 2 (9).
- Заявление Правительства Китайской народной республики (7 октября 1969 года). 1974. Пекин: изд. литер. на иностр. яз.
- Зятуев Г.Н. 1986. Пропаганда научных и политических знаний в Монголии в начале XX в. // Культура Монголии в средние века и новое время (XVI – начало XX в.). Улан-Удэ.
- Златкин И.Я. 1957. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М.: Наука.

- Златкин И.Я. 1983. История Джунгарского ханства, 1635–1758. М.: Наука.
- Золотое сказание. 2005. // История в трудах ученых лам. М.: Т-во научн. изданий КМК.
- Зулькафиль М., Чойсамба Ч. 2013. Монгольская пресса в первой четверти XX века // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX вв. Улан-Батор – Иркутск.
- Из эпистолярного наследия В.Л. Котвичка. 2011. Улаанбаатар.
- История Китая с древнейших времен до наших дней. 1974. М.: Вост. лит.
- История МНР. М.: Наука. Изд. 1: 1954. Изд. 2: 1967. Изд. 3: 1983.
- История Монголии. XX век. 2007. /Яскина Г.С., ред. М.: Ин-т востоковедения РАН.
- Их Цааз (“Великое уложение”). Памятник монгольского феодального права XVII в. 1981. М.: Восточн. литер. — http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Ojrat_ulozenie_1640/frameset.htm
- Казанин М.И. 2009. Избранное. М.: Памятники ист. мысли.
- Калинников А. 1926а. Национально-революционное движение в Монголии. М.–Л.: Московский рабочий.
- Калинников А. 1926б. Революционная Монголия. М.: Госиздат.
- Калинников А. 1926в. Третий Великий Хуралдан // Хозяйство Монголии. № 6.
- Калинников А. 1928. У истоков монгольской революции // Хозяйство Монголии. № 2 (9).
- Калинников А. 1929а. Вождь и трибун монгольской революции (памяти тов. Сухэ-Батора) // Хозяйство Монголии. Вып. 1 (14).
- Калинников А. 1929б. Вооруженная борьба за освобождение Монголии // Хозяйство Монголии. № 3 (16); № 4 (17).
- [Калинников А.Д.] Эрдэни-Очир. 1929в. V Великий хуралдан // Хозяйство Монголии. № 2(15).
- Калинников А. 1934. Аратское революционное движение в доавтономной Монголии // Революционный Восток. № 5 (27).
- Калужная Н.М. 1995. Традиция и революция. Чжан Бинлинь (1869–1936) — китайский мыслитель и политический деятель нового времени. М.: Ин-т востоковедения РАН.
- Каррио. 1937. Японский шпионаж в Монголии // Современ. Монголия. № 4 (23).
- Каррутерс Д. 1914. Неведомая Монголия. Т. 1. Урянхайский край. Пг.: изд. Переселенческого управления.
- Кислов А. 1964. Разгром Унгерна. М.: Воениздат.
- Кичиков Л.Б. 1937а. Желтая рать // Современ. Монголия. № 5 (24).
- Кичиков Л.Б. 1937б. Путь монгольской революции // Современ. Монголия. № 1 (20).
- Кичиков Л.Б. 1937в. Путь монгольской революции // Современ. Монголия. № 2 (21).
- Климов А.Я. 1945. Внутренняя Монголия и Китай (история взаимоотношений с 1911 г.). Канд. дисс. Б.м.
- Князев Н.Н. 1942. Легендарный барон. Харбин: изд. часть Главного бюро по делам российских эмигрантов (изд. 2 в кн.: Легендарный барон..., 2004; монг. пер.: Князев Н.Н. 2010. Домогт барон. Улаанбаатар: Жиком пресс).
- [Ковалевский О.М.] 2005–2006. Россия – Монголия – Китай. Дневники монголоведа О.М. Ковалевского 1830–1831 гг. / Валеев Р.М., Кульганек И.В., ред., комм. Казань – СПб.: Таглитат.
- Козлов П.К. 1905. Монголия и Кам. Т.1. Ч. 1. СПб.: Герольд.
- Козлов П.К. 2003. Дневники Монголо-тибетской экспедиции 1923–1926. СПб.: Наука.
- Козлов П.К. 2004. Тибет и Далай-лама. 2-е изд. М.: Т-во научн. изданий КМК.
- Коростовец И.Я. 1995. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Урге. Декабрь 1912 г. – май 1913 г. // Россияне в Азии. № 2. С.85–211.
- Коростовец И.Я. 1996. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Урге. Декабрь 1912 г. – май 1913 г. // Россияне в Азии. № 3. С.225–292.
- Коростовец И.Я. 2004. От Чингис хана до Советской республики. Улан-Батор: Адмон.

- Коростовец И.Я. 2009. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 – май 1913 г. Улаанбаатар: Адмон.
- Котвич В. 1914. Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии. СПб.: картографич. заведение А. Ильина.
- Котельников В. 2012. История советской авиации. Поликарпов Р-1 — первый серийный советский самолет. — <http://topwar.ru/16259-istoriya-sovetskoj-aviacii-polikarpov-r-1-pervyy-seriynny-sovetskiy-samolet.html>.
- Крайнова Л.В. 2012. Шабинское ведомство ламаистской церкви Монголии в период правления Цинской династии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. № 2 (16). Ч. 1. — www.gramota.net/materials/3/2012/2-1/26.html.
- Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. 1987. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М.: Наука.
- Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. 1993. Этническая история китайцев в XIX – начале XX века. М.
- Кузьмин С.Л. 2006. Барон Р.Ф. фон Унгерн-Штернберг и восстановление монгольской государственности // IX Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 8–12 авг. 2006 г.). Докл. российских ученых. М.
- Кузьмин С.Л. 2010а. Скрытый Тибет. История независимости и оккупации. СПб.: изд-во А. Терентьева.
- Кузьмин С.Л. 2011а. Договор 1913 г. между Монголией и Тибетом: новые данные // Восток. № 4.
- Кузьмин С.Л. 2011б. История барона Унгерна: опыт реконструкции. М.: Т-во научн. изданий КМК.
- Кузьмин С.Л. 2012б. Отношения “наставник – покровитель” и проблема статуса Тибета // Наука и буддизм. Улан-Удэ.
- Кузьмин С.Л. 2013б. Действия барона Р.Ф. фон Унгерн-Штернберга в Монголии как этап российско-монгольского военного сотрудничества // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX вв. Улан-Батор – Иркутск.
- Кузьмин С.Л. 2014а. Донесения о монголах Синьцзяна в 1920-х годах // Вестн. Калмыцкого инст. гуманитарных исслед. РАН. Вып. 3.
- Кузьмин С.Л. 2014б. “Контрреволюционный центр” в Монголии в 1930-х гг. // Гуманитарные исслед. в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 4 (30).
- Кузьмин С.Л. 2014в. Легитимация теократической власти и восстановление монгольской государственности в начале XX в. // Россия и Монголия в начале XX в. Дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 1. Иркутск.
- Кузьмин С.Л. 2014г. Пребывание Далай-ламы XIII в Монголии и планы провозглашения независимости // Россия и Монголия в начале XX в. Дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 1. Иркутск. С. 86–92; Известия Иркутск. гос. ун-та. Серия политология и религиоведение. Т. 9. С. 33–39.
- Кузьмин С. 2014д. О деятельности Панчен-ламы IX во Внутренней Монголии и Маньчжурии // Проблемы Дальнего Востока. № 6.
- Кузьмин С.Л. 2015а. Западно-монгольское восстание 1930 г. в защиту религии // Религиоведение. № 1.
- Кузьмин С.Л. 2015б. Монархическое Монгольское государство в 1911–1924 гг. // Eurasia: statum et legem. № 1(4).
- Кузьмин С.Л. 2015в. Панмонгольское движение 1919–1920 гг. и монгольская государственность // Eurasia: statum et legem. № 1(4).

- Кузьмин С.Л. 2015г. Русско-Монгольское соглашение 1912 г. и независимость Монголии // Вестн. Моск. гор. пед. ун-та, сер. "Ист. Науки". № 1.
- Кузьмин С.Л. 2015д. Столетие Кяхтинского соглашения 1915 г. между Россией, Монголией и Китаем // Азия и Африка сегодня. № 4.
- Кузьмин С.Л. 2015е. Тибетское государство: исторические факты и международное право // Eurasia: statum et legem. № 1(4).
- Кузьмин С.Л., Батсайхан О., Нунами К., Тачибана М. 2009. Барон Унгерн и Япония // Восток. № 5.
- Кузьмин С.Л., Оюунчимэг Ж. 2009. Последний великий хан Монголии // Азия и Африка сегодня. № 1.
- Кузьмин С.Л., Оюунчимэг Ж. 2015а. Вооруженное восстание в Монголии в 1932 г. М.
- Кузьмин С.Л., Оюунчимэг Ж. 2015б. Хубсугульское восстание 1932 г. в Монголии // Восток (Oriens). № 3.
- Кузьмин С.Л., Оюунчимэг Ж., Баяр Б. 2015. Улан-хад: реконструкция забытых боев за независимость Монголии // Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура). Кн. 4. Иркутск.
- Кузьмин С.Л., Рейт Л. 2008. Записки Ф.А. Оссендовского как источник по истории Монголии // Восток (Oriens). № 5.
- Кузьмин Ю.В. 2013. Торгово-экономические круги России о русско-монгольской торговле и причинах ее кризиса в начале XX в. // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX вв. Улан-Батор – Иркутск.
- Кунгуров Г., Сороковиков И. 1946. Аратская революция. Иркутск: ОГИЗ.
- Курас Л.В., Цыремпилова И.С. 2000. Ламы в Монголии после смерти Богдо-гэгэна // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. 4. Улан-Удэ.
- Кушелев Ю. 1912. Монголия и монгольский вопрос. СПб.: Русская Скоропечатня.
- Кычанов Е.И. 1997. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Восточн. литер.
- Лаврентьев К.И. 1925. Взятие г. Урги бароном Унгерном в 1921 году. Харбин (рукопись). Hoover, Maria Vrangeli' Collection, folder 16, box 1 (частично издано в кн.: Барон Унгерн в документах..., 2004).
- Легендарный барон. Неизвестные страницы гражданской войны. 2004 / Кузьмин С.Л., ред., сост. М.: Т-во научн. изданий КМК.
- Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 1961. Т. 22. 1969. Т. 26. М.
- Липовцов С. 1828. Уложение китайской Палаты внешних сношений. СПб. Т. 1 и 2.
- Ломакина И. 1975. Белые юрты в степи. М.
- Ломакина И. 1993. Голова Джа-ламы. Улан-Удэ – СПб.: Экоарт.
- Ломакина И.М. 2001. Великий беглец. М.: Дизайн, Информация, Картография.
- Ломакина И.М. 2006. Монгольская столица, старая и новая (и участие России в ее судьбе). М.: Т-во научн. изданий КМК.
- Лу Хуачжу. 1828. Описание Тибета в нынешнем его состоянии. СПб.
- Лубсан Данзан. 1973. Алтан тобчи ("Золотое сказание"). М.: Наука.
- [Лувсаншарав Д.] Лубсан-Ширап. 1937. Методы борьбы с политической беспечностью, двурушничеством и об активизации партийно-политической работы // Соврем. Монголия. № 6(25).
- [Лувсаншарав Д.] Лубсан-Ширап. 1938. Ламский вопрос в МНР // Соврем. Монголия. № 4–6 (29–31).
- Люзанин С.Г. 1995. Первые советские дипломаты в Китае и монгольский вопрос // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. М. – Иркутск.

- Лузянин С.Г. 1996. Коминтерн, Монголия и китайская революция 1925–1927 гг // Восток. № 1.
- Лузянин С.Г. 2003. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. М.: Огни.
- История калмыцких ханов. 2003. // Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники /Бадмаев А.В., перев., сост., ред. Элиста.
- Майский И.М. 1921. Современная Монголия. Иркутск: Иркутск. отд. Госиздата.
- Майский И.М. 1959. Монголия накануне революции. М.: Восточн. литер.
- Майский И.М. 2005. Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1: 1900–1934. М.: Наука.
- Макеев А.С. 1934. Бог войны – барон Унгерн: Воспоминания бывшего адъютанта начальника Азиатской конной дивизии. Шанхай: книгоиздтели А.П. Малык и В.П. Камкина.
- Маннергейм. 1909. Предварительный отчет о поездке, предпринятой по Высочайшему повелению через Китайский Туркестан и северные провинции Китая в Пекин в 1906–7 и 8 гг. // Сб. геогр., топогр. и статистич. матер. по Азии. Вып. 81. СПб.
- Маньчжурия. Экономико-географическое описание. 1934. Ч. 1. Харбин.
- Маркелов И. 2012. Этот загадочный начальник штаба дивизии Унгерна // Казань. № 4.
- Мартенс Ф. 1882. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. СПб.
- Мартынов А.С. 1978. Статус Тибета в XVII–XVIII веках. М.
- Мягашева С.Б. 2012. Военно-административная организация баргутов в период династии Цин // Вестн. Бурятск. гос. ун-та. № 8.
- МНРП во главе антифеодальных экономических преобразований в МНР. 1976. Улан-Батор: Госиздат.
- Молоков И.Е. 1991. Интернациональная помощь РСФСР и ДВР Монголии и Синьцзяну (Китай) в разгроме белогвардейцев в 1920–1922 гг. Омск: Омский политехн. Ин-т.
- Монголия в документах Коминтерна. 2012. Ч. 1 (1919–1929). Ч. 2 (1930–1934). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН.
- Монгольское законодательство. Вып. 1. Основной закон и приложения. 1928. Улан-Батор-хото.
- Монгуш М.В. 2001. История буддизма в Туве (вторая половина VI – конец XX в.). Новосибирск: Наука. — http://www.fidel-kastro.ru/religia/bud_tuva.htm
- Морозова И.Ю. 2002. Социальные преобразования в Монголии в 20-х – 40-х гг. XX в. Канд. дисс. М.: МГУ.
- Москалев А.А. 2005. Нация и национализм в Китае. М.
- Московская торговая экспедиция в Монголию. 1912. М.: типогр. П.П. Рябушинского.
- Наками Т. 2000. Семенов и монгольские войска // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. 4. Улан-Удэ.
- Намсараева С. Б. 2003. Институт наместников цинского Китая в Монголии и Тибете в XVIII в. Канд. дисс. М.: Ин-т востоковедения РАН.
- Население и скот МНР за 10 лет. 1934 // Соврем. Монголия. № 4 (7).
- Насилов А.Д. 1985. Законодательные съезды в Халхе XVII в. // Древний и средневековый Восток. Ч. 2.
- Наумкин В.В. 2014. Проблема цивилизационной идентификации и кризис наций-государств // Восток. № 4.
- Нацагдорж Ш. 1954. Аратское освободительное движение в Ховдосском районе Внешней Монголии под руководством Аюши (1903–1917 гг.). Канд. дисс. М.: И-т востоковедения АН СССР.
- Нацов Г.-Д. 1998. Материалы по ламаизму в Бурятии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН.
- Нацов С. 1929. Правая опасность в Монгольской народно-революционной партии // Жизнь Бурятии. № 3–4.
- Нацов С. 1931. Десять лет монгольской революции // Хозяйство Монголии. № 3 (27).

- Некоторые маньчжурские документы из истории русско-китайских сношений в XVII-м в. 1912. // Зап. Вост. отд-я Имп. Русск. Археол. Общ-ва. Т. 21. Вып. 2–3. СПб. — http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1680-1700/Manc_rus_kit/text.htm. 12.06.2012.
- Непомнин О.Е. 2005. История Китая: эпоха Цин. XVII – начало XX в. М.
- Новицкий В.Ф. 1907. По восточной Монголии // Сб. геогр., топогр. и стат. Матер. по Азии. Вып. 80.
- Новицкий В.Ф. 1909. Военно-географический обзор района Восточной Монголии, обследованного в 1906 г. // Сб. геогр., топогр. и стат. Матер. по Азии. Вып. 82.
- Нольде Б.Э. 1915. Международное положение Монголии // Право. № 34, 35.
- Нольде Б.Э. 1930. Далекое и близкое. Историческое очерки. Париж: Соврем. записки.
- О монастырях и ламстве (по материалам 7-го Великого Хурала). 1935 // Соврем. Монголия. № 2 (9).
- Осокин Г.М. 1906. На границе Монголии. СПб.: типогр. А.С. Суворина.
- Осендовский Ф. 1925. Звери, люди и боги. Рига: книгоизд. Г.Л. Биркен.
- Отгонбаатар Р., Цендина А.Д. 2014. Образцы письменной традиции северной Монголии. Алфавиты, транскрипции, языки (конец XVI – начало XX в.). М.: Наука – Восточн. литер.
- Отрошенко И.В. 2012. Из истории протестного движения в ТНР первой половины 1930-х гг. // Новые исследования Тувы. № 3. — http://www.tuva.asia/journal/issue_15/5227-otroschenko.html
- Очерки по истории МНРП. 1971. М.
- Патрушева М.А. 1981. Китайская колонизация Маньчжурии и политика Цинского правительства (вторая половина XIX – начало XX в.). Канд. дисс. М.: Ин-т востоковедения АН СССР.
- Певцов М.В. 1883. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям внутреннего Китая. Омск.
- Пекерман И. 1931. Торжество арата. Иркутск: Востсибкрайгиз.
- Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом. Документы, август 1923–1926. 2008. М.: Наталис.
- Першин Д.П. 1921. [Из воспоминаний]. — ГАРФ, ф. 5881, оп. 1, д. 425, л. 1–26об. (опубл. в кн.: Кузьмин, 2011б).
- Першин Д.П. 1933. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак: Записки очевидца о смутном времени во Внешней (Халхаской) Монголии в первой трети XX века. Hoover, Stanford, USA, D.P. Pershin collection. (изд. 1: Першин Д.П. 1999. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак. Самара: Агни; монг. пер.: Улаанбаатар, 2003).
- Пиндин лоча фанлюэ (Стратегические планы усмирения русских). 1972. // Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и документы. Т. 2. 1686–1691. М. — http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1680-1700/Rus_kit2/pril32.htm. 20.05.2013.
- Позднеев А.М. 1879 (1880). Ургинские хутухты. Исторический очерк их прошлого и современного быта. СПб.: типогр. Пантелеевых.
- Позднеев А. 1887. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии, в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб.: типогр. Имп. Академии Наук.
- Позднеев А. 1896. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. Т. 1. СПб.: типогр. Имп. Академии Наук.
- Позднеев А. 1898. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. Т. 2. СПб.: типогр. Имп. Академии Наук.
- Покотиллов Д. История восточных монголы в период династии Мин 1368–1634. СПб.: типогр. Имп. Академии Наук.

- Попова Л.П. 1987. Общественная мысль Монголии в эпоху “пробуждения Азии”. М.: Наука. Постановление 22-й сессии Малого Хурала от 7 марта 1939 г. об Амаре 1939 // *Соврем. Монголия*. № 1–2 (32–33).
- Постановление о мероприятиях, стимулирующих привлечение лам к производительному труду и об использовании их на работе в торговых, промышленных и прочих организациях. 1935. // *Соврем. Монголия*. № 2 (9).
- Постановления III пленума ЦК МНРП. 1937. // *Соврем. Монголия*. № 6(25).
- Постановления Чрезвычайного пленума ЦК и ЦКК МНРП. Июль 1932 г. 1932. Улан-Батор-хото.
- Потанин Г.Н. 1950. Тангуты-тибетская окраина Китая и центральная Монголия. М.: Географгиз.
- Почекаев Р.Ю. 2013. Правовые аспекты распространения буддизма в Монголии в XIII–XVIII вв. // *Страны и народы Востока*. № 34.
- Пржевальский Н.М. 1875. Монголия и страна тангутов. Т. 1. СПб.: Типогр. В.С. Балашева.
- Пржевальский Н.М. 1888. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима. СПб.: типогр. В.С. Балашева.
- Программа и устав Коммунистического интернационала. Изд. 2-е. 1932. М.: Партиздат.
- [Протоколы...] Новая Монголия. Экономико-политическое и культурное состояние страны. Протоколы 1-го Великого хуралдана МНР. 1925. Улан-Батор-хото: Русско-Монгольская типогр.
- Пунцагноров [Пунцук-Норбо] Ц. 1950. Внешняя Монголия в период автономии (1911–1919 гг.). Канд. дисс. М.: МГУ.
- Пучковский Л.С. 1963. Идея преемственности происхождения ханов в монгольских летописях XVII–XIX вв. // *Тр. 25-го Межд. конгр. востоковедов*. Т. 5. М.
- Пурэвжав С. 1983. История ламаистской церкви в Монголии в конце XVI – начале XX в. (социально-экономическое исследование). Докт. дисс. М.: Ин-т востоковедения РАН.
- Путята [Д.В.]. 1892. Предварительный отчет об экспедиции в Хинган в 1891 г. // *Сб. геогр., топогр. и стат. Матер. по Азии*. Вып. 50.
- Пятый Всемирный конгресс Коммунистического интернационала. 17 июня – 8 июля 1924 г. Стенографический отчет. Ч. 2. Приложения. 1925. М.-Л.: Госиздат.
- Радлов В.В. 1892. Предварительный отчет о результатах снаряженной с Высочайшего соизволения Императорскою Академией наук экспедиции для археологических исследований бассейна реки Орхона // *Сб. тр. Орхонской экспед.* Т. 1. СПб.
- Раднабхадра. “Лунный свет”: История рабдзам Зая-пандиты. 1999. / Румянцев Г.Н., Сазыкин А.Г., перев. СПб.: Петербургское востоковедение.
- Раднаев Г.Ц. 2013. Политические репрессии в Янгажинском дацане “Даши Шарбулинг” // *Вестн. Бурятск. гос. унив.* Вып. 7 (история).
- Революционная молодежь Монголии. Материалы IV съезда Монгольского революционно-го союза молодежи 11–22 октября 1925 г. 1925. Улан-Батор-хото.
- Революционные мероприятия народного правительства Монголии в 1921–1924 гг. Документы (Насанбалжир Ц. сост.) 1960. М.: Восточн. литер.
- Резолюция IV-го пленума ЦК МНРП. 1939. // *Соврем. Монголия*. № 3–4 (34/35).
- Рерих Ю. 1999. Тибет и Центральная Азия. Статьи, лекции, переводы. Самара: Агни.
- Рерих Ю.Н. 1982. По тропам Срединной Азии. — http://www.centre.smr.ru/win/books/po_tropam/text/11.htm. 01.03.2014
- Ринчино Э.-Д. 1994. Документы, статьи, письма. Улан-Удэ.
- Ринчино Э.-Д. 1998. О Монголии. Улан-Удэ.
- Розенфельд М. 1931. На автомобиле по Монголии. М.: Молодая гвардия.

- Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946). Сборник документов. 2008 / Кудрявцев И.И., Базаров Б.В., Ганжуров В.Ц., Дмитроченкова Е.Н., Нагаев И.М., Гархова Н.С., Шепелев В.Н., Оюунбазар Т., Гантулга Ж., Гомбосурэн Д., Хишигт Н., сост. Ч. 1. М. – Улан-Удэ: ФГОУ ВПО ВСГАКИ.
- Россия и Тибет. 2005. /Белов Е.А., ред. М.: Восточн. литер.
- Рошин С.К. 1999. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М.: Ин-т востоковедения РАН.
- Рошин С.К. 2011. Д. Сухэ-Батор: национальный герой Монголии. Штрихи биографии. Улаанбаатар: Сэлэнгэ пресс.
- Рудаков А. 1901. Общество И-хэ-туань и его значение в последних событиях на Дальнем Востоке. По официальным китайским данным. Владивосток.
- Русско-китайская декларация 5/XI (23 X) 1913 г. о признании автономии Внешней Монголии — http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1840-1860/Sb_dog_Dal_vost/61-80/78.htm.
- Рязановский В.А. 1931. Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк. Харбин: типогр. Н.Е. Чинарева.
- С интернациональной миссией. Воспоминания участников Монгольской народной революции. 1970. Элиста.
- Саая С.В., Саг С.Ч. 2009. Причины политических репрессий в Тувинской народной республике в 1930–1940 гг. // Вестн. Тывинск. гос. ун-та. Вып. 1.
- Салыгин Е.Н. 1999. Теократическое государство. М.: Центр конституционных исследований МОНФ. — <http://читать-онлайн.рф/new/index.php?id=46417&pages=6>.
- Самдан А.А. 2011. Национально-освободительное движение 1911–1912 гг. в Туве // Вестн. Тывинск. гос. ун-та. Вып. 1.
- Сандаг Ш. 1958. Образование Монгольского феодально-теократического государства и его внешняя политика (1911–1919 гг.). М.: Канд. дисс. М.: МГИМО.
- Сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу. 1914. СПб.
- Сведения о государствах Дальнего Востока. 1912. № 3. Иркутск.
- [Семенов Г.М.] Атаман Семенов. 2002. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. М.: АСТ.
- Серебренников И.И. 2003. Гражданская война в России: великий отход. М.: Ермак.
- Синицын Ф.Л. 2013. Красная буря. Советское государство и буддизм в 1917–1946 гг. СПб.: изд-во А. Терентьева и фонд “Сохраним Тибет”.
- Синьхайская революция 1911–1913 гг. Сборник документов и материалов. 1968. М.: Наука.
- С-кий А.Ф. 1922. Япония в “панмонгольском движении” // Новый Восток. № 2.
- Симуков А.Д. 2008. Труды о Монголии и для Монголии. Т. 1. Осака: Гос. муз. этнол.
- Скрынникова Т.Д. 1980. Роль Чжебцун-Дамба-хутухты в церковной организации монгольского ламаизма XVII в. // Буддизм и средневековая культура народов Центральной Азии. Новосибирск.
- Скрынникова Т.Д. 1981. О хубилганах Сайн-нойон-хановского аймака // Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии. Новосибирск.
- Скрынникова Т.Д. 1988. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия XVI – начало XX в. Новосибирск: Наука.
- Скрынникова Т.Д. 1997. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.: Восточн. литер.
- Сладковский М.И. 1980. Великоханская доктрина единой китайской нации // Маоизм и национальный вопрос. Улан-Батор: Ин-т востоковедения АН МНР.
- Случайный. 1921. В осажденной Урге // Русское обозр. № 5. С. 148–199.
- Соркин Н.С. 1970. В начале пути (записки инструктора монгольской армии). М.: Наука.
- Софроний архимандрит. 1861. Известие о Китайском, ныне Манджуро-Китайском государстве. М.: Унив. типогр.

- Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. 2001. М.: Росспэн.
- Стрелков А.М. 2013. Моление о рождении в северной Шамбале. Улан-Удэ: Удумбара.
- Сунь Ятсен. 1961. Избранные произведения. М. — http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XX/1900–1920/Sinhaj_rev/1–20/1.htm.
- Сунь Ятсен. 1985. Избранные произведения. М.: Наука.
- Сухбаатар Г. 1978. К вопросу о распространении буддизма среди ранних кочевников Монголии // Археология и этнография Монголии. Новосибирск.
- Сухбаатар Д. 2011. Дондогдулам — “Мать-Дакини” Монгольского государства. — <http://savetibet.ru/2011/07/10/mother-dakini-of-mongolia.html>.
- Терентьев А. 1996. [Рецензия] Диакон Андрей Кураев. “Шамбала зияющая” // Буддизм России. № 26.
- Терентьев А. 2014. Буддизм в России — царской и советской. СПб.: изд-во А. Терентьева.
- Тимковский Е. 1824. Путешествие в Китай через Монголию, в 1820 и 1821 гг. Ч. 2. СПб.: тип. мед. деп. МВД.
- Томилин В. 1913. Монголия и ее современное значение для России. М.: Русская Печатня.
- Торновский М.Г. 1942. События в Монголии – Халхе в 1920–1921 годах. Военно-исторический очерк (воспоминания). Шанхай. — Hoover, 48014-10.V, p.1–141 (опубл. в кн.: Легендарный барон..., 2004; монг. перев.: Торновский М.Г. 2009. Монголчуудтайгаа бол би Лиссабон ч хурнэ. Улаанбаатар: Жиком пресс).
- Торчинов Е.А. Буддийская традиция Тибета. — http://buddhism.org.ru/buddhism_08.html.
- Тэло Тулку Ринпоче [биография]. 2009. — http://khurul.ru/?page_id=29
- Урангуа Ж. 2013. Внутренняя политика Монгольского государства в первой четверти XX в. // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX вв. Улан-Батор – Иркутск.
- Ургинский. 1921. К событиям в Монголии // Русское обозр. № 1–2.
- Усов В.Н. 2009. Хуантайцзи // Духовная культура Китая. Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М.: Восточн. литер.
- Успенский В.Л. 1989. Биографические сведения о Джалхандза-хутухтах // Исследования по истории и культуре Монголии. Новосибирск.
- Успенский В.Л. 1996. Ламаистский Пекин: от Шунь-Чжи до Дао-Гуана // Восток. № 4.
- Успенский В.Л. 2004. Тибетский буддизм в Пекине при династии Цин (1644–1911) в культурно-историческом контексте эпохи. Автореф. докт. дисс. СПб.: СПб. фил. И-та востоковедения РАН.
- Успенский В.Л. 2015. Поиски третьего Джебцундамба-хутухты: факты и легенды // Монгольский сб. тексты и контексты. М.
- Установление покровительства России над Тувой в 1914 г. Архивные документы. 1994 / Дубровский В.А., сост. Кызыл.
- Федотова М. 1996. Балагатское движение. — http://dandaron.ru/rus/tradition/lobsan_sandan.html. 01.03.2014.
- Халха Джирум. Памятник монгольского феодального права XVIII века. 1965. /Жамцарано Ц.Ж., Дылыков С.Д., пер. М.: изд. АН СССР. — <http://www.vostlit.info>
- Хаптаев П.Т. 1962. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии. Канд. дисс. Улан-Удэ: Бурятской комплексный НИИ СО РАН.
- Харунов Р.Ш. 2009. Духовная интеллигенция тувинского кочевого общества // Вестн. Тывинск. гос. ун-та. Вып. 1.
- Хитун С.Е. 1970. Дворянские поросята // Русская мысль. 04.06–23.06.1970.
- Хишигжаргал Г. 2012. О судьбах монгольского мира: по указам императоров династии Цин (1640–1728 гг.) // Вестн. Бурятск. гос. ун-та. № 8.
- Хишигт Н. 2011а. Восстановление независимости Монголии в 1911–1921 гг. // Вестн. Бурятск. НИ СО РАН. № 3.

- Шишигт Н. 2011в. Монгольские буддийские монастыри: история и современность // Память мира: историко-документальное наследие буддизма. М.
- Шишигт Н. 2013. Монголо-российские соглашения по вопросу об обучении монгольских войск (1911–1919 гг.) // Монгол-оросын 1912 оны гэрээ ба И.Я. Коростовец Улаанбаатар.
- Хохлов А. Н. 2008. Гуманная акция России в отношении Китая в 1912 г. // Восточн. архив. № 17.
- Цендина А.Д. 2007. Монгольские летописи XVII–XIX веков: повествовательные традиции. М.: РГГУ.
- Чже Цонкапа. 2010. Большое руководство к этапам пути Пробуждения. Т. 1–2. СПб.: изд-во А. Терентьева.
- Цыбиков Г.Ц. 1981. Избранные труды. Т. 1. Буддист-паломник у святынь Тибета. Новосибирск: Наука.
- Цыжилов Э.Б. 2006. История политических репрессий в Бурят-Монголии. 1928 – июнь 1941 г. Канд. дисс. Улан-Удэ: ВСГТУ.
- Цыремпилов Н.В. 2007. Лубсан Самдан Цыденов и идея буддийской теократии в Забайкалье // Восток. № 6.
- Цыремпилов Н.В. 2014. От символического альянса к политической гегемонии. Цинская империя и тибето-монгольская буддийская община в XVII–XIX вв. // Вестн. Бурятск. гос. ун-та. № 8.
- Цыремпилов Н.В. 2015. Конституционная буддийская теократия Лубсан-Самдана Цыденова (1918–1922): основной закон и структура государства // Eurasia: statum et legem. № 1(4).
- Цыренова М.Г., Аюшиева И.Г. 2011. Политические репрессии в России и Монголии: историческая память. Улан-Удэ: Бурятск. ун-т.
- Цэдэв Д. 1959. Положение аратов-шабинаров ургинских хутухт в дореволюционной Монголии. Автореф. канд. дисс. М.: Ин-т востоковедения РАН.
- Цэндийн Дамдинсүрэн: к 100-летию со дня рождения. 2008. /Цендина А.Д., сост. М.: Восточн. литер.
- Чимитдоржиев Ш.Б. 1987. Россия и Монголия. М.: Наука.
- Чойбалсан Х. 1937. О политических уроках раскрытия шпионской и контрреволюционной организации в МНР и наши задачи в борьбе с внутренними и внешними врагами // Со-времен. Монголия. № 6 (25).
- Чойбалсан Х. 1939. Доклад правительства МНР 22-й сессии Малого Народного Хурала // Современ. Монголия. № 1–2 (32/33).
- Чойбалсан Х. 1952. Краткий очерк истории Монгольской народной революции. М.: Изд-во иностр. литер.
- Чойбалсан Х. 1961. Избранные статьи и речи. М.: Иностранная лит.
- Чойбалсан Х. 1965. Хатан Батор Максаржав. М.: Воениздат.
- Шакабпа В.Д. 2003. Тибет: политическая история. СПб.: Нартанг
- “Шара туджи” — монгольская летопись XVII века. 1957. /Шастина Н.П., сост., ред. М.-Л.: Восточн. литер. — http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Sara_Tudzi/frametext.htm
- Ширендыб Б. 1956. Народная революция в Монголии и образование Монгольской народной республики 1921–1924. М.: изд-во АН СССР.
- Ширендыб Б. 1960. История Монгольской народной революции 1921 г. Докт. дисс. М.: Ин-т востоковедения АН СССР.
- Ширендыб Б. 1963. Монголия на рубеже XIX–XX веков. Улан-Батор: Комитет по делам печати.
- Ширендыб Б. 1971. История Монгольской народной революции 1921 года. М.: Наука.

- Шишмарев Я.П. 2001. Русский консул в Монголии: Отчет Я.П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства. Иркутск. — <http://www.vostlit.info>
- Штейнфельд Н. 1913. Важная недомолвка в Ургинском договоре // Вестн. Азии. № 15.
- Шубина Е.Р. 2015. Жизнеописание Будды в исторической литературе монголов // Монгольский сб. Тексты и контексты. М.
- Эльбек-Доржи Ринчино о Монголии. 1998. /Базаров Б.В., Цибилов Б.Д., Очиров С.Б., сост. Улан-Удэ.
- Энциклопедия Сибири — <http://russiasib.ru/balagatskoe-dvizhenie/>
- Эрдэнипэл. 2005. Конечная причина религий в Монголии // История в трудах ученых лам. М.: Т-во научн. изданий КМК.
- Юдин В.И. 1959. У истоков монгольской народной революции (из воспоминаний и документов) // Монгольский сб. М.
- Якимов А.Т. 1950. Буддизм и его роль в истории монголов. Канд. дисс. М.
- Якимов А.Т. 1973. Политработа в народно-революционной армии // Гражданская война на Дальнем Востоке (1918–1922). Воспоминания ветеранов. М.: Наука.

На монгольском языке

- XX зууны монголын түүхийн эх сурвалж (Автономит Монгол улсын үеийн онцлог баримт бичгүүд) (1911–1921) [Источники по истории Монголии XX в. (документы по истории автономной Монголии 1911–1921 гг.]. 2003 / Батсайхан О., сост. Улаанбаатар: Битсервис.
- 1911 оны үндэсний хувьсгал ба VIII Богд Жибзундамба хутагт [Национальная революция 1911 г. и Богдо-гэгэн VIII Джебцзундамба-хутухта]. 2007. Улаанбаатар.
- Авирмид С. Монгол дахь колонийн ба феодалын дарлал [Монголия при колониальном и феодальном угнетении]. 1953. Улаанбаатар.
- Агваанпринлэйжамц. 2001. Живзун Дарнатын гэгээний дээд хувилгаан Агваанлуvsанч ойджиннямданзанванчүгбалсанбогийн дур хийгээд түүхэнд ялгуулсад бээр бошог үзүүлсэн ба хааны угсааны ёсыг тодруулан үйлдсэн эндүүрэлт үзэгдлийг машид арилгагч, шашин төрийн наран саран хосолсны гэрлийн гэгээ хэмээгдэх оршив [(Книга), содержащая облик высшего хубилгана Джебцзун-Даранаты Агван-Лувсан-Чойжинням-Данзан-Ванчүгбал-Санбо — провидца, победоносного в истории, полностью устраняющего заблуждения в действиях при выявлении традиции линии ханов, держащего вместе власть и религию как лучи солнечного и лунного света]. Улаанбаатар: ШУА Түүхийн хүрээлэн.
- Аким Х. 2004. Хамбын овооны яс юу өгүүлнэ вэ [О чем свидетельствуют кости, выкопанные из Хамбын-обо]. Улан-Батор: Ган принт.
- Алтанзаяа Л. 2005. [Вопросы изучения истории отношений власти с монастырями в Монголии] // XX зууны монголын түүхийн судалгаа, түүх бичлэгийн зарим асуудал [Некоторые вопросы историографии Монголии XX в.] Улаанбаатар.
- Алтанзаяа Л. 2010. [Новое о шабинарах Ялгуусан-хутухты в Сэцэнханском аймаке] // Nomadic Studies. Vol. 17.
- Алтанзаяа Л. 2011a. [К вопросу о территориях шабинаров монгольских хутухт, имевших печати] // Угсаатан судлал. Vol. 20.
- Алтанзаяа Л. 2011b. [О некоторых письмах Дамбиджанцана] // Монголын сэргэн мандалтын эхэн. Улаанбаатар.
- Алтанзаяа Л. 2011-2012. Халхын IV Ноён хутагтын шавь нарын асуудалд [К вопросу о шабинарах халхаского Нойон-хутухты IV] // Түүхийн судлал. Т. 41–42. № 12.

- Ардын засгаас 1921–1924 онуудад авсан хувьсгалт арга хэмжээнүүд [Революционные мероприятия народного правительства в 1921–1924 гг.]. 1954 / Насанбалжир Ц., сост. Улаанбаатар: Улсын хэвлэл. (русск. изд.: Революционные мероприятия..., 1960).
- Ариунболд Б.Г. 2012. “Нармай монгол”-изм-(“панмонголизм”)-ын хэрэгт хэлмэгдсэн монголчууд (1937–1941) [Монголы — жертвы репрессий по обвинению в “панмонголизме” (1937–1941)]. Улаанбаатар: Хөх судар принтинг.
- Баасан Д. 2011. Богд Жавзандамба хутагт. Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг.
- Баасансүрэн Х. 2011. Энх тунх Эрдэнэ Зуу [Эрдэни-Дзу: драгоценность просветления]. [Улаанбаатар]: Позитив.
- Баасансүрэн Ц. 2014. Халхын Эрдэнэ Зая бандида Лувсанданзанпүлжинжигмэд: Далай багшийн нулимс нь цийлэгнээд “Зая гэгээн мөн байна” гэж хэлсэн [Халхаский Эрдэнэ-Зая-пандита Лувсанданзанпүлжинжигмэд: Далай-лама сказал со слезами на глазах: “Это — Зая-гэгэн”] // Өдрийн сонин — <http://dnn.mn/archive/52521/B4/>
- Баатар С. 2006. Тэргүүн сайд, Түшээт чин ван Г. Чагдаржав [Премьер-министр Тушэтучин-ван Г. Чагдаржав]. Улаанбаатар.
- Бадарчи О.С., Дугарсүрэн Ш.Н. 2000. Богд хааны амьдралын он дарааллын товчоон [Краткая биография Богдо-хана по годам]. Улаанбаатар: Хаадын сан.
- Банзрагч Б. [2009.] Мэхт мэхэндээ [Обман обманщиков]. — <http://www.gia.gov.mn/?dazo=literaturefull&literid=5>.
- Баркманн У.Б., Болдбаатар Ж., Урангуа Ж., Хишигт Н. 2008. Монгол улсын тусгаар тогтнол ба хаант Орос улс [Государственная независимость Монголии и царская Россия]. Улаанбаатар.
- Батбаяр Ц. 1989. [Сунь Ятсен и Монголия (1911–1924 он)] // Дорнодахины судлалын асуудал. 1989. № 1 (20).
- Батбаяр Ц. 2008. Олноо Өргөгдсөн Монгол улсын гадаад харилцаа [Международные отношения Монгольского государства периода Многими Возведенного]. Улаанбаатар: Монгол улсын Шинжлэх ухааны академи Түүхийн хүрээлэн,
- Батбаяр Ц. 2012. Монгол ба Япон XX зуунд [Монголия и Япония в XX в.]. Улаанбаатар: ШУА Түүхийн хүрээлэн.
- Батбаяр Ц., Гомбосүрэн Д. 2009. Монгол ба Түвд. XX зууны эхний хагаст [Монголия и Тибет в первой половине XX в.]. Улаанбаатар: Монгол улсын ШУА Түүхийн хүрээлэн.
- Батмагнай Н. 2013. [Маркетинг буддизма в Монголии] // Майдарын эрин: нийгмийн хөгжлийн чиг хандалга. Улаанбаатар.
- Бат-Очир Л. 2000. Сэцэн-хан Навааннэрэн. Улаанбаатар.
- Бат-Очир Л., Дашжамц Д. 1971. Дамдины Сухэ-Батор. Биография. М.: Наука.
- Батсайхан О. 2007а. Монголын тусгаар тогтнол ба Хятад, Орос Монгол гурван улсын 1915 оны Хиагтын гэрээ (1911–1916) [Независимость Монголии и Китайско-Русско-Монгольское Кяхтинское соглашение 1915 г. (1911–1916)]. Улаанбаатар: Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академи.
- Батсайхан О. 2007б. Монгол үндэстэн бүрэн эрхт болох замд (1911–1946) [Монголия на пути национального государства (1911–1946)]. Улаанбаатар: Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академи.
- Батсайхан О. 2011б. Монголын сүүлчийн эзэн хаан VIII Богд Жавзандамба [Последний монгольский великий хан Богдо VIII Джебцзундамба]. Улаанбаатар: Адмон.
- Батсүрэн Б. 2007. [О “пяти дорогах” солдат государства в Китайскую республику] // 1911 оны үндэсний хувьсгал ба VIII Богд Жибзундамба хутагт. Улаанбаатар. 137–148.
- Батсүх З. 2013. Ламаадангийн материалыг НАХЯ-ны архиваас бүгдийг үзсэн [Просмотревший все материалы по Ламадану в Архиве МОБ]. — <http://www.medee.mn/main.php?eid=34228>.

- Баярмаа Г. 2013. [О конфискации имущества Эрдэнэ-пандиты, его имущества и дацана (1929–1930)] // Нүүдэлчдийн өв судлал. Боть XIV (1–43).
- БНМАУ-ын Засгийн Газрын “албан сэтгүүл” [“Служебный журнал” правительства МНР] 19 (1930). № 45.
- БНМАУ-ын түүх [История МНР]. 1968. Т. 2. Улаанбаатар.
- БНМАУ-ын Үндсэн хууль түүнд холбогдох зарим актын эмхтгэл [Конституция МНР и сборник связанных с ней актов]. 1972. Улаанбаатар.
- Богд хаант Монгол Улсын нэрт дипломатчдын тухай [Об известных дипломатах Богдоханского Монгольского государства]. 2001. Улаанбаатар.
- Богдын лүндэн [Лундэны Богдо-гэгэна] / Жамсранжав Г., Дугарсурэн Н., Тудэв Л., сост. 2002. Улаанбаатар: Хадын сан.
- Болдбаатар Ж. 1994. Эрдэнэ дайчин чин ван Ханддорж. Улаанбаатар.
- Болдбаатар Ж. 1998. Да лам [Да-лама Цэрэнчимэд]. Улаанбаатар: Хорьдугаар зууны Монгол.
- Болдбаатар Ж. 2003. Чин зүтгэлт гүн Хайсан [Чин-дзутгэлт-гун Хайсан]. Улаанбаатар, 2003.
- Болдбаатар Ж. 2011. Монгол 1911 оны үндэсний хувьсгалын зүтгэлтнүүд [Деятели монгольской национальной революции 1911 г.]. Улаанбаатар: Адмон.
- Болдбаатар Ч., Дуламрагчаа Ю., Нансалмаа Э. 2014. Монгол улс Нийслэл Улаанбаатар он дарааллын бичиг [Летопись Улан-Батора — столицы государства Монголия]. Улаанбаатар: Нэпко.
- Бор Х.Б.Ж. 2006. Монгол хийгэд евразийн дипломат шастир [Хроника монгольской и евразийской дипломатии]. Боть 4 (1759–2006). Улаанбаатар.
- Боржигин хошууны товчоон [Очерк хошуна Боржигин]. /Батжаргал Р., сост. 2011. Б.м.: МН Технологи.
- Бурхангүйчүүдийн эвлэл. Дүрэм [Союз безбожников [МНР]. Устав]. 1930. Б.м.
- Бямбаа Р. 1996. [Как Дандар-аграмба из хошуна Ханда-чин-вана стал учеником Далай-ламы XIII Тубтена Гьяцо] // Лавайн эгшиг. № 2.
- Гадаадаас турхирсан 1932 оны бослого [Направленное из-за рубежа восстание 1932 г.] 2013. /Зинамидар Б., Даш С., сост., ред. Улаанбаатар.
- Галдан. 2012. Эрдэнийн эрх хэмээх түүх дэвтэр (История, именуемая Эрдэнийн-эрихэ). Улаанбаатар – Улаан Уд (монг. текст с рус. пер.)
- Ганболд Ж., Мөнхцэцэг Т., Наран Д., Пунсаг А. 2006. Монголын Юан Улс [Монгольское государство Юань]. Улаанбаатар.
- Ганболд С. 2002. [Военное положение во время вооруженного восстания 1932 г.] // Түүхийн судлал. Т. 33. Fasc. 1–22.
- Гантуяа Г.М. 2010. [Буддизм и шаманизм в период Юаньской империи] // Лам нарын сэтгүүл. № 2.
- Гомбо Л. 1958. Автономит монголын цэргийн байдал (1911–1919) [Состояние войск автономной Монголии (1911–1919)]. Улаанбаатар.
- Гомбосүрэн Д. 2004. [Один из последних указов великого хана Богдо Джебцзундамбы] // Түүхийн судлал. Боть 35 (1–17). 2004.
- Гонгор Д. 2006. Ховдын хураангуй түүх [Краткая история Кобдо]. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг.
- Дамдинсүрэн С. 2001. [Действия Р.Ф. Унгерна в Монголии] 1, 2 // Олон улс судлал. № 2 (56).
- Дамдинсүрэн С. 2002. [Действия Р.Ф. Унгерна в Монголии] 3 // Олон улс судлал. № 1.
- Дашбадрах Д. 2004. Монголын хутагтууд (XVI–XX зуун) [Монгольские хутухты (XVI–XX вв.)]. Улаанбаатар.

- Дашдаваа Ч., Туяа С. 2011. Москвад цаазлагдсан монголын удирдагчид [Монгольские руководители, казненные в Москве]. Улаанбаатар.
- Дашдулам Д., Наранчимэг Ж. 2011. Нийслэл хүрээний голын чойжон сахиусны сүм, буюу Догшидын орон [Монастырь Чойжон-сахиуса в Нийслэл-хурэ, или Страна гневного божества]. Улаанбаатар.
- Дашням А. 1990. Халхын сайн ноён хан Намнансүрэн [Халхаский Сайн-нойон-хан Намнансүрэн]. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар.
- Дорж Б. 1987. [Роль буддийской религии в монгольском феодализме] // Монголын феодализмын нийтлэг, онцлогийн зарим асуудал. Улаанбаатар.
- Доржсүрэн Д. 1993. Бароныг баривчилсан хун [Человек, арестовавший барона]. Улаанбаатар: Шувуун саарал.
- Дүгэрсүрэн Л. 1969. [Из истории освобождения г. Улясутая Хатан-Батором Максаржавом от белогвардейцев] // Түүхийн судлал. Т. 8. Вып. 10.
- Дүйнхэржав Г. 1991. Наян дөрвөн шидтэний нэг Дилав хутагт (УАБХЕГ-ын төв архивас хэвлүүлээ) [Один из 84 мистиков — Дилова-хутухта (издано по архиву Главного управления государственной безопасности)]. Улаанбаатар.
- Дэндэв Л. 2006. Монголын товч түүх [Краткая история Монголии]. Улаанбаатар: Монгол улсын их сургууль.
- Жамбал А. 2012. Монгол улс дахь шашин шүтлэгийн эрх зүйн зохицуулалт (1206–1936 он) [Правовое регулирование установлений по вероисповеданию в Монгольском государстве (1206–1936 гг.)]. Улаанбаатар.
- Жамсран Л. 1991. Жанжин Манлай баатар Дамдинсүрэн [Полководец Манлай-Батор Дамдинсүрэн]. Улаанбаатар.
- Жамсран Л. 1996. Монголын цагаагчин гахай жилийн хувьсгал [Монгольская революция в год Беловой Свињи]. Улаанбаатар: ШУЛ Олон улс судлалын хүрээлэн.
- Жамсран Л. 1997. Монголын төрийн тусгаар тогтнолын сэргэлт [Восстановление государственной независимости Монголии]. Улаанбаатар: Сүхбаатар.
- Жамсранжав Г. 1998. Богд хаан [Богдо-хан]. Улаанбаатар.
- Жас жавын малыг хариулах гэрээ байгуулах тухай онц явуулгааны заавар [Особая инструкция по заключению договоров о выпасе джасского скота]. 1930. Улаанбаатар, Зарлигарта тогтоосон Монгол улсын хууль зүйлийн бичиг [Сборник законодательства государства Монголия, установленного указами]. 1995. Улаанбаатар: Чойжил.
- Идшинноров С. 1997. Мэргэн гүн Гомбожав, номч Мэргэн Бандида хоёр [Мэргэн-гун Гомбожав и ученый лама Мэргэн-пандита]. Улаанбаатар.
- Каплонаш О. 2011. [Легенды о происхождении клана Айсинь Гиоро в монгольских источниках] // Угсаатан судлал. Т. 20.
- Кузьмин С.Л. 2010б. [Причины и обстоятельства приезда Далай-ламы XIII в Монголию] // Studia Historica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Mongoli. Т. 40. № 1–27.
- Кузьмин С.Л. 2010в. [Религиозные отношения Великой Юаньской империи с Тибетом] // Лам нарын сэтгүүл. № 2.
- Кузьмин С.Л. 2010г. [Тибето-монгольская цивилизация и буддизм Монголии] // Лам нарын сэтгүүл. № 3.
- Кузьмин С.Л. 2012а. [Монголо-тибетский договор 1913 г. как действительный международный документ] // “Монгол, түвдийн гэрээ” — олон улсын эрх зүйн баримт бичиг. Улаанбаатар.
- Кузьмин С.Л. 2013а. Барон Унгерны түүх. Үнэнийг дахин сэргээсэн туршилт [История барона Унгерна. Опыт реконструкции]. Улаанбаатар.
- Кузьмин С.Л. 2014е. [Роль барона Унгерна в освобождении Нийслэл-хурэ] // Монголын нийслэл нүүдлээс суурьшилд. Улаанбаатар. X. 117–122.

- Кузьмин С.Л., Оюунчимэг Ж. 2014. Социализмын эсрэг 1932 оны Монгол дахь бослого [Восстание против социализма в Монголии в 1932 г.]. Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг.
- Кузьмин С.Л., Оюунчимэг Ж., Баяр Б. 2011-2012. Улаан хадын дэргэдэх байлдаан бол Монголын тусгаар тогтнолын төлөө тэмцлийн гол үйл явдлын нэг мөн [Битва при Улан-хаде — одно из главных событий в борьбе за независимость Монголии] // Түүхийн судлал. Т. 41–42. № 14.
- Лааган Б. 1994. Жалханз хутагт Дамдинбазар [Джалханца-хутухта Дамдинбазар]. Улаанбаатар.
- Лам нарыг егүүтгэсний учир [Причина репрессий в отношении лам] (Улс төрийн хэлмэгдэгсдийн намтрын товчоон. Боть 16). 2013. /Эрдэнэсайхан А., сост., ред. Улаанбаатар.
- Лань Мэйхуа. 2001. [О причинах монгольского движения за независимость 1911 г.] // Олон улс судлал. № 1.
- Лонжид З. 2005. [Богдо-хан и монгольская историография 1915–2004 гг.] // XX зууны монголын түүхийн судалгаа, түүх бичлэгийн зарим асуудал. Улаанбаатар.
- Лонжид З. 2009. [Какой позиции придерживался Богдо-гэгэн относительно Чингиса?] // Монголын тусгаар тогтнол, оюун санааны их удирдагч VIII Богд Жэвзундамба. Улаанбаатар.
- Лонжид З. 2011а. [Революция 1911 г. и тайджи] // Монголын сэргэн мандалтын эхэн. Улаанбаатар.
- Лонжид З. 2011б. Түүх сөхөхүй [Приоткрывая страницы истории]. Улаанбаатар: Монгол шинжлэх ухааны академи, Түүхийн хүрээлэн – Монгол улсын Их сургууль.
- Лувсан-Очир Ч. 2003. Аравхан насандаа аюулыг сөрсөн нь [Противостоявший опасности в 10-летнем возрасте]. Улаанбаатар. — <http://www.gia.gov.mn/articles/medee/1066>.
- Лувсандаш Д. 1993. Ёст бэйл Чүлтэм. Улаанбаатар.
- Лхамсүрэн Б. 1998. Монголын гадаад орчин, төрийн тусгаар тогтнол [Внешняя среда и государственная независимость Монголии]. Улаанбаатар.
- Лю Сюеяо. [От автономии к отказу от автономии]. 2001. // Олон улс судлал. № 1.
- Магсаржав Н. 1994. Монгол улсын шинэ түүх [Новая история Монголии]. Улаанбаатар.
- Манлай баатар Дамдинсүрэн [Манлай-батор Дамдинсүрэн]. 2011. Улаанбаатар.
- МАХН-ын тогтоол, шийдвэр баримт бичгүүд [Постановления и решения МНРП: документы]. Т. 1: 1920–1928. 1981. Улаанбаатар.
- Монгол ардын хувьсгалт намын V их хурал. Дэлгэрэнгүй тайлан [V съезд Монгольской народно-революционной партии. Стенографический отчет]. 1981. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар.
- Монгол ардын журамт цэргийн дургалууд [Воспоминания монгольских народных партизан]. 1961, 1985 ба 1986. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар.
- Монгол-оросын 1912 оны гэрээ ба И.Я. Коростовец [Монголо-российский договор 1912 г. и И.Я. Коростовец]. 2013. Улаанбаатар.
- Монгол төрийн үүсэл, ёс ёслол, бэлгэдэл, хүндэтгэл, уламжлал (НТӨ 209–2011 он). [Возникновение Монгольского государства, протокол, символика, церемониал и традиции]. 2011. /Гантулга Ц., Бямбасүрэн Г., сост. Улаанбаатар.
- Монгол, Түвдийн 1913 оны гэрээ — олон улсын эрх зүйн баримт бичиг [Договор между Монголией и Тибетом 1913 г. — документ международного права]. 2012. Улаанбаатар.
- Монгол улсын нутаг дэвсгэр, хил хязгаар (1911–1919 баримтын эмхтгэл) [Территория и границы Монгольского государства (сборник документов 1911–1919 гг.)] /Пунсалдулам Б., Жигмэддорж Э., Урангуа Ж., сост., ред. Улаанбаатар: Согонуур.
- Монгол улсын дээд, доод хурал баримт бичгийн эмхтгэл Верхняя и Нижняя палаты Монгольского государства. Сборник документов]. Улаанбаатар. — Боть 1 (1914–1916), 2003. — Боть 2 (1917–1918), 2005а. — Боть 3 (1919), 2005б.

- Монгол улсын санхүүгийн албаны түүх (1911–1921) [История финансового ведомства Монголии (1911–1921)]. 2006. /Лонжид З., сост. Улаанбаатар.
- Монгол улсын түүх. Боть 5. XX зуун [История Монголии. Т.5: XX в.]. 2003. Улаанбаатар.
- Монголчууд XX зууны эхэнд [Монголы в начале XX в.] 2011. /Батсайхан О., ред. Боть 1. Улаанбаатар: Монсудар.
- Монголчууд. XVII – XX зууны эхэн үе зурагт түүх [Монголы: иллюстрированная история XVII – XX вв.] 2014. /Чулуун С., ред. Улаанбаатар: Монсудар.
- Монголын 767 сүм, хийдээс 21-ийг нь л үлдээжээ [Из 767 монастырей в Монголии оставили только 21]. 14.08.2007. Зууны мэдээ 192 (2640) — <http://archive.olloo.mn/News/64921.html>
- Монголын ард түмний 1911 оны үндэсний эрх чөлөө, тусгаар тогтнолын төлөө тэмцэл. Баримт бичгийн эмхтгэл (1900–1914) [Борьба монгольского народа за национальную свободу и независимость (1900–1914 гг.). Сборник документов]. 1982. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар.
- Монголын лам ноёдын мянган захидал [Тысяча писем монгольских лам и нойонов]. Дэвтэр 3. 2010. /Түмэнжаргал Д., сост. Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академийн Түүхийн хүрээлэн.
- Монголын сүм хийдийн түүхэн товчоон [Краткая история монгольских храмов и монастырей]. 2009. Улаанбаатар.
- Монголын сүм хийдийн түүхэн товчоо төсөл [Проект “Краткая история монастырей и храмов Монголии”]. — <http://www.mongoliantemples.org/index.php/en/> (Интернет-портал с документацией по монастырям Монголии и около 400 воспоминаниями пожилых людей)
- Монголын сүм хийдийн түүхээс... [Из истории храмов и монастырей Монголии]. 2012. /Эрдэнэбилэг Б., Сонинбаяр Ш., Амгалан Н., сост. Улаанбаатар.
- Монголын тусгаар тогтнол, оюун санааны их удирдагч VIII Богд Жэвсундамба. Эрдэм шинжилгээний хурлын илтгэл [Великий лидер независимости и духовности Монголии Богдо Джебсундамба VIII. Материалы научной конференции]. 2009. Улаанбаатар: Гандантэгчэнлин хийд ба ШУА академи.
- Монголын тусгаар тогтнол ба монголчууд [Независимость Монголии и монголы]. 2012. Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академийн Түүхийн хүрээлэн.
- Монголын түүхийн эх сурвалж (1911–1921) [Источники по истории Монголии (1911–1921) гг.] /Батсайхан О., сост. 2010. Улаанбаатар: Адмон.
- Монголын үндэсний музей [Национальный музей Монголии]. 2009. Улаанбаатар.
- Монголын үндэсний хувьсгал-95 [Монгольская национальная революция — 95 лет] /Пунсалдулам Б., Алтанзаяа Л., ред. 2007. Улаанбаатар.
- Монголын феодализмын нийтлэг, онцлогийн зарим асуудал [Некоторые общие и особенные вопросы монгольского феодализма]. 1987. Улаанбаатар.
- Монголын хүрээ хийдийн түүх (эмхтгэл) [История монастырей и храмов Монголии (сборник)]. 2004. /Банзрагч Ч., Сайнхүү Б., Сонинбаяр Ш., Дашням Г., сост. Улаанбаатар.
- Монголын хууль тогтоомжийн түүхэн эмхтгэл [Исторический сборник монгольского законодательства]. 2010. Боть 2 (1911 – 1926. V сар). Улаанбаатар.
- Мөнхбаяр Х. 2008. [Как попали под политические репрессии Егузэр-хутухта Галсандаш и его монастырь] // Лам нар сүм хийдийн хэлмэгдэл ба цагаатгал. Улаанбаатар.
- Мөнхбаяр Х. 2009. [Ламское сословие и его роль в монгольском обществе в начале XX в.] // Нүүдэлчдийн өв судлал. Т. 9. Fasc. 1–23.
- Мөнхбаяр Х. 2012. [Военный режим Сюй Шучжэна и монгольская власть, которая осталась при гражданской власти Чэнь И] // Монгол улсын их сургууль. Нийгмийн шинжлэх ухааны сургууль. Эрдэм шинжлэгээний бичиг № 373 (33). Түүх, боть 11.

- Мөнхбаяр Х. 2013. [Мнение улясутайского сайда Чултэм-бэйлэ о борьбе арата Аюуша] // Нүүдэлчдийн өв судлал. Т. 14. Fasc. 1–43.
- Мөнхзул Ж. 2014. Егүзэр хутагтын хойд дүрийг тодруулжээ [Выявлен следующий образ Егүзэр-хутухты]. — <http://www.shuud.mn/?p=343999>.
- Мөнх-Очир Д. 2011. [Об узаконении нового летосчисления в государстве Богдо-хана (1911–1921 гг.)] // Монголын сэргэн мандалтын эхэн. Улаанбаатар.
- Мэнд-Ооёо Г. 1997. Билгийн мэлмий нээгч [Открывающий глаза мудрости]. [Улаанбаатар]: Odsar systems Ltd.
- Мягмарсамбуу Г. 2003. Домогт жанжин ардын Хатанбаатар С. Магсаржав [Легендарный народный герой Хатан-Батор С. Максаржав]. Улаанбаатар.
- Мягмарсамбуу Г. 2012. [О церемонии интронизации великого хана Богдо Джебцундамбы] // Монголын тусгаар тогтнол ба монголчууд. Улаанбаатар.
- Мягмарсамбуу Г. 2014. Монголын шашин, төрийн нэрт зүтгэлтэн Егүзэр хутагт Жамсранжавын Галсандаш (1870–1930) [Известный религиозный и государственный деятель Монголии Егүзэр-хутухта Джамсранжавын Галсандаш (1870–1930)]. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг.
- Наваан Д. 1961. Өвгөн Дэндэвийн дурдатгал [Воспоминания старика Дэндэва]. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл.
- Навааннамжил Г. 1956. Өвгөн бичээчийн үгүүлэл [Записки старого писаря]. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар.
- Намансүрэн Г. 2012. Богд Жибзундамба хутагтын төр ба Дамбийжанцан [Государство Богдо Джебцундамба-хутухты и Дамбиджанцан]. — http://www.archives.gov.mn/index.php?option=com_content&task=view&id=559.
- Наками Т. 2012. Үндэстэн улсаа байгуулахыг зорьсон нь: монголын тусгаар тогтнолын 1911 оны тунхаглал [Они стремились создать национальное государство: декларация о независимости Монголии в 1911 г.] // Монголын тусгаар тогтнол ба монголчууд. Улаанбаатар.
- Нарантуяа Д. 2005. Засагтхан аймгийн засаг ноёд. Хураангуй товчоон [Нойоны Дзасактуханского аймака. Краткие сведения]. Улаанбаатар.
- Насанбалжир Ц. 1969. [Фонд Джебцундамба-хутухты (XVII – XX вв.)] // Монголын судлал. № 8. X. 151–154.
- Нацагдорж Ш. 1968. [Налоговая политика правительства Богдо-гэгэна] // Шинжлэх ухааны академийн мэдээ. № 3.
- Нацагдорж Ш. 1978. Монголын феодализмын үндсэн замнал [Основной путь монгольского феодализма]. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар.
- Нинжбадгар З. 2011–2012. Жавзандамба хутагтын шавийн захиргааны зарим өөрчлөлтийн тухай (XVIII зуун) [О некоторых изменениях в управлении шабинарами Джебцундамба-хутухты (XVIII в.)] // Түүхийн судлал. Т. 41–42. № 11.
- Нямаа Б., Ганболд Г. 2007. Монголын хоёр төрийн мөнгөн тэмдэгт (1921 он) [Денежные знаки двух монгольских государств (1921 г.)]. Улаанбаатар.
- Ням-Очир Г. 2012. [Анализ двух интронизаций Богдо-хана и Эх-Дагины] // Монголын тусгаар тогтнол ба монголчууд. Улаанбаатар.
- Нямдорж Б. 2006. Ховдын хязгаар (1911–1919 он) [Кобдоский край (1911–1919 гг.)]. Улаанбаатар.
- Одбаяр О. 2012. Зүүн хязгаарын монголчуудын Егүзэр хутагт Ж. Галсандаш [Духовный лидер монголов Восточного края Егүдзэр-хутухта Ж. Галсандаш]. Улаанбаатар, “Бэмби-сан ХХК”.
- Одзаяа Л. 2013. [Об одном документе, связанном с кончиной Богдо-гэгэна VIII Джебцундамба-хутухты] // Нүүдэлчдийн өв судлал. Т. 14. Fasc. 1–43.

- Оюунжаргал О. 2011. [Отношения Богдо-ханского Монгольского государства с князем Наянту, жившим в Пекине] // Монголын сэргэн мандалтын эхэн. Улаанбаатар.
- Өвгөн Жамбалын яриа [Рассказы старика Джамбала]. 1959. /Дамдинсүрэн Ц., сост. Улаанбаатар: ЭШХ.
- Өлзийбаатар Д., Дашням Г. 2012. [К вопросу о путешествии Далай-ламы XIII в Монголию] // Монголын тусгаар тогтнол ба монголчууд. Улаанбаатар.
- Пунцагноров Ц. 1955. Монголын автономит үеийн түүх. 1911–1919 [История Монголии в период автономии (1911–1919 гг.)]. Улаанбаатар.
- Пүрэв О. 2004. Монгол улсын түүхэн газарзүй (1911–1931 он) [Историческая география Монгольского государства (1911–1931 гг.)]. Улаанбаатар.
- Пүрэвбат Г. 2008. [Правда, которую нельзя отрицать и забывать] // Лам нар, сүм хийдийн хэлмэгдэл ба цагаатгал. Улаанбаатар.
- Пүрэвжав С., Дашжамц Д. 1965. БНМАУ-д сум, хийд, лам нарын асуудлыг шийдвэрлэсэн нь. 1921–1940 он [Решение вопроса о монастырях, храмах и ламах в МНР. 1921–1940 гг.]. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн хэрэг эрхлэх хороо.
- Сандаг Ш. 1971. Монгол улс төрийн гадаад харилцаа, 1850–1919 [Международные отношения Монгольского государства, 1850–1919]. Боть 2. Улаанбаатар.
- Саруулбуян Ж. 2002. Сэцэн хан Навааннэрэн. Улаанбаатар.
- Сонинбаяр Ш. 1996. [О приезде Далай-ламы XIII в Монголию] // Лавайн эгшиг. № 2.
- Сонинбаяр Ш. 2008. [Изучение документов о религиозной политике Монгольского государства] // Лам нар сүм хийдийн хэлмэгдэл ба цагаатгал. Улаанбаатар.
- Сонинбаяр Ш. 2009. [Одна тибетская биография Богдо Джебцундамбы VIII] // Монголын тусгаар тогтнол, оюун санааны их удирдагч VIII Богд Жэвзундамба. Улаанбаатар.
- Сталин ба Монгол орон (Архивын баримтын эмхэтгэл) [Сталин и Монголия (сборник архивных документов)]. 2010. /Дашдаваа Ч., Өлзийбаатар Ц., Чулуун С., сост. Улаанбаатар.
- Сүхбаатар Н. 2012. [Роль нойонов Кобдоского края в освобождении Кобдо в 1912 г.] // Borjigin H., Junko I. (eds.). The History and Culture of Mongols in the 20th Century. Coll. of Treatises in the 2011 International Symposium in Ulaanbaatar Fukuyosha.
- Сэра Жэ Монгол оюутнууд [Монгольские студенты в монастыре Сэра]. 2014. — <https://www.facebook.com/serajeymnstudents/posts/331918703631710>.
- Тачибана М. 2006. Хоёр засгийн газартай 1921 оны Монгол (Монгол Ардын Намыг харьцангуйлан үзэхүй) [Два правительства в Монголии в 1921 г. (сравнительный анализ Монгольской народной партии)]. Улаанбаатар: Битпресс.
- Тачибана М. 2011. Монголын мартагдсан түүх. Богд хаант засгийн газар (1911–1921) [Забывтая история Монголии. Правительство Богдо-хана (1911–1921 гг.)]. Улаанбаатар.
- Тачибана М. 2012а. [Внутренняя Монголия в “истории Монголии” XX в.: о числе хошунов, принявших подданство] // Монголын тусгаар тогтнол ба монголчууд. Улаанбаатар.
- Тачибана М. 2012б. [Историческое значение власти Богдо-хана: две монгольские “революции”] // Borjigin H., Junko I. (eds.). The History and Culture of Mongols in the 20th Century. Coll. of Treatises in the 2011 International Symposium in Ulaanbaatar. Fukuyosha.
- Тачибана М. 2013. [Российско-монгольский договор о дружбе 1912 г. и международные отношения] // Монгол-оросын 1912 оны гэрээ ба И.Я. Коростовец [Монголо-российский договор 1912 г. и И.Я. Коростовец]. Улаанбаатар.
- Тус улсын төр шашин хэргийг тусгаарлан явуулах тухай хууль [Закон об отделении религии от государства]. Б.г., б.м.
- Уламбаяр Д. 2009. [Попытка установить дипломатические отношения государства Монголия с Тибетом на уровне министерств иностранных дел] // Олон улс судлал. № 1.

- Улс төрийн талаар хэлмэгдэгсдийн дурсгал. Цагаан ном. Боть 1. [Памяти жертв политических репрессий. Белая книга. Т. 1]. 1993. /Ринчин М., ред. Улаанбаатар.
- Улс төрийн хэлмэгдэгсдийн намтрын товчоон. Боть 11. [Краткие биографии жертв политических репрессий. Т. 11]. 2008. /Ринчин М., ред. Улаанбаатар.
- Улс төрийн хэлмэгдэгсдийн Цагаан ном [Белая книга жертв политических репрессий]. 2010–2013. /Лхагварэнцэн О., сост. Боть 1, 2010; Боть 2, 2012; Боть 3, 2013. Улаанбаатар. — <http://tsauzbuk.mn>.
- Улсын анхдугаар их ба нэгдүгээр бага хурлаас тавдугаар их ба арвандөрөвдүгээр бага хурлууд хүртэлх Улсын их бага хурлуудын тогтоолуудыг нэгтгэсэн дэвтэр Бага хурлын гишүүн Бадрах [Сборник постановлений от 1-го Великого и 1-го Малого хуралов до 5-го Великого и 14-го Малого хуралов. Сборник, подготовленный членом Малого хурала Бадрахом]. 1929. Улаанбаатар: Монгол Улсын Хэвлэлийн хороо.
- Урангуа Ж. 2006. XX зууны эхэн үеийн Монгол Улс (1911–1919) [Монгольское государство в начале XX в. (1911–1919)]. Улаанбаатар: Интерпресс
- Урангуа Ж. 2008. Монгол улсын тусгаар тогтнол ба Хаант Орос улс [Независимость Монгольского государства и царская Россия]. Улаанбаатар.
- Өлзийбаатар Д. 2004. Яагаад 1937 он? [Почему 1937 г.?] Улаанбаатар.
- Үлэмж Т. 2014. Наро Банчэн хувилгааны долдугаар дүр тодорлоо [Выявлен седьмой образ хубилгана Наробанчена]. — <http://www.gereg.mn/news/1775/>.
- Хатанбаатар Л., Уугансайхан Т. 2009. Улс төрийн хэлмэгдэгсдийн дурсгал. Цагаан ном [Памяти жертв политических репрессий. Белая книга]. Улаанбаатар.
- Хишигт Н. 2011б. Монголын хувьсгал 1921 [Монгольская революция 1921 г.]. Улаанбаатар.
- Хоролдамба Д. 2012. Төгс-Очирын Довчинсодном // Улс төрийн хэлмэгдэгсдийн намтрын товчоон. Боть 14. Улаанбаатар.
- Хүрэлбаатар П. 2008а. [Последний хубилган монастыря Эрдэни-Дзу] // Лам нар сүм хийдийн хэлмэгдэл ба цагаатгал. Улаанбаатар.
- Хүрэлбаатар Л. 2008б. [Устные допросы о том, что такое “Нюрджон солдеб”] // Лам нар сүм хийдийн хэлмэгдэл ба цагаатгал. Улаанбаатар.
- Хятад харьяат нарыг хасаж жүүтхэх зэрэг учир түр дааж шитхүүлэхээр манан тогтоосан дүрэм [Инструкция по сокращению числа китайских подданных]. Б.г. [Улаанбаатар].
- Цацрал П. 2004. Монгол дахь теократ төр ба хутагт хувилгаадын улс төрийн оролцоо [Теократическое государство в Монголии и участие хутухт и хубилганов в политике]. Улаанбаатар.
- Цолмон С. 2009. [Богдо Джебцзундамба-хутухта и орден Эрдэнийн-Очир] // Монголын тусгаар тогтнол, оюун санааны их удирдагч VIII Богд Жэвзундамба. Улаанбаатар.
- Цэвээндорж Г.Б. 2010. [Ламын-гэгэн Лувсанданзанжанцан и его образы] // Лам нарын сэтгүүл. № 1.
- Цэдэв Д. 1964. Их шавь [Великое шаби]. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл.
- Цэрэнбалжир Д. 1990. 1932 оны зэвсэгт бослого [Вооруженное восстание 1932 г.]. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар.
- Цэрэндоо Ш. 2009. Манзуширийн хийд хийгээд хутагтууд Монастырь Манджушри-хийд и [его] хутухты]. Улаанбаатар.
- Цэрэнпил гүнгийн хэргийн тухайд [О деле Цэрэнпил-гуна]. 2006. /Батсайхан О., сост., ред. Улаанбаатар: Бит Пресс.
- [Чжан Чжисюн] Жан Жисюн. 2001. [Об объединительном панмонгольском движении: другой аспект независимости Халхи] // Олон улс судлал. № 1.
- Чимэд Ө. 1958. Их хүрээний сүм хийдийн мөнгөн хүүлийн тухай (1810–1918) [О ростовщичестве монастырей Их-хурэ (1810–1918)]. Улаанбаатар.

- Чойбалсан Х., Лосол Д., Дэмид Г. 1979. Монгол ардын үндэсний хувьсгалын анх үүсэж байгуулагдсан товч түүх [Краткая история возникновения монгольской народной национальной революции]. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар (изд. 1: т. 1, 1934).
- Чойжамц Д. 2008. [О Богдо-гэгэне Джебцундамба-хутухте VIII] // Лам нар сүм хийдийн хэлмэгдэл ба цагаатгал. Улаанбаатар.
- Чулуун С. 2012а. [О жизни Бинту-вана в Хурэ: деятельность и смерть] // Borjigin H., Junko I. (eds.). The History and Culture of Mongols in the 20th Century. Coll. of Treatises in the 2011 International Symposium in Ulaanbaatar. Fukuyosha.
- Чулуун С. 2012б. [О некоторых вопросах отношений между внутренними монголами и Да-ламой Цэрэнчимэдом] // Тэргүүн сайд, да лам Гомбын Цэрэнчимэд: амьдрал, үйлс. Улаанбаатар.
- Шинэбаяр Ц. 2012. Монголоос тодорсон хутагт, хувилгаад эх орондоо... [Выявленные в Монголии хутухты и хубилганы на своей родине]. — <http://www.ubs.mn/city-news/%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%BE%D1%81-%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD-%D1%85%D1%83%D1%82%D0%B0%D0%B3%D1%82-%D1%85%D1%83%D0%B2%D0%B8%D0%BB%D0%B3%D0%B0%D0%B0%D0%>.
- Энхжаргал П. 2010. [Правдивая история репрессий] // Нийслэл таймс. 16.03.2010.
- Энхцэцэг Д. 2011. Улсын Эх Дагина [Мать-Дакини государства]. Улаанбаатар.
- Эрдэнэсайхан А. 2014. Далан есөн насандаа улс төрийн хэрэгт хэлмэгджээ [Жертва политических репрессий на 79-м году жизни]. Улаанбаатар: Цагаатгах ажлыг удирдаан зохион байгуулах улсын комисс. — <http://tsauzbuk.mn/?p=948>.
- Эх орноо харийн дайснаас бүрэн чөлөөлсөн нь (баримтын эмхтгэл) 1920–1924. [Полное освобождение родины от иностранных врагов, 1920–1924 гг. Сборник документов]. 1980. /Балжиргарам Б., сост. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар.
- Ядамсүрэн Ү. 2010. Монголын хуучны зэрэг дэвийн хувцас [Одежда монгольских чинов и званий в прошлом]. Улаанбаатар.
- Янжинсүрэн С. 2013. [Буддизм и ментальность монголов] // Майдарын эрин: нийгмийн хөгжлийн чиг хандлага. Улаанбаатар.

На западноевропейских языках

- Agganna Sutta: On Knowledge of Beginnings. — <http://www.columbia.edu/itc/religion/f2001/edit/docs/aggannasutta.pdf>
- Atwood C.P. 2002. Young Mongols and Vigilantes in Inner Mongolia's Interregnum Decades, 1911–1931. Vol. 1. Leiden – Boston – Köln.
- Ballis W.B. 1941. Soviet Russia's Asiatic frontier technique: Tannu Tuva // Pacific Affairs. Vol. 14. No 1.
- Ballis W.B. 1956. The political evolution of a Soviet satellite: the Mongolian People's Republic // Western Political Quarterly. Vol. 9. No 2.
- Batsaikhan O. 2011a. Mongolia's national revolution of 1911 and VIII Bogdo Jebtsundamba Khutuktu // 10th Intern. Congress of Mongolists. Summaries of Congress Papers. Ulaanbaatar.
- Batsaikhan O. 2011b. The letter of the Emperor of Mongolia Bogd Javzandamba to the Emperor of Japan in 1913 // The History and Culture of Mongols in the 20th Century. Summaries of Symposium Papers. Ulaanbaatar.
- Bawden Ch.R. 1961. The Jebtsundamba Khutukhtus of Urga. Text, Translation and Notes. Wiesbaden: O. Harassowitz.
- Bira Sh. Qubilai Qa'an and sPhags-pa bla-ma. 1999. // The Mongol Empire and Its Legacy. Leiden.

- Birtalan A. 2012. Religion and Mongol identity in the mid-19th Century Urga on the basis of Mongolian monk's oral narratives recorded by Gabor Balint of Szentkatolna in 1873 // *Questions Mongolorum Disputatae*, no 8. Tokyo.
- Borjigin B. 2004. The complex structure of ethnic conflict in the frontier: through the debates around the 'Jidandao incident' in 1891 // *Inner Asia*. Vol. 6. No 1.
- Boyd J. Faith, Race and Strategy: Japanese-Mongolian Relations, 1873–1945. Ph. D. Thes. Murdoch Univ. 2008.
- Brown W.A., Onon U. 1976. *History of the Mongolian People's Republic*. London: Harvard Univ.
- Bulag U.E. 2004. Inner Mongolia : the dialectics of colonization and ethnicity building // Rossabi M. (ed.). *Governing China's Multiethnic Frontiers* Seattle, WA etc.: University of Washington Press. P. 84–116.
- Bulag U.E. 2007a. From empire to nation: the demise of Buddhism in Inner Mongolia // *The Mongolia — Tibet Interface*. Leiden – Boston.
- Bulag U.E. 2007b. The yearning for “friendship”: revisiting “the political” in minority revolutionary history of China // *Journal of Asian Studies*. Vol. 65. No. 1.
- Bulag U. 2011. Collaborative Nationalism. The Politics of Friendship on China's Mongolian Frontier. Lanham etc.: Rowman & Littlefield.
- Bulag U. 2012. Independence as restoration: some comments on the Chinese and Mongolian declarations of independence // *МОНГОЛЫН ТУСГААР ТОГТНОЛ БА МОНГОЛЧУУД*. Улаанбаатар. Cambridge dictionaries online. — <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/statehood>.
- Carruthers D. 1914. *Unknown Mongolia. A Record of Travel and Exploration in North-West Mongolia and Dzungaria*. London: Hutchison & Co.
- Chia N. 1993. The Lifanyuan and the Inner Asian Rituals in the Early Qing (1644–1795) // *Late Imperial China*. Vol. 14. No. 1.
- Chuluun S., Bulag U.E. (eds.). 2013. *The 13th Dalai Lama on the Run (1904–1906)*. Archival Documents from Mongolia. Leiden – Boston: Brill.
- Consten H. 1920. *Weideplatze der Mongolen im Reiche der Chalcha*. Bd. 2. Berlin: D. Reimer (E. Wohsen) AG.
- Croner D. 2006. *Guidebook to Locales Connected with the Life of Zanabazar, First Bogd Gegeen of Mongolia*. S.p.: Polar Star Press.
- Crossley P.K. 1990. Thinking about ethnicity in early modern China // *Late Imperial China*. Vol. 11. No. 1.
- Crossley P. 1999. *A Translucent Mirror. History and Identity in Qing Imperial Ideology*. Berkeley – Los Angeles – London.
- Dashpurev D., Prasad U. 1993. *Mongolia Revolution and Independence (1911–1992)*. New Delhi: Subhash and Associate.
- Dashpurev D., Soni S.K. 1992. *Reign of Terror in Mongolia 1920–1990*. New Delhi: South Asian Publ.
- Elleman B.A. 1994. Secret Sino-Soviet Negotiations on Outer Mongolia, 1918–1925 // *Pacific Affairs*. Vol. 66. No. 4.
- Elliott M.C. 2001. *The Manchu Way. The Eight Banners and Ethnic Identity in Late Imperial China*. Stanford.
- Elverskog J. 2006. *Our Great Qing. The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China*. Honolulu.
- Elverskog J. 2007. Tibetocentrism, Religious Conversion and the Study of Mongolian Buddhism // *The Mongolia-Tibet Interface: opening new research terrains in Inner Asia*. Oxford, 2003. Leiden, Boston: Brill.

- Encyclopaedia Britannica. International law. — <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/291011/international-law/233505/Statehood>
- Ewing Th.E. 1980. Ch'ing policies in Outer Mongolia // *Modern Asian Studies*. Vol. 14. No. 1.
- Fairbank J.K., Teng S.Y. 1941. On the Ch'ing tributary system // *Harvard J. Asiatic Studies*. Vol. 6. No. 2.
- Farquhar D.M. 1971. Mongolian versus Chinese elements in the early Manchu State // *Ch'ing-shih wen-t'i*. Vol. 2. No. 6.
- Farquhar D.M. 1978. Emperor as Bodhisattva in the governance of the Ch'ing Empire // *Harvard J. Asiatic Studies*. Vol. 38. No. 1.
- Franke H. 1981. Tibetans in Yuan China // *China Under Mongol Rule*. Princeton.
- Futaki H. 2000. A re-examination of the establishment of the Mongolian People's Party, centering on the Dogsom's memoir // *Inner Asia*. No 2.
- Giles H.A. China and the Manchus. Cambridge. 1912. — <http://www.gutenberg.org/files/2156/2156-h/2156-h.htm>.
- Gruper S.M. 1984. Manchu Patronage and Tibetan Buddhism during the first half of the Ch'ing Dynasty // *J. Tibetan Society*. No. 4.
- Halen H. 1997. Major Hjalmar Front in Mongolia and Manchukuo, 1937–1938 // *Int. J. Central Asian Studies*. Vol. 2.
- Harding H. 1993. The concept of “Greater China”: themes, variations and reservations // *China Quarterly*. No. 136. Special Issue: Greater China.
- Hevia J. 1993. Lamas, Emperors, and Rituals: Political Implications in Qing Imperial Ceremonies // *J. Int. Assoc. Buddhist Studies*. Vol. 16. No. 2.
- Hyer P. 2012. Politics and religion in Inner Mongolia: Japan's plans for the 9th Jebtsundamba “Living Buddha” // *Mongolian J. International Affairs*. Vol. 17.
- Historical variations of China's frontiers. 1945. // *Pacific Affairs*. Vol. 18. No. 4.
- Ho P. 1998. In defense of sinicization: a rebuttal of Evelyn Rawski's “Reenvisioning the Qing” // *Journal of Asian Studies*. Vol. 57. No. 1. P. 123–155.
- Horowitz R.S. 2004. International law and state transformation in China, Siam, and the Ottoman Empire during the 19th Century // *J. World History*. Vol. 15. No. 4.
- Hsieh J. 1986. China's nationalities policy: its development and problems // *Anthropos*. Bd. 81. H. 1/3.
- Hsieh P. 1925. *The Government of China (1644–1911)*. Baltimore: J. Hopkins.
- Hurcha N. 1999. Attempts to Buddhicise the cult of Chinggis Khan // *Inner Asia*. Vol. 1.
- Ishihama Y. 1992. A study of the seals and titles conferred by the Dalai Lamas // *Tibetan Studies*. No 2.
- Ishihama Y. 1995. The image of Chine'lung's kinship as seen from the world of Tibetan Buddhism // *Acta Asiatica* (Tokyo). Vol. 88.
- Ishihama Y. 2005. Study of the Qianlong as the Cakravartin, a manifestation of Bodhisattva Manchushri, Tangka // *Bull. Waseda Inst. Mongolian Studies*. No 2.
- Ishikawa Y. 2003. Anti-Manchu racism and the rise of anthropology in early 20th Century China // *Sino-Japanese Studies*. Vol. 15.
- Isono F. 1976. The Mongolian Revolution of 1921 // *Modern Asian Studies*. Vol. 10. No. 3.
- Jagchid S. 1999. *The Last Mongol Prince: the Life and Times of Demchugdongrob, 1902–1966*. Washington: Western Washington Univ.
- Jerryson M. 2008. Buddhism and the Mongolian People's Republic: the remaking of cultural identity // *Northern Buddhism and History*. Kathmandu.
- Jin B. 1987. When does the word “minority nationality” [shaoshu minzu] [first] appear in our country? // *Nationality Solidarity (Minzu Tuanjie)*. Vol. 6. — <http://www.columbia.edu/itc/ealac/barnett/pdfs/link21-jinbanggao.pdf>.

- Kaplonski Ch. 2008. Prelude to violence: show trials and state power in 1930s Mongolia // *American Ethnologist*. Vol. 35. No. 2.
- Kaplonski Ch. 2012. Resorting to violence: technologies of exception, contingent states and repression of Buddhist lamas in 1930s Mongolia // *Ethnos: J. Anthropol.* Vol. 77. No. 1.
- Kaplonski Ch. 2014. *The Lama Question. Violence, Sovereignty, and Exception in Early Socialist Mongolia*. Honolulu: University of Hawaii Press.
- Kuehle N. 2008. Why Did the Kangxi Emperor go to Wutai Shan? Patronage, pilgrimage, and the place of Tibetan Buddhism at the early Qing court // *Late Imperial China*. Vol. 29. No. 1.
- Kuzmin S.L. 2012a. Collapse of the Qing Empire and reestablishment of the independence of Mongolia // Borjigin H., Junko I. (eds.). *The History and Culture of Mongols in the 20th Century*. Coll. of Treatises in the 2011 International Symposium in Ulaanbaatar. Fukuyoshi.
- Kuzmin S.L. 2012b. Role of the 13th Dalai Lama in the movement for independence of Mongolia // Монголын тусгаар тогтнол ба монголчууд [Независимость Монголии и монголы]. Улаанбаатар.
- Kuzmin S.L. 2013a. Buddhism and ecology: perspective for Mongolia // Майдарын эрин: нийгмийн хөгжлийн чиг хандлага [Эра Майтрея: перспективы социального развития]. Улаанбаатар.
- Kuzmin S. 2013b. Tibet as a state: historical facts and international law // 13th Seminar of the International Association for Tibetan Studies. Sunday 21st July – Saturday 27th July 2013. Abstracts. Ulaanbaatar.
- Kuzmin S.L. 2013c. The Treaty of 1913 between Mongolia and Tibet as valid international document // *The Centennial of the Tibeto-Mongol Treaty: 1913 – 2013* (Lungta. Vol. 17).
- Kuzmin S.L. 2013d. Mongolian–Tibetan relations in the struggle for independence: the first half of the 20th Century // Монголын Тусгаар Тогтнол, Хувьсгал [Независимость Монголии и революция]. Section 5: Independence and Revolutions in Mongolia. Ulaanbaatar.
- Larson F.A. 1930. *Larson Duke of Mongolia*. Boston: Little, Brown and Co.
- Lattimore O. 1930. Political Conditions in Mongolia and Chinese Turkestan // *Annals Amer. Acad. Polit. and Soc. Sci.* 1930. Vol. 152.
- Lattimore O. 1934. *Mongolia* // *The China Yearbook*. Shanghai.
- Lattimore O. 1936. The historical setting of Inner Mongolian nationalism // *Pacific Affairs*. Vol. 9. No. 3. P. 388–405.
- Lattimore O. 1937. Inner Mongolia — Chinese, Japanese, or Mongol? // *Pacific Affairs*. Vol. 10. No. 1.
- Lattimore O. 1946. The Outer Mongolian horizon // *Pacific Affairs*. Vol. 24. No. 4.
- Lattimore O. 1956. Satellite politics: the Mongolian prototype // *Western Political Quarterly*. Vol. 9. No. 1.
- Lattimore O. 1962. *Nomads and Commissars. Mongolia Revisited*. New York: Oxford Univ. Press.
- Lattimore O., Isono F. 1982. The Diluv Khutagt: Memoirs and autobiography of a Mongol Buddhist Reincarnation in religion and revolution // *Asiatische Forschungen*. Bd. 74.
- Lattimore O. 1955. *Nationalism and Revolution in Mongolia*. Leiden: E.J. Brill.
- Lau J. Mustering the strength to save Manchu // *The Yale Globalist*. — <http://tyglobalist.org/in-the-magazine/theme/mustering-the-strength-to-save-manchu/>.
- Leibold J. 2003. Rethinking Guomindang national minority policy and the case of Inner Mongolia // *China Reconstructs*. Lanham. P. 103–124.
- Leibold J. 2006. Competing narratives of racial unity in republican China: from the Yellow Emperor to Peking man // *Modern China*. Vol. 32. No. 2.
- Lessing F. 1942. *Yung-Ho-Kung, an Iconography of the Lamaist Cathedral in Peking: With Notes on Lamaist Mythology and Cult*. Stockholm.

- Liu D. 2008. "The Central Kingdom" and "the realm under heaven" coming to mean the same: the process of the formation of territory in ancient China // *Frontier Hist. China*. Vol. 3. No. 3.
- Liu A. 1989. *Two Rulers in One Reign: Dorgon and Shun-chih 1644–1680*. Canberra.
- Lopez D.S. 1996. "Lamaism" and the disappearance of Tibet // *Comp. Studies in Society and History*. Vol. 38. No. 1.
- Majer Z., Teleki K. 2011. Survey of Active Buddhist Temples in Ulaanbaatar in 2005–2006 with some annotations in 2007 and 2011. — <http://www.mongoliantemples.org/index.php/en/2014-07-01-06-34-46/2014-07-01-06-44-08>.
- Majer Z., Teleki K. 2012. *History of Zaya Gegeenii Khuree, the Monastery of Khalkha Zaya Pandita*. Ulaanbaatar: Admon.
- May T.R. 1998. *Banditry in Inner Mongolia*. University of Wisconsin. — <http://userpage.fu-berlin.de/~corff/im/Landeskunde/im-bandits.html#toc1>.
- Misshima Y., Goto T. (transl. by Grajdanzev A.J.) 1942. *A Japanese View of Outer Mongolia*. New York: Inst. Pacific Relations.
- Morozova I.Y. 2009. *Socialist Revolutions in Asia. The Social History of Mongolia in the XX Century*. London – New York: Routledge.
- Moses L.W. 1977. *The Political Role of Mongolian Buddhism*. Indiana Univ.
- Mullin G. 2011. *Mongolian Buddhism: past and present. Reflections on culture at historical crossroads* // *Лам нарын сэтгүүл*. № 1 (5).
- Narangoa L. 2003. *Japanese imperialism and Mongolian Buddhism* // *Critical Asian Studies*. Vol. 35. No. 4.
- Oidtman M. [2012] To be "one's own master": the 19th Century conflict between Qing colonial officials and the monastic domain of the Cagan Nomun Han Kütüktu // <https://sfs-georgetown.academia.edu/MaxOidtman/Papers>.
- Onon U., Pritchatt D. 1989. *Asia's First Modern Revolution. Mongolia Proclaims Its Independence in 1911*. Leiden: E.J. Brill.
- Perdue P.C. 1998. *Boundaries, Maps, and Movement: Chinese, Russian, and Mongolian Empires in Early Modern Central Eurasia* // *Int. History Review*. Vol. 20. No. 2.
- Perdue P.C. 2011. *China and other colonial empires // Past and Present in China's Foreign Policy*. From "Tribute System" to "Peaceful Rise". Portland.
- Porter R. 2013. *The role of Buddhism in Mongolian politics* // *Майдарын эрин: нийгмийн хөгжлийн чиг хандлага [Эра Майтреи: перспективы социального развития]*. Улаанбаатар.
- Rawski E.S. 2001. *The Last Emperors: A Social History of Qing Imperial Institutions*. Univ. of Calif. Press.
- Rigger Sh. *Voices of Manchu identity* // *Cultural Encounters on China's Ethnic Frontiers*. Seattle. 1994.
- Rupen R. 1979. *How Mongolia is Really Ruled. A Political History of Mongolian People's Republic, 1900–1978*. Stanford: Hoover Inst.
- Sambanis N. 2004. *What is civil war? Conceptual and empirical complexities of an operational definition* // *J. of Conflict Resolution*. Vol. 48. No. 6.
- Sandag Sh., Kendall H.H. 2000. *Poisoned Arrows. The Stalin — Choibalsan Mongolian Massacres, 1921–1941*. Boulder: Westview Press.
- Sanders A. 2007. *Digging up Mongolia's past* // *Inner Asia*. Vol. 9.
- Sarkozi A. 1992. *Political prophesies in Mongolia in the 17th – 20th Centuries*. Budapest: Akademiai Kiado.
- Shakabpa W.D. 2010. *One Hundred Thousand Moons. An Advanced Political History of Tibet*. Vol. 2. Leiden – Boston: Brill.

- Sheehy M.R. 2010. The Jonangpa after Taranatha: auto/biographical writings on the transmission of esoteric Buddhist knowledge in 17th Century Tibet // *Bulletin of Tibetology*. Vol. 45. No. 1.
- Sinha N.C. 1968. Chhos srid gnyis Idan // *Bulletin of Tibetology*. Vol. 5. No. 3.
- Sneath D. 2012. Sovereignty and administrative reform in autonomous Mongolia // Монголын тусгаар тогтнол ба монголчууд [Независимость Монголии и Монголы]. Улаанбаатар.
- Sunderland W. 2014. *The Baron's Cloak. A History of the Russian Empire in War and Revolution*. Ithaca and London: Cornell Univ. Press.
- Tachibana M. 2014. The 1911 Revolution and “Mongolia”: independence, constitutional monarchy, or republic // *Journal of Contemporary China Studies*. Vol. 3. No. 1.
- Tang P.S.H. 1959. *Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia 1911–1931*. Durham: Duke Univ. Press.
- Teleki K. 2011. *Monasteries and Temples of Bogdiin Khuree*. Ulaanbaatar: Inst. Hist. Mongolian Acad. Sci.
- The Centennial of the Tibeto-Mongol Treaty: 1913 – 2013. 2013 // *Lungta*. Vol. 17.
- Tulku Thondup. 1982. *Buddhist civilization in Tibet*. S.I.: Maha Siddha Nyingmapa Center.
- Uranchimeg T. 2015. *Zanabazar (1635–1723): Vajrayana art and the state in medieval Mongolia // Buddhism in Mongolian History, Culture and Society*. Oxford.
- Urbansky S. 2014. Toghtogo's mission impossible. Russia, China, and the quasi-independence of Hulunbeir // *Inner Asia*. Vol. 16.
- Vreeland H.H. 1953 *Mongol Community and Kinship Structure*. New Haven: Human Relations Area Files.
- Wang Q.E. 1999. History, space, and ethnicity: the Chinese worldview // *J. World History*. Vol. 10. No. 2.
- Wang X. 2000. The Qing court's Tibet connection: Lcang skya Rol pa'i rdo rje and the Qianlong Emperor // *Harvard J. Asiatic Studies*. Vol. 60. No. 1.
- Weale B.L.P. 1918. *Fight for Republic of China*. London.
- West's Encyclopedia of American Law. Ed. 2. 2008. The Gale Group, Inc. — <http://legal-dictionary.thefreedictionary.com/Succession+of+States>.
- Who is who in China. — http://www.archive.org/stream/whoswhoinchinaco00poweuoft/whoswhoinchinaco00poweuoft_djvu.txt.
- Will P.-E. 2008. Views of the Realm in Crisis: Testimonies on Imperial Audiences in the Nineteenth Century // *Late Imperial China*. Vol. 29. No. 1, Suppl.
- Zarrow P. 2004. Historical trauma: anti-Manchuism and memories of atrocity in late Qing China // *History and Memory*. Vol. 16. No. 2. Special issue: Traumatic Memory in Chinese History.
- Zhang Feng. 2009. Rethinking the ‘tribute system’: broadening the conceptual horizon of historical East Asian politics // *Chinese J. Int. Politics*. Vol. 2.
- Zhang Sh. 2006. A historical and jurisprudential analysis of suzerain — vassal state relationships in the Qing Dynasty // *Frontier History of China*, no 1.
- Zhao G. 2006. Reinventing China: imperial Qing ideology and the rise of modern Chinese national identity in the early Twentieth Century // *Modern China*. Vol. 32. No. 1.
- Znamenski A.A. 2014. Power for the powerless: Oirot/Amursana prophecy in Altai and Western Mongolia, 1890s–1920s // *Etudes mongoles et sibiriennes, centrasiatiques and tibetaines*. Vol. 45.

На китайском языке

- Cai Fenglin. 2006. [Находка и перевод японских дипломатических документов. О “Договоре Монголии с Тибетом”] // *Zhongguo bian jiang shi di yan jiu*. № 1.

- Du Jun. 2005. [Оценка помощи независимости Внешней Монголии в начале 1920-х гг. со стороны Советского Союза] // *Neimenggu min zu da xue xue bao: She hui ke xue ban.* № 1.
- Fan Mingfang. 2005. [Обзор новой политики во Внешней Монголии в конце Цинской династии] // *Xi yu yan jiu.* № 1.
- Fan Mingfang. 2006. [Чэнь И во Внешней Монголии] // *Xi yu yan jiu.* № 1.
- Fan Mingfang. 2007. [Чэнь Лу в Их-хурэ] // *Xi yu yan jiu.* № 1.
- Fan Mingfang. 2010. [Оккупация Их-хурэ русскими войсками и создание режима Народной партии в Монголии] // *Xinjiang she hui ke xue.* № 3.
- Hai Chunliang. 2009. [Новая политика поздней стадии Цинской династии и независимость Внешней Монголии] // *Neimenggu min zu da xue xue bao.* № 1.
- Ho K. 2008. [Воссоздание мифа о “печати, передающей государство” монгольской династией Юань и маньчжурской Цин] // *Xin shi.* № 3.
- Huricha. 2007. [Монгольские монастырские работники при Цинской династии — производство и жизнь шабинаров в монгольских монастырях] // *Neimenggu shi fan da xue xue bao.* № 4.
- Liu Chunling. 2005. [Международная политика Юань Шикая в вопросе автономии Внешней Монголии] // *Vaicheng shi fan xue yuan xue bao.* № 4.
- Liu Chunling. 2006. [О вкладе “выхода через Великую стену на север” при Цинской династии в социальное развитие запада Внутренней Монголии] // *Yinshan xue kan.* № 3.
- Liu Jingzhong. 2004. [Оккупация Монголии Советским Союзом и дипломатические сношения с Китаем] // *Shi xue yue kan.* № 2.
- Liu Lanchang. 2001. [Роль Сюй Шучжэна в отмене автономии Внешней Монголии и последствия этого] // *Zhongguo bian jiang shi di yan jiu.* № 4.
- Tian Qingfeng, Hou Jie. 2013. [Анализ влияний тибетского буддизма в местном праве Монголии и Тибета при Цинской династии Китая] // *Xizang yan jiu.* № 3.
- Tsai Weichieh. 2013. [От бандита к герою и к пионеру охраны окружающей среды: образ и политика Гада-мэрэна в современной Внутренней Монголии] // *Meng cang jikan.* Vol. 22. № 3.
- Wai Menggu jin shi shi [Новейшая история Внешней Монголии]. 1922. (Chen Chongzu ed.) Shanghai.
- Wang Weidong. 2000. [Иммиграция в Ордос в новое время] // *Zhongguo bian jiang shi di yan jiu.* № 4.
- Wang Yingwei. 2013. [О связях тибетского буддизма с независимостью Внешней Монголии от Китая в 1911 г.] // *Yinshan xue kan.* № 1.
- Ying Jun. 2007. [Соглашения по вопросам Внешней Монголии в 1917–1921 гг.] // *Anshan shi fan xue yuan xue bao.* № 1.
- Zhao Yinan. 2004. [Анализ того, как царская Россия влияла на проведение международной политики китайского правительства при Цинской династии] // *Haerbin gong ye da xue xue bao.* № 6.
- Zhou Xuejun. 2000. [Выяснение года, в который Дариганга была аннексирована Внешней Монголией] // *Zhongguo bian jiang shi di yan jiu.* № 4.
- Zhou Xuejun. 2001a. [Изучение создания парламента режима Внутренней Монголии] // *Neimenggu min zu da xue xue bao.* № 1.
- Zhou Xuejun. 2001b. [О причинах организации парламента режима Внешней Монголии] // *Yanshan da xue xue bao.* № 2.
- Zhu Yongming. 2003. [К обсуждению независимости Монголии] // *Yili jiao yu xue yuan xue bao.* № 3.
- Zhu Zhaohua. 2009. [Ответ правительства Юань Шикая на независимость Внешней Монголии] // *Shi xue yue kan.* № 6.

На других языках

- Абілтайұлы М., Абілдаев Н. 1994. Тұрар Рысқұлов Монғолияда [Турар Рыскулов в Монголии]. Алматы: Қазақстан — <http://kk.convdocs.org/docs/index-28862.html> (на каз. яз.).
- [Далай-лама V]. 1988. Gangs Chan Yul Gyi Sala sPyod pa'i mTho Ris Kyi rGyal bLon gTso bor brJod pa'i Deb Ther rZogs lDan gZon Nu'i dGa' sTon dPyid Kyi rGyal Mo'i galu dByangs Zes Bya ba bZugs so [Полная история Страны Снегов, именуемая "Праздничная песня юной весенней царицы" [кукушки], составленная для главного министра царя небесной области]. Пекин (на тиб. яз.).
- Gizycki K. 1929. Przez Urjanchaj i Mongolje. Lwow – Warszawa: wyd. Zakladu Nar. im. Ossolinskich (на пол. яз.).

Именной указатель¹

- Абахай (Хунтайджи) Айсинь Гиоро 17, 23, 24, 27, 28, 433
- Агарков А.П. 220
- Агафонов П.И. 223
- Агванбалдан Занагийн 248
- Агванпринлэйжамц-хубилган 105
- Агвандорж 170, 412
- Агванов 302
- Агванхайдав Лувсангийн 248
- Агванчойдог 74
- Алаг-Намнан-хубилган 407
- Алаша-ван 124
- Алмас-Очир 87
- Алтангэрэл 224, 227, 327
- Алтангэрэл Дзанын 421
- Алтан-хан (Анда) 24, 34-36, 260
- Амагаев Матвей Иннокентьевич 260, 272, 281, 283-286, 298, 374, 380, 385
- Амар Анандын 254, 272, 277, 279, 283, 286, 289, 318, 319-322, 334-336, 339, 344, 351, 388, 419, 424
- Амарсана 25, 46, 206, 209
- Ананд-Очир Мэргэн 163
- Андреев Андрей Андреевич 331
- Андреев И.А. 424
- Анинга 368
- Анненков Борис Владимирович 154
- Аоба 23
- Арахуа-бэйсэ 128
- Аригбуга 14
- Арлан-гэгэн Джамьяншарав 205
- Ару-Хорчин-ван 63, 67
- Ачиту-номун-хан 73
- Ашока 48
- Аюр-дзахирагч 401
- Аюрзана Батарын 409, 412, 413
- Аюуш Аддаржавын 197, 198
- Аюуш-аграмба 266
- Баву 417
- Бавудорж-бэйлэ 179, 291
- Бавужав-гун 68, 120, 125, 126, 128, 132, 133, 161, 175, 212
- Багаев 389
- Багш-гэгэн 395
- Бадамдорж Гончигжалцангийн Эрдэнэ-шанц-зотба да-лама 81, 82, 84, 135, 140, 162, 172, 173
- Бадамжав 409, 413
- Бадмаев Доржо 216, 217
- Бадмажав 409, 412
- Бадмажапов Цокто Гармаевич 130, 154
- Бадрах 408, 409, 412
- Бадрах Улзийтийн 277, 283, 336, 403
- Базарвань Батор-бэйсэ 170
- Байбагас-хан 37
- Бакич Андрей Степанович 153, 154, 158
- Балдаев 261, 395
- Балдан-порджи Н. 49
- Балдан-габджу 384
- Балдан-уйдзэн 39
- Балдандорж Дашийн 209
- Балданцэрэн-гун 147
- Балданчоймбол 74
- Балжинням 376
- Балжинням-гун 152, 156
- Балжир 266
- Балсанов 226
- Балыков А. 151, 223
- Бамбар-хутухтын-хубилган (Бамбар-эрдэнэ) 48, 390
- Банзар-габджу 384
- Банзрагч 302, 345
- Баранов Алексей Михайлович 24, 43, 67, 70, 164
- Бардашев Михаил Александрович 220
- Барду 401, 402
- Бари-лама Данзанжамъянлодой 390
- Басанжав Банзаржавын 334, 424
- Батжаргал-дзахирагч Г. 402
- Баторун Константин Константинович 246, 260, 265, 302

¹ Псевдонимы обозначены звездочкой (*).

- Бат-Очир 412
 Бат-Очир М. 389
 Бат-Очир Ч. 255
 Батуханов (Батхан Эрдни) Никита Федорович 220, 232, 260
 Башинков 302
 Баян-Сай 196
 Баяр-гун (Баир-гун) 145, 152, 156, 224, 225
 Баярмагнай-мэрэн 110
 Баярсайхан 344, 352
 Беннигсен Адам Павлович 67
 Берман Матвей Давыдович 252
 Билэгсайхан Намсрайн 233, 234
 Бинту-ван Гончигсурэн 123, 170
 Бишурельту-дзасак Тумэнжаргал-ван 109
 Блюмкин Яков Григорьевич 272
 Богдо-гэгэн Джебцундамба-хутухта 27, 44, 49, 349, 368–389, 416–418, 422, 428
 Богдо-гэгэн I Дзанабадзар 24, 42, 44, 45, 56, 79, 96, 349, 433
 Богдо-гэгэн II Лобсан Тенпей Донми 46, 48, 292
 Богдо-гэгэн III 53
 Богдо-гэгэн IV 349
 Богдо-гэгэн VII 433
 Богдо-гэгэн VIII Джецун Нгаванг Лобсанг Чойджи Нима Тензин Вангчуг Пэлсангпо 45, 50, 56, 73–214, 224–231, 234–257, 261, 266–268, 271, 272, 300, 319, 326, 333, 343, 349, 361, 367, 368–389, 393, 394, 408, 416, 419, 422, 428, 432–435, 438, 439
 Богдо-гэгэн IX Халха Джецун Дампа Ринпоче 10, 45, 243, 385, 389, 390
 Бодису 69, 75
 Бодо Догсомын 181, 224, 226–231, 234–236, 240, 243, 265, 343, 367, 368, 394, 396
 Болд Б. 389
 Болобан Андрей Павлович 115, 220
 Борисов Сергей Степанович 209, 226, 233
 Ботвинник Ефим Григорьевич 283
 Бувэй 396
 Булдгур-Шарав 402
 Бурдуков Алексей Васильевич 84, 180, 207, 209, 210
 Бурин 244
 Буртман Наум Григорьевич 225, 228
 Буриад Самбугийн 408, 412
 Бухарин Николай Иванович 277, 279
 Буяндэлгэр 412
 Буяндэлгэр Ц. 403
 Буянгэмэх Сономбалжирын 233, 259
 Бэгэр-номун-хан-хутухта 390
 Бэнса-хутухта Лубсанданзан 45
 Бямба Ванданжавын 412
 Вампилун (Вампилон) Баярто Ванданович 213
 Ван Иньтай 136, 143, 144
 Ван Сяоцун 153
 Ванданнима-гэгэн 205
 Ванданов Жалцаб 311
 Вандансамбу-лама 418, 420
 Вандансурэн 412
 Ванжил 421
 Ванчинсурэн 390
 Васильев Алексей Николаевич 264, 265
 Васильев А.Ф. 189
 Вильсон Вильям Томас Вудро 214
 Витте Петр Александрович 173, 175, 185, 194
 Владимирский Л.А. 128
 Волгин А.В. 212
 Волков Борис Николаевич 7, 195
 Ворошилов Климент Ефремович 308, 313, 317, 333, 336, 341, 427
 Всесвятский Петр Васильевич 256
 Габрик Владимир Григорьевич 127, 128, 223
 Габэ Жозеф 28
 Гагай-дзаргучи 26
 Гайхаш 170
 Галдан-Бошогту 40
 Галдан-Цэрэн 205
 Галиндэв Сойрын 351, 395, 396
 Галсан 224–227, 367
 Галсанжамц 291, 417
 Галсэнгэ-хубилган 50
 Ганден-трипа XIX Трехор Джампа Чодрак 389–390
 Ганжирва-хутухта 407
 Ганжирва-гэгэн VI Данзан Норбоев 216
 Гапон Филипп Иванович 228, 229, 231
 Гармаев 128
 Гачин 41
 Гачэн Ринпоче Ренчинсамбу Н. 390
 Гедун Дуп 35
 Гембаржевский Яков Васильевич 223, 225, 233
 Генкин Иосиф Исаевич (Дадиани, также Дадаянц, Виктор Георгиевич)* 7, 243, 261
 Гивапил Сэрээнэнгийн 408, 409

- Глазков 359
 Го Сунлин 144, 151, 181
 Гобийн-нойон-хутухта III 42
 Гобийн-нойон-хутухта Угтахбаяр Отгоннам-жилын 390
 Годан 14, 35
 Голубчик Михаил Иосифович 331, 337, 339, 340, 344, 351, 358, 425–427
 Гомбо 389, 417
 Гомбо-гелонг 368, 373, 376
 Гомбоев 128
 Гомбоев Дампил 47
 Гомбожав 288, 294
 Гомбо-Идшин-гун Л. Хичэнгуй-Батор 145, 147, 156, 239, 377, 378, 380–383, 385, 396, 397, 422
 Гомбо-лама 368
 Госбосурэн 163, 383, 401
 Гомбосурэн-габджу Цэдэнгийн 421
 Гомбосурэн-гун 384
 Гомбосурэн джун-ван 89
 Гомбосурэн Галсанцэвэгмэдийн хэбэй-бэйсэ 89, 96
 Гомбосурэн Сэцэн-ван 170
 Гомбосурэн Эрдэнэ-Далай-ван 170
 Гомбоцэрэн да-лама 147, 162
 Гончаров Николай Кузьмич 228
 Гончиг-габджу 384
 Гончигдамба-бэйсэ 109, 110, 206
 Гончигдо 418, 420
 Гончигжанцан А. хубилган 399
 Гончигцэрэн 78
 Гочитский* (Дашбалын или Дашепылов, Цэдэн-Иш) Цыден-Еши 225, 232, 235, 254, 291
 Гочо-лама 371, 373
 Гуджир 382
 Гуй Бин 92
 Гуй Фу 122
 Гунгадоной-дзахирагч 170
 Гунгасамбу-хубилган Гомбосурэнгийн 418, 421
 Гунсурэн-дзахирагч 401
 Гуррагча-гун 143
 Гуши-хан 24, 38, 44
 Гэлэгдэмбэрэл 388
 Гэлэг-Ендон-тушимэл 156
 Гэлэгсэнгэ Ганжурын 254, 268, 272, 320, 383, 385
 Гэндэн Пэлжидийн 260, 277, 286, 302, 308, 311, 315–320, 332, 334, 359, 403, 404, 421–426
 Гэндэнбалжир 321
 Гэндэнпунцаг-хубилган Жамсрангийн 418, 421
 Гэдэнсодном 381–384
 Гэнэнпил Наваанлуvsангийн 333
 Гэрэсэндэ 36, 41
 Дагдан-Насан-гайджи 405
 Дайчин-бэйлэ 290
 Далай-лама 17, 21, 22, 37, 40–47, 57, 87, 93, 97, 372–376, 389
 Далай-лама III Сонам Гьяцо 35, 36, 40
 Далай-лама IV Йонтен Гьяцо 36
 Далай-лама V Нгаванг Лобсанг Гьяцо 21, 37, 38, 40, 44, 45, 57, 93, 260
 Далай-лама XII Тинлей Гьяцо 78
 Далай-лама XIII Нгаванг Лобсанг Тубтен Гьяцо 70–77, 82, 94, 95, 104, 107, 108, 148, 155, 194, 209, 243, 344, 377–385, 416, 419–421
 Далай-лама XIV Нгаванг Лобсанг Тензин Гьяцо 10, 45, 390
 Далай-хан Галсаннамжил Бярзанын 109
 Дамбадорж Цэрэн-Очирын 232, 254, 255, 259, 272, 277, 278, 336, 337, 373, 379, 383, 417
 Дамбажанцан-хубилган 50–51
 Дамбиджанцан (Джа-лама) 89, 110, 111, 172, 206–210, 367, 396, 401, 409
 Дамбийжамц-хубилган 50
 Дамдин Боточийн дэд-хамбо 294, 372, 416–418, 420, 421, 423, 424
 Дамдинбишрэлт 389
 Дамдинсурэн 384, 409, 417
 Дамдинсурэн Цэндийн 284, 361
 Дамдинсурэн-габджу Данзаны 421
 Дамдинсурэн-гун Джамсрангийн Манлай-Батор 110, 111, 140, 145, 147, 363
 Дамдинхишигт 370
 Дамнинан 302
 Дамцагдорж 321
 Дандан-Насан панид-гун 406
 Дандар 408
 Дандар-аграмба 248
 Дандарон Бидия Дандарович 216, 218
 Данжинов Доржо-Жигмит 216
 Данзан (Япон-Данзан)* Ажвагийн 254, 255
 Данзан Солийн 224, 229–232, 236, 242, 254, 259, 265, 343, 367, 368

- Данилов Николай Александрович 190
 Данчинов Георгий Георгиевич 232
 Дарав-пандита-хутухта VI Агван-Чойнжур-
 Дондов 244, 249, 252, 390, 408
 Даржал да-лама 391
 Дарижав 424
 Дарин 412
 Дарма 409, 412
 Дархан-ван 125, 127, 140, 157
 Дархан-чин-ван Дондобдорж 44, 125, 127, 157
 Дархан-чин-ван Пунцагцэрэн 140, 148, 150
 Дарьзав Лхамхугийн 403
 Дарь-эхэ-лама Чойджинджанцан 156
 Даш 225
 Дашдан-габджу Дугарын 421
 Дашдэндэв да-лама 358
 Дашдэндэв-цорджи 41
 Дашдэндэв чин-ван 162
 Дашжав да-лама 116, 172
 Дашжав Эрдэнэ-шанцзотба 150, 178
 Дашзэвгэ 189, 390
 Даши-Батор 24
 Дашху 388
 Дашизвэг Эрдэнэ-шанцзотба 147
 Дашчирэв О. 403
 Даян-Ламын-хубилган Лувсанданзан Бото-
 чийн 406
 Даян-хан Батмунх 34, 36
 Деникин Антон Иванович 142
 Джадамба Навандрожийн 225, 337, 374
 Джадон 421
 Джалханца-хутухта Лувсанданзанжамц 41
 Джалханца-хутухта Дамдинбазар Цэдэнсод-
 номын 47, 110, 114, 115, 138, 144, 148,
 150, 157, 168, 180, 182, 206, 208, 225, 227,
 235, 248, 251, 270, 367, 371, 382, 387, 388
 Джалханца-хутухта Данзанчойджинванчиг Ч.
 390
 Джалцан-Гомбодорж-ван 179
 Джалцандамба-хубилган 294
 Джалчин-Гомбодорж-бэйсэ 208
 Джамба хамбо-лама 407
 Джамбал 71, 72, 73, 75, 76, 180, 366, 369, 392
 Джамбал-гун 238
 Джамбалдорж 291
 Джамбалын-номун-хан 44, 45
 Джамби-гун 304
 Джамбыл (Рудаков) 368
 Джамсран 408
 Джамсрандорж Бутачийн 412
 Джамц Цэдэнгийн джанджин 409, 412
 Джамц-гун, Джамц-ван 145, 152, 154, 161, 175,
 244, 369
 Джамьян 75, 224, 227
 Джамьян-бэйлэ 179
 Джамьян-гун Сангажавын 147, 179, 224, 227,
 243, 272
 Джамьян Карпо 390, 417, 418, 420
 Джамьяндив-лама (Джамьянгиб, Агван-Джа-
 мьяндив, Агван-Джамьян) 318, 337
 Джамьяндорж 178
 Джамьяндорж Илдэн-ван 140
 Джамьяндорж чин-ван 144
 Джамьян-Очир-гун 179
 Джамьяншарав-тайджи 163
 Джанджа-хутухта 21, 42, 43, 46, 47, 105, 155,
 199, 206, 288, 376, 432, 434
 Джанза-Канчунг-Лозва 379
 Жанцан-шанцзотба 268
 Жанцан-цорджи Боточийн 418, 421
 Жанцан Дж. 347
 Джаргал-дзайсан 147
 Жебизундамба-хутухта — см. Богодо-гэгэн
 Жигжид-Тобу 412
 Жигжиджав-гун 116
 Жигмэд-гун 147
 Жигмэддорж 225, 227
 Джимба 39
 Джулдур 401, 404
 Джур 412
 Дзага 403
 Дзайсанжав-тайджи 163
 Дзасакту-хан 25, 36, 41, 84, 153, 160, 261
 Дзержинский Феликс Эдмундович 272
 Дзогсо-Молту-лама 391
 Дзоригту-бэйсэ Агвандорж 170
 Дзоригту-ван 163
 Дзоригту-хан Содномжамцой, 83, 109, 160,
 167
 Дзун-дзасак 130
 Дилова-хутухта XI Джамсранжав Башлугийн
 136, 144, 206, 227, 240, 260, 365, 380, 393–
 398, 415–417
 Дилова-хутухта XII Тэло Тулку Ринпоче Ом-
 бадьков Эрдни Басанович 10, 390
 Довдонбалын-хубилган 48
 Довчин Санжийн 313
 Довчинжамц-гун 179

- Довчинсодном Т. хубилган 421
 Довчин-хубилган 270, 370
 Догсом 367, 391
 Догсом Дансранбилэггийн 139, 224, 225, 228–231, 320, 334, 335, 424
 Докрэй С.Т. 147
 Долбежев (Долбышев) Владимир Васильевич 79
 Долгор 412, 414
 Долпопа Шераб Гьялцен 44
 Доможиров Владимир Николаевич 153
 Донаяв 396, 397
 Дондогдорж-тайджи 408
 Дондогдулам Цэндийн 94, 96, 184, 333
 Донров 321
 Дорджицэван-эрхэ-банди 39
 Дорж 254, 302, 337, 339, 351, 385
 Доржбат-дзайсан 406
 Доржзэвэг ёнзон-хамбо 406
 Доржиев Агван 71, 87, 102, 104, 260, 382, 420
 Доржпалам 412
 Доржпалам Манжбазарын сужэгт-ван 150
 Доржцэрэн Бишерельту-ван 170, 179
 Доржцэрэн-бэйлэ 175
 Дорлигжав Ванчигийн 277, 321
 Донров 321
 Дуань Цижуй 134, 144
 Дугар-дзайсан Амгалан Н. 390
 Дугаржав 224, 225, 227
 Дугаржав хошуч-мэргэн-бэйсэ (Дугар-бэйсэ) 170, 209
 Дугаржав-мэрэн (Дугар-мэрэн, Ундур-мэрэн) 148, 152
 Дугэр 406
 Дуйнхор-хутухта (Донхор-хутухта) 47, 73
 Дулма 302
 Дунжин Чим Чойдор 379
 Дутов Александр Ильич 154
 Дымбрилов 218
 Дэлин 72
 Дэмид Гэлэгдоржийн 296, 302, 317–322, 334, 336, 359, 421, 422, 424, 425
 Дэндэв 254, 368, 413
 Дэндэв Лхамсурэнгийн
 Дэндэв Улзийбаярын 224, 227
- Евтин 194
 Егузэр-хутухта 41, 53
 Егузэр-хутухта Лувсанцойжин О. 390
- Егузэр-хутухта V Галсандаш Джамсранжавын 82, 89, 96, 130–132, 162, 168, 183, 184, 267, 347, 393–398, 415–417
 Егузэр-хутухта IV Лувсанданзаннамжил 54
 Ежов Николай Иванович 320, 331, 348, 419, 425
 Ефремов Иван Андреевич 356
 Ешилодон 396
- Ёндон 384, 412
 Ёндон привратник 373, 376
 Ёндонжамц 384
- Жамбаллуvsандонров (Джампел-Лобсанг-Дондуб) 41
 Жамбалон Сандаг (Сандагдорж Жамбалын) 232
 Жамболон-ван Жигмиджав 244, 369
 Жамцарано Цыбен Жамцаранович (Цэвэн Жамсран, Бегзеев Семен) 95, 190, 192, 211, 213, 228, 232, 233, 254–256, 260, 268, 272, 277, 306, 339, 368, 380, 382, 385, 386, 420
 Жаркой 221
- Зая-пандита Лувсанданзанпулжинжигмэд (Гуши-ринпоче) 390
 Зая-пандита Намхайжамц (Намкай Гьяцо) 37, 38, 41
 Зая-пандита-хутухта (Заин-гэгэн) Лувсантув-дэнчойджинням (Джамбацэрэн) 78, 168, 192, 243, 262, 267, 290, 291, 294
 Зундуй-лама 417
 Зундуйчоймбол 421
- Ивановский Кирилл Николаевич 369, 370
 Игнатъев Николай Павлович 67
 Инагучи 418
 Индзан Ринпоче 38
 Инь Чэн 70
 Иньчжэнь (Юн-чжэн) Айсинь Гиоро 21
 Исаков Евгений Николаевич 408
 Исоно Фудзико 257
 Ихэнин-лама 417
 Иш 370
 Ишдорж 380, 406
 Ишжамц 391
 Ишлодон 397
 Иш-Очир-бэйсэ 147

- Каганович Лазарь Моисеевич 310, 316, 317
 Казакевич Владимир Александрович 263
 Кайгородов Александр Петрович 153
 Калинин Анатолий Дмитриевич (Эрдэни-Очир)* 250
 Каменев Сергей Сергеевич 231
 Кануков Харти Бадиевич 244
 Кара-Мурза Георгий Сергеевич 307, 308, 362
 Карахан Лев Михайлович 234, 235, 251
 Кармапа I Дюсум Кхьенпа 40
 Кармапа II Чокьи Дзинпа 40
 Катаяма Сэн 264
 Кичиков Л.Б. 347, 367
 Клярфельд 244
 Князев Николай Николаевич 159
 Кобылин А.А. 128
 Кодама 131
 Козаков Григорий Александрович 76, 103
 Козин Сергей Андреевич 175, 185, 194
 Козлов Петр Кузьмич 79, 143
 Коларов Васил 315
 Колчак Александр Васильевич 142
 Комбу-Доржу амбын-ноян 113, 114
 Кондаков В.Я. 225
 Конфуций 22
 Коростовец Иван Яковлевич 66, 86, 100, 102, 104, 111, 163
 Косич (Коссич) Дмитрий Осипович* (Иосифович) 254
 Котвич Владислав Людвигович 95
 Красин Леонид Борисович 234
 Крутиков М.Д. 222
 Кручинкин Николай Кузьмич 343
 Кудашев Николай Александрович 141, 142
 Кузминский Михаил Николаевич 76, 110, 111 113
 Кунга Гьелцен (Гунгажалцан) Пэсангпо Сакья-пандита 14
 Курасв Андрей Вячеславович 209, 210
 Куренной В. 128
 Куросава Хитоси 215
 Куусинен Отто Вильгельмович 279, 309
 Кучеренко Михаил Иванович 220, 222, 225, 233
 Кучумов Владимир Николаевич 286, 311
- Лаванрашиг Намданчойнхорын 124
 Лавров Иван Александрович 194, 195
 Ламадан (Цэрэнпунцаг, Чимэддорж) Гомбын 389
- Ламжав-гун Уйдээн-дзасак 109, 291
 Ламын-гэгэн — см. Эрдэнэ-Мэргэн-пандита-хутухта
 Ландарма 400
 Ларсон Франц Август 99, 112, 143, 161
 Латышенко А. 128
 Левицкий Петр Петрович 214, 215
 Ленжал-Норцан 196
 Ленин* (Ульянов) Владимир Ильич 52, 103, 230
 Ли 152
 Ли Гунфан 115, 117
 Ли Юань 143
 Ливанов (Иванов?) 417
 Лигдэн-хан 23, 26, 27, 38, 40, 61, 433
 Лисовский Всеволод Игнатьевич 194
 Лисовский М.М. 220
 Литвинов Максим Максимович* (Валлах Мер-Генох Мовшевич) 317, 339, 341
 Литвинцов 244
 Лихачев П.И. 195
 Лодой-Нинбо 36
 Лосол Дарьзавын 224, 227, 228, 230, 232, 255, 336, 373
 Лубсан Чойндон (Лубсан Лазунгулан) 377
 Лувсан 336, 394
 Лувсан-габджу Гомбын 415
 Лувсанбадма-габджу Дондогийн 421
 Лувсанбалдан да-лама 140, 170, 172
 Лувсангомбо-гэскуп 266
 Лувсан-гун 150, 394
 Лувсанданзан 418
 Лувсандаш да-лама 248
 Лувсанджамба-хубилган 175
 Лувсан-Джанцан 147
 Лувсандорж Тудэвын 373, 374, 376, 382, 388, 389
 Лувсанжамба тойн-лама 170
 Лувсанжамцойш-хубилган 50
 Лувсанжамьян 74, 350
 Лувсаннаринпил 41
 Лувсаносор-габджу 266
 Лувсансамдан Ц. 347
 Лувсанхайдав Гончигцэрэнгийн чойджон-лама 50, 161, 162, 351
 Лувсанхаймчиг Цэдэнгийн ёнзон-хамбо 51, 248, 266, 272, 294, 337, 372, 383, 384, 416–424
 Лувсан-хурч 192

- Лувсанцэвэн-ван Гомбожавын (Лувсанцэвэн-гайджи, Цэвэн-тэргун) 148–150, 154–156, 179, 180, 225, 244, 367–369
- Лувсанцэрэн 391
- Лувсаншарав 289
- Лувсаншарав Доригжавын 315, 320, 322, 333–335, 344, 345, 352, 358, 359, 424
- Лувсаншарав дзайсан-лама 147
- Луньюй 30, 86, 98
- Лхажав 412
- Лхам Батор-гун 170
- Лхам-хубилган 291
- Лхумбэ Жамбын 408, 424
- Лхундэ 224
- Люба Виктор Федорович 73, 79, 105, 207
- Лян Би 121
- Лян Цичао 31
- Ма Теньюнь 112
- Ма Фусян 205
- Магнай 409, 412
- Магсар 170, 296, 302
- Магсаржав Наваанлувсанцэдэнгийн (Магсархурц) 255
- Майский* (Ляховецкий) Иван Михайлович 52, 142, 160, 164, 177, 180, 187, 198, 210
- Макдональд* (Дюн) Вильям 385
- Максаржав Сандагдоржийн Хатан-Батор 110, 111, 115, 128, 145, 147, 154, 157, 158, 179, 180, 182, 207, 225, 227, 236, 243, 245, 250, 254, 262, 272, 371
- Макстенек Отто Иванович 227, 231, 232
- Малевский-Малевич Николай Андреевич 131
- Малиновский Павел Петрович 161
- Малышев 220
- Мангал 372
- Манджушри-хутухта Цэвэндорж Д. 390
- Манджушри-хутухта Цэрэндорж Самбадон-догийн 382–385, 393, 396–398, 407, 416, 417, 420–423
- Манибазар 198
- Мануильский Дмитрий Захарович 309
- Мао Цзэдун 317
- Маркс Карл 333, 366
- Маслаков Иван Степанович 223, 225
- Ми Чэнбао 132
- Милжав-габджу Дондогийн 414
- Милицин 359
- Миллер Александр Яковлевич 115, 117, 128, 130, 172
- Минжур 421
- Минин И. 382
- Миронов Сергей Наумович* (Король Мирон Иосифович) 331, 334, 335–344, 426, 427
- Михайлов М.М. 153
- Мишиг 372
- Молон да-лама 238
- Молотов* (Скрябин) Вячеслав Михайлович 279, 316, 317, 339, 341, 342
- Муниц 151
- Мункэ-хан 40
- Муржав-гун 128
- Мурэвжав М. 248
- Мустафин 244
- Мэнд 302, 397
- Мэргэн-бутэлч Санжай-Эши (Сангье Еше) 41
- Мэргэн-пандита-номун-хан-хутухта 48
- Мэргэн-хамба-номун-хан-хутухта 48
- Мяньнин (Дао-гуан) Айсинь Гиоро 46
- Наван 337, 351
- Надежный Дмитрий Николаевич 190
- Навангомбо-гун 128
- Наван-Лувсан 302, 332
- Найданжав-ван (Найдан, Найден) 110, 128, 130, 133, 145, 153, 154, 161, 393, 394
- Найдансурэн 253–254
- Найдансурэн-габджу 384
- Найман-ван 213
- Намжил-габджу Батын 417, 418
- Намнан-дэмч 391
- Намрал-лама 391
- Намсрай Даваагийн 268, 317–319, 395, 396, 414
- Намсрай-гун 89, 97
- Намсрай-габджу Цэрэнгийн 415
- Намсрай Эрдэнэ-ван 170
- Намубуда 329
- Нанзад 321
- Нанзад-Батор Дамирангийн 209
- Наран-хутухта 168, 268
- Наробанчин-хутухта 168, 173, 268, 390
- Насан-Арвижих Бишерельту-бэйсэ 170
- Насанбат Наваандоржийн 373
- Насан-Тогтохо Тогтохын 368
- Нато 196
- Нацагдорж Шагдаржавын 250, 312

- Нацаг-лама 291
 Нацов* (Шойжелов) Сирен Арабдынович 296, 300, 302, 311
 Наянту 69, 83, 112, 121
 Нейджи-тойн 38, 212
 Немчинов М. 154, 158
 Нечаев 158
 Никифоров Петр Михайлович 266, 274
 Николай II Александрович Романов 67, 71, 77, 103, 112, 162, 163, 189, 190, 434, 438
 Нойон-хутухта IV Джамьянойдовжамц 204
 Норовсамбу 409, 412
 Нурхаци Айсинь Гиоро 16, 17, 19, 23
 Нэйсэ-гэгэн (Ничи-тойн-богдо) Мэндэбаяр 212–215
 Нэрэмпил-гун 147, 212, 213, 215
 Нэрэнванчиг 170
 Няма С. 408
 Нямбу 421
 Нямжав 224

 Ойдовдулам 78–79
 Олосон Раван Тушэ-гун 125
 Олуг Дархан Нангцо 19, 27
 «Орос»-Гомбо 383, 396
 Охтин* (Юров) Андрей Яковлевич 286, 306, 310, 368, 384
 Очирбаг 413
 Очир-гэсгүй 372
 Очирдара-хутухта 37
 Очиржав-гун Ёст-дзасак 110
 Очиржанцан Б. 412
 Очиров 332
 Очиров Цэрэн Людопович 244, 369–371
 Оют-мэрэн 128

 Пагпа-лама (Дрогон Чогъял Пагпа) 14, 15, 27, 40
 Падмасамбхава (Ловон-Бадамжунай) 388
 Палга-ван 89, 109, 112, 113
 Панчен-лама (Панчен-Богдо, Панчен-Эрдэни) 21, 22, 38, 40–47, 57, 74, 94, 95, 371
 Панчен-лама IV Лобсанг Чокьи Гьялцен 44, 45
 Панчен-лама IX Тубтен Чокьи Нима 95, 107, 287, 290, 294, 337, 372–375, 380, 382, 384, 387, 388, 389, 392–401, 404–409, 413–426, 441
 Парняков Пантелеймон Федорович 221
 Парняков Федор Александрович 221–223, 225
 Погорельский Павел Васильевич 306
 Позднеев Алексей Матвеевич 44, 45
 Покотилов Дмитрий Дмитриевич 77
 Попов Степан Иванович 151, 222, 225
 Постышев Павел Петрович 308
 Потемкин Владимир Петрович 331, 339
 Приезжев 306
 Пу Жунь 110, 111
 Пуи Айсинь Гиоро 30
 Пунцаг 162, 302
 Пунцагдорж 422
 Пунцагдорж да-лама 140, 144, 147, 162, 227, 236, 241, 243, 248, 368
 Пунцаг-шаброн 196
 Пунцук-Цэрэн 91
 Пурэвцэрэн 409, 412
 Путята Дмитрий Васильевич 62
 Пучковский Леонид Сергеевич 399
 Пушан 72
 Пэлжид да-лама 401
 Пятницкий Осип Аронович* (Таршис Иосиф Аронович) 279

 Равдан 302, 321, 417
 Равдан да-лама 170
 Равдан-гайджи 156
 Равсал 421
 Разумов Сергей Петрович (Каррио, также Тарханов Оскар Сергеевич)* 343
 Резухин Борис Петрович 112, 152, 154, 157–159
 Рерих Николай Константинович 273
 Ригдэн Дагва 175
 Ринчендорж 46, 414
 Ринчино Элбек-Доржи Ринчинович 113, 201, 209, 211, 213, 215, 228, 232, 233, 245, 251–256, 259, 260, 263–265, 332, 367, 372, 420, 439
 Родовский 220
 Рыскулов Турар Рыскулович 7, 260, 262, 264, 265
 Рябухин (Рибо)* Никандр Михайлович 7

 Саджа-лама (Саж лам) Джамьянданзан 149, 150, 180, 244, 294, 366–369
 Сазонов Сергей Дмитриевич 102, 114, 131, 142, 190
 Сайн-нойон-хан 25, 28, 160

- Сайн-нойон-хан Намнансүрэн Тугс-Очирын 75, 84, 103, 109, 113, 130, 170, 186, 375
- Сакья-пандита (Сакья-панчен, Саж-Богдо) 14, 20, 381, 384, 385, 389, 396
- Самба Ринпоче 421
- Самбадив (Самбудив) Тойнжавын 409, 412
- Самбу 424
- Самбу (Бао Вэйхань) 135, 144, 148
- Самбу Гончигийн 313
- Самбу-гун Сэцэн-Дзутгэлт-дзасак 110
- Самбудорж 321
- Самбу-дувчин Чимэдийн 407, 409
- Самдан 302, 371, 389
- Самдан Тогогийн («Бор-гэгэн») 409, 412
- Сампилон Даши Сампилович 211
- Самъя (Сумъяа) Данзаны 412
- Сандаг 75
- Сандаг-аграмба 384
- Сандан-габджу Чулгэмын 421
- Сандуйжав-лама 390
- Санжил-ловон 420
- Санжмятав 408, 409, 413
- Санжмятав Гончигийн хамбо-лама 414, 415, 417
- Сан-лама 99
- Сансрайдорж чин-ачиту-бэйсэ 82, 170
- Саньдо (Саньдова) 68, 83, 84–86, 89–91
- Сариадорж-номун-хан Даваасүрэн С. 365, 390
- Сартул-сэцэн-бэйсэ Джалцан-Гомбоцэдэн 170
- Сарул 388
- Сато 308
- Семешко Григорий Филиппович 369
- Семин Ф.Я. 220
- Сергеев Иван Иванович 400
- Си Лян 66
- Симпсон Л. (Вил П.)* 142
- Син Бу 417
- Синин-лама 74
- Сипайло Леонид Викторович 196
- Скалов 311
- Смирнов 339
- Смирнов Иван Никитич 229, 233
- Содном Гомбын 406
- Содномраджа 162
- Содов-цорджи 418, 420
- Сокобин Сэмюэл 368
- Соловьев Владимир Сергеевич 210
- Сонгцэн Гампо 38
- Соном 417
- Сономдорж-гун 254
- Сороковиков Иннокентий Асенкридович 222–226
- Софроний 19
- Сталин* (Джугашвили) Иосиф Виссарионович 53, 210, 300, 309, 310, 313, 314, 316–318, 320, 331, 333, 334, 339, 341, 343, 351, 358, 364, 365, 372, 378, 414, 425, 428, 440, 441
- Стомоняков Борис Спиридонович 329, 334, 351
- Стразынь Ян Мартин 244
- Стригин 153
- Су чин-ван 69, 70, 75, 121
- Судзуэ («Судзуки») Мантаро 212, 215
- Сукин Иван Иванович 141
- Сумъя 124, 408
- Сумъя-бэйсэ Лаварын 233, 234, 262
- Сумъя-гун 127, 130
- Сундуй Бишерельту-гун 159
- Сундуйсундэв-габджу 266
- Сундэв-лама 266
- Сунь Ятсен 29-32, 59, 98, 103
- Сухомлинов Владимир Александрович 190
- Сухэ-Батор 404
- Сухэ-Батор Дамдины 151, 181, 224–228, 230, 233, 234–236, 242, 245, 250, 300, 368, 374, 419
- Сэбжингэ 132
- Сэдбазар, Сэдэвбазар 409, 412
- Сэнгэдорж 302
- Сэнгэдорж-лама 291
- Сэрэнэн 370
- Сэрэтэр-гайджи 128
- Сэрэтэр Ц. 389
- Сэцэн-ван Гурсоронзон-Гомбосүрэн 147, 179
- Сэцэн-хан 25, 27, 41
- Сэцэн-хан Наваннэрэн Цэрэндондовын 84, 132, 140, 144, 149, 150, 160, 254, 261, 262, 332
- Сэцэн-хан Шолой 40, 41, 44
- Сюанье (Жан-си) Айсинь Гиоро 17, 20, 21, 24, 27, 42, 60
- Сюй Шичан 134, 141
- Сюй Шучжэн 81, 120, 134-145, 148, 176, 190, 192, 195, 201, 224, 343
- Таиров Владимир Христофорович* (Тер-Григорян Вагаршак Хачатурович) 316, 425
- Тань Цэйли 89

- Тарав (Тарва) 409, 412
Таранатха (Джецун Таранатха Гунга Нингбо) 44, 45, 375, 433
Тейхман Эрик 144, 224
Тизенгаузен Дмитрий Орестович 194
Товудорж 388
Того 412
Тогон-Тэмур 16, 27
Тогтохо Энхбилэгтийн тушэ-гун Дзоригту-Батор 67, 68, 110, 125, 145, 151, 162, 170, 175, 207, 224, 368
Тогтохтор Б. 248
Тодо-Биликту 125
Тока Салчак Калбак-Хорекович* (Кол Тывы-кы) 348
Толпыгин П.А. 244, 291
Торновский Михаил Георгиевич 148, 152, 159, 181, 195
Троцкий* (Бронштейн) Лев Давидович 221
Тубанов Цэрэндаш Жигжитович 149, 244, 270, 371, 393
Туванжав 170
Тугж Батболдын 408, 409, 412
Тугулдэр 409, 412
Тугэмэл-ван 109, 207
Тудэв 373, 389, 413
Тумун-Ольдзу-бэйлэ 209
Тумур 321
Тумур-Батор 413
Тумурджан-гун 110
Тумурдорж 417
Тумэнбаяр 409, 412
Тунгалаг-ван 175
Тувшинтур 254
Тушэту-чин-ван Чагдаржав Г. 116, 170, 172
Тушэту-хан 24, 27, 90, 160, 186, 261
Тушэту-хан Абатай 36
Тушэту-хан Гомбодорж 41, 44, 90, 96
Тушэту-хан Дашням 84
Тэбэкто 260
- У Пэйфу 144
У Саньгуй 17
Угэдэй-хан 14
Удай Джасакту-ван 63, 68, 76, 16, 125, 128, 161, 170
Удайжав 409
Улдзэйту 401, 403
Улзийбат Далантайн 403
- Унгерн-Штернберг Роман Федорович (Николай Роман Макс) фон 133, 145–159, 178–182, 193–196, 202, 233, 235–237, 240, 254, 257, 290, 343, 360, 366–370, 393, 394–397, 409, 419, 424, 437, 438
Урусов 244
- Фергюсон 142
Фокин 311
Фриновский Михаил Петрович 331, 332, 337, 339, 341, 348, 348, 419
Фронт Хьялмар 325
Фулинь (Шуньчжи) Айсинь Гиоро 17, 20–22, 27, 38
Фушан 213
Фушенга 213–215
- Хайдавданзан 74
Хаймчиг 345
Хайсан-гун 84, 87, 89, 110, 170, 175
Халзанбатор дзанги 110
Хамбо-номун-хан 393
Хаминов 302
Ханддорж Мижиддоржийн чин-ван 77, 84–87, 89, 96, 98, 111, 131, 163, 170, 186
Хануманда 374, 375
Ханчин 71, 73
Ханчин Ринпоче Гантумур Н. 390
Харанов Валентин Захарьевич 112
Харчин-ван Гунсээнноров 81, 121, 122, 133
Хасар 63
Хасбазар Боточийн 421
Хас-Батор Цэцэгнэрэнгийн 209
Хаша-габджу 418
Хаянхирва 358
Хаянхирва Намжилын 373
Хионин Алексей Павлович 220
Хитрово Александр Дмитриевич 66, 70, 76, 79, 115
Хоботов 152
Хорват Дмитрий Леонидович 123
Хошала (Хосэлэн) 40
Хубилай-хан 14, 15, 21, 27, 34, 35, 36, 40, 319
Хунли (Цянь-лун) Айсинь-Гиоро 20–25, 28, 43, 44
Хурлэг-бэйсэ (Курлук-бэйсэ, Курлык-бэйсэ) 71, 72, 124
Хутухтай Сэцэн-хунтайджи 34

- Хүхэн-хутухта Лувсанжамьян 149, 290, 347, 389
- Цаван-Доржи 204, 205
- Цаганбилэг-гун Дзутгэлт-дзасак 110
- Цаган-гелонг 412
- Цаган-номун-хан 204
- Цаганху-дзалан 402
- Цаган-хутухта 67
- Цао Кунь 144
- Цзай Тао 70
- Цзайли 89
- Цзайтянь (Гуан-сюй) Айсинь Гиоро 75, 120
- Циркулинский 159
- Цогбадрах Джонон-чин-ван 148, 150, 178, 370
- Цогжав Хорогийн 417, 418, 420
- Цогжав-аграмба 372
- Цогтзандан-габджу Боточийн 421
- Цохор-Цогт-хунтайджи 38
- Цыбиков 128
- Цыбиков Гомбочжаб Цэбекович 253
- Цыбыктаров Санжмитеб Будажапович 220, 225, 233
- Цыденжабон Цыдып 218
- Цыденов Лубсан-Сандан 216–219
- Цыдыпов Цыден-Еши 213–214
- Цыдыпов Н. 395
- Цыклауров М.В. 128
- Цыремпилов 185
- Цыси Ехэнара 72, 75, 79, 86, 87
- Цэвэгжав 266
- Цэвэн-Норбусамбу 196
- Цэвэнноров-лама 370
- Цэвэнсурэн 321
- Цэгджав 268
- Цэ-гун 71
- Цэдэн 421
- Цэдэнгалдар 371
- Цэдэн-Иш Г. 408
- Цэдэнсодном Далай-Чойнхор-ван (Цэдэнсодном-ван) 89
- Цэнджав «Мэргэн хүүхэн» 372–376, 382, 384, 388, 389
- Цэндсурэн 302
- Цэндэ 170, 224
- Цэрэвсодном 192
- Цэрэнбавай (Цэ-ван, «Цэрэн-Бабай») джун-ван 72
- Цэрэндорж Дэмбэрэлийн 415
- Цэрэндорж-гун 116, 178
- Цэрэндорж Балингийн 135, 140, 141, 157, 159, 180, 242, 250, 252–256, 259–262, 272, 274, 277, 371, 373, 374, 376, 387
- Цэрэндорж-дзайсан 170
- Цэрэндорж С. 421
- Цэрэнма 302
- Цэрэн-Осор 81
- Цэрэн-Очир 163
- Цэрэнпил-гун 370, 396
- Цэрэнсандув Г. 248
- Цэрэнчимэд Гомбын да-лама 84, 85, 87, 89, 96, 97, 99, 130, 162, 170, 172, 186
- Чагдаржав 326
- Чагдаржав Дамбын 224, 227–230, 233–235, 368
- Чагдарсэрэн 124
- Чагдур 368
- Чадарбал 395, 397
- Чадарвал-лама 370
- Чадбу 302
- Чайванов Владимир Николаевич 128, 151, 222–224, 226
- Чакиров Александр Христофорович 114
- Чамдо-Ирчайчон-хутухта 36
- Чапчаев Арша Чапчаевич 378, 380
- Черномордик Моисей Борисович 297, 311
- Чжан Бинлинь 30
- Чжан Сюнь 132
- Чжан Цзолинь 138, 144, 287, 368, 376
- Чжоу 136, 152
- Чибисов Иван Федорович 329
- Чимэд 302
- Чимэддорж 389, 412
- Чимэддорж-бэйсэ 178, 179
- Чимэдцэрэн 128–130
- Чингис-хан 3, 14, 15, 20, 23, 27, 40, 58, 63, 90, 92–96, 107, 124, 154, 161, 162, 169, 193, 197, 211, 212, 313, 317, 325, 430–433
- Чингунжав Шадар-ван 25, 26, 59
- Чинрав-хубилган 390
- Чин-сужигт-номун-хан 268
- Чичерин Георгий Васильевич 148, 157, 180, 231, 243, 245, 274, 362, 372, 378
- Чодогцэндэг 420
- Чойбалсан Хорлогийн 7, 53, 148, 224–230, 233, 234, 237, 243, 250, 272, 283, 286, 320, 322–328, 331, 332–337, 343, 343–345, 348, 353–360, 364, 365, 369, 414, 419, 422, 424, 425, 427, 440, 441

- Чойжил 388
 Чойжил-габджу 372
 Чоймпэл 39
 Чойндон-лама 405
 Чойнжин 294
 Чойнзон-цорджи Бадрахын 371, 383, 384, 396, 417–421
 Чопян 425
 Чу Лицзян 143, 148, 151
 Чулгум-да-лама 304, 402
 Чулгум-Очир 291
 Чултэм Балдангийн ёст-бэйлэ 153, 178, 179, 198
 Чултэм-габджу Шагдарын 421
 Чулун-гайджи 405, 407
 Чухол 244
 Чуцкаев Сергей Егорович 308, 311, 334
 Чэндэ-гун 213
 Чэнь И 115, 120, 134, 135–141, 144, 145, 148, 149, 151, 181
 Чэнь Лу 115, 117, 120, 132
- Шагдар 302, 409
 Шагдар-ловон 412
 Шадарбал 133
 Шадрин М.А. 212
 Шалши 402
 Шамар-ловон — см. Ешилодон
 Шараб-эрхэ-нирба 39
 Шарав 302
 Шарав Балдугийн 192
 Шаравжамц-хублган 406
 Шарпа-хутухта 27
 Шарху 383
 Шарын-даянч Цэрэнпунцаг 394
 Шейнеман 151, 222, 223, 225
 Шива-ширэт-хутухта 68
 Шижэ-габджу 49
 Шижэ Золбингийн 286, 308
 Шильников Иван Федорович 370
 Шин Лу 417
 Ширендыб (Ширэндэв) Базарын 156, 160, 164, 198, 227, 242
 Ширэндамдин Цэрэндоржийн Эрдэнэ-джонон-ван 117, 144, 150, 242
 Ширэндэв Х. 412
 Ширэту-лама 125
 Шишмарев Яков Парфеньевич 81
 Шлейфер Илья Осипович 298
- Шмераль Богумир 279, 315, 385, 386
 Шумяцкий Борис Захарович 7, 157, 180, 228, 233, 243, 245, 367
 Шухэрч 71
 Шэн Юнь 146
 Шэньфу 122
- Щербатской Федор Ипполитович 73, 79
 Щетинкин Петр Ефимович 157, 159, 272
- Эберхард 143
 Эгавуаз 332
 Эетэй-дзасак Турбат-гун 110
 Элдэв-Очир Бат-Очирын 313, 344, 403
 Элдэн-бэйлэ 71
 Элиава Шалва Зурабович 486, 308, 310, 413
 Энгельс Фридрих 366
 Эрдэни-багши 26
 Эрдэнэ 403
 Эрдэнэбал 294
 Эрдэнэ-Мэргэн-нойон-хутухта 304
 Эрдэнэ-Мэргэн-нойон-хутухта Содномцэрэн Б. 406
 Эрдэнэ-Мэргэн-пандита-хутухта (Ламын-гэгэн) 48, 168, 264, 268, 304, 347
 Эрдэнэ-Мэргэн-пандита-хутухта I Лувсанданзанжанцан 41
 Эрдэнэ-Мэргэн-пандита-хутухта (Ламын-гэгэн) VII Цэрэндорж Г. 398, 399
 Эрдэнэ-Мэргэн-пандита-хутухта VIII Эрдэнэбаг Б. (Лувсанданзанжанцан) 390
 Эрэгдэлбүрэлгү-гэгэн (Эрэгдэнбүрэлгүү, Ригдэлбүрэлхүү) Лувсанлигжанцан 406
 Эрэгдэндагва 337, 389, 393–398, 416, 423, 425
 Эрэндэндэв 408, 412
- Юань Шикай 31, 68, 97–99, 103, 106, 107, 110, 111, 113, 120, 121, 126, 133, 205
 Юдин Виталий Иванович 4
 Юдин Е.Н. 128, 156, 251
 Юй Лан 70
 Юк Эварист-Режи 28
 Юмжав 163
 Юмтаров 226
 Юндэнбаг-геше 406
 Юнтер Владимир 142
 Юрин (Дзевалтовский) Игнатий Людвигович 142, 226

- Ябши Бонхон Гун-Пин-хан 379
Ядамжав-гун Дайчин-дзасак 109
Ядамсурэн 302, 311, 321, 369
Якимов (Даурский) Василий Дмитриевич 361
Ялгусан-хутухта-номун-хан 41, 47–48, 80, 82,
96, 168, 325, 326, 347
Ян Сишань 121
- Ян Шичао 115
Янжин-цорджи 383, 417
Янсан 124
Янсон Яков Давидович 231
Янчжи 72, 73, 77, 85
Янь 308
Япон-Данзан 254, 255

English summary

Sergius L. Kuzmin. Theocratic Statehood and the Buddhist Church in Mongolia in the Beginning of the 20th Century. — Moscow, KMK Scientific Press, 2016.

The book describes the history of theocratic statehood in 20th Century Mongolia from the establishment of theocratic structures to the demise of the Mongolian Buddhist church in late 1930s.

The *Introduction* contains an overview of the studies undertaken, the main sources used (including an analysis of the reliability of data from different archives), and an outline of the different research approaches used in the study.

Part I. Preconditions and the Formation of Theocracy.

Chapter 1. World-View Systems in China, the Yuan and the Qing Empires: Religion, the Problem of Legitimization and the Legacy of States contains a comparative analysis of the traditional Chinese, Yuan, and Qing world-view systems, data on the formation of the Qing Empire and the Manchu conquest of China, legitimization of the Qing power for Chinese and Mongolian people, the crisis in the Qing world concept and the Xinhai Revolution, the problem of the legacy from the Qing Empire for republican China, and the real and declared legacy between different states. The Qing Empire was not the same as China; its world-forming view in many aspects was fundamentally different from that of China. The Qing legitimization for the Mongols was based partly on the Mongolian tradition formed in the Yuan period, which was then developed by the Qing using Buddhism to legitimize imperial authority. It is argued that Republican China has no historical legacy from the Qing Empire and that Mongols were subjected to the Manchu emperors of the Qing state and not to China.

Chapter 2. The Formation of the Mongolian Theocracy. This describes the origin and early formation of Mongolian Theocracy after the dispersal of the Gelug sect in Mongolia before and at the beginning of the Qing period, as well as a brief description of the clerical hierarchy and monasteries. “The second wave” of Buddhism reached Mongolia and Manchuria almost simultaneously, and its distribution was promoted by the aristocracy. Tibetan Buddhism was compatible with the circumstances and social demands in Mongolia at that time. The incorporation of clauses concerning the Buddhist clergy in Mongolian legislation that covered social activity of clergy, their religious practices, increasing of the social status of reincarnated lamas, and strengthening the economic power of monasteries, promoted legitimization of the theocratic structures in Mongolia. The development of these structures is discussed. I argue that higher lamas were not “clerical feudal lords,” and their disciples who worked for them (Moshavi) were not serfs.

Chapter 3. The ‘New Policy’ of the Qing and the National Liberation Movement of the Mongols analyses the roots of the movement of Mongols for their independence.

This analysis revealed that this movement was inspired not by any foreign power but by the ‘new policy’ of the late Qing that was aimed at sinicizing the Mongols and the colonization of their land by the Hans. This policy reflected a basic change in the Qing ruling policy and was a violation of the former system, under which the Mongols had become Qing subjects. The history of the colonization of Barga, Inner Mongolia and Outer Mongolia is described using data from archives and published reports of witnesses. The 13th Dalai Lama’s stay in Khalkha in 1904–1906 is described based on Russian and Mongolian archives.

Part II. The Realization of the Concept of Theocratic Statehood.

Chapter 4. Proclamation of Independence of Mongolia contains the description of how the Khalkha Mongols proclaimed their independence. Their main aim was to avoid the looming sinicization, rather than wanting to secede from the Qing Empire as such. After the collapse of the Qing Empire, Mongols acquired an additional legal basis for creating their nation-state, because the Republic of China, despite her declarations of the “five races”, was effectively a nation-state of only Han people. The process of enthronement of the theocratic leader of Outer Mongolia, the 8th Bodgo Gegen Jebtsundamba Khutuktu, as the Great Khan of the Mongols is discussed in the context of the legacy of the great khan’s power.

Chapter 5. Absolute Theocratic Monarchy describes the system existed in Mongolia in 1911–1921. Outer Mongolia is considered the center of Mongolian statehood. The attempts by the Mongols to co-opt Barga, Inner Mongolia and Kukurin into the state, the illegitimate occupation of Outer Mongolia by the Chinese General Xu Shuzheng and her liberation in 1921 by Baron Roman von Ungern-Sternberg are all described. The main events of the liberation arising from the activities of Ungern’s troops were: the freeing of the Bogdo Gegen from domestic arrest; the capture of Mongolian capital Niislel Khure, Choiryn, Zamyn-Ud and the victory at Ulan-Khad. It was only the capture of northern Maimacheng that was done by the Red Mongolian troops. Special sections are devoted to the population of Mongolia and its social structure, administrative and territorial division, and the changes in the periods from the proclamation of independence to the invasion of Xu Shuzheng to the establishment of the government of Mongolian People’s Party. Brief information on the economy, defense and education, as well as anti-feudal movements is provided.

Outer Mongolia became the dominant force in Mongolian state-building. This is because it had the highest level of religious devotion and traditionalism, as well as the most centralized Buddhist institutions among all the people in Mongolian lands. As the newly declared monarch, the 8th Jebtsundamba Khutuktu acquired the power of an emperor in relation to ruling the territory, taxing his subjects, his legislative and judicial authority, approval of officials, granting titles and honorary awards etc. This power had its roots in two profound traditions: the great khans’, with its Mongolian origin, and the theocratic tradition with Indian and Tibetan Buddhist origins. The Russian-Mongolian treaty on November 3, 1912, in reality had significant differences between its meaning in equivalent Russian and Mongolian versions: for the former it meant autonomy and for the latter independence. As such, Mongols considered this treaty to be an interna-

tional recognition of their state. In fact, the unambiguous recognition of the autonomy of Outer Mongolia under the suzerainty of China was done in the tripartite Kyakhta Agreement on June 7, 1915. However, this autonomous status did not mean that Outer Mongolia had become inalienable part of China, but that the latter held only formal suzerain rights over Mongolia. Indeed Outer Mongolia maintained the key characteristics of statehood: monarchy, government, territory, population, independence in domestic affairs and limited capability in foreign affairs, army etc.

Many important reforms were conducted during this period but, despite this, the Mongols had not enough resources to resist to expansionist policy of China. They needed external support. The problems faced by the Mongols included economic troubles, income differentiation within society, a drive among some of the elite for personal enrichment resulting from long subjection to the Qing, attempts by the Mongolian authorities to avoid conflicts during this period of consolidating the state, as well as inadequate centralization of Mongolian central authority. Nevertheless, Mongolia achieved its most significant progress in its modern history before the Red revolution in 1921.

Chapter 6. Theocracies on Other Territories Inhabited by Mongols contains a brief description of the attempt of Dambijantsan (“Ja Lama”) to establish his personal principality in Western Mongolia, the histories of Pan-Mongolian (Buryatia, Barga and Inner Mongolia) and Balagat (Buryatia) movements, as well as data on theocratic structures in Xinjiang and Inner Mongolia. Mongolian territories outside Khalkha did not contain strong theocracies capable of creating centers of consolidation and state-building. It was only the Pan-Mongolian movement that aimed at building a Mongolian state, but this project was unattainable because its leaders had different political goals and insufficient resources.

Part III. The Demise of Theocracy

Chapter 7. Formation of the Revolutionary Authority occurred in Outer Mongolia between 1921 and 1940. This period may be subdivided into several stages with regard to changes in the situation of theocracy: from the formation of underground Mongolian circles in Niislel Khure and their transition under the influence of Bolsheviks to the formation of the Mongolian People’s Party with the People’s Government and their rise to power, with a short period of the limited monarchy (1921–1924).

Chapter 8. Dismantling of Buddhist Church Structures (1924–1939). This started in the first years of Mongolian People’s Republic (after 1924) and used a variety of tools. It became more intensive in the periods of the “right deviation”, “left deviation” and the “new course”, and ended with total destruction of Buddhist church in Mongolian People’s Republic. Its methods and the rates of change are analyzed with statistical data being shown on the waning numbers of clergy, monasteries, temples, and clerical property to illustrate the process of the demise of the Buddhist church and theocracy during this period.

Chapter 9. Attempts at the Conservation of the Theocracy are described in detail: attempts at the restoration of the absolute monarchy in the period (1921–1924); the searches for the reincarnations of the 8th Bogdo Gegen, and other Khutuktus and Khubilgans; conspiracies and rebellions after 1924. Detailed data on trials and repressions are provided.

Conclusion. This draws out generalizations and conclusions from the chapters. It concludes that Tibetan theocracy served as a model for the development of Mongolian theocracy. Manchu emperors promoted the development of Buddhism and theocracy in Mongolia not only for political but also for religious reasons. The traditional status of the Manchu emperor as the religious monarch endowed him with the power to be the arbiter and supreme patron of religion, integrating its structures at higher level. At the same time, the theocratic structures promoted by the emperors, became alternative centers of influence and authority in Mongolia. The Buddhist clergy was the most influential and richest part of Mongolian society, especially in Outer Mongolia.

No other individuals among either the aristocracy and the common people emerged who had enough authority to provide and force through an alternative system for Mongolian society. All popular movements among Mongols at that time were directed at the removal of the injustice of officials and aristocrats (not clergy) but were not promoting a change of the social system. This had important consequences in the early 20th Century, when the Mongols sought independence. Proclamation of independence as a theocratic monarchy of Jebtsundamba Khutuktu reflected the legacy of great khan authority which was transferred by the kinship from Genghis Khan to the 1st Bogdo Gegen, and then in the line of reincarnations to the 8th Bogdo Gegen. The enthronement of the 8th Bogdo Gegen combined the tradition of proclaiming great khans from Genghis with the tradition of Buddhist monarchs and great lamas.

The supreme authority in both Mongolia and Tibet were similarly designated: with religious and lay authority combined together. This combination corresponded to the new perception of the legitimization of the supreme authority experienced by the Mongols from the 16th Century onwards. The monarchy of the 8th Bogdo Gegen laid basis of the statehood of Mongolia in its new history. Analysis of the situation in Mongolia revealed that there were no preconditions for social revolution, and there was no anti-clerical mood among people. Neither socialism, nor democracy but traditionalism under the theocratic authority of the Bogdo Gegen was the choice of people in Outer Mongolia.

However, with regard to China, Outer Mongolia could not keep its independence without external support. In contrast to the Russian Tsar's Government that assisted Mongols to maintain their traditionalism, the Soviet leadership was ready to help them only on the condition of social revolution aimed at building communism. The Mongolian People's Party (then Mongolian People's Revolutionary Party) followed the Soviet course because independence of their country was first priority for them in the situation where no other support was available.

The weakening of Buddhist clerical structures in early years of the MPP rule consisted mainly in limiting the authority of the aristocracy and higher theocratic structures (e.g. Office of Shavi). The MPP control that time was not enough to achieve the demise of the church. After the death of the 8th Bogdo Gegen in 1924 and the proclamation of Mongolian People's Republic, the Party conducted a policy of gradual expulsion of aristocrats and theocrats from the ruling structures. The Party also used some control over the church and splitting up of the clergy. At the same time the clergy, as

well as the majority of Mongols, wanted to search for the 9th reincarnation of the Bogdo Gegen though the government banned this.

The “left deviation” (1929–1932), imposed on the Mongols by the Comintern and the Bolshevik Party, led to an acceleration of socialist reforms of the Soviet type. This was accompanied by an unprecedented number of conspiracies and uprisings thus creating a challenge to the rule of MPRP. As a result, the “new course” was proclaimed in 1932 with some alleviation for Buddhism for a few years.

Then the Mongolian leader, Kh. Choibalsan, followed J. Stalin’s advice and took the most effective way to eliminate theocracy and the church: the existence of the clergy was made impossible economically, which was accompanied with propaganda against “public enemies” and with repressions. The latter included primarily the elimination of high lamas (which left believers without guidance) and the closure of monasteries. The documents studied show that highest and most educated lamas were the most common victims of repressions. Most of charges at their trials can be shown to be falsified.

Despite all the conflicts of the 20th Century and the changes in the social systems, all the leaders of the State of Mongolia including the Bogdo Khan, the revolutionaries and the democrats all followed the fundamental tenet of Mongolia’s independence from China and the idea of uniting the Mongolian nation. This is reflected in the political succession of the modern State of Mongolia from the theocratic monarchy of the 8th Bogdo Gegen that was proclaimed on December 29, 1911.

Оглавление

Введение	3
Благодарности	10
Часть I. Предпосылки и формирование теократии	
Глава 1. Мироустроительные модели Китая, империй Юань и Цин: религия, проблема легитимации власти и преемственности государств.....	11
1.1. Китай	11
1.2. Империя Юань.....	14
1.3. Империя Цин	16
Глава 2. Формирование монгольской теократии	34
2.1. Буддизм школы Гэлуг и возникновение монгольской теократии	34
2.2. Церковная иерархия и монастыри.....	49
Глава 3. «Новая политика» империи Цин и национально-освободительное движение монголов	59
3.1. Внутренняя Монголия и Барга	60
3.2. Пребывание Далай-ламы XIII в Халхе	70
3.3. Внешняя Монголия	78
Часть II. Реализация концепции теократической государственности	
Глава 4. Провозглашение независимости Монголии	88
Глава 5. Абсолютная теократическая монархия (1911–1921 гг.)	108
5.1. Внешняя Монголия как центр общемонгольской государственности	108
5.2. Попытки присоединения Барги, Внутренней Монголии, Кукунора	120
5.3. Оккупация Внешней Монголии Сүй Шучжэном	134
5.4. Восстановление теократической монархии бароном Р.Ф. Унгерном	145
5.5. Государственность Монголии в период абсолютной монархии	160
5.5.1. Население и сословная структура.....	160
5.5.2. Административно-территориальное деление и управление	165
5.5.2.1. От провозглашения независимости до китайской оккупации.....	165
5.5.2.2. От китайской оккупации до прихода к власти МНП	178
5.5.3. Экономика, оборона, образование, культура	182
5.6. Антифеодальные движения.....	196
Глава 6. Теократия на других территориях, населенных монголами	204
6.1. Деятельность Дамбиджанцана.....	206
6.2. Панмонгольское движение	210
6.3. Балагатское движение.....	216

Часть III. Ликвидация теократии

Глава 7. Становление революционной власти.....	220
7.1. Образование подпольных кружков монголов в Нийслэл-хурэ и их переход под влияние большевиков	220
7.2. Образование Монгольской народной партии, временного народного правительства и приход их к власти.....	226
7.3. Ограниченная теократическая монархия (1921–1924 гг.).....	237
Глава 8. Демонтаж буддийских церковных структур (1924–1939 гг.)	258
8.1. Первые годы республики	258
8.2. «Правый уклон»	271
8.3. «Левый уклон»	277
8.4. «Новый курс»	306
Глава 9. Попытки сохранения теократии	366
9.1. Попытки восстановления абсолютной монархии.....	366
9.2. Поиски перерождения Богдо-гэгэна VIII, других хутухт и хубилганов	371
9.3. Заговоры и восстания после 1924 г.....	390
Заключение	430
Источники.....	443
Архивы и музеи	443
Газеты	444
Литература.....	446
На русском языке.....	446
На монгольском языке	460
На западноевропейских языках	469
На китайском языке.....	474
На других языках.....	476
Именной указатель	477
English summary	490

Ц. Дондогдулам
(Батсайхан, 2011, с. 337).

Чойжин-лама Г. Лувсанхайдав
(Архив РГО, ф. 18, оп. 7, № 250).

Белый дворец Богдо-гэгэна VIII, разрушенный красными в 1930-х гг. (РГАКФД, 3-4837).

Дэчин-галбайн-сумэ – Желтый дворец Богдо-гэгэна VIII, разрушенный красными в 1930-х гг. (Батсайхан, 2011).

Сайн-нойон хан Намнансурэн в Петербурге, 1913–1914 г.

Да-лама Цэрэнчимэд (Батсайхан, 2011).

Чин-ван Ханддорж
(Батсайхан, 2011).

Бэйсэ Гомбосурэн
(Батсайхан, 2011).

Тушэ-гун Чагдаржав
(Батсайхан, 2011).

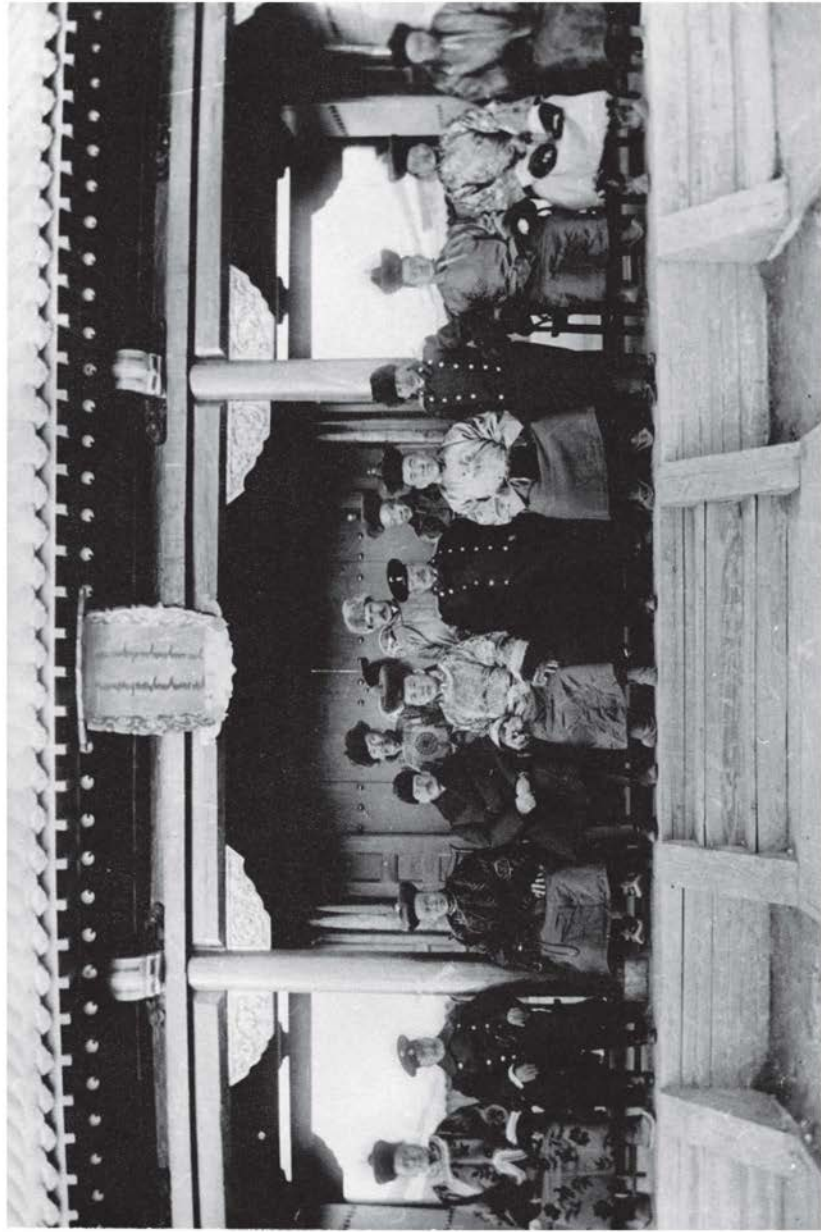
Джун-ван Намсрай (Батсайхан, 2011).

Да-лама Пунцагдорж (Батсайхан, 2011).

Эрдэнэ-шанцзотба Бадамдорж
(Батсайхан, 2011).

Представители Монголии и России на подписании соглашения 1912 г.

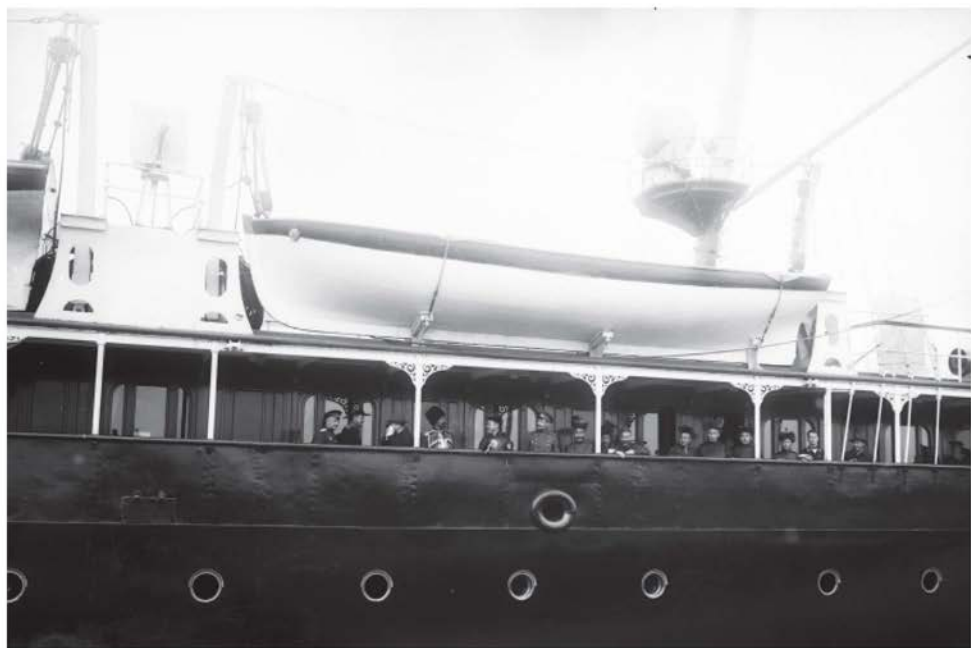
Слева направо: первый ряд – Намсрай-ван (министр юстиции), Н.К. Эльтеков (дипломатический чиновник), да-лама Цэрэнчимэд (министр внутренних дел), И.Я. Коростовец (российский посланник), Сайн-нойон-хан Намнансурэн (премьер-министр), консул Люба, чин-ван Ханддорж (министр иностранных дел), Г.К. Попов (секретарь российского консульства), Эрдэнэ-Далай-ван Гомбосурэн (военный министр), Гушэту-чин-ван Чагдаржав (министр финансов), Сусэвтэй (начальник таможи); второй ряд: Цыремпилов, Ф.С. Москвитин (пе-реводчики российского консульства), Цэрэндорж (делопроизводитель).

Российское консульство в Урге, вторая половина XIX в.

Монгольская делегация на приеме в С.-Петербурге в 1913 г. М. Ханддорж, Б. Ширэндамдин и Б. Цэрэндорж встречаются с министром обороны России С. Сухомлиновым.

Монгольская делегация на палубе императорской яхты в Ливадии, 1913 г.
(РГАКФД, 5-1838).

Военная школа в Нийслэл-хурэ с русскими инструкторами (второй слева в первом ряду – Д. Сухэ-Батор) (ТХА).

Харчин-гун Шударга-Батор Бавужав.

Тогтохо-гун (слева) и Баяр-тайджи (справа) (Искры, № 3, 1913, с. 22; Козлов, 2004, с. 91).

Дзасакту-ван Удай (МТМ).

Хайсан-гун (УТА: КГДТ).

Егузэр-хутухта Дж. Галсандаш
(МБШТ).

Манлай-Багор Дамдинсурэн.

Джалханцза хутухта С. Дамдинбазар (МБШТ).

Саньдо (МТМ).

Сюй Шучжэн с монгольскими нойонами после упразднения автономии. 1920 г.

Нойоны и ламы в Пекине в 1920 г. после аннулирования автономии Внешней Монголии Сюй Шучжэном (ТХА). Подписи: “Китайский сайд Чэнь И, Харчин-ван Гунсэнноров, да-лама дэрбэтов Цултэм, Эрдэнэ-жонон-ван Ширнэндамдин, ван Пунцаг-Равдан, Джалханца-хутухта Дамдинбазар, Сэцэн-хан Навааннэрэн, Дархан-ван Пунцагцэрэн, чин-ван ... Дашдэндэв, Дилова-хутухта Джамсранжав, Сэцэн-чин-ван Наянту”.

Некоторые монгольские хутухты, имевшие печать.

Р.Ф. фон Унгерн-Штернберг
(ЦМВС, фотофонд, 3/ЗБ981).

Дилова-хутухта (МТМ).

Манджушри-хутухта С. Цэрэндорж (МБШТ).
Слева — до ареста, справа — после ареста красными.

Зая-пандита-хутухта VI Лувсантувдэнчойджинням (Джамбацэрэн).
Слева — до ареста, справа — после ареста красными (ТХА).

Дарав-пандита Агванчойнжордондув
(МБШТ).

Эрдэнэ-пандита-хутухта VII Цэрэндорж Г.
с женой (УТХ).

Цэцэн-хан Наваннэрэн (МТМ).

Самба Ринпоче (монголизир.: Сэмва Ринбуучи), тибетский донир в Урге, 1922 г. (МБШТ).

Кяхтинский Маймачен (из частных архивов М. Franck Femenias (Toulon) et Mme Nicole Leonardo (Nice) (внук старшего сына Василия и внучка дочери Лидии Николая Токмакова и Марии Швецовой. Получено от М. Макарова).

Два не определенных человека, Э.-Д. Ринчино, Хатан-Батор Максаржав,
Д. Нацагдорж, Х. Чойбалсан (УТХ).

Монгольские и советские революционеры.

Слева направо, верхний ряд: Тогтохо, Шейкин, Ринчино, Данзан, Сухэ-Батор, Япон-Данзан,
Шумяцкий, неизвестное лицо, Бодо, неизвестное лицо, Цэдэн-Иши, нижний ряд: Доржпалам,
Бавасан, Гурсэд, Бат-Очир, Джадамба, Балдандорж, Бальков.

Л.М. Карахан и А. Амар (ТХА).

Советско-монгольское посольство в Тибет под видом паломников. Улан-Батор, 1927 г. Сидят (слева направо): А.Я. Климов, Л. Гомбо-Идшин, Б.Н. Мельников, А.Ч. Чапчаев. Стоит охрана (ГМСИР).

Участники “заговора Эргэлэндагвы” (УТХ).

- 1 — Эргэлэндагва; 2 — Наванжамба; 3 — Чойджинням; 4 — Мамбалар; 5 — Чадрабал; 6 — Цамлин; 7 — Егүзэр-хутухта; 8 — Мандржуш-ри-хутухта; 9 — Дилова-хутухта; 10 — Лувсан; 11 — Дандар; 12 — Долгор; 13 — Наранжав; 14 — Наван; 15 — Дашдэндэв; 16 — Тудэв; 17 — Шаравжамц; 18 — Дэмбрэл; 19 — Джимэл; 20 — Лувсансэрэн; 21 — Дамлин; 22 — Джаншан; 23 — Янжин; 24 — Гомбо; 25 — Ловон; 26 — Буянт; 27 — Цэрэнвандуй; 28 — Ёндон; 29 — Буд; 30 — Донайжав; 31 — Нямжав; 32 — Бувэй; 33 — Чойзин; 34 — Цэнд-борной; 35 — Уртнасан; 36 — Цогбадрах; 37 — Дашдондог; 38 — Аюуш.

Конфискация имущества феодалов, 1920-е гг. (МТМ).

К.К. Баторун (Музей истории Бурятии, № 10336, 8 ед. хр., 1925–1937).

Руководитель восстания 1932 г. Ч. Самбу-дучин (МТМ, МБШТ).

Руководители восстания 1932 г. на суде, слева направо первые двое:
Б. Тугж и Вандансурэн (МТМ).

Руководители восстания 1932 г. на суде, слева направо: С. Буриад, Б. Жамсрандорж,
Б. Аюурзана, Т. Самдан (“Бор гэгээн”), Б. Тугж (УТХ).

Заседание реввоенсовета в сентябре 1932 г. по подавлению восстания в Монголии. С докладом выступает Д. Улзийбат; слева направо: 1-й ряд — Г. Дамба, М. Бэх-Очир, Ж. Галдан, Ж. Дэндэв (гос. военный прокурор), Ж. Гэндэнжамц (начальник разведупра Главного штаба), У. Пунцаг, Г. Дэמיד, Т. Дашзэвэг, Я.К. Шeko, Б. Чойжинжав, М. Гомбо, Л. Шарху; 2-й ряд: справа — Панюков (старший инструктор Главного штаба), выглядывает Д. Лосол (фото из собрания Р. Баяра).

Колонна демонстрантов в Улан-Баторе на праздновании 25-летия республики (РГАКФД, 0221515).

Арестованные ламы (УТХ).

Суд над ламами монастыря Егузэр-хийд (МБШТ).

Суд над “контрреволюционным центром” (МБШТ).

Ёнзон-хамбо Ц. Лувсанхаймчиг (ТХА).

Дэд-хамбо Б. Дамдин и ёнзон-хамбо Ц. Лувсанхаймчиг под судом над “контрреволюционным центром” (МБШТ).

Цирк на месте храма Эхэ-дагины Ц. Дондогулам.

Старые архивы подлежащие разборке.

Советские летчики перед возвращением домой после боев при Халхин-голе. Сидит Г.П. Кравченко, стоят: 1 — Коробков, 4 — С.И. Грицевец, 5 — Смирнов, 1939 г. Сфотографированы с одним из подарков от правительства (сведения от Р. Баяра).

Разрушения монастыря Эрдэнэ-Дзу в 1930-е гг.

Махакала Гомбо-Гур — главный защитник школы Сакья.
Скульптура XVI в. в монастыре Эрдэнэ-Дзу (фото: С.Л. Кузьмин).

Монастырь Эрдэнэ-Дзу (фото: С.Л. Кузьмин).

Далай-лама V Нгаванг Лобсанг
Гьяцо (в центре).

Сверху слева и справа — Лобсанг Драгпа (Цонкапа) и его ученик Гедун Дуп (ретроспективно — Далай-лама I, имевший историческую связь с Сакья); снизу: более ранние учителя — Накцо Лоцава и Домтон Гьялвэ Джунгнэ; в центре внизу — Далай-лама VII Кэлсанг Гьяцо, глава Тибетского государства и выдающийся религиозный деятель. Тханка в монастыре Сакья Дзабсанг Чойкорлинг, тибетское селение Бир, район Кангра, штат Химачал-Прадеш, Индия (фото: С.Л. Кузьмин).

Богдо-гэгэн Джебцундамба-хутухта I Дзанабалзар. Дворец-музей Богдо-гэгэна, Улан-Батор (фото: С.Л. Кузьмин).

Храмы и монастыри Хутухты. Акварель А. Мартынова, начало XIX в. (Heissig, 1971 — из кн.: Ломакина, 2006).

Далай-лама XIII Тубтен Гьяцо. Эмалевая икона с портрета, написанного Н.Я. Кожевниковым в Их-хурэ и июне 1905 г. (фото: С.Л. Кузьмин).

1

2

Богдо-гэгэн Джебцзундамба-хутухта VIII.

1 — фото в тронном одеянии; 2 — иконографическое изображение с фотографией (фото: С.Л. Кузьмин).

Корона и дээл Богдо-гэгэна VIII. Дворец-музей Богдо-гэгэна VIII (фото: С.Л. Кузьмин).

Печать Богдо-гэгэна VIII (Батсайхан, 2011, с. 214).

Трон Богдо-гэгэна VIII. Дворец-музей Богдо-гэгэна VIII (фото: С.Л. Кузьмин).

Зимний дворец Богдо-гэгэна VIII.
Рисунок начала XX в. Дворец-музей Богдо-гэгэна VIII (фото: С.Л. Кузьмин).

Зимний дворец Богдо-гэгэна VIII. 2011 г. (фото: С.Л. Кузьмин).

Летний дворец Богдо-гэгэна VIII. 2013 г. (фото: С.Л. Кузьмин).

Флаг независимой Монголии, 1912 г.
Уменьшенная копия (90 × 90 см)
государственного знамени, кото-
рую использовали пограничники в
Цэцэнханском аймаке (Монголын
үндэсний музей, 2009).

Грамота от четырех аймаков Халхи Богдо-гэгэ-
ну VIII при подношении ему Даншига в 1911 г.
Выставка во дворце Богдо-гэгэна, 2011 г. (фото:
С.Л. Кузьмин).

Знамя офицера монгольского пе-
редового отряда (МТМ).

Сайн-нойон хан Т. Намнансурэн.
Портрет в эмали по металлу
(фото: С.Л. Кузьмин).

Хатан-Батор Максаржав
(Музей г. Булган).

Дэчин-галабын-сумэ. Разрушен красными (снимки из фотоколлекции А. Кана, посвященные Монголии, которую фотограф С. Пассе посетил в 1913 г. <http://bigpicture.ru/?p=285151>).

Майдарын-дуган. Разрушен красными (снимки из фотоколлекции А. Кана, посвященные Монголии, которую фотограф С. Пассе посетил в 1913 г. <http://bigpicture.ru/?p=285151>).

Монастырь Гандантэгченлин, Нийслэл-хурэ. Дореволюционный снимок.

Дом где заседал тайный кружок революционеров “Консульский холм” с Д. Сухэ-Батором. Улан-Батор, 2013 г. (фото: С.Л. Кузьмин).

Знамя Ч. Самбу-дувчина, 1932 г. (МТМ).

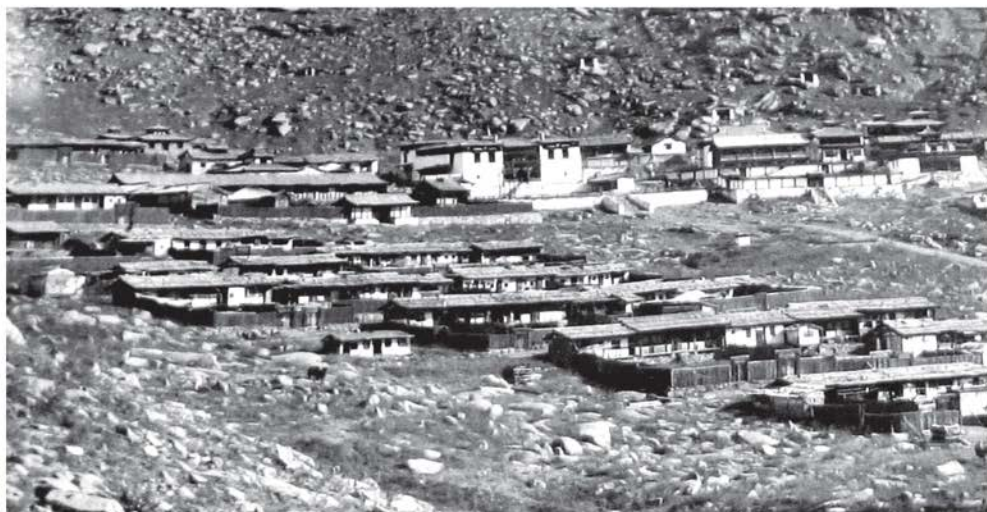
Сломанная статуэтка из монастыря Амарбаясгалант. Предполагается, что она была сбита и расплющена молотом в период репрессий. Выставка “Репрессированный буддизм”, май 2013 г., г. Москва (фото: С.Л. Кузьмин).

Х. Чойбалсан и И.В. Сталин (художник Ядамурэн, 1951 г.).

Дворец Х. Чойбалсана в Улан-Баторе (фото: С.Л. Кузьмин).

Монастырь Манджушри-хийд.
Вверху — до разрушения; внизу — в 2008 г. (фото: С.Л. Кузьмин).

Монастырь Чойрын-хурэ.
Вверху — до разрушения в 1938 г. (<http://www.budda.mn/news/1296.html>);
внизу — в 2011 г. (фото: С.Л. Кузьмин).

Монастырь Дамбадаржа-хийд.

Вверху — до разрушения; внизу — в 2013 г.: в центре развалины больницы на месте снесенных двух центральных храмов (фото: С.Л. Кузьмин).

Монастырь Чойджин-ламын-сумэ.

Вверху — разрушения в 1930-х гг.; внизу — вид монастыря, превращенного в музей, 2010 г. (фото: С.Л. Кузьмин).

Результаты раскопок на месте массовых казней лам в Хамбын-обо, Улан-Батор (УТХ).

Монастырь Цаган-Толгойн-хийд на юге Монголии, 2000-е гг. (фото: С. Аверьянов).

Монастырь Улгий-хийд на юге Монголии, 2000-е гг. (фото: С. Аверьянов).

Цогчин-дуган монастыря Унстийн-хийд, 2009 г. Взят под охрану государства в 1994 г. (фото: Ю.И. Дробышев).

Монастырь Тулын-гуний-хурэ в центральной Монголии, в котором до разрушения было 74 здания, 2012 г. (фото: С.Л. Кузьмин).

Монастырь Нинджолби-хийд в Селенгинском аймаке, 1983 г. (фото: С.Л. Кузьмин).

Здание ЦК МНРП – МНП.

Вверху — после сожжения демонстрантами в 2008 г.; внизу — после восстановления как “Дворец независимости” в 2011 г. (фото: С.Л. Кузьмин).

СФЕРА ЕВРАЗИИ

Книга посвящена истории теократической государственности в Монголии XX в. от ее основания до ликвидации буддийской церкви там в конце 1930-х гг. Обсуждаются предпосылки и формирование теократии, проблема влияния на это мироустроительных моделей империй Юань, Цин и Китая, роль буддизма и монгольской традиции власти великих ханов в легитимации правления империи Цин Монголией, причины успешного распространения буддизма школы Гэлуг в Монголии и формирование теократических структур. Провозглашение независимости Монголии в 1911 г. было вызвано угрозой ее китаизации вследствие “новой политики” руководства империи Цин. Обсуждаются причины того, почему Внешняя Монголия стала центром государственного строительства монголов в начале XX в. Возведение главы буддийской церкви Внешней Монголии — Богдо-гэгэна VIII великим ханом обсуждается в контексте эволюции традиции преемственности великоханской власти. Описываются политика, административно-территориальная структура, сословное деление, власть, законодательство, экономика, вооруженные силы теократической Монголии, изменения статуса и границ страны, приход к власти Монгольской народной партии, ее меры по ликвидации теократии и церкви, роль в этом Коминтерна и большевистского руководства, движения за сохранение теократии и религии в Монголии, и судебные процессы против лам.

Книга предназначена для историков, политологов, востоковедов, религиоведов, этнографов, студентов вузов и всех, кто интересуется историей Центральной Азии.

С.Л. Кузьмин
Теократическая государственность и
буддийская церковь Монголии